

Russian Academy of Sciences
Department of Historical and Philological Studies
Scientific Council for the Problems of Agrarian History of Eastern Europe
Bashkir State University

**The Agrarian History
of Eastern Europe
Yearbook
2016**

Agrarian Development and Demographic Processes in Russia,
X–XXI centuries

Moscow – Ufa
2016

Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук
Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы
Башкирский государственный университет

**Ежегодник
по аграрной истории
Восточной Европы
2016 год**

**АГРАРНОЕ ОСВОЕНИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ В РОССИИ X–XXI вв.**

Москва – Уфа
2016

ББК 63.3

Е-36

«Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы» – издание
Научного совета по проблемам аграрной истории Восточной Европы
при Отделении историко-филологических наук РАН

Издание основано в 1959 г. и восстановлено под прежним названием в 2012 г.

Редакционная коллегия

Е.Н. Швейковская (ответственный редактор), В.А. Ильиных, М.Д. Карпачев,
А.И. Комиссаренко, В.Н. Никулин, В.Д. Назаров, Н.В. Соколова, Д.А. Хитров

Издание осуществляется при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-01-14032г

Е-36   **Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016 год:** Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. / Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы при ОИФН РАН; Отв. ред. Е.Н. Швейковская. – М., Уфа, 2016. – 523 с.

ISSN: 2305-5057

ISBN 978-5-85247-898-6

Очередной том «Ежегодника по аграрной истории Восточной Европы» содержит статьи, посвященные актуальной проблеме «Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв.». Она раскрывается с широким привлечением новых источников по всем периодам аграрной истории России. Преимущественный акцент сделан на аналитику региональной специфики, региональных особенностей, общероссийских тенденций в различных частях страны.

ISSN: 2305-5057

ISBN 978-5-85247-898-6

© Коллектив авторов, 2016

Предисловие

В очередном томе Ежегодника по аграрной истории Восточной Европы публикуются материалы XXXV сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории Восточной Европы. Она состоялась 19-24 сентября 2016 г. в Уфе. Организатором Симпозиума традиционно выступил Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы при Отделении историко-филологических наук РАН. Сессия прошла на базе и при участии Башкирского государственного университета, при поддержке РГНФ и организационном содействии Правительства Республики Башкортостан. В качестве главной обсуждалась проблема «Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв.». В работе участвовало свыше восьмидесяти ученых из научных учреждений Российской академии наук и высших учебных заведений России – от Калининграда и Санкт-Петербурга на западе до Новосибирска на востоке, от Вологды на севере и Екатеринбурга на северо-востоке до Краснодара на юге. Активное участие в работе сессии приняли ученые Республики Башкортостан. Всего было заслушано и обсуждено около 80 докладов и сообщений. XXXV сессия Симпозиума ярко показала, что исследования по аграрной истории активно развиваются как в столичных, так и в региональных научных центрах, представила объективный срез состояния отечественной аграрной историографии. Работа ученых шла в трех хронологических секциях, где прозвучало более 75 выступлений. Все они в рамках тематики каждой из секций соответствовали общей программе сессии Симпозиума и прошли в обстановке оживленных творческих дискуссий.

Для современного уровня исследований по аграрной истории характерна объемная и, что особенно показательно, систематическая работа по изучению массовых источников (в первую очередь, архивных), по реконструкции на их основе сложных и противоречивых экономических и социальных процессов. На сессии были представлены как работы, основанные на анализе давно введенных в научный оборот документальных комплексов, таких как писцовые книги, материалы ревизий, материалы земской статистики и советских сельскохозяйственных переписей, так и исследования, выполненные с привлечением впервые вводимых в научный оборот данных.

Сама логика накопления знаний предполагает на нынешнем этапе преимущественный акцент на аналитику региональной специфики, регио-

нальных особенностей, общероссийских тенденций в различных частях страны. Особое внимание на уфимской сессии было уделено Юго-Востоку Европейской России. Сессия показала, что современная наука на новом витке развития возвращается к традициям изучения региональной аграрной истории, заложенным еще отечественными учеными последней трети XIX – первой трети XX в. Поэтому логично, что на пленарном и секционных заседаниях были представлены доклады о творчестве историков, внесших заметный вклад в развитие данной области знаний. Столь же показательны дискуссионные доклады по активно обсуждавшимся последние 20–30 лет в отечественной и мировой историографии спорным проблемам.

Большое внимание было уделено методам исследования массовых источников: особенностям дипломатического и документоведческого их изучения, их источниковедению в целом, специфике использования новых методов, таких как ГИС-картография.

Редколлегия

Проблемы сельского расселения и аграрной истории в трудах академика М.К. Любавского (к историографии вопроса)

В статье рассматривается судьба научного наследия академика М.К. Любавского, ректора Московского университета (1911–1917), его вклад в изучение истории сельского расселения и сельскохозяйственного освоения с древнейших времен до начала XX в.

Ключевые слова: М.К. Любавский, расселение русских, аграрное освоение территорий, колонизация.

Ровно 20 лет назад Санкт-Петербургскими историками в издательстве МГУ был опубликован итоговый фундаментальный труд бывшего ректора Императорского Московского университета (1911–1917 гг.), академика Матвея Кузьмича Любавского «Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до начала XX века» (Изд-во МГУ, 1996, 688 с.). Выдающийся историк завершил его на уфимской земле, где в сталинской ссылке кончились его дни и где память о нем бережно сохраняется.

До этого почти семь десятилетий его труды отсутствовали в отечественной науке. Это длительное замалчивание до сих пор выглядит загадочно. Осужденный по «Академическому делу» ученый был в 1967 г. полностью реабилитирован, а затем восстановлен в звании действительного члена АН СССР, с чем Президент Академии М.В. Келдыш лично поздравил его дочь, известного русского художника Веру Матвеевну Ливанову. При этом он специально отметил: «Сохранение творческого наследия Вашего отца... имеет серьезное значение для дальнейшего глубокого изучения проблем истории России».

Однако эти принципиальные сдвиги и заявления не привели к каким-либо изменениям, касающимся введения в научный оборот наследия ученого. Лишь несколько исследователей пытались раскрыть и оценить его вклад в российскую историческую науку. Следует подчеркнуть, что большой вклад в изучение творчества М.К. Любавского внес Д.В. Карев, начавший свои исследования в 1970-е гг. прошлого века. Комплекс трудов М.К. Любавского, посвященных Башкирии, охарактеризовал в начале 1970-х гг. В.С. Тольц.

Прошло 30 лет, пока группа ученых, не связанная ни с АН СССР, ни с МГУ, взяла на себя труд издания выполненного М.К. Любавским обобщающего исследования русского расселения. Эта работа, связанная с расшифровкой

---

¹ Дегтярёв Александр Якимович, доктор исторических наук, советник Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, AYDegtyarev@senat.gov.ru, Россия, г. Москва.

страниц рукописи, часто исполненных на оборотах полуистлевших накладных «Башгужтранса», редактированием, составлением огромных по объему указателей и удручающим в первой половине 1990-х своей безнадежностью поиском средств на типографию заняла шесть лет.

Труд М.К. Любавского носит выраженный итоговый характер. Им был исследован и, собственно, подведен итог многовекового пространственного расширения Российского государства, которое затем вошло в охватившую весь XX век стадию сокращения своей территории.

Ученый выполнил задачу исключительной трудности – обобщить все, что имеет первостепенную важность в изучении истории любого народа – истории его пребывания на земле и движения по ее пространствам. Можно уверенно сказать, что им изучалась главная составляющая отечественной истории. Такое утверждение практически бесспорно, поскольку расселение является универсальной формой бытия людских сообществ. Вне этой формы невозможно говорить о человеческом обществе как таковом.

В средние века расселение не мыслилось без аграрного освоения территорий. С этой точки зрения скрупулезно изученная М.К. Любавским история заселения пространств будущей империи является одновременно и историей их аграрного освоения. Сведения об этом обильно рассыпаны в его труде в качестве объемных и малых примеров. Главная роль в освоении земель, как неоднократно утверждал ученый, «принадлежала все-таки крестьянину-земледельцу и мелкому служилому человеку».

«Обзор...» по сравнению с предыдущими трудами исследователя по этой тематике был кардинально расширен. В нем появилось больше 10 новых глав, охвачены все районы государства, а хронологические границы раздвинуты от эпохи скифов до рубежа XX в.

Появилась в труде большая глава, посвященная ставшей родной для историка Башкирии. История башкир прослеживается, начиная с первых веков нашей эры. Анализируются особенности аграрных отношений в башкирском обществе, история взаимодействия с появившимся русским населением, строительство укрепленных линий в Приуралье, история Оренбургского казачьего войска.

Следует отметить, что исследования по истории Башкирии, выполненные М.К. Любавским, пока еще не опубликованы и остаются «вещью в себе». Назовем эти монографии ученого: «Очерки по истории башкирского землевладения и землепользования в XVII, XVIII и XIX вв.», «Вотчинники башкиры и их припущенники в XVII–XVIII вв.», «Русская помещицья и заводская колонизация Башкирии в XVII, XVIII и первой четверти XIX вв.». Будем надеяться, что эти работы ученого рано или поздно увидят свет.

Сегодня тот, кто наберет в интернете имя М.К. Любавского, обнаружит тысячи ссылок на сайты, связанные с его именем. Уже мало, кто верит, что этому предшествовало забвение, растянувшееся на многие десятилетия. За двадцать лет возвращены в науку и неоднократно переизданы многие его труды. Появились аудио- интернет- и DVD-издания, многочисленные рецензии. Явленный кругу профессионалов фундаментальный труд М.К. Любавского серьезно активизировал исследования проблем расселения, исторической демографии, аграрной истории во многих университетских и академических центрах. В Уфе, Санкт-Петербурге и Москве прошли за эти годы конференции, специально посвященные творчеству ученого. Защищены несколько диссертаций (В.Н. Фешкин, Ю.Н. Ермолаев), появилось множество работ, развивающих идеи М.К. Любавского.

Справедливость, в конце концов, восторжествовала, в очередной раз убедив всех, что рукописи действительно не горят. Уже и родной Московский университет, который он тащил на своих профессорских плечах через Первую мировую войну, стал относиться к нему лучше, чем прежде. Может, наконец, и какую-нибудь безымянную пока улицу (уникальный шанс, ничего не надо переименовывать!) в огромном новом комплексе МГУ назовут именем опального ректора, который утверждал в трудные для университета времена: «Надо употребить все усилия, чтобы отстоять, во что бы то ни стало, нашу alma mater, спасти все, что только можно».

Литература

Любавский М.К. Очерк истории русской колонизации с древнейших времен и до начала XX века. М.: Изд. МГУ, 1996.

Белозерские слободы XIV–XV вв.²

В статье анализируется расположение и время появления слобод на Белоозере.

Ключевые слова: землевладение, освоение, колонизация, Белозерье.

Процесс формирования структуры расселения на Белоозере протекал неравномерно как в пространственном, так и во временном измерении. Связано это было с влиянием разнообразных факторов климатического, экономического, политического и социального плана. На примере применения практики обустройства слобод можно проследить активную роль княжеской власти в сельскохозяйственном освоении региона³.

В источниках XIV–XVI вв. в Белозерье упоминается полтора десятка слобод [5]. Дополняют эту картину слободы, известные по документам XVII в. Благодаря систематизации этих сведений видно, что они разделяются на три группы. К первой можно отнести слободы, располагавшиеся на удалении от границ княжества. Ко второй группе относятся слободы, находившиеся непосредственно на границе, а к третьей – занимающие промежуточное положение, т.е. расположенные на некотором удалении от границы.

В первую группу входят слободы во владениях рода Лихаревых (Романова, Васильева, Остафьевская, Угримова, Долгая), Фетиньиная, Микитина, слобода на Конечном лесу, слобода Михаила Гневаша, Шелшедам и слобода Крохино. Ко второй группе относятся слобода княгини Федосьи, Рукина, слобода во владениях князей Кемских, слобода в районе Домшино. К третьей группе можно отнести слободы Улому и Жалобинскую и Кештому.

Возможно выделение слобод и на основе принципа топонимической «продуктивности». Большинство слобод сохранили в своем названии элемент «слобода/слободка» и после завершения действия слободской грамоты. Именно поэтому их довольно легко локализовать. Это же свидетельствует и об успешности предприятия по их обустройству. К этой категории относятся слободы Рукина, Романова, Васильева, Фетиньиная, Черная (на Кеме). Однако, ряд слобод упоминаются в источниках только один-два раза. Это может быть связано как с фрагментарностью сохранившихся источников, так и с относительно малым масштабом этих слобод.

При сопоставлении карты археологических памятников древнерусского времени и карты слобод выясняется, что на территории некоторых слобод

¹ Грязнов Анатолий Леонидович, НП «НИЦ «Древности», rubicon-2@yandex.ru, Россия, г. Вологда.

² Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-11-35002.

³ О слободском феномене на более широком материале см.: [9].

не обнаружено памятников древнерусского времени [5, с. 22]. Следовательно, сельскохозяйственное освоение этих территорий связано именно с обустройством слобод. Сузается и датировка их возникновения – они появились не ранее XIV в. Кроме того, расположение слобод более отчетливо маркирует районы, в которых границы княжества могли быть не очень четкими или даже подвижными.

Как отметил Н.А. Макаров, для первоначального славянского заселения Белозерья было характерно фактически единовременное создание каркаса территориально-политической системы [8, с. 47]. Наиболее плотным в Белозерье было население в районе торговых путей и волоков. Причем волоки имели стратегическое значение в политической и в экономической сфере, а часть слобод сконцентрирована именно вблизи двух важнейших – Бадожского и Славенского. Слобода на Кеме располагалась севернее Бадожского волока, а слободы Пондола и Пустая – южнее. К району Славенского волока относились слободы Рукина, Улома и Жалобина. Таким образом, эти слободы должны были закрепить за белозерскими князьями территории, охватывавшие волоки с флангов, и, вероятнее всего, таким образом защитить волоки, выдвинутые вглубь территории других княжеств.

Непосредственно с сельскохозяйственным освоением центрального Белозерья связано появление слобод во владениях Лихаревых [7, с. 124, 176–177]. Причем, это один из немногих примеров слобод на частновладельческих землях, поскольку, судя по всему, одним из условий выдачи слободских грамот было обязательство слободчика не обояривать слободские земли. Здесь же мы видим не единичный случай частновладельческой слободы, а целый комплекс. С именем Романа Ивановича связаны Романова, Васильева и Остафьевская слободки, а с Лихаревыми второй половины XV в. – Долгая и Угримова. В житии Кирилла Белозерского говорится, что Роман Иванович хотел подарить монастырю свое село, однако Кирилл отказался от этого вклада. Тем не менее, позднее, уже после смерти преподобного, село перешло монастырю⁴. С этим вкладом связывается Романова Слободка, причем в середине XV в. монастырские власти «обыскали... старые рубежи, как было при Романе Ивановиче»⁵. Рядом находилась Васильева Слободка, которая также первоначально принадлежала Роману Ивановичу⁶.

Немного южнее этого владельческого комплекса располагалась Остафьевская Слободка, подаренная Симонову монастырю тем же Романом Ивановичем. Между Васильевской и Остафьевской слободками располагалась Долгая Слободка, а севернее – Угримова. Появление здесь основного

⁴ Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартириан Белозерские. СПб., 1994. С. 112–114.

⁵ АСЭИ. Т. II. № 152.

⁶ Там же. № 221.

массива слобод можно отнести к первым двум десятилетиям XV в., однако, Угрим Лихарев (с именем которого связывается появление Угримовой слободки) жил на рубеже XV–XVI вв., а в грамоте конца XV в. упоминается слободка его отца Никифора⁷. Значит, слободские льготы распространялись на владения Лихаревых почти целое столетие (причем, владения Лихаревых Арбуи и Ярогомж, расположенные западнее, слободского статуса уже не имели). С чем же может быть связан такой длительный срок слободского статуса и распространение его на частновладельческие земли? Вероятно, эта ситуация явилась следствием непростой владельческой ситуации в среднем течении Шексны.

В двух вариантах духовной Василия I имеется указание на примысел великого князя – «на Белоозере слободка, што была князя Василева Семеновича»⁸. Ее название и местоположение не конкретизируются, но указывается, что эта слобода должна перейти во владение Софьи Витовтовны. По актам прослеживается владения великой княгини на вологодско-белозерском рубеже – в районе Сизьмы [6, с. 187–188]. Однако, судя по всему, эти земли относились к волости Тошня и в состав Белозерья не входили. Идентифицировать слободу князя Василия Семеновича помогает духовная самой Софьи Витовтовны (1451 г.). В ней одним из завещательных распоряжений великой княгини была передача Василию II «за Волгою на Шекстне... свои волости Оусть-Оуглу да стан Веретеику с всеми деревнями, и с езы своими со всеми, и со всею рыбною ловлею, и со всеми уходы, и с пошлинами с всеми, и с судом...»⁹. В свою очередь, в 1461 г. Усть-Углу Василий II передал своей жене Марии Ярославне¹⁰. Судя по всему, слободка князя Василия Семеновича тождественна волости Усть-Угла, о значении которой для Белозерья красноречиво говорит Белозерская уставная грамота. По ней торговля иногородним купцам была разрешена только в городе Белоозере и на Угле¹¹.

Описание езовой Усть-Угольской волости¹² позволяет выяснить, что ее поселения располагались не только в устье Углы, но и на противоположном берегу Шексны, т.е. территория Усть-Углы охватывала оба берега Шексны. Причем на одном из участков Усть-Угола смыкалась с землями волости Малая Веретейка, которую можно отождествить со станом Веретейка духовной Софьи Витовтовны. В одной из грамот великой княгини Марии на-

⁷ Там же. № 281.

⁸ ДДГ. № 21, 22.

⁹ Там же. № 57.

¹⁰ Там же. № 61.

¹¹ АСЭИ. Т. III. № 22.

¹² Писцовая книга езовых дворцовых волостей и государевых оброчных угодий Белозерского уезда 1585 года. М.; Л., 1984. С. 38–51.

званы ее крестьяне веретейцы¹³. Таким образом, в руках великокняжеской семьи (последовательно Василия I, Софьи Витовтовны, Василия II, Марии Ярославны, Ивана III)¹⁴ находилось две волости, располагавшиеся непосредственно по обоим берегам Шексны. Великокняжеская семья обладала здесь правом суда и дани, территория управлялась приказчиком. По Езовой книге на их территории располагалось пять езов. Но, важнее, как кажется, не экономическая составляющая обладания этими волостями. Земли Усть-Углы на правом берегу Шексны выходили к Долгой и Остафьевской слободкам. Поскольку, судя по всему, сельскохозяйственное освоение их территорий началось только в начале XV в., то, фактически, в обустройстве слободок проявилось противостояние удельного князя великокняжеской экспансии на территории его удела. Видимо, чтобы остановить расширение владений великого князя на юг и юго-запад, удельным белозерским князьям на протяжении всего XV в. пришлось сохранять слободской статус довольно обширной территории в сердце княжества.

Примечательно, что даже после заключения между Иваном III и Михаилом Андреевичем соглашения о переходе Белоозера к великому князю после смерти удельного, в договор между ними включался пункт о запрещении великому князю покупать и держать села в вотчине удельного князя (1482 г.)¹⁵, что свидетельствует о важности данного вопроса. Однако, этот пункт обходился с помощью передачи таких владений вдовым великим княгиням.

О том, что район Углы был сферой пересечения интересов не только московских и белозерских князей свидетельствуют акты начала XV в. Сохранилась данная в Кириллов монастырь вдовы дмитровского землевладельца Александра Карповича пустошей на Угле и Островского еза, которая датируется 1428–1434 гг.¹⁶ Ранее этими пустошами владел князь Михаил Андожский, для которого эти земли не были родовой вотчиной и, следовательно, тоже были приобретением. Сами пустоши локализируются на правом берегу Углы, недалеко от ее впадения в Шексну. Таким образом, землями в этом районе в разное время владели князья Василий Семенович и Михаил Андожский, дмитровский боярин Александр Карпович и московские князья начиная с Василия I.

При игуменах Трифоне и Логине Кириллов монастырь получил льготные грамоты на три угольские пустоши от князей Ивана и Михаила Ан-

¹³ АСЭИ. Т. II. № 252.

¹⁴ В духовной Ивана III Усть-Угла названа в числе бывших владений великой княгини Софьи (ДДГ. № 89).

¹⁵ ДДГ. № 75.

¹⁶ АСЭИ. Т. II. № 55. Примерно в это же время брат Александра Карповича Петр владел вотчиной в соседнем Янгосаре [2].

дреевичей¹⁷. Следовательно, белозерские князья стремились сохранить свою юрисдикцию в этом районе. Но, в 1450-х гг. прямо на границе Углы по распоряжению великой княгини Марии Ярославны появляется еще одна слобода – Домшино¹⁸. Тем не менее, несмотря на то, что между Домшиным и Усть-Углой было всего 30 км, белозерскому князю удалось отстоять целостность своего княжества. Под контролем Михаила Андреевича осталась Угла¹⁹ (среднее и верхнее течение Углы), а во владении великокняжеской семьи Усть-Угла (нижнее течение Углы и оба берега Шексны). Тем самым, была сохранена целостность белозерско-вологодской границы, а Усть-Угла осталась анклавом среди владений белозерского князя.

Ситуация с Усть-Углой является наиболее ярким примером использования слобод в качестве инструмента экономического давления (как со стороны великокняжеской семьи, так и удельных князей). Она же, как представляется, дает объяснение появлению слобод с белозерской стороны в районе Волока Славенского. Попробуем определить время их появления. Слободка Улома указывается как вклад в Кириллов монастырь князя Андрея Дмитриевича. Для обоснования владения Рукиной Слободкой в 1492 г. кирилловские старцы предъявили жалованную грамоту князя Михаила Андреевича 1472 г., однако, она была кирилловским владением уже при игумене Трифоне²⁰. Слободка Жалобина упомянута в грамоте Михаила Андреевича и оставалась в числе княжеских владений до конца XV в.²¹

В грамоте Андрея Дмитриевича (до 1427 г.) на пожалование починков на Уломе указано, что их «разделали» Еска и Клим с товарищи²². Примечателен один из слободчиков – Клим. Вероятно, он тождественен волочанину Климу Жеребцову, продавшему Кириллу две пустоши и участвовавшему в нескольких сделках в качестве послуха. В одной из кирилловых грамот послухом назван Федюк Гаврилов сын Жалобина²³, с которым (или же его отцом) можно связать название слободы Жалобинской. Трижды в грамотах времен Кирилла послухом в сделках в районе Славенского волока был Иван Рука²⁴, который, вероятнее всего, стал основателем слободы Рукиной. Таким образом, предполагаемые основатели всех известных слобод в районе Славенского волока жили в 1420-е гг., а значит, основание этих слобод

¹⁷ АСЭИ. Т. II. № 66, 67.

¹⁸ Антонов А.В., Баранов К.В. Акты XV–XVI вв. из архивов русских монастырей и церквей // Русский дипломатарий. Вып. 3. М., 1998. С. 38.

¹⁹ АФЗХ. Ч. 1. № 289.

²⁰ АСЭИ. Т. II. № 69.

²¹ Там же. № 290. С. 216, 217.

²² Там же. № 46.

²³ Там же. № 36.

²⁴ Там же. № 33, 34, 41.

произошло в правление Андрея Дмитриевича, вероятнее всего, не ранее 1410-х гг.²⁵

Если хронологические выкладки о появлении слобод в районе волока Славенского верны, то значит, их обустройство началось в то время, когда соседними волостями уже владели братья Андрея Дмитриевича. Сямой – Петр Дмитровский, а Уфтьюгой – Василий I. Возможно, что толчком к этому стала или купля Василием I Уфтьюги (упомянута в этом качестве в двух его духовных), или внедрение дмитровских бояр в Углу и Янгосар.

Как бы ни характеризовали отношения между детьми Дмитрия Донского сведения об их своеобразном противостоянии в районе Углы и Волока Славенского, прямое отношение к Дмитриевичам имеют еще две белозерские слободы. В своей духовной Дмитрий Донской благословил Андрея Дмитриевича Белоозером «со всеми волостми... и с слободками, что были дети мои»²⁶. Поскольку Андрею в 1389 году было всего 7 лет, то очевидно, что под владельцами слобод на Белоозере подразумевались его старшие братья Василий и Юрий. Прямых указаний на то, что это были за слободы и где они располагались, ни духовная, ни другие источники не дают. Это не могла быть слобода в опричнине княгини Федосьи. Не были это и слободы в районе Славенского волока, появившиеся на два десятилетия позже. Вряд ли это были слободы во владениях Лихаревых и точно – не Усть-Угла. Очевидно, что к искомым слободам не относится слобода Митрополичья на Вожеге, слобода на Кеме и Крохино, получившее льготу в 1434/35 г. Остаются слободы Фетиньина, Микитина, Пондола, Тигина, Шелшедам и Кештома. Из перечисленных наиболее интересное расположение имеют две последние. Они удалены от границ княжества и явно при их обустройстве не ставилась цель укрепления границ Белозерья. Значит, цель – внутреннее освоение? Скорее всего, так и есть, но примечательно, что обе слободы расположены вблизи границ владений князей первой Белозерской династии. Кештома – прямо на границе с Белым Селом, а Шелшедам – на правом берегу Согожи, недалеко от Белого Села и Ухтомы. В 1380-е гг. Белым Селом, Ухтомой и рядом соседних волостей владел князь Василий Согорский. И, если Кештома и Шелшедам действительно появились в правление Дмитрия Донского, то вместе с великокняжеским селом Вольским они образовывали линию, перекрывавшую выход владений Василия Согорского к Шексне. Кроме того, стоит учитывать, что слободы оттягивали и часть населения из близлежащих княжеских вотчин, что в перспективе снижало как экономический потенциал служилых белозерских князей, так и их военную

²⁵ К такому выводу можно прийти, уточняя датировку ранних кирилловских грамот, которые в своей основной массе тяготеют к 1410–1420-м гг.

²⁶ ДДГ. № 12.

мощь. Следовательно, снижалась и вероятность разрыва ими вассальных отношений с князьями московских династий [об эволюции положения и статуса белозерских князей на протяжении XV в. см.: 4].

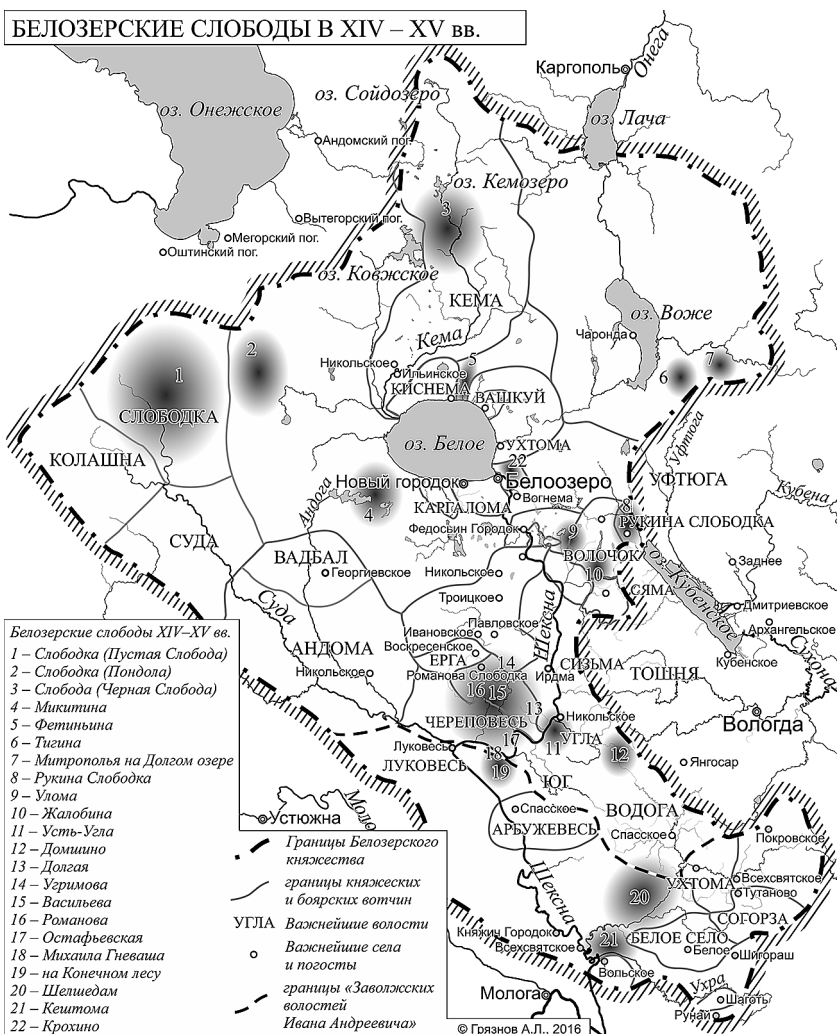
На стыке между Череповесью, Арбужевесью и Югом находился крупный массив неосвоенных территорий. Около 1511 г. белозерским писцом И.М. Заболоцким была выдана слободская грамота, по которой Костя Микулин получал разрешение обустраивать слободу на окраине Арбужевской волости. В ходе судебного разбирательства 1541 г.²⁷ выяснилось, что с череповецкой стороны с этой слободой граничили владения Третьяка Гневашева, которые образовались в результате обустройства слободы его отцом Гневашем Стогининым. В подтверждение Третьяк предъявил на суде две слободские грамоты отца. Гневаш и Третьяк заметные фигуры на Белоозере и весьма показателен интерес этой семьи к деятельности по обустройству слободы [1; 3]. В источниках Михаил Гневаш появляется в 1493 г., а его отец Микула был посельским еще при князе Михаиле Андреевиче (не позднее первой половины 80-х гг.). Учитывая, что Михаил Гневаш умер в 1525/26 г., начало его активной деятельности, скорее всего, приходилось на конец 80-х – начало 90-х гг. Возможно, что именно тогда он и мог получить слободскую грамоту. Если это предположение верно, то, возможно, выдача слободской грамоты Михаилу Гневашу связана с тем, что до 1493 г. Пошехоньем, в том числе и Арбужевесью, владел кн. Андрей Угличский (Череповесь, как и все остальное Белоозерье к тому времени вошли в состав владений Ивана III). Его напряженные отношения со старшим братом и могли стать одним из факторов, повлиявших на решение об обустройстве слободы на белозерско-пошехонской границе.

В первой половине XVI в. наблюдается взрывной рост количества сельских поселений на Белоозере и, как следствие, выравнивание плотности населения. В комбинации с установлением политического единства страны при Иване III это привело к затуханию практики устройства слобод. Следовательно, слободы – явление характерное для XIV–XV вв. Они имеют большее значение, чем просто освоение незаселенных территорий, и систематизация сведений о них помогает более надежно реконструировать структуру землевладения в XV в., экономическую политику князей, социальные процессы, происходившие в регионе.

---

²⁷ АГР. № 55.

Литература

1. Гневашев Д.Е. Белозерский род Гневашевых-Стогининых в XV–XVI веках // Кириллов. Вып. 4. Вологда, 2001.
2. Грязнов А.Л. Вновь открытый вологодский акт первой половины XV в. // Проблемы дипломатики, кодикологии и актов археографии. М., 2012.
3. Грязнов А.Л. Новая элита в Белозерье в XV – начале XVI в. // Материалы II Всероссийской научной конференции «Некрасовские чтения» (памяти д.и.н., профессора Юрия Клавдиевича Некрасова). Вологда, 2016.
4. Грязнов А.Л. Сведения документов XIV–XV вв. о земельных владениях и статусе Белозерских князей // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. М., 2016.

5. *Грязнов А.Л.* Структура землевладения в Белозерском крае в XV в. и внутренняя колонизация региона // Аграрное освоение и демографические процессы в России X – XXI вв. : XXXV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы : Тезисы докладов и сообщений : Уфа, 20–23 сентября 2016 г. М., 2016.

6. *Грязнов А.Л., Черкасова М.С.* О формировании межуездных границ на Русском Севере в XV–XVI вв.: Белоозеро–Вологда–Устюг // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства. Вологда, 2012.

7. *Копанев А.И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М., 1951.

8. *Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М., 1997.

9. *Черкасова, М.С., Грязнов А.Л.* Северные слободы в актовых источниках XIV–XVI вв. // История и культура Ростовской земли. 2016 (в печати).

Качество земли как фактор аграрного освоения территории в XVI и XVIII вв.²

В статье проводится сопоставительный анализ сведений о качестве земли, содержащихся в писцовых книгах Деревской пятины Новгородской земли середины XVI в. и Экономических примечаниях Генерального межевания земель второй половины XVIII в. в Валдайском и Крестецком уездах Новгородской губернии.

Ключевые слова: качество земли, аграрное освоение, плодородие почвы, писцовые книги, Генеральное межевание, кадастр, Новгород.

Освоение новых территорий в России неразрывно связано с крестьянской колонизацией и базируется на историческом опыте природопользования. Крестьянское землепользование испокон веков зависело от окружающей среды, от количества и качества земли, на которой располагалось крестьянское хозяйство. Современные представления о природной среде предыдущих столетий часто базируются на соответствующих нашему дню данных о плодородии почвы [8]. Но они нередко не совпадают с представлениями крестьян о плодородии земли, бытовавшими в предыдущие столетия [9, с. 105]. Введение в сельскохозяйственный оборот новых земель на протяжении столетий находилось в прямой зависимости от уровня развития почвообрабатывающих орудий, а также прогресса агротехники и агрокультуры [7, с. 35].

Наиболее ранние массовые сведения, позволяющие оценить качество земли на конкретной территории, представлены материалами первых русских кадастров – писцовых книг и Генерального межевания. Причем, писцовые книги, как признают почвоведы, содержат первые достоверные сведения о географии и разнообразии почв земледельческих районов нашей страны [3, с. 21–22]. Однако определенную трудность для современного понимания вызывают термины, которые применяются в писцовых книгах для описания плодородия земли [1, с. 498; 2, с. 398; 4, с. 68]. В писцовых книгах XVI в. земля характеризуется как «добрая», «средняя» и «худая». Эта терминология источников до сих вызывает самые различные толкования и споры [6, с. 18]. В то же время в Экономических примечаниях к Генеральному межеванию уже более подробно характеризуется механический состав грунта, дается характеристика земли как способной или не способной к плодородию. Интересен тот факт, что характеризуя поверхность

¹ Степанова Лилия Геннадьевна, кандидат исторических наук, Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ, liliya_stepanova@list.ru, Россия, г. Краснодар.

² Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 16-01-00283.

различных земель, землемеры XVIII в. описывали, по сути, имевшуюся матрицу почвы – поверхность твердых частиц, влияющую на протекающие в почве процессы [5].

В нашем распоряжении имеются материалы первых русских кадастров – приправочных писцовых книг Новгородской земли середины XVI в. и Генерального межевания земель Новгородской губернии второй половины XVIII в., содержащие информацию о качестве почвы в эти столетия, выраженную в терминологии своего времени, что открывает нам возможности для сравнительного анализа. В частности, в Приправочных писцовых книгах Деревской пятины середины XVI в. содержатся сведения о плодородии земли большей части погостов, вошедших позднее в Валдайский уезд Новгородской губернии. Так, описание Жабенского, Вельевского и Городецкого погостов имеются в Приправочной писцовой книге части Деревской пятины письма Шемяки Васильева сына Благово и подъячего Михаила Лаврентьева³, описания Яжелбицкого, Ситенского, Ужинского, Туренского, Рютинского, Еглинского в Юрьевичах, Нерецкого, Березайского и Бологовского погостов содержатся в Приправочной писцовой книге четверти Деревской пятины письма Василия Иванова сына Калитина⁴, Сеглинской погост описан в Приправочной писцовой книге четверти Деревской пятины письма Бориса Михайлова сына Ансимова⁵. В межевом отделе РГАДА имеются два варианта Экономических примечаний по Валдайскому уезду Новгородской губернии, один из которых мы можем отнести к Полным экономическим примечаниям, поскольку он содержит более подробные описания 627 дач Валдайского уезда⁶, другой – к Кратким экономическим примечаниям, содержащим, тем не менее, данные о 1571 даче уезда⁷.

В Приправочных писцовых книгах Деревской пятины середины XVI в. содержатся также сведения о плодородии земли части погостов, входивших в XVIII в. в Крестецкий уезд Новгородской губернии. В Приправочной писцовой книге четверти Деревской пятины письма Бориса Михайлова сына Ансимова описаны Язвицкой и Оксоцкий погосты⁸. В Приправочной

³ РГАДА. Ф. 137. Боярские и городовые книги. Оп. 1. Новгород. Д. 4-г. Писцовая книга Деревской пятины Новгородского уезда, писцов Шемяки Благово и Михаила Лаврентьева. Подлинник. После 1557 г. 169 л.

⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17141. Приправочная писцовая книга четверти Деревской пятины письма Василия Иванова сына Калитина. 479 л.

⁵ Там же. № 17143. Приправочная писцовая книга четверти Деревской пятины письма Б.М. Ансимова. 192 л.

⁶ РГАДА Ф. 1355. Экономические примечания к материалам Генерального межевания. Оп. 1. Новгородская губерния. Д. 862. Валдайский уезд. Экономические примечания на 621 дачу. 1789 г. 190 л.

⁷ Там же. Д. 861. Валдайский уезд. Экономические примечания на 1571 дачу и алфавит дач владельцев. 174 л.

⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17143. Приправочная писцовая книга четверти Деревской пятины письма Б.М. Ансимова.

писцовой книге четверти Деревской пятины письма Василия Иванова сына Калитина описан Локотцкий погост⁹. По Крестецкому уезду сохранился один вариант Экономических примечаний, который мы можем отнести к Кратким экономическим примечаниям, предоставляющим сведения о 1099 даче¹⁰.

Для анализа данных из Приправочных писцовых книг середины XVI в. были выбраны все сведения о «доброй», «средней» и «худой» земле, содержащиеся в описании отдельных селений, а в случае их отсутствия – в итоговом подсчете в описании отдельных поместий в погостах Деревской пятины, территории которых впоследствии вошли в Крестецкий и Валдайский уезды Новгородской губернии. Сведения о качестве земли в XVI в. в Крестецком уезде представлены только на массовом материале трех погостов (Язвицком, Оксоцком и Локоцком), в которых писцами было описано 780,4 обжи в 498 поселениях. При этом качество земли было отмечено на 763,4 обжах (97,8%). Как выяснилось, основной массив земель погостов, вошедших в Крестецкий уезд, был отнесен писцами к землям средним по своему качеству (600,85 обжи или 77%). К категории худых земель писцы отнесли 137,15 обжи (17,6%), к добрым землям – только 25,5 обжи (3,4%). Наибольшее количество земель было описано в Локоцком погосте, где в 380 поселениях писцы насчитали 573,15 обжи. У 97% земель погоста (556,15 обжи) было указано их качество: 437 обож (78,6%) отнесено к средним, 115,65 обжи (20,8%) – к худым и всего 3,5 обжи (0,6%) – к добрым.

В Язвицком и Оксоцком погосте писцы указали качество у всех земель, однако их количество было гораздо меньшим. В Язвицком погосте земли 42 поселений были положены в 64,25 обжи, из них 47,25 обжи (73,5%) охарактеризованы как средние и 26,5 обжи (17%) как добрые. Худые земли здесь выявлены не были. В Оксоцком погосте из 143 обож в 76 поселениях 116,6 обжи (81,5%) были отнесены к средним по качеству, 21,5 (15%) – к худым и 5 (3,5%) – к добрым.

В 13 погостах, территории которых позже вошли в Валдайский уезд, качество было охарактеризовано у 87,8% земли (2590,15 обож из 2950,35 описанных). В Жабенском, Городенском и Вельевском погостах писцы назвали качество земли во всех живущих поселениях, высокий процент охарактеризованных по качеству земель (от 92,2 до 99,3%) наблюдается также в Сеглинском, Яжелбицком, Березайском и Бологовском погостах.

⁹ Там же. № 17141. Приправочная писцовая книга четверти Деревской пятины письма Василия Иванова сына Калитина.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Новгородская губерния. Крестецкий уезд. Д. 868. Экономические примечания на 1099 дач и алфавит дач и владельцев. 101 л.

Наименьшее количество земель с определением их качества было указано в погосте Елинском в Юрьевичах (56%) и Ужинском (53,6%).

В отличие от земель Крестецкого уезда земли погостов, вошедших в Валдайский уезд, в XVI в. считались худшими. Почти половина земель (1283,45 обжи или 49,6%) признавались худыми, чуть более трети (1026,7 обжи или 39,7%) – средними и только десятая часть (280 обож или 10,9%) – добрыми. Вся земля Вельевского, Городенского и Нерецкого погоста в Приправочных писцовых книгах XVI в. называлась худой. Доброй земли не оказалось в Жабенском, Ситенском и Ужинском погостах. По данным Приправочных писцовых книг худые земли отсутствовали только в Сеглинском погосте. В то же время наибольшее количество добрых земель отмечено в Рютенском (54 обжи или 24,3%), Бологовском (59 обож или 20,9%), Яжелбицком (41,5 обжи или 22%), Березайском (38,5 обжи или 20%) и Сеглинском (56 обож или 18,1%) погостах.

Для сопоставления данных о качестве земли с источниками XVIII в. при помощи Интерфейса Access 2010 были созданы базы данных по Крестецкому и Валдайскому уездам. При этом из материалов Экономических примечаний к Генеральному межеванию методом сплошной выборки были извлечены данные о составе грунта на размежеванных дачах и способности земли к плодородию. В базу данных по Крестецкому уезду вошли сведения о составе грунта и плодородии земли на территории 381 дачи (34,7% дач уезда). В базу данных по Валдайскому уезду были включены сведения о составе грунта и плодородии земли в 809 дачах (51,5% дач уезда). В эту базу вошли также сведения о произрастающих в Валдайском уезде сельскохозяйственных культурах и их урожайности, имеющиеся в Полных экономических примечаниях.

Как выяснилось, в XVIII в. в Крестецком уезде Новгородской губернии большая часть земли была отнесена землемерами к различным видам иловатых грунтов (223 дачи или 58,5% от всех дач уезда с указанием грунта). В этой группе преобладал просто иловатый грунт (166 дачи или 43,5%), на втором месте находился грунт иловатый с песком (45 дач или 11,8%). Грунт иловатый каменистый присутствовал на 7 дачах (1,8%), иловатый с песком каменистый – на 3 дачах (0,8%). Кроме этого, были зафиксированы единичные случаи присутствия грунта иловатого глинистого и иловатого глинистого с песком.

Следующая относительно большая группа земель в Крестецком уезде состояла из различных видов серопесчаных грунтов (95 дач или 24,9%), причем чисто серопесчаный грунт был отмечен на 89 дачах (23,4%), грунт серопесчаный каменистый – на 5 дачах (1,3%) и на одной даче – грунт серопесчаный с глиною. Третья группа земель в уезде была представлена

различными видами глинистых грунтов (34 дачи или 8,9%). В свою очередь в ней выделяются две равнозначные подгруппы с чисто глинистым грунтом и грунтом глинистым с песком (по 16 дач или 4,2%). На одной даче был представлен также грунт глинистый с камнем.

Помимо указанных больших групп земель в Крестецком уезде присутствовали еще небольшие, почти равнозначные, группы земель с песчаным и сероглинистым грунтами, насчитывающими всего по 11 дач (2,9%) каждая. В этих группах присутствуют 9 дач (2,4%) с чисто песчаным грунтом, две дачи с грунтом песчаным с глиною (0,5%), 10 дач (2,6%) с сероглинистым грунтом и одна дача (0,26%) – с сероглинистым песчаным. В то же время, на восьми дачах уезда (2,1%) с указанием качества земли сам состав грунта описан не был.

Значительный интерес представляют данные XVIII в. о плодородии земли в соотношении с различными видами грунтов. Оценка способности земли к плодородию в Крестецком уезде проводилась землемерами по очень тщательной градации. Кроме данных об изрядных, хороших, не весьма хороших, средних и худых урожаях в Экономических примечаниях к материалам Генерального межевания по Крестецкому уезду присутствуют записи о способности земли к урожаю хлеба, о способности земли к урожаю с удабриванием либо неспособности к урожаю без удабривания. Имеются сведения как о не весьма хороших урожаях на различных грунтах даже в том случае, если использовалось удобрение, так и об изрядных урожаях при применении удобрения.

Среди 223 дач с различными видами иловатых грунтов землемеры зафиксировали всего 4 случая изрядных урожаев, что составляет 1,8% от всего количества дач на данном грунте. Хорошая урожайность отмечена на 56 дачах (25% от дач на этом грунте), средняя – на 61 даче (27,4%). В целом способность к урожаю на различных видах иловатых грунтов отмечается на 27 дачах (12,1%), не весьма хорошие урожаи – на 19 дачах (8,5%). На 11 дачах (4,9%) земля оказывается не весьма способной к урожаю и в одном случае ее плодородие признается худым (0,4%). Использование удобрения для повышения плодородия почвы на иловатых грунтах в Крестецком уезде зафиксировано в 14 случаях (6,3%), однако на 43 дачах (19,3%) качество земли не охарактеризовано.

На 166 дачах Крестецкого уезда с чисто иловатым грунтом изрядная урожайность хлеба отмечается лишь дважды (0,5% от всех дач с описанием грунта), в том числе один раз с использованием удобрения. В то же время хорошая урожайность на иловатом грунте фиксируется на 46 дачах (12,1%), в том числе на двух дачах хлеб признается весьма хорошим, а на трех дачах хорошая урожайность достигается с удобрением земли. В шести случаях

на иловатом грунте урожай получается не весьма хороший, причем в двух случаях даже с удобрением. Средние урожаи фиксируются на 42 дачах (11%), в том числе один раз с удобрением. В то же время на 22 дачах (5,8%) землемеры отмечают только способность земли к урожаю хлеба, причем дважды с удобрением. На трех дачах с иловатым грунтом отмечается в целом его неспособность к урожаю, на 39 дачах (10,2%) качество земли вообще не оценивается.

В группе 45 дач с грунтом иловатым с песком изрядная урожайность отмечена только в одном случае (0,26%), хорошая урожайность – в семи случаях (1,8%), «средственная» урожайность – в 16 случаях (4,2%), в том числе один раз с удобрением, в четырех случаях только отмечается, что земля к урожаю хлеба способна. Но в то же время на семи дачах (1,8%), расположенных на земле с грунтом иловатым с песком, зафиксирована не весьма хорошая урожайность, на трех дачах качество земли вообще не характеризуется, еще на семи дачах отмечается не весьма хорошая способность земли к урожаю.

Среди 7 дач с грунтом иловатым каменистым трижды отмечаются хорошие урожаи хлеба, дважды – «средственные», один раз урожай считается худым и один раз встречается запись о том, что хлеб на таком грунте даже с удобрением родится не весьма хорошо. На трех дачах с грунтом иловатым с песком каменистым зафиксированы неустойчивые урожаи: один раз – изрядный, в другом случае – «средственный», а в третьем случае земля к урожаю хлеба без применения удобрения оказывается не очень способна.

На дачах Крестецкого уезда, расположенных на различных видах серопесчаных грунтов, изрядные урожаи отмечены всего в двух случаях (2,1% от всех 95 дач на этом грунте). Хорошим хлеб считался на 24 дачах (25,3%), включая один случай, когда наряду с серопесчаным местами отмечается и каменистый грунт. В 19 случаях (20%) на серопесчаных грунтах отмечены средние урожаи. В целом способность земли к урожаю зафиксирована землемерами на 16 дачах (16,8%), не весьма хорошие урожаи – на 13 дачах (13,7%), не весьма хорошая способность земли к урожаю – на 9 дачах (3,2%). Худых урожаев на серопесчаных грунтах в Крестецком уезде отмечено не было, но в то же время на 12 дачах (12,6%) данные о плодородии земли отсутствуют. Сведения об использовании удобрения имеются в описании 16 дач (16,8%).

Изрядные урожаи, в том числе один раз с использованием удобрений, зафиксированы в группе 89 дач с серопесчаным грунтом. Хорошие урожаи на этом грунте отмечены в 20 случаях (5,2% от всех дач с указанием грунта), включая 4 случая с удабриванием, не весьма хорошие – 12 раз (3,1%), в том числе один раз с использованием удобрения. На 18 дачах (4,7%) с

серопесчаным грунтом землемеры отметили «средственные» урожаи хлеба, на 13 дачах (3,4%) – в целом способность земли к урожаю. Неспособность земли к урожаю на серопесчаном грунте зафиксирована на 8 дачах (2,1%), в том числе в пяти случаях без удобрения.

В группе 5 дач с грунтом серопесчаным каменистым урожаи оказываются явно низкими: в одном случае отмечен «средственный» урожай, во втором – хлеб родится нехорошо, в третьем – земля без удобрения к урожаю была неспособна и еще в двух случаях была зафиксирована в целом только способность земли к урожаю.

Среди 34 дач Крестецкого уезда, расположенных на различного вида глинистых грунтах, отмечен лишь один случай изрядного урожая, причем на грунте глинистом, по большей части песчаном. На 15 дачах (42,8% от всех дач на этом грунте) землемеры зафиксировали хорошие урожаи, в том числе один раз на заболоченной суглинистой супеси, где хороший хлеб родился с удобрением, и 6 раз на глинистом грунте, где местами присутствовал песок. Средние урожаи на дачах с глинистыми грунтами отмечались в 5 случаях (14,7%). Способность земли к плодородию на различного рода глинистых грунтах была зафиксирована в двух случаях, не весьма хорошие урожаи – в 3 случаях, не весьма хорошая способность к урожаю – в 5 случаях, худой урожай – в одном случае и в двух случаях плодородие земли никак отмечено не было.

Хорошие урожаи на чисто глинистом грунте, в том числе дважды с использованием удобрения, землемеры зафиксировали на 9 из 16 дач (25,5% от всех дач на этом грунте). Лишь однажды на этом грунте был отмечен не весьма хороший урожай, три раза – посредственный, один раз не очень хорошая способность земли к плодородию. На грунте глинистом с песком также располагались 16 дач уезда, на одной из которых был отмечен изрядный урожай. В 5 случаях (14,7%) на этом грунте получали хороший урожай, в двух случаях – не весьма хороший, в двух случаях – посредственный и еще в двух случаях – отмечалась просто способность земли к урожаю. Неспособность земли к урожаю на глинистом грунте с песком зафиксирована в четырех случаях.

На 11 дачах Крестецкого уезда, расположенных на песчаных грунтах, отмечались худшие урожаи, чем на остальных грунтах. Хороший хлеб здесь выделяется только на двух дачах (0,5% от всех дач). На трех дачах хлеб родился не весьма хорош, в одном случае называется худым, еще в одном случае – земля к плодородию считается не способной. На трех из 9 дач с песчаным грунтом плодородие земли отмечено вообще не было. На сероглинистом грунте хлеб давал чуть лучшие урожаи. На трех из 11 дач хлеб считался посредственным, на одной – хорошим, на другой – не весьма

хорошим, на трех дачах земля признавалась в целом способной к урожаю. В двух случаях плодородие земли охарактеризовано не было.

В Валдайском уезде Новгородской губернии большая часть земли также была отнесена землемерами к различным видам иловатых грунтов (557 дач или 68,9%). Однако в отличие от Крестецкого уезда в Валдайском уезде в этих массивах земель выделялись две большие группы дач с грунтом иловатым с песком (186 дач или 23%) и грунтом иловатым с песком каменистым (174 дачи или 21,5%). Кроме этого, 103 дачи (12,7%) располагались на просто иловатом грунте и 72 дачи (8,9%) – на земле с грунтом иловатым каменистым. На 21 даче Валдайского уезда грунт характеризовался как иловатый с камнем (2,6%), на одной даче – как иловатый с глиною (0,12%).

На втором месте по количеству в Валдайском уезде находилась группа дач с серопесчаными грунтами (221 дача или 27,3%), причем к чисто серопесчаному грунту были отнесены земли 104 дач (12,9%), к серопесчаному с камнем – 89 дач (11%), к грунту серопесчаному каменистому – 28 дач (3,5%).

Еще одна группа земель в Валдайском уезде была представлена песчаными грунтами (26 дач или 3,2%). На половине дач из этой группы землемеры охарактеризовали грунт как чисто песчаный (13 дач или 1,6%), на 6 дачах – как песчаный с камнем (0,7%), на 4 дачах – как песчаный каменистый (0,5%). Кроме этого, на трех дачах уезда грунт характеризовался как каменистый и на двух дачах как сероглинистый. Следует особо подчеркнуть, что в целом по Валдайскому уезду на половине дач в грунте присутствовал камень: на 281 даче (34,7%) грунт называется каменистым в сочетании с другими видами грунта, еще на 116 дачах (14,3%) камень обязательно упоминается при выделении другого основного грунта.

В Экономических примечаниях к Генеральному межеванию по Валдайскому уезду указания на плодородие земли имеются в описании 432 дач (53,4%). На иловатых грунтах изрядными урожаями признаются в 53 случаях (9,5% от всех дач на этом грунте), хорошими – в 10 случаях (1,8%), против других лучше – в двух случаях. Средние урожаи на иловатых грунтах фиксируются на 171 даче (30,7%). В целом более лучшими по своему плодородию оказываются грунты иловатый с камнем и иловатый с песком каменистый, на которых отмечается больше всего изрядных урожаев. По соотношению изрядных, лучше других и хороших урожаев больше всего отмечался грунт иловатый с песком. Однако на 40 дачах с иловатым грунтом (7,2%) земля без удобрения уже неспособна плодоносить. Чаще всего среди земель, не дающих урожаев без удобрений, назывался грунт иловатый с песком каменистый.

Изрядное плодородие в группе дач с серопесчаным грунтом в Валдайском уезде было зафиксировано в 29 случаях (13,1% от дач на этом виде грунта), хорошим плодородие признавалось на 5 дачах (2,3%), «средственным» – на 88 дачах (39,8%). В то же время земля считалась неспособной без удобрения к плодородию на 11 дачах (5%). Наиболее плодородным среди серопесчаных грунтов оказался грунт серопесчаный с камнем, на котором были изрядными урожаи на более пятой части дач (22,5%) и средними на более половине дач (52,8%). Однако на шести дачах с таким грунтом земля без внесения удобрения была неплодородной.

Таким образом, составленные базы данных наглядно демонстрируют региональные отличия в соотношении видов грунтов в Крестецком и Валдайских уездах Новгородской губернии в XVIII в. и способность их к плодородию. Для оценки земли в XVIII в. землемеры использовали более подробные, чем в XVI в. качественные показатели, позволяющие определить насколько та или иная земля была лучше или хуже другой. Как выяснилось, в это время в обоих уездах наиболее возделываемыми были различные виды иловатых грунтов, на втором месте по количеству находились серопесчаные грунты. В то же время в Крестецком уезде выделялись группы дач с глинистыми и сероглинистыми грунтами, в Валдайском уезде повсеместно использовалась земля с включением каменистого грунта или камнями на основном грунте. Среди иловатых грунтов в Валдайском уезде выделялись большие группы земель иловатых с песком и иловатых с песком каменистых, в Крестецком уезде в этой группе земель преобладал сам иловатый грунт.

Анализ данных приправочных писцовых книг позволил заключить, что около половины охарактеризованных по качеству земель Валдайского уезда в середине XVI в. была отнесена писцами к худым, треть – средним, десятая часть – к добрым. В XVIII в. земли Валдайского уезда, на которых были зафиксированы изрядные урожаи, находились на десятой части дач уезда. Среди них изрядное плодородие фиксировалось больше всего на грунтах иловатых с песком и иловатых с песком каменистых, которые больше всего и распахивались. Однако одновременно на иловатых грунтах отмечалось и больше всего земель, не способных уже без удобрения к урожаям. Так, среди грунтов, нуждавшихся в удобрении, числилось до 13,2% грунтов иловатых с песком каменистых. Достаточно много плодородных земель было среди дач с серопесчаным грунтом с камнем, однако в целом дачи с серопесчаным грунтом составляли десятую часть дач уезда. Песчаные грунты в большинстве своем (83,3%) относились к низкоплодородным землям.

Земли части погостов, вошедших позже в Крестецкий уезд, в середине XVI в. большей частью относились к средним, около пятой части земель

характеризовались как худые и только двадцать пятая часть как добрые. Во второй половине XVIII в. на землях Крестецкого уезда изрядные урожаи фиксировались в 10 раз реже, чем на Валдае, но в то же время здесь на четверти дач отмечались хорошие урожаи. Средние урожаи в обоих уездах отмечались примерно на одинаковом уровне (от 21,3 до 23,4% дач). В то же время градация неплодородных земель Крестецком уезде была достаточно сложной: 7,8% земель дач отнесено к худым или не весьма способным к урожаю, на десятой части дач фиксировались не весьма хорошие урожаи, а в целом только способность земли к урожаю отмечена на 12,9% дач уезда. Записи о внесении удобрения имеются в описании 36 дач (9,4%), в основном расположенных на иловатых и серопесчаных грунтах.

Сопоставление данных о качестве земли приправочных писцовых книг середины XVI в. и материалов Генерального межевания земель второй половины XVIII в. по уездам, с одной стороны, позволяет выявить определенную преемственность в использовании земельных угодий. Особенно эта преемственность проявляется в распашке иловатых грунтов, считавшихся на протяжении веков более плодородными. Однако зафиксированные случаи внесения удобрений свидетельствуют о выпаживании плодородного слоя и изменении традиционных представлений о доброте и худобе на данных участках земли. С другой стороны, на массовых материалах проявляется процесс вовлечения в пашню новых, более тяжелых в обработке земель на серопесчаных, каменистых и глинистых грунтах.

Литература

1. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и пососного обложения Московского государства. М., 1916. Т. 2.
2. *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII в. М., 1937.
3. *Добровольский Г.В.* Лекции по истории и методологии почвоведения. М., 2010.
4. *Жекулин В.С.* Историческая география: предмет и метод. Л., 1982.
5. *Зубкова Т.А.* Почвенная матрица // Электронное научное издание «Альманах и Время». Т. 4. Вып. 1. 2013. Специальный выпуск «Система планета Земля». Режим доступа: <http://e-almanac.space-time.ru>
6. Историческая география России IX – начало XX века. Территория. Население. Экономика: очерки / Я.Е. Водарский, В.М. Кабузан, А.В. Демкин, О.И. Елисеева, Э.Г. Истомина, О.А. Шватченко. М., 2013.
7. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

8. Почва и почвообразование // Учеб. для ун-тов. В 2 ч. / Под ред. В.А. Ковды, Б.Г. Розанова. Ч. 1. Почва и почвообразование / Г.Д. Белицина, В.Д. Васильевская, Л.А. Гришина и др. М., 1988.

9. *Елисеева Н.В., Степанова Л.Г.* Исторические изменения крестьянских представлений о качестве почвы и становление современных подходов к изучению почвенных ресурсов России // Известия Сочинского государственного университета. 2014. № 4–2 (33). С. 104–109.

Церковь/монастырь как полиморфный маркер сельского расселения (на материалах Нижегородского Поволжья XVI – первой четверти XVII в.)

В статье изложены некоторые результаты изучения таких маркеров сельского расселения, как «церковь» и «монастырь», степени их универсальности и причин, обуславливающих их полиморфный характер.

Ключевые слова: сельское расселение, церковь, монастырь, село, погост, Нижегородское Поволжье.

Целью исследования было выяснить, в какой мере такие элементы текста как «церковь» и «монастырь» могут рассматриваться в качестве маркера аграрного освоения территории и сельского расселения. Основным источником стали документы писцового делопроизводства: писцовые книги дворцовой Узольской волости М.А. Жедринского и подьячего Карпа Игнатъева (1533 г.), Ю.Г. Мещерского и М.И. Ростопчина (1558/1559 г.), Т.И. Хлопова и дьяка Семена Суморокова (1590/1591 г.); дозорные книги В.Ф. Борисова и подьячего Третьяка Аврамова (1587/1588 г.), С.Н. Грекова и подьячего Климентия Козодавлева (1612/1613 г.), С.И. Языкова и подьячего Емельяна Евсевьева (1613/1614 г.), Ивана Житкого и подьячего Ивана Дементьева (1619 г.); писцовые и межевые книги 1620-х гг. Д.В. Лодыгина, В.И. Полтева и дьяка Дементия Образцова – Нижнего Новгорода и Нижегородского у., С.И. Жеребцова и подьячего Якова Гневашева – Курмышского у., переписные книги И.Ф. Шаховского и подьячего Прокофия Симанова (1646 г.), а также церковные описания, в частности, «Книги Нижнева Новагорода писма и дозору Булата Телицына» (1619/1620 г.) и опись церковей Балахнинской десятины Т.Д. Танеева (1653 г.). Существенным дополнением стали документы финансового учета – нижегородские окладные книги и платежные, приходо-расходные книги центральных приказов, в частности, Новгородской четверти за 1619/1620 и 1620/1621 гг., Патриаршего Казенного приказа за 1627/1628, 1640/1641 и 1650/1651 гг. В работе использованы акты: царские жалованные, указные, правые грамоты, в том числе с включением текстов из более ранних писцовых описаний, а также упоминающие в различном контексте сельские и

¹ Соколова Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Институт славяноведения РАН, natalia_sokolova@outlook.com, Россия, г. Москва.

монастырские храмы; грамоты церковных иерархов на льготы монастырям и церквям (например, митрополита Фотия 1418 г. и митрополита Афанасия 1565 г. Нижегородскому Печерскому монастырю), т.н. «храмозданные грамоты» и иные. Для изучения структуры, принципов организации и функционирования приходской сети в Нижегородском Поволжье оказалось целесообразным привлечение документов XVIII в., например, «заручных сказок» священников об их приходах (1722–1723 гг.). Важной составляющей исследования было ретроспективное картографирование процессов сельского расселения на основе карты «Territoires de Nijni Novgorod et de Balakhna» (1729 г.) из собрания Жозеф-Николя Делиля в Национальной библиотеке Франции, документов Генерального межевания, прежде всего, полевых записок, уездных планов и планов отдельных дач, а также Атласа А.И. Менде.

Наиболее ранние нижегородские писцовые книги, позволяющие изучать сельское расселение в динамике, относятся к Зауольской волости². Аграрное освоение заволжских территорий в XVI в. происходило в виде традиционной погостной системы расселения. На Узле сложилась значительная по размерам община-волость, структурными единицами которой являлись отдельные деревни и починки. Согласно писцовому описанию 1533 г., здесь насчитывалось 125 деревень и 82 починка (441 двор). В сотной грамоте 1560 г. с писцовых книг 1558/1559 г. зафиксированы погост, сельцо, 165 деревень и 23 починка (354 двора). К началу 1590-х гг. в волости уже два погоста, сельцо, 180 деревень и 18 починков (525 дворов). Таким образом, в Зауольской волости преобладали малодворные деревни: в среднем на деревню приходилось, соответственно, 2,1; 1,86 и 2,64 двора [4, с. 104]. «Стан» с Никольской церковью, позднее – Никольский погост, являлся центром административно-хозяйственной, общинной и приходской жизни. Как и на Русском Севере, община на свои средства строила церковь («Погост Никольской, а на погосте церковь Николы чудотворца, древена клетцы, а в ней образы, и книги, и ризы, и колокола строение мирское», «Погост Иконников на речке на Чюди, а в ней церковь Рожество Пречистые древяна клетцы. А в церкви образы, и книги, ризы, и колокола строение мирское»³).

На правобережье Волги существование погостов документально зафиксировано в XVII в. Так, в Жарской волости того же Балахнинского

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 1496; Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века / Сост. Е.И. Колычева, Н.П. Воскобойникова; отв. ред. Н.А. Горская. М., 1997. С. 28–96; *Сироткин С.В.* Сотная 1533 г. на Узольскую волость Балахнинского уезда // Очерки феодальной России. Вып. 6. М., 2002. С. 119–169.

³ Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века. С. 42, 45.

у. существовал погост Суховатов⁴. В писцовых книгах Нижегородского у. 1620-х гг.⁵ в Пурецкой волости, пожалованной Д.М. Пожарскому из дворцовых земель, описаны «погост Пречистенской» с церковью Рождества Богородицы и «село, что был погост Вершилов», а в книгах Нижнего Новгорода тех же писцов – «в Нижегородском уезде в Стрелицком стане выше Нижегородсково посаду, вверх по Оке реке, на берегу Оки реки погост Молитовка на устье речки Молитовки. А в нем церковь боголепного Преображения Спасова»⁶.

Погостная система расселения нашла отражение также в книгах «письма и дозора Белогородской волости и Василевой слободы Ивана Житкова и подьячего Ивана Дементьева» (1619 г.). По подсчетам писцов, в волости было два погоста, 87 деревень, 64 починка, 85 пустошей; всего 203 крестьянских дворов и 4 бобыльских, т.е. в среднем на поселение приходилось менее двух дворов. Учет сведений приправочных книг дьяка Степана Козодавлева несколько увеличивает этот показатель, не отменяя, однако, общий вывод о малодворности белгородских деревень⁷. В погосте Катунки, на берегу Волги, описаны «церковь Христовы мученицы Варвары» («А в церкви образы и свечи и книги и сосуды церковные и ризы и колокола строение церковное и волостное»), дворы церковного причта, 3 кельи нищих («питаютца от церкви божи») и 4 бобыльских двора. Второй погост («Погост Спаской, а в нем храм Преображенъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа деревяной клетцки. А в церкви образы и свечи и книги и сосуды церковные и ризы и колокола строение волостное. Да храм великово чудотворца Николы древян клетцки, строение попа Ильи Иванова») идентифицирован на планах Генерального межевания как село Сицкое (Балахнинский у., дача № 395). Гипотеза о преемственности этих поселений, возникшая после обнаружения в описании Балахнинской десятины 1653 г.⁸ церкви Преображения Господня в «погосте Сицком», подтвердилась в результате сопоставления номенклатуры названий соседних

⁴ На отказных книгах 1615 г. свои рукоприкладства оставили «Жарския волости никольския священники Микифор Семенов сын да Кузма Сысуев сын» (*Сироткин С.Б.* Дозорная книга Жарской волости Балахнинского уезда 1615 г. // *Paleobureaucratica. Сборник статей к 90-летию Н.Ф. Демидовой.* М., 2012. С. 320–339). После 1653 г. церковь «Николы чудотворца в Жарех» предписывалось «впредь писать Рождество Христово, а в пределе Николая чудотворца, в Суковатом погосте» (Материалы для истории церквей Нижегородской епархии. Вып. 2. Балахнинской десятины жилые данные церкви и пустовые церковные земли 7136 (1628) – 1746 гг. М., 1903. С. 25).

⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 292, 293. Опубликовано: Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века / Сост. А.В. Антонов, А.А. Булычев, В.А. Кадик, С.В. Сироткин. В 2-х частях. М., 2015.

⁶ Материалы по истории Нижегородского края. Ч. 2. С. 534, 563; Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду, изданные Археографической комиссией. СПб., 1896. Стб. 314–315.

⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7512. Л. 109, 109 об., 111–111 об.

⁸ РГАДА. Ф. 281. Оп. 2. Д. 396. Л. 323.

деревень по документам писцового делопроизводства. Местоположение погоста Спасского на реке Санехте, два храма и два священника, наличие двора «губново целовальника детей Васки да Ратки» («пашни белые земли пять десятин»), упоминание 7 десятин крестьянской «перелогом пашни и лесом поросло» (т.е. раньше здесь были крестьянские дворы, а не только кельи нищих) дают основание предполагать, что он являлся не только центром прихода, но и административным и общинным центром всей волости (а возможно, стал таковым в результате превращения прежнего, в устье той же реки, в Василеву слободу)⁹.

На момент писцового описания 1620-х гг. в Белгородской волости существовали те же два погоста: «погост Катунки на берегу Волги реки, а в нем церковь святые мученицы Варвары» и «погост Спасской, а в нем церковь Боголепного Преображения Спасова»¹⁰. По подсчетам Д.А. Черненко и П.В. Чеченкова, «в Пурецкой волости на один храм приходилось 47 населенных пунктов и 179 дворов, в Белгородской волости – 37 поселений, 184 двора» [7, с. 139]. Для Белгородья эти цифры в действительности были выше, поскольку к окончанию писцовых и межевых работ храмы Василевой слободы, принадлежавшей «царице Екатерине, во иноцех схимнице Елене», а затем московскому Вознесенскому девичью монастырю, уже не относились к волости, которая, согласно наказной памяти из Поместного приказа за приписью Неупокоя Кошкина от 31 октября 1626 г., была пожалована царем Михаилом Федоровичем боярину И.И. Шуйскому¹¹. Исследователи считают, что «столь значительные числа объясняются большим числом новых поселений – починков, возникших благодаря активной деятельности бояр-землевладельцев по освоению недавно полученных ими земель» [7, с. 139]. Подобная интерпретация представляется ошибочной. Без сомнения, речь идет о традиционной для бывшей дворцовой волости погостной системе сельского расселения, которая не могла исчезнуть в одночасье. О принадлежности Белгородья дворцовому ведомству свидетельствует, в частности, упоминание посопного хлеба среди повинностей, которые заменил денежный оброк: «А по государеву указу оброку плотят царице и иноке Елене Петровне за посопной хлеб и за всякие доходы з живущих вытей по пяти рублев»¹².

Уже писцовые книги 1620-х гг. зафиксировали существование предпосылок появления в Белгородской волости нового погоста: берега речки Крюк, левого притока впадающей в Волгу реки Троицы, где позднее и воз-

⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7512. Л. 18–18 об.; 48 об.–49 об.

¹⁰ Материалы по истории Нижегородского края. Ч. 2. С. 578, 605–606, 611–612.

¹¹ Там же. С. 573, 659.

¹² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Д. 7512. Л. 111 об.

ник погост Новинки, уже были заселены¹³. Церковь «великого чудотворца Николы» была освещена не позднее апреля 1635 г.¹⁴ Датировать появление в волости еще одного храма позволяет «Книга записных печатных пошлин 1643 г.», согласно которой 1 июля была «запечатана грамота на Балахну» о церковной дани, «по челобитью Балахонского уезду Белгородцкие волости Воскресенского приходу крестьян Якушка Иванова с товарищи»¹⁵. Церковь построили на устье Троцы: «Прибыла вновь на новом месте церковь Воскресения Христова в Белгородской волости в селе Матренине»¹⁶. Однако, судя по описанию в переписных книгах 1646 г., новое «село» практически ничем не отличалось от погоста: «Село Матренино, а стоит на реке на Волге на берегу. А в нем церковь Воскресение Христова да в пределе Святаго пророка Ильи. А на церковной земле живут бобыли за попами, за попом Терентьем, за попом Корнилом»¹⁷. Если число прихожан погостного храма и территория их расселения становились слишком велики, волостная община, – в качестве паллиатива, до появления возможности строительства новой церкви или нового погоста, – увеличивала штат священнослужителей. Например, следствием продолжавшегося расселения выше по течению реки Санехты стало строительство церкви в селе Белое, которая известна с 1672/1673 г. Ее прихожане ранее, вероятно, относились к приходу храма в Сицком погосте, где в 1653 г. зафиксировано 5 дворов священников¹⁸. Несмотря на неоднократные отдачи на протяжении XVII в. в поместье или в вотчину (с последующим возвращением в ведение дворцового ведомства) и, как следствие, появление сел, сама система расселения в Белгородской волости, по сути, продолжала оставаться погостной. В материалах Генерального межевания Катунки и Сицкое обозначены как села, а в остальных случаях церковные земли отмежеваны к погостам – Новинскому, Болванникову (ранее – село Матренино) и Беловскому (ранее – село Белое) (Балахнинский у., дачи № 391–393, 395, 401).

Насколько характерна была подобная система расселения для Нижегородского края в целом, попытаемся выяснить, обратившись к «Книгам Нижегородского уезда государевых дворцовых бортных, оброчных и посопных сел и деревень, письма и дозора Василия Федоровича Борисова да

¹³ Удалось картографировать деревни «Ондрянова на вершине речки Крюка», «Клобуково на речке на Крюку», Овсянникова, Ямщикова (Материалы по истории Нижегородского края. Ч. 2. С. 594–596).

¹⁴ Материалы для истории церквей Нижегородской епархии. С. 27.

¹⁵ Устинова И.А. Делопроизводственные документы Патриаршего Казенного приказа: Книга записных печатных пошлин 1643 г. // Вестник церковной истории. 2013. № 3/4 (31/32). С. 67.

¹⁶ Материалы для истории церквей Нижегородской епархии. С. 27–28.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 296. Л. 182–182 об.

¹⁸ РГАДА. Ф. 281. Оп. 2. Д. 396. Л. 323; Материалы для истории церквей Нижегородской епархии. С. 29.

подьячего Третьяка Аврамова лета 7096 года»¹⁹. А.Я. Дегтерёв на основе сведений данного источника пришел к выводу о «весьма развитой иерархической структуре расселения: на каждое село (сельцо) в Нижегородском уезде приходилось всего около 10 деревень и починков» [3, с. 108]. Вопрос о том, насколько корректно распространение на весь Нижегородский уезд выводов, сделанных на основе описания дворцовых сел и деревень и мордовских земель, исследователем даже не сформулирован. Впрочем, даже собственно дворцовые владения Нижегородского у. в списке, опубликованном Г.Н. Анпиловым, представлены далеко не исчерпывающим образом. Анализ фрагментов текста писцовых книг 1620-х гг., восходящих к приправочной документации, включая дозорные книги Василия Борисова, показал, что в сохранившейся рукописи дозора 1587/1588 г. отсутствуют дворцовые села Давыдово, Павлово, Ворсма, Богородское и тянувшие к ним деревни²⁰.

Картографирование топонимов дозорных книг 1587/1588 г. показало, что описанные в них дворцовые земли не представляли собой единого массива и располагались в различных частях Нижегородского у.: от «бортников Кожуховских», живших по обе стороны Оки ниже впадения в нее Клязьмы, на западе до деревень, тянувших к селу Княгинино «на речке на Имзе» или селу Шахманово «на реке на Сундовите» на востоке, от заволжского «сельца» Толоконцова с деревнями на севере до села Сосновское и «бортников Матюшеских», деревни которых локализуются на границах с Муромским и Арзамасским уу., на юге. Следовательно, соотношение сел и общего числа поселений может считаться отражающим степень иерархичности структуры расселения в Нижегородском уезде лишь в случае ее гомогенности. Однако дозор рисует чрезвычайно пеструю картину: к сельцу Толоконцову тянуло 20 деревень, к селу Поповскому – 18, к Княгинину – 9, к Шахманову и Лекееву – по 4, к Вельдеманову и Сосновскому – по 2, села Григорово и Слободское не имели деревень вообще. И наоборот, «Лукинская соха» насчитывала 10 деревень и один починок, но дозорщики не зафиксировали там сел. «Интересно, что в отличие от других дворцовых комплексов, – пишет П.В. Чеченков, – в Лукинской сохе отсутствует село, являющееся, как правило, административным центром» [6, с. 25]. Наблюдение историка требует уточнения: села не имеют и другие дворцовые владения Нижегородского у., в частности, «бортники Шаргальские», «бортники Кожуховские» или «бортники Матюшевские».

¹⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7514. Л. 1–83. Текст издан: *Анпилов Г.Н.* Нижегородские документы XVI века (1588–1600 гг.). М., 1977. С. 7–76. Публикация не всегда исправна, далее текст дозорных книг цитируется по рукописи.

²⁰ Материалы по истории Нижегородского края. Ч. 1. С. 700, 730, 747, 751, 756, 757, 760.

Как представляется, административным, общинным и религиозным центром дворцовой Матюшевской волости, включавшей два десятка деревень, был Никольский Колпенский погост «в Березопольском же стану на государеве царе и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси земле». Его описание в писцовых книгах 1620-х гг. содержит отсылку к дозору 1587/1588 г.: «А в приправочных книгах Василия Борисова 96-го году написано: погост Николы чудотворца древян, да на погосте церковных дворов, двор попов, двор понамарев, двор проскурнин, двор дьячков, пять келей нищих, пашни церковные пятнадцать четвертей да перелогом пять чети, и обоего дватцать чети в поле, а в дву потому ж, земля добра, сена дватцать копен»²¹. На планах Генерального межевания погост обнаружен в верховьях реки Кишмы (Горбатовский у., дача № 597), недалеко от д. Паниной, самой многодворной из упомянутых в дозоре Василия Борисова деревень «бортников Матюшевских». По-видимому, текст описания находившегося на белой земле и не являвшегося объектом налогообложения Никольского Колпенского погоста был помещен в книгах отдельно от тянувших к нему бортных деревень; подобная практика зафиксирована и в писцовых книгах 1620-х гг. Можно предположить, что этим и объясняется отсутствие в сохранившемся списке дозора такого системообразующего элемента сельского расселения, как погост, и, следовательно, этот случай мог быть не единственным. Действительно, в вотчине Ф.И. Шереметева писцами зафиксированы погост Никольский «в тех же кожуюховских деревнях, меж деревень Кожюховы и деревни Попадьины и селца Избылец» и «приходской храм тех же кожуюховских деревень Никола чудотворец на Мещерских горах, на кожуюховской земле»²². На планах Генерального межевания между перечисленными деревнями обозначен погост «на Мещерских горах» (Горбатовский у., дача № 1). Таким образом, местонахождение волостного центра дворцовых «бортников Кожуховских» также можно считать установленным.

Текст писцовых книг Дмитрия Лодыгина об еще одном погосте, на первый взгляд, недостаточно информативен для картографирования: «Да в Березопольском же стану в Кривой луке меж поместных и вотчинных земель погост, а в нем церковь Всемилошного Спаса»²³. Однако запись в близких по времени приходных книгах Патриаршего Казенного приказа 1627/1628 г. о сборе дани с церкви «Преображенья Спасова на Прилуке» и документ конца XVI в., в котором упомянут присутствовавший на отделе «Преображенья Спасова с Прилук поп Роман», позволили увидеть топоним

²¹ Там же. Ч. 2. С. 506–507.

²² Там же. Ч. 1. С. 713, 717.

²³ Там же. Ч. 2. С. 507.

«Кривая лука» в его географическом контексте и сузить район поиска²⁴. Погост находился на Оке севернее села Павлова, вблизи устья реки Ворсмы (Горбатовский у., дача № 83). Как представляется, имеет право на существование гипотеза об исторической связи лексемы «Лукинская соха» с крестьянской колонизацией, которая шла от Спасского погоста в Кривой луке на Оке вверх по Ворсме, на истоке²⁵ которой, вблизи «большой московской дороги», возник еще один погост, Борисоглебский: «А на вершине речки Ворсмы погост, а на погосте церковь стратотерпцев христовых Бориса и Глеба... строение мирское» (Горбатовский у., дача № 149)²⁶.

Все эти четыре погоста находились в Березопольском стане Нижегородского уезда, хотя половина из них и описана в рукописи № 292, считающейся в историографии писцовой книгой Закудемского стана²⁷. Лишь один погост из писцового описания 1620-х гг. действительно располагался «за Кудьмой», в Закудемском стане – погост Работка в устье одноименного притока Волги, с церковью Дмитрия Солунского. На той же речке в дозоре 1587/1588 г. зафиксирована деревня Сокольничья, тянувшая к дворцовому бортному селу Поповскому. Вероятно, погост на Волге ранее входил в эту волость («Поповский стан»), но в результате поместных раздач оказался в окружении частновладельческих земель²⁸. В этом контексте топоним Поповское позволяет предположить, что село возникло на церковной («поповской») земле еще одного погоста той же волости. В материалах Генерального межевания это село фигурирует уже под иным названием, Богородицкое, Подлесово тож (Нижегородский у., дача № 120).

Отметим, что бортное село Поповское (по дозору 1587/1588 г. – 12 дворов, к нему «тянуло» 18 деревень) и посопное село Слободское (42 двора, самое многодворное из описанных, без деревень) находились «в межах» друг с другом, расстояние между ними составляло менее 5 верст²⁹. Характер сельского расселения в данном случае явно определялся дворцовым ведомством, поскольку именно в Поповском отмечен двор приказчика. Вероятно,

²⁴ *Анпилогов Г.Н.* Нижегородские документы XVI века. С. 278; *Сироткин С.В.* Книги приходные окладных и неокладных доходов Патриаршего казенного приказа 1627/1628 и 1650/1651 гг. по Нижегородской десятинае // Творцы и герои. Источники и исследования по нижегородской истории. Нижний Новгород, 2012. С. 208.

²⁵ В рассматриваемое время считалось, что в озеро, на берегу которого стоит с. Ворсма, впадает р. Кишма, а вытекает из него другая река, Ворсма.

²⁶ Материалы по истории Нижегородского края. Ч. 1. С. 726, 728.

²⁷ В предисловии к недавней публикации писцовых книг, к сожалению, вновь утверждается, что «книга содержит наказ писцам и описание Закудемского стана», хотя подзаголовок на л. 211 недвусмысленно указывает на местоположение части дворцовых земель, оказавшихся «за вотчинники и за помещики»: «Тех же государевых нижегородских дворцовых и посопных сел на сей стороне реки Кудмы и в Березопольском стану» (Материалы по истории Нижегородского края. Ч. 1. С. 5, 667).

²⁸ Там же. С. 927, 929, 1026–1027.

²⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7514. Л. 1–3, 66–68.

строительство храма в Слободском в значительной мере обусловлено его многолюдностью, а в топониме нашел отражение способ, которым был обеспечен приток новоприходцев. В той же волости, согласно дозорным книгам Василия Борисова, «селище Покровское, пашни перелогом и лесом поросло 9 вытей с полувытью» было «припущено в пашню» к деревне Наговицына (2 крестьянских двора и 16 «мест дворовых») ³⁰. В дозоре С.И. Языкова и подьячего Емельяна Евсевьева (1613/1614 г.) Наговицыно – уже село с храмом Покрова Богородицы, рядом описана «деревня Покровка, Выползова тож, что была пустошь селище Покровское» ³¹. Посвящение церковного престола явно указывает на некую преемственность, следовательно, в данном случае можно говорить не только о продолжавшейся крестьянской колонизации (в волости «прибыло» 9 деревень), но и о восстановлении системы расселения. Приведенные примеры иллюстрирует полиморфизм лексемы «церковь» как маркера расселения даже внутри категории «села» в традиционном понимании.

Особенностью «мордовских сел» Пумра, Бакшеево, Симбилей Старые, Тепелевское Большое, Березники, описанных в «Книгах мордовских сел и деревень письма и дозору Василя Федоровича Борисова да подьячего Третьяка Обрамова лета 7096-го году» ³², является отсутствие в них церкви. К селам Тепелевское и Синбилей тянули, соответственно, три и одна деревня, в остальных случаях деревни отсутствовали. Картографирование мордовских сел и деревень, описанных в дозоре 1587/1588 г. как «мордва Пумрского села», «мордва Терюшевская и Бакшеевская», «мордва Синбилейская» ³³, «мордва Тепелевская», «мордва Сескинская и Татарская», «мордва Борцовская», «мордва Березопольская», показало, что все они располагались довольно компактно в округе села Константиново, нередко имея общие межи. «Мордва Ватцкая» и «мордва Запьянская» жила южнее, на Пьяне и ее правом притоке реке Вад.

Следует подчеркнуть, что источник не содержит сведений о повинностях мордвы в пользу дворцового ведомства, что, впрочем, не мешает исследователям причислять их к категории дворцовых крестьянам [1, с. 5–6; 2, с. 391; 3, с. 106; и др.] ³⁴. Отсутствие другого элемента стандартного

³⁰ Там же. Л. 10 об.

³¹ Материалы по истории Нижегородского края. Ч. 1. С. 513.

³² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7514. Л. 84–99.

³³ В публикации Г.Н. Анпилогова этот заголовок отсутствует.

³⁴ Для писцов 1620-х гг. различие очевидно: «А по нижегородским книгам, каковы писцом даны для справки с книг писма и дозору Василя Борисова 96-го году в тех государевых нижегородских дворцовых и бортных селех и деревнях и с тем, что за боярином за князем Иваном Михайловичем Воротыньским, и в мордовских деревнях, которые ныне по даче за теми ж вотчинниками и за помещици, оприч старых поместных земель, двенадцать сел да сельцо, да сто тритцать три деревни, да три починка, да семдесят одна пустошь...» (Материалы по истории Нижегородского края. Ч. 1. С. 823).

формуляра записи писцовых книг объяснено в конце текста: «А не положено в сошное письмо мордовские земли потому, что они с тое земли служат службу»³⁵. Как представляется, речь идет о «служилой мордве». Упоминание вблизи этих поселений «большой казанской дороги» в писцовых и межевых книгах 1620-х гг. Д.В. Лодыгина, В.И. Полтева и дьяка Дементия Образцова³⁶ позволяет предположить, что «служба» нижегородской мордвы дозорных книг Василия Борисова могла заключаться в «обслуживании» и охране этой дороги. Косвенно эту версию подтверждает упоминание в дозоре существовавшего здесь прежде села Татарское, можно думать, поселения «служилых татар» (к деревне Сескино «снесена мордва, что была на селе на Татарском и с пашнею..., а та их пашня Татарскаго села сошлася с Сескинскою пашнею»)³⁷.

Дозорные книги Василия Борисова фиксируют совместное проживание язычников-мордвы и русского населения, в первую очередь, вероятно, бортников («русин Клим бортник», «русин Данилко Григорьев»). Подтверждения этому содержатся и в писцовых книгах 1620-х гг. Так, согласно сказке перед писцами старожильцев, «изстари в селе Пумры жили вместе русские люди бортники и мордва, а после дозору Василья Борисова из села Пумры от бортников мордва отделясь и поселилась опроче бортников на третьем поле, и на той пумерской земле стоит мордовская деревня Вармалей. А с тое земли мордва всякие государевы подати платят с нижегородскою мордвою вместе, опричь бортников села Пумры». Источник не называет причин отселения. Неизвестно, было ли это вызвано пожалованием земель в вотчину С.В. Головину и желанием мордвы сохранить свой прежний статус, строительством в селе православного храма или же произошло раньше этих событий и с ними никак не связано. Еще одно свидетельство находим в сказках о пустых дворах на земле «мордвы Синбилейской», пожалованной боярину Ю.Я. Сулешеву, который построил в деревне Новые Синбилеи (село Егорьевское) Спасо-Преображенскую церковь: «А по роспросу и по скаске ис тех дворов сошли безвестно и вывезены за старых помещиков, а мордва выслана вон, что им с русскими людьми жить вместе не пригоже, а в крестьянскую веру креститца не похотели»³⁸. Таким образом, использование маркера «церковь» de facto исключает из исследования сельского расселения территории, на которых проживали нехристианские народы, а также некоторое количество русских, чье расселение носило дисперсный характер.

³⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7514. Л. 99.

³⁶ Нижегородская государственная областная универсальная научная библиотека им. В.И. Ленина (далее – НГОУНБ). Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 24 об., 39, 44 об., 46.

³⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7514. Л. 90 об.

³⁸ Материалы по истории Нижегородского края. Ч. 1. С. 607–608, 646, 649.

Сельский «монастырь» в качестве маркера расселения в рассматриваемый период также полиморфен. Так, прихожанами Никольской церкви Дудина монастыря были крестьяне значительной по территории подмонастырской вотчины, а храм Матюшевского монастыря являлся приходским и для жители соседних деревень других землевладельцев. Приход церкви небольшого Троицкого монастыря в Березополье охватывал крестьян села Троицкое, как монастырских, так и частновладельческих. В Толоконцово, которое в дозорных книгах 1587/1588 г. называется и «сельцем», и селом, при церкви «Преображение Господа бога нашего Иисуса Христа» нет дворов белого духовенства, но отмечены 3 кельи, в которых «живут старцы черные, скитаютца о церкви божи и о мире», т.е. на момент описания это, скорее, небольшой сельский монастырь, храм которого выполнял роль приходского для жителей 20 деревень «бортников Заволжских»³⁹. Подобным же образом в начале XVII в. была организована приходская жизнь при храме Скоробогатовской пустыни на Узоле в Заволжье и др., которые превращаются затем в сельские церкви.

Важным результатом исследования стал вывод о необходимости рассматривать проблему сельского расселения в несколько более широких географических рамках, чем территория собственно Нижегородского уезда, зафиксированная в подлинных писцовых книгах 1620-х гг. из РГАДА. Раздачи в вотчины и поместья дворцовых и мордовских земель не привели к их полному исчезновению, что подтверждает и выявленный автором список писцовых и межевых книг мордовских деревень Нижегородского у., в публикацию 2015 г., к сожалению, не вошедший. Речь идет также о церковно-монастырских и светских владениях, описания которых вошли в писцовые книги соседних уездов, хотя фактически они находились среди нижегородских земель, как, например, село Коропово Печерского монастыря и дворцовые села Лысково и Большое Мурашкино с деревнями (Курмышский у.) или владения патриарха с центром в селе Ярымово (Муромский у.)⁴⁰. Как представляется, не было существенных, «качественных», отличий – с точки зрения аграрного освоения и расселения, в особенности – между землями Нижегородского и Балахнинского уездов, а также муромскими, арзамасскими или курмышскими землями, которые локализуется как близко к ним расположенные. В этом контексте выводы Д.А. Черненко и П.В. Чеченкова о расселении, сделанные на основе сведений о размещении церковью Нижегородского у. в рукописях № 292 и 293 фонда Поместного приказа, не представляются достаточно убедительными [7].

³⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7514. Л. 80.

⁴⁰ НГОУНБ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 1, 2; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 284, 7484; РГБ ОР. Ф. 228. Д. 186; и др.

Очевидная условность «границ» станов Нижегородского у. с точки зрения процессов сельского расселения делает любые попытки статистической обработки данных по подобному формальному основанию нерепрезентативными. Отмеченная выше особенность состава рукописи № 292 еще более усугубляет приблизительность полученных результатов. Это относится и к расчетам Д.А. Черненко и П.В. Чеченковым «плотности» «сети приходских храмов» и «числа дворов на один храм» (в Стрелицком стане – 39 населенных пунктов и 369 дворов, в Березопольском – «почти 9 поселений» и 124 дворов, в Закудемском – «почти 15 населенных пунктов» и 142 дворов) [7, с. 139]. Связь полученных цифр по Закудемскому стану с «продолжающимся освоением», как, впрочем, и общий вывод о том, что «небольшое количество церквей в уезде (всего 107) соответствует тому, что процесс формирования сети сельских поселений находился в весьма активной фазе», носят декларативный характер. То обстоятельство, что на момент описания различные части уезда не только заселялись вновь, но и находились на разных стадиях восстановления после Смуты, авторами проигнорировано. Поскольку церковный приход нередко не совпадает с помещьем или вотчиной (светской или монастырской) [5, с. 129–130], то говорить об изучении «приходской сети» на материалах писцовых книг просто не приходится, и некие полученные на их основе «средние» показатели «обеспеченности» храмами населения светских вотчин, поместий и монастырских владений не являются предметом научной интерпретации.

В целом, исследование подтвердило гипотезу о том, что лексемы «церковь» и «монастырь» могут использоваться в качестве маркера при изучении процессов аграрного расселения. Однако анализ соотносительности пространственной структуры нижегородских сельских приходских и монастырских церквей с процессами расселения, хозяйственного освоения новых или запустевших земель, с существовавшими системами поселений позволяет констатировать отсутствие однозначной корреляции между этими явлениями по целому ряду характеристик и признаков.

Полиморфизм изучаемых маркеров в значительной степени обусловлен существованием в Нижегородском крае районов с различной хозяйственно-пространственной типологической структурой. В XVI–XVII вв. на части изучаемой территории продолжала сохраняться – и воспроизводиться – погостная система расселения. Результаты картографирования зафиксированных писцами в 1620-х гг. погостов наглядно демонстрируют роль рек в истории аграрного расселения в крае. Сельская церковь в вотчине крупного землевладельца или в поместном, на несколько владельцев, селе, в дворцовом селе, бортном или посопном, в ямской слободе, храм в Амвросиеве Дудине монастыре или небольшой сельской «пустынке» сопряжены с от-

личающимися системами сельского расселения. Соответственно, успешное изучение особенностей исполнения ими своих функций в сельском сообществе невозможно без учета структуры, в рамках которой тот или иной храм/монастырь возник и существовал.

Поскольку население Нижегородского Поволжья занималось не только, а иногда и не столько земледелием, часто невозможно провести четкую грань между расселением в процессе по преимуществу промысловой деятельности и собственно земледельческим освоением. Источники свидетельствуют, что строительство нового храма, как правило, происходило с определенным «запаздыванием» относительно «крестьянской» колонизации. Этноконфессиональный состав населения края обуславливает специфику применения маркера «церковь/монастырь», так как он может указывать не только на аграрное расселение как таковое, но и на проникновение на уже освоенные территории русского и/или православного населения.

Литература

1. *Анпилогов Г.Н.* Нижегородские документы XVI века (1588–1600 гг.). М., 1977. С. 5–6.

2. *Давыдова А.А.* Материалы писцового делопроизводства Нижегородского уезда как источник по истории мордовских поселений конца XVI – XVII вв. // Мининские чтения: Труды научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (20–21 октября 2006 г.). Нижний Новгород, 2007. С. 390–403.

3. *Дегтярёв А.Я.* Русская деревня в XV – XVII веках. Очерки истории сельского расселения // Избранные труды по русской истории. Т. 1. М., 2006.

4. *Соколова Н.В.* Община и мирское самоуправление в Заузольской волости во второй половине XVI в. // Городецкие чтения: Материалы научно-практической конференции. Вып. 3. Городец, 2000. С. 103–117.

5. *Соколова Н.В.* Сельская община и церковный приход в нижегородской монастырской вотчине XVII – первой половины XVIII в. // Мининские чтения: Материалы научной конференции. Нижегородский государственный университет (10 декабря 2002 г.). Нижний Новгород, 2003. С. 126–138.

6. *Чеченков П.В.* Нижегородский край в конце XV – третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. Нижний Новгород, 2004.

7. *Черненко Д.А., Чеченков П.В.* Сельские церкви Нижегородского уезда в первой четверти XVII в.: количество, состояние, размещение // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С. 138–139.

Государственная и вотчинная политика в аграрном и демографическом развитии крупной монастырской вотчины (XVI–XVII вв.)

В статье рассмотрены важнейшие проблемы в аграрном и демографическом развитии регионов России XVI–XVII вв.: влияние экономической политики монастырей на темпы освоения земельных угодий на Русском Севере и в Белозерском крае в 1540–1550-гг. и на вторичное освоение земель, заброшенных в ходе Смуты; поддержка государством демографической и экономической стабильности населения монастырских вотчин XVI–XVII вв.; эволюция структуры сельского расселения в России после «смутного времени»; воздействие природно-климатического фактора на сельское расселение и землепользование. Исследование проведено на основе хозяйственной документации одного из крупнейших землевладельцев России – Кирилло-Белозерского монастыря – с привлечением сравнительного материала других монастырей, писцовых и переписных книг новгородских пятин.

Ключевые слова: крупная монастырская вотчина, Белозерский край, Кирилло-Белозерский монастырь, внутренняя колонизация, сельское население, миграция, урожайность.

В первой половине XVI в. завершается процесс формирования Русского государства. В эти годы происходит максимальная распашка земель, пригодных для ведения зернового хозяйства. Дальнейшее развитие страны определяли как политические, экономические, так и природно-климатические факторы. В данной статье рассмотрено влияние государственной и вотчинной политики на аграрное и демографическое развитие регионов страны на примере одного из крупнейших землевладельцев Московской Руси – Кирилло-Белозерского монастыря – с привлечением сравнительного материала новгородских пятин и монастырей Вологодского уезда. Документальное наследие Кирилло-Белозерского монастыря позволяет проследить изменение системы сельского расселения, эволюцию типов поселений и выявить факторы, влиявшие по эти процессы на протяжении длительного времени. Сравнительный анализ позволяет установить, насколько социально-экономическая ситуация, выявленная на базе хозяйственной документации кирилловского архива, типична для Северо-Запада России и Поморья.

Земли Кирилло-Белозерского монастыря, в основном, находились в Белозерском и Вологодском уездах². Хозяйственное освоение этих территорий завершается в конце 1550-х гг., т.е. на несколько десятилетий позже, чем это

¹ Дмитриева Зоя Васильевна, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, zvdmitr.@rambler.ru, Россия, г. Санкт-Петербург.

² В середине XVI в. за Кирилловым монастырем в Белозерском и в Вологодском уездах почти 800 живущих поселений и более 2 тыс. крестьянских дворов, что составляло более 60% от деревень и дворов в других уездах

произошло на новгородских землях, где большая часть пригодных к обработке земель была распахана уже к началу XVI в. В 1530–1540-е гг. починки здесь составляли менее 10% от всех учтенных поселений (2, с. 31, табл. 12). В белозерских же вотчинах Кириллова монастыря в 1540-е гг. новых поселений было 39%, а в некоторых волостях починки преобладали над деревнями (3, с. 46, табл. 29). Такая же аграрно-демографическая ситуация наблюдалась и в Вологодском уезде. Здесь в кирилловских селах, на землях Спасо-Прилуцкого и Дионисия Глушицкого монастырей третья часть всех поселений значилась починками, а в вотчине Лопотова монастыря было более 40% новых поселений (5, с. 49, табл. 1). Перед нами, без сомнения, значительная территория, где колонизационные процессы в 1540-е гг. далеко не завершены.

В первой половине XVI в. на белозерских кирилловских землях деревни и починки были малодворными (1–2 двора) и составляли более 70% от всех учтенных поселений (3, с. 47, табл. 30). В Вологодском уезде на монастырских землях такой тип поселений занимал от 56 до 81,3% (5, с. 49, табл. 1). Поселенческая структура на Северо-Западе принципиально не отличалась от Белозерья и Вологодчины. В 1530–1540-е гг. новгородские деревни также были малодворными (1–3 двора), а в некоторых уездах (Ореховском и Ладожском) их удельный вес увеличивался до 66–88% (3, с. 143, табл. 113). Приведенные данные дают основание говорить, что на значительной территории России, включая Северо-Запад и часть Поморья, в первой половине XVI в. преобладал хуторской тип расселения.

Не изменился тип поселений в кирилловских волостях в конце 1550-х гг., когда число деревень и дворов возрастает почти в 2 раза, починки составляют всего 6,8%. Однако показатель средней дворности поселений почти не изменился: в 1544 г. он составил 2,3 двора в деревне, в 1559 г. – 2,6 [3, с. 46, табл. 29; с. 47, табл. 30]. Как видим, идет демографический рост населения и заселение значительных территорий без изменения типов поселений.

Освоению новых земель, несомненно, способствовала хозяйственная политика кирилловских властей. Новопорядчикам выдавали подмогу на обзаведение хозяйством, а в 1559 г. крестьяне Белозерского, Вологодского и Пошехонского уездов (1982 двора) получили на посев из монастырских житниц более 18 тыс. четвертей ржи, овса, пшеницы и ячменя (11, с. 23, 194). Государство поддерживало колонизационную деятельность монастыря (11, с. 27). В декабре 1559 г. игумен Феоктист «с братьею» получил право принимать вышедших жить на кирилловские земли «не в срок без отказа» новопоселенцев и не возвращать крестьян «назад на пустые места»³.

³ Памятники истории крестьян XIV–XIX вв. / Под. ред. А.Э. Вормса, Ю.В. Готье, А.А. Кизиветтера, А.И. Яковлева. М., 1910. С. 27. № 20.

Таким образом, первую половину XVI в. можно считать периодом стабильного аграрного развития русской деревни. Ситуация меняется в 1570–1580-е гг. Белозерский край в эти годы прежде всего пострадал от чумы, которая пришла из разоренного Новгорода в начале 1570 г. Эпидемия и последовавший после нее голод были основными причинами убыли населения в регионе, о чем свидетельствует локальный характер запустения. Государевы писцы в 1585 г., фиксируя пустые земли крестьян белозерских дворцовых езовых волостей⁴, отмечали: запустела волость «от голоду и от морового поветрия 78-го году»⁵. Из 12 волостей: Чуровская и Милобудская волости – вымерли полностью⁶, в некоторых – пустые поселения преобладали над живущими, в Усть-Угольской их было 80%, в Долгой Слободке – 80,4%, в Веретейке Малой – 78,6%⁷. Вместе с тем, на дворцовых землях, расположенных в верхнем течение Шексны, ближе в Белозерску, заброшенных деревень писцы почти не обнаружили (в Федосьине Городке – 4,8%, в Вогнеме – 7,3%, в Липнике Заозерском – 10,3, в Ивачевской – 13,8 [4, с. 55, табл. 2]).

Локальность запустения показывает и переписная книга кирилловских вотчин 1601 г.: в начале XVII в. в Белозерском и Вологодском уездах на землях Кирилло-Белозерского монастыря пустые деревни и пустоши составляли 36,8% от всех учтенных поселений (всего значилось 1097, пустых – 404)⁸. Если же брать данные только по Белозерскому уезду, то процент пустоты сократится до 33,1 [3, с. 48, табл. 31]. При этом в селах и волостях, расположенных в северной части Белозерья и по берегам Белого озера, впусе не было ни одной деревни⁹.

Холодное лето 1601 г. стало рубежом в аграрном и демографическом развитии русской деревни. Голод 1601–1603 гг. и последовавшее за ним «смутное время» повлияли на систему сельского расселения. Повсеместно, на новгородских землях, в Белозерском и в Вологодском уездах, произошло

⁴ Крестьяне этих волостей «ямских денег не платили, и посошные службы с них не наряжали, и городового оне дела не делали», а вместо налогов «били царев и великого князя ез» (специальное сооружение для ловли рыбы на Шексне) и поставляли осетров, стерлядей, севрюг и «осетрые икры» к государеву столу (Писцовая езовая книга дворцовых волостей и государевых оброчных угодий Белозерского уезда 1585 года / Сост. В.С. Барашкова, З.В. Дмитриева, Л.С. Прокофьева; под ред. А.Г. Манькова. М.; Л., 1984). По данным этой писцовой книги, в дворцовых волостях значилось 450 поселений, из них пустыми деревнями и пустошами писцы записали 223, т.е. 49,6% [4, с. 55, табл. 2].

⁵ Писцовая езовая книга дворцовых волостей... С. 60, 78.

⁶ Там же. С. 60–84.

⁷ Там же. С. 38–51, 25–38, 68–75. Исходные данные приведены в статье «Пришекснинские езовые волости в XVI в.» [4, с. 55, табл. 2].

⁸ Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Вытные книги. Хлебные оброчники и переписная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря. 1559–1601 гг. / Сост. А.Х. Горфункель и З.В. Дмитриева; под ред. А.Г. Манькова. М.; Л., 1983. С. 358–405 (здесь и далее подсчет наш).

⁹ Там же. С. 394–400.

резкое сокращение числа живущих селений, на некоторых территориях впусе оказалось половина деревень [3, с. 48, 49].

В годы «лихолетья» и «литовского разорения» кирилловские власти поддерживали население, выдавая хлебные ссуды. За 1602–1619 гг. из монастырских житниц крестьяне получили более 2,5 тыс. четвертей зерна (в основном это был овес) на посев и «ежу» [11, с. 48–54, табл. 8]¹⁰. Однако даже во второй половине 1620-х гг. в Белозерье далеко не все пригодные для эксплуатации земли были вновь введены в хозяйственный оборот: заброшенные деревни и пустоши составляли более 40% всех учтенных поселений [3, с. 48, табл. 31; с. 49].

Еще более медленными темпами шло вторичное освоение заброшенных земель в других регионах. Характеризуя положение в новгородских пятинах, А.Я. Дегтярёв писал: «Хозяйственная разруха конца XVI в. и военно-политические потрясения первых десятилетий XVII в. почти уничтожили сложившуюся за несколько предшествующих столетий сеть поселений» [3, с. 20]. В наиболее разоренной Бежецкой пятине в конце 1620-х гг. осталось лишь 14,5% от численности населения 1580-х гг. или 4% от численности населения 1500 г. [3, с. 10]. В ряде уездов Псковской земли в эти годы государевы писцы зафиксировали менее 10% живущих поселений (в Островском – 6,4%, Вороночском – 3,8%, Выборгском – 3,4%, в Дубковском – 2,0%) [3, с. 30, табл. 14].

Большой процент заброшенных земель после «смутного времени» – явление, характерное для экономического положения России в целом. Значительные территории обрабатываемых земель были выведены из хозяйственного оборота. Поэтому государство пошло на изменение системы налогообложения, замену пространственной четверти так называемой «живущей четью», которая включала определенное количество крестьянских и бобыльских дворов, при сохранении сохи как окладной единицы¹¹. Нововведение привело к резкому сокращению размеров посошного обложения и, как следствие, к уменьшению налогового пресса, что способствовало введению в хозяйственный оборот заброшенных земель.

В Белозерье на территории кирилловских вотчин с 1626 г. по 1678 г. число живущих деревень увеличилось в 1,3 раза, при этом средняя дворность

¹⁰ Хлеб в Кирилло-Белозерском монастыре накапливался годами. Государевы писцы накануне великого голода в июле 1601 г. зафиксировали в кирилловских житницах более 25 тыс. четвертей зерна и муки [11, с. 84]. Опись была составлена до поступления нового урожая. Хлеб хранился в 10 житницах «против меншово монастыря». В «рописи» указано количество четвертей зерна (ржи, овса и пшеницы), муки пшеничной и ржаной, солода ржаного, «ячного и овсяного», «круп овсяных» и толокна (Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года. Комментарированное издание / Сост. З.В. Дмитриева и М.Н. Шаромазов. СПб., 1998. С. 226). Монастырь выдавал зерно и муку не только крестьянам, но и «людом разных чинов» [12, с. 15, 23, 24].

¹¹ Подробно о введении «живущей чети» в разных уездах см.: *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. М., 1986. С. 56–111.

поселений возросла с 3,4 до 5,7 двора, а число крестьянских дворов – более чем в 2 раза [3, с. 47, табл. 30].

А.Л. Шапиро рост дворности деревень в новгородских пятинах объяснял целесообразностью использования земельных угодий, припашью заброшенных пашен к живущим деревням. Опираясь на исследование А.Я. Дегтярёва, он писал, что увеличение числа дворов в деревнях вело к сокращению тяжелого труда на ограждение полей и затрудняло наступление леса на полевые угодья [3, с. 66; 10, с. 171–175]. Авторы коллективного труда «История крестьянства Северо-Запада России» считали, что укрупнению поселений «способствовало изменение внутренней хозяйственной структуры поместья, прежде всего развитие барщины, которая требовала концентрации рабочих рук вблизи господских угодий [13, с. 66]¹².

А.И. Копанев, обсуждая со мной проблемы аграрного развития русской деревни XVII в., высказал предположение, что выпашанность земель была главной причиной запустошения пашенных земель, а увеличение числа дворов в деревнях было следствием демографического роста населения.

Сохранность хозяйственной документации Кирилло-Белозерского монастыря позволяет детально, на уровне деревень, рассмотреть причины аграрных и демографических изменений в русской деревне в XVI–XVII вв.

По данным вытных книг 1559 г., на всей территории кирилловских волостей в Белозерском, Вологодском и Пошехонском уездах трехполье было основной формой землепользования. Крестьяне высевали рожь, овес, пшеницу и ячмень, причем соотношение ржи и овса по районам колебалось от 1:1,7 до 1:2,9 [11, с. 195, 196, табл. 2]. В целом яровые культуры, как правило, занимали 60–70% от общего объема посеянного зерна (см. табл. 1). После похолодания начала XVII в. изменилась система землепользования. Во второй половине XVII в. пшеница и ячмень почти исчезают из севооборота, сокращается объем высеваемых озимых, в посеве стал преобладать овес (табл. 2–4)¹³. При этом происходит резкое сокращение площадей обрабатываемых земель. С середины XVI в. количество тяглой пашни на двор сократилось в 2 и более раз [3, с. 171, табл. 92; с. 173, табл. 95]. Вместе с тем, в 1660-е гг. в некоторых районах (Сизма, Романова Слободка) число пустошей составило более половины всех учтенных поселений [3, с. 51].

¹² Это положение было сформулировано А.Я. Дегтяревым и В.М. Воробьевым на основе писцовых и переписных книг без привлечения других источников. Сокращение числа мелких поселений и рост дворности деревень во второй половине XVII в. интересами вотчинника объяснял А.С. Емельянов в кандидатской диссертации 1941 г. «Крестьяне вологодской монастырской вотчины (конец XVI – начало XVII в.)» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 276. Оп. 2. Д. 51. Л. 111–113).

¹³ В историографии принято, считать, что соотношение культур в хлебном оброке примерно было таким же, как и в посеве. Наши расчеты на материалах вытных книг 1559 г., которые содержат сведения о высеваемых культурах и хлебном оброке, подтверждают это положение (см. табл. 1). Изменения в севообороте показаны на примере трех сел (волостей), расположенных в разных районах Белозерья.

Эти земли, малоплодородные и выпаханные, были исключены монастырем из тягла и отдавались крестьянам пахать в аренду «из четвертого снопа» или косить «из пятой копны» [3, с. 51].

Не способствовала аграрному развитию региона и низкая урожайность основных культур. В Романовой Слободке за 12 лет (1657–1668 гг.) на монастырской пашне урожайность ржи (в самах) составила 2,3 четвертей, овса – 2,0 четверти (табл. 5). На других кирилловских землях в 1660-е гг. средняя урожайность была несколько выше – сам-2,6 ржи и сам-2,3 овса, но значительно колебалась по районам в разные годы (см. табл. 6). В последней четверти XVII в. урожайность ржи поднимается до сам-3,3, овса не меняется (см. табл. 7, 8). Низкая урожайность зерновых культур в 1660-е гг., возможно, была вызвана природно-климатическими факторами [6, 109, 110, 215–217].

Отмеченная урожайность значительно ниже выявленной Н.А. Горской на подмонастырской пашне в 1604–1606 гг. (рожь – сам-3,77– сам-4,47; овес – сам-1,32–сам-8) [8, с. 148, 149, 154, табл. 1–3], а также рассчитанной нами за 1605–1625 гг. (рожь – сам-4,1; овес – сам-4,4) и за 1674–1682 гг. (рожь – сам-5,9; овес – сам-4,4) (см. табл. 9, 10). Вероятно, поля, расположенные рядом с Кирилловым монастырем, лучше удобрялись и более тщательно обрабатывались, чем пашни в удаленных от него селах.

Крестьянское хозяйство при низкой урожайности зерновых культур и постоянных «недородах» нуждалось в поддержке вотчинника. На протяжении всего XVII в. ежегодно из монастырских житниц крестьянам выдавалось зерно на посев. В селах находились монастырские житницы, в которых хранился собранный урожай. Хлебными запасами и раздачей их на посев распоряжалась крестьянская община [11, с. 30–54]. Важно отметить, что не только кирилловские старцы финансировали крестьянское хозяйство. Разные формы кредита были широко распространены на монастырских землях [7, с. 18–37; 13, с. 306–309].

Выдачей хлебных и денежных ссуд не ограничивалась экономическая политика кирилловских старцев. С целью уменьшения размеров государственных налогов и вотчинных платежей монастырь шел на резкое сокращение тяглой пашни, а также сокращение объектов обложения при составлении государственных кадастров [11, с. 200–208, 278–284]. Как видим, действия властей Кирилло-Белозерского монастыря и в XVI в., и в XVII в. были направлены на сохранение экономического потенциала крестьянского хозяйства и поддержку аграрного развития деревни.

Таблица 1

**Соотношение зерновых культур в посеве и оброке крестьян
Кирилло-Белозерского монастыря в 1559 г. (Белозерский уезд)¹**

Культура	Посев		Оброк	
	всего (в четвертях)	%	всего (в четвертях)	%
1. Околомонастырье				
Рожь	1022.0	30.5	468.6	35.8
Овес	2263.8	67.5	773.3	59.1
Пшеница	62.9	1.9	62.3	4.8
Ячмень	4.3	0.1	4.3	0.3
Итого	3353.0	100.0	1308.5	100.0
2. Рукина Слободка				
Рожь	846.3	26.0	598.5	31.3
Овес	2320.7	71.2	1208.5	63.2
Пшеница	47.4	1.5	51.9	2.7
Ячмень	43.0	1.3	54.0	2.8
Итого	3257.4	100.0	1912.9	100.0
3. Романова Слободка				
Рожь	830.8	32.8	613.8	35.4
Овес	1608.0	63.4	987.3	56.9
Пшеница	59.2	2.3	60.1	3.5
Ячмень	39.0	1.5	72.9	4.2
Итого	2537.0	100.0	1734.1	100.0

¹ Составлена по: Дмитриева З.В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. СПб., 2003. С. 195, 195, табл. 2; с. 212, табл. 11.

Таблица 2

**Хлебный оброк (в четвертях) крестьян Околомонастырья
Кирилло-Белозерского монастыря (XVI–XVII вв.)¹**

Год	Уплатили				Норма платежей			
	рожь	овес	пшеница	ячмень	рожь	овес	пшеница	ячмень
1559	486.60	773.30	62.30	4.30	486.60	773.30	62.30	4.30
1599	237.20	449.92	29.91	21.66	237.20	449.92	29.91	21.66
1601	261.50	485.92	46.56	9.25	261.50	485.92	46.56	9.25
1610	195.25	358.50	35.50	4.83	199.30	363.00	36.50	4.83
	(98.0) ²	(98.8)	(97.8)					
1616	129.00	225.00	15.25	6.00	129.00	225.00	15.25	6.00
1662	87.75	208.75	15.00	6.00	180.75	332.5	26.75	8.00
	(48.5)	(62.8)	(56.1)	(75.0)				

¹ Составлена по: Дмитриева З.В. Вытные и описные книги... С. 392, табл. 32.

² В скобках указаны проценты.

Таблица 3

**Хлебный оброк (в четвертях) в с. Рукина Слободка
Кирилло-Белозерского монастыря (XVI–XVII вв.)¹**

Год	Уплатили				Норма платежей			
	рожь	овес	пшеница	ячмень	рожь	овес	пшеница	ячмень
1559	419.50	860.00	35.1	39.50	419.50	860.00	35.10	39.50
1601	490.50	766.00	39.0	132.50 ²	490.50	766.00	39.00	132.50 ²
1664	16.25 (10.9) ³	56.51 (18.6)	–	1.00 (10.3)	148.50	303.01	13.19	9.75
1667	6.75 (4.5)	40.00 (13.3)	–	0.25 (2.6)	148.50	299.88	13.71	9.75
1678	51.25 (33.6)	40.75 (45.4)	–	6.50 (65.0)	152.75	310.00	13.25	10.00
1681	16.19 (9.7)	92.94 (25.9)	–	3.50 (21.6)	167.09	359.34	13.15	16.23

¹ Составлено по: Дмитриева З.В. Вытные и описные книги... С. 212, табл. 11; ОПИ ГИМ. Ф. 484. Д. 24; РГАДА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 985, 1036.

² В том числе 103,5 четверти овсяного ядра.

³ В скобках указаны проценты.

Таблица 4

Хлебный оброк (в четвертях) в с. Романова Слободка (XVII в.)¹

Год	Уплатили			Норма платежей		
	рожь	овес	ячмень	рожь	овес	ячмень
1601	314.20	298.10	127.60	314.20	298.10	127.60
1667	49.50	55.75	9.25	49.50	55.75	9.25
1676	66.25	85.00	13.25	66.25	85.00	13.25
1690	68.25 (97.4) ²	87.75 (98.0)	12.63 (96.2)	70.06	89.50	13.13
1699	10.81	24.25	3.00	10.81	24.25	3.00

¹ Составлена по: Дмитриева З.В. Вытные и описные книги... С. 240, табл. 34.

² В скобках указаны проценты.

Таблица 5

**Урожайность ржи и овса в самах на монастырской пашне
в с. Романова Слободка (1657–1668 гг.)¹**

Год	Рожь			Овес		
	посев в четвертях	сбор в четвертях	урожайность	посев в четвертях	сбор в четвертях	урожайность
1657	95.5	180.50	1.9	181.50	325.25	1.8

1658	85.50	224.88	2.6	180.25	481.00	2.7
1659	92.38	176.75	1.9	183.50	319.50	1.7
1660	82.50	187.50	2.3	170.63	359.75	2.1
1661	85.00	213.75	2.5	176.00	446.75	2.5
1662	84.50	163.25	1.9	170.50	361.50	2.1
1663	82.50	175.25	2.1	165.00	272.00	1.6
1663	-	-	-	80.37*	207.50	2.6
1664	78.50	185.00	2.4	175.00	342.00	2.0
1664	-	-	-	80.00*	202.50	2.5
1665	78.50	173.50	2.2	225.50	421.50	1.9
1666	78.00	203.00	2.6	225.00	377.00	1.7
1667	78.00	302.50	3.9	180.50	273.00	1.5
1668	72.50	63.00	0.9	180.00	360.50	2.0
Итого	993.38	2248.88	2.3	2373.75	4749.75	2.0
Итого без подсеки	-	-	-	2213.38	4339.75	2.0

¹ Составлена по: РГАДА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 790, 825.

* На подсеке.

Таблица 6

**Урожайность ржи и овса в самах на монастырской пашне
в селах Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерском уезде
(1661–1669 гг.)**

Год	Село	Рожь			Овес		
		посев в четвертях	сбор в четвертях	урожай- ность	посев в четвертях	сбор в четвертях	урожай- ность
1661	Новая Ерга	38.00	40.00	1.1	150.88	217.00	1.4
1662	Новая Ерга	35.88	43.50	1.2	86.88	129.50	1.5
1667	Волок Славинский	98.25	269.50	2.7	144.00	315.25	2.2
1667	Рукина Слободка	34.63	116.00	3.4	85.00	260.00	3.1
1667	Рукина Слободка	–	–	–	35.00*	68.00	1.9
1667	Покровское	8.63	68.54	7,9	36.00	113.00	3.1
1668	Волок Славинский	85.38	261.50	3.1	166.38	431.50	2.6

1669	Покровское	11.50	49.75	4.3	26.00	82.00	3.2
1669	Волок Славинский	74.75	136.00	1.8	153.50	355.00	2.3
1669	Рукина Слободка	36.25	128.00	3.5	93.00	300.00	3.2
1669	Рукина Слободка	6.38*	7.000	1.0	26.000*	33.00	1.3
Итого		429.65	1119.79	2.6	1002.64	2304.25	2.3
Итого без высева на пустошах		423.27	1112.79	2.6	941.64	2203.25	2.3

¹ Составлена по: РГАДА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 797, 804, 831, 838, 849, 850; Оп. 6. Д. 100; ОПИ ГИМ. Ф. 484. Д. 21, 22.

* На пустошах.

Таблица 7

**Урожайность ржи на монастырской пашне в белозерских селах
Кирилло-Белозерского монастыря (1672–1684 гг.)¹**

Год	Село-волость	Посев (в четвертях)	Урожай	
			всего (в четвертях)	в самах
1672	Волок Славинский	76.00	176.50	2.3
1675	Новая Ерга	25.25	120.25	4.8
1676	Новая Ерга	28.25	141.75	5.0
1676	Рукина Слободка	38.25	135.00	3.5
1676	Рукина Слободка	18.88*	60.25	3.2
1677	Рукина Слободка	37.50	169.00	4.5
1677	Рукина Слободка	7.75	16.00	2.1
1677	Новая Ерга	25.25	90.75	3.6
1678	Рукина Слободка	25.50	151.00	5.9
1678	Рукина Слободка	15.50*	32.50	2.1
1680	Колкач	39.50	180.50	4.6
1681	Рукина Слободка	33.38	22.00	0.66
1681	Рукина Слободка	10.00*	21.00	2.1
1682	Рукина Слободка	46.50	67.00	1.4
1682	Рукина Слободка	20.50*	24.00	1.2
1683	Волок Славинский	69.50	221.88	3.2
1683	У Славинской мельнице	19.50	39.00	2.0

1683	Рукина Слободка	54.00	164.00	3.0
1683	Талица	46.88	124.00	2.6
1683	Сизма	59.00	157.00	2.7
1683	Чаромские	30.13	90.25	3.0
1683	Романова Слободка	65.00	255.00	3.9
1684	Колкач	31.00	138.00	4.5
Итого		823.00	2596.63	3.2
Итого без высева на пустошах		756.14	2458.88	3.3

¹ Составлена по: ОПИ ГИМ. Ф. 484. Д. 21, 24; РГАДА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 939, 940, 943, 1014, 1017, 1032.

* На пустошах.

Таблица 8

**Урожай овса на монастырской пашне в селах
Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерском у. (1675–1689 гг.)¹**

Год	Село-волость	Посев (в четвертях)	Урожай	
			всего (в четвертях)	в самах
1675	Рукина Слободка	102.00	319.50	3.1
1675	Рукина Слободка	54.70*	99.00	1.8
1675	Новая Ерга	57.25	105.63	1.8
1676	Рукина Слободка	90.00	270.50	3.0
1676	Рукина Слободка	73.50*	97.00	1.3
1676	Новая Ерга	55.50	109.25	2.0
1677	Новая Ерга	60.25	103.25	1.7
1677	Рукина Слободка	100.00	223.00	2.2
1677	Рукина Слободка	69.50*	107.00	1.5
1678	Рукина Слободка	112.00	123.00	1.1
1678	Рукина Слободка	59.50*	92.25	1.6
1680	Колкач	74.50	151.25	2.0
1681	Рукина Слободка	95.00	195.00	2.1
1681	Рукина Слободка	29.00*	34.00	1.2
1681	Рукина Слободка	101.00	306.00	3.0
1683	Рукина Слободка	87.00	312.00	3.6
1684	Рукина Слободка	72.00	145.00	2.0
1689	Рукина Слободка	74.00	171.00	2.3
Итого		1366.70	2963.63	2.2
Итого без высева на пустошах		1080.50	2534.38	2.3

¹ Составлена по: ОПИ ГИМ. Ф. 484. Д. 24; РГАДА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 924, 939, 940, 943, 1014, 1032, 1151.

* На пустошах.

**Урожайность в самах ржи и овса на подмонастырской пашне
Кирилло-Белозерского монастыря (1674–1682 гг.)¹**

Год	Рожь			Овес		
	посев в четвертях	сбор в четвертях	урожайность	посев в четвертях	сбор в четвертях	урожайность
1674	97.00	436.63	4.5	180.63	639.25	3.5
1675	172.88	718.25	4.2	262.38	1000.50	3.8
1676	111.33	1039.00	9.3	155.13	722.75	4.7
1678	176.63	1043.00	5.9	257.75	1388.00	5.4
1682	146.93	914.25	6.2	–	–	–
Итого	704.77	4151.13	5.9	855.89	3750.5	4.4

¹ Таблица составлена по: РГАДА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 911, 950, 972, 1017.

**Урожайность хлебов в самах на подмонастырской пашне Кирилло-Белозерского монастыря
(1605–1625 гг.)¹**

Год	Рожь			Овес			Пшеница			Ячмень		
	посев (в четв.)	сбор (в четв.)	урожайность	посев (в четв.)	сбор (в четв.)	урожайность	посев (в четв.)	сбор (в четв.)	урожайность	посев (в четв.)	сбор (в четв.)	урожайность
1605	114.75	433.38	3.8	277.00	1194.00	4.3	11.50	35.13	3.1	20.75	85.88	4.1
1607	142.63	451.63	3.2	232.75	1042.50	4.5	10.75	27.63	2.6	20.50	84.50	4.1
1608	182.25	863.25	4.7	276.38	1025.25	3.7	8.00	19.00	2.4	23.50	85.25	3.6
1609	134.75	413.00	3.1	331.00	1124.50	3.4	9.50	28.25	3.0	13.00	46.50	3.6
1610	145.50	500.38	3.4	274.00	1026.00	3.7	13.00	35.50	2.7	12.00	45.50	3.8
1617	112.38	531.75	4.7	187.00	581.25	3.1	1.50	7.00	4.7	10.00	62.25	6.2
1619	105.00	519.13	4.9	235.75	902.75	3.8	0.63	2.50	4.0	3.50	25.25	7.2
1620	96.00	607.25	6.3	203.25	1092.00	5.4	5.00	11.38	2.3	11.63	64.63	5.6
1625	101.38	382.25	3.8	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	1134.63	4702.00	4.1	2017.13	7988.25	4.0	59.90	166.40	2.8	114.88	499.75	4.4

¹ Таблица составлена по: *Осьминский Т.И.* Белозерский край в XIII–XVI веках. Л., 1949. Рукопись. С. 332 (Архив СПбИИ РАН. Ф. 308. Личный фонд Т.И. Осьминского).

Литература

1. Аграрная история Северо-Запада. Вторая половина XV – начало XVI в. / Руководитель авторского коллектива А.Л. Шапиро. Л., 1971.
2. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины / Руководитель авторского коллектива А.Л. Шапиро. Л., 1974.
3. Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование) / Руководитель авторского коллектива А.Л. Шапиро. Л., 1989.
4. *Барашкова В.С., Дмитриева З.В., Прокофьева Л.С.* Пришекснинские езовые дворцовые волости XVI в. // Проблемы истории крестьянства европейской части России (до 1917 г.). Межвузовский сборник научных статей. Пермь, 1982.
5. *Башнин Н.В.* Монастырская колонизация и хозяйственное освоение земель Русского Севера в первой половине XVI в. // Российская история. 2015. № 6.
6. *Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVI вв. Л., 1983.
7. *Бугров А.В., Дмитриева З.В., Дадыкина М.М.* Кредитные отношения в Московском царстве XV–XVII века: Монастыри и кредитные операции. Предпринимательская культура // Кредит и банки в России до начала XX века. СПб., 2005.
8. *Горская Н.А.* Урожайность зерновых культур в центральной части Русского государства в конце XVI – начале XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г. Рига, 1963.
9. *Дегтярёв А.Я.* Русская деревня в XV–XVII веках: Очерки истории сельского расселения. Л., 1980.
10. *Дмитриева З.В.* Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. СПб., 2003.
11. *Дмитриева З.В.* Хлебный «бюджет» Кирилло-Белозерского монастыря в начале XVII в. // Монастыри и архиерейские дворы в документах XVI–XVIII веков. Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. Вып. 1 (17). СПб., 2015.
12. История крестьянства Северо-Запада Росси. Период феодализма. СПб., 1994.
13. *Сазонова Т.В.* Кирилло-Новоезерский монастырь. Опыт изучения малых и средних монастырей России XVI–XVII вв. М.; СПб., 2011.

Между войной и кризисом: тенденции аграрного развития Нижегородского края в 60–70-х годах XVI в.

В статье на основе анализа актового и писцового материала выясняется хозяйственно-экономическое состояние Нижегородского края на начальной стадии экономического кризиса конца XVI в.

Ключевые слова: земледелие, землевладение, Нижний Новгород, дозорные книги, писцовые описания.

В предыдущих публикациях материалов Симпозиума и «Ежегоднике по аграрной истории Восточной Европы» мы обращались к вопросам земледельческого и промыслового освоения, а также демографического развития Нижегородского края во второй половине XV – середине XVI в. Было установлено значительное влияние на эти процессы военного давления, оказываемого соседним Казанским ханством. В первые два десятилетия после взятия Казани (1552 г.) хозяйственно-экономическое состояние Нижегородского уезда оставалось сложным, так как для восстановления требовался продолжительный период. Прекращение военного давления привело к мобилизации собственности и ущемлению прав русских крестьян, мордвы и мелких светских землевладельцев. В этот момент в регионе начался характерный для всей страны процесс «приверстывания» запустевших селений, что тормозило восстановление и развитие поселенческой структуры [3, 4]. Полученные наблюдения основывались в первую очередь на разрозненных данных актового материала. К сожалению, сохранность писцовых описаний для соответствующего периода истории региона очень низкая. Так, самое раннее сохранившееся описание по Нижегородскому уезду – дозорная книга дворцовых бортных, оброчных и посопных сел и деревень 1588 г.²

От 1570-х гг. дошел более массовый материал. В начале десятилетия в Нижегородском уезде проводился дозор князем Семеном Жижемским и подьячим Степаном Коровиным. В целостном виде материалы описания не сохранились. Однако известны несколько десятков выписей из соответствующих дозорных книг в составе комплекса указных грамот Поместного приказа в Нижний Новгород за 1591–1610 гг., восходящего к архиву Нижегородской приказной избы. После московского пожара 1626 г. нижегород-

¹ Чеченков Павел Валерьевич, кандидат исторических наук, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, chechenkoff@yandex.ru, Россия, г. Нижний Новгород.

² Анпилогов Н.Г. Нижегородские документы XVI века (1588 – 1600 гг.). М., 1977. С. 5–76.

ские поместные акты были затребованы в столицу и сохранились в РГАДА среди столбцов Поместного приказа. К большинству грамот приложены выписи с дозорных и отдельных книг последних трех десятилетий XVI в. Самые ранние из них – книги князя С. Жижемского и подьячего С. Коровина. В разных выписях эти книги датируются 1570/71, 1571/72, 1573/74 гг. (в основном – 1571/72).

Всего в нашем распоряжении 62 выписи, но в четырех случаях это повторы, возникшие в результате наведения справок по разным делам на одно владение и, соответственно, представляющие собой приложения к разным грамотам. Десять интересующих нас выписей были опубликованы Н.Г. Анпиловым в 1977 г. вместе с 66 грамотами данного комплекса³. Целиком последний был подготовлен и издан А.В. Антоновым в 2015 г.⁴

Сохранившиеся фрагменты дозорной книги упоминают 77 населенных пунктов (5 сел, 4 сельца, 64 деревни, 4 починка) и одну пустошь. Для сравнения, дозорная книга 1612/13 г. Силы Никитича Грекова и подьячего Климентия Козозавлева поместно-вотчинных земель Нижегородского уезда описывает более трех сотен населенных пунктов⁵. Однако для данной местности сведения начала 70-х гг. XVI в. – первый одномоментный срез, отражающий хозяйственное положение.

Как известно, дозорные книги являлись результатом деятельности писцов, посланных в наиболее разоренные уезды с целью фиксации состояния посевных площадей и учета размера запустения [1, с. 27–29]. О реальной степени последнего говорить на основе книг князя Семена Жижемского сложно. Во-первых, хотя мы имеем дело с более полным материалом, чем сведения отдельных актов, которые анализировались для ситуации более раннего времени, тем не менее, это далеко не целостное описание. Во-вторых, перелог отмечен только «на пустые дворы». Насколько сократилась обрабатываемая пашня, относящаяся к «живущим» дворам неизвестно.

Тем не менее, определенные наблюдения вполне возможно сделать. Дозор начала 1570-х гг. зафиксировал отмеченные ранее явления. Во-первых, это возрастание дворности. Хотя нам известно 77 поселений, однако в отношении ряда из них неясно, идет ли речь об описании его целиком или о «жеребии», т.е. доле принадлежащей помещику-совладельцу. Отсекая такие случаи, получаем следующую картину. На 63 поселения приходилось 525 дворов крестьянских, людских, непашенных и пустых, т.е. в среднем

³ Там же. С. 78–208.

⁴ Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века / Сост.: А.В. Антонов, А.А. Булычев, В.А. Кадик, С.В. Сироткин. М., 2015. Т. I. С. 10–409.

⁵ Там же. С. 410–495.

по 8 дворов на поселение. Дворов, ведущих земледельческое хозяйство (крестьянских и людских) – 396, в среднем – по 6 на поселение. При этом деревни в 1–2 двора, характерные для второй половины XV – первой половины XVI в., были редкостью (5 поселений). В то же время встречались селения в два и даже три с лишним десятка дворов: 20 насчитывали более 10 дворов, из них 7 – более 20, в том числе одна деревня более 30. Это деревня Шумиловка Березопольского стана, где на четырех помещиков приходилось 19 дворов крестьянских, 2 людских, 4 непашенных, 13 пустых. Больше всего «живущих» дворов было в сельце Хабарском на реке Оке того же стана: 24 крестьянских и 5 людских на трех помещиков⁶.

Во-вторых, фиксируются случаи «припуска в пашню» пустошей и селищ. В-третьих, часто встречаются пустые дворы (143 на все 77 поселений – четверть от всех упомянутых дворов).

Как кажется, кризисные явления еще не носили необратимого характера. Пустые дворы были лишь в 19 селениях, но там, где они отмечены, их половина или больше. Пашни зафиксировано 7176 чети (85,5%), перелог – 1213 чети (14,5%). В деревнях и селах, где на пустые дворы отмечен перелог (21), он лишь в половине случаев превышал обрабатываемую пашню. Совсем не часто дозорщиками отмечены «пашня лесом поросшая» и «заросли», т.е. запустение не носило застарелого характера, хотя, вероятно, было более глубоким, чем об этом можно судить по выписям с книг начала 1570-х гг.

Встречаются починки. Из них два ранее были пустошами, один – селищем. Так же три деревни – бывшие пустоши. Интересно, что большинство из них относятся к Закудемскому стану, который в период казанских войн больше всего был подвержен нападениям и разорениям. Следовательно, после «казанского взятия» здесь наметилась тенденция к восстановлению.

Мысль о недавнем характере запустения подтверждают и указания в некоторых выписях на сроки или причины упадка. Среди дат, когда те или иные дворы запустели, названы 1566/67, 1568/69, 1569/70 (в основном), 1570/71 гг. Локальные кризисные ситуации 50-х – 60-х гг. XVI в., предшествовавшие глобальному кризису конца века, были проанализированы Е.И. Колычевой. Из выделенных ею явлений с отмеченными дозорщиками датами можно связать следующие: в 1566/67 г. средне- и нижеволжские уезды подверглись небывалому нашествию грызунов, сгубивших урожай, на следующий год по всей стране был «глад велик», в 1569/70 – 1570/71 гг. по всей России прокатилась страшнейшая эпидемия (вероятно, чумы), сопровождаемая неурожаем и голодом [1, с. 169–178]. Причины, зафик-

⁶ Ныне деревни Богородского района Нижегородской области.

сированные князем Семеном Жижемским и Степаном Коровиным, имели местный характер – «пожгла черемиса». Дата при этом не указывалась, но, скорее всего, мы имеем дело с восстанием в Казанской земле 1572–1573 гг., первые вспышки которого относятся к зиме 1571/72 г.

В 1575/76 г. новый дозор в Нижегородском уезде проводили Пятой Тумской и подьячий Семейка Панкратьев. О нем известно по 11 выписям из того же комплекса документов Нижегородской приказной избы. Насколько можно судить по этому фрагментарному материалу, положение в уезде ухудшилось. Из 17 упомянутых селений (2 села, 1 сельцо, 12 деревень, 2 починка) лишь в двух – «живущие» дворы, только семь имели обрабатываемую пашню⁷, зато перелога в совокупности 975 четей против 316 четей пашни паханной. Обычные характеристики дозорщиков говорят сами за себя: «дворов нет, пожгла казанская черемиса», «дворов нет, пожжены от черемиских людей войны». В ряде случаев не только крестьян, но и самих помещиков «не стало» или «нет безвестно», а владения записаны в «порозжие» земли. По-видимому, весьма характерным для этого времени явлением было и состояние березопольской вотчины Печерского монастыря. На нее сохранилась выпись с книг того же Пятого Тумского. В вотчине насчитывалось 3 села, 10 деревень, 2 «слободки без пашенных живущих» и 2 деревни «да с пол пустых». При этом на 109 крестьянских дворов приходилось 2 монастырских, 4 «служных», 8 «детенышевых», 20 бобыльских «без пашенных живущих», 88 пустых и 38 мест дворовых. Число запустевших и неполноценных хозяйств превышало половину, и что еще важнее, перелог достигал почти 75% (1100 четей против 400 четей «пашни паханной») ⁸.

О тяжелом положении региона и причинах сложившейся ситуации говорят и другие источники, не связанные с описанием Пятого Тумского. В составе ввозной грамоты вдове Марье Аксаковой с сыновьями на поместье мужа село Березовый Усад в Ирженском стане Арзамасского уезда содержится выпись с книг письма и меры Никиты Яхонтова 1574 г. на земли пограничные с Нижегородским уездом. Из нее узнаем, что за убитым мужем Марьи, кроме села, было записано «за Шетьковским лесом ... усадище по обе стороны реки Пьяны...». В «усадище» было «пять мест дворовых, хормы на них сожгли татаровя...»⁹. В данной оброчной грамоте от 4 апреля 1575 г. нижегородских ключников на бортный лес и озера сказано: «А преж

⁷ В селениях, где зафиксирована пашня паханная, но нет крестьянских и людских дворов, оставались дворы помещичьи.

⁸ Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. Вып. 3. Ч. 1 / Под ред. А.К. Кабанова // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Сборник. Нижний Новгород, 1913. Т. XIV. С. 1–124, I–IV [раздел. паг.]. С. 57.

⁹ Акты XIII – XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собр. и изд. А. Юшков. М., 1898. Ч. 1. С. 184.

сего тот ухажай и озера были за Якушом Бебениным... Якуша дей Бебенина не стало, убили Казанские люди...»¹⁰.

Сделанные наблюдения, основанные на данных по правобережью Нижегородского края, интересно сравнить с данными по заволжской территории. Здесь для XVI в. мы располагаем только писцовыми материалами по Зауольской и Везломской волостям Балахнинского уезда. Речь идет о сотной 1533 г., а также сотной 1560 г. с книги письма и меры 1558/59 г. князя Юрия Мещерского и Молчана Ростопчина и выписи из книг письма и (меры?) 1590/91 г. Тимофея Хлопова и дьяка Семена Суморокова¹¹. Из описания 1558/59 г. мы располагаем лишь фрагментом. Однако поскольку он сохранил итоговые подсчеты писцов, мы можем эффективно использовать заложенную в нем информацию, сопоставляя ее как с предыдущим, так и с последующим описанием.

Согласно данным сотной 1560 г. в Узольской волости к этому времени существовало 179 «деревень и починков и с погостом». Везломская волость была описана отдельно. В ней отмечена одна деревня. В 1533 г. в Узольской волости и Везломской волостке вместе было 125 деревень и 82 починка. Таким образом, количество поселений сократилось приблизительно на 12%. Изменилось в неблагоприятную сторону и их соотношение с опустевшими деревнями. Последних в сотной 1533 г. мы насчитали 32. В 1558/59 г. «всего в Узольской волости пустошей и селищ и заимищ девяносто семь». К ним следует добавить шестнадцать пустошей и селищ Везломской волости. По сотной 1533 г. заселенных деревень и починков было 86,5%, пустых – 13,5%; в 1558/59 – 65,5% и 38,5%¹². Количество дворов уменьшилось на 23%, с 441 до 339 (333 в Узольской и 6 в Везломской волостях), население мужского пола – на 10%, с 468 до 417 (411 в Узольской и 7 в Везломской волостях). Самое главное, что сокращение пашни обгоняло убыль населения. По выкладкам писцов в Узольской волости «пашни в поле добрые земли» было 516,5 десятин, «средние земли» – 210 десятин, «худые» – 83,5. Итого должно было получиться 810 десятин, но в сотной записано: «И всеи пашни добрые и середние и худые земли тысяча десять десятин, за добрую землю за 873 десятины с полудесятиною». Земли Везломской волости были запереложены полностью. Тогда, как двадцать шесть лет назад в Узольской и Везломской волостях было насчитано 2277 десятин в одном поле. Таким образом, имеем сокращение пашни на 56–64%.

¹⁰ Описание актов собрания графа А.С. Уварова. М., 1905. С. 57.

¹¹ Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века / Сост. Е.И. Колычева, Н.П. Воскобойникова; отв. ред. Н.А. Горская. М., 1997. С. 24–94; *Сироткин С.В.* Сотная 1533 г. на Узольскую волость Балахнинского уезда // *Очерки феодальной России.* Вып. 6. М., 2002. С. 119–169.

¹² По подсчетам писцов в Везломской волости пустошей и селищ, данных на льготу 10 и 2 селища, которые «на оброк не взял ни кто». Однако по их же записям данных на льготу – 15. При этом продублировано селище «половина Столбова Раменья на Везломе за Матюшею Миродулиным».

Интересно, что общее число «живущих» и опустевших селений в 1558/59 г. (293) больше чем в 1533 г. (206). По-видимому, какое-то время после описания 1533 г. еще шло активное строительство новых починков. Источник указывает и причину разоренья. В сотной 1560 г. есть разделы: «Пустоши и селища, запустевшие от Казанские войны, льгота дана на 10 лет...», «В Везломской же волости селища лесом большим поросли от Казанские войны и на льготу их и на оброк не взял никто». О некоторых крестьянах сообщается, что их «убили черемиса». От слободки напротив Нижнего Новгорода на берегу Волги в тридцать один двор осталось селище: «И та слоботка запустела от Казанские войны, дворы выжгли и людей в полон вывели и высекли»¹³.

Примечательна фраза об отсутствии желающих брать на льготу некоторые заброшенные участки. Если сотная 1533 г. зарегистрировала лишь один такой случай, то в 1558/59 их было десять. Значительная часть ранее окультуренных земель уже заросла «лесом большим». Увеличилось число селищ, т.е. давно оставленных селений, с трех в 1533 г. до восьми в 1558/59 г. Таким образом, запустение в Зауольской волости принимало застарелый, глубокий характер.

О тяжелом положении заволжских селений свидетельствуют и некоторые другие данные. Н.В. Соколова, исследуя общину Зауольской волости, выделила на основании сотной 1560 г. две группы крестьян, принимавших участие в становлении земского самоуправления – выборщиков и «излюбленных голов». Исследовательница показала, что все они были людьми состоятельными и вели активную хозяйственную деятельность. Среди них были братья Игнатий и Василий Кузьмины дети Плесяниновы [2, с. 108–112]. Обратим внимание на эту фамилию.

В 1533 г. за Левкой и Васюком Плесяниковыми (Плесяниновыми) было записано в волости две деревни. Василию Кузьмину сыну были даны на двенадцатилетнюю льготу «веретеи» (сухие возвышенные участки) – «лес россекати, а покосы росчищати и косити...». Игнатию Плесянинову принадлежали три мельницы на Узоле. За ним же с братом Леонтием и двумя другими крестьянами числился покос¹⁴. Василий Кузьмин сын в 1547/48 г. ссудил 6 рублей без процентов Ивану Остафьеву сыну под залог пожни в Стрелице «на Хресцовском островку». Последняя в конечном итоге перешла к Василию и 15 мая 1560 г. на остров Хресцовский «роскос» была оформлена оброчная грамота¹⁵. В 1558/59 г. Игнатий Кузьмин сын выступал поручителем при взятии займища на льготу¹⁶.

¹³ Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века. С. 29, 35, 39, 40.

¹⁴ *Сироткин С.В.* Сотная 1533 г. на Узольскую волость Балахнинского уезда. С. 129, 130, 152, 154.

¹⁵ Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. С. 27.

¹⁶ Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века. С. 30.

По сотной 1560 г. Василий и Игнатий Кузьмины дети жили в деревне Избища на Филиповском враге, а в соседней деревне Кузнецово – Доронка и Куземка Игнатовы дети, в деревне Потнева на Узоле зафиксирован Михаил Васильев сын, а Григорий Михайлов сын взял на льготу «займище Прудовое да Плотинное на реке Гнилище» [2, с. 104, 105]. К сентябрю 1570 г. у Василия Плесяникова был двор в Балахне. Однако 14 сентября того же года некто Терентий Стефанов сын Брюхатой Большой написал данную грамоту Троице-Сергиеву монастырю на полдвора в Балахне и три кабалы. По одной из них Игнатий Кузьмин сын Плесеников «с товарищи» был должен Терентию 20 рублей¹⁷. По-видимому, положение Плесяниновых сильно пошатнулось к началу 70-х гг. XVI в. Даже такое многочисленное и сильное семейство, старожильцы волости, оказалось в долгах. Описание 1590/91 г. уже не зафиксировала ни одного из представителей этой фамилии в Заузольской волости¹⁸.

Несмотря на асинхронность и разнохарактерность материалов, можно наметить общие тенденции. Как в правобережье, так и в левобережье Волги в пределах Нижегородского края в 60-х гг. XVI в. слабые позитивные тенденции переплетаются с признаками спада экономического развития. Неизгладимым отпечатком проявлялись последствия длительных казанских войн. Намечавшиеся кризисные явления до начала 70-х гг. еще не носили необратимого характера. Однако восстание 1572–1573 гг., от которого сильно пострадали нижегородские земли, завершило краткий период передышки между «казанским взятием» и общим экономическим кризисом конца XVI в. Среди причин дальнейшего упадка были как общероссийские проблемы, так региональные.

Литература

1. *Колычева Е.И.* Аграрный строй России XVI в. М., 1987.
2. *Соколова Н.В.* Община и мирское самоуправление в Заузольской волости во второй половине XVI в. // Городецкие чтения. Материалы научно-практической конф. Городец, 2000. Вып. 3. С. 103–117.
3. *Чеченков П.В.* Аграрное освоение Нижегородского края в годы Казанских войн // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы, исследования и методология, опыт и перспективы:

---

¹⁷ РГАДА. Ф. 281. Балахна. № 30/397. Л. 1. Упоминание содержится в составе данной Терентия Степанова сына Брюхатого Большого Троице-Сергиеву монастырю. Акт не учтен М.С. Черкасовой в ее монографии «Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV – XVI вв.» (М., 1996). См.: Гл. 2. § 3. С. 130–161. По-видимому, исследователей вводила в заблуждение неверно проставленная в архивной описи дата, омолаживающая документ на 100 лет (1669 вместо 1570). См.: опись Ф. 281. ГКЭ. Ч. 1. Л. 125.

¹⁸ Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века. С. 42–94.

Материалы XXXI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2009. Кн. 1. С. 101–107.

4. *Чеченков П.В.* Аграрное развитие и землевладение в Нижегородском уезде после «казанского взятия» // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2013 год : Земледельцы и землевладельцы российской деревни конца XV – конца XX веков: экономическое, социальное и культурное развитие. М., 2014. С. 18–28.

Восточная Мещера рубежа XVI–XVII вв.: специфика расселения и хозяйственной деятельности татар и мордвы

На основании анализа дозорных книг начала XVII в. и иных источников в статье рассматривается специфика расселения и хозяйственной деятельности служилых татар и мордвы Темниковского и Кадомского уездов рубежа XVI–XVII вв.

Ключевые слова: Восточная Мещера, служилые татары, мордва.

В рассматриваемый период Восточная Мещера входила в состав так называемого Шацкого уезда, который состоял из Касимовского, Елатомского, собственно Шацкого (малого Шацкого), Кадомского и Темниковского уездов. Эти земли вошли в состав Москвы в разное время и имели значительные отличия, как по составу населения, так и по формам организации хозяйственной деятельности. В данной статье речь пойдет о территориях Кадомского и Темниковского уездов, о землях между реками Цной и Сурой. Специфика земельного описания данной территории, а также примыкающих к ней земель со значительным (преобладающим) неправославным населением заключалась в параллельном существовании книг, описывающих землевладение православных (русских) помещиков, мордвы и служилых татар, землевладение же касимовских царей (царевичей) и дворцовые воности описывалось отдельно.

Сохранность писцовых материалов, касающихся региона Восточной Мещеры, более чем не полная. В нашем распоряжении имеются приправочный список с татарской дозорной книги 1614 г. г. Темникова и Темниковского уезда [13], дозорная книга мордовских сел Кадомского уезда 1614 г. [6] и «русская» писцовая книга большого Шацкого уезда 1617 г. [14]. Следующие по времени дошедшие до нас писцовые книги относятся к концу XVII в. Сведения сохранившихся книг отчасти дополняются материалами темниковской и кадомской приказных изб конца XVI – XVII в.² Параллельное использование этих источников позволяет определить специфику расселения и хозяйственной деятельности местного населения. При этом полученные результаты с определенными поправками можно распространить и на ряд иных «приграничных» территорий с преобладающим нерусским населением. Следует отметить, что данная территория уже становилась предметом специального изучения [11]. Однако исследователи не затрагивали вопросов специфики хозяйственной деятельности татарского и мордовского населе-

¹ Беляков Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, ИРИ РАН, feb@ru.ru, Россия, г. Москва.

² РГАДА. Ф. 1122/1167.

ния в регионе. К тому же они рассматривали ситуацию второй половины XVII в. Необходимо отметить, что к этому времени обширный Темниковский уезд в целях оптимизации управления стал дробиться на более мелкие. Так, в разное время из него выделились Инсарский, Саранский, Керенский и, возможно, Нижнеломовский уезды.

Время и условия вхождения данных территорий в состав Московского государства до настоящего времени не установлены. Долгое время это была буферная зона между Московским княжеством и Золотой Ордой, впоследствии Казанским ханством. Первоначально здесь проживали мордовские племена. В XIII – XV вв. появилось тюркское население. О появлении славянского компонента можно говорить только с XV в., но относительно массовым он становится не ранее 30-х г. XVI в. [9]. Тогда же фиксируются первые поместные пожалования московским государем татарских мирз (князей) [2; 8]. Единственным постоянным славянским анклавом в регионе являлась округа Андреева городка каменного, изначального центра малого Шацкого уезда [15].

Как уже отмечалось, в нашем распоряжении отсутствует полный комплект писцовых (дозорных) книг по рассматриваемым уездам. Если допустить, что процессы, протекавшие в них, были сходными, то данные сохранившихся книг взаимно дополняют друг друга. Здесь, однако, следует учитывать, что проникновение русского поместного землевладения в Кадомском уезде фиксируется уже в середине XVI в. [3], в Темниковском же уезде начало данных процессов фиксируются только в первые годы после Смуты³. Регион входил в особый земельный фонд, земли которого раздавались только неправославным служилым людям. Таким образом, в Темниковском уезде можно наблюдать несколько более архаизированную картину.

Кадомская мордва занималась земледелием, бортничеством, охотой и рыбной ловлей. При этом размеры пашни были значительными. На 282 двора (246 пашенных и 36 бобыльских) приходилось 5361 четь земли (пашни паханой 2628, перелогу 2240, лесом поросло 347 чети), не считая квадратной версты пашенного леса. На один крестьянский двор приходится в среднем 21,79 четей земли. В зависимости от конкретного беляка (податная и административно-территориальная единица для мордвы) данный показатель колеблется от 13,7 (Тялдемский беляк) до 42,89 четей на двор (беляк Малая Чепчера). Подобные расчеты не совсем корректны, так как не учитывают качество земли и количество заброшенной пашни. При этом не известно количество работников приходящихся на один двор. В пользу больших патриархальных семей говорит, в частности, тот факт, что в 1630 г.

³ РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 367. Л. 22.

в уезде фиксируется взрывное увеличение (до 40%) новоприбылых мордовских дворов. С бортных ухожеев мордва давала 154¼ пуда оброчного меда. Получается 0,63 пуда с мордовского двора (от 0,41 до 0,79 пуда по белякам). У православных бортников, проживавших в уезде, для которых бортничество являлось основным источником доходов, и не владевших пашней, средний размер медвяного оброка составлял 1,37 пуда на человека. К сожалению, мы не знаем, что представлял собой бортный ухожей как единица налогообложения, и являлся ли он таковой. Помимо прочего можно проследить определенную закономерность в размерах пашни и количестве оброчного меда. В тех беляках, где пашни на один пахотный двор было менее всего, фиксируется максимальный размер сбора оброчного меда в расчете на двор. И наоборот, там где много пашни, оброчного меда собирается меньше. Однако картина меняется, если мы посмотрим на количество посопного хлеба, собираемого с того или иного беляка. Чем меньше земли приходится на двор, тем больше посопного хлеба с него полагается (от 0,28 до 0,92 четей ржи и овса). Здесь лидером становится Тялдемский беляк, наименее обеспеченный землей. Выходит, что этот беляк на момент дозора был наиболее экономически развитой территорией уезда. На это указывает и тот факт, что только в нем зафиксированы новые распашки пашни и не указана заброшенная пашня. Да и отмечено в нем 134 двора, 48% от всех мордовских дворов в уезде. Это особенно показательно, если учитывать тот факт, что события Смутного времени затронули и Кадомский уезд. Отдельные населенные места полностью прекратили свое существование (в Еректинском и Чепчерянском беляках), другие были сожжены и отстраивались заново (все тот же Тялдемский беляк). Однако размеры общего упадка нельзя преувеличивать. Как «лесом поросло» отмечено только 347 четей (6,47% от общего размера пашни), хотя по сравнению с 1607/1608 г. число вытей «в живущем» и сократилось со 120 до 101,75 [6]. Пашня находилась в общем пользовании одной деревни. Бортными ухожеем владели на вотчинном праве. Их можно было продать, завещать, заложить. Привлечение иных источников позволяет предположить, что в рассматриваемый период бортничество имело большее значение в мордовском хозяйстве. Об этом, в частности, говорят постоянные судебные разбирательства по поводу кражи пчел и насильственного захвата чужих бортных ухожий⁴. Скотоводство не получило большого развития. Всего отмечено 5385 копен сена, т.е. в среднем 21,89 копен на пашенный двор. По отдельным белякам этот показатель был приблизительно одинаков.

Следует отметить, что в правовом положении мордва мало чем отличалась от черносошных крестьян Русского Севера.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 1443, 1946; Оп. 2. Д. 1.

Среди темниковских служилых татар мы наблюдаем иную картину. Прежде всего, следует отметить тот факт, что в отличие от мордвы, расселенной относительно равномерно по всей рассматриваемой территории, татары проживали значительно компактнее, в основном – ближе к западной границе региона. Однако их хозяйственная деятельность распространялась вплоть до реки Суры. Первоначально они селились по городским посадкам или же в одном – двух крупных селах, расположенных в непосредственной близости от административного центра уезда. Скорее всего, это делалось для их быстрой мобилизации в случае военной опасности. Здесь они имели небольшие поместные наделы, до 10, реже 20 четей. Они назывались «подгородной пашней на диком поле» [13, с. 31]. Остальные поместья, если они были, находились на значительном удалении от места проживания и часто не имели постоянного населения. Следы подобной практики сохранялись и к 1614 г. Так в д. Митрялах отмечены дворы мирз, за которыми пашни в этой деревне нет, «а дворы они построили от ногайских людей» [13, с. 146]. Подобная система расселения, по-видимому, была типичной для служилых татар пограничных уездов. Нечто подобное мы наблюдаем в малом Шацком уезде на рубеже XV–XVI вв. Центр уезда тогда находился в Андреевом городке каменном (ныне село Темгенева Сасовского района Рязанской области), а через реку Цну, в 4 км от города находилось татарское село Бастаново [10, с. 21, 43–54].

В уезде отмечено 9041 четь пашни, в том числе пашни паханой «помещиковой» 6715, крестьянской пашни 1048, наездом 876, перелогом 258 чети. Таким образом, помещики владели всего 8897 четями земли. Белопашцам принадлежало 404, засечным сторожам 109, тарханам 180 чети. По преимуществу это была «добрая» земля. Однако рабочих рук для обработки пашни было очень мало. Отмечен только 391 двор крестьян – у 66 помещиков. Наибольшее число крестьян в поместье – 48 дворов. Более 10 крестьянских дворов имело 10 хозяйств, от 5 до 9 – 11. Помимо этого имелось 131 двор бобылей (28 помещиков), 33 двора приказчика и 72 людских двора [13]. Пашня наездом и перелог почти исключительно упоминаются у мирз и князей, имеющих крестьян. Общее количество помещиков выявить сложно. По нашим подсчетам, их общее число 816. Однако следует учитывать, что многие вели нераздельное хозяйство со своими родителями, братьями, племянниками. В это же число мы включили недорослей, у которых умерли родители. Отставленные за старостью отцы не учитываются. В книге отмечается 451 двор помещиков, но также необходимо отметить, что один двор мог принадлежать сразу нескольким людям; известны примеры, когда одному помещику принадлежало несколько дворов. Поэтому за основу возьмем все же цифру 816. В таком случае на одного служилого татарина

приходилось 11 четей пашни. Размеры поместий в одних руках колебались от 1 до 141 чети. Нераздельные поместья могли достигать 203 четей. Поместий в 100 и более четей зафиксировано 11 (в том числе и нераздельные); от 50 до 99 четей – 23. Вся пашня находилась на поместном праве. Вотчины в регионе начинают появляться только после Смутного времени. Это были пожалования за московские осадные сидение времен Василия Шуйского и «королевичева прихода».

Мы вправе утверждать, что пашенное хозяйство у служилых татар становится заметной частью хозяйственной деятельности только в первой половине XVI в., вероятно, вскоре после появления в регионе значительного количества православных крестьян. Это произошло одновременно или же, скорее, с некоторым опозданием от пожалований отдельным мирзам права сбора ясака с того или иного мордовского беляка, то есть когда получали должность «князя» (не путать с мордовскими княжескими родами). По своему статусу они были близки волостелям. Однако в отличие от последних получали его пожизненно и могли передавать его по наследству. Изначально «княжение» наследовал старший в роде, но постепенно стала утверждаться практика передача должности князя и прилагавшихся к ней доходов от отца к старшему сыну.

По нашим подсчетам площадь сенокосных лугов у служилых татар составляла 103907 копен. Следует отметить, что это не полные данные. Реальные размеры несколько больше, впрочем полученные цифры не изменятся кардинально. Но и в этом случае среднее соотношение пашни к сенокосам (копнам сена) составляло 1:11,5. В реальности оно колебалось от 2:1 до 1:50. Несколько позднее в регионе можно было встретить и соотношение 1:100. Наибольший размер зафиксированных сенокосных угодий составлял 3500 четей. Только единожды специально отмечено, что у помещика «сена нет». Поместий с сенокосными угодьями от 500 до 999 копен зафиксировано 21, с количеством угодий в 1000 и более копен – 14.

Также служилые татары обладали значительными по размерам вотчинами бортными ухозяями. В приправочном списке они не описываются, но они известны по косвенным признакам и документам Темниковской приказной избы. По-видимому, бортными ухозяями обладали далеко не все татары. Постепенно происходит их концентрация в руках отдельных семей [1]. Помимо сбора меда бортные ухозяи позволяли своим владельцам увеличивать площадь распашки и сенокосных угодий. Это одновременно указывает на два факта: 1) вотчины бортные ухозяи являлись более древней формой собственности; 2) большое количество сенокосов свидетельствует о значительном скотоводческом хозяйствовании. Прямых указаний на крупное животноводство в регионе мы не имеем. Однако в ногайских

посольских книгах есть несколько указов о покупке одновременно до 30 лошадей в Темниковском уезде для нужд посольств⁵. При этом обладание значительными вотчинами бортными ухажеями наряду с наличием рабочих рук (крестьяне, проживавшие в поместьях) создавали предпосылки для быстрого при необходимости увеличения пашни.

В регионе имелось несколько категорий служилых людей: 1) князья и мирзы; 2) рядовые татары (казаки). При этом татары/казаки делились на: 1) собственно казаков (служилых татар); 2) тарханов или тарханцев; 3) служилых мордовских казаков; 4) служилую мордву – тарханов. 5) засечных сторожей; 6) белопашцев [7; 13, с. 13–14].

По-видимому, также всех татар следует делить на служилых людей по прибору и служилых людей по отчеству. Мы не будем углубляться в этот вопрос. В данном случае нас более всего интересуют две категории: князья и мирзы, а также казаки, которых можно отнести к служилым людям по отчеству.

Анализ сведений дозорной книги и сохранившихся поместных актов рубежа XVI–XVII вв. а также привлечение данных генеалогии темниковских татар позволяют утверждать, что ядро поместий князей и мирз княжеских фамилий составляли угодья, полученные ими по разделу после своих отцов. В таком случае, изначальные поместья, пожалованные их предкам 2–3 поколения назад, были значительно крупнее. По-видимому, размеры пашни могли достигать 600 четей (долгое время максимальный поместный оклад у мещерских татар), а сенокосные угодья достигали 10000 копен.

Значительное число небольших поместий одинакового размера служилых татар (казаков), розданные им в одном населенном пункте, позволяет сделать предположение, что это недавние массовые пожалования, которым к моменту описания было не более 20–30 лет. Подобные наблюдения позволяют предположить, что и населенные пункты, в которых они раздавались, были образованы тогда же. Кем же могли быть эти люди? В книге Полоцкого похода 1563 г. читаем: «Темниковские люди Еникей князь с товарищи и с их людьми» [12]. Получается, что отдельные темниковские мирзы выходили на службу со своими отрядами. По-видимому, эти отряды изначально они содержали на собственные средства. Дробление между наследниками обширных поместий сделало содержание отрядов непосильной задачей, поэтому государство могло пойти навстречу мирзам и испоместить их вчерашних военных холопов. Окончательно этот процесс завершился только в 1617 г. [4; 5].

Значительное число бобылей (26 дворов крестьян и 26 дворов бобылей в одном поместье) наталкивает на мысль, что эта категория населения вместе с частью дворовых людей была занята какими-то не пашенными промыс-

⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 404–405; Кн. 9. Л. 79.

лами, возможно, это могло быть бортничество, уход за скотом или же даже отдельные виды ремесел.

Таким образом, правомерно предположить, что в регионе фиксируется две формы хозяйственной деятельности. Условно их можно назвать мордовской и татарской. При этом мордовская была близка русской форме организации земледелия. Точнее сказать, постепенно эволюционировала в сторону «русского» типа хозяйства, но с сохранением национальных особенностей. Татарская же основывалась изначально на бортничестве и скотоводстве. При этом встраивание и развитие скотоводческого хозяйства в условия зоны широколиственных лесов и лесостепи растянулся более чем на два столетия. Постепенный рост пашни не смог вытеснить или серьезно потеснить скотоводство вплоть до начала XVIII в. Но по-прежнему сохраняется вопрос: как могло функционировать хозяйство, в котором было 100 четей земли, сенокосные угодия в 500 копен сена и всего один крестьянский двор? Сдача земли в наем, как мы видим, исключается, в уезде не было свободных рабочих рук. При этом именно специфика крупных татарских поместий позволила им на рубеже XVII–XVIII вв. довольно быстро превратиться в крупные центры пашенного хозяйства.

Литература

1. *Акчурин М.М., Абдурахманов Т.* Челобитная вдовы мурзы Гляша Кутыева // Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Казань, 2011. Вып. II. С. 176–195.
2. *Акчурин М.М., Ишеев М.* Этнополитическая структура Мещеры в XVI веке // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 4–17.
3. *Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века. М., 2002. № 1016. С. 132.
4. *Беляков А.В.* «Невидимки» русской армии XVI века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2013. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. I. Статьи. Вып. II. С. 159–178 <<http://www.milhist.info/2013/03/12/belyakov>> (12.03.2013)
5. *Беляков А.В.* Организационная структура служилых татар в Русском государстве конца XV – первой половины XVII в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. I. С. 134–149 <http://www.milhist.info/2015/11/17/belyakov_1> (17.11.2015)

6. *Беляков А.В.* Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) году // Средневековые Тюрко-татарские государства. Казань, 2013. Вып. 5. С. 154–210.

7. *Беляков А.В.* Структура населения и формы хозяйственной деятельности в Темниковском и Кадомском уездах конца XVI – начала XVII в. // Русь, Россия: Средневековое и Новое время. Вып. 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2015. С. 357–363.

8. *Беляков А.В., Енгальцева Г.А.* Темниковское княжество по источникам XVI–XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 62–71.

9. *Гришаков В.В.* Керамика XIV – XVI вв. Итяковского городища // Труды НИИ языка, литературы, истории и экономики при правительстве Мордовской ССР: Древние поселения Примокшанья. Саранск, 1992. С. 126–141.

10. *Девликамов А.А., Шарифуллина Ф.Л.* Очерки по истории и культуре села Бастаново. Шацк, 2015.

11. *Дубинская Л.Г.* Социально-экономическое положение крестьян во второй половине XVII века (по материалам Мещерского края). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1967.

12. Книга Полоцкого похода 1563 г. СПб., 2004.

13. Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. / Сост.: М.М. Акчурин, А.В. Беляков. Казань, 2015.

14. Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди / Сост.: И.П. Алябьев. Ульяновск, 2014.

15. *Челяпов В.П.* Древнерусские памятники на северо-востоке Рязанской земли // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 413–426.

Массовые поместные раздачи в Вологодском уезде в первые годы правления Михаила Романова²

В статье рассматривается массовое испомещение на дворцовых и черносошных землях Вологодского уезда новых помещиков в первые годы правления Михаила Романова, а также частично обусловленные этим испомещением миграционно-колонизационные процессы в среде вологодского крестьянства.

Ключевые слова: Смутное время, Вологодский уезд, феодальное землевладение, поместная система, миграционно-колонизационные процессы.

Одной из безотлагательных задач, вставших перед правительством новоизбранного царя Михаила Федоровича, стало упорядочение землевладения – служилого и иных сословных групп с целью сглаживания остроты социальных противоречий, порожденных событиями Смуты. Сложившийся в предшествующее время механизм перераспределения служилого землевладения пострадал в годы лихолетья, поэтому особенного внимания власти требовало удовлетворение владельческих интересов столичного и городского дворянства. При этом она должна была соблюсти баланс частных, групповых и общегосударственных интересов, обеспечить служилый люд материальными ресурсами для несения службы, не ущемив интересы других слоев общества и не обескровив сильно опустевшую казну.

Значительная часть служилых землевладельцев ожидала от нового царя земельных компенсаций за разоренные или фактически утраченные поместья и вотчины (речь идет прежде всего о дворянах и детях боярских западных уездов страны). Другая существенная часть служилых людей вовсе оставалась безземельной, так как по разным причинам не сумела за годы Смуты наполнить свои поместные оклады реальными земельными дачами, но также претендовала на получение земли. Однако существовали противоположные явления, когда некоторая часть дворянства, прежде всего представители верхних и средних страт Государева двора, незаконно обзаводилась земельными владениями сверх всякой меры, не по своему чину. Все это понуждало власть к ревизии земельного фонда страны, к активным действиям в сфере земельного обеспечения службы широких слоев московского и провинциального дворянства на справедливых, законных основаниях.

¹ Гневашев Дмитрий Евгеньевич, Государственный архив Российской Федерации, gnevashev@bk.ru, Россия, г. Москва.

² Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 15-01-00393.

Первые годы царствования Михаила Романова ознаменовались массовыми поместными раздачами в ряде уездов страны. Сделаем акцент именно на массовости испомещений, поскольку индивидуальные пожалования служилых производились более-менее регулярно во всех регионах с поместно-вотчинным элементом в структуре землевладения. В ряде уездов, лежавших к северу от Москвы (Ростов, Ярославль, Белоозеро, Галич), в 1613–1614 гг. прошли серии поместных раздач дворцовых и черносошных волостей дворянам и детям боярским разоренных уездов, чинам Государева двора, дворцовым служителям. А.И. Копанев и А.А. Новосельский отчетливо показали, насколько масштабными были кампании по разделу дворцовых сел и черных волостей пришлым помещикам в Белоозерском уезде [2, с. 72–82; 3].

Вышеназванный перечень уездов следует дополнить Вологодским, на землях которого в 1613–1614 гг. также развернулась широкая раздача поместий. В данном тексте можно лишь обзорно представить сложный процесс массовых испомещений в уезде, при этом уделив особое внимание вопросу взаимного влияния двух разнородных, но тесно переплетенных процессов – массовых поместных раздач и миграционных движений на обширной территории Вологодского и сопредельных уездов.

Вологодский уезд административно делился на две половины – Первую и Заозерскую, структура землевладения в которых не была однородной. В обеих половинах уезда присутствовали черные, дворцовые земли, церковные и монастырские вотчины в значительных объемах, но только в Первой половине располагались остатки родовых вотчин и старые поместья вологодских детей боярских и иноземцев «старого выезду». Земли ближайшей округи Вологды и ряда южных и восточных волостей были давно освоены светскими владельцами, монастырями и архиерейскими кафедрами, что не давало возможности испомещать компактно большие группы дворян. Исключение составили две пригородные черносошные волости (Брюховская и Лоскомская), в которых наряду с чересполосно лежавшими поместьями и вотчинами светских и церковных владельцев оставались значительные массивы свободной (общинной) земли. Именно эти земли в июне 1613 г. были розданы новым помещикам: 48 дворянам и детям боярским, служившим по Белой, вдове одного белянина и дворянину московскому кн. Ф.И. Волконскому³. Такая же картина наблюдается в Комельской волости: среди разнокалиберных вотчин семи вологодских монастырей и соборного протопопа сохранялись населенные волостные земли, видимо, еще в опричное время взятые в дворцовое ведомство.

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 14863. Л. 301а–404 об.

В октябре 1613 г. на них были испомещены 22 дворянина, служивших по Новгороду Великому⁴.

Более массовые раздачи земли происходили в волостях с однородной землевладельческой структурой, лежавших к западу и северо-западу от Вологды. Так, в дворцовых Кубенской, Здвиженской и отчасти Сямской волостях получили поместья около 70 человек, преимущественно представители Государева двора (жильцы, дворяне московские, чашник, постельничий, кравчий, дьяки), а также выборные дворяне и шесть стрелецких голов. Грандиозная по меркам уезда раздача состоялась в 1613 г. на смыкавшихся в один протяженный массив землях дворцовых Сямской, Масленской, Тошенской, Водожской, Южской, Раменской и Угольской волостей. Здесь отдельщиками кн. П.И. Збарецким и подьячим О. Балашовым было испомещено около 240 смоленских дворян и детей боярских.

Поместные раздачи в Заозерской половине также отличались размахом как по числу испомещенных, так и по охваченной территории. Социально-чиновный состав новых помещиков был пестрее, чем в Первой половине: здесь мы видим и представителей Государева двора, в том числе высших думных чинов, и иногородних дворян (служилых из разоренных уездов Смоленска, Можайска, Вязьмы, Дорогобужа, Белой, Зубцова, Каширы и Серпейска), и иноземцев, массу служителей дворцовых приказов (стряпчих, сытников, стремянных и задворных конюхов, ключников, псовников и т.д.), а также поместных атаманов, есаулов и казаков (см. подробнее о последних у А.Л. Станиславского [4, с. 98–100 и др.]). Владения всей этой, по выражению А.И. Копанева, «разношерстной массы» помещиков разместились в 48 волостях и волостках обширной Заозерской половины уезда. Как и в Первой половине, значительная часть пущенных в раздачу земель ранее ведалась во Дворце.

Эффект «массовости» испомещений возникал как за счет одномоментной раздачи земли большим (свыше 10 человек) группам служилых, так и за счет множества индивидуальных пожалований, нередко носивших семейный характер (к примеру, 15 июня 1613 г. Федосеевскую волостку получил кн. П.А. Репнин с матерью Марьей и братом Борисом, в июле 1613 г. дворцовым селом Никольским Старым был пожалован в поместье сибирский царь Алей Кучумович с сыновьями Хансюяром и Яншиком, а дворцовым Томашским погостом – трое Спешневых и дьяк Василий и его брат Русин Ларионовы)⁵.

⁴ Там же. Оп. 1. Кн. 57. Л. 487а–494 об., 507–520 об. (подлинник с утратами текста); Государственный архив Вологодской области. Ф. 1260. Оп. 8. Д. 500 (список 1684/85 г.). За указание на список документа и помощь в организации работы с ним приношу благодарность М.С. Черкасовой и Д.А. Пшеницыну.

⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 14863. Л. 263–285, 291–301 об., 567–571 об.

Не все отказные и отдельные книги того времени сохранились до нашего времени, поэтому затруднительно подсчитать точное количество испомещенных на вологодских землях в 1613–1614 гг. Для этих лет характерна особая динамичная мобилизация земли среди новых помещиков. Иногда вслед за отделом земли, зачастую выполненным наспех и без учета интересов всех новых помещиков и, в меньшей мере, крестьян, следовал «полюбовный» передел земель. Фиксируются случаи, когда только что пожалованное поместье полностью или частично отписывалось на государя или делилось между несколькими совладельцами. Эти годы также отличаются высокой смертностью среди служилых, так что за короткий срок поместье могло сменить одного-двух-трех владельцев. В какой-то мере восполнить недостающие данные утраченных отдельных книг позволяют дозорные книги 1613/14–1616/17 гг. и, в особенности, хорошо сохранившиеся платежные книги 1620/21 г. Платежные книги зафиксировали уже устоявшуюся землевладельческую структуру в уезде, постепенно преодолевавшем разруху Смутного времени. Так, из платежных книг видно, что уезд писцы «раскостили» сошным письмом на 1088 отдельных платежных единиц, записанных в «живущем» за светскими землевладельцами (см. подробнее об этом у С.Б. Веселовского [1, с. 343 и др.]). Из них свыше 900 принадлежало новым помещикам и вотчинникам. Самих же новых помещиков и вотчинников, естественно, было еще больше. В это число необходимо также включить уже отбывших от службы дворян и детей боярских, и еще не «поспевших» в нее недорослей, вдов и девок. Для количественного сравнения с массой пришлых землевладельцев можно привести данные по вологодскому служилому «городу», который при царе Василии Шуйском насчитывал всего лишь 122 человека [5].

Столь массовые испомещения сгладили землевладельческий профиль и изменили демографический состав уезда, так как из структуры землевладения практически полностью исчезли населенные чернососшные и дворцовые земли. Какое-то (видимо, непродолжительное) время в отдельных волостях уезда сосуществовали бок о бок помещичьи владения и не розданные в поместья немногочисленные деревни и пустоши – остатки чернососшных волостей и дворцовых сел. Так, к примеру, после испомещения в чернососшной Боровецкой волости кн. Ф.А. Звенигородского и государева крестового дьяка И. Симеонова осталось у них «за дачями» два жилых двора с тремя жильцами в дер. Новой, при этом другие населенные жеребьи этой деревни попали в поместье⁶. Феномен жеребьевого совладения одним селением разными помещиками хорошо известен, в том числе по вологодским материалам. Здесь же мы видим редкое и, по всей видимости, недолгое явление,

⁶ Там же. Л. 451–452.

когда одно селение оказывалось в аномальном и нежизнеспособном статусе – было и владельческим, и волостным одновременно. На таких примерах отчетливо видно, как порой безапелляционно решались сиюминутные государственные задачи, ломая устоявшийся миропорядок севернорусской волости. Проследить дальнейшую судьбу подобных осколков черной волости нетрудно: такие жеребьи или забрасывались крестьянами, или жаловались в оклад «в додачу» по челобитью соседа-помещика.

Исчезновение дворцовых и черных волостей привело к серьезной модификации устоявшихся финансово-экономических связей уезда с центром. Государева казна лишилась заметной части натуральных и денежных поступлений с крестьянского населения вологодских земель, розданных в поместья. К примеру, денежную и хлебную подмогу ружным храмам и монастырям региона, частично обеспечивавшуюся за счет доходов с вологодских дворцовых сел, правительство вынуждено было или сократить, или заместить за счет других бюджетных статей.

Перевод черносошных и дворцовых земель в поместные заметно отразился на структуре населения уезда в плане ее усложнения. За короткое время произошло увеличение «феодалного» слоя населения за счет сотен новых иногородних помещиков, которые *реально* вместе со своими семьями и домочадцами поселились на вологодских землях. Прежде редкий для поселенческой сети Вологодского уезда тип селения (сельцо, усадище) стал в один ряд с обычными типами поселений – деревней и пустошью. Новые помещики численно превосходили старопоместных вологодских детей боярских в несколько раз. Кроме того, выросло число холопов и дворовых людей, как за счет тех, кого новые помещики привезли с собой, так и за счет тех, кого они похолопили из местных жителей.

Давно высказана мысль о том, что служилый землевладелец рассматриваемого времени выступал в двух ипостасях. С одной стороны, он воин, обязанный по первому приказу выступить в военный поход «конно, людно, оружно» или проявить себя на любой иной государевой службе. С другой стороны, он рачительный хозяин, главной целью которого была не столько опасная и зачастую разорительная служба, сколько приобретение, удержание, приумножение и хозяйственное обустройство своих владений, за счет которых служилый человек и нес эту службу. В преодолении этого противоречия протекала активная фаза биографии каждого служилого землевладельца в России XVI–XVII вв. Применительно к затронутой в данной статье теме интересна вторая ипостась служилого человека – хозяина-организатора. Уже отмечалось, что за короткий срок уезд наводнили сотни новых помещиков, новых хозяев, которые вынужденно поселились в уезде. Однако они пришли со своим житейским опытом, со своими коллективны-

ми (сословно-корпоративными) и личными (индивидуальными, семейными) установками и представлениями о том, как в сложной и непредсказуемой обстановке 1610-х гг. обзаводиться хозяйством на новом месте, «строить» его практически «с нуля» и оберегать «от сторон». В условиях постоянной военной службы, связанной с длительной отлучкой из своих поместий, значительная часть новых помещиков шла по самому простому и незатратному пути извлечения доходов от вновь пожалованной земли – обложение крестьян оброком. Однако зачастую взимания помещиков с крестьян были несоразмерными с «прожиточностью» и платежеспособностью крестьянских хозяйств, и без того ослабленных различными неблагоприятными событиями природного и социального характера, что неминуемо вело к окончательному разорению хозяйств и сходу крестьян со своих наделов. В вологодских дозорных книгах 1610-х гг. одной из самых заурядных и распространенных причин ухода крестьян «безвестно» были «помещиков доход», «помещиков немерной доход», «немерные правежи и подати» (в различных вариациях).

Наряду с уходом крестьян, мотивированным исключительно или преимущественно экономическими причинами («помещиков доход», «немерные правежи и подати», «казачье разоренье», «конское поветрие и коровий падеж» и т.п.), как кажется, имелись и причины сугубо психологического свойства. В дозорных книгах, составленных с употреблением разного рода клише и стандартизированных формулировок, нередко упоминания и такого рода: имярек «сошел *до* помесные роздачи» и, главное, «сошел *от* помесные роздачи» / «*от* поместные роздачи розбрелися рознь». Вряд ли названные формулы синонимичны формуле, описывающей сход крестьянина «от помещикова доходу». Очевидно, в них запечатлен вполне различимый протест и нежелание крестьянина покорно менять свой социальный статус. Итак, массовые поместные роздачи возросшей финансовой нагрузкой на бюджет крестьянских хозяйств и, вполне вероятно, самим своим фактом приводили к массовому же сходу земледельцев с насиженных мест, так как далеко не все они были готовы принять новообретенный статус владельческих крестьян.

В этом смысле необходимо еще раз присмотреться к стандартной формуле писцовой документации – «сшел безвестно». Безусловно, львиная доля крестьянских «безвестных» сходов была обусловлена неблагоприятными жизненными обстоятельствами. Но были среди уходивших и те, кто «збрел» со своего надела, проявляя активное нежелание менять свой социальный статус. Такие проявления – обоего рода – следует рассматривать как одну из специфических форм колониационных процессов, мощный фактор внутренней колонизации слабозаселенных и/или так же разоренных терри-

торий, но с другим социальным укладом. Ушедшие «безвестно» крестьяне брели от власти помещика за лучшей долей в разные края, но преимущественно на север и восток – в Тотемский, Великоустюжский, Сольвычегодский уезды, и далее – в Сибирь.

Литература

1. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и пососного обложения Московского государства. Т. I. М., 1915.

2. *Копанев А.И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI в. М.; Л., 1951.

3. *Новосельский А.А.* Служилое общество и землевладение на Белоозере после Смуты // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 136–139.

4. *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990.

5. «Сыскные» списки вологодских дворян и детей боярских. 1606–1613 гг. (публ. Д.Е. Гневашева) // Исторический архив. 2007. № 5. С. 184–196.

Итоги аграрного освоения Центрального Черноземья в первой трети XVII в.²

На основе писцового описания Воронежского уезда 1627–1629 гг. подводятся итоги начального этапа аграрного освоения Центрально-Черноземного региона. Анализируется площадь, поселенческая структура Воронежского уезда, степень распаханности земель. Рассматриваются различные факторы, влиявшие на уровень и темпы аграрного освоения южнорусского региона.

Ключевые слова: Юг России, поместье, землевладение, аграрное освоение, писцовые книги, служилые люди.

Изучение аграрного освоения территорий, недавно включенных в состав Российского государства, представляется важной задачей, поскольку позволяет увидеть процессы заселения и хозяйственного освоения в исходном виде и оценить степень их взаимосвязи. Картину аграрного освоения земель Российского государства рисуют материалы валового письма 20–40-х гг. XVII в. Источниковую базу настоящего исследования составила писцовая книга Воронежского уезда 1627–1629 гг.³, отнесенная Л.В. Миловым к типу книг с «неразделенной пашней», содержавших реальные данные о запашке [17, с. 151, 155].

Изучение истории русской колонизации степной и лесостепной полосы, лежавшей южнее тульских и рязанских земель, было начато Д.И. Багалеем, И.Н. Миклашевским [1, 16]. М.Н. Тихомиров выразительно писал об освоении Центрального Черноземья: «Есть что-то не вполне понятное и чудесное в заселении обширнейших южнорусских степей, подвергавшихся постоянным набегам татар» [21, с. 418]. Советские историки внесли весомый вклад в решение ряда проблем, связанных с колонизацией края. Развитие мелкого помещного землевладения и складывание общины однодворцев, народная колонизация края, борьба с татарами, строительство засечных черт, – вот неполный перечень проблем, заявленных и частично разрешенных в трудах А.А. Новосельского, В.П. Загоровского, В.М. Вожинского [2, 8, 10, 18]. В настоящее время в центре внимания исследователей остаются вопросы, связанные с формированием южнорусских уездов, становлением административного управления на их территории, складыванием особого

¹ Камараули Елена Владимировна, кандидат исторических наук, Воронежский государственный университет, kamarauli@bk.ru, Россия, г. Воронеж.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-01-00058.

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 76. Ч. 1–2. Л. 1–1104.

социально-психологического типа у населения южнорусского пограничья [6, 7, 11, 13, 14, 15].

Воронеж, построенный на «Поле» в конце XVI в., вскоре обзавелся уездом [10, с. 5–6]. Значительное количество поселений и становое деление уезда было зафиксировано дозором 1615 г⁴. Дозор отразил развитую систему находившихся на оброке промысловых угодий – бортные ухажай, рыбные ловли, бобровые гоны и т.п. [12]. Сходная промысловая структура существовала в XVII в. в иных колонизируемых регионах, например, в Поволжье [19, с. 24]. Следующее подробное описание Воронежского уезда было сделано писцом Р. Киреевским и подьячим Л. Недовесковым в 1627/28–1629/30 гг. в ходе валового описания русских земель.

Писцовое описание отразило развитую структуру сельских поселений Воронежского уезда (табл. 1).

Таблица 1

Количество «живущих» поселений и пустошей на территории Воронежского уезда (по данным писцовой книги 1627–1629 гг.)

Стан	Чертовицкий				Карачунский				Борщевский				Усманский			
	с.	д.	пч	пу	с.	д.	пч	пу	с.	д.	пч	пу	с.	д.	пч	пу
Кол-во	7	7	1	17	7	8	2	12	3	9	1	6	7	5	1	21

Всего писцовой книгой были зафиксированы 24 села, 29 деревень, 5 починков, 46 пустошей. Вокруг сел происходила концентрация крестьянско-бобыльского населения. Поскольку уезд находился в стадии формирования, удивляет слабость «починковой» колонизации, что должно объясняться местными особенностями. Видимо, обособляться на новых поселениях было не целесообразно из-за татарской опасности, одинокие поселенцы были беззащитны перед внешним врагом. Поселенческая структура отдельных станов выглядела примерно одинаковой. Исключение составил Борщевский стан. Его поселения расположились на правом берегу Дона [9, с. 32; 20, с. 207]. Очевидно, эти территории подвергались наиболее частым набегам из степи, так как писцовое описание зафиксировало ряд поселений, понизивших свой статус от «татарской войны». В пустоши превратились деревни Малая Гвоздевка и Избыльская, стали деревнями села Малое и Большое Терновое, Большая Гвоздевка.

⁴ Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Т. 2. Воронежские писцовые книги. Воронеж, 1891.

⁵ Сокращения: с. – село; д. – деревня, пч – починок; пу – пустошь.

Почти половину учтенных топонимов составили пустоши. На «живущее» селение приходилось 0,8 пустоши. Для сравнения, в Суздальском уезде на поселение приходилось 1,5–5 пустошей [23, с. 103, 105]. Южнорусские пустоши включали в себя полноценный комплекс угодий: целинные земли «дикого поля», перелог, изредка участки «наезжей» пашни», сенокосы, леса и водные ресурсы. Интересной представляется локализация пустошей. Большинство их примыкало к водоемам, дорогам и поселениям.

Помещичья колонизация уезда осуществлялась усилиями детей боярских, чье землевладение на воронежских землях приобрело своеобразный характер. Оно существовало в виде долей (жеребьев), разбросанных по территории всего уезда. Заметим, что черты долевого поместного землевладения были характерны для иных регионов государства, в частности, существовали в Нижегородском уезде [24, с. 131]. В южнорусских уездах жеребьево владение приобрело крайне сложный, переплетенный, почти мозаичный характер. Для наглядности приведем разделение на жеребьи сел Воронежского уезда⁶ (табл. 2).

Таблица 2

**Количество владельческих жеребьев в селах Воронежского уезда
(по данным писцовой книги 1627–1629 гг.)**

№№ п/п	Чертовичский стан	Кол-во жеребьев	Карачунский стан	Кол-во жеребьев	Борщевский стан	Кол-во жеребьев	Усманский стан	Кол-во жеребьев
1.	Березово	28	Белый Колодезь	1	Губарево	16	Боровое	20
2.	Грязное	7	Вербилово	6	Костенки	11	Излегощи	32
3.	Лопатки	20	Глушицы	15	Устье (Песковатая Поляна)	3	Песковатое	31
4.	Малое Березово	4	Двуречки	16	–	–	Репное (Репная Поляна)	11
5.	Рамонь	15	Курино	10	–	–	Собакино	70
6.	Рядное (Рядное)	18	Манино	14	–	–	Ступино	39
7.	Чертовичское	13	Сенное	17	–	–	Телчино	1

⁶ Владение деревнями и пустошами также имело жеребьевый характер, но количество жеребьев было меньше, чем в случае с селами.

Долевое владение поселениями и пустошами стало результатом коллективного испомещения служилых людей. Коллективное владение помещьем обеспечивало коллективные формы защиты от внешних врагов (2, с. 126). Количество жеребьев в селах колебалось в пределах от 2 до 70 единиц. В среднем на одного помещика приходилось 1,5 жеребья, на одно поселение – 14 жеребьев. Отдельные помещики были владельцами 3–4 жеребьев, разбросанных по поселениям разных станов. Существование жеребьев означало наличие значительного количества владельческих дворов в каждом поселении.

Попытаемся оценить фактические размеры Воронежского уезда, чтобы сопоставить их с территорией, попавшей в писцовое описание. Вычисление общей площади уезда на момент проведения первого валового письма представляется непростой задачей хотя бы потому, что у Воронежского уезда в 1627–1629 гг. не было четко определенных границ. Были поселения, «тянущие» к Воронежу, окруженные участками распахиваемых земель. К поселениям в свою очередь «тянули» значительные массивы слабо освоенных земель – угодий, предназначенных для охоты, сенокоса, рыбной ловли, рубки леса, бортничества. В писцовом описании 1627–1629 гг. «откупные ухозя» уже не фигурировали. Тем не менее, промысловые угодья продолжали сдаваться в аренду и эксплуатировались жителями Воронежского уезда на протяжении всего XVII в. [12]. Во время строительства Белгородской черты возникли новые города и селения, началось размежевание границ старых и новых уездов [8]. В этой ситуации Воронежский уезд, сохраняя за собой свои поселения и освоенные участки пашни, должен был поступиться частью слабо освоенных территорий и промысловых угодий в пользу новоустроенных уездов. Такая ситуация породила острые конфликты между населением старых и новых уездов [12, с. 115].

Попытки оценить размеры уездов Российского государства были приняты Я.Е. Водарским. В исследовании, посвященном численности, социальному составу и размещению населения России, автор привел схемы уездов Российского государства, составленные на основе опубликованных карт и архивных материалов. В частности, в основу схем были положены данные переписных книг 1646, 1678 гг., массовые источники 1688–1694 гг., переписные книги 1716–1724 гг. [4, с. 233]. Схема Воронежского уезда была составлена на основе переписной книги 1678 г.⁷ [4, с. 247, 259].

В дальнейшем Я.Е. Водарским и П.А. Иваньковым были произведены примерные подсчеты площади 91 уезда, при этом границы уездов были

---

⁷ О том, что применительно к Воронежскому уезду источником схемы стала переписная книга уезда 1678 г., свидетельствует ссылка на ее архивный номер на с. 247 исследования. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12286. Л. 1–226.

взяты по состоянию на первую половину XVIII в. Отдельно оговаривалось, что «в начале XVII в. площадь центральных уездов была такой же, но площадь южных уездов, вероятно, была меньше» [5, с. 68]. В дальнейшем площадь Воронежского уезда фигурировала в исследованиях Я.Е. Водарского равной 3640 тыс. десятинам [3, с. 256]. Вычисления Я.Е. Водарского и П.А. Иванькова трудно применимы к территории Воронежского уезда образца 1620-х гг. На основании схемы, опубликованной Водарским, нам удалось картографировать уезд в границах 1678 г. и получить его площадь, равную 8443,245 кв. км, то есть округленно 775 тыс. десятин⁸. Реальная территория Воронежского уезда, попавшего в описание в 1627–1629 гг., должна приблизительно соответствовать территории уезда в 1678 г.

Таблица 3

Сопоставление общей площади Воронежского уезда и количества земельных угодий, учтенных в писцовой книге 1627–1629 гг. (в десятинах)

Площадь уезда	Кол-во земли, учтенной в писцовой книге ⁹	«Пашня паханая» (относится к «живущим» поселениям)	Пашня «наездом» (относится к пустошам)	Перелог и «дикое поле» (относится к «живущим» поселениям)	Перелог и «дикое поле» (относится к пустошам)
775 000 (данные на 1678 г.) ¹⁰					
3 640 000 ¹¹ (данные на 1-ю пол. XVIII в.)	48 848	10 040	188	33 160	5460
Процент к площади уезда (по данным на 1678 г.)	6,3%	1,3%	0,02%	4,3%	0,7%

⁸ Схема границ уезда см.: Население России в конце XVII – начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 259. Расчет площади уезда наш.

⁹ В таблице учтены размеры служилого землевладения в уезде (поместного и вотчинного). За пределами исследования остались земли монастырские и «порозжие». Учтено также служилое землевладение жителей подгородной слободы и тянущих к слободе поселений – д. Ямной и с. Бобяково (Бабяково).

¹⁰ Здесь данные об общей площади Воронежского уезда приводятся по нашему расчету площади на основе схемы Я.Е. Водарского.

¹¹ Здесь данные об общей площади Воронежского уезда приводятся по расчетам Я.Е. Водарского.

Процент к площади уезда (по данным на 1740-е гг.)	1,3%	0,3%	0,005%	0,9%	0,15%
Процент к земле, учтенной в писцовой книге 1627–1629 гг.	100%	20,5%	0,5%	68%	11%

Приведенные сведения (табл. 3) показывают, что крайне незначительная часть Воронежского уезда попала в поле зрения писцов. Рассмотрим соотношение общей площади уезда (по данным 1678 г.) и земель, зафиксированных писцовой книгой 1627–1629 гг. Писцы фиксируют 6,3% наличных территорий. Очевидно, что это малая часть потенциально пригодных для освоения земель, даже если отбросить угодья, «неудобные» для хозяйствования. Распахано 1,32% земель, относящихся к уезду. Земли, потенциально пригодные для пашни, описанные в виде перелогов и «диких полей», составили 5% от площади уезда.

Рассмотрим также соотношение обрабатываемых и необрабатываемых земель. Обработке подлежала пятая часть (21%) земель. При этом большинство «пашни паханой» относилось к «живущим» поселениям (20,5%), в то время как доля «наезжей» пашни, распахиваемой в пустошах, была незначительной (0,5%). Распаханные участки пустошей тяготели к старинным поселениям Чертовицкого стана. Таким образом, «наезжая» пашня фиксировалась в пустошах, если последние были связаны с поселениями и являлись неотъемлемой частью их хозяйственной альменды. В центральных уездах пустоши мыслились помещиками как резервы пашни и угодий [22, 23]. Потребность в резервах пашни на Юге, окруженном массивами «дикого поля», была значительно слабее, чем в старинных, давно заселенных уездах. Воронежские помещики нуждались в пустошах в первую очередь, как в источниках лесных и водных ресурсов, пригодных для промысловой эксплуатации. Острой нехватки пахотных земель не существовало по причине слабой заселенности Воронежского уезда. Перед помещиками стояла задача обеспечить земли трудовыми ресурсами в непростых условиях, когда татарские набеги вели к постоянному сокращению населения. По подсчетам А.А. Новосельского, Россия потеряла пленными за первую половину столетия до 200 тыс. человек [18, с. 436]. Трудности для помещиков создавало правительство, записывая потенциальных работников в «приборные» чины и формируя из них гарнизоны новых крепостей. [7, с. 279]. Писцовая книга

на месте пустых крестьянских дворов оставила лаконичные записи: «взят на Воронеж в стрельцы», «взят в казаки».

Распашка земель по станам происходила неравномерно и зависела от ряда факторов (табл. 4).

Таблица 4

**Сведения о количестве распаханых земель, владельческих жеребьев и населенности станов Воронежского уезда
(по данным писцовой книги 1627–1629 гг.)**

Стан	«Пашня паханая»		Кол-во крест. дворов		Кол-во владений (жеребьев)		Кол-во владел. дворов	
	в дес.	%	в дв.	%	в ед.	%	в дв.	%
Чертовицкий	2719	27%	290	22%	200	25%	133	26%
Карачунский	2239	22%	335	25%	159	20%	108	22%
Борщевский	837	8%	164	12%	88	11%	54	11%
Усманский	4433	43%	555	41%	354	44%	206	41%
Всего	10228	100%	1344	100%	801	100%	501	100%

Наибольшая доля распаханых земель приходилась на станы, где предполагалось наибольшее количество владений (жеребьев), владельческих дворов, а также крестьянских дворов. По всем показателям лидировал Усманский стан, помещиками которого были дети боярские, атаманы и казаки. Наименьшие показатели распашки находим в Борщевском стане, чьи поселения подвергались набегам из степи и обезлюдели. Соотношение крестьянского двора к владению (жеребью) или владельческому двору в четырех станах сохранялось на примерно одинаковом уровне: 1,5–2 крестьянских двора на владение. Если мы исключим пустоши, оставив только «живущие» селения, это соотношение составит 2–3 крестьянских двора на владение. Писцовая книга зафиксировала тот факт, что пустопоместные дети боярские¹² были вынуждены вели трудовое хозяйство – самостоятельно пахать пашню. Помещики, имевшие один крестьянский двор, возможно, участвовали в распашке земель, наряду с крестьянами. Косвенно об этом может свидетельствовать высокий показатель «пашни паханой» в подобных хозяйствах из расчета на один крестьянский двор¹³.

¹² Они же «однодворцы», по терминологии В.М. Важинского. См. список литературы.

¹³ Например, в Чертовицком стану средний показатель «пашни паханой» для пустопоместного владения – 11,4 дес. на двор, для владения с 1 крест. двором – 18,9 дес. на 1 крестьянский двор, для владения с 2 крест. дв. – 10,5 дес. на 1 крестьянский двор. В помещичьих владениях с 3–4 или 5 и выше крестьянскими дворами этот показатель начинает снижаться до 5,4 и 6 дес. соответственно в расчете на 1 крестьянский двор.

Анализируя распашку, обратимся к показателям по отдельным станам (табл. 5).

Таблица 5

**Количество распаханых земель по отдельным станам
Воронежского уезда (данные 1627–1629 гг.)**

Стан	Всего земли (100%) в дес.	«Пашня паханая»		Перелог и «дикое поле»	
		в дес.	%	в дес.	%
Чертовичский	11051	2719	25%	8332	75%
Карачунский	11693	2239	19%	9454	81%
Борщевский	5016	837	17%	4179	83%
Усманский	21043	4433	21%	16610	79%

В каждом стане распахивалась примерно четвертая-пятая часть земельных угодий. Наибольшее количество земель распахивалось в Чертовичском стане, ближайшем к воронежской крепости. Наименьшее количество распаханых земель приходилось на Борщевский стан, расположившийся в зоне повышенной военной опасности.

Подведем итоги. Воронежский уезд, попавший в описание 1627–1629 гг., не представлял собой территориально целостного образования, он еще формировался. Островки поселений, «тянущие» к Воронежу, были окружены небольшими участками пашни и освоенных угодий. Вокруг располагались обширные земельные пространства, которые писцовое описание не видело и не пыталось фиксировать.

Важным фактором, влиявшим на колонизацию края, была военная опасность. С одной стороны, татарские набеги замедляли аграрное освоение региона, приводя поселения к запустению. С другой стороны, необходимость им противостоять породила особые черты в поместном землевладении – коллективное испомещение и «мозаичное» жеребьевое владение освоенными землями.

Южнорусские служилые люди энергично заявляли свои владельческие права и получали земельные «дачи». Следствием их кипучей деятельности стало быстрое перераспределение земельных ресурсов, формирование развитой поселенческой структуры уезда. Вероятно, основой крупных поселений были многочисленные владельческие дворы, вокруг которых концентрировались дворы трудового населения.

Процесс распределения земельной собственности опережал фактическое заселение уезда. Нехватка рабочих ресурсов вынудила помещиков вести

трудовое хозяйство. Сословные границы между помещиками и трудовым населением оставались размытыми. Об этом красноречиво свидетельствует факт личного участия пустопоместных и малодворных помещиков в распашке земель.

Литература

1. *Багалея Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887.

2. *Важинский В.М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж, 1974.

3. *Водарский Я.Е.* Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. (размеры и размещение). М., 1988.

4. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.

5. *Водарский Я.Е., Иваньков П.А.* Распаханность земель Европейской России в первой половине XVII века // Социально-экономические проблемы российской деревни. Материалы XVII сессии Симпозиума по изучению проблем аграрной истории (Ростов-на-Дону, 1978). Ростов-на Дону, 1980. С. 67–70.

6. *Глазьев В.Н.* Военная повседневность южного российского пограничья XVII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 10. С. 71–78.

7. *Глазьев В.Н.* Заселение городов и формирование уездов Центрального Черноземья в конце XVI – начале XVII в. // Русь, Россия: средневековье и новое время. Выпуск 3: Третьи Чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной конференции. Москва, 21–23 сентября 2013 г. М., 2013.

8. *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969.

9. *Загоровский В.П.* Воронежская историческая энциклопедия. Воронеж, 1992.

10. *Загоровский В.П.* Общий очерк истории заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма (XVI век – начало XVIII века) // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987.

11. *Зенченко М.Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в.: опыт государственного строительства. М., 2008.

12. *Камараули Е.В.* Эксплуатация природных ресурсов на южных окраинах Российского государства в XVII веке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 114–117.

13. *Камараули Е.В.* Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII века. Воронеж, 2009.
14. *Мизис Ю.А.* Социально-психологические процессы на территории южнорусского фронта в период заселения в XVII в. // Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. XXXV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений, Уфа, 20–23 сентября 2016. М., 2016. С. 63–65.
15. *Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И.* Теория фронта и Юг России в XVI – первой половине XVIII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 10. С. 7–15.
16. *Миклашевский И.Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. I. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. М., 1894.
17. *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер, методы исследования. М., 1986.
18. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.
19. Обретение Родины: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в. Часть 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация / Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2014.
20. Переписная книга Воронежского уезда 1646 года / Подготовка текста, вступительная статья и примечания В.Н. Глазьева. Воронеж, 1998.
21. *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962.
22. *Хитров Д.А.* К вопросу о тенденциях в развитии крестьянского землепользования в Центральном Нечерноземье в XVII–XVIII вв. // Вестник архивиста. 2003. № 5–6.
23. *Черненко Д.А.* Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII–XVIII вв. (опыт региональной типологии). Вологда, 2008.
24. *Чеченков П.В., Черненко Д.А.* Персональный состав служилых землевладельцев Нижегородского уезда по материалам писцового описания 1620-х гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 г. М., Брянск, 2012. С. 129–148.

Карелы в вотчине Иверского монастыря: социальный статус, динамика расселения

На основе изучения общерусских переписей середины и второй половины XVII в., вотчинных описаний, актового материала определены темпы восстановления численности населения волостей, составивших вотчину Иверского монастыря, его этнический состав, характер расселения, роль государственно-политического регулирования, статуса вотчины и характера управления ею на этот процесс.

Ключевые слова: XVII век, карельские выходцы, нововыходцы, государево жалование, динамика расселения, внутренняя миграция, заповедный товар.

Северо-запад России – давняя зона контактов представителей разных этносов. Но особое место в этом отношении занимает XVII в., когда в силу демографической ситуации, внешнеполитических факторов и социально-экономической политики русского правительства в этом районе происходят значительные перемещения населения. Оно пополняется за счет выходцев из карельских земель, отошедших по Столбовскому договору к Швеции, белорусов частично добровольно перешедших на русскую сторону из разоренной Восточной Белоруссии, частью целенаправленно переселенных по распоряжению Никона или взятых в плен. Происходила и миграции русского населения.

Размеры переселений, характер расселения в определенной степени фиксируются государственными переписями: общими 1648, 1669 и 1678–79 гг. и частными (специальные переписи карельских выходцев). Однако более точные сведения содержат внутривотчинные описания, которые учитывают и некрепостное население.

Тяга крестьян к переходу на русскую сторону прослеживается сразу после заключения Столбовского мира. В 1620 г. к новгородскому митрополиту Макарию тайно пришел «из-за рубежа» из Сердобольского погоста Корельского у. крестьянин Гордюшка Иванов, «а послали его все лутчие люди» с челобитьем, чтобы «царь велел ему и иным крестьяном притти на свое государево имя на свою государеву сторону» [3, с. 455]. Однако эта просьба не была поддержана из опасения, чтобы «мирному посольскому договору и межевальному делу и Гдовской отдаче поруха не учинилась». Время и общая направленность переселенческих потоков карел прослежена в работах С.С. Гадзяцкого, А.С. Жербина, Ю.Н. Беспятых, И.П. Шасколь-

---

¹ Тимошенкова Зоя Александровна, кандидат исторических наук, Псковский государственный университет, zoyatim67@mail.ru, Россия, г. Псков.

ского. Однако вышеназванные авторы в основном оперировали данными переписей, мало привлекая актовый материал.

Кареляне широко расселились на территории Новгородской земли. Порхаясь на дворцовые земли, они затем оказывались и в монастырских вотчинах. Еще в марте 1657 г. Дионисий писал Никону: «приходят ныне в вотчину пречистые Богородицы с Олонца выходцы из-за немецкого рубежа кареляне и с семьями работные и иные торговые люди и бьют челом нам, чтоб мы их примали в вотчину ... и мы ... тех прихожих карелян принимаем. И о том как укажешь, принимать впредь или нет» [5, стб. 249].

В Иверской вотчине карельские выходцы проживали на территории Старорусского уезда, Валдайской округи (22 карельские деревни)², селениях Тверского и Московского уездов. В Старорусский уезд в период с 1655 по 1668 г. пришло более 1 тыс. человек, из них 22% карел и около 34% вышли «из-за польского рубежа». Большая часть карел записаны крестьянами, в то время как среди выходцев из Белоруссии около 60% составляли бобыли. Это не случайно. В это время карелы при выходе получали государево жалование денежное и хлебное (1 руб. деньгами и по чети ржи на семью), что позволяло им обзавестись хозяйством. Сами они приносили с собой разное количество «живота». Минимальное размер имущества на малую семью варьировался: лошадь, корова, пищаль; лошадь, корова, самострел железный; лошадь, 2 коровы. Но были семьи и с 2–5 лошадьми. Однако всегда – «платышко, что на них».

Всего карел, которые получили государево жалование, но не поселились в дворцовых волостях было 5,5 тыс. семей. А.С. Жербин считал, что положение карел на дворцовых землях было значительно лучше, чем на землях частных владельцев [2, с. 73]. Следует отметить, что лучше закреплялись крестьяне в Ильменском Поозерье и на смежных территориях. Переписная книга 1667 г. зафиксировала в с. Ракома 50 новопорядных крестьянских дворов нововыходцев и 2 бобыльских из общего количества 239 дворов, т.е. 21,8% [4, с. 241]. В с. Трясово – 59 дворов и двор бобыльский из 117 (51,3%). Согласно переписи 1668 г. в 9 деревнях и 1 пустоши нововыходцы проживали вместе со старожилами, а 10 деревень и 4 пустоши возродились благодаря их приходу. На землях с. Трясово в 2 деревнях нововыходцы жили вместе старожилами, а 25 деревень и 29 пустошей возродились вследствие их поселения в них [4, с. 276]. Все пришлые крестьяне получили льготу на период от 3 до 9 лет. Нововыходцы пришли из Ореховского, Копорского и Ямского уездов.

---

² В Валдайской округе карельские деревни располагались на расстоянии 2, 3, 5, 10, 20 и 30 верст от московской дороги.

Вотчина Иверского монастыря привлекала их договорной системой оброков, частичным освобождением от государственных налогов, возможностью сочетать земледельческие занятия и промысловые с работой по найму, а также предоставлением льготы на время восстановления полевой пашни. В вотчине допускалось широкое использование подсеки в сочетании с тяглой полевой землей. В карельских деревнях Деревской пятины на пустошах, нивах и суках располагалась треть ржи, половина посевов репы, жита и почти все посева овса [1, с. 125]. В целом структура землепользования иверских крестьян была схожа со структурой землепользования дворцовых крестьян Шелонской и Деревской пятин, что также не случайно. Властям Иверского монастыря приходилось учитывать стремление крестьян вернуться в состав дворцовых, выраженное в челобитных на имя царя, а также в ходе открытого выступления 1671 г. Развитие этих настроений связано с попытками монастырских властей расширительно толковать договор о повинностях, сокращение после низложения Никона льгот монастырю со стороны государства и в целом ростом государственных налогов, а также борьбой между монастырем и посадом Старой Руссы за землю и тяглецов, попытками правительства проверить, куда же разошлась карела, взявшая жалование и не поселившаяся на дворцовых землях. Пользуясь некоторой двусмысленностью своего положения, часть карел отправилась в Новгород и вновь записалась нововыходцами. Получив во второй раз жалование, они вернулись на прежние места, но при этом перестали платить повинности и монастырю, ссылаясь на отсутствие порядной. Другие же ушли в дворцовые земли, которые к этому времени постепенно заселялись, а по уровню платежей были более привлекательными. От уплаты повинностей в монастырь стали отказываться и кареляне, на которых в монастыре были оформлены порядные. Это вызвало челобитье монастырских властей царю: «по наговору де выходцев корелян, которые живут в старовышедших дворцовых селах, Ивашка Лонского с товарищи да нововывозных выходцев же, которые из монастырских вотчин ... в дворцовые села вывезены, последние их монастырские крепостные выходцы кореляне же чинятся им не послушны, монастырские их зделье делать и податей платить не хотят и всякой мятеж в вотчинах их чинят и челобитье меж себя заводят, чтоб им от крестьянства отбыть. А за ослушанье де их смирить из монастырским смирением они не смеют да и ... на Ивашка ... с товарищи управ им не дают». Согласно царской грамоте от 6 ноября 1668 г. путному ключнику дворцовых волостей следовало провести розыск и если «такие их воровство объявится допряма и им учинить наказанье: пущих подговорщиков и монастырских их крепостных крестьян ослушников бить кнутом на кобыле при многих людех». Однако попытки монастырских властей настоять на уплате

повинностей «по-прежнему» встречали серьезное сопротивление. С ним и столкнулся приказной старец соляного промысла Герман, отправившийся в январе 1670 г. в Воскресенский погост Старорусского уезда для высылки крестьян к вывозу монастырских дров. В дер. Свинухово «корела Петрушка Ермолин с сыном Матюшкой, Ротка Семенов и Павел Михайлов скопясь со многими людьми и пришед гилем ему Герману в той дровяной возке и во всяком монастырском тягле отказали. И нас бранят всякими скаредными речьями, и Германа обухом били и служебников монастырских обухам и дубьем перебили и служебнику Фетке Григорьеву топором голову рассекли, и называются: мы де государевы, ваших де властей ни в чем не слушаем». При этом следует отметить, что на этот вид работы они подрядились ранее, «а деньги даны наперед». Монастырские представители в Старой Руссе, оценивали обстановку как опасную: «от таких бунтовщиков в вотчине чинится смута большая», и «им де ныне ни для каковых монастырских дел в вотчину за тех карел в непослушанье и за их гилевством послать немочно ... и ныне дрова в лесу стоят, невожены, тысяч с 20»³. Подобное непослушание проявили крестьяне Воскресенского, Офремовского и Коломенского погостов⁴.

Согласно присланной из монастыря памяти старорусскому строителю следовало «послать рассыльщиков и служебников, сколько человек пригож и велеть их перехватить и в Русу привести и учинить у себя на дворе жестокое наказание беспощадно и посадить в Старой Русе в тюрьму до указа», а также напомнить «свинуховским ослушникам», что за такие поступки полагается бить кнутом. Если же кто-то и служебников пострадает и умрет – «10 человек повесить»⁵.

В июле 1680 г. С. Шишков поехал в Старорусский уезд переписывать карел, что опять привело к их неповиновению. К этому их побуждал и сам сыщик, который не велел платить податей до выяснения законности прав монастыря на них, «а которые русские и те многие стоят в пятинных и оброчных деньгах на правезу»⁶.

Это обстоятельство затрудняло даже решение вопроса о ведении старостами отчетности. Так, старорусский старец писал в монастырь: «А ныне не в указ Вам государем буди послать иво к нам и ни в чем раздражить нельзе, потому государи, что корела вся блиско половины отчины описана, а иво раздражит и достальные збунтуют». Он просит бить челом царю и

³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1575. Ст. 68. 16 января.

⁴ Там же. Д. 1588. Ст. 23, 23 об.

⁵ Там же. Д. 1578. Ст. 18, 25. В то же время новгородский митрополит предостерегал: «корелам до государева указу никакой шкоты и налогов не чинить» (Там же. Ст. 19).

⁶ Там же. Д. 2890. Ст. 11, 22, 23. Сыщик описал карел в Офремовском, Воскресенском, Коломенском, Черенчицком и Петровском погостах «всех без остатку».

патриарху о карелах, так как те «до указу государя никаких монастырских податей платить не будут. «И на то смотря и иные крестьяне збунтуют, время стало шаткое, за дом Пресвятой Богородицы застоятелей в мале, от всех стран в расхищение претворяют». Он винил И. Лонского, который ездил с переписчиками «для знатья корел»⁷.

Всего за Иверским монастырем по сыску С.И. Шишкова «объявилось» 658 семей карел, которых следовало переселить на дворцовые земли. Но И. Лонский обвинял Шишкова в том, что он не всех карел в Старорусском уезде переписал (осталось неописанных 200 семей). В челобитной на имя государя И. Лонский жаловался, что его С. Шишков «от сыску отбил», а он выборный мирской челобитчик «от всех разных волостей зарубежных выходцев и во всех корельских людей место».

В 13 корельских деревнях вотчины «отписались на государя» 63 крестьянских двора и 1 бобыльский⁸. Властям стало известно, что крестьянин д. Угрива Трофошка Китов пошел в Москве «бить великому государю челом, чтоб корел всех из-за Иверского монастыря вывести на государевы порозжие земли». Челобитчик молод, «об одном глазе», «а пристаёт у боярина князя Ивана Андреевича Голицына (у старика)»⁹. О сборе «подмоглых» денег и передаче их «в Волдайщину» писал архимандриту пятинщик из с. Рахино. Крестьяне с. Рахино и дер. Плоской (17 венцов) «на сход не ходят ... пятинной выделной ржи в гумна не возят, меня не слушают, а в полях полосы обводят, указывают неправдою»¹⁰.

В свою очередь новозаписные крестьяне из 15 дворов дер. Плоской, которые в соответствии с предписанием С. Шишкова должны были переселиться на порозжие земли, «где приищем», сообщали, что приискать не успели из-за «летнего пути» и просили отсрочить «до зимнего»¹¹. Архимандриту пришлось отправиться в Москву «бить челом ... о карелах подмонастырских и Старорусского уезда». Сообщая в монастырь о своих действиях, он укорял в задержке с присылкой денег, так как «на Москве с порозжими руками не само скоро делается, а от вас, в присылки денег малое число».

Одновременно об оставлении за собой карелян хлопотали и другие монастыри. Борьба за сохранение карелян за монастырем продолжались и конце 1680-х гг. Монастырские власти неустанно хлопотали о возвращении хотя бы части ушедших на дворцовые земли крестьян, карелян, русских и

⁷ Там же. Д. 2890. Ст. 36.

⁸ Там же. Д. 2982.

⁹ Там же. Д. 2893. Ст. 17.

¹⁰ Там же. Д. 2929.

¹¹ Там же. Ст. 46. Сыщик 28 июля велел им жить по прежнему «до указу великого государя пока приищут, а монастырским властям им налог не чинит никаких», так как их «довелось вывести за великого государя по записанным селитбнным книгам».

белоруссов, считая, что «будет крестьян наших с Осечна не выдадут, и мы карелу валдайскую и старорусскую всю потеряем». Архимандрит требовал от своих представителей в Москве: «Добиться, чтобы дали хотя бы малое число, хотя и мне архимандриту если надо волочится к Москве»¹². В 1692 г. новгородским воеводам было велено составить список новоприбылых людей с 1684 по 1692 г. Вероятно, именно с этим было связано проведение новой вотчинной переписи в Иверском монастыре. Валдайскую округу наместник Лаврентий переписал к концу апреля. Он констатировал, что «крепостных крестьян и бобылей малое число ... а то все пришлые из-за немецкого рубежа, с Корельского уезда, а иные из-за польского рубежа, живут лет по 30 и 20 с лишком». Крестьяне «со слезами просят ныне не высылать – пора стала работная, и я дал им сроку пока к вам не напишу». Архимандрит распорядился сверить полученные данные с отказными книгами, и тех крестьян и бобылей, которые пришли «в давних годех, а подлинно из Корельского города и знадбы на них есть и по ним имать поручные записи, а вон из вотчины не высылать, а которые объявятся и пришли недавно и тех из вотчины выслать без оплошки, а прихожих ... писать в особые книги».

При проведении внутривотчинных описей администрация монастыря использовала опыт государственных описаний. Особенно близки они по формуляру к переписным книгам дворцовых земель 60–70-х годов XVII в., а зачастую совпадают с ними по времени. Это объясняется беспокойством монастырских властей за судьбу вотчины и наличием в ней значительного числа беглых дворцовых крестьян из разных уездов России и выходцев из Карелии. Монастырь вел долгую борьбу за признание юридической силы отказной книги 1655 г. на свои владения наравне с общегосударственными описаниями 1648 и 1678 гг., чего и добился в 80-е годы XVII в. «не в пример другим монастырям». В вопросе же о карелянах наступила ясность только к 1701 г.: монастырю удалось закрепить их за собой. Если в Старорусском уезде карельские и русские деревни размещались вперемешку, зачастую население деревни было смешанным, то в Валдайской округе карельские деревни располагались компактно вдоль московской дороги и в отдалении от нее от 2 до 20–30 км. Они составляли особую общину. В приходах со смешанным населением важным условием для поставления в священники было знание карельского языка: «корельскому языку и русскому разумеет».

Карелы Валдайской округи и Старорусского у. кроме сельского хозяйства занимались деревообрабатывающим, кузнечным и рыболовным промыслом, вели торговые дела и с иностранцами. В 1660 г. шестеро карел из дер. Глуботец, Угрива, Гагрино и Сельско ездили за рубеж по государственной проезжей грамоте «для торговли и долгового своего взятку». Но на обрат-

¹² Там же. Д. 3733. Ст. 50 об. 1688 г.

ном пути из Канцев, где «покупая товары и долги свои выбрав», на Невском устье на Тужине они были ограблены шведом, который «взял сукон и много товару и денег на 205 руб. на серебряные деньги, и, связав держал во дворе». Но поскольку один их товарищ ушел, он испугался и выпустил своих пленников. В свою очередь в январе 1681 г. бил челом на крестьянина дер. Лосытино Степана Тимофеева Щадра по заемной кабале в 56 руб. 40 коп. «свейской земли» торговый человек Филипп Кирьянов. В 1680-е гг. крестьяне втягиваются в торговлю заповедным товаром – табаком, вином. Она, несмотря на риск, была делом выгодным. В 1673 г. фунт табака стоил 30 коп. Зимой 1682/83 гг. «по первому зимнему пути, после заказа» за рубеж ездили 16 крестьян Валдайского круга, вернулись на 17 подводках с товаром «безубыточно и своей братии убытку и огласки никакой не учинили». Из ездивших летом были пойманы с товаром и приведены в Новгород трое крестьян и захребетник, один от поимки ушел. Двое из ездивших летом «приехали с товаром домой в целости» (3 ташки)¹³. При обнаружении этой торговли крестьяне выплачивали значительный штраф. При его раскладке между крестьянами возникали противоречия. Так, в 1683 г. трое крестьян корельских деревень жаловались на Гаврилу Иванова «с товарищи»: «накладывали оне на нас в табачные деньги на человека по 16 руб., а мы за тем делом не ездили, а ездили по обещанию в Печеры ... помолится, а они нас накладывали заочно как будто у нас было по 2 лошади. В 1683 г. штраф за табачную торговлю составил 25 руб. с человека. В 1685 г. поехало за рубеж «по табак» «человек с 90». Среди покупателей привезенного товара были и помещики. Так, С.С. Косачевский занял в 1688 г. у крестьянина дер. Борисово Гаврилы Ивского, который торговал табаком вместе с братом, 2 руб. и ведро вина «до Семени дни 197 г.». В начале 1690-х гг. табаком и вином торговали почти все крестьяне карельских деревень. В дер. Борисово только вином торговали 20 человек, в дер. Сельско 15 человек торговали вином и 5 человек – табаком, и не только дворовладельцы, но и захребетники. За эту торговлю с них было собрано в 1691 г. штрафу 250 руб. 23 коп.

Среди крестьян карельских деревень были квалифицированные кузнецы, бондари, много плотников. В 1659 г. они участвовали в строительстве московского монастырского подворья. Оплата составляла по 2 руб. в месяц «на их плотницком хлебе». Перед началом работ они получили предоплату по 2–3 руб. на человека [6, с. 504].

Вотчинные переписи позволяют уточнить представления о положении крестьян, бобылей и захребетников в условиях действия Уложения 1649 г. На протяжении второй половины XVII в. в вотчине проживало значительное число людей, не связанных с монастырем никакими крепостями. Часто

¹³ Там же. Д. 3317.

порядные или ссудно-порядные грамоты оформлялись после 10–15-летнего проживания крестьянина или бобыля на землях монастыря. Особенно много таких людей среди захребетников и подсоседников. Некрепостное население вотчины составляло основную массу работников по найму, труд которых широко использовался и крестьянами, и самим монастырем.

Литература

1. Аграрная история северо-запада России XVII века. Население, землевладение, землепользование. Л., 1989.
2. *Жербин А.С.* Переселение карел в Россию в XVII в. Петрозаводск, 1956.
3. *Замятин Г.А.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории. СПб., 2008.
4. Ильменское Поозерье и смежные территории в конце XV–XVII вв. М., 2014.
5. Русская историческая библиотека. СПб., 1878. Т. V.
6. *Седов П.В.* Подворья Иверского монастыря в Москве и Новгороде // Монастыри и архиерейские дома в документах XVI – начале XVIII веков. СПб., 2015. С. 436–554.

Вопросы демографии и расселения на севере России по источникам церковного учета XVII в.

На основе неопубликованных записных пошлинных книг поповских старост-заказчиков и других источников XVII в. приходы и заказы Вологодского и Устюжского уездов рассмотрены как структуры сельского расселения. Отмечена особенность в фиксации рождаемости, брачности и смертности в приходных книгах попов-заказчиков, вычленена их информация о народонаселении, отсутствующая в писцовых и переписных книгах. Обоснован взгляд на данный вид источников как опыт церковного учета населения, предшествовавший введению метрических книг в России XVIII в.

Ключевые слова: епархия, заказ, приход, владельческая структура и сельское расселение, брачность, рождаемость, смертность.

Подводя в 1994 г. итоги изучения исторической демографии России эпохи феодализма, Н.А. Горская отмечала, что «материалы всех видов церковного учета до сих пор оставались почти невостребованными» [2, с. 15, 186] и их источниковедение «только разворачивается» [3, с. 74]. Действительно, разновидности епархиальной и приходской документации дOMETрического периода до сих пор недостаточно выявлены и разработаны, хотя они имеются в фондах федеральных и региональных архивов. Данный факт отражен в научной литературе [4, с. 242–246; 7, с. 105–108; 8, с. 339–351]. Территориальный охват подобной документации весьма широк, включая разноуровневые звенья (десятины, «заказы», приходы) Вологодской епархии, Новгородской и Ростовской митрополий, Нижегородской кафедры, Патриаршего дома.

В научный оборот введены сведения о сборе венечных пошлин как по отдельности, так и в составе других церковных или сеньориальных взиманий в монастырских, патриарших вотчинах либо в рамках епархий [8, с. 339–351]. Они, хотя и трудно исчисляемые статистически (в Книге ключей Иосифо-Волоколамского монастыря 1530–1540-х гг.², приходной книге Новгородского дома св. Софии 1577/78 г.³, жалованных и уставных грамотах XV–XVII вв.⁴, включая и некоторые наместничьи, десятинах Патриаршей области⁵), имеют несомненное отношение к брачности как важному фактору

¹ Черкасова Марина Сергеевна, доктор исторических наук, Вологодский государственный университет, mscherkasova@mail.ru, Россия, г. Вологда.

² Книга ключей и Долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря. М.-Л., 1950.

³ Приходная книга новгородского дома Св. Софии 1576/77 г. / Сост. И.Ю. Анкудинов, А.А. Фролов. М., СПб., 2011.

⁴ См.: [5, с. 339–351].

⁵ Устинова И.А. Делопроизводственные документы Патриарших приказов первой половины XVII в. // Вестник церковной истории. 2014. № 3/4 (35/36). С. 31–71.

демографической истории. Книга сбора венечной пошлины по Сумерскому Рождественскому погосту Шелонской десятины за 1638/39 г. опубликована В.А. Переваловым, считавшим подобные источники предтечей метрических книг⁶. Нам удалось выявить аналогичную книгу по Буховскому Никольскому погосту Деревской десятины за 1653/54 г. [7, с. 105–108]. Входившие в него селения располагались к юго-востоку от оз. Ильмень⁷. Уточним, что рождаемость в записных книгах фиксировалась не вся, а внебрачная («незаконная»), как и смертность – скоропостижная. Получается, что наиболее систематические сведения за допетровский период материалы церковного учета XVII в. дают лишь по бракам.

В монографии Д.Н. и И.А. Антоновых к «церковным источникам реконструкции метрических книг» отнесены венечные памяти, брачные обыски и книги сбора венечных пошлин. Что из себя представляли последние, в работе не раскрывается [1, с. 350]. Авторами упущены венечные разделы архиерейских приходо-расходных книг, а также ежегодные сказки приходских попов о количестве венчаний, молитвословий (по вторым и третьим бракам), погребений в их приходах. Дополнительно в тех же сказках попы рапортовали о том, что в их приходах «раскольников и четвероженцев нет, наложников и наложниц никто не держит», все исправно посещают церковь, каждый имеет отца духовного и регулярно исповедуется, никто «сам в целом уме не удавливался и вина не опивывался и не утапливался и никакую смертью от своих рук не умирывал... мои прихожана живут по правилам святых апостол»⁸. Но в главном с Д.Н. и И.А. Антоновыми следует согласиться: хотя «Деяниями» Московского собора 1666/67 г. уже предусматривалось составление при церквях «записных книг» рождений (крещений), браков, смертей, явок на исповедь в периоды четырех постов⁹, повсеместным такой учет до указов 1702, 1718, 1722–1724 гг. не стал [1, с. 33, 64]. Все же поправки требуют утверждение составителей сборника переводов о том, что в доиндустриальной России регистрационные приходные книги не велись [5, с. 31].

Названные выше учетные документы можно считать «нетрадиционными» (в отличие от кадастровых материалов XVI–XVII вв.) источниками по исторической демографии города и деревни. В них мы находим равное

⁶ См.: [4, с. 246–248].

⁷ РГИА. Ф. 834 (Синод). Оп. 5. Кн. 19. В той же описи под № 36, 37, 39, 316 имеются и другие сборные книги венечных пошлин по приходам Новгородской митрополии и г. Торжку.

⁸ См., напр.: Описание собрания свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древнехранилище. Вологда, 1899–1913. Вып. 1. № 112; Вып. 2. № 225; Вып. 3. № 15, 65, 74, 76; Вып. 5. № 13, 67, 74, 114, 117; Вып. 8. № 52, 72; Вып. 10. № 4, 25, 57, 59; Вып. 11. № 65, 74, 92, 93, 104–106, 109, 131; Вып. 12. № 16, 52, 151, 233, 234, 272, 303; С. 79–80, 134–144; Памятники письменности в музеях Вологодской области. Ч. 4. Вып. 3. Вологда, 1998. С. 45, 49, 51, 71, 75–79.

⁹ Дополнения к актам историческим. СПб., 1853. Т. 5. № 101. С. 461–463.

количество сведений о мужчинах, женщинах и детях, акцент делается на обстоятельствах рождений и смертей, очередности браков, что не характерно для писцовых и переписных книг XVI–XVII вв. Не лишено новизны и само обращение к *десятинам, заказам и приходам* как расселенческим и демографическим структурам, отношение которых к процессу аграрного освоения несомненно. Здесь особенно значим *приход* как всесословный институт, пространство повседневного существования человека, важнейших моментов его жизни – рождения, крещения, имянаречения, создания семьи, покаянной практики и окончания земного пути, вступление в жизнь вечную.

При сходстве с приходными книгами приказов-четвертей, монастырей, приказных изб, посадских и крестьянских общин [9, с. 177–198] книги поповских заказчиков отличаются от них тем, что записи в них организованы не в рамках сентябрьского года, а по четырем мяседам – Рождественскому, Великому, Петровскому и Успенскому. Имея общее с приходными книгами целевое назначение – учет прихода (сбора) денег/пошлин за выдаваемые брачные, почеревные и похоронные памяти, – эти книги назывались *неокладными*, в отличие от фиксируемого оклада церковной дани. В наказной памяти Афанасия Холмогорского духовному судье 1682 г. говорится о записных *неокладных* книгах, информацию которых о браках и взятых пошлинах старец должен был тщательно сверять с конкретными венечными памятьми¹⁰.

Существенного расширения источниковых данных удалось достичь, обратившись почти к сотне записных приходных книг заказчиков за 1661–1666 гг. из Коллекции столбцов гос. архива Вологодской обл.¹¹ Они относятся к 23 волостям-заказам Устюжской десятины Ростовской митрополии (Устюжский, Сольвычегодский, часть Двинского и Тотемского уездов). Здесь издавна существовала традиционная триада: община-волость-приход. По вотчинной документации Иверского монастыря З.А. Тимошенкова отмечает совмещение в одном лице функций волостного и церковного старосты или же попеременное их исполнение [6, с. 144]. Иногда территориальный состав заказа отличался особо крупными размерами, например, в Красноборский Спасский заказ, кроме собственно волости Красный Бор на Двине, входило еще более 10 волостей-приходов.

Отраженная в книгах Устюжской десятины социальная среда – это по преимуществу черносошная деревня, торгово-ремесленные посадки Устюга, Сольвычегодска, Лальска, городское и сельское белое и черное духовенство. Некоторые приходы, судя по окладным книгам Устюжской десятины 1620-х и начала 1680-х гг., отличались более сложной владельческой структурой,

¹⁰ Труды Архангельского статистического комитета за 1865 г. Архангельск, 1866. Кн. 1. С. 19–24.

¹¹ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 3. Кн. 51–57, 59–62, 113–127, 142–149, 205–274.

которая, однако, укладывалась в интегрирующую ее приходскую общность (см. табл. 1). Имевшие малые размеры (1–3 двора) деревни в них принадлежали как частным лицам (купцам из городов – Устюга, Сольвычегодска), так и церковным институциям (монастырям и храмам Устюга). Город и его ближайшая округа были тесно связаны. В 1620-е гг. еще в ходу была архаичная терминология (дымы, белы) и объездной способ деятельности аппарата десятильника. Он отразил, полагаем, не столько ранне-стадиальную специфику, сколько сочетание объездных и стационарных форм управления в отдаленной северной оконечности Ростовской митрополии. К началу 1680-х гг. очевиден различный податной (при этом полностью в денежном выражении) финансовый статус деревень двух соседних приходов – более тяжелый даннический и более облегченный – оброчный.

Таблица 1

Владельческая структура и сельское расселение в соседних приходах (Сухонский Нововышлый стан, 1620–1680-е гг.)

с. Нокшенское – приход церкви Царя Константина		д. Бобровниково – приход церкви Сретения иконы Владимирской Богоматери	
деревни	дворы/дымы	деревни	дворы/дымы
за именитым человеком Г.Д. Строгановым		за устюжским купцом Г.О. Мыльниковым	
Ямжега	3/3	Бобровниково	3/3
Пазухи	1/1	Оменово	1/1
Уржумово	3/3	Соколово	3/3
Степаново	1/1	Степаново	1/1
Зубцово	3/3	Гришино	1 хоз. двор
Гришино	3/3	Рубцово	2/2
Глатьково	3/3	Петряево	2/2
Уварово	3/3	-	
Сосновец	3/3		
Шемякино	4/4		
за Михайло-Архангельским монастырем в Устюге			
Тиунцово	2/2	Подозерие	2/2
Бушково	3/3	Демьяново	4/4 и 1 келья
за Иоанно-Предтеченским монастырем в Устюге			
-		Сватково	4/4 и 1 келья
за ц. Вознесения в Устюге		за ц. Симеона Столпника в Устюге	
Пайкино	2/2	Куприяново	2/2
-		за ц. Спаса-Преображения в Устюге	
		Колпаково	2/2
всего 13 дерр., 34 двора/дыма		всего 12 дерр., 27 дворов/26 дымов	

финансовый статус	
1625 г.	
дани 30 бел; пошлин и объезда: - десятильнику 3 алт. 5–6 бел - людем 2 белки; пошлин и объезда доводчику 3 алт.; за корм 1 алт.; писчая белка	- Пречистенского прихода в 1625 г. еще не было
1686 г.	
тяглый – церковная дань и пошлины	оброчный – церковный оброк и пошлины
с 30 бел дани 25 алт.; за убылую белозерскую десятину 10 алт.; в московский подъем 2 гривны; казначейских 5 алт.; десятильничьи почести 13–16 алт. 2-4 ден.; «в протори» 34 алт.	гривна с церкви; в московский подъем 6 алт. 4 ден.; казначейских 5 алт.; прибылых 2 гривны; почестных гривна.
в среднем со двора по 2,6 алт. дани	в среднем со двора по 1,2 алт. оброка

Источник: РИБ.Т. XIV. СПб., 1894. Стб. 1103, 1127, 1133–1134.

Введенный Стоглавом институт заказчиков (= «казазных попов», = поповских старост) служил связующим звеном между приходским и епархиальными уровнями в учете населения. Деятельность заказчиков регулировалась архиерейскими наказными памятями. Назначенному на эту должность в 1675 г. попу И. Михееву в расположенной на вологодско-белозерском рубеже вол. Угле была определена территория его заказа из 10 приходов, в которых он должен был собирать венечные пошлины и писчие «со всех чинов людей». Он также крестил рожденных вдовами, девками и черницами младенцев, давая провинившимся (с церковной точки зрения) матерям очистительные молитвы и налагая почеревные пошлины в размере полтины¹².

В сборной книге за 1691/92 г. по Яренскому уезду (входил в это время в состав Великоустюжской епархии) пошлина «за незаконное прижитие брюха блудом» (будь то насильно или полюбовно) и рождение «робенка преж законного брака» была одинакова и составляла 2 руб. 8 алт. 2 ден.¹³ Платил ее виновный мужчина. За «робячий прижиток» в результате «блуда насильством» над замужней женщиной указанная сумма выплачивалась виновным ее мужу, девушки – ее отцу, а «безмужняя женка» оплачивала штраф сама. Встречаются записи о том, что почеревная пошлина не была взята: «дал молитву поп Петр нищей, малоумной и увечной девке Натальице, пошлин заказчику взять нечего»¹⁴. В отдельных случаях деньги не

¹² Описание... Вып. 12. № 16.

¹³ ОР РНБ. ОЛДП. Q.755.

¹⁴ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 3. Кн. 145. Л. 2.

брались и за погребение: «похоронить утопшаго такого-то, пошлин взять нечего, был нищим, скитался в мире»¹⁵.

За проступок сына-отрока, прижившего ребенка с невестой-отроковицей до венчания штраф платил его отец. За появление ребенка у снохи в отсутствие мужа платил свекор. Церковью не оставлялись без штрафных санкций неприглядные факты внутрисемейной жизни: снохачество, инцест в виде близкородственных кровосмесительных связей, «содомский грех», растление малолетних. Записные пошлинные книги предстают как источники не только по демографии, но и функционированию низшей церковно-судебной инстанции, и здесь невольно вспоминаются статьи церковных княжеских уставов древнерусской эпохи, XI–XII и XVII столетия словно и не разделены во времени...

Появление мертворожденного ребенка, слухи о выкидыше у замужней женщины (тем более у вдовы, девицы, монахини) или подозрения на беременность у трех последних, рождение младенца у незамужней и его внезапное исчезновение, рождение младенца в течение более короткого срока, чем 9 месяцев после венчания, когда по простым расчетам это давало уверенность в зачатии в период Великого поста – все перечисленные факты, казалось бы, сугубо интимной, личной, частной жизни становились объектом публичной огласки, контроля и соответствующих штрафных санкций со стороны и крестьянской общины, и церкви. Выявление же самих фактов могло идти от приходских людей, от священника (их отца духовного), а далее порочащая репутацию и сельчан, и их пастыря информация шла к заказчику, митрополичьему десятильнику и в архиерейский приказ духовных дел.

Несомненный интерес представляют окружные послания вологодских архиепископов, направляемые во все заказы епархии, в которых предписывалось, чтобы «жены, чреватые близ порождения младенца за неделю или за две, по силе попостясь, исповедовались бы и приобщались (св. Даров. – М. Ч.), дабы не умереть без покаяния при трудных родах»¹⁶. Это свидетельствует, во-первых, о нередкой женской смертности во время родов, а во-вторых, об усилиях церковной власти по внедрению покаянной дисциплины среди своей паствы.

Выявляемые в записных книгах поповских заказчиков и других источниках факты демографической истории проливают дополнительный свет и на некоторые правовые памятники, дающие целостный срез севернорусского социума. Речь может идти о тесной переплетенности публичной и частной сферы жизни [10, с. 21]. Терпимое отношение севернорусских общин к

¹⁵ Там же. Кн. 241. Л. 5 об.

¹⁶ Описание ... Вып. 8. № 1612.

рождению внебрачных детей видно из ст. 7 Краткой ред. и ст. 69–70 Пространной редакции севернорусского Судебника 1589 г. В них возмещение за бесчестье предусматривалось, пусть и в символическом размере 2 денег, даже для «видьм» и распутных женщин «против их промыслов», а еще «для выблядков, который не у венчалные жены родился, для матерних промыслов»¹⁷. Можно предположить мизерную (в 2 ден.) стоимость «услуг-промыслов» подобных особ, стоящую за всем этим бедность, а еще наличие неполных семей, матерей-одиночек.

Вместе с тем существовали внецерковные («не венчалные», то есть не зарегистрированные) формы брака, хотя и незаконного с церковной точки зрения, но принимаемого общиной временного сожителства мужчины с женщиной. Одинокие незамужние женщины, прижившие внебрачных детей, назывались в деревне «женками-самокрутками»¹⁸. В архиерейском приказе они признавались, что «сходились на блудное дело по любви, а законно замужем не бывали, укручивались сами собой лет з десять». Некоторые вовсе не вдавались в детали отцовства их младенцев: «Дело мое женское, сиротское». При появлении ребенка о них говорили: «у той родильницы мужа нет, ходит самокруткой»¹⁹. Вот о ком, скорее всего, идет речь в отмеченных выше статьях Судебника 1589 г. В нем связь «выблядков» и их матерей с общеиндоевропейским «blud» (заблуждение, кружение, блуждание, уклонение от верного пути) несомненна, что подтверждается лингвистами²⁰.

Тот же правовой памятник брал под защиту вдов (ст. 64) – им полагалось «бесчестья против животов», а девице – «бесчестья против черницы, а чернице бесчестья что святитель укажет». Если в ст. 26 царского Судебника женщина фигурирует исключительно в связи со служебным положением и должностным окладом мужа («...а женам их вдвое»), то севернорусский кодекс акцентирует правосубъектность и вдовы, и девицы, и монахини, и развратницы, и их детей. В плане демографии здесь важны несомненные (хотя и не явленные прямо) указания на нестарый еще возраст вдов и монахинь, способных к деторождению.

Записные книги поповских заказчиков, сопоставленные с другими источниками, не просто расширяют и обновляют фактическую сторону демографических процессов в дополнение к писцовым и переписным книгам, но и открывают перспективы изучения демографии в социокультурном,

¹⁷ Судебники XV–XVI вв. М.-Л., 1952. С. 353–354, 384, 474.

¹⁸ Описание ... Вып. 9. № 97.

¹⁹ Там же. № 93, 99.

²⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1964. С. 177, 180; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975. С. 249–251; Т. 3. М., 1976. С. 179; Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. М., 1994. С. 96.

антропологически ориентированном ключе [10]. Введение их в научный оборот способствует дальнейшей классификации и типологии приходных книг, функционирующих в разных социальных ячейках русского общества эпохи Московской Руси, в том числе и церковно-приходских общинах и заказах. Накопленный в рамках таких книг опыт регистрации демографических событий (рождений, браков, смертей) предшествовал более системному учету народонаселения России в XVIII в.

Литература

1. Антонов Д.Н., Антонова И.А. Метрические книги России XVIII – начала XX в. М., 2006.
2. Горская Н.А. Историческая демография России эпохи феодализма. Итоги и задачи изучения. М., 1994.
3. Горская Н.А. Русская феодальная деревня в историографии XX в. М., 2006.
4. Первалов В.А. Книги сбора венечных пошлин XVII – начала XVIII в. как исторический источник // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв. Архангельск, 2002.
5. Семья, дом, узы родства в истории / Под общ. ред. Т. Зоколлы, О. Коселевой, Ю. Шлюмбама. СПб., 2004.
6. Тимошенкова З.А. Социокультурный облик северо-западной деревни XVII – начала XVIII в. Псков, 1999.
7. Черкасова М.С. Венечные сборные книги Новгородской епархии XVII в. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 2006.
8. Черкасова М.С. Свадебные пошлины на Руси XV–XVII вв.: правовые, демографические, социокультурные аспекты // Мининские чтения. Нижний Новгород, 2011.
9. Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М., 1997.
10. Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире. Северная деревня конца XVI – начала XVIII в. М., 2012.

Социально-психологические процессы на территории южно-русского фронта в период его заселения в XVII в.

В статье рассматривается попытка применения теории фронта к событиям российской истории. Предлагаются основные этапы формирования пограничной территории на южной границе Русского государства, формирование особой психологии пришлого населения.

Ключевые слова: фронт, южная граница, цивилизация, колонизация, воеводы, служилые люди.

Заселение огромной территории междуречья Волги и Дона в XVII в. шло за счет строительства сплошной линии укреплений: Белгородской, Тамбовской, Шацкой, Нижне- и Верхне-Ломовской и других черт вплоть до Симбирска [1; 2; 3; 6; 7; 10]. Это позволило быстро освоить новые лесостепные территории. Основной поток переселенцев состоял из крестьян, по преимуществу владельческих, частично из мелких служилых людей и в меньшей степени – уходивших на юг посадских людей. Именно эти группы переселялись на новые земли, рассчитывая изменить свой социальный статус и стать служилыми людьми, получить повышение по службе, а также земельный надел и гарантированный денежный оклад. Большинство переселенцев составляли выходцы из крестьянской среды, поэтому крестьянская психология и привычки еще долго довлели над ними, как в повседневной жизни, так и в профессиональной деятельности. Многие из них записались в дети боярские, рейтары, солдаты и другие профессиональные категории воинских людей, получив юридические права на поместное личное землевладение. В начале XVIII в. всех мелких служилых людей вновь вернули в прежнее состояние, превратив в государственных крестьян, подчеркнув этим решением память власти о реальном положении данной социальной категории, выполнявшей государственную задачу освоения новых территорий. Так завершился для значительной части населения России временный цикл изменения социального статуса.

Юг России предоставлял совершенно другие условия для проживания переселенцев, чем основная территория страны. Это была территория фронта, которая вырабатывала особый психологический аспект поведения [5; 13; 15; 18]. Прежде всего, пограничье меняло социальный и профессиональный статус большинства переселенцев. Они становились

---

¹ Мизис Юрий Александрович, доктор исторических наук, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, ymizis49@yandex.ru, Россия, г. Тамбов.

государевыми служилыми людьми, служащими лично царю и защищающими границы Русского государства, то есть «государевыми холопами». Поэтому в жизнь населения входила повседневная служба на границах государства в местных гарнизонах, с опасными походами, поисками противника, военными столкновениями, отражением угроз набегов кочевников. Постоянная военная опасность входила в менталитет местного населения. Особенности жизни в районе границы становилась интенсивная военная служба, регулярное участие в военных конфликтах [9; 11; 17].

В случае возможного появления противника южнорусскому воеводе посылалась «опасная грамота» с требованием «береженье держать великое». Так, типичная «опасная грамота» тамбовскому воеводе стольнику А.И. Головину в январе 1661 г. упоминала внезапный приход татар 6 января в Севский у. и требовала принять меры к обороне своего уезда². Предусматривалась посылка воинских людей в ближние и дальние сторожи, приезд всех уездных служилых людей с женами и детьми, имуществом и хлебными запасами в Тамбов в осаду. Если отослать служилых людей в сторожи воеводе удалось, то собрать всех жителей уезда в городе он так и не сумел. Как правило, уездные люди предпочитали защищать селения своими силами и не отдавать их на разграбление кочевникам.

Особенностью городов, расположенных на южнорусской «черте», то есть в зоне фронта, являлось привлечение сюда на службу воинских людей из соседних северных уездов, которые совсем недавно еще были такими же пограничными городами – из Шацка, Рязьска, Лебедяни, Ельца и ряда других. На протяжении всей первой половины XVII в. отсюда приглашали на временную службу местных служилых людей. Они приезжали на срок от 2 до 4 недель с «переменою», по очереди партиями. Главным аргументом властей считалось, что новые города защищают старые от прихода кочевников. С учетом недостатка опытных воинов в городах по черте правительство использовало уже сложившиеся кадры старых городов. Так, служилые люди стрельцы и казаки Михайлова должны были в 1645 г. выставить по 100 человек с 1 мая по 1 ноября каждые шесть недель с «переменою» в Козлов³. На одно из самых опасных направлений – на Муравский шлях в г. Яблонов в 1645 г. послали группу так называемых московских стрельцов в главе с головою Л. Баландиным численностью в 500 человек⁴. Их планировалось разместить здесь на «вечное житие», однако пришлые казаки тяготились этой пограничной службой и всячески стремились уклониться от нее, даже отказываясь строить постоянное жилье и пахать пашню.

² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 538. Л. 282.

³ Там же. № 560. Л. 126–128.

⁴ РГАДА. Ф. 210. Белгородского стола. № 170. Л. 189–190, 350, 556.

Наличие оружия в домах было обычным явлением в южнорусских уездах. Огнестрельное и холодное оружие становилось гарантом выживания в моменты внезапных нападений кочевников. Его брали с собой даже во время сельскохозяйственных и промысловых работ.

Считая себя военными холопами русского царя, служилые люди в экстремальных ситуациях позволяли себе обращаться на имя государя с просьбами о помощи. Это могла быть просьба о приобретении оружия, амуниции, отрезков сукна на кафтан и даже лошади в случае ее утраты во время военных действий. Такие просьбы позволяли себе особенно отличившиеся по защите государевых рубежей. Во время военных походов на границу и столкновений с татарами служилые люди теряли лошадей, которых они должны были по статусу службы приобретать на свои средства. По возвращению обратно они обращались в приказы с челобитной на имя царя, прося лошадь из государевых запасов или компенсацию деньгами. Иногда лошадь разрешали выдать из воеводского запаса, чаще всего из средств местного бюджета. Так, рязанин С.И. Германов в своей челобитной на царское имя перечислял свои подвиги и материальные потери⁵. Он в 1642 г. находился на государевой службе в Козлове и принял участие в походе на татар под руководством головы С. Ушакина на р. Елань. На р. Татарке во время боя с противником убил татарина и потерял коня. В 1645 г. во время похода и боя с противником на р. Такае он снова сумел убить татарина. Это дало ему повод попросить увеличить поместный оклад землей и деньгами, а также компенсировать потерю лошади. Подобных просьб только за битву на Токае было несколько⁶.

Группе козловских черкас, переведенных при строительстве города из Корочи, участников этой битвы за убитых противников и потерю своих лошадей выдали компенсацию по 4 руб. за лошадь и по 1 рублю за убитого татарина. В 1678 г. козловский подьячий приказной избы В.А. Свешников подал челобитную на государево имя. Он участвовал в ряде «посылок» в степь и принимал участие в боях с татарами. Привел пример участия в 1671 г. в боях с татарами, взятие языков, потерю своей лошади. За активное участие в военных действиях просил увеличить придачу к окладу, как это было сделано «его братии» по 3–4 руб. Подьячие Разрядного приказа проверили отписки воевод об участии козловского челобитчика в отражении татарских набегов и подготовили указ об увеличении жалования на 3 руб.⁷

Другая, не очень часто встречающаяся, но имевшая место на юге России просьба, выполнить свой обет перед «всевышнем». Были случаи,

⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 560. Л. 184.

⁶ Там же. Л. 235–237.

⁷ Там же. № 445. Л. 2–23.

когда служилые люди попадали в плен и просили бога помочь им выйти из него с обещанием внести вклад в церковь в виде иконы или каких-то пожертвований. Если им удавалось бежать из плена, то вернувшись на родину они пытались выполнить свой обет за счет помощи от царя, обращаясь к нему с челобитной. В ответ на такие челобитные Разрядный приказ, как правило, выделял деньги бывшему пленнику на реализацию его обещания. Естественно, до царя такие челобитные не доходили и решения по ним принимали дьяки и подьячие московских приказов. Но эти решения создавали иллюзию патерналистских отношений царя с народом и приводили к сакрализации царской власти, способной решить проблемы простых людей.

В южно-русском пограничье складывались особые отношения населения с воеводской властью [14]. Здесь от решений воевод зависело не только благополучие, но иногда и жизнь человека. Поэтому ценность воеводских распоряжений, особенно военных решений, была гораздо выше и ответственнее, чем в центральных уездах. В случаях конфликта местное население прибегало к таким крайним мерам, как отказ выполнять волю воевод, прямому неподчинению и подаче челобитных от имени «всего города и уезда», что в центральных районах страны практически отсутствовало. Важной особенностью воеводской службы на юге России являлась организация мероприятий по защите своего уезда от набегов кочевников: регулярный смотр войск, посылка сторожей на ближние и дальние места, защита укреплений и крепостей, контроль за контрабандой, санитарный контроль в случае возможных эпидемий. Все эти требования центральная власть формулировала в воеводских наказах и повседневных распоряжениях.

Воеводы нечасто лично участвовали в отражении набегов кочевников, обычно предпочитая организовывать отпор противнику, располагаясь под защитой городских стен. Однако наиболее горячие и нетерпеливые из них участвовали в сражениях. Так, козловский воевода Ф. Погожево в 1645 г., узнав о нападении татар на Лебедянскую вотчину А.Н. Трубецкого с. Юрлуково и взятии в плен 240 крестьян вместе с конскими и «животинными» стадами, лично собрал своих ратных людей и бросился в погоню. После трех дней преследования 16 августа 1645 г. на р. Такае враг был настигнут и разгромлен. Большая часть полона была отбита и возвращена обратно⁸. Козловский воевода подробно описал заслуги каждого отличившегося в бою и оправил в Москву донесение о бое с просьбой о пожаловании поместным и денежным окладом⁹. Воеводы в южных городах должны были создавать в государевых житницах запасы продовольствия на случай осады или для

⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 560. Л. 6–7.

⁹ Там же. Л. 34, 40–59.

выдачи жалования местным служилым людям¹⁰. В «зеленых погребах» городов хранился большой запас пороха и свинца для нужд местного гарнизона.

Одним из главных привлекательных условий для переселенцев на юг страны стала относительная вольность проживания на новых территориях по сравнению с центральными и северными сельскими поселениями. На юге России государственная власть не имела еще достаточно сильных позиций, и в сельских поселениях, особенно расположенных достаточно далеко от уездного центра, действовало местное самоуправление, решавшее множество текущих вопросов. С головой, атаманом или старостой, а также сотским, пятидесятником или десятником можно было договориться, например, о выкуривании вина или приготовлении пива на похороны, свадьбы или крещение детей, выезд по своим делам за черту в поле. На Руси в XVII в. существовала государственная монополия на продажу вина только через государевы питейные заведения. Курить вино и другие напитки можно было лишь по заказу казны, с последующей сдачей его в государевы питейные дворы. Однако имелись два повода приготовить напитки для личного потребления: свадьба или поминки. В этом случае надо было запросить разрешение в воеводской канцелярии. С учетом больших расстояний в пограничных уездах, сделать это достаточно быстро было невозможно. Поэтому по согласованию с местным командиром или старостой данный вопрос решался самостоятельно. Единственный запрет касался продажи остатков такого вина. Уже затем эти проблемы согласовывались с воеводой и подьячими приказной избы.

Местное население отлучалось на охоту даже за черту, не спрашивая особого разрешения у воеводы, и совершало множество других независимых действий. По постоянным требованиям Разрядного приказа о контроле за использованием государственных боеприпасов только на военные цели, становится ясно частое нецелевое их применение в охоте. Иногда такие несанкционированные выезды за линию укреплений заканчивались пленением или убийством служилых людей во время внезапного татарского набега. В этом случае ответственность за происшедшее перекладывалась на местное руководство.

Юг России предоставлял широкие возможности для торговых связей с Доном, чем местное население пользовалось [12]. В первой половине XVII в. эти поездки осуществлялись практически самостоятельно без согласования с органами власти или по рекомендации своих уездных воевод. Во второй половине XVII в. государство ужесточило правило выезда на Дон. Теперь разрешение выдавалось только воеводами южнорусских погранич-

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 445. Л. 144–150.

ных уездов: Воронежа, Яблоновца и других и оформлялось официальными бумагами. И все-таки местное население испытывало значительное влияние донской вольности и могло в любой момент знакомыми степями уйти в донские казачьи городки.

Перемещение населения на новые места на юге России иногда шло из одних населенных пунктов, но чаще из разных сел и даже уездов. Возникали новые сельские общины, не имеющие длительных традиций. Новопоселенцы приезжали из сельских поселений, где существовал сформированный микромир взаимоотношений. Значительная часть переселенцев по возрасту была сравнительно молодыми людьми, что также затрудняло формирование общих интересов. Часто встречались бытовые конфликты, связанные с хозяйственной деятельностью: землевладением и землепользованием, владением бортными ухажьями, сенокосами, межевыми спорами. Поэтому складывание традиций общежития в общине происходило на протяжении достаточно длительного времени [16].

Переселение массы молодых инициативных людей на южные границы приводило к росту девиантного поведения [4]. Отсутствие традиций и служилых людей старших по возрасту в сельской общине в какой-то мере способствовали проявлению уголовных тенденций у отдельных переселенцев. Сказалось и переселение в пограничные регионы лиц, как правило, из числа служилых и посадских людей, совершивших различные преступления в центральных районах страны. В 1644 г. местный воевода Р.Ф. Боборыкин описал тюремных сидельцев в г. Яблонове¹¹. Здесь сидели местные служилые люди, обвинявшиеся в убийстве своего товарища, некоторые – за государево «слово и дело», то есть обвиненные в государственном преступлении. В 1644 г. группа жителей Коломны просила сослать на вечное «житие» посадского человека А. Бичевина с товарищами за различные прегрешения¹². Таких отправляли сюда на постоянное проживание, и они привносили в местные сельские общины негативные привычки прежней жизни. Другой пример связан с конфликтом между жителями с. Стаево Козловского у. Ф. Брюшков с братьями напали в мае 1691 г. на Т. Картавцева, пытались затоптать последнего лошаадьми, избили и забрали его лошадь. Перед этим они пьянствовали во дворе Т. Картавцева, после чего произошла ссора и, якобы, Т. Картавцев даже стрелял в них из пищали. Т. Картавцев в ответ обвинил своих противников в поджоге своего двора, потери хозяйственных строений и имущества¹³. Воеводе пришлось разбираться с этим спорным делом.

¹¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 198. Л. 65–66.

¹² Там же. № 150. Л. 153–156.

¹³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 1318. Л. 1–126.

Отличительной особенностью формирования южнорусского города в XVII в. являлось замедленное образование посадских общин. За все столетие они появились только в 5 городах юга России. Сами посадские общины были небольшими и мало влияли на городскую жизнь, где доминировали служилые люди. Даже в торговле в южнорусских городах почти до конца века преобладали служилые люди.

Еще одной особенностью поведения южнорусского населения стала постоянная тяга к социальным конфликтам. Восстания и социальные волнения XVII в. практически всегда охватывали южнорусский регион. Это происходило как в ходе городских восстаний середины столетия, так и в период восстания под предводительством С.Т. Разина. Причинами этого были как социальные противоречия, боязнь возвращения в прежнее холопское и крестьянское состояние, так и нерешенность военного статуса совмещенного с сельскохозяйственной деятельностью, произвол воеводской власти, тяготы военной службы, длительные походы вдали от родных мест. Сказывалась и явно недостаточная роль в системе социального контроля православной церкви.

Таким образом, проживание на границе, постоянная угроза личной жизни формировали особый менталитет местного населения. Оно привыкало к определенной свободе и независимости поведения, самостоятельности в принятии решений. Отсутствие традиций в новых сельских общинах часто приводило к конфликтам, однако со временем земляческие отношения становились важным моментом поведения южнорусских служилых людей и расширяли возможности общины осуществлять социальный контроль за своими членами.

Литература

1. *Любавский М.К.* Наступление на степь. М., 1918.
2. *Беляев И.Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846.
3. *Багалея Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887.
4. *Глазьев В.Н.* Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж. 2001.
5. *Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К.* Фронтир и фрактал: подходы к компьютерному моделированию динамики российского фронта // *Fractal Simulation*. 2012. № 2. С. 26–35.
6. *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969.
7. *Загоровский В.П.* Изюмская черта. Воронеж. 1980.
8. *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991.

9. *Загоровский В.П.* Некоторые вопросы ранней народной колонизации польской окраины России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1968 г. Л., 1972. С. 37–38.

10. *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.

11. *Марголин С.Л.* Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века // Труды ГИМ. М.; Л., 1948. Вып. 20. С. 3–28.

12. *Мизис Ю.А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006.

13. *Мизис Ю.А., Кащенко С.Г.* Проблема формирования русского фронта на Юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2011. № 1. С. 9–16.

14. *Мизис Ю.А.* Воевода Московского царства. Р.Ф. Боборыкин на государственной службе. Тамбов, 2012.

15. *Мизис Ю.А., Папков А.И., Скобелкин О.В.* Теория фронта и юг России в XVI – первой половине XVIII в. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Том 20. № 10. С. 7–15.

16. *Миклашевский И.Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1894. Ч. I.

17. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.

18. *Тернер Ф.* Фронт в американской истории. М., 2009.

Перевод служилых людей в Азов и другие города европейского Юго-Востока в конце XVII в. и изменения в структуре землевладения и социальном составе населения пограничных уездов Среднего Поволжья²

В статье рассмотрены изменения в структуре землевладения и составе населения южного Средневожья в конце XVII в. Выявлены особенности расселения и земельного обеспечения казаков и иных групп служилых людей накануне их перевода в Азов и другие города. Показано распределение освободившихся после перевода земель между светскими и церковными феодалами.

Ключевые слова: южное Средневожье, казачьи слободы, земельные наделы, перевод в Азов, привилегированные землевладельцы, поселение крестьян.

Переводы служилых людей из одних гарнизонов в другие можно считать обыденным явлением для Московского государства XVII в. Часто это происходило в районах южного и юго-восточного пограничья, где угроза постоянных нападений кочевников вынуждала концентрировать крупные военные соединения в особо опасных местах. В сметных списках военных сил, составляемых в Разрядном приказе, постоянно встречаются случаи перевода из гарнизонов Казанского края, а с середины XVII в. из Симбирска, Саранска и других городов южного Средневожья в Астрахань, Царицын, Саратов, Уфу и другие города.

Так, судя по сметной росписи 1661–1663 гг. [4], из гарнизонов области низовых городов 2445 служилых людей были отправлены в Уфу и Царицын. Помимо приборных людей на службу в другие города переводили дворян и детей боярских. Таковых, например, по той же сметной росписи было послано из Саранска в Уфу 150 человек. По мнению Е.М. Малинкина, подобные переводы были обыденным явлением. Он пишет, что для второй половины XVII в. «анализ перемещений служилых людей внутри Понизовья показывает с одной стороны увеличение числа городов-доноров, с другой – сокращение числа городов, куда направляли на службы» [10, с. 123, 245]. В основном, в такие посылки отправляли на короткий срок или так называемых «годовальщиков».

Кроме обыденных посылок воинских соединений в различные низовые города и набора в полки, смета 1661–1663 гг. содержит сведения о действи-

¹ Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, dubmane@mail.ru, Россия, г. Самара.

² Исследование подготовлено при поддержке РГНФ. Грант № 15-11-63001 а(р), «Служилые люди Южного Средневожья в XVII – начале XVIII в.»

тельно крупных многотысячных переводах служилых людей. Например, значительное число таковых из 27 городов, пригородов и острогов рассматриваемого региона направили на Дон. В целом они составили едва ли не отдельную армию из 6006 детей боярских и дворян, казаков, стрельцов и новокрещен. Более всего – свыше 500 чел. переведенцев – направили из Симбирска и Саранска [10, с. 233–234]. Очевидно, что причина для столь массовой мобилизации военных сил региона была чрезвычайно серьезной.

Все же, массовые переводы на новое постоянное место службы случались достаточно редко. Они, как правило, обуславливались освоением свободных территорий и созданием на их границах новых засечных линий, городов и острогов. К таковым можно отнести заселение военизированным населением крепостей и острогов Симбирской, Карсунской, Саранской и других черт, построенных в середине XVII в.; перевод на Пензенскую черту, в Сызрань и Кашпир в конце 1670-х – начале 1680-х гг. и другие.

К последним случаям, но практически выходящим за пространство области низовых городов, следует отнести массовые переводы в Азов, Петровск, Павловск и прочие города казаков и других групп ратных людей в конце XVII – начале XVIII в. Особый интерес в силу массовости и фактически полного переселения служилых людей из большой группы селений представляет первый перевод 1697 г. из Симбирского, Саранского, Пензенского и Инсарского уездов. Он изучен лишь отчасти. Подробно рассмотрены только организация самого перевода из уездов южного Средневожья в Азов и другие города, а также условия жизни и службы там переселенцев. Исследователи считают их переселение и обустройство на новых местах в 1697–1698 гг. плохо организованными, приведшими к большим жертвам и массовому бегству [1, с. 136–138, 141–142, 147–148].

Вместе с тем, практически не изучались особенности предшествующего расселения и испомещения этих служилых людей в районах выхода из уездов южного Средневожья, а также влияние их переселения на последующее развитие этих районов. Не выявлены произошедшие в результате перевода изменения в структуре землевладения и составе населения поволжских уездов.

Материалы перевода казаков, прочих категорий ратных людей и членов их семей в Азов и другие города юга сохранились в фондах Государственного архива Воронежской области (ГАВО) и Российского государственного архива древних актов (РГАДА)³. Наибольшего внимания заслуживают две книги Поместного приказа РГАДА, содержащие несколько первичных сво-

---

³ Отметим, что данные о количестве переведенных и поселенных в Азове и других городах (по материалам ГАВО) несколько различаются от сведений в книгах Поместного приказа РГАДА о сборе переведенцев в уездах южного Средневожья.

дных росписей будущих переселенцев⁴. Эти материалы позволяют определить количество и категории переводимых людей, их расселение в уездах Поволжья, состав семей. Они дают возможность рассмотреть сам процесс подготовки к переводу, его динамику, попытки уклониться от мобилизации, действия администрации и т.д.⁵ Составители описаний основное внимание уделили именно этим вопросам. Количество же освободившихся после переселения дворов, пахотных земель, сенокосов и других угодий, наличие храмов и дворов церковнослужителей, оставшихся после переселенцев, а также распределение и заселение их бывших владений после перевода на юг содержится только в сводных беловых документах. К сожалению, в них приведены только конечные итоги распределения освободившихся земель и пустых дворов между новыми владельцами⁶.

Параметры перевода были заданы Петром I Боярской Думе, после его возвращения из-под взятого Азова: «205-го (1696 г. – Э.Д.) октября в 20 день, приговорено: Быть трем тысячам семьям ис Казанского Дворца из низовых городов»⁷. Это решение получило свою детализацию в указе, посланном в Симбирск в конце зимы 1697 г. Судя по нему, из Симбирска и Симбирской черты 2063 казаков, «станишников» и отъезжих сторожей вместе с семьями и родственниками, живущими с ними в одних дворах, следовало перевести в Азов на «вечное житье». К сентябрю 1697 г. эту задачу удалось выполнить. Всего по подсчетам О.В. Андрющенко в Азов было переведено 2750 семей, численностью почти в 18000 чел. Среди них мужчин, которые могли служить, насчитывалось 5034 чел. [1, с. 128, 133].

В процессе перевода 1697 г. было практически полностью переселено население 49 селений из 4-х уездов южного Средневожья – Симбирского, Саранского, Пензенского и Инсарского. Среди них подавляющее большинство составило население казачьих слобод, и было сравнительно небольшое число солдат, ямщиков и т.д. Всего, судя по сводным данным росписи, были переведены 7165 «казаков» (очевидно составители росписи имели в виду не только казаков, но и переводимых вместе с ними солдат, ямщиков и недорослей). При запустевших селениях осталось 49410 четв. пашни («а в дву потому ж» – далее при указании размеров пахотной земли везде подразумевается эта формула), 1496 дес. сенных покосов, 45 дес. усадебной земли (отметим, что данные по сенным покосам и усадебной земле приведены не по всем селениям и явно неполны)⁸.

⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5128, 5186.

⁵ Там же. Д. 5128.

⁶ Там же.

⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. (1688–1701). СПб., 1887. С. 111.

⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5186. Л. 141–141 об.

Основную часть среди переведенцев составили жители 25 слобод Симбирского уезда. Среди них казаки 10 слобод Симбирской черты и 15 – Карсунской⁹. После их перевода в практически полностью опустевших селениях было зафиксировано 31860 четвертей пахотной земли и 1048 десятин сенных покосов.

Характерно, что правительство не решилось полностью перевести на юг все приборное казачество Симбирского уезда. Так, из 17 казачьих слобод, указанных в конце 1640-х – 1660-х гг. по Симбирской черте, было переселено только 10. Среди переведенных не указаны Свяжская, Мостовая, Сельдинская, Подгородная и другие слободы [13, с. 86–88]. Местные власти действовали достаточно осторожно и стремились сохранить на территориях выхода до половины казачьего населения.

После Симбирского, достаточно большое количество переселенцев дал недавно образованный Пензенский уезд (14 поселений). Из «старых» Саранского и Инсарского уездов были переведены служилые люди только из 5 селений по каждому.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют предположить, что ко времени завоевания Азова Симбирский уезд занимал в южном Средневолжье особое стратегическое положение. В пользу этого свидетельствуют многие документы, относящиеся к последней трети XVII в. К ним относятся описание воеводой И.И. Дашковым Симбирского и прилегающих у нему уездов [5, с. 225–230], данные приходо-расходной книги г. Симбирска и уезда за 1665–1667 гг. [8], ряд других источников. Саранский и Инсарский уезды после строительства в конце 1670-х гг. прикрывающей их с юга Пензенской линии, в значительной степени утратили свою роль передового пограничного форпоста. Видимо, часть военных сил с их территории была переведена в крепости и слободы нового Пензенского уезда.

Основную часть среди переводимых служилых людей составляли казаки. Эта категория приборного населения уездов южного Средневолжья, как и других регионов России, по своему социальному статусу была неоднородной. Она делилась на ряд групп: белопашенных, станичных, дозорных, полковых и других. Но как это отражалось на служебных обязанностях казаков и размерах земельного надела, сказать сложно, так как источники по изучаемому нами региону сохранились лишь фрагментарно [15, с. 19–20]. Все казаки несли конную службу и, судя по строевым книгам Симбирска и Симбирской черты, получили одинаковое земельное жалованье [11, с. 6, 11–18, 30, 35]. В процессе расселения пятидесятник получили по 40 четв., десятники – по 30, рядовые казаки – по 20 [11, с. 20–23, 31]. Таким же, или близким был размер казачьих наделов на территории Саранского и

⁹ Там же. Л. 106 об.–122.

прочих уездов южного Средневолжья [9, с. 22; 2, с. 131]. В общем-то, это был обычный надел для данной категории приборных людей и в других пограничных регионах страны, как, например, по уездам Белгородского и других разрядов [7, с. 90, 103; 3, с. 141–142]. Несколько иные данные по территориям Тамбовского и Козловского уездов (от 10 до 25 четвертей) приводит Ю.А. Мизис [12, с. 65].

Количество служилых людей в южном Средневолжье во второй половине XVII в. имело тенденцию к росту. При возникновении новых поселений, подселении дополнительных групп ратных людей, записи в службу сыновей – недорослей, дроблении семей и т.д., количество приписанных к слободам угодий и, прежде всего, пахотных земель, оказывалось недостаточным¹⁰. Реальные размеры наделов, полагавшиеся для обеспечения служилого человека и членов его семьи, постепенно переставали соответствовать узаконенным нормам. К концу XVII в. свободные земли в окрестностях слобод по Симбирской, Карсунской, Саранской и другим чертам, основанным в конце 1640-х – начале 1650-х гг. были практически разобраны. Избежать земельного «голода» можно было, прежде всего, переселением служилых людей южнее – в Сызранско-Кашпирскую часть Симбирского уезда, на Пензенскую засеку и т.д. Такого переселения требовали и интересы защиты вновь освоенных и находившихся ниже по Волге, пограничных районов южного Средневолжья. Сопоставление размеров приписанных к селениям угодий и участков пахотной земли с численностью казаков (выше уже говорилось, что из всех категорий переселенцев, именно эта группа была наиболее многочисленной и по ней сохранились репрезентативные данные) и других категорий ратных людей «на службе» для «переведенцев» конца XVII в. позволяет сделать вывод, что по большинству селений реальные размеры наделов были значительно меньшими, чем полагалось.

Работа с сохранившейся совокупностью источников по переводу «в Азов» достаточно затруднительна из-за лакун в тексте, небрежности переписчиков при составлении росписей, отсутствия единой методики описания и т.д. В имеющихся в нашем распоряжении материалах, наиболее репрезентативные данные сохранились по Симбирскому уезду и, прежде всего, по 10 казачьим слободам в междуречье Волги и Барыша (табл. 1А). Они относились к Симбирской засечной черте, где на 1783 казаков «в службе» приходилось 13222 четв. пашни, т.е. в среднем по 7,4 четв. на человека. При этом наблюдается значительный разброс показателей по различным селениям от 10,1 (Каменная слобода) до 3,3 четв. (Тетюшская слобода). Несколько иначе выглядит раскладка земельных наделов по дворам. В среднем на 1

¹⁰ Отметим, что при начальном расселении служилых людей к их слободам зачастую приписывали дополнительные участки земли для новых групп переселенцев.

двор приходилось 20 четв. пашни, но следует учесть, что в каждом средне-статистическом дворе числилось 2,7 казаков «в службе». Таким образом, в рассматриваемом районе в конце XVII в. наблюдались нехватка пахотных земель и, очевидно, высокий прирост служилого населения (при том, что в начале расселения казаки получали по 20 четв. пашни на одну «службу»). Видимо, миграционные процессы и переводы играли весьма значительную роль в жизни этой части уезда. Об этом свидетельствует весьма значительный разброс показателей по отдельным селениям и категориям населения.

Таблица 1

**Особенности расселения и землевладения казаков
в Симбирском уезде в конце XVII в.¹¹**

А. Слободы по «Симбирской черте»

№	Слободы	Пашня в четвертях (2).	Кол-во дворов и обеспеченность пашней		Кол-во казаков «в службе» и недорослей, обеспеченность земель		Кол-во казаков «в службе» на 1 двор
			Дворы	Пашня на 1 двор	Казаки / недоросли	Пашня на 1 казака	
1	Лаишевская	1000	52	19,2	127 / 92	7,9	2,4
2	Каменная	1780	93	19,1	176 / 108	10,1	1,9
3	Ишеевская	1000	63	15,9	139 / 129	7,2	2,2
4	Шумовская	2809	42	66,9	362 / 278 ¹²	7,8	8,6
5	Арская	376	42	9,0	81 / 74	4,6	1,9
6	Тетюшская	417	44	9,5	125 / 92	3,3	2,8
7	Тагаевская Подлесная	1700	59	28,8	175 / 196	9,7	3,0
8	Теньковская	609	72	8,5	160 / 111	3,8	2,2
9	Белозерская	1601	91	17,6	195 / 177	8,2	2,1
10	Усть-Уренская	1930	102	18,9	243 / 204	7,9	2,4
	Итого:	13222	660	20,0	1783 / 1461	7,4	2,7

¹¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5186. Л. 60–65 об., 106 об.–122.

¹² В сводных данных одного из описаний почему-то общее количество казаков «в службе» и недорослей указано 360 чел.

По 15 слободам, которые составители росписи относят к Карсунской черте, наблюдается более сложная картина (табл. 1Б). В отличие от слобод по Симбирской черте здесь переписчики зачастую не соблюдали единых критериев в составлении описания. Это не позволяет подвести количественные итоги по совокупности селений. В 7 случаях не указаны свободные, не занятые крестьянами, дворы (хотя, возможно, иногда их просто не оставалось). В 9 слободах, по которым также указаны служилые казаки и недоросли, на 1270 казаков «в службе» приходилось 9038 четв. пашни или в среднем на одного 7,1 четв. По 4 слободам на 390 семей служилых казаков (уже иной показатель – «семья») записано 7180 четв. или на 1 семью 18,4 четв. При этом в Карлинской слободе (на р. Гуще) на 54 семьи приходилось 100 «служб» и 2000 четв. земли, т.е. по 20 четв. на 1 службу. Еще по 2-м слободам не указано ни количество казаков «в службе», ни число семей. Но даже и при таком неоднородном описании наблюдаются те же особенности расселения и обеспеченности пашней, как и в селениях, расположенных по Симбирской черте и в Пензенском уезде. Кроме 3-х селений во всех остальных проявляется явная необеспеченность казаков «в службе» пашней (самый низкий показатель 4,3 четв. на одного казака «в службе»).

Очевидно, что в одной семье могло быть несколько служилых (или только что приписанных к службе) казаков. Изначальное же количество примежеванной к казачьей слободе земли измерялось именно по «службам», заложенным в качестве основы при расселении казаков.

Б. Слободы по «Карсунской черте»

№	Слободы	Пашня в четвертях (2)	Кол-во дворов и обеспеченность пашней		Кол-во казаков «в службе» и недорослей, обеспеченность пашней		Число казаков «в службе» на 1 двор
			Дворы	Пашня на 1 дв.	Казаки / недоросли	Пашня на 1 казака	
1	Кондарацкая	2020	117	17,3	318 / 271	6,4	2,7
2	Вельдиватская	1000	19*	52,6	234 / 177	4,3	12,3
3	Кивацкая	1520	55	27,6	191 / 155	8,0	3,5
4	Станишная	1000	7*	142,9	148 / 133	6,8	21,1
5	Архангельская Жамковка тож	240	38*	6,3	30 / 20	8,0	0,8
6	Сосновская	600	44*	13,6	60 / 65	10,0	1,4
7	Кошелевская	480	17	28,2	24 / 0	20,0	1,4

8	Пятина Каменного Броду	1838	76*	24,2	224 / 152	8,2	2,9
9	Шуватовская	340	29	11,7	41 / 30	8,3	1,4
10	Торуевская	2000	125	16,0	154	13,0	1,2
	и к нему с. Никольское	-	98	-	-	-	-
11	Карлинская (р. Гуца)	2000	81	24,7	100 каз. «службе» / 54 семьи	20,0 / 37,0	-
12	Юловская	3180***	106	15,8	93 семьи**	17,8	-
13	Городищенская Юлово тож		95		86 семей		-
14	Дозорная Вешкайма тож	750	44	17,0	-	-	-
15	Карлинская (р. Урень)	1601	48*	33,4	372****	-	-

*из всей совокупности дворов, оставшихся после переселения казаков, указаны только те, которые были заселены переведенными крестьянами

** по другим данным 96

*** совместная пашня казаков слобод Юловской и Городищенской

**** казаки «в службе» и недоросли вместе

В Пензенском уезде из 14 переведенных на юг поселений, казачьих слобод было 10. В остальных жили ямщики (1), солдаты (1), засечные сторожа (1) и др. Из этих 10 слобод сведения по населению указаны только по 8. В них насчитывалось 702 казаков «в службе» (в ряде документов встречаются сводные данные по казакам «в службе» и недорослям) с 7500 четвертями земли. В среднем на 1 казака «в службе» приходилось 10,7 четв. земли, а на 1 двор 10,9. При этом по отдельным селениям наблюдаются весьма значительные колебания в количестве земли и размерах наделов. Только в 3-х слободах из 8 размеры наделов, приходившиеся на 1 казака «в службе», были близки к норме в 20 четвертей. Показатель количества казаков «в службе» на 1 двор по совокупности селений приближается к 1, но по отдельным слободам наблюдается весьма значительный разброс от 0,6 до 1,6 (табл. 2)¹³. Несмотря на то, что Пензенскую черту построили только в 1676–1680 гг., сам город и ряд слобод были основаны значительно раньше в первой половине – середине 1660-х гг. Очевидно, что ко времени перевода в Азов и другие города в землевладении значительной части казаков и других категорий ратных людей уезда произошли серьезные изменения.

¹³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5186. Л. 123–132.

**Служилые казаки Пензенского уезда и их землевладение
в конце XVII в. (по материалам выборки)¹⁴**

№	Слободы	Пашня в четв. (2)	Кол-во дворов и обеспеченность землей		Кол-во казаков «в службе» и обеспеченность земель		Число казаков «в службе» на 1 двор
			Дворы	Пашня на 1 двор	Казаки	Пашня на 1 казака	
1	Пензяцкая	300	55	5,5	71	4,2	1,3
2	Анцыбеевская	440	23	19,1	37	11,9	1,6
3	Вазерская	1811	120	15,1	157	11,5	1,3
4	Другая Вазерская	500	39	12,8	24	20,8	0,6
5	Пыркинская	1294	255	5,1	170	7,6	0,7
6	Сандерская	500	41	12,2	29	17,2	0,7
7	Кутлинская	2055	98	21	125	16,4	1,3
8	Пелетминская	600	55	11	89	6,7	1,6
	Итого:	7500	686	10,9	702	10,7	1,02

По 5 слободам Саранского уезда из 3 перевели солдат, из 1 – солдат и казаков и только из 1 – Черкасской слободы – казаков. На 56 переведенных казаков этой слободы (неизвестно, какую часть из них составляли недоросли) приходилось 320 четв. пахотной земли (на 1 – 5,7 четв.)¹⁵. Количество дворов оставшихся в этой слободе после переселения казаков не указано, что не позволяет определить размеры земельного надела, приходившегося на 1 двор¹⁶.

По всем 5 казачьим слободам Инсарского уезда переписчики не указали количество переведенных казаков. Судя по сводной росписи, после них осталось 125 дворов. Ко всем 5 слободам (из них 1 деревня) было приписано 2460 четв. земли. В среднем на 1 двор приходилось 19,7 четв., что очень близко к наделной норме. Однако весьма значительный разброс по отдельным селениям позволяет предположить, что переписчики могли ошибаться в подсчетах освободившихся дворов. Так, по слободе Богоявленской на 1 двор приходилось немногим более 13 четв., на сл. Картлеевский острог – 15,8, на сл. Дмитриевскую с с. Тресвятцким на 1 двор почти 38 четв. и на 1 двор д. Рейтарской – 43,8 четв.¹⁷

Вся эта масса людей из 4-х уездов весной 1697 г. должна была отправиться на поселение в Азов и другие города волго-донского междуречья.

¹⁴ Там же. Л. 123–131 об.

¹⁵ Там же. Л. 136–140.

¹⁶ Там же. Л. 140.

¹⁷ Там же. Л. 132 об.–135.

Но перед уходом им следовало определиться со своими дворами и «хлебом». Процитируем выдержку М.С. Полубоярова из дела, хранящегося в фонде Азовской приказной палаты (РГАДА. Ф. 1032) о том, как все происходило: «В прошлом 205-м году, по ево, великого государя, указу переведено в Азов на вечное житье ис Синбирска и Саранска, с Пензы служилые люди з братьями, и с племянники, и з зятьи, и з женами, и з детьми, а дворовое строение и хлеб велено им продавать вольною ценою. И саранские и пензенские служилые люди дворовое свое строение и хлеб молоченой и в земле весь розпродали сами, а синбирские служилые люди озимой и яровой хлеб, который у них сеян, не продали, и по ево, великого государя, указу тот хлеб жать уездными людьми» [14]. К сожалению, более детальных сведений о распродаже «дворового строения и хлеба» исследователями не обнаружено.

***

Последние десятилетия XVII в. для пограничных уездов европейского Юго-Востока были характерны серьезными изменениями в составе населения и землевладения. Начиная с 1680-х гг. правительство постепенно перестает соблюдать нормы «заказных городов». Именно в это время в Симбирском и других уездах возник ряд крупных владений центральных монастырей, занявших наиболее удобные земли по Правобережью Волги [6]. Еще один важный этап в этом процессе произошел в конце 1690-х гг., когда на освободившихся после перевода казаков и других групп служилых людей землях региона складывается крупный кластер владений привилегированных светских собственников. Среди новых собственников оказались бояре (10), генерал (1), «адмиралтеец» (1), думные дворянин (1) и дьяк (1), постельничьи (2), стряпчий с ключом (1), стольники (25), дьяки и подьячие (5) и другие землевладельцы.

Столь интенсивные процессы перевода из уездов южного Средневожья служилых людей, формирования крупного землевладения, переселения больших групп зависимого населения из других районов страны, несомненно, являлись уникальными и практически не имели аналогов на других пограничных территориях России.

Возникает вопрос, кто же персонально получил освободившиеся после переселения земли. Большинство слобод с прилегающими к ним угодьями были переданы во владение представителям столичной знати. Лучше всего это видно на примере Симбирского уезда, данные по которому дают наиболее представительную картину. Среди новых владельцев были боярин А.С. Шеин (сл. Карлинская на Урене), стольник Ф.Ю. Ромодановский (сл. Пятина Каменного Броду). Земли сразу 2-х слобод приобрели князь

Ю.Ю. Трубецкой (сл. Шумовская¹⁸ и Белозерская), боярин П.И. Меньшой Хованский «Змей» (сл. Дозорная, Вешкайма тож и Сосновская), боярин М.Я. Черкасский (сл. Карлинская на р. Гуще и Тенковская), Ф.Ф. Плещеев (сл. Кивацкая и Кондарацкая).

По одной слободе с угодьями было выделено думному дворянину Н.М. Зотову (Усть-Уренская), стольнику А.Ф. Нарышкину (Тетюшская), боярину А.П. Салтыкову (Арская), стольнику В.В. Долгорукову (Ишеевская), генералу Н.И. Репнину (Лаишевская). Стольник И.И. Бутурлин был наделен сл. Вельдиватской вместе с братьями Т. и П. Савельевыми. Клан Голицыных получил 2 слободы: Торуевскую с с. Никольским бояре Б.А. и Б.Л. Голицыны, а Тагаевскую Подлесную – стольники И. и Ф. Голицыны.

Многие из новых владельцев были в силу различных обстоятельств весьма близки к Петру I или имели родственников, которые могли за них попросить. Многие сделали блестящую карьеру в годы Северной войны. Бывшие стольники стали генералиссимусами, фельдмаршалами, командирами гвардейских полков, членами Верховного Тайного Совета и т.д.

Не совсем ясно, какое отношение имели к окружению Петра I стольники И.Б. Яковлев (сл. Кошелевская) и Ф.П. Большой Языков (сл. Архангельская, Жамковка тож).

Земли 2-х слобод получили представители приказной бюрократии: думный дьяк Л.А. Домнин разделил земли сл. Каменной с Костромским Спасским монастырем, с П.И. и В.И. Григорьевыми, также с С.П. и Ф.П. Ключаревыми. Дьяк Д.Е. Неупокоев вместе с подьячими приказа Казанского Дворца И. Еремеевым, М. Васильевым, М. и Р. Томаковскими, И. Кольцовым, С. Верещагиным, Р. Татариновым, В. Ардабьевым, Л. Сорокиным, В.Ю. Дурасовым и симбирскими солдатами Я. и А. Васильевыми разделили угодья сл. Станишной.

Один из крупнейших монастырей страны, московский Новоспасский, стал единоличным собственником угодий и усадебных мест сразу 2-х рядом лежащих слобод – Юловской и Городищенской (Юлово тож). Уже упоминавшийся костромской монастырь, получил часть земель в сл. Каменной.

Всем, получившим слободы переведенцев, достались поселения с уже сложившейся жилой и хозяйственной инфраструктурой, со всеми угодьями, с храмами и жившими при них причетниками.

Большинство новых хозяев приступили к активному переводу крестьян в полученные владения. Среди них следует назвать Н.И. Репнина (52 крест. дв.), М.Я. Черкасского (47 и 78), Ф.Ф. Плещеева (108), П.И. Хованского Меньшого (48), Ф.Ю. Ромодановского (76), Б.А. Голицына (77), А.С. Шеина (48), московский Новоспасский монастырь (67 и 58). Были и противополо-

¹⁸ По другим данным он получил только часть селения с угодьями.

ложные ситуации, например, Н.И. Зотов (17) или Ю.Ю. Трубецкой (11) и т.д. Очевидно, что к моменту составления описания только часть дворов в запустевших селениях была занята новыми поселенцами.

Близкая картина наблюдается и по Пензенскому уезду, где преобладание верхушки столичной знати проявилось еще более отчетливо. К ним относились Г.И. Головкин (2 сл.), Ф.А. Головин (1 сл.), П.А. Голицын (1 сл.), П.И. и Б.И. Бутурлины (1 сл.), Ф.М. Апраксин (1 сл.), М.Г. Ромодановский (1 сл.), П.А. Лопухин (1 сл.), Д.М. и Б.М. Голицыны (1 сл.), П.Б. Сумароков (1 сл.), В.Ф. и А.Ф. Салтыковы (1 сл.). Это были люди значительные, близкие к царскому дому; а многие и лично к Петру I. Чуть ниже стояли думный дворянин С.Б. Ловчиков (1 сл.) и И.И. Горохов (1 сл.), еще ниже братья Хлоповы и И.М. Алферьев (совместное владение 1 сл.). Далекое не все из них приступило к активному заселению новых владений. В первую очередь переселением своих крестьян и бобылей занялись М.Г. Ромодановский (117 заселенных дворов), Ф.М. Апраксин (80), И.И. Горохов (80), вдова П.А. Лопухина (76), В.Ф. и А.Ф. Салтыковы (55), С.Б. Ловчиков (32).

Несколько иная ситуация сложилась в Саранской уезде, где только 2 из 5 запустевших слобод попали в руки людей, близких к Петру – П.А. Голицыну и Ф.Ю. Ромодановскому. Правда, последний разделил земли слободы с прапорщиком М. Вороновым и дьяком В. Нестеровым. Характерно, что преимущество в получении свободных земель в этом уезде получили представители приказной верхушки. Владельцем сразу 2-х слобод стал дьяк М. Полянский и еще 1 – М. Воронов. Наиболее активно в заселении новых владений действовал П.А. Голицын, заселивший 58 дворов из 78.

Наиболее яркими фигурами, среди получивших земли переведенных по Инсарскому уезду, были стольник П. (видимо, Алексеевич) Голицын и окольный С.И. Языков. Голицын сразу же променял свою слободу В.П. Арсеньеву. Стольник И.М. Кашаев приобрел 2 опустевшие слободы, но одной из них он владел совместно с подьячим С. Коптяевым. И, наконец, еще 1 слободой завладел стольник Д.П. Протасьев. Активно заселять свое новое владение стал только Языков, переведший крестьян в 65 дворов из 76.

Таким образом, из 4 уездов, откуда переселили ратных людей в Азов и другие города, особое внимание столичной знати привлекли только пограничные Пензенский и Симбирский. Именно в этих уездах произошли достаточно существенные изменения в социальном составе населения. Отметим, что большинство новых собственников не спешили активно осваивать свои владения, селить там крестьян и бобылей.

Землевладение новых хозяев, по крайней мере, в Симбирском уезде оказалось не слишком устойчивым. Судя по переписи оброчных статей 1704 г., за новыми владельцами сохранилось лишь 12 из 25 селений (нет сведений

о владениях Ф.Ф. Плещеева, П.И. Хованского Меньшого, Ф.Ю. Ромодановского, всех Голицыных, М.Я. Черкасского; монастырей, того же московского Новоспасского, утратившего обе свои слободы, и костромского Спасско-го)¹⁹. Вообще, по всем монастырским владениям региона в начале XVIII в. был нанесен очень серьезный удар.

Подводя итоги, можно сказать, что несмотря на перевод столь значительного количества служилых людей в конце XVII в. рассматриваемый регион продолжал оставаться насыщенным военизированным населением (казаков в определенной степени заменили поселенные солдаты). Однако характер землевладения в нем постепенно менялся, росло число крупных и средних землевладельцев, происходило резкое увеличение крестьянского населения. К началу XVIII в. период военной «фронтальной» истории южных уездов Среднего Поволжья завершается. Одновременно, подходит к концу процесс интенсивной колонизации и заселения их территории.

Литература

1. *Андрющенко О.В.* Население и администрация г. Азова в 1696–1711 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007.
2. *Буканова Р.Г.* Закамская черта XVII века. Воронеж, 1980.
3. *Важинский В.М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж, 1974.
4. *Веселовский С.Б.* Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. // ЧОИДР. Кн. 3. 1911.
5. *Дубман Э.Л.* Изучение природных ресурсов европейского Юго-Востока России во второй половине XVII в. // «Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации». Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2015 г. Самара, 2015. Ч. 1.
6. *Дубман Э.Л.* Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991.
7. *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1968
8. *Зерцалов А.* Материалы для истории Синбирска и его уезда. Приходо-расходная книга Синбирской приказной избы (1665–1667 гг.). Симбирск, 1896.
9. *Кадрова Т.Н.* Служилые люди по прибору в Мордовском крае в XVII веке // Центр и периферия. 2012. № 2.
10. *Малинкин Е.М.* Вооруженные силы юго-восточной части европейской России в XVII – начале XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2013.
11. *Мартынов П.* Книга строельная города Синбирска. Симбирск, 1897.

¹⁹ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX.

12. *Мизис Ю.А.* Заселение Тамбовского края в XVII – XVIII веках. Тамбов, 1990.

13. *Натаров А.И.* Стрелецкие и казачьи слободы по Симбирско-Корсунской засечной черте (конец 1640-х – конец 1660-х гг.) // Самарский край в истории России. Выпуск 4. Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 160-летию Самарской губернии и 125-летию со дня основания Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Самара, 2012. № 4.

14. *Полубояров М.С.* «На реке Сердобе и в иных урочищах...». Сердобск и Сердобский район в XVIII веке. Саратов, 1999 / http://www.suslony.ru/hist_librs/Na_reke_Serdobe.htm

15. Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.): учеб. пособие / под ред. *П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой.* Самара, 2013.

История развития башкирского землевладения во второй половине XVI – начале XX вв. – уникальный опыт взаимодействия Российского государства и башкирского общества

В статье характеризуются основные аспекты развития башкирского землевладения во второй половине XVI – начале XX вв. Его специфика заключалась в предоставлении распорядительных полномочий для всего башкирского населения. Этот принцип был апробирован при включении края в состав монголо-татарской империи. Затем при добровольном вхождении башкир в состав Русского государства правительство царя Ивана IV предоставило вотчинное право на их земли. В свою очередь, башкиры взяли на себя обязательства по выплате поземельного налога и выполнению военной службы. Земельная привилегия собственности для башкирского населения сохранялась с определенными коррективами вплоть до октябрьской революции 1917 г.

Ключевые слова: царь, башкиры, вотчинное землевладение, община, аграрное освоение, указы, Генеральное межевание.

Развитие башкирского землевладения на протяжении XVI – начала XX в. – актуальная проблема в истории Башкортостана и России. Добровольное вхождение в состав соседнего государства – довольно редкое явление в истории. Подобный шаг для Башкортостана было следствием особенностей социально-политического положения башкир и крупных изменений в международной обстановке Урало-Поволжья в середине XVI в. В первой половине XVI в. башкиры жили в составе Ногайского, Казанского, Сибирского и Астраханского ханств, возникших после распада Золотой Орды. Эти государства переживали период феодальной раздробленности и междоусобиц, что отрицательно сказывалось на положении башкир.

В середине XVI в. взаимоотношения перечисленных стран с Русским государством серьезно осложнились. В этой обстановке царское правительство повело наступление на Казанское ханство и в 1552 г. завоевало его. Падение Казани резко ухудшило положение Ногайской Орды, Сибирского и Астраханского ханств, а свирепствовавшие как раз в эти годы засуха, голод, чума дополнительно усугубили положение.

Несмотря на эти изменения, условий для объединения башкир и создания самостоятельного государства не было. Ногайские, сибирские и астраханские ханы и мурзы не собирались отказываться от своей власти над

---

¹ Акманов Айтуган Ирекович, доктор исторических наук, Башкирский государственный университет, aytuganakmanov@gmail.com, Россия, г. Уфа; Зайтунов Расих Батырович, кандидат исторических наук, Башкирский государственный университет, zaitrasich@gmail.com, Россия, г. Уфа.

ними. Башкиры вынуждены были искать покровительства могущественного государства, чтобы с его помощью избавиться от власти прежних ханств и обрести условия для нормальной жизни и развития.

Важную роль в этом выборе сыграла успешная борьба Русского государства с Казанским ханством, что убедило башкир в военном могуществе России. Особое значение имело то, что после завоевания Казани русский царь обратился к башкирам с грамотой – добровольно войти в состав России, обещая различные льготы. Сведения об этом акте Ивана IV сохранились в башкирских летописях².

Необходимо сказать о том, что в ранние периоды истории башкир были случаи добровольного признания ими власти того или иного сильного государства. Следовательно, башкиры в целом были готовы к подобному развитию событий. Однако процесс принятия русского подданства сопровождался противоречиями внутри башкирского общества, а также сопротивлением против ногайских и сибирских правителей. Особенно напряженной была борьба башкир против ногайских мурз и феодалов.

Западные и северо-западные башкирские племена – енейцы, байлярцы, гайнинцы, уранцы и другие, ранее подвластные Казанскому ханству, приняли русское подданство в 1554 г. Известен приезд послов этих башкир в начале 1554 г. в Казань к наместнику царя Ивана IV с просьбой о подданстве. Их примеру последовали в 1554–1556 гг. входившие в состав Ногайской Орды жители центральных, южных и юго-восточных районов – башкиры племен Мин, Юрматы, Бурзян, Кипчак, Усерган, Тамьян, Табын и т.д. [4, с. 96–112].

В процессе присоединения башкир к Русскому государству нужно различать два этапа. Первый этап – когда представители башкир ездили в Казань для переговоров о подданстве в 1554–1556 гг. Второй этап – когда башкирские послы ездили в Москву, где было окончательно оформлено официальное их присоединения к Русскому государству. В Москве послы от башкирских волостей получили жалованные грамоты от царя в 1556 и 1557 гг.

Вхождение же зауральских башкир в состав Русского государства происходило в обстановке войны. По мере продвижения русских отрядов вглубь Сибирского ханства, зависимые народы и племена заявляли о своем принятии русского подданства. К ним относятся башкиры из племен Кудей, Айлы, Катай, Сызгы, Салжиут и других, которые приняли русское подданство во второй половине 80-х гг. XVI в. Некоторые племена – Кара- и Барын-Табын, Сыррян вошли в состав Русского государства в начале XVII в.

---

² Башкирские шежере. Под ред. *Р.Г. Кузеева*. Уфа, 1960. С. 33, 79, 117.

Исключительно важным является вопрос об условиях, на которых башкиры вошли в состав России. Источники свидетельствуют, что правительство Ивана IV гарантировало башкирам, прежде всего, нормальную, спокойную жизнь, защиту как от притязаний их бывших властителей, так и вторжений соседних народов. Во-вторых, правительство пошло на серьезную уступку башкирам по земельному вопросу. Оно не только сохранило за ними все занимаемые ими земли, но и признало за башкирами вотчинное право на землю. В-третьих, правительство обещало не трогать религию башкир, насильственно не переводить их в другую веру. В-четвертых, правительство обязалось не вмешиваться во внутреннюю жизнь башкирского населения. Власть на местах была оставлена в руках башкирских биев и князей. Таким образом, Русское государство пошло на существенные уступки башкирам. Они получили широкую автономию.

Башкиры, в свою очередь, пошли навстречу интересам Русского государства. Они согласились нести ряд повинностей: платить ясак – поземельную подать, выполнять военную службу за свой счет. На них была возложена охрана государственной границы с казахскими ханствами. Башкиры должны были участвовать во всех войнах России. Наконец, вхождение Башкортостана значительно расширило территорию Русского государства.

После вхождения края в состав Русского государства царь стал верховным собственником земель. Он регулировал земельные отношения в Башкортостане, в этом качестве выдавал башкирским волостям жалованные грамоты, определял объем прав общин-волостей, обязывал башкир-вотчинников нести военную службу и платить налоги, решал земельные споры. Однако, наряду с верховной собственностью русского царя фактически существовала собственность башкирских волостей на землю. Как выше отмечено, она носила феодальный характер. Несмотря на формальное равенство прав всех башкир-вотчинников на землю, землей волостной общины реально распоряжались башкирские бии, тарханы, старосты, старшины, сотники, т.е. башкирские феодалы. Это была реальная собственность на землю, что признавали и сами башкиры, и царские власти, и соседние народы.

Издавна башкиры владели землей на основе общинного права. Башкирские общины назывались родами или племенами, однако эти общины задолго до присоединения к Русскому государству потеряли кровнородственный характер. Подобная община представляла собой коллектив людей, связанных совместным проживанием на общей территории, но ведущих индивидуальное хозяйство. Эта община являлась по существу сельской, территориальной общиной. Именно поэтому башкирские роды или племена после присоединения к Русскому государству стали низшими административно-территориальными единицами под названием волостей в составе

уездов. Община-волость была коллективным земельным собственником и вотчинником, а каждый член общины имел право пользования определенной долей общей земли, был совладельцем общей собственности, имел равное право с другими общинниками на владение и пользование землей. Таким образом, у башкир отсутствовала частная собственность на землю. Это было обусловлено особенностями их хозяйства. Общинные формы владения и пользования землей наиболее соответствовали полукучевому скотоводству у башкир.

Другой особенностью башкирского землевладения было то, что вотчинным правом они пользовались на территории лишь своей общины (рода или племени). При экстремальных ситуациях, возникших в результате народных восстаний или неблагоприятных природных явлений, жители башкирской общины могли оказаться на сопредельных землях, на территории других общин. Однако на территории чужой общины они уже не имели вотчинного права на землю. На новой территории они могли жить и пользоваться землями лишь по разрешению башкир-вотчинников данной общины, в итоге, эти переселенцы становились припущенниками-арендаторами.

Примерно такие же земельные порядки – передача им всех их земель на условиях вотчинного права и общинного владения – были сохранены царем у башкир при вхождении последних в состав Русского государства. Царь жаловал им занимаемые земли, официально закрепляя их выдачей государственных грамот. Этот важный вывод подтверждается русскими и башкирскими историческими источниками. В донесении И.К. Кирилова, организатора Оренбургской экспедиции, в правительство от 13 января 1735 г. в этой связи говорится: «Вышеписанная башкирцы до российского подданства разделились по родам, что с начала российского владения названо волости ... также земли и угоды между родами все разделены ... и тако никакой земли и угодий нет, кои бы свободны лежали». Переводчик Уфимской провинциальной канцелярии Кильмухамет Ураков в «Представлении» на имя императрицы Елизаветы Петровны от 9 марта 1746 г. пишет следующее: «Башкирской народ ... жительство имели по Каме и по Белой и по Уфе и протчим рекам, и выбрали себе хана ... которой им разделил земли и угоды, и волости, и тамги, то есть знаки. И чрез несколько время, как ... государь, царь и великий князь Иоанн Васильевич завоевал Казанское, Болгарское царствы, оной башкирский народ своим желанием, без всякого принуждения, оставя своего хана, пришли к нему в подданство... Для владения оных земель и угоды пожалованы были им грамоты»³.

В шежере башкир племени Юрматы говорится: «Царь пожаловал земли – в верховьях реки Белой граница Нугуш, в низовьях Кукуш, с впада-

³ Материалы по истории Башкирской АССР. М.-Л., 1949. Т. 3. № 549.

ющими в эти реки с обеих сторон речками и степями, горами и скалами». О земельном вопросе, как одном из условий вхождения, достаточно подробно сказано в шежере племен Бурзян, Кипчак, Тамьян, Усерган: Башкирские послы «обратились с нижайшей просьбой отмерить башкирам их земли, воды и выдать им на владение этими землями грамоту. По их (т.е. башкирских послов) просьбе, он, великий царь Иван Грозный, своим указом повелел эти земли отмерить, т.е. определить их границы». Весьма важными являются сведения и другого варианта шежере о том, что царские власти «... составили указную (в смысле договорную) грамоту, в которой особо написали о наших землях». В грамоте башкиры признавались владельцами тех земель, где они проживали к моменту вхождения. Сведения об этом содержатся в шежере племен Бурзян и Тамьян⁴.

Заметной особенностью башкирского землевладения являлся формальный характер равенства вотчинников относительно земли. Официально последние имели одинаковые права, фактическое же владение и пользование ими землей общины было неравным. Главы общины (рода или племени) – бии и старосты, отвечающие за несение общинниками налогов и повинностей в пользу Русского государства, фактически распоряжались землей общины. Они распределяли пастбища и другие угодья между общинниками. Тарханы, составляющие значительную часть башкирских феодалов, на основе грамот владели и пользовались землями общины по своему усмотрению. В руках феодалов – биев, старост, тарханов фактически находилось право решения вопроса пользования землями общины чужеродцами, т.е. башкирами из других общин или переселенцами из центральных регионов.

Следует отметить, что в башкирском обществе, наряду с землей, важным средством производства являлся скот. Рядовой общинник, имея в среднем 50–60 голов лошадей, владел и пользовался гораздо меньшей площадью земельных угодий, чем феодал, владеющий 500 и более количеством лошадей. Таким образом, формальное равное право на общую землю превращалось в фактическое неравенство рядовых общинников и башкирских феодалов.

Вотчинное право башкир в составе Русского государства носило ограниченный характер. Не только отдельный общинник, но и община в целом свободно не распоряжалась собственной землей. Она не имела права продавать свои земельные угодья. Сдавать землю в аренду община могла лишь на небольшой срок. Все эти ограничения земельных прав башкирской общины были установлены Соборным Уложением 1649 г.: «у башкирцов бояром, и окольников, и думным людем, и стольником, и стряпчим, и дворяном московским, и из городов дворяном, и детем боярским, и всяких чинов

⁴ Башкирские шежере. С. 33, 79, 117

русским людям, поместных и всяких земель не покупати и не меняти и в заклад и здачею и в наем на многие годы не имати»⁵.

Таким образом, после присоединения башкир к Русскому государству царь официально стал верховным собственником земель края. Он в этом качестве закреплял земли за башкирскими волостями, выдавал им жалованные грамоты, определял объем прав земельного собственника-общины (волости), обязывал башкир-вотчинников нести ясак-поземельный налог и выполнять военную службу, регулировал земельные отношения между волостями, решал земельные споры между башкирами и переселенцами из центральных районов страны.

Но, наряду с официальной верховной собственностью русского царя на башкирские земли, существовала реальная вотчинная собственность башкирских общин-волостей на землю, которая охватывала всю территорию края. После вхождения в Русское государство башкиры на определенных условиях сохранили свои земельные владения и остались собственниками обширных земельных угодий. Подобное решение аграрного вопроса можно отнести к историческим феноменам, ибо вотчинником стал весь народ. Это было самым крупным положительным последствием вхождения, ибо оно создало условия для стабильного этнического, социально-экономического и культурного развития башкирского народа.

В XVII – первой трети XVIII в. был принят ряд законов российского правительства о башкирском землевладении. В XVI главе Соборного Уложения 1649 г. вполне в духе условий вхождения башкир к Русскому государству подтверждается их вотчинное право на землю⁶. Такой же подход к этому вопросу прослеживается в нескольких последующих правительственных документах: в наказе правительства уфимскому воеводе Ф.И. Сомову от 1664 г., в указах правительства башкирам от 1682 и 1694 гг. и решении Сената от 1734 г. в ответ на челобитные башкир. В них официально подтверждалось вотчинное право башкир на землю. Кроме того, уфимские власти обязывались удовлетворить жалобы башкир по земельному вопросу⁷. В этом же русле лежали решения царского правительства о высылке из Башкирии в места их прежнего жительства беглых русских и нерусских переселенцев от 1721–1722 и 1729 гг.⁸

Таким образом, в XVII – первой трети XVIII в. царские власти неоднократно подтверждали вотчинное право башкир на землю, официально проводили курс на сохранение их угодий и земельные споры башкир с

⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собрание первое. СПб., 1830. Т. 1 № 1. Глава 16. Статья 43.

⁶ ПСЗ РИ-1. Т. 1. № 1. Глава 16. Статья 43.

⁷ ПСЗ РИ-1. Т. 9. № 6581; Материалы. Ч. 1. № 13

⁸ Материалы. Ч. 1. № 131.

переселенцами решали в пользу первых. Основание г. Уфы в конце XVI в. не было нарушением земельных прав башкир, ибо последние не возражали против строительства этого города. Более того, есть свидетельства о том, что инициатива основания Уфы исходила от самих башкир. Например, историк XVIII в. П.И. Рычков писал, что башкиры в 1573 г. обратились с челобитной к русскому царю о построении города в центре края, чтобы платить здесь ясак и иметь опорный пункт на случай вторжения казахов и калмыков. Об этом же писал в XIX в. предводитель дворянства Оренбургской губернии С. Мертваго: «Во владение царя Феодора Иоанновича среди башкирского народа по просьбе их построен город Уфа на башкирской земле Минской волости ...»⁹.

Однако в это же время царское правительство допускало отклонения от провозглашенной политики по земельному вопросу. В 40–50 гг. XVII в. начались изъятия башкирских земель для строительства крепостей, раздача поместий и наделов поселенным в них дворянам и другим служилым людям, а также обосновавшимся вокруг них легальным переселенцам-крестьянам из Среднего Поволжья и центральных уездов. С конца XVII – начала XVIII в. власти всячески содействовали основанию на башкирских землях казенных и частных заводов.

В аграрной политике правительства XVI – начала XX в. можно выделить два крупных периода. Первый из них охватывает время с середины XVI до конца первой трети XVIII в., второй – с 30 гг. XVIII по начало XX в.

В первый период регулирующая роль государства выражалась в закреплении земельных угодий за волостями выдачей им жалованных грамот, в защите земельных прав волостей и отдельных групп башкир-вотчинников выдачей оберегательных грамот на землю, в разрешении земельных споров между башкирскими волостями, а также между башкирами и переселенцами. Важным аспектом аграрной политики правительства было неоднократное подтверждение вотчинных прав башкир на землю (Соборное Уложение 1649 г., царские указы уфимским воеводам 1664, 1682, 1694 гг., сенатский указ от 1734 г.). Царское правительство проводило в целом политику сохранения земель края за башкирами, хотя были отдельные отклонения от общей линии.

Второй период (30-е гг. XVIII – начало XX в.) характеризуется принципиальными изменениями в аграрной политике Российского государства. В это время резко возросла регулирующая роль правительства, оно систематически вмешивалось в земельные отношения в крае. После организации Оренбургской военно-политической экспедиции в связи с назревшими

⁹ Российский государственный архив Санкт-Петербурга (далее РГИА СПб.). Ф. 1350. Оп. 56. Д. 563. Л. 166.

социально-экономическими задачами государственного значения – с масштабными задачами освоения природных богатств Башкортостана, развития горной промышленности, земледелия и торговли, перестройки башкирского хозяйства – царское правительство начинает проводить курс на изъятие значительной части вотчинных владений башкир.

Решение перечисленных задач сопровождалось организацией движения различных переселенцев на башкирские земли. Первый этап массовых изъятий земель края является временем правительственно-военной, дворянской, заводской, частично крестьянской колонизации. К концу XVIII в. башкиры лишились около половины своих вотчинных земель. В крае стали формироваться дворянское, заводское, казенное и крестьянское землевладения. В то же время правительство неоднократно официально подтверждало вотчинное право башкир на землю (указы правительства от 1736, 1754, 1790 гг.).

В 30–50 гг. XVIII в. на территории Башкортостана было основано 46 крепостей, значительное количество редутов и форпостов. Гарнизоны укреплений закрепили к концу столетия 3,9 млн дес. земельных угодий. Организация Оренбургской экспедиции создала условия для широкой дворянской колонизации территории Башкортостана. В конце XVIII в. на территории края, охватывающего пределы Оренбургской, частично Пермской, Вятской и Саратовской губерний, имелось 569 дворянских поместий с общей площадью земли в 2,6 млн десятин. За 1730–1790-е гг. возникло более 80 предприятий по добыче, переработке железной и медной руды. В конце века они владели 4,3 млн дес. земли, арендованных или купленных у башкир, а также частично выделенных казной. В этот период царские власти взяли курс на укрепление своих позиций в крае путем увеличения численности населения не только за счет дворян и военнотружущих, но также путем переселения различных разрядов русских и нерусских крестьян. К концу столетия в губернии насчитывалось 246 тыс. русских крестьян обоего пола всех разрядов, в том числе государственных – 106754 (43,18%), дворянских (помещичьих) – 98653 (40,21%), дворцовых (удельных) – 27446 (11,12%), заводских – 13919 (5,64%) [1, с. 109–113]. Значительным было количество переселенцев из татарских, чувашских, мордовских, марийских и удмуртских крестьян, которых в конце XVIII в. в Башкирии числилось 144 тыс. человек обоего пола. В это число не входят 45 тыс. тептярей обоего пола, которые состояли как из представителей безземельных башкир, так и нерусских переселенцев.

Сложный вопрос земельного обеспечения крестьян-переселенцев решался по-разному. Крестьяне, которые принадлежали дворянам и заводам, не имели собственных участков, жили на землях своих хозяев. Основная

масса русских государственных и дворцовых крестьян наделялась землей в момент поселения от имени государства. Остальные переселенцы самовольно занимали башкирские земли, которые затем закреплялись за ними местными властями.

Что касается земельного обеспечения нерусских крестьян, то часть их как ясачные люди наделялась землей от имени государства, остальные становились припущенниками башкир-вотчинников, селились на землях последних и пользовались за плату участками башкирских общин.

Необходимо отметить, что переселенцы – русские и нерусские крестьяне – в Башкирии не испытывали недостатка в земле, хотя минимальный надел в 15 дес. на душу м.п. был установлен лишь с 90-х гг. XVIII в. Этот вывод лишний раз подтверждается материалами местной администрации. Так, в 1800 г. Оренбургская казенная палата сообщала, что на территории губернии «как на казенных, так и на помещичьих и башкирских землях, у живущих государственных крестьян вообще недостатка в земле поныне не только не видно, но и сверх высочайше опробованный 15 дес. пропорции, показывается важный излишек»¹⁰.

Таким образом, во второй половине XVIII в. значительные пространства земель края оказались в руках крестьян-переселенцев из центральных уездов и Среднего Поволжья. По материалам Генерального межевания, к концу этого столетия на долю русских и нерусских государственных и удельных крестьян Оренбургской губернии приходилось 6,4 млн дес. земли. Кроме того, часть государственных крестьян пользовалась землями башкирских общин в качестве припущенников¹¹.

При проведении Генерального межевания в конце XVIII – 40-х гг. XIX в. учитывалось вотчинное право башкир. В случае представления ими старинных жалованных грамот чиновники закрепляли за ними всю территорию отмежеванной дачи. Землемеры способствовали укреплению землевладения и военно-служилых людей (солдат, казаков, мишарей). В этой связи следует указать на факт закрепления за крепостями значительных массивов земли, постепенно изъятых у башкир в течение XVII–XVIII вв. Правительство признало наличие на территории значительного количества крестьян-переселенцев, закрепив за ними угодья, которыми они пользовались.

Итоги Генерального межевания Оренбургской губернии можно представить на основе кратких табелей к экономическим примечаниям. Общая площадь земельных угодий Оренбургской губернии составила 28192667 дес. К башкирским дачам было отведено всего 12818468 дес. (45% территории губернии), но единолично 41117 душ обоего пола пользовались

¹⁰ РГИА СПб. Ф. 1537. Оп. 1. Д. 81. Л. 6.

¹¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 927, 928, 931, 936, 941, 1873, 1880, 1884, 1885, 1887.

3179661 дес. или 11% от территории губернии. Остальные 9638807 дес. (34%) находилось в совместном владении башкир с их припущенниками. Здесь проживало 113724 башкир-вотчинников, 4336 башкир-припущенников и 144957 припущенников небашкирского происхождения. Кроме того, около 40000 душ обоего пола башкир проживало в сопредельных уездах Пермской, Вятской, Саратовской губерний. Они фактически пользовались угодьями площадью около 1 млн дес. Дворянам (1399 душ обоего пола) и владельцам заводов (1878 душ обоего пола) принадлежало 3658272 дес. (12,8% территории Оренбургской губернии). Здесь же проживали зависимые от них крестьяне численностью 131154 душ обоего пола. Военно-служилым людям численностью 72897 душ обоего пола принадлежало 3908287 дес. (13,9%), казенным и удельным крестьянам (243309 душ обоего пола) – 6476520 дес. (23,5%). Немало угодий находилось в непосредственном ведении государства – 1358191 дес. (4,6%)¹².

Изучение документов Генерального межевания по Оренбургской губернии показывает, что его основной целью являлось упорядочение земельных отношений. Эта цель в определенной степени была достигнута путем своеобразного межевания «дачи». Внутри дачи находилось либо одно, либо несколько и даже несколько десятков владений. Временно это уменьшило споры между владельцами. Важной задачей межевания также были учет и официальное укрепление границ казенных угодий за государством. Крупным итогом Генерального межевания явилось не только уточнение земельных границ дворянских и заводских владений, но и официальное закрепление за ними новых, не всегда бесспорно приобретенных угодий за счет башкир и казны.

Значение Генерального межевания для дальнейшего развития края состояло и в том, что царское правительство впервые получило реальные и полные сведения о распределении земли между различными категориями населения. Эти материалы впоследствии (во второй половине XIX – начале XX в.) использовались для продолжения масштабного освоения края.

При проведении Генерального межевания земель на территории края в первой трети XIX в. основные группы населения сохранили и официально закрепили свои земельные владения. Относительно башкир межевые чиновники исходили из признания их вотчинного права на землю, благодаря чему фактические земельные угодья башкир были закреплены за ними. Также сохранили свои земли заводчики, гарнизоны крепостей, крестьяне-переселенцы. Особенно выгодным оказалось Генеральное межевание для казны и дворян. Последние не только сохранили свои законные владения, но и

¹² Там же. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 927, 928, 931, 933, 936, 938, 939, 941, 1873, 1877, 1880, 1882, 1884, 1885, 1887.

официально закрепили за собой самовольно занятые земли. Существенно расширился при межевании земельный фонд казны.

Следующий этап аграрной политики в крае (вторая треть XIX в.) связан с принятием указа от 10 апреля 1832 г., одного из основополагающих законов по земельному вопросу в крае. В нем правительство еще раз подтвердило вотчинное право башкир на землю и одновременно повело политику более широкого использования вотчинных земель, закрепленных за ними по Генеральному межеванию, при хозяйственном освоении края.

Подобная политика не могла не привести к заметному сокращению вотчинных земель. Однако, по мысли законодателей, оно должно было ускорить перестройку башкирского хозяйства, обеспечить быстрый переход башкир-скотоводов к земледелию и оседлому быту. В то же время власти были серьезно озабочены перспективой обезземеливания башкир. Для предотвращения этого в указ введено положение о наделении вотчинников неотчуждаемыми земельными наделами. Действительно, это новшество имело положительное значение в сохранении за башкирами части их земель.

В ряде решений правительства 30–50 гг. XIX в. конкретизировались отдельные положения указа 1832 г., а в процессе Специального межевания башкирских дач происходила реализация нового аграрного курса.

Очередной этап аграрной политики правительства охватывает 60 гг. XIX – начало XX в. Существующие законы были скорректированы рядом новых указов с учетом переселенческого процесса и ходом освоения земель края. Основным содержанием развития аграрных отношений является продолжение размежевания башкирских дач, продажа башкирами «свободных за душевым наделом земель» и массовая крестьянская колонизация. Бывшие государственные, удельные и крепостные крестьяне при содействии властей обеспечивались землей за счет покупки и аренды у башкир, казны, отчасти и у дворян. Отчуждаемые башкирами «свободные за душевым наделом земли» частично оказались в руках дворян, военных и гражданских чиновников, купцов, особенно после принятия правительством указа 1871 г. По этому указу была организована льготная распродажа земель чиновникам, а некоторым – даже бесплатная раздача. Указы последующего времени (1882, 1898, 1906, 1910, 1911 гг.) подтвердили основные принципы продолжения освоения земель края.

В XIX – начале XX в. государственная аграрная политика, как и раньше, серьезно влияла на состояние всех форм землевладения в крае. Продолжалось дальнейшее сокращение площади башкирского землевладения. Оно, как и раньше, представляло собой общинное по форме и феодальное по характеру землевладение. Постепенно происходило изменение структуры земельной общины. В XIX в. шло дробление волостной общины, которая

превращалось в общину тюрбную. Во второй половине XIX – начале XX в. тюрбная община трансформируется в еще более мелкие объединения – аульские общины, состоящие из нескольких сел.

Аграрная политика правительства на территории Башкортостана во второй половине XVI – начале XX в. носила двойственный характер и имела важные социально-экономические последствия. Одна сторона этой государственной политики – признание вотчинного права башкир на землю, сохранение земли в их руках – способствовала развитию хозяйства, создавала условия для роста численности и консолидации башкир как народа, обусловила лояльность башкир как подданных Российского государства, активность и героизм башкирской конницы при охране юго-восточных границ империи и внешних войнах. Другая сторона политики – широкое использование башкирских земельных угодий для общегосударственных нужд, массовая колонизация и активное освоение природных богатств края – создавала условия для развития промышленности, ремесла, торговли и земледелия.

Сокращение земельных владений башкир постепенно сужало условия функционирования их традиционного хозяйства и быта, что не могло не вызвать недовольства. Однако в то же время уменьшение земельных площадей и общение с крестьянами-переселенцами ускоряли переход башкир от полукочевого скотоводства к земледелию и оседлой жизни, что в тех условиях являлось единственным вариантом выживания башкирского населения.

Литература

1. Абсалямов Ю.М., Кулбахтин Н.М. Численность, этносоциальный состав и размещение населения Южного Урала в конце XVIII – начале XIX века // Очерки социально-экономической истории Южного Урала в XVI – XX вв. Уфа, 1994. С. 109–113.
2. Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Уфа, 1988.
3. Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. Ч. 1. СПб., 1762.
4. Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960.
5. Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. 1947. Т. 24. С. 106–107.

Развитие хозяйства башкир во второй половине XVI – первой половине XVIII в.

В данной статье рассматриваются ключевые аспекты хозяйственной деятельности башкир во второй половине XVI – первой половине XVIII в. Основу экономического развития обеспечивало полукочевое скотоводство, которое дополнялось промысловой деятельностью в виде охоты, бортничества. В это время постепенно происходит расширение земледельческой деятельности башкир. Данному переходу способствуют и переселенцы.

Ключевые слова: царь, башкиры, хозяйство, скотоводство, бортничество, земледелие, староста, воевода, переселения.

Важным вопросом в истории любого социума является состояние и уровень производящего хозяйства. Историки Башкирии уделяли значительное внимание истории хозяйства башкирского общества. Дореволюционные ученые, в общем плане, занимались этой проблемой. Первый русский историк края П.И. Рычков считал, что основным занятием башкир в XVII–XVIII вв. было скотоводство, а земледелие имело вспомогательное значение. Историки XIX – начала XX в. в основном повторяли этот вывод. Советские авторы с 30-х гг. XX в. усилили внимание к социально-экономическим отношениям в Башкирии этих веков. Они утверждали, что развитие производительных сил северо-западной части края в XVII–XVIII вв. опережало юго-восточную его часть, считали, что в это время северо-западная Башкирия, т.е. территория Осинской и части Казанской дорог, представляла собой район оседлого земледелия. Однако эти авторы не подтверждали свои выводы достаточным фактическим материалом¹⁴. Вопрос о хозяйстве башкир второй половины XVI – первой половины XVIII в. еще должным образом не изучен и требует исследовательского внимания.

В исторических источниках за XVII – первую половину XVIII в. сохранился ряд общих характеристик башкирского хозяйства. В «Книге Большому чертежу», составленной в 1627 г., о хозяйстве башкир сказано следующее: «А усть реки Белая Воложки вверх и по реке по Уфе, по обеим сторонам и до Оральтовы горы и далее все живут башкирцы, а кормля их мед, зверь, рыба, а пашни не имеют, скоту держат много»¹⁵. К этим сведе-

¹³ Акманов Ирек Гайсеевич, доктор исторических наук, Башкирский государственный университет, akmanov_ig@mail.ru, Россия, г. Уфа; Дусмухаметов Флюр Азатович, кандидат исторических наук, Башкирский кооперативный институт – филиал Российского университета кооперации, flurdus@mail.ru, Россия, г. Уфа; Фаткуллин Ильгам Зуфарович, кандидат исторических наук, Башкирский государственный университет, fatkullin.i@bashkortostan.ru, Россия, г. Уфа.

¹⁴ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. Уфа, 1956. С. 86–96, 134–135.

¹⁵ Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 139, 182.

ниям примыкают данные документов, исходящих от самих башкир. В челобитных башкир от 1662 и 1694 гг. говорится, что основным их занятием является полукочевое скотоводство, бортничество и охота¹⁶. Эти материалы дополняются свидетельствами представителей царской администрации первой половины XVIII в. Вызывают большой интерес секретные сведения о башкирах, собранные кунгурским бургомистром Юхневым, побывавшим в крае с ноября 1725 по март 1726 г. по приказу начальника Главного правления сибирских и казанских казенных заводов Г.В. Геннина. Он пришел к выводам о том, что башкиры Ногайской и Сибирской дорог занимаются скотоводством, бортничеством, охотой, пашни не имеют; жители Казанской дороги являются частично скотоводами, частично земледельцами, а Осинской – в основном земледельцами¹⁷.

Не менее важны по этому вопросу суждения первого историка края П.И. Рычкова. В своей книге «Топография Оренбургская» он так описывает хозяйственную жизнь коренных жителей: «Башкирский народ к пашне не склонен. А хотя некоторые из них и сеют, но токмо про свою нужду, и то малое число. Пропитание свое имеют они по большей части от содержания лошадей и бортных угодьев... Главная экономия уездных обывателей, особливо ж башкирцов, состоят в конских заводах, в содержании скота и бортовых пчел» [3, с. 148, 151, 274]¹⁸. Подобная характеристика башкирского хозяйства содержится также в записке вице-губернатора Оренбургской губернии П.Д. Аксакова «Краткое известие о народе башкирском» 1743 г.: «...хлеба пахать не охотники, а большая часть довольствуется мясом и крупую, молоком... и пьют ис кобыля и коровья молока квашеный, называемой кумыз... А нажива их лутчая или промысел во пчелах, хмелю и ловле зверей, лисиц, волков и бобров... Земель имели великое довольство»¹⁹.

Основными видами скота у башкир были лошади, коровы, овцы, козы. У жителей Сибирской и Ногайской дорог имелись верблюды. Башкиры свой скот содержали на подножном корму. Сено заготавливалось только для лошадей, используемых зимой для поездок, и для молодняка.

Важную роль в хозяйстве башкир продолжало играть бортничество. В подавляющем большинстве описаний башкирских вотчин, содержащихся в челобитных, припускных записях и других материалах этого времени, есть указания на «бортные леса», «бортные ухажьи». Уплата жителями натурального налога в казну – меда с бортных угодий – серьезный показатель большого места этой отрасли в экономике башкир. Упомянутый

¹⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 132, Л. 142; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. М.; Л., 1936. № 13.

¹⁷ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. М.; Л., 1949. № 546.

¹⁸ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. М.; Л., 1949. № 568.

¹⁹ Там же.

уже вице-губернатор П.Д. Аксаков писал о важной роли бортничества²⁰. П.И. Рычков также отмечал, что «...бортовых пчел премножество в Башкирии... Башкирцы, которых лесные места, от сих бортовых пчел получают себе великий доход и в размножении оных так искусны, что много таких, из которых у одного по несколько тысяч бортовых деревьев имеется». Борти находились в частной собственности, их покупали, закладывали [З, с. 148–151].

Значительное место в хозяйственной жизни башкир занимала охота. Они охотились на зайцев, лисиц, куниц, норок, лосей, диких коз, рысей, волков, медведей, а также на разнообразную дичь. Охота могла быть индивидуальной и коллективной. Большими группами, насчитывающими свыше 100 человек, башкиры ездили в дальние охотничьи угодья – за р. Тобол, Иртыш, Ишим на востоке, за р. Иргиз, Б. и М. Узени на западе²¹.

Большой интерес представляет выяснение роли земледелия в хозяйстве башкир в первые века после вхождения в состав Русского государства. Рассмотрим имеющиеся фактические материалы по «дорогам». Осинская дорога занимала часть территории северного Башкортостана и состояла из 4-х волостей – Гайнинской, Ирехтинской, Уранской и Тазларской. Сведения за XVII в. сохранились по Гайнинской и Уранской волостям. В начале 40-х гг. XVII в. башкир Гайнинской волости А. Янмурзин, переехав в пределы Кущинской волости Сибирской дороги, продолжал привычное свое занятие – «пашню пашет, сено косит». Жители Гайнинской волости, жаловавшиеся на захват их земель Строгановыми, пишут, что «...исстари их прадеды, деды и отцы владели вотчинными землями по р. Каме и ее притоку Мулле, с устья до вершины», «на той их вотчинной земле прадеды, деды и отцы их юртами поселились и пашни распахали и сена косили». В 1690 г. башкир этой волости Б. Шугарев, переселившись на верховья р. Сылвы, обратился к верхотурскому воеводе с просьбой о том, чтобы ему разрешили жить на новом месте и «пахать» пашню. О земледельческих занятиях башкир Гайнинской волости свидетельствует продажа ими в 1670 – начале 1680-х гг. хлеба в Соликамске. Правда, среди продаваемых продуктов хлеб занимает не первое место. Башкиры везли туда для продажи «хмель, воск, хлеб и всякую животину»²².

Однако в исторических документах имеются сведения и другого характера. В земельных спорах жителей Уранской и Урман-Гирейской волостей, имевших место в 1653 и 1690 гг., перечисляются бобровые гоны, бортные

---

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² РГАДА. Ф. 1173. Д. 109; Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Вып. 3. Пермь, 1896. С. 81–82; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. № 5, 10.

леса, рыбные ловли, а пашня – нет. Возможно, земледелием занимались не все жители и Гайнинской волости. Это видно из «оберегательной» памяти, выданной в Уфе в 1672 г. на имя башкир этой волости Тереберде Алееву с товарищами, жившим на р. Тулве, на «вотчинные земли и речки и всякие угоды, и звериные и рыбные ловли и бобровые гоны»²³.

Итак, жители Осинской дороги занимались земледелием уже в первой половине XVII в., во второй половине века были случаи продажи хлеба. Но удельный вес земледелия по волостям был неодинаковым. Наряду с волостями более или менее развитого земледелия существовали и места, где оно было мало заметно.

По припускным, поступным и другим документам первой половины XVIII в. пашня прослеживается в Гайнинской и Уранской волостях. У жителей Ирехтинской волости, живших по р. Ик, пашня среди угодий не называется. О состоянии земледелия башкир Осинской дороги этого времени говорят и отдельные очевидцы. Кунгурский бургомистр Юхнев говорит о земледелии башкир-осинцев следующее: «При оной живут башкирцы все в домах... Хлеба имеют много и пашни, летом не кочуют в степи, но по домам живут, как русские». В донесении уфимского воеводы Мерзлюкина от 1736 г. при общем описании хозяйства этой «дороги» сказано, что «там хлеба сеют премножество и родится довольное число». Правда, эта характеристика воеводы, скорее всего, относится к хозяйству живущих здесь мишарей, мари и удмуртов. Не случайно в 1742 г., когда власти закупали семена ячменя, овса и проса, то татары, мари, чуваша и удмурты одной только Елдякской волости обещали продать 147 четвертей, а башкиры 2-х волостей (Ирехтинской и Уранской) – лишь 95 четвертей²⁴.

Рассмотренные материалы показывают, что в развитии земледелия у коренных жителей Осинской дороги, особенно к первой половине XVIII в., произошел определенный прогресс. Возможно, земледелие к указанному времени стало играть не меньшую роль, чем скотоводство.

Что касается башкир Казанской дороги, то в первой половине XVII в., согласно дошедшим до нас документам, пашня у них прослеживается лишь в отдельных волостях. Положение несколько меняется во второй половине века: наличие земледелия во многих волостях зафиксировано источниками. Документы о состоянии хозяйства Енейской волости относятся к 60-м, 70-м и 90-м гг. XVII в. Земледелие здесь прослеживается по материалам 70-х и 90-х гг. Притом, речь идет не только о простом упоминании пашни; например, в 1675 г. две группы башкир данной волости вели спор за 30 полос пашни; одна сторона заявляет, что они многие годы пахали спорную

²³ РГАДА. Ф. 1173. Д. 443, 1049; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. № 4.

²⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. № 74, 184, 346, 411, 540, 543, 546, 553, 562.

землю. Сведения по Байлярской волости характеризуют положение в 60-х, 80-х и 90-х гг. Из них видно существование земледелия здесь только в 90-х гг. XVII в. Вотчины Гирейской волости описаны за 50-е и 90-е гг. XVII в., и в 90-х фиксируется пашня. Здесь существовала мельница-мутовка и мельница колесчатая, причем последнюю построил башкир той же волости. Из материалов Иланской и Каршинской волостей за 80-е и 90-е гг. проясняется также существование в них земледелия. В Иланской волости в 80-х гг. был хлебный недород. Каршинские башкиры припустили в свою вотчину чуваша, который должен был построить мельницу. В Елдякской волости пашня прослеживается с 70-х гг., в Киргизской – с 80-х гг. XVII в.²⁵

Есть некоторые материалы, позволяющие проследить в какой-то мере динамику развития земледелия. Так, жители Елдякской волости в 90-х гг. XVII в. писали в челобитной, что их прадеды, и деды, и отцы «кормились рыбою и без пашни». А у них самих, как уже сказано, есть пашня. Житель Каршинской волости Сеит Суяндук в 80-х гг. XVII в. говорил, что они «беспашотные степные люди, зимой кормятся рыбою, а в летнюю пору – от скота». А в челобитной его сына Исмагила Сеитова при перечислении угодий фигурирует пашня. Как видно из приведенных выше фактов, во второй половине XVII в. в земледелии в Казанской дороге произошли определенные сдвиги. Однако и во второй половине века в пределах дороги существовали волости, где, судя по сохранившимся материалам, не было пашни. Таково было положение в Булярской волости по сведениям 70-х и 90-х гг., в Шемшадинской – 60-х и 90-х гг.²⁶

По материалам первой половины XVIII в. видно, что на территории этой дороги идет дальнейшее расширение земледелия. Если исходить из документов, опубликованных в «Материалах по истории Башкирской АССР», то по всем волостям этой дороги, по которым есть какие-то документы, прослеживается пашня. Исключение из этого составляет лишь Булярская волость. Следует отметить, что иногда по одной и той же волости по одним документам пашня существовала, а по другим нет. По Каршинской, Елдякской и Иланской волостям по всем записям налицо земледелие. Кроме того, в этих волостях зафиксированы мельницы. В Каршинской волости их числится 6, собирались построить еще 4, в том числе две должны были построить припущенники – татары, а две – сами башкиры. Жители Иланской волости припустили двух татар с условием строительства мельницы. В Дуванской волости по 17 записям прослеживается пашня,

²⁵ РГАДА. Ф. 1173. Д. 17, 56, 72, 79, 110, 137, 299, 326, 346, 496, 643, 794, 896, 954, 1049, 1242, 1324, 1333; Ф. 248. Оп. 3. Кн. 132. Л. 3–10, 41–55, 67–68, 114–116.

²⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. С. 18; Т. 3. № 3; РГАДА. Ф. 1173. Д. 1242; Ф. 248. Оп. 3. Кн. 132. Л. 93–94.

по 5 – нет; по Енейской – соответственно 5 и 8, Тышкы-Иланской – 2 и 4, Шемшадинской – 3 и 2, Калининской – 2 и 2, Кыр-Канлинской – 2 и 3, Гирейской – 2 и 3, Киргизской – 1 и 1.

К этим материалам примыкают свидетельства Юхнева от середины 20-х гг. XVIII в. О хозяйстве башкир Казанской дороги он пишет: «Пахотной земли и сенных покосов довольно имеют. Они сеют рожь и всякой хлеб без навозу, и та дорога кормит Уфу. Они имеют дворы хорошие, токмо половина из них летом кочует в степи, едят хлеб и лошадиное мясо, скота у них довольно... меду и воску много»²⁷.

Таким образом, в первой половине XVIII в. налицо заметный прогресс в развитии земледелия у коренных жителей Казанской дороги, но для большинства башкир оно, по-видимому, еще не стало основной отраслью хозяйства.

Рассмотрим состояние земледелия на территории Сибирской дороги. Наличие пашни в Таныпской волости прослеживается по документам за 40-е, 80-е и 90-ые гг. XVII в. По материалам 40-х гг. пашня зафиксирована у жителей Кубовской, 80-х гг. – Салжиутской волостей. В то же время при характеристике земельных угодий в Кущинской (в 1619 и 80-х гг.), в двух Верхнеуфимских (30-е гг.), Балыкчинской (в 70-х гг.), Катайской (в 80–90-х гг.), Кара-Табынской, Сырнянской, Сызгинской, Кара-Тавлинской, Мякотинской (езде – в 90-х гг. XVII в.) волостях пашня не называется. Таким образом, хотя земледелие в пределах Сибирской дороги существовало еще в первой половине XVII в., оно заметно лишь в отдельных волостях вблизи Уфы или примыкавших к Осинской дороге. Во многих волостях, если оно и было, то играло слишком незаметную роль. Поэтому при характеристике угодий жители, по-видимому, не считали нужным упомянуть о нем. Не случайно в общей челобитной башкир Сибирской дороги в Приказ Казанского дворца от 1665 г., где содержится жалоба на земельный захват сибирских служилых людей, говорится лишь об изъятии их бортных и ясашных угодий, рыбных ловель и бобровых гонов²⁸.

В первой половине XVIII в. картина несколько меняется. Земледелие отчетливо прослеживается в Айлинской, Елдякской, Кыр-Унларской, Кудейской, Кыр-Кудейской, Кущинской, Кайпанской, Катайской, Салжиутской, Терсятской и Сырнянской волостях. Обращает на себя внимание, что в ряде волостей хлеб перечисляется среди основных продуктов питания. Накануне возобновления восстания в 1708 г. до властей доходили неоднократные

²⁷ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. № 25, 127; Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. № 12–14, 67–69, 78, 82, 93, 100, 119, 122, 130, 132 и т.д.

²⁸ РГАДА. Ф. 1173. Д. 5, 50, 67, 327, 336, 362, 969, 973, 1033, 1045, 1082, 1199, 1234, 1237; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. № 1, 2, 7, 9, 11, 25, 75; Архив РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 13. № 45. Л. 125; Оп. 4. Д. 13. Л. 3–93 об.

сведения о том, что айские башкиры «всякие к военному случаю хлебные запасы и сыры изготовляли». В 1740 г. жители Барын-Табынской волости покупали хлеб у айлинцев. В 1711 г. кунгурский крестьянин М.Д. Чернышев построил башкиру д. Кайгазы Сибирской дороги С. Кузееву водяную мельницу. Через 2 года последний нанял мельником кунгурского жителя Г.А. Белкова. В 1713 г. Кузеев взял в работники на 5 лет мари Н. Мырсакова. Последний обязался выполнять земледельческие работы, в том числе ежегодно сеять на хозяина на его переложной земле 5 полос ржаного и 5 полос ярового хлеба. В 1715 г. башкир Сызгинской волости Илекей Бикбаев занял у уфимского поручика М.Г. Жукова 70 руб. и обязался через год поставить ему «350 четверух ржи сухой доброй в таможенную базарную меру... в своих стругах». В 1717 г. мари Б. Федоров обязался до расплаты взятых в долг 10 руб. жить у того И. Бикбаева и в «...полях ево пашня пахать и хлеб сеять по 8 загонов на год, в т.ч. 4 загона ржи, 2 овса, 2 ячменя ево, Иликевыми, семенами». В 1709 г. в середине июля верные башкиры Катайской, Салжиутской, Терсятской и Сынрянской волостей беспокоились, что «ныне пора страдная, хлеб жать и сено косить, опасаемся царевича». Тем не менее, есть отдельные волости, например, Балыкчинская, Кара-Тавлинская, в которых развития пашни не прослеживается. Поэтому не следует преувеличивать сдвиги, происшедшие в развитии земледелия у сибирских башкир. Вспомогательная роль земледелия для башкир Сибирской дороги в конце 20-х гг. XVIII в. видна из свидетельства Юхнева: «Сенных покосов множество и пашенная земля, на которую они навозу никогда не кладут, однако силен родитца ячмень да крупа, которые в местах сеют, а рожь не сеют и хлеба не едят, но только лошадиное мясо, а пьют кумыс, которое питье сделано из лошадиного молока»²⁹.

Сохранившиеся сведения о хозяйстве башкир Ногайской дороги в XVII в. относятся лишь к волостям, расположенным вблизи г. Уфы и Соловарного городка. В Минской волости наличие пашни зафиксировано по различным документам за 30-е, 70-е, 80-е и 90-е гг. XVII в. В то же время в некоторых материалах, относящихся к 90-м гг. этого же века, при перечислении земельных угодий данной волости пашня не указывается. По Табынской волости в документах, относящихся к 50-м, 80-м, 90-м гг. XVII в., пашня не фигурирует. Земельные споры между жителями Кыпсакской, Тангаурской, Бурзянской, Тамъянской волостей в 80–90-х гг. XVII в. касаются бортных угодьев, лесов или вообще вотчин; Курпеч-Табынской волости с Успенским монастырем и властями Соловарного городка – рыб-

²⁹ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. № 122, 178; Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. № 36, 73, 87, 92, 104, 105, 128, 129, 185, 206, 211, 215, 218, 228, 260, 310, 312, 337, 398, 438, 546; РГАДА. Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1674. Л. 1.

ных ловель³⁰. Из этого можно сделать вывод о слабой роли земледелия в жизни этих волостей, если оно в них и существовало.

От 70-х гг. XVII в. сохранились некоторые свидетельства очевидцев по интересующему нас вопросу. В мае 1675 г. служилый человек Рукавишников, посланный из Уфы известить башкир ряда волостей (в каких волостях он побывал, неизвестно. – *Авт.*) Ногайской дороги о предстоящем походе в Крым, возвратившись, сообщил, что «они, башкирцы, от пашни отделяются вновь, а иные де еще пашут, лошади де у них худы»³¹. К этому сведению примыкает сообщения уфимских служилых иноземцев Кинишемцева и Гречкина, побывавших «по Ногайской дороге в башкирских волостях с товаренком»: «А той де Ногайской дороге все башкирцы пашню пашут и хлеб сеют по старым своим зимовьям и хоромы строят». Из последнего известия не совсем ясно, в каких волостях они были. Известно только, что они приезжали в Бурзянскую волость³². Если так, то, возможно, они наблюдали жизнь башкир ряда волостей в районе Соловарного городка и южнее.

Итак, материалы XVII в. о состоянии земледелия у ногайских башкир противоречивы и неопределенны. На их основе можно сказать, что жители ряда волостей в первой половине века в той или иной мере занимались земледелием. Это в первую очередь относится к волостям, расположенным вблизи русских поселений. А в некоторых волостях (Тангаурская, Кыпчакская) пашни не было или же она не играла заметной роли в хозяйстве.

Более определенные сведения имеются по этому вопросу по первой половине XVIII в. Из документов, опубликованных в третьем томе «Материалов по истории Башкирской АССР», видно существование пашни и земледелия у жителей Минской, Чуби-Минской, Илкей-Минской, Сарт-Минской, Меркитской, Бишаульской, Табынской, Кумрук-Табынской волостей. Пашня не зафиксирована лишь по Куль-Иль-Минской волости. Наличие земледелия в центральных и южных волостях этой «дороги» прослеживается и по материалам, связанным с подавлением восстания 1735–1740 гг. В середине августа 1737 г. майор Останков со своим отрядом направился в район р. Ик и Сакмары, куда, по его данным, «воры прикочевали хлеб снимать и сено косить»³³. Эта территория принадлежала башкирам Кыпсакских или Усерганской волостей. Правда, сведения Останкова носят косвенный характер, ибо не ясно, он сам видел башкир, которые хотели убирать хлеб,

³⁰ РГАДА. Ф. 1173. Д. 19, 23, 836, 905, 953, 990, 1012, 1039, 1047, 1306, 1320, 1368, 638, 1200, 1351; РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 132. Л. 24–25, 30–31, 19 об., 57, 113.

³¹ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 110. Карт. 5. № 35.

³² Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. № 71. С. 204.

³³ Материалы по Башкирской АССР. Т. 3. № 24, 31, 48, 64, 81, 127, 160, 221, 225, 227, 251, 291, 292, 339, 352, 359, 362, 367, 373, 396, 429, 453, 464, 465, 533; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. № 150.

или передает слухи об этом. Поэтому приходится очень осторожно говорить о том, что жители перечисленных волостей в какой-то мере занимались земледелием.

Некоторые факты по этому вопросу содержатся в донесениях генерала Соймонова от 5 августа и 26 сентября 1740 г. Карательные отряды, действовавшие в бассейнах р. Белой (примерно от Табынска до ее вершины), Сакмары, М. и Б. Инзера, Авзяна, Б. и М. Кизилов, верховьях Яика, Ая и Юризани, где расположены Юрматынская, Дуван-Табынская, Тамъянская, Гирей-Кыпсакская, Карагай-Кыпсакская, Бурзянская, Тангаурская, Кубелякская, Телевская волости Ногайской, Тюбелякская, Куваканская, Кара-Табынская волости Сибирской дороги с июля по сентябрь 1740 г. сожгли 537 аулов с 3899 дворами и 3207 клетями, потоптали и сожгли 1394 загонов всякого хлеба. На один двор приходится 0,36 загона или 0,18 дес. уничтоженного посева. При всей условности этой цифры ясно, что земледелие в этих местах существовало. Правда, жители сеяли очень мало. По 797 загонам указаны виды сожженного хлеба, в т.ч. ячмень составляет 66%, ярица – 23%, полба – 5%, овес – 4%, пшеница – 0,9%³⁴.

К этим факторам примыкает и наблюдение Юхнева: «При оной дороге не пашут, хотя и довольно пахотной земли есть... Едят лошадиное мясо и пьют из молока сделанное питье»³⁵.

Таким образом, материалы о состоянии земледелия у башкир Ногайской дороги показывают, что если в XVII в. оно зафиксировано лишь в волостях вблизи Уфы, то в первой половине XVIII в. наблюдается его некоторое территориальное расширение: пашня существует у башкир ряда южных волостей. Но незначительный размер посевов и состав посеянного хлеба (яровые культуры) говорят о медленном процессе развития земледелия у башкир этой «дороги».

Изучение материалов о состоянии земледелия в башкирском обществе во второй половине XVI – первой половине XVIII в. позволяет сделать вывод о том, что несмотря на некоторые сдвиги в этом отношении земледелие расширялось медленно, что объясняется рядом обстоятельств.

Прежде всего, имеющиеся земельные владения башкир позволяли им вести полукочевое скотоводство в сочетании с другими традиционными отраслями хозяйства. Не менее весомым было то, что в то время скотоводство у башкир, по-видимому, представляло собой более производительную отрасль по сравнению с земледелием. Это подтверждается следующим высказыванием П.И. Рычкова относительно быстрого восстановления скотоводческого хозяйства башкир после восстаний 30-х гг. XVIII в.:

³⁴ Материалы по Башкирской АССР. Ч. 1. № 191, 194.

³⁵ Материалы по Башкирской АССР. Т. 3. № 546.

«... во время бывших башкирских замешаний сей народ приведен уже до великого оскудения в лошадях, но по успокоению онаго в короткое время так они снова у них расплодились, что ныне из них многие имеют сот по 5 лошадей и больше, и все вообще стали быть опять достаточны». Наконец, традиционные отрасли хозяйства, полукочевое скотоводство, бортничество и охота, удовлетворяли основные потребности башкирского населения. П.И. Рычков резонно подчеркивал в этой связи, что башкиры, имея много скота, не испытывали острой потребности в массовом переходе к земледелию, «ибо питаются они по большей части мясом, молоком, курутом или сыром. Мало числа круп для их варенья становится им на долгое время» [1, с. 168; 2, с. 131–136].

Изученные материалы о хозяйстве башкир в XVII–XVIII вв. позволяют сделать следующие выводы. Основными отраслями хозяйства башкир во второй половине XVI – первой половине XVIII в. являлись полукочевое скотоводство, бортничество и охота. Земледелие имело второстепенное значение. Традиционные занятия обеспечивали в целом их жизненные потребности. В развитии хозяйства в эти века наблюдаются две тенденции: с одной стороны, сохранение устойчивости существующих отраслей; с другой стороны, появление некоторых новшеств в хозяйстве – совершенствование полукочевого скотоводства, выразившееся в расширении сенокосения и росте земледелия. Во второй половине XVI – первой половине XVII в. господствовали старые формы хозяйствования. В конце XVII – первой половине XVIII в. в полукочевом скотоводстве увеличивается значение сенокосения и земледелия. Однако, новшества в хозяйственной жизни распространялись медленно и постепенно, охватывая вначале Осинскую, частично Казанскую, а затем Сибирскую и Ногайскую дороги.

Расширение земледелия имело важное значение для башкир, ибо в условиях неизбежной массовой колонизации края не было других возможностей для сохранения их как этноса.

Литература

1. *Рычков П.И.* Ответы на экономические вопросы, касающиеся земледельства // Труды Вольного экономического общества. Т. VII. СПб., 1767.
2. *Рычков П.И.* О способах к умножению земледельства в Оренбургской губернии // Памятная книжка Уфимской губернии на 1873 г. Уфа, 1873. Ч. II.
3. *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999.

Миграционные процессы на Вятке в первой половине XVIII в.

Статья посвящена изучению миграций крестьянского населения Вятки в первой половине – середине XVIII в. на основании комплекса материалов демографического учета.

Ключевые слова: миграции, черносошное крестьянство, подворные переписи, ревизии.

Миграция представляет собою переселения, связанные со сменой места жительства. В зависимости от направления движения они могут быть внутренними (в пределах определенной административной территории) и внешними (между территориями). В любом случае они являют собою способ приспособления к меняющейся действительности, влияющий на социально-экономические процессы, характер заселения и освоение новых территорий. В доиндустриальный период развития России миграции носили преимущественно аграрный характер [2].

Вятский край в XVII–XVIII вв., занимая обширный район в бассейне реки Вятки и ее притоков – Лузы, Летки, Чепцы, Кобры, Моломы, Пижмы, Кильмези и др., соединял между собой Русское Поморье, Урал, Сибирь, Центр и Поволжье. Вятские жители (крестьяне и посадские люди) из Хлыновского, Котельнического, Орловского, Шестаковского, Слободского и Кайгородского уездов принимали активное участие в хозяйственном освоении территорий Европейского Севера и Сибири [9, с. 57–81].

Использованный нами хранящийся в Российском государственном архиве древних актов комплекс материалов демографического учета (подворные переписи вятского населения 1706, 1710, 1717 гг., подушные переписи первой, второй и третьей ревизий за 1720–1760 гг.) позволяет с достаточной полнотой вскрыть и проанализировать картину передвижений населения в крае и прежде всего в его центральной части – в Хлыновском и Слободском уездах. Уход жителей из своих поселений вызывался различными обстоятельствами. С одной стороны, он мог представлять простую перемену места жительства по причине падения плодородия земельных участков. Стремление освоить новые пашни толкало крестьян к перемещениям как в пределах родного Вятского края, так и переходу на другие, прежде всего, соседние с ним территории. С другой стороны, из своих деревень уходили те, кто не имел твердых источников существования или потерял их. Такие крестьяне, как правило, жили «черною работою..., переходя меж дворы». Наконец,

¹ Комиссаренко Аркадий Иванович, доктор исторических наук, Российская государственная академия народного хозяйства и государственного управления, arkadiy109@rambler.ru, Россия, г. Москва.

миграция имела и третью причину, выражая протест против фискального гнета. Он приобретал в этом случае особый вид – побег в поисках более сносных условий жизни. На Вятке в исследуемый период наблюдались все вышеуказанные проявления крестьянской миграции.

В 1706 г. в вятских уездах по указу Ратуши, подписанному А.А. Курбатовым, проводили перепись приехавший из Москвы бурмистр Иван Кудрин и местные «вятчане» – бурмистр Михаил Пашкин, земский староста Федор Сунцов «с товарищи». Сохранились составленные ими переписные книги Филипповой слободки и Ошланской волости, фиксировавшие пустые дворы с указанием причин запустения. Всего переписчики обнаружили 468 пустых дворов. Что стало с их обитателями, источники не сообщают. По данным переписи 1710 г. в Филипповой слободке и Ошланской волости с начала 1700 г. имелось 820 дворов². Таким образом, доля пустых дворов была довольно велика – более 50%. Из 210 дворов владельцы ушли «безвестно», некоторые из них, как предположили переписчики, «сбегли с Вятки». В двух случаях прямо отмечается причина запустения. Так, в деревне «что был починок Сосновый» запустела «избенка... бобыля... Бякова», который «...от набора солдатства збег с Вятки»³. В починке Бутырка оказались брошенными дворы Ф.Т. Пестова, И.К. Сезева, Д.А. Князева. Их хозяйева, «послыша перепись, сошли безвестно»⁴. Нельзя не видеть того, что усиление государственных повинностей в начале XVIII в. привело часть вятских крестьян к вынужденной миграции – побегам и, как правило, перемещениям их в труднодоступные для администрации лесные районы того же Вятского края [1, с. 82–115]. В связи с ухудшением материального положения и потери земли из-за задолженности 18 дворов (3,84%) были брошены владельцами. Смерть главного кормильца в семье также приводила к запустению хозяйства. Дети обычно уходили в половники или срочные работники к односельчанам или же в соседние волости. Таких запустелых дворов оказалось 54 (11,54%) [5, с. 242–248].

В начале XVIII в. правительство Петра практиковало высылку крестьян к «городовой службе» для строительства фортификационных сооружений. Вятка поставляла работников преимущественно в Архангельск. Из Филипповой слободки и Ошланской волости туда выбыли 9 человек. Их дворы запустели. Один двор запустел из-за высылки его владельца на строительство Таганрогского порта. Немногим более трети дворов были брошены, так как их жители перешли на вновь осваиваемые пашни в Слободском уезде в Чепецком стане и даже в Казанском уезде. При этом часть крестьян не

² РГАДА. Ф. 1209. Кн. 1098. Л. 1–9.

³ Там же. Кн. 1097. Л. 34 об.

⁴ Там же. Л. 115.

забрасывали свои прежние пашенные участки. Например, крестьянин А.И. Мамонов из деревни Федькинской Филипповой слободки переселился в Чепецкий стан, сохранив старую пашню за собой, продолжая обрабатывать ее «наездом»⁵.

В 1743–1745 гг. на Вятке проводилась общегосударственная подушная перепись. При сборе «сказок» переписчикам предписывалось отобрать у старост и сотских сведения об ушедших жителях с тем, чтобы «...за кем оные есть вывести на прежнее жилище на срок предбудущего 744 году генваря по первое число»⁶. Сохранились подробные «сказки» старост и сотских ряда волостей Великоорецкого оброчного стана – Великоорецкой, Медянской, Чудиновской, Гороховской, Верховской, Верходворской, Загарской⁷. Их статистическая обработка позволяет придти к следующим заключениям:

1) доля ушедшего населения по этим волостям достигла почти 10% – 437 человек из 4979, числившихся в этом стане⁸;

2) в 20-х гг. XVIII в., то есть сразу после введения подушной подати, количество ушедших из своих дворов было более значительным, чем в последующие 30-е и начале 40-х гг. Так, за восемь лет (с 1723 по 1730 г.) из указанных волостей выбыло 277 человек, или 62,86% от числа перешедших на другие жительства за период 20–40-х гг. При этом следует отметить, что особый всплеск уходов падает на 1733–1736 гг. – время военного лихолетья, постоянных неурожаев и голода. Тогда покинули свои жилища 76 дворохозяев. По числу ушедших за двадцатилетие между первой и второй ревизиями лидировала Верходворская волость, которую покинули 103 крестьян-дворовладельцев. В отношении 55 из них составители переписи смогли указать места их нового поселения. Больше всего они селились в соседних станах и волостях и вотчинах Вятского Успенского Трифонова монастыря (Комаровских починках и Сунской вотчине), а также в Совьинской волости Слободского уезда, Русановской волости Орловского оброчного стана Орловского уезда, Котельническом, Устюжском и Казанском уездах. В большинстве случаев место крестьян-переселенцев на социальной лестнице понижалось, так как они становились половниками или срочными работниками в хозяйствах состоятельных сельских жителей. Только немногим из ушедших крестьян удалось завести на новых местах «свои дворы». Например, об этом так рассказывал крестьянин Емельян Никитин сын Нелюдин: «...роду де ему 39 лет. Дед де ево Марк Павлов сын, и отец Никита Марков сын, и он, Емельян, родом Хлыновского уезда Великоорецкого оброчного

⁵ Там же. Л. 30–30 об.

⁶ РГАДА. Ф. Вятской провинциальной канцелярии. № 435. Оп. 2. Д. 124. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 2–26 об.

⁸ Там же. Ф. Ландратских книг и ревизских сказок. № 350. Оп. 3. Д. 5900. Л. 1–28.

стана Подрельской волости государственные черносошные крестьяне и в подушной переписи написаны во оной Подрельской волости в бобылях, и в прошлом де 729 году... сошли от хлебной скудости, и, сошед, пришел... в Орловский тяглый стан в деревню Дудниковскую, и, купя той же деревни крестьянина Данилы Дудникова у жены ево – вдовы... некоторую часть земли с хоромным строением, и жили пять лет, а потом, продав тою землею и купя того же стана у крестьянина Марка Вершинина... некоторую часть с хоромным строением и жили семь лет...». Затем дед и отец Емельяна переселились в Лобановскую волость Казанского уезда во двор крестьянина Ивана Гребенкова, у которого прожили, вероятно, в качестве срочных работников около четырех лет⁹.

Значимость вышеуказанных явлений может быть проверена по данным общеуездной переписи, составленной в ходе второй ревизии середины XVIII в. под контролем главного ревизора по Казанской губернии полковником Ифлентом. Нельзя не видеть сложности и противоречивости условий, при которых усиление феодально-полицейского гнета сочеталось с развитием товарно-денежных отношений и внеземледельческих занятий населения, особенно интенсивным в Вятском крае [10, с. 38–45].

Проведенные нами подсчеты показали, что из Хлыновского уезда за период от первой до второй ревизии выбыло 32443 души м.п., из которых беглыми оказались 1474. По сравнению с 20-ми годами, когда ушедшими на новые места были признаны 8837 душ м.п., к середине XVIII в. явно заметен спад миграционной волны. При этом преобладал отток из вотчин Вятского Успенского Трифонова монастыря, особенно из Сунской и Кырчанской. Из каждой из них ушло свыше 100 дворохозяев. Свыше 11 тысяч монастырских крестьян Вятки считали себя незаконно записанными из черносошных в вотчинные местных монастырей. С конца 40-х гг. XVIII в. начинаются массовые волнения этих крестьян [4, с. 379–382]. Из черносошных волостей крестьянская миграция в целом была несколько слабее, хотя в ряде из них она достигала уровня, свойственного монастырской деревне. Так, из Косинской и Зачурмыжской волостей Филипповой слободки ушло почти 100 человек из каждой. Миграция черносошных крестьян определялась рядом обстоятельств. Первое из них было общим для всей территории Вятки. Мы имеем в виду тяжесть государственных повинностей. Второе связано с освоением лесных пространств края. Крестьяне устраивали новые починки, вырубали лес и заводили новую пашню. Такое движение выключало ушедших на некоторое время из поля зрения провинциальной, уездной и волостной администрации. Наконец, третье обстоятельство являлось особенно характерным для вятских черносошных волостей. Развитие

⁹ РГАДА. Ф. Вятской провинциальной канцелярии... Оп. 2. Д. 124. Л. 26.

товарно-денежных отношений и рост внутреннего рынка отрывали часть крестьян от пашни. Они уходили на заработки, нанимались к купцам на суда, шедшие к Архангельску, Астрахани и другим городам Центра, Севера, Северо-Запада, Урала. Сотни вятчан занимались извозным промыслом, обслуживая торговые пути к Ношульской пристани, через которую большие партии хлеба, сала, кож и других сельскохозяйственных продуктов отправлялись по Северной Двине к Архангельску [11, с. 173–193; 6]. К сожалению, ведомость полковника Ифлонта не содержит сведений о районах, где оседали мигранты. Однако нельзя думать, что все они порывали с сельским хозяйством. Нередко на новых местах они приобретали землю и дворы или же поступали в половники или срочные работники к местным крестьянам, продолжая заниматься земледельческим трудом [5, с. 242–248; 10, с. 38–45].

В начале 60-х гг. XVIII в. проводилась третья общегосударственная ревизия податного населения. Она была возложена не на специально присланных ревизоров, а на органы местной власти. Губернские и провициальные воеводские канцелярии, собрав и проверив сказки, должны были составить полные (именные) и краткие перечневые ведомости и прислать их в Сенат. Сохранились ревизские сказки многих вятских волостей, однако не удалось обнаружить сводной ведомости учтенного населения. Известно, что в Вятской провинции в то время проживало 322284 человек [3, с. 95–161].

Использованные нами ревизские сказки охватывают около 30 различных территорий центрального в крае Хлыновского уезда, преимущественно это архиерейские вотчины, волости Филипповой слободки, а также Великоорецкого, Волковского, Бобинского, Спенцынского станов¹⁰. Всего в этих вотчинах, станах и волостях по прежней второй ревизии по нашим подсчетам имелось 24658 душ м.п. из 75798, числившихся в уезде. Через двадцать лет по третьей ревизии в них уже насчитывалось 29460 душ из почти 85000, зафиксированных в уезде, что дает возможность статистических сопоставлений. В результате такого анализа удалось констатировать регулярные передвижения населения внутри уезда. Такое явление стало столь обычным, что оно не фиксировалось составителями сказок как бегство. «Ушедшими», как и прежде, считались лица, которые, поселяясь на новом месте, продолжали платить подушные деньги в старых волостных общинах, и только последующая ревизия регистрировала пришельцев на новом поселении, закрепляя их и в новом мирском сообществе. Беглые же, уходя из своих волостей, отрывались от мирской организации и не несли никаких фискальных обязанностей государственного и мирского характера. Особенно много их оказалось в

¹⁰ РГАДА. Ф. Ландратских книг и ревизских сказок... Оп. 3. Д. 4681. Л. 1–1276, 1–680 (две группы нумерации); Д. 4678, 4679, 4682, 4683, 4684, 4685 (все они, как правило, не имеют внутренней архивной нумерации).

Ошланской волости (16,05%), Бобинских оброчном и тяглом станах (4,41%), Подгородной волости Березовского стана (8,52%). В определенной степени это можно объяснить незначительным числом жителей в них (например, по второй ревизии в Бобинском тяглом стане имелось всего 416 душ м.п., а оброчном 131 душа). Вместе с тем по ряду волостей наблюдался довольно высокий приток «пришлых» крестьян. Так, в Бобинском оброчном стане из 152 душ м.п., записанных в третью ревизию, 96 душ (вместе с новорожденными) поселились, перейдя из других территорий края.

Внутренние переходы были нередки. Источники зафиксировали переселение из займища Тукмачевского Нолинской пятидесятни Кырчанской церковной вотчины Федоса Михайлова сына Ворожцева в черносошное село Кырчаны. Также и Мокей Овечкин ушел из займища Шишкинского в «росчистой починок» при деревне Копанской той же Нолинской пятидесятни. В займище Семаковское переселились 22 крестьянина с семьями из деревни Ерпаловской и села Нолинского¹¹. Отмечены случаи перевода крестьян архиерейской администрацией с одних земель на другие. Так, в деревню Двоглазовскую в конце 50-х гг. XVIII в. были переведены из Вобловицкой вотчины Слободского уезда 20 крестьян, из займища Ростилинского в займище Карпаковское Сунской вотчины – 7 крестьянских семей¹². Подобные примеры перевода архиерейских крестьян в новые поселения можно умножить. Такие переселения диктовались, как правило, хозяйственными нуждами архиерейского дома как феодального владельца земель и живущих на них крестьян [7, с. 131–136].

Таким образом, миграция вятского населения в первой половине и середине XVIII в. вызывалась целым комплексом социально-экономических причин. В начале века рост феодальных повинностей и тяготы, наложенные ходом Северной войны, привели к преобладанию среди процессов миграции побегов крестьян. Доля церковных (монастырских и архиерейских) крестьян среди бежавших превышала долю побегов крестьян черносошных. Причина этого в том, что в первой половине века церковные власти насильно записали более десяти тысяч черносошных крестьян за собой и эксплуатировали их как лично зависимых половников. Но вместе с тем продолжался естественный переход населения на новые земли – движение, вызванное ростом производительных сил и хозяйственным освоением территории Вятки [8, с. 34–39].

В черносошных волостях особенно видна миграция там, где интенсивнее были развиты товарно-денежные отношения – прежде всего, в центральных и северо-западных частях Вятского края. Конечно, среди причин

¹¹ РГАДА. Ф. Ландратских книг и ревизских сказок.... Оп. 3. Д. 4681. Л. 175, 221 об.–222.

¹² Там же. Л. 1–3, 32 об.

внутренней миграции нельзя сбрасывать со счета падение плодородия земли на участках, давно распахиваемых. Крестьяне уходили из своих деревень и заводили починки и займища в удаленных лесных районах. Именно поэтому с середины XVIII в. на первый план выдвигается внутренняя миграция вятского населения. Этому способствовала и специфика крестьянского землепользования на Вятке, свойственная всему русскому Северу и заключающаяся в долевым владении и свободе мобилизации земли.

Литература

1. *Бушуева В.Л.* Социально-экономические отношения чепецкой удмуртской деревни на рубеже XVII – XVIII веков. Кандидатская диссертация. Рукопись. М., 1950.
2. *Истомина Э.Г.* Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. М., 1982.
3. *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX века. М., 1963.
4. *Комиссаренко А.И.* Волнения крестьян вятских духовных вотчин в 40–50-х годах XVIII века // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г. Вильнюс, 1965.
5. *Комиссаренко А.И.* Половничество на Вятке в первой половине XVIII века // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 г. Таллин, 1971.
6. *Комиссаренко А.И.* Крестьянская торговля на Вятке в первой половине XVIII века // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 21. М., 1966.
7. *Комиссаренко А.И.* Движение сельского населения Вятки в первой половине XVIII века (по материалам Хлыновского уезда) // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970.
8. *Комиссаренко А.И.* Роль «капиталистских» крестьян Вятки в региональной экономике первой половины и середины XVIII века // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. XXVII сессия по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. М., 2000.
9. *Преображенский А.А.* Урал и Сибирь в конце XVI – начале XVII века. М., 1972.
10. *Токарев С.* Крестьяне Вятской провинции в XVIII веке. Вятка, 1928.
11. *Троицкий С.М.* Архангелогородский хлебный рынок в первой половине XVIII века // Труды Московского государственного института. Т. 9. М., 1957.
12. *Эммаусский А.В.* Исторический очерк Вятского края в XVII – XVIII веках. Киров, 1956.

Крестьянские указы в Уложенную комиссию Екатерины II как источник по заселению и аграрному освоению Заволжья и Приуралья в XVIII в.

В статье показана ценность указов, поданных государственными крестьянами депутатам Уложенной комиссии 1767–1768 гг. в качестве источников по истории колонизации заволжских земель.

Ключевые слова: Россия в XVIII в., социальная история, колонизация, аграрные отношения.

В отечественной историографии, в том числе в докладах и сообщениях на сессиях аграрного симпозиума по истории Восточной Европы, не раз шла речь о государственных крестьянах России и их указах депутатам екатерининской Уложенной комиссии [4]. Настоящее обращение к этому источнику посвящено выявлению его возможностей для реконструкции крестьянского заселения и аграрного освоения земель Заволжья и Приуралья.

Вольная народная колонизация этих регионов многонациональным российским крестьянством вызывала неоднозначное отношение во власти. Преобладание во второй половине 1760-х гг. получила точка зрения последователей крепостников [8], несмотря на предупреждения об опасности такого курса, сделанные более дальновидными чиновниками, военными, учеными и подтвержденные событиями 1773–1775 гг. [11, с. 160].

Более продуктивными по результатам были отказы властей от строго соблюдения крепостнических ограничений, их уступки вольной народной колонизации. Во второй трети XVIII в. такой подход привел к быстрому освоению земель по течению рек Самары и Иргиза [9, с. 192–194]. Как отмечают исследователи, «заселение территории Южного Урала происходило быстрыми темпами, особенно начиная с 30–40-х годов XVIII в.», именно тогда, когда «стратегические соображения правительства объективно совпадали с экономическими интересами решивших переселиться крестьян» [12, с. 26].

Объектом исследовательского внимания в данной статье выбраны западные территории Оренбургской губернии того времени. Они находились в составе Ставропольского уезда и в ведомстве Бугульминской земской конторы. Указы крестьян рассматриваемой части урало-поволжского региона не получили, к сожалению, достаточного освещения в имеющихся

---

¹ Артамонова Людмила Михайловна, доктор исторических наук, Самарский государственный институт культуры, artamonovoi@mail.ru, Россия, г. Самара.

диссертационных исследованиях [2], коллективных трудах [5, с. 292–304], обзорах [6] и публикациях документов [1] об участии населения Оренбуржья и Башкирии в Уложенной комиссии 1767–1768 гг.

Основным источником для данного исследования стали неопубликованные указы депутатам от государственных крестьян вышеназванных административных единиц. Они сохранились фонде 342 «Новоуложенные комиссии» в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Для уточнения и проверки сведений наказов были также использованы ревизские сказки и другие письменные источники, а также устные предания.

В результате проведенного анализа стало возможным выделить наиболее интересные информационные поля рассматриваемого источника:

1. Места и причины выхода переселенцев.

Характерным примером является наказ пяти чувашских селений Бугульминского ведомства – села Рождественского, Смолкина тож, и четырех деревень². В них переселились служилые чуваша, которые прежде жили в разных деревнях Симбирского уезда и были приписаны к работам в корабельных лесах. Приняв в разные годы крещение, они были освобождены от корабельных работ, но приключилась иная неприятность. Вблизи их прежних мест жительства «распоселились» помещики со своими крестьянами, и чуваша стали испытывать недостаток пашен и покосов. Это и вынудило их уйти на свободные земли в Заволжье.

Схожие причины перечисляют указы чувашских деревень Каменки, Резяпкиной, Семенкиной, Клявлины³, которые расположились юго-восточнее и выше по реке Большому Черемшану. В них подробно перечисляется, из каких деревень Симбирского и Свияжского уездов вышли переселенцы и какие поименно помещики чинили притеснения.

Во многих случаях выход спровоцировали не конфликты с соседями из-за земли, а простая ее нехватка в разросшихся деревнях. Об этом, например, говорилось в наказе некрещеных служилых чувашей деревень Афонькиной и Сerezкиной. На их прежних местах жительства в Симбирском уезде в течение трех ревизий так умножилось население, что это привело к нехватке пашенной земли и сенных покосов⁴. Это вполне коррелируется с тезисом, высказанным в современной историографии, о том, что главной причиной крестьянской колонизации было аграрное перенаселение [7, с. 105].

2. Свидетельства об обстоятельствах приобретения земли, характере владения, времени сделки и ее оформления.

² РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. 11. Л. 283–283 об.

³ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. 16. Л. 71–72 об.; Ч. 11. Л. 286–291.

⁴ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. 11. Л. 278–279.

Жители одних деревень успели получить «владенные указы», в других ссылались на наличие от продавцов земли «верующих писем», которые не прошли регистрацию в органах власти. Как правило, оформление сделок оставалось незавершенным там, где сами сделки и переселения были осуществлены позднее.

Так, переселенцы в Туарму и соседние деревни купили «землю в Казанском уезде по Ногайской дороге у татарина Надыря Кулметева, коя земля ныне состоит в Оренбургской губернии, на которую по силе данного нам от Казанской адмиралтейской конторы указа селение и землепашество имеем с прошлого 1747 года»⁵. Датировку исказила описка или ошибка. Соплаасуясь со сведениями других источников, следует читать «1757 года».

Схожим образом поступили чуваша соседних деревень Афонькиной и Сerezкиной. Они приобрели землю у того же владельца, которая, оказывается, была жалована еще его деду Мякею Чебакову. По Ногайской дороге Казанского уезда она числилась до постройки новой Закамской линии в начале 1730-х годов, после чего оказалась в Оренбургской губернии. Сюда и пришли эти переселенцы в 1758 г.

Будущие жители Каменки сначала сняли землю у служилого татарина Казанского уезда Кулметя Чебакова, которая «была жалована предкам его». За землю отдано было 160 рублей. На эту землю от Чебакова было взято «верующее письмо», а затем от Камер-Коллегии получен указ «о владении оной землей»⁶. Точная дата переселения здесь не указана. Однако следует учесть, что Кулметь Чебаков был отцом упоминавшегося Надыра Кулметева. Вероятно, покупка каменцев была совершена несколько раньше, чем подобную сделку совершили туарминские или афонькинские жители.

3. Топонимика селений и датировка их возникновения.

Эти сведения приобретают особую полноту и достоверность в сопоставлении с ревизскими сказками и устными преданиями. По преданию, в деревню Стюхино переселенцы-чуваша прибыли из Симбирского уезда, сохранив название прежнего места жительства. Они купили землю у башкирских тарханов из деревни Султангуловой. Купчую крепость заверили в Карсуне в 1755 г. Это предание подтверждается наказом села Стюхина и деревни Султангуловой в Уложенную комиссию⁷.

В наказах деревень Ибрайкиной, Верхней и Нижней Аверкиных упоминается покупка земли «у тархан Уфинского уезда». Земля была закреплена во владении крестьян «по отводу геодезии поручика Красильникова» и на нее «Оренбургскою губернскою канцеляриею и план сочинен». Переход

⁵ Там же. Л. 283.

⁶ Там же Л. 288–288 об.

⁷ Там же Л. 284–284 об.

датируется 1753 годом, местом выхода называются «разные уезды» Нижегородской губернии⁸.

Происхождение названий этих трех деревень находит свое объяснение в других источниках – ревизских сказках. Названия были даны по языческим именам основателей названных поселков Ибряя и Аверки (Аерки), которых ревизских сказках именуют «заводчиками». Христианское имя первого – Борис Алексеев, второго – Аверьян Андреев. Вместе с ними назван и второй заводчик д. Верхней Аверкиной – Ерендей Ишукин (в крещении Иван Степанов)⁹.

В устном предании имя последнего из «заводчиков» сохранилось неточно, видимо, потому что не закрепилось топонимически. В качестве одного из покупателей земли его называют «сыном Ерендея». Остальные имена и обстоятельства сделки и переселения предание сохранило в деталях. Что самое интересное, оно не противоречит ни наказу, ни ревизской сказке. Устный источник очень удачно дополняет письменные свидетельства.

По словам старожилов-чувашей, Аверкино и Ибряйкино, расположенные в южной части нынешнего Похвистневского района Самарской области, заселились в 1750-х гг. [3, с. 56–58]. Ходоками и покупателями земли для общинного пользования у башкирских тарханов были новокрещенные чуваша из Ядринского уезда, в том числе Иван Степанов «сын Ерендея». Они выбрали землю между реками Большой Кинель и Большой Толкай. Уплатили за нее башкирам 80 рублей и получили грамоту. В ней говорилось, что отныне эта земля с лесным массивом, пятью лесными колками и озерами переходит к новокрещеным чувашам. Продажа и покупка земли была оформлена в башкирской деревне Ибриево в октябре 1753 г.

Весной и летом 1754 г. на купленную землю пришли чуваша из Нижегородской и Казанской губерний. Прибыв на новое место, чуваша разделили купленную землю на 2 участка. После разметки земли между участками был брошен жребий. Его тянули Аерка (Аверка) Фединкин и Ибряй Избеков. Земля к западу от Суходола досталась Аерке, а к востоку от него – Ибряю.

Иное, противоречивое, соотношение сложилось между устными и письменными источниками об основании деревни Староганькиной. Предание о прибытии переселенцев в 1710 г., о первоначальной аренде земли, о покупке ее с торгов в 1747 г. не подтверждается наказом. В нем говорится о земельной сделке и переселении только в 1753 г. Землю купили «у тархан Уфинского уезда Казанской дороги Кипчакской волости деревни Салтангуловой». Сделка на землю была оформлена в уфимской конторе крепостных

⁸ Там же. Л. 296–297 об.

⁹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2454. Л. 654, 661.

дел, а затем эта земля по указу Оренбургской губернской канцелярии была «обмежевана и грани поставлены по урочищам, как указы повелевают, при понятых сторонних людях». На эту землю крестьяне получили «план и опись»¹⁰.

Дополнительным веским аргументом в пользу более поздней даты основания деревни, которая есть в наказе, является упоминание в ревизской сказке 1763 года ее «заводчика», по имени которого она была названа. Его звали в язычестве Каником Яшкиным, а после крещения – Гаврилой Степановым. Ему в сказке 57 лет. Следовательно, родившись в 1706 г., он не мог стать первопоселенцем в 1710 г.¹¹

Еще один топоним из крестьянских наказов Заволжья происходит от личного имени. Деревня Клявлина получило название от «заводчика» Клевле Чюрекеева, крещенного под именем Василия Иванова, выходца из д. Елаур Завального стана Симбирского уезда. Точное время переселения не указано, но вряд ли оно далеко отстояло от 1762 г., так как на момент подачи тогда ревизской сказки «заводчику» было всего 29 лет.

4. Более ранняя история местности, где возникли селения составителей наказов, и характер пользования землей прежними хозяевами.

Чувавам деревень Клявлиной и Семенкиной продал свою «порозжую дикую землю» татарин Надыровой волости Надыр Уразметев. В деревне Старой Резяпкиной, говорится в ее наказе, «прежде жили Надыровой волости татара», у которых чуваша «сняли их отводную землю в вечное владение» за 150 рублей¹². Первым в списке продавцов земли стоит имя Резяпа Ишмурзина, вероятно, «заводчика» деревни, давшего ей свое имя.

Начальное татарское население Старой Резяпкиной появилось одновременно с устройством Новой Московской дороги из Казани в Оренбург, то есть в 1740-х гг. Поселения по этой дороге и в ее окрестностях управлялись особым учреждением – Бугульминской земской конторой, ведомство которой считалось отдельной административной единицей Оренбургской губернии. Переселенцы-татары сами поселились здесь сравнительно недавно, будучи обязаны содержать ямскую гоньбу по тракту, имевшему важное стратегическое и хозяйственное значение [10, с. 176–177].

5. Время и обстоятельства появления, кроме поселков составителей наказов, других селений, от которых не дошло источников подобного рода.

Такие сведения, как правило, приводятся, если в наказах упоминаются земельные споры. Так, в 1767 г. в своем наказе чуваша деревень Большой и Малой Саперкиных пожаловались на то, что четыре года назад рядом

¹⁰ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. 11. Л. 276.

¹¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2454. Л. 301–302 об.

¹² РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. 11. Л. 306–307.

поселилась и заняла часть их земель «неизвестно по какому указу, деревня Вечканкина». В ней осели «ясашные из мордвы новокрещены»¹³. Речь идет о появлении современного села Старое Вечканово в Исаκлинском районе Самарской области.

Отголоски земельных конфликтов, как в наказах, так и в межевых тяжбах, других делах, позволяют установить даты и обстоятельства основания помещичьих селений. Их сказки 3-й ревизии по Ставропольскому уезду и Бугульминскому ведомству не сохранились. Сами жители крепостных селений, как известно, не получили права избирать депутатов и подавать указы в Уложенную комиссию.

Из наказов видно, как одновременно и рядом с деревнями чувашей появились крепостные села Куроедово и Пилюгино. Их владельцы заняли немалую часть земель, которые государственные крестьян считали своими. На одного помещика Т.Ф. Куроедова имеются жалобы сразу в трех наказах в Уложенную комиссию. У двух деревень Аверкиных он захватил земель и угодий «верст на семнатцеть», у деревни Ибряйкиной «версты на три», у деревень Кирюшкиной и Нуштайкиной «вокруг верст на одинатцеть». У последних «верст на девять» отнял земли и подпоручик Пилюгин¹⁴.

Обидчиком саперкинских чувашей, по их наказу, являлся князь Дадиян. Он занял часть их земель под угодья двух своих новых селений, Исаклов и Багряша¹⁵.

В 1762 г. помещик С.Е. Кротков отнял у государственных крестьян из Староганькина на 15 верст в длину их «купленной и ограненной земли с лесом и с санными покосы». Захваченными оказались даже распаханые земли и накошенное сено. На этой земле Кротков поселил деревню примерно в 30 дворов¹⁶. Именно такое свидетельство о возникновении села Кротково в современной Самарской области сохранилось в наказе его соседей-современников. Этому свидетельству противоречит более позднее устное предание, согласно которому на месте села якобы существовала башкирская деревня Асеево (Исекей) на земле тархана Асейки Ахметова. Эта земля указом Екатерины II, мол, была отдана Кроткову вместе с государственными крестьянами из центральных губерний, которых тот и переселил в Исекей, переименованный в Кротково [3, с. 62]. Детали такого предания ни наказом, и другими письменными свидетельствами никак не подкрепляются, что вызывает справедливое сомнение в достоверности.

¹³ Там же. Л. 286 об., 290 об.

¹⁴ Там же. Л. 293, 294 об., 296 об.

¹⁵ Там же. Л. 301.

¹⁶ Там же. Л. 276 об.–277.

Таким образом, крестьянские указы в Уложенную комиссию являются ценным источником для изучения истории заселения и аграрного освоения Заволжья и Приуралья в середине XVIII в. Тому были объективные причины. Во-первых, это была территория массовой земельной колонизации, что не могло не отразиться в документах. Во-вторых, в западной части Оренбургской губернии местные указы отличались тем, что депутаты разных категорий государственных крестьян Ставропольской провинции, куда входили Ставропольский уезд и Бугульминское ведомство, как правило, не получали обобщенных провинциальных указов. Они привезли с собой в комиссию, в основном, указы от отдельных селений или от их небольших групп. Конечно, в таких указах содержалось больше конкретных деталей, в том числе относительно истории основания этих поселений. Богатые возможности использования указов крестьян Заволжья и Приуралья как исторических источников еще более возрастают при их перепроверке, сопоставлении, совместном использовании с другими письменными документами и устными преданиями.

Литература

1. *Белявский М.Т.* Указы оренбургских однодворцев 1767 г. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1982. № 6. С. 69–79.
2. *Васильев И.М.* Податное и военно-служилое население Башкирии по указам в Уложенную комиссию 1767 г.: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2001.
3. *Ендургаев В.А.* Из истории Похвистневского района // Краеведческие записки. Вып. 2. Куйбышев, 1971. С. 50–67.
4. *Иванов А.Г.* Землевладение и землепользование государственных марийских крестьян Среднего Поволжья в XVIII веке // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты). XXVIII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений. Москва, 2002. С. 37–40.
5. История башкирского народа: в 7 т. Т. III. Уфа, 2011.
6. *Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М.* Указы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. Уфа, 2005.
7. *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. Санкт-Петербург, 2014.
8. *Смирнов Ю.Н.* «Добрый порядок» оренбургского губернатора Путятина против вольной народной колонизации юго-восточных окраин России // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего. Материалы Всерос. науч. конф. Нижневартовск, 2013. С. 52–58.

9. *Смирнов Ю.Н.* Легализация беглых и самовольных переселенцев в ходе колонизации юго-востока Европейской России в XVIII – первой половине XIX в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2011. № 2. С. 191–195.

10. *Смирнов Ю.Н.* Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара, 1997.

11. *Смирнов Ю.Н.* Современные подходы к истории восстания 1773–1775 гг. // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 5–3. С. 158–166.

12. *Шайхисламов Р.Б.* Социально-экономическое положение крестьянства Южного Урала в первой половине XIX века: автореф. дис. ... доктора ист. наук. Санкт-Петербург, 2007.

Религиозные и внешнеполитические факторы крестьянской колонизации юго-востока Европейской России: селения и «палестины» Иргиза в XVIII в.

Религиозные и внешнеполитические вопросы влияли на заселение и освоение Поволжья. Особенно это касалось земель по реке Иргиз. Однако основными факторами их колонизации являлись социальные и экономические причины, которые толкали крестьян к бегству на окраины страны.

Ключевые слова: Россия в XVIII в., история Поволжья, колонизация, религиозная политика, реэмиграция.

Настоящая статья посвящена соотношению религиозных и социальных, внешних и внутренних аспектов в процессе формирования населения Степного Заволжья в самую драматическую эпоху оседлого заселения края, которая приходится на вторую половину 18-го столетия. В литературе уже давалось обоснование необходимости уделять особое внимание уникальным историческим территориям и ландшафтам [25]. В данном случае рассматриваются земли по нижнему течению Большого Иргиза, которые стали объектом преимущественного заселения русскими старообрядцами. В результате освоение этой территории получило своеобразную окраску в конфессиональном плане.

XVIII век явился важным этапом земледельческого освоения и формирования структуры крестьянских поселений на левобережье Волги. В основном же она сформировалась уже к середине XIX в., тогда же началось и ее изучение [2].

В настоящее время изучение истории складывания структуры населенных мест Заволжья привело к появлению обобщающих трудов разного содержания. В них выделяются и социально-демографические [16], и политико-административные [15], и культурно-просветительские аспекты [1] этого процесса.

Расселение по левому притоку Волги реке Большой Иргиз и вблизи нее имело ряд особенностей, которые заключались в том, что здесь, наряду с социальными и экономическими причинами, присущими всем районам колонизации, очень ярко проявились религиозные и внешнеполитические факторы, не всегда или слабо заметные на других вновь заселяемых территориях. В силу этого в ряде работ заселение Иргиза нередко отождествля-

---

¹ Смирнов Юрий Николаевич, доктор исторических наук, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева, smirnov195503@yandex.ru, Россия, г. Самара.

лось с возникновением здесь старообрядческих скитов или с реэмиграцией из-за рубежа [18].

Источники, представленные документами Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Научного архива Русского географического общества (НА РГО), отделов рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) и Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), опубликованными материалами, свидетельствуют, что возникновение на Иргизе религиозных центров старообрядчества и массовое освоение этой территории были одновременными и связанными, но не идентичными процессами. Впрочем, и в других районах Поволжья, несмотря на их поликонфессиональность, вопросы вероисповедания не занимали ведущего места среди социально-политических проблем, определявших настроения сельских жителей рассматриваемой эпохи [4, с. 90].

Первые беглецы на Иргизе появляются в начале XVIII в. Кроме потаенных скитов-убежищ, их пристанищем становились рыболовецкие ватаги, волжские суда, соляные промыслы. Попыток осесть здесь постоянно и заняться земледелием практически не было до 1760-х гг. Мешали нападения кочевников и политика властей.

В 1752 г. оренбургский губернатор И.И. Неплюев доложил Сенату о многолюдном собрании беглых на Иргизе, приложив экстракт из писем своих помощников, которые «ныне показывают оных число велико, якобы всякого званья тамо людей до трех тысяч». Сенат предписал Неплюеву «крайнее старание приложить, чтоб появившихся на Самарской степи на р. Иргизе беглых воров и разбойников и при них раскольников всех переловить и то воровское их пристанище искоренить». 300 оренбургских казаков, драгуны Билярского ландмилицкого полка и добровольцы из башкир составляли первый карательный отряд, командование которым было поручено полковнику Родену. Другой отряд из 300 яицких казаков действовал под командой майора Озерова и старшины Мостовщикова. Общее руководство операцией в отсутствие Неплюева осуществлял «Секретный совет» высших оренбургских чиновников во главе с А.И. Тевкелевым [5, с. 345–347].

Беглые на Иргизе оставались вне государственной системы, более того, противостояли ей. Религиозные мотивы готовящейся акции отошли на второй план, уступая социальным и административным задачам, потому в борьбу против православных раскольников включились генерал-мусульманин Тевкелев, его единоверцы из рядовых башкир, офицеры-немцы и несколько сот самих старообрядцев – яицких казаков. Вскоре в руки сыскных команд попало 243 человека. Розыск раскольников и беглых продолжался до 1756 г., число схваченных росло, но многим удалось скрыться. Карательные

акции не смогли очистить Иргиз от беглых или остановить дальнейшее их движение на его берега [5, с. 350–351, 353].

При Петре III и Екатерине II вместо борьбы против проникновения в Заволжье старообрядцев правительство стало содействовать тому, чтобы «раскольники, удалившиеся в чужие края и вызванные оттуда», расселились «близ устья реки Большого Иргиза, потом пошли далее вверх» по этой реке². Цель состояла в том, чтобы установить контроль над старообрядческими общинами, вовлечь в число земледельцев и налогоплательщиков тех, на кого привыкли смотреть как на закоренелых бродяг и преступников. Не следует упускать из виду активные попытки самих старообрядцев умеренного толка («поповщины») обеспечить себе и единоверцам нормальные легальные условия существования.

17 февраля 1762 г. бывший служка московского Новоспасского монастыря, экономический крестьянин И.И. Серебряков добился разрешения принимать работников на, якобы, заводимый им в Малыковской волости Симбирского уезда железодельный завод. Это был лишь предлог для массового водворения здесь беглецов и раскольников: «А большее поселение произошло чрез вымосл Ивана Сребракова, которой... выпросил от Берг-Коллегии привилегию о заведении железного завода, но того завода не только, чтоб в действо произвел, но совсем его не имеет. И, пользуясь тою привилегию, оной Сребраков собою и чрез посланных разгласил, якобы имеет он дозволение принимать и селить по тем рекам Иргизам всякого звания людей. По которому разглашению из разных мест множественное число на те реки учинили побегу разного звания, а более от помещиков» [19, с. 43].

Проверку жалоб дворян и сообщений о том, что в Малыковскую волость и на числящиеся в ее составе земли по Иргизу стекаются беглые, поручили майору Брюхову. По его счету, летом 1762 г. в иргизских «поселениях» оказалось почти 1195 человек обоего пола [19, с. 375].

Никаких акций против этого скопления беглых не было произведено. Более того, Серебряков сумел довести до самых верхов власти предложение, еще больше облегчавшее сюда путь старообрядцам, в виде «проекта Императору Петру Третьему о населении выходящими из Польши раскольниками на местах пустопорожних, лежащих по реке Иргизу» [8, с. 50–51]. Два вопроса, о беглых и о реэмигрантах, стали решаться в тесной связи. Свержение Петра III, помощи от которого ожидал Серебряков первоначально, не помешало этим планам. Манифест Екатерины II от 4 декабря 1762 г. разрешал раскольникам, бежавшим в Речь Посполитую, вернуться в Россию и исповедовать старую веру³.

² НА РГО. Разряд 34. Д. 6. Л. 16 об.

³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Санкт-Петербург, 1830. Т. XVI. № 11720.

Первые старообрядцы, в том числе выходцы из-за рубежа, стали обосновываться на Иргизе еще до издания указанного манифеста [27, с. 92–93]. Возможно, они были осведомлены о подготовке этого законодательного акта через Серебрякова, который добился негласного разрешения властей на переход старообрядцами русской границы уже в январе. Подтверждением тому является закладка до конца 1762 г. выходцами из Польши четырех скитов (Авраамиева, Пахомиева, Филаретова, Исаакиева), положивших начало монастырям Иргиза [26, с. 36–37].

Свою лояльность переселенцы подтверждали подпиской о том, чтобы, во-первых, кроме выходцев из Речи Посполитой, никого в свои обители и слободы не принимать, а, во-вторых, не обращать в раскол других людей. Эти обещания, как правило, не соблюдались. Так, среди иноков здешних скитов оказались выходцы из недалеких поволжских мест, например, бывший казак Т. Щипачев из самарского пригорода Алексеевска⁴.

Когда многие российские старообрядцы устремились в этот хорошо знакомый им самим или единоверцам район, там их охотно стали принимать на практически безлюдные заволжские земли. Местные власти без препятствий разрешали им поселение в «дикопорожних местах, против села Малыковки, при реке Большом Иргизе» [26, с. 34].

В указе 14 декабря 1762 г., который развивал положения недавнего императорского манифеста, с удовлетворением отмечалось, что при Иргизе поселилось уже более тысячи человек⁵. 20 января вышло распоряжение о распространении среди раскольников копий с этого указа⁶.

По сути дела, предметом правительственной гордости стали более тысячи беглых из внутренних губерний России, уже практически легализовавшихся в ходе переписи Брюхова. Указом от 8 апреля 1763 г. они были зачислены в дворцовое ведомство, а пострадавшим от их ухода помещикам выдавались квитанции в зачет рекрутских наборов. Нормы этого указа впоследствии как прецедент были распространены на беглых, легализованных в ходе колонизации Кавказа⁷.

Одновременно был отдан приказ провести повторную перепись на Иргизе. Ассессор Лихарев в ее ходе обнаружил некоторые изменения числа жителей. Из переписанных год назад выбыло 317 душ, но зато «к тому числу вновь прибывших в поселении явилось 575», всего же было переписано «1453 души» [19, с. 375].

⁴ РГАДА. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 12. Л. 85.

⁵ ПСЗ. Т. XVI. № 11725.

⁶ ПСЗ. Т. XVI. № 11738.

⁷ ПСЗ. Т. XXIV. № 17623.

Среди переписанных Лихаревым оказались давние обитатели здешних мест. Бывший пахотный солдат Симбирского уезда Семен Овчинников из своих 67 лет 53 года прожил на Иргизе «по разным местам с прочими такими же неведомыми людьми в землянках». 50-летний Егор Иванов в малолетстве был сведен отцом, бежавшим из Нижегородского уезда дворцовым крестьянином, на эту реку, «по коей и жил с раскольщиками в землянках». 32-летний Федор Поляков родился на Иргизе и только слышал от отца, что тот был «польской нации». После смерти родителей он «остался в малых летех и жительство имел по той же реке Иргизу в лесах». Новопришлых беглецов было еще больше. Религиозные вопросы для них были второстепенными. Примечательно то, что «громадное большинство беглых, зарегистрированных на Иргизе, до своего побега принадлежали к помещичьим крестьянам, по отношению к которым преследование за раскол почти не имело места, т.к. шло вразрез с интересами помещика» [6, с. 334–335, 338].

Предположения тех ученых, которые полагали, что основная часть беглецов пришла на Иргиз из районов, где старообрядчество было особо распространено, не находит подтверждения в источниках. Изучив данные переписи Лихарева, А.А. Гераклитов пришел к выводу, что «провинциенция беглецов, если можно так выразиться», была очень пестрой, охватывая территорию от Петербурга до Дона и от Польши до Вятки. Оказалось невозможным указать, откуда пришло большинство. Единственное заключение состояло в том, что ближайшие «уезды доставляли больше всего беглых, что, впрочем, и естественно». При этом «большинство беглецов не сразу являлось на Иргиз, а по пути туда имели этапы и иногда по нескольку» [6, с. 339]. Этими этапами были укромные места по рекам Медведице, Караману, Терсе, казачьи хутора на Дону или Яике, многолюдные Саратов, Камышин, Малыковка и другие селения на Волге, продвигаясь через которые беглые кормились сезонными или длительными работами на промыслах, судах, в батраках и прислуге, иногда на время обзаводясь собственным хозяйством.

Вывод о том, что уход на Иргиз не имел для основной массы беглых религиозной окраски, нуждается в важном дополнении. Старообрядцы, пусть и не бывшие первоначально здесь в большинстве, представляли наиболее сплоченную и организованную группу среди переселенцев. Они же были инициаторами заселения Иргиза и обеспечивали его легальное прикрытие. Остальные беглецы неизбежно попадали под их влияние, которое проявлялось как в хозяйственном плане со стороны более зажиточных соседей-староверов, так и в духовном отношении со стороны авторитетных расколуучителей-иноков. Новые крестьянские общины, в которых далеко не все изначально были приверженцами раскола, становились в сложившихся условиях старообрядческими. Отнюдь не единая в конфессиональном отно-

шении масса беглых, для большинства которых религиозные вопросы были отодвинуты на задний план социальными проблемами, консолидировалась в один из значительных оплотов «старой веры» в России.

Высокая степень самоорганизации дала основание высказать в современной историографии мнение о том, что старообрядческие общины из сугубо религиозных организаций, имевших тайный, стихийный, маргинальный характер, становились одними из первых добровольных общественных ассоциаций в России [13, с. 824–825, 831–832, 840]. Б.Н. Миронов считает, что уже в XVIII в. они были в числе «новых агентов» политической социализации [12, с. 422, 516]. Появление таких ассоциаций свидетельствовало о протекании модернизационных процессов.

Заканчивая свою перепись, Лихарев выразил тревогу по поводу того, что ситуация с бегством на Иргиз становилась неуправляемой: «И в то самое время явилось к нему, Лихареву, на поселения более трех тысяч человек беглых». Чтобы помещикам «не причинить крайнего разорения» из-за крестьянских побегов, не подавать повода к побегам «невоздержанного состояния служилым людям», избежать разбоев и других беспорядков, Сенат предлагал положить запрет своевольному «поселению по Иргизам». 19 августа 1763 г. на сенатский доклад последовала высочайшая резолюция о таком запрете. В ней указывалось, чтобы беглых, вновь пришедших на Иргиз сверх переписей Брюхова и Лихарева, отсылать на прежнее жительство без всякого предусматриваемого по закону наказания [19, с. 375].

Запрет принимать новых беглецов не мог соблюдаться достаточно строго. Официально продолжалось водворение «загранишных раскольников». Легализовать свое положение мог любой, кому удавалось выдать себя за выходца из-за польского рубежа. В число «загранишных раскольников» записывались и беглые крестьяне, не принадлежавшие к старообрядческим толкам, но рассчитывавшие обрести вольность и осесть на свободной земле.

В 1765 г. по указу Сената на Иргиз для «переревизования поселенцев» послали подполковника Попова. Общая их численность тогда составила 1973 чел. обоего пола. Установленное в ходе переписи соотношение российских беглых к «загранишным» выходцам (505 чел. к 683 чел., или 43% на 57%) не следует принимать как точное. Под видом «загранишных» продолжали водворяться беглые из российских «крестьян, рекрутов, воров и разбойников» [21, с. 16, 18].

Число женщин в иргизских селениях было преуменьшено, поскольку подсчет их велся менее тщательно, а, следовательно, и общее количество жителей превышало 2 тыс. чел. Однако и это число переселенцев не является окончательным, поскольку показывает только тех, кто официально получил, пусть даже обманом, разрешение на водворение.

Многие вовсе не объявлялись переписчикам. Таких на Иргизе называли «слепыми» или «безбилетными». По более поздним данным XIX века, здесь их всегда было больше, чем зарегистрированных «лицевых» [26, с. 41].

Не случайным является совпадение приблизительных оценок числа не осевших или не принятых на постоянное жительство беглых в 3 тыс. чел., проходящее в 1750–1760-е гг. по разным документам. Можно предположить, что это количество было довольно постоянным и определялось возможностями тайных убежищ и потребностями в пришлых работниках.

Всего на Иргизе в 1765 г. было 4 монастыря, 7 слобод и деревень. Практика поселения «редкими, но не малыми слободами» была порождена сохранявшейся угрозой нападений кочевников и необходимостью равномерного распределения между поселенцами участков, отличавшихся разным качеством земли. О набегах калмыков на крестьянские угодья в заволжской части Симбирского уезда местные жители в 1760-е гг. сообщали неоднократно⁸. Тем не менее, число селений и их обитателей в следующее десятилетие продолжало увеличиваться.

Следующая перепись на Иргизе была проведена в чрезвычайных условиях подавления пугачевского восстания в 1775 г. Правительство вновь пошло на уступки самовольным переселенцам, требуя взамен в тех обстоятельствах самого главного – лояльности. Это был именно тот случай, когда власти учли «особую ситуацию гражданской войны, в которой исход борьбы решается не только на полях сражений», взяли курс «на более прочное, нежели военное, умиротворение» [24, с. 164–165].

Как справедливо замечено в историографии старообрядчества, в том числе зарубежной, «правительство Екатерины II проявило мудрую терпимость в отношении старообрядцев и не стало возлагать ответственность за выступления нескольких нетерпимых фанатиков на все это в целом спокойное и уже много сделавшее для заселения русских окраин население» [11, с. 413]. Только уточним, что «терпимо» власти отнеслись ко всем иргизским жителям, безотносительно религиозных убеждений каждого, благо, массового перехода на сторону повстанцев здесь не было. Иргиз, вызывавший больше опасений у правительства, оказался гораздо менее податлив на призывы пугачевцев, чем другие районы Поволжья. Здесь иноческие и крестьянские общины в целом так и не перешли на сторону мятежников даже при наличии некоторых симпатий к пугачевцам, двусмысленной игры старообрядческих старцев в интересах своих обитателей и паствы, а также личных контактов с предводителем восстания [14, с. 44–45].

Выходцы с Иргиза были в главной армии и местных отрядах повстанцев. Некоторые из его жителей принимали участие в антиправительственном

⁸ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 98. Ч. 2. Л. 8–11; Д. 242. Л. 13 об. и др.

движении в правобережной части Малыковской волости летом 1774 г. Иргизский старец Гурий был известен своим «увещанием» казаков, в котором доказывались права «Петра Феодоровича» на царский престол [10, с. 105–106, 109, 406–407].

Однако сторонники Пугачева на Иргизе не смогли поднять все его население под лозунгом борьбы «за истинного царя». Этому есть объяснение. Во-первых, осевшие совсем недавно переселенцы получили практически полное самоуправление и не испытывали ощутимых притеснений ни со стороны дворцовых управителей, находившихся на другом берегу Волги, ни тем более со стороны уездной администрации далекого Симбирска. Во-вторых, сказывался сравнительно высокий материальный достаток значительной части местных жителей. В-третьих, на Иргизе оседали все-таки иные люди, нежели те, кто бежал на Дон или Яик, и искали они в большей своей части не вольной жизни и социальной справедливости, но спасения души и условий для спокойного проживания, что, в общем, и было им предоставлено Екатериной II. В-четвертых, сказывалась реальная угроза со стороны кочевников.

Оседлые жители на Иргизе серьезно пострадали от набегов «киргиз-кайсаков» (казахов), которые воспользовались ослаблением охраны границ во время восстания 1773–1775 гг., что позволило им разграбить и обезлюдить ряд земледельческих поселений. Кочевниками были разгромлены иргизские слободы Мосты и Криволучье⁹. Было совершено нападение на Мечетную слободу, Березово, из которых тоже было угнано в плен несколько крестьян¹⁰.

Иргизских жителей командиры правительственных войск и местная администрация не раз использовала в качестве вооруженного ополчения, которое против кочевников оказалось вполне боеспособным. Так, в первых числах сентября 1774 г. 500 вооруженных крестьян и 25 гусар под командой гвардейского поручика Г.Р. Державина настигли в вершинах реки Карамана двухтысячный отряд казахов, возвращавшихся с добычей из набега на русские селения и немецкие колонии. Убив в бою 50 и взяв в плен 5 чел., ополченцы освободили из плена 1500 пленников обоюбого пола, из них 800 колонистов и 700 поселенцев с Иргиза, а также отбили несколько тысяч голов угнанного скота [9, с. 507–508].

В рапорте 6 мая 1775 г. генерал-майор Волков сообщал, что перепись жителей на Иргизе, избежавшем внутреннего мятежа и спасенном от кочевого нашествия, он осуществляет с большой осторожностью: «Строгости для выводу их из лесов употребить я никаким образом не смог». Волков

⁹ ОР РНБ. Ф. 247. Т. 9. Л. 58 и об., 165.

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 222. Т. XII. Л. 277 об.

приказал майору Вилимсону «послать, выбрав понадежнее из селений, в те леса людей объявить им, что оне от меня за беглых признаны не будут, а, может быть, останутца тут будут поселены». От беглых даже не требовали приписки к конкретному селению, а удовлетворялись указаниями на то, в каком лесу или урочище они нашли пристанище. У них переписчики заимствовали подходящий термин для обозначения укромных поселков, предписав подавать сказки «попалестинно». После подачи сказок беглых предупреждали, чтобы сверх переписанных в те «палестины» более никого не принимали [20, с. 353].

Анализ переписи Волкова и Вилимсона показал, что до своего легального обоснования на Иргизе большинство беглых уже пребывали в Заволжье или постоянно мигрировали по правому и левому берегу Нижней Волги, работая в рыболовецких ватагах, на судах или соляных озерах. Из показаний двухсот с лишним иргизских домохозяев в 1775 г. следует, что до своего водворения здесь лишь четверо делали попытки завести собственное хозяйство. Шестнадцать пытались подселиться к другим хозяевам, чтобы найти работу на земле и во дворах у укрывавших их крестьян или помещиков [21, с. 19]. Только разрешение осесть при Иргизе направило значительную число беглых на земледельческое освоение края.

Впрочем, оседание здесь не всегда являлось окончательным. Прожив на Иргизе и легализовавшись, законно или не совсем, некоторые беглые пытались перебраться в другие города и губернии [22, с. 149].

Кроме беглых и раскольников, на Иргизе обосновывались и другие группы населения. Однако в местных преданиях и краеведении сложилась довольно устойчивая традиция связывать с беглыми основание даже тех селений, в которых обосновались вполне законным порядком монастырские или дворцовые крестьяне. «Предания приписывают основание очень многих селений нашего края именно беглым... Беглые играли роль в первоначальном заселении некоторых отдельных местностей Саратовского края, но нет никаких оснований преувеличивать значение этого элемента», – справедливо заметил А.А. Гераклитов [6, с. 340]. В современной литературе по истории колонизации Заволжья в XVIII в. необходимость сверки устных преданий с письменными документами уже была убедительно показана [3].

Типичным является освещение возникновения будущего города Балакова близ низовьев Б. Иргиза. В дореволюционных [26, с. 32], более поздних [14, с. 36] и современных изданиях [17, с. 102] его часто считают поселением, основанным раскольниками. Даже большой знаток истории Поволжья А.А. Гераклитов оставил без внимания документальные источники и, следуя установившейся традиции, посчитал первопоселенцами Балакова заграничных выходцев [6, с. 369].

На самом деле основание Балакова являет пример монастырской колонизации и относится к более раннему времени. После 2-й ревизии на левый берег Волги перешли крестьяне московского Новоспасского монастыря из с. Юлова Городища, которые основали деревню Булакову (Балаково). Они несли государственные подати и платили оброк в монастырь по прежнему месту жительства, а в 3-ю ревизию подали сказку от нового поселения, по которой в 1763–1764 гг. в нем числилось 93 души мужского пола [7, с. 254].

Активность в освоении новых пространств за Волгой, которую проявляло дворцовое ведомство, объясняется его огромными земельными владениями на левобережье [23, с. 150]. Так, был осуществлен перевод части дворцовых крестьян из Малыковской волости с правого берега Волги на Иргиз, вызванный «теснотой земли». В 1771–1774 гг. эти переселенцы основали поблизости от Балакова деревни Быков Отрог, Таволжанку и Маянгу [21, с. 15].

Однако основной поток на дворцовые земли по Иргизу шел в процессе вольной народной колонизации. Включение переселенцев в структуру дворцовой вотчины происходило через традиционные общинные институты. В 1764 г. у иргизских новоселов уже существовали выборные крестьянские должности, поскольку в указе Симбирской провинциальной канцелярии упоминаются староста и земский «с товарищи». В переписи 1775 г. крестьянские выборные (старосты, сотские, десятские) отмечены в каждом селении. Организация выборного крестьянского самоуправления подчинялась фискальным целям, но ими не ограничивалась. Дела по сборам с иргизских дворцовых крестьян были со временем переданы в специально учрежденную «Иргизскую волость», первое упоминание о которой относится к 1779 г. [21, с. 19].

Общая численность легально водворенного иргизского населения как старообрядческого, так и православного к началу 1780-х гг. составляла до 3 тыс. душ м.п.¹¹ Общее количество жителей, осевших на Иргизе в качестве постоянного населения, следует определить приблизительно в 5–6 тыс. чел.

Таким образом, сочетание ряда факторов, включая внешнеполитические и религиозные, привело к образованию в XVIII в. постоянных сельских поселений на степном левобережье Волги. Однако основными причинами крестьянской колонизации этих территорий оставались российские социальные и экономические проблемы.

На Иргизе уже в 1760–1770-е гг. сформировался очаг аграрного освоения с быстро растущим населением. Тому способствовали не столько меры правительства, продиктованные задачами вероисповедной и внешней политики, сколько поток самовольных сходцев, легализованный этими мерами.

¹¹ ОР РНБ. Ф. 550. F.IV.68. Л. 6 об.

В ходе освоения новых земель для достижения прагматических целей представители власти неоднократно шли на нарушение норм крепостного права.

Литература

1. *Александрова С.А., Ведерникова Т.И.* Сельские дворянские усадьбы Самарского Заволжья в XIX – XX вв. Самара, 2015.

2. *Артамонова Л.М.* Воронов Н.А. Описание волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18. № 3–1. С. 176–179.

3. *Артамонова Л.М.* Использование массовых источников и устных преданий при реконструкции освоения лесостепного Заволжья в 1750–1760-е гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 471–475.

4. *Артамонова Л.М.* Социальное и правовое сознание государственных крестьян Поволжья по наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2009. № 1. С. 88–90.

5. *Витевский В.Н.* И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 2. Казань, 1890.

6. *Герасимов А.А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923.

7. *Голомбиевский А.А.* Вотчины Московских монастырей в Саратовском крае по описям 1763–1764 гг. // Труды СУАК. Т. 3. Вып. 1. Саратов, 1890. С. 247–262.

8. *Державин Г.Р.* Избранная проза. Москва, 1984.

9. *Державин Г.Р.* Сочинения. Т. VI. Санкт-Петербург, 1871.

10. Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774. М., 1975.

11. *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество. Москва, 2009.

12. *Миронов Б.Н.* Историческая социология России: учебное пособие. Санкт-Петербург, 2009.

13. *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. Т. 2. Санкт-Петербург, 2015.

14. *Наумлюк А.А.* Центр старообрядчества на Иргизе: появление, деятельность, взаимоотношения с властью. Саратов, 2009.

15. «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 1. Очерки истории. Самара, 2013.

16. «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация. Самара, 2014.

17. *Полозова И.В.* Иргизские и черемшанские монастыри и их роль в жизни саратовского старообрядчества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. № 1. С. 102–109.
18. *Прошечкин С.Е.* Иргиз – духовный центр русского старообрядчества в Поволжье // Грани познания. 2010. № 4 (9). С. 67–68.
19. Пугачевщина. Из следственных материалов и официальной переписки. Т. 2. М.; Л., 1929.
20. Пугачевщина. Из архива Пугачева. Т. 3. М.; Л., 1931.
21. *Ряжев А.С.* Иргизские старообрядческие общины во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Автореф. ... канд. ист. наук. Москва, 1995.
22. *Смирнов Ю.Н.* Влияние налоговой политики на заселение и аграрное освоение Самарского Заволжья в XVIII – первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. № 1. С. 144–155.
23. *Смирнов Ю.Н.* Население лесостепного и степного Заволжья в конце XVIII – начале XIX веков // Самарский земский сборник. 2013. № 1 (22). С. 137–151.
24. *Смирнов Ю.Н.* Современные подходы к истории восстания 1773–1775 гг. // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 5–3. С. 158–166.
25. *Смирнов Ю.Н., Артамонова Л.М.* Локальная история как метод реконструкции культурно-исторического ландшафта: из опыта изучения Самарской Луки // Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы. Материалы III Всероссийского научно-методологического семинара. Самара, 2015. С. 10–20.
26. *Соколов Н.С.* Раскол в Саратовском крае. Саратов, 1888.
27. *Якунин В.Н.* Церковная жизнь и православная культура в Самарском крае в XVI – XX вв. // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 1 (10). С. 92–101.

Отставные воины и правительственная программа хозяйственного освоения земель юго-востока Европейской России и Сибири в XVIII в.

Начиная с 1730-х годов в России одной из форм социального призрения неимущих отставных воинов становится их поселение вместе с семьями на пустующих землях Поволжья, Оренбургского края и Сибири. После секуляризации церковного и монастырского землевладения задача увеличения численности отставных на поселении реализовывалась в рамках государственной программы по расширению зоны хозяйственно освоенных земель.

Ключевые слова: отставные воины, поселение, хозяйственное освоение земель, правительственная программа, самостоятельное пропитание.

Государственная программа Екатерины II по хозяйственному освоению степных, южных и юго-восточных земель Европейской России решалась, как известно, разными средствами: за счет переселения помещиками своих крестьян; через наделение землей всякого, кто хотел и мог ее обрабатывать (кроме частновладельческих крепостных), с помощью призыва иностранных колонистов. В реализацию этих замыслов были включены и не имеющие собственного пропитания отставные воины. Поселение их вместе с семьями на пустующих землях Юга, Поволжья, при крепостях строящихся укрепленных линий Оренбургского края и Сибири по замыслам правительства, должно было одновременно стать одной из форм социального призрения военно-служилого люда. Первоначально возникшая как альтернатива монастырскому содержанию отставных, после секуляризации церковного и монастырского землевладения поселенческая программа обретает новый масштаб и значение.

Первые шаги, поначалу не слишком удачные, по поселению отставных военных «близ границ на пустых землях» были предприняты в царствование Анны Иоанновны. Тогда эта мера касалась тех унтер-офицеров, рядовых и нестроевых, а также адмиралтейских служителей, кто, получив «за ранами, за болезнями и за старостью» отставку от военной службы, при отсутствии средств сохранял работоспособность². Указом 27 (31) декабря 1736 г. таковых следовало определять на подходящие должности либо поселить в низовьях Волги между Царицыным и Астраханью. Другим местом поселения назначались крепости Старой Закамской черты между Волгой и р. Ик в Казанской губернии (Белый Яр, Ерыклинская, Тиинская, Новошеш-

¹ Козлова Наталья Вадимовна, доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, kozlova.n.v.i@gmail.com, Россия, г. Москва.

² ПСЗ-I. Т. IX. № 7136; Т. XI. № 8002.

минская, Заинская и Мензелинская), освобождаемые в связи с переводом из них служилых людей в строящиеся крепости Новой Закамской линии. Назывались также территории по реке Кандурче, от Новой Закамской линии до городка Красный Яр и другие «около башкирцев» места. Одновременно отставные драгуны, солдаты и матросы, имевшие свободные паспорта, приглашались для поселения в Оренбурге (которого как такового еще не было) и в «других тамашних местах» [1, с. 176–177]. Позднее, в 1744 г., по рекомендации начальников Оренбургской экспедиции поселение отставных было распространено на крепости Новой Закамской линии³, а в число поселенцев включались и вышедшие в отставку офицеры.

Порядок поселения и условия размещения отставных на свободных землях Казанской и других губерний определялись нормативными актами, исходившими от верховной власти и Сената. В них было прописано, кто из вышедших в отставку мог и должен был отправляться на новые места «для хлебопашества», какое они получали «вспоможение» в дороге и при обзаведении хозяйством, на каких условиях им выделялась земля, под чьим управлением они находились.

На каждую семью отставных нижних чинов полагалось выделить под двор и под пашню от 20 до 30 четвертей земли, что соответствовало норме, получаемой прежними служилыми людьми и в ландмилиции. Отставные офицеры получали от 50 (прапорщик) до 100 четвертей (капитан) земли. Земля выдавалась в наследственное владение без права продажи, передачи в виде приданого, а также заклада и дробления ее между наследниками. Учитывая беспокойное соседство со степью, «для безопасности от неприятеля и от внутренних злодеев» новопоселенцев полагалось размещать компактно в виде больших слобод «дворов по 100 и больше». На обзаведение хозяйством семье, прибывшей на место поселения, полагалась ссуда от 5 до 10 рублей⁴. В дальнейшем планировалось строительство церквей и организация при них школ для обучения солдатских детей грамоте и письму с перспективой продолжения обучения для желающих в гарнизонных школах [3, с. 255–257]. Однако, как оказалось, этой мерой «отставных к тому приохотить» не удалось, и только 6 человек из 4152 отставных, значившихся по спискам 1738 г., изъявили желание перебраться на поселение. Правительство продолжало настаивать, и указом от 10 января 1739 г. на новые места было велено отправить всех, «которые не весьма дряхлы и надежда есть, что могут жениться и дома свои содержать»⁵. Спустя месяц, 15 февраля, Кабинет министров утвердил предложенные Сенатом дополнительные меры

³ Черемшанскую крепость, Шешминский и Кичуйский фельдшанцы. См.: ПСЗ-I. Т. XII. № 8892.

⁴ ПСЗ-I. Т. IX. № 7136.

⁵ Там же. Т. X. № 7727.

помощи тем отставным, которые отправлялись на поселение. Тем самым было признано, что без такой помощи «им в надорожный путь до показанных к поселению мест, и пока они пашнею обзаведятся, никак обойтись не возможно». Предусматривалась выдача на дорогу «денежного жалованья и провианта на два месяца», «а на первый случай на семена ржи по одной, овса по две четверти». Кроме того, в течение двух лет переселенцы могли рассчитывать на получение солдатского провианта⁶. Правда, как следует из нового указа Сената 1750 г., выданная поселенцам хлебная ссуда подлежала возвращению в Казанский провиантский магазин «по усмотрению урожая» в три или четыре года⁷.

В 1753 г. добровольность выбора поселения и связанного с ним хлебопашества в качестве постоянного рода занятий для отставных, лишенных пропитания, сохранялась только за офицерами⁸. Сенатским указом всех отставных, не имеющих пропитания, за исключением офицеров, «кои не весьма дряхлы», следовало либо вновь определять на посильную службу, либо направлять на поселение. Начиная с 1763 г., перебраться на поселение могли все пригодные для этого отставные, ранее распределенные по монастырям и богадельням⁹. Правительство, ориентируясь в основном на отставных, имевших семьи, допускало на поселение и лиц холостых, но перспективных в плане обзаведения семьей. Из всего этого видно, что поселенческая программа запускалась правительством ввиду возможного самообеспечения отставных, а в идеале и возвращения затраченных средств.

Спустя некоторое время правительству пришлось заняться и регулированием брачных отношений поселенцев. В целях обеспечения естественного роста численности поселенцев дочерям отставных унтер-офицеров и рядовых, присланных на поселение, Сенатским указом 1739 г. предписано «быть в супружестве за теми ж солдатскими детьми, а не за другими чинами». Такое прямое вмешательство власти в брачные отношения лиц, формально свободных, объяснялось теми условиями, на которых «отставные, а по ним жены и их дети» владели закрепляемыми за ними землями. Всякая мобилизация земли запрещалась («и продавать и закладывать не токмо посторонним, но и между собою запрещается, а дочери с тем недвижимым имением должны вступать за солдатских же детей, а не за других чинов людей»), «дабы между ими ничьего посторонняго владения не было». Вышедшие замуж за однодворцев, дворцовых, помещичьих, архиерейских, монастырских и ясачных крестьян согласно Сенатскому указу 1750 г. почитались за

⁶ ПСЗ-1. Т. X. № 7757; Т. XVI. № 11679.

⁷ Там же. Т. XIII. № 9817. С. 381, 384.

⁸ Там же. Т. XIII. № 9817. С. 929–930.

⁹ Там же. Т. XVI. № 11902.

беглых, за вышедших до указа, полагалось взыскивать 10 руб. выводных денег, а за сбежавших и выданных замуж «за сим указом» размер выводных денег возрастал до 50 руб.¹⁰ Это была весьма серьезная штрафная санкция, так как обычный размер вывода в крестьянской среде составлял 1 руб.

В 1750 г. было разрешено принимать на поселение и отставных с вольными паспортами и определять их «без денежного награждения». Таковых тогда же насчитывалось 164 чел. (65 мужчин, 41 женщина и 58 детей). Эти цифры свидетельствуют о том, что на поселении в соответствии с планами правительства оказывались действительно люди семейные. Расчет делался на то, что они, «смотря на свою братью прежде поселенных солдат», «в строении домов и в распашке земли ревность иметь будут, из чего может быть государственная прибыль»¹¹.

Показательно, что вопреки мнению Военной коллегии, предлагавшей при отцах «для хлебопашества» оставлять по одному сыну, а остальных «определять в солдаты», Сенат в 1761 г. приказал не требовать детей поселившихся отставных в военную службу. Военное ведомство обосновывало свое предложение борьбой с праздностью взрослых солдатских детей. По ее сведениям, в это время «в совершенных летах» у отставных имелось 325 сыновей. Сенат же был обеспокоен тем, чтобы «за взятъем их службу, то поселение не упустило», признавая в качестве приоритета «наисильнейшее в поселении отставных и в хлебопашестве размножение»¹². Если в семье было несколько сыновей, то «на отцовском жеребьи» оставался только один из них, а другим вновь отводилась земля, каждому «против отставного солдата»¹³.

Судя по законодательным актам, включение отставных воинов в программу хозяйственного освоения свободных земель Юга, несмотря на порой происходившие сбои, в целом имело успех. Увеличивалась численность отставных поселенцев и расширялся район, охваченный такими поселениями. По данным Сената, в 1750 г. на поселении в Казанской губернии находилось 2140 душ мужского пола, «в том числе и детей при них не малое число»¹⁴, к лету 1758 г. было расселено 3489 чел. мужского пола (1477 отставных и 2012 детей), а к 1784 г. численность отставных и их детей, поселенных «на линии», возросла до 4,5 тыс. душ мужского пола¹⁵.

С конца 1750-х гг. программа хозяйственного освоения пустующих земель за счет поселения на них отставных с семьями стала распространять-

¹⁰ ПСЗ-I. Т. XIII. № 9817. С. 378, 382–383.

¹¹ Там же. С. 380.

¹² Там же. Т. XV. № 11375.

¹³ Там же. Т. XXII. № 16046. С. 199.

¹⁴ Там же. Т. XIII. № 10153. С. 929.

¹⁵ Там же. Т. XVI. № 11679.

ся на Сибирь. Отставных в Сибири селили по ряду укрепленных линий, созданных в целях защиты русских поселков от нападений кочевников, главным образом калмыков и киргизов: Новой, Иртышской, Колыванской и Кузнецкой. В состав Новой сибирской линии входило 9 крепостей и 3 редута¹⁶. В 1763 г. на их землях размещалось 869 чел. – 393 бывших военноружащих и при них 476 детей, 221 мужского пола и 255 женского (Табл. 1).

Таблица 1

Численность отставных и их детей на поселении по сибирским укрепленным линиям в 1763 г.¹⁷

Линии	На поселении состоит			При них детей			Итого
	регулярных	нерегулярных	Всего	муж. пола	жен. пола	Всего	
Новая	170	32	202	168	169	337	539
Иртышская	15	110	125	29	52	81	206
Колыванская	2	10	12	–	1	1	13
Кузнецкая	29	25	54	24	33	57	111
Итого	216	177	393	221	255	476	869

К середине 1780-х гг. в крепостях и деревнях трех округов (Омском, Ишимском и Курганском) сибирских линий размещалось уже 2851 чел. (922 отставных и 1929 их детей и внуков)¹⁸.

То, как на практике реализовывались правительственные установления, и кто был в числе первых отставных, поселившихся в Сибири, позволяет судить некий «Список», присланный в Сенат в октябре 1763 г. при рапорте генерал-майора фон Фраундорфа¹⁹. Представленный в виде таблицы он содержит пронумерованный именной перечень разных чинов отставных, размещенных по крепостям Тобольской, Ишимской и Тарской дистанций, составлявших так называемую Новую линию. Всего в списке 202 чел. Помимо имени и чина, о каждом сообщено, с какого года он на поселении, имеет ли жену и детей, каков их возраст, живет ли в своем доме или еще где, указан наличный скот, размер пашни, запасы хлеба. Обращено также внимание на выплату ему «денежного награждения и провианта», с уточнением периода его получения²⁰. В своей совокупности эти данные позволяют увидеть всю картину, так сказать, с ближнего расстояния, а, следовательно,

¹⁶ Тобольская дистанция включала Кабанью, Пресногорьковскую, Пресновскую, Сенжанскую, Становую крепости и Кривоозерный редут; Ишимская дистанция – крепости Лебяжью, Николаевскую и св. Петра; Тарская дистанция – Покровскую крепость и редуты Иртышский и Мельничный.

¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 760. Л. 478 об.

¹⁸ ПСЗ-I. Т. XXII. 16467.

¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 760. Л. 443–478.

²⁰ Аналогичные сведения по другим сибирским линиям отсутствуют.

заметить важные детали быта и условий жизни отставных на новом для них месте обитания.

Уже в первый год от начала заселения почти в каждую из крепостей Новой линии партиями и в одиночку начали присылаться бывшие воины с семьями. До июля 1763 г. наиболее часто отставные определялись в крепость св. Петра Ишимской дистанции (34 чел.) и Пресногорьковскую крепость Тобольской дистанции (33 чел.). Наименьшее число поселенцев приняли Сенжанская крепость (8 чел.) и Кривоозерный редут (4 чел.), оба Тобольской дистанции. В остальные крепости за это время направлялось от 10 до 23 чел.

Отправка отставных на поселение происходила по мере появления подходящих кандидатов и не согласовывалась с сезонным циклом земледельческих работ. Одиночки и группы присылались во все месяцы года, с января по декабрь.

Семейный состав отставных соответствовал установкам правительства направлять на поселение таких, «кои не весьма дряхлы и надежда есть, что могут жениться и дома свои содержать». Из 202 поселенцев, устроившихся к 1763 г. на землях крепостей Новой линии, 80,7% были женаты (163 чел.), 15,3% (31 чел.) холостыми и 4% (8 чел.) вдовцами. Среди женатых и вдовцов 77,2% (132 чел.) имели от 1 до 7 детей. Наиболее часто в семье было 1–2 ребенка (44,4% от лиц с детьми), но нередко семья имела и 3–4-х детей (33,3%). В 11 семьях находилось пять и более детей.

Возраст отставных поселенцев был различным: три четверти их были моложе 60 лет (151 чел., или 75,1%), но все же четверть (50 чел.) уже достигли того возраста, который через 20 лет закон определит как «престарелый» и свяжет с ним право на общественное призрение [2, с. 143, 145]. Почему же, несмотря на солидный возраст, они все же рассматривались как подходящие для реализации планов правительства кандидаты? Выясняется, что 74%, то есть почти три четверти лиц этой возрастной группы были женаты (37 чел.); шестеро являлись вдовцами и семеро – холостыми. Большинство женатых (28 из 37) и вдовцов (четверо из шести) имели детей, что переносило надежды на способность «дома свои содержать» с них на детей. Не случайно, при наличии детей, особенно сыновей местное начальство уже не делало скидку на возраст и следило, чтобы получивший землю и отстроивший дом поселенец занимался хлебопашеством.

Женатые «престарелые», но бездетные в большинстве своем как-то устраивались на новом месте, обзаводились хозяйством, кто большим, кто меньшим. Одни жили в своем доме и владели различным поголовьем скота, возделывали пашню и имели изрядные запасы зерна²¹. Хозяйство других

²¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 760. Л. 443–478. № 172.

было скромнее²². Третьи своего дома не имели, а будучи в преклонном возрасте, вместе с женами жили в общем доме с кем-то из поселенцев²³. Ведение земледельческого хозяйства требовало больших физических усилий, поэтому старым, дряхлым, да к тому же и одиноким людям завести его, как правило, не удавалось. Правительство, ориентируясь в основном на отставных, имевших семьи, допускало на поселение и лиц холостых, относительно которых сохранялась надежда, что они «могут жениться». К сожалению, сохранившиеся источники лишь фиксируют семейное положение на момент сбора информации, а, следовательно, не дают возможность проследить процесс обзаведения семьей холостых и вдовцов.

Иначе складывалась ситуация для холостых и вдовцов в возрасте от 60 лет и старше. Из семерых холостых этой возрастной группы шестеро, хотя и сумели поставить или получить выстроенный на казенные средства дом, однако обзавестись крепким хозяйством удалось только одному. Это был живший с 1759 г. на землях крепости Кабанья 64-летний отставной вахмистр Антон Федоров сын Курихин. За три года в его дворе появились 6 лошадей, 3 коровы, 3 телят, 3 овцы. Запасы зерна весной 1763 г. составляли 12 четвериков ярицы, 24 четверика овса, 20 четвериков ячменя, 1 четверик пшеницы и 4 гарнец проса²⁴. Остальные, имея по одной лошади, и получая на первое время «пока обзаводятся» двухгодичный солдатский провиант, пахоту не производили. У всех причины были схожие: «за старостию и дряхлостию», «за слепотою глаз», «за старостию и по одержимой болезни». Некоторые еще добавляли весьма красноречивое пояснение «и по одиначеству». Бесперспективность таких поселенцев для развития в крае земледелия определило их дальнейшую судьбу. Все они назначались к отправке с поселения²⁵.

В целом можно признать, что правительству удалось включить отставных в программу заселения пустующих земель. Система отбора подходящих кандидатов в основном работала исправно. Абсолютному большинству отставных, присланных на поселение, независимо от того имели ли они семьи или нет, удавалось закрепиться на новом месте. Но происходило это только с теми, кто либо сам сохранял способность работать на земле, либо у его семьи имелась в ближайшей перспективе такая возможность. В противном случае, спустя какое-то время при проверке наличия пашни и запасов зерна все такие холостые, вдовы и семейные подлежали высылке. Причем возраст сам по себе, как и наличие дома и какого-то скота, значение

---

²² Там же. № 2, 13, 140, 202.

²³ Там же. № 5.

²⁴ Там же. № 34.

²⁵ Там же. № 1, 63, 65, 116, 123, 160.

не имели. Но выслались только те престарелые, кто полностью терял возможность хлебопашествовать. Спустя три года от начала заселения Новой линии таковых в ее крепостях оказалось только 11 чел. (5,4%).

Не все после прибытия успевали завести пашню. Те, кто попадал в назначенную для него крепость в конце весны или в начале лета, «за недавним прибытием на линию вешней пахоты не производил», то есть не возделывал поле под яровые культуры. Те же, кто доставлялся в разгар лета, не успевал вспахать озимое поле²⁶. Обычно быстро удавалось построить дом и обзавестись скотом, хотя бы лошадью. На это отводились некоторые средства. Во-первых, еще указом 1739 г. определено «по отставке давать на проход денежнаго жалованья и провианта на два месяца». Отправлявшиеся в Сибирь получали по 2 руб. и провиант. Во-вторых, какие-то средства выдавались и по прибытии на место. Иногда имеются прямые указания на этот счет, типа «лошадь – 1, куплена на выданные ис канторы деньги». Кстати, как минимум, лошадь обычно приобретал каждый поселенец, вне зависимости от того обзаводился он собственным домом и пашней или нет.

Чаще всего семьи селились отдельными домами, но встречались случаи, когда в одном доме совместно проживали и вели совместное хозяйство, имея общий скот и пашню, разные люди, причем дом записывался на одного, имеющего семью, а другой отставной, обычно холостой, в одиночку не способный поднять хозяйство, становился своеобразным пайщиком. Причем это случалось как с совсем молодыми людьми, так и с вполне зрелыми. Например, одинокий отставной извозчик, 47-летний Егор Михайлов сын Сажев, прибывший на поселение в марте 1759 г., жил в доме драгуна Сененихина, «хлебопашество производит обще» с ним, а скот показан отдельно: лошадей 1, корова 1²⁷.

Состав семьи у поселенцев был различным. Это зависело не только от их семейного положения и количества детей, но и от того, как устраивалась хозяйственная жизнь уже женатого сына. Так, совместно с отцом 60-летним драгуном Степаном Фоминым сыном Трусовым, матерью и сестрой продолжал жить женатый 22-летний сын, имевший двухлетнюю дочь. Дом и все хозяйство было записано за отцом. В их семью был принят и оставшийся сиротой 14-летний племянник Данила Петров сын Кочетов²⁸. В семье казака Матвея Петрова сына Захарова, 51 года, кроме жены 52 лет были два сына, Алексей 13 лет и Яков 11 лет. Старший сын имел жену, 17 лет. Столь ранняя женитьба Алексея, скорее всего, была вызвана хозяйственной потребностью в работнице. Знаменательно, что жена оказалась на 4 года его

²⁶ Там же. № 24, 25, 26, 49, 50, 85.

²⁷ Там же. № 61.

²⁸ Там же. № 106, 124.

старше. Хозяйство действительно было немалым и состояло из 3 лошадей, 3 коров, 3 телят, 3 голов мелкого скота, немалых запасов ярицы, овса, ячменя, пшеницы²⁹.

В иных случаях женатый сын с семьей выступал уже как самостоятельный хозяин. У него имелся собственный скот, а дом значился «общей»; пашню же он пахал совместно «с отцом своим». Так было с казаком Дмитрием Яковлевым сыном Сведерским, 52 лет, жившим с женой, того же возраста, дочерью 16 лет и женатым сыном Василием, 28 лет. Отец и сын совместно владели домом и обрабатывали пашню, высевая овес, пшеницу, ярицу, ячмень, горох. В отличие от сына, который владел лишь одной лошадей, отец имел 4 лошади и одного теленка³⁰. В данном случае у отца и сына в раздельной собственности находилось движимое имущество, а недвижимость (земля, дом) принадлежала им сообща. По-другому выстраивались отношения собственности между матерью и сыном, когда умирал глава семьи. Тогда пашня записывалась на еще неженатого сына, скот же, а, порой, и дом, продолжал принадлежать матери.

Словом, хозяйственный уклад жизни поселенцев в целом воспроизводил на новом месте отношения, традиционно существовавшие в земледельческой среде.

С расселением отставных на пустующих землях решалась не только задача самостоятельного пропитания тех, кто был лишен надежных источников существования. При ее реализации постоянно имелась в виду глобальная цель расширения зоны хозяйственно освоенных земель. Принимались во внимание и соображения военной целесообразности.

Литература

1. *Буканова Р.Г.* Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997.
2. *Стог А.Д.* Об общественном призрении в России. Ч. 1. СПб., 1818.
3. *Ханыков Я.В.* Исторический очерк правительственных мер по части общественного призрения в России // ЖМВД. 1851. № 11.

---

²⁹ Там же. № 93.

³⁰ Там же. № 186, 187.

Дворянская родовая собственность в 1700–1762 гг.: к вопросу о влиянии изменений в составе правящего слоя на структуру вотчинного фонда²

Автор приходит к выводу об устойчивости развития родовой собственности в 1700–1762 гг. у 40% дворянских фамилий (в первую очередь, у представителей «старой элиты»). Эти фамилии владели основной массой крепостного населения страны (87–94%). Согласно расчетам, конфискация и пожалования почти не влияли на структуру собственности. Решающим фактором мобилизации вотчин являлись частноправовые сделки (купля-продажа, заклад имений).

Ключевая слова: дворянство, правящая элита, собственность, вотчины.

Материалы подворных переписей и ревизского учета остаются важнейшими источниками для изучения народонаселения страны и развития дворянской собственности в первой половине XVIII столетия. В литературе подробно исследованы численность, размещение помещичьих крестьян, структура дворянских имений этого времени (В.И. Семевский, Н.М. Шепукова, В.М. Кабузан, Я.Е. Водарский, М.Ф. Прохоров и др.). Родовой состав помещиков и вотчинников начала XVIII в. рассматривался в трудах Я.Е. Водарского и О.А. Шватченко. Однако из-за отсутствия сопоставимых данных до сих пор остаются открытыми следующие вопросы. Насколько устойчивым было развитие родовой дворянской собственности³ в первой половине XVIII в.? Как изменения в составе правящего слоя отразились на распределении вотчинного фонда? Каким было влияние различных факторов на мобилизацию дворянских имений?

Основным источником для анализа обозначенных вопросов стали материалы III ревизии. К настоящему времени удалось обработать сведения по 11 губерниям, 41 провинции, 175 уездам (учтены вотчины с населенностью более 3,4 млн душ крепостных⁴; 75% данных по Европейской России)⁵.

¹ Черников Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, Липецкий государственный технический университет, zserg72@gmail.com, Россия, г. Липецк.

² Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-01-00001(а).

³ В статье под «родовой собственностью» подразумевается все вотчины и поместья, принадлежавшие представителям одной дворянской фамилии.

⁴ Здесь и далее в статье численность крестьян указана в душах мужского пола.

⁵ Ведомости провинциальных прокуроров 1766–1767 гг. (РГАДА. Ф. 248. Оп. 109. Д. 158; Оп. 117. Кн. 197, 1464; Ф. 264. Оп. 2. Кн. 37; Ф. 447. Оп. 1. Кн. 541; Ф. 453. Оп. 1. Кн. 2094–2095), ведомости о «количестве мужских душ в вотчинах» по Московской провинции 1765 г. (РГАДА. Ф. 400. Оп. 4. Кн. 2171), ревизские сказки (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 322, 324, 408–410, 568–572, 843–846, 952–956, 992–998, 1289–1292, 1299–1301, 1360–1367, 1500, 1676–1682, 1707–1708, 1736–1739, 1854–1867, 1903–1906, 1935–1941, 2330–2333, 2354–2355, 2876–2884, 2891, 3402–3404, 4060, 4064, 4074, 4177–4180).

Для сравнения использовались Алфавиты к сказкам Генерального двора 1699–1700 гг.⁶

По моим подсчетам, в 1700–1762 гг. населенными имениями в Европейской России владели представители 5588 фамилий. Сведения о количестве принадлежавших им крестьян приведены в таблице 1.

Таблица 1

Изменения в родовом составе собственников, 1700–1762 гг.

Категория владельцев		1700 г.		1762 г.	
		фамилий	крестьян, тыс. душ	фамилий	крестьян, тыс. душ
всего	<i>абс.</i>	3081	1388	4727	3464
сохранили собственность	<i>абс.</i>	2220	1309	2220	2997
	<i>%</i>	72	94	47	87
утратили собственность	<i>абс.</i>	861	79	нет	
	<i>%</i>	28	6		
новые собственники	<i>абс.</i>	нет		2507	466
	<i>%</i>	нет		53	13

Как видим, за 60 лет в родовом составе помещиков произошли значительные изменения. Число дворянских фамилий выросло в 1,5 раза; 28% фамилий лишились всех своих крепостных, а 53% фамилий, существовавших в 1762 г., являлись «новыми помещиками» и в начале века крестьянами еще не владели. Отмечу, что доля крепостных, принадлежавших этим родам, была очень мала – 6 и 13%, соответственно. Основную массу «новых» собственников, скорее всего, составляли лица уже имевшие дворянский статус, но потерявшие своих крепостных (а, возможно, и землю) в более раннее время. По расчетам исследователей, слой «бескрестьянных» помещиков в XVII–XVIII вв. был очень значителен и в ряде уездов составлял от четверти до трети землевладельцев⁷. Нобилитация за службу, вероятно, не оказала существенного влияния на численность дворян. По данным И.В. Фаизовой, за полвека после принятия Табели о рангах благородное

⁶ РГАДА. Ф. 1209. Алф. 661, 662, 664. По Новгородскому уезду использовались данные 1678 г. [6, с. 268–272]. Число душ на 1700 г. рассчитано исходя из средней населенности двора в 1678 г. (3,7 души). В Алфавитах нет сведений по некоторым уездам [5, с. 36]. Насколько имеющиеся данные 1699–1700 гг. сопоставимы с материалами III ревизии? Исключим отсутствующие уезды из расчетов по III ревизии и сравним результаты с итогами, полученными на основе «полных данных». В целом по стране, распределение крепостного населения между группами владельцев меняется лишь на 0,7–3,3%, а коэффициенты корреляции – не более, чем на 0,04. Таким образом, тенденции в развитии собственности, выявленные в настоящей работе, носят устойчивый характер, а отсутствие данных по отдельным уездам существенно не влияет на итоги расчетов.

⁷ Например, в Суздальском уезде – 30–34%, в Алексинском – 20–29% [14, с. 155, 182].

сословие обновилось за счет лиц из непривилегированных социальных групп лишь на 9% [13, с. 48].

Представленные расчеты показывают, что 60% дворянских фамилий (3368 из 5588) были не в состоянии сохранить свои имена даже на протяжении двух-трех поколений. Но, как мы увидим далее, устойчивое развитие вотчинного фонда также было весьма распространенным явлением.

Сравним развитие собственности у фамилий из разных социальных групп. Для этого выделим те роды, представители которых входили в правящий слой страны 1613–1762 гг. (580 из 5588). Широкий хронологический диапазон выбран не случайно. Это позволяет сравнить развитие собственности у думных фамилий, представители которых остались в элите первой половины XVIII в., и у тех родов, которые утратили былое влияние. Общий перечень из 580 фамилий дополнительно разделим на девять групп в зависимости от того, когда первому представителю рода удалось войти в правящий слой – получить думный чин (XVII в.) или чин 1–5 классов Табели о рангах (XVIII в.)⁸. Например, согласно этому критерию, Шереметевы и кн. Голицыны были отнесены к группе «до 1613», кн. Волконские и кн. Прозоровские – к группе «1613–45», Нарышкины и Лопухины – к группе «1645–76» и т.д. Итоговая статистика по этим девяти группам представлена в виде графиков на рисунке 1. Там же, для сравнения, приведены сведения и по десятой группе – фамилиям, не связанным с правящим слоем (5008 родов)⁹.

Сначала рассмотрим первый график (ρ_1). Он иллюстрирует взаимосвязь между количеством крестьян, принадлежавших владельческим фамилиям в начале XVIII в. и по III ревизии. Как видим, развитие собственности основной массы дворян, не входивших в правящий слой, было слабо предсказуемо ($\rho_1 = 0,18$). Напротив, у фамилий связанных с элитой, стабильность вотчинного фонда была гораздо выше (коэффициенты по группам: от 0,49 до 0,78; общий: 0,60). Второй график (ρ_2) показывает зависимость размеров душевладения к середине XVIII столетия от тех перемен, которые произошли с собственностью в предшествующее время (1700–1762 гг.). Замечу, что эти изменения могли быть вызваны совершенно разными причинами как благоприятного, так и негативного свойства: выгодный брак, получение наследства или доходной должности, долги, которые вынуждали помещика

⁸ Перечень архивных и опубликованных источников, использованных для выявления состава правящего слоя 1700–1762 гг. см.: [17].

⁹ Здесь и далее используется коэффициент ранговой корреляции Спирмена (ρ). Вариационные ряды, раздельно по каждой из десяти групп, были «очищены» от выбросов (критерий «трех сигм»). Все коэффициенты, за исключением особо оговоренных случаев, являются статистически значимыми ($p\text{-value} < 0,05$). Коэффициенты рассчитаны с учетом «нулевых значений» (для фамилий, не владевших крепостными в начале или в конце изучаемого периода).

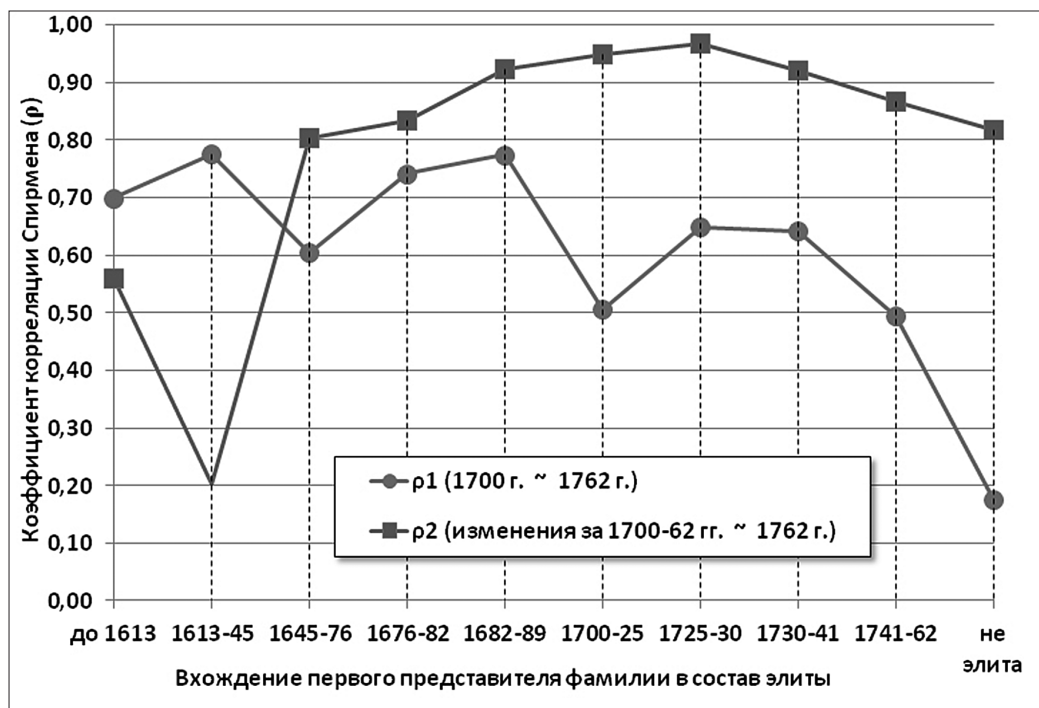

Рис. 1. Коэффициенты корреляции (душевладение дворянских фамилий).

Примечание: Коэффициенты корреляции, отмеченные маркерами (т.е., все кроме одного), являются статистически значимыми.

продать часть имения, фавор или немилость при дворе и т.д. Если сравнить взаимное расположение двух графиков, то видна четкая тенденция – чем раньше представителям рода удавалось войти в состав правящего слоя, тем более предсказуемым становилось развитие собственности. У первых двух групп, связанных с Думой до 1645 г., «результаты» эволюции вотчинного фонда, в основном, зависели от «стартовых позиций» (график ρ_1 находится выше, чем ρ_2). У думных фамилий 1645–1689 гг. линии графиков меняются местами, но показатели довольно близки. Таким образом, принадлежность к «старой элите» являлась стабилизирующим фактором, причем не только у думных фамилий, причастных к власти в XVIII в. ($\rho_1 = 0,60$), но и у тех, кто утратил былое влияние ($\rho_1 = 0,47$). У следующих четырех групп (1700–1762 гг.) расстояние между графиками значительно увеличивается. Таким образом, благосостояние «новичков», вошедших в правящий слой лишь в XVIII в., главным образом, зависело от характера перемен, происходивших с их вотчинами непосредственно в изучаемый период, и только во вторую очередь – от исходных размеров собственности. Как мы увидим далее, именно «новички» ($\rho_2 = 0,92$), а не представители думных фамилий

($\rho_2 = 0,69$), в первой половине XVIII столетия в полной мере воспользовались шансами на расширение своих вотчин.

Выявленные тенденции в развитии собственности позволяют объединить фамилии, связанные с правящим слоем, в три большие группы: I – «до 1613–1645», II – «1645–1689» и III – «1700–1762». К IV группе отнесены фамилии, представители которых не входили в состав элиты. Именно эта группировка в дальнейшем будет использоваться при анализе.

Сразу отмечу, что преемственность родового состава этих четырех групп была неодинакова. У «старых» фамилий она являлась самой высокой: в I группе собственность на протяжении 1700–1762 гг. смогли сохранить 85% родов, во II группе – 94% (в целом, по думным фамилиям – 90%). Родовой состав помещиков из «новых» фамилий (III группа) был менее устойчив – 71%, а у основной массы дворян (IV группа) показатель и вовсе являлся низким – 35%¹⁰. Проверим следующую гипотезу. Быть может коэффициенты корреляции (высокие – у I–II групп, средние – у III, низкие – у IV) объясняются только изменчивостью родового состава групп? Сравним коэффициенты по всем фамилиям и тем родам, которым удалось сохранить собственность в течение всей первой половины XVIII в. (таблица 2)¹¹.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции (душевлание дворянских фамилий; I–IV группы)

Социальная группа		фамилии			
		все		сохранившие собственность	
		ρ_1	ρ_2	ρ_1	ρ_2
Элита (I–III гр.):		0,60	0,80	0,70	0,79
I группа (до 1613–1645)		0,72	0,51	0,88	0,50
II группа (1645–1689)		0,70	0,85	0,71	0,85
III группа (1700–1762)		0,57	0,92	0,65	0,93
Думные фамилии (I–II гр.):		0,70	0,69	0,78	0,69
I–II группы в элите XVIII в.	- остались*	0,60	0,70	0,65	0,73
	- выбыли*	0,67 / 0,60	0,56 / 0,86	0,76 / 0,60	0,59 / 0,86
		0,47	0,59	0,75	0,48
		0,21 / 0,62	0,67 / 0,61	0,74 / 0,73	0,51 / 0,56

¹⁰ Доли рассчитаны от общего числа фамилий по каждой группе в 1700–1762 гг.: I группа – 62 рода из 73, II – 94 из 100, III – 290 из 407, IV – 1774 из 5008, все фамилии – 2220 из 5588.

¹¹ Под «сохранившими собственность» подразумеваются фамилии, которые как в 1700 г., так и в 1762 г. владели крепостными (любым количеством).

Не элита (IV гр.)	0,18	0,82	0,52	0,84
Все фамилии	0,31	0,81	0,68	0,80

Примечание: ρ_1 (1700 г. ~ 1762 г.); ρ_2 (изменения за 1700–62 гг. ~ 1762 г.).

*В верхней строке приведены общие показатели по думным фамилиям; в нижней – раздельно по I / II группам; один коэффициент (0,21), является статистически незначимым.

Как видим, после исключения из расчета фамилий, не владевших вотчинами в начале или в конце периода, закономерность не исчезла. Напротив, она проявилась отчетливее – чем раньше представителям рода удавалось войти в состав элиты, тем более устойчивым становилось развитие собственности.

Обратим внимание на фамилии из I–II групп. Чем отличалось развитие собственности тех, кто сохранил свои позиции в элите 1700–1762 гг. и тех, кто из нее выбыл? Рассмотрим коэффициенты в правой части таблицы (это позволяет исключить те случаи, когда разорение произошло из-за пресечения рода)¹². Расчеты показывают, что вотчинный фонд фамилий оставшихся у власти ($\rho_1 = 0,76$ и $0,60$) и выбывших из элиты ($\rho_1 = 0,74$ и $0,73$) был устойчивым. Однако заметны и явные различия: причастность к власти делала развитие собственности II группы более динамичным ($\rho_1 = 0,60$; $\rho_2 = 0,86$), но мало влияла на I группу ($\rho_1 = 0,76$ и $0,74$; $\rho_2 = 0,59$ и $0,51$). У самой старой части элиты размеры душевладения к 1762 г. определялись, главным образом, «стартовыми позициями» рода в начале столетия. Благодаря обширным родственным связям, длительной службе на высших государственных постах и накопленным богатствам положение этих фамилий было очень прочным. Оно мало зависело от краткосрочной придворной конъюнктуры, смены монарха, опалы отдельных представителей рода или конфискации их вотчин.

Попробуем оценить какая часть дворянства обладала возможностями для устойчивого развития собственности в течение двух-трех поколений. Как видим, без учета 60% фамилий, владевших вотчинами только в 1700 г. или в 1762 г., коэффициенты по IV группе и всему дворянству резко повышаются до уровня средних (с 0,18 до 0,52; с 0,31 до 0,68, соответственно). Таким образом, относительно устойчивое развитие собственности демонстрировали 40% дворянских фамилий (2220 из 5588). Они контролировали практически весь вотчинный фонд страны (87–94% крепостных). Среди этих фамилий – 446 родов из I–III групп (8%), которым принадлежали 60–66% крепостных ($\rho_1 = 0,70$), и 1774 рода из IV группы (32%), в соб-

¹² Думным фамилиям, представители которых в 1700–1762 гг. не входили в состав элиты (61 род), принадлежало 138–126 тыс. крепостных. Фамилии, сохранившие свои позиции во власти (95 родов), были намного состоятельнее – 959–1369 тыс. душ.

ственности которых находилось 27–28% крестьян ($r_1 = 0,52$). В подавляющем числе случаев, утрата части вотчин здесь с лихвой компенсировалась естественным приростом среди крестьян и приобретением новых имений, в том числе, другими представителями рода и в иных уездах. Подчеркну, что устойчивость прослеживается лишь на «макроуровне» (собственность дворянской фамилии) и почти не заметна на примере отдельных имений, которые часто меняли владельцев.

Теперь рассмотрим общие данные о распределении крепостных крестьян между владельцами из разных социальных групп, а также те изменения, которые произошли в родовой структуре собственности за 1700–1762 гг. (таблица 3)¹³. Несколько слов о методике подсчета. Сначала по Алфавитам к сказкам Генерального двора 1699–1700 гг. и материалам III ревизии была рассчитана доля крестьян, принадлежавших каждой группе фамилий в 1700 г. и 1762 г. Объем выборки очень значителен (86% крестьянских дворов по переписи 1678 г. и 75% крепостных по III ревизии), поэтому полученные доли крестьян по социальным группам владельцев можно рассматривать как общероссийские. Затем, на основании данных Я.Е. Водарского и В.М. Кабузана о численности помещичьих крестьян в Европейской России (в регионах, где проводилась первая ревизия, и в Слободской Украине¹⁴), были вычислены абсолютные показатели.

Таблица 3

Распределение крестьян в 1700–1762 гг. (по группам владельцев)

Социальная группа(владельцы)	1700 г.		1762 г.		рост, раз	рост, тыс. душ
	тыс. душ	%	тыс. душ	%		
Элита (I–III гр.):	1581	69	3002	66	1,9	1421
I группа (до 1613–1645)	696	30	809	18	1,2	113
II группа (1645–1689)	459	20	687	15	1,5	228

¹³ Как было показано выше, состав групп в 1700 г. и 1762 г. различался (иногда, очень значительно). Поэтому оценка устойчивости родовой собственности на основе таблицы 3 невозможна. Для этой цели в статье представлены результаты корреляционного анализа, который учитывает изменения в численности крестьян, принадлежавших каждой из 5588 фамилий.

¹⁴ В 1678 г. на этой территории проживало 2,3 млн душ помещичьих крестьян (с учетом населения, которое уклонилось от переписи), а по III ревизии – 4,5 млн. Обратим внимание, что в работах В.М. Кабузана используется губернское деление начала XIX в. По его данным, на территории, охваченной I общей ревизией, III ревизия учла 4401599 душ помещичьих крестьян. Вычтем из этого числа крестьян, проживавших в Сибири (2087 душ), и добавим тех, кто жил в Харьковской губернии (149165). В итоге, получим 4548677 душ. Владельческие малороссияне у В.М. Кабузана включены в число помещичьих крестьян. Территории Харьковского, Изюмского, Ахтырского, Сумского слободских полков первой половины XVIII в., по делению начала XIX столетия, относилась к Харьковской губернии, а Острогожского полка – к Воронежской губернии. Часть уездов Белгородской губернии первой половины XVIII в. к 1806 г. вошла в Харьковскую губернию [5, с. 93, 95; 9, с. 89, 180; 10, с. 185–186].

III группа (1700–1762)		425	18	1506	33	3,5	1081
Думные фамилии (I–II гр.):		1155	50	1496	33	1,3	340
элита XVIII в.	- остались	979	43	1369	30	1,4	391
	- выбыли	177	8	126	3	0,7	-51
Не элита (IV гр.)		719	31	1547	34	2,2	827
Все фамилии		2300	100	4549	100	2,0	2249

Как видим, доля крестьян, принадлежавших фамилиям, связанным с правящим слоем, была очень высокой, но, вместе с тем, почти не изменилась – 69–66%. Следовательно, расширения собственности «сильных» фамилий за счет основной массы дворян в первой половине XVIII в. не наблюдалось (скорее, можно говорить о едва заметной обратной динамике). Процесс «концентрации» имений в руках «крупного дворянства» также не прослеживался: согласно коэффициенту Джини, уровень имущественного неравенства в этот период был примерно одинаков (1700 г. – 0,72; 1762 г. – 0,74)¹⁵.

Эволюция вотчинного фонда шла по другому пути: перераспределения людских (и, очевидно, земельных) ресурсов от думных фамилий в пользу «новичков», попавших в элиту лишь в 1700–1762 гг. За изучаемый период численность крестьян у «новых» фамилий увеличилась в 3,5 раза, что существенно выше общероссийского показателя (2 раза). Примечательно, что рост наблюдался почти у всех фамилий из этой группы (93%), причем, у четверти из них (27%) – «с нуля» (в 1762 г. им уже принадлежало 289 тыс. душ; 19% собственности III группы). Рост душевладения у I и II групп был ниже общероссийского (1,2 и 1,5 раза). Населенность вотчин у тех думных фамилий, представители которых в XVIII в. выбыли из элиты, даже сократилась. Это произошло, в первую очередь, из-за пресечения фамилий. Расчеты также показывают, что численность крестьян, принадлежавших «новичкам», за 1700–1762 гг. увеличилась (сверх естественного прироста!) на 665 тыс. душ, у IV группы – на 124 тыс., у думных фамилий (I–II группы), напротив, снизилась на 789 тыс.¹⁶

Какие причины привели к столь значительным изменениям? «Территориальный фактор» следует сразу исключить. У всех трех групп, связанных с правящим слоем, доля крестьян, проживавших в районах старого заселения (67–71%) и на осваиваемых территориях, где наблюдалась высокая рождаемость (29–33%), была примерно одинакова.

Самой вероятной причиной эволюции вотчинного фонда было обновление правящего слоя. Но какой фактор стал решающим: непосредственное

¹⁵ При расчете ранжированная по числу душ совокупность данных делилась на квинтили (группы по 20% фамилий).

¹⁶ Дворянству из III группы в 1700 г. принадлежало 425 тыс. душ. К 1762 г. их численность должна была составить 841 тыс. (исходя из общероссийского прироста в 1,978 раза), но фактически выросла до 1506 тыс. душ. Расчет по остальным группам аналогичен.

вмешательство верховной власти (пожалования и конфискации) или же личные и семейные усилия представителей новых фамилий по расширению родового землевладения (в частности, браки и покупка вотчин)?

Пожалованиям и конфискациям, как средству перераспределения собственности, в литературе отводится очень важная роль [3, с. 441–447; 11, с. 6, 45; 8, с. 282; 12, с. 90; 16, с. 397, 399]. Так, по данным Е.И. Индовой, в первой половине XVIII в. дворянству (главным образом, представителям правящего слоя) была пожалована 171 тыс. душ крестьян, в том числе непосредственно из дворцового ведомства – 35 тыс. душ, а из приписных (т.е. ранее конфискованных) – 136 тыс. душ [7, с. 65, 79]. Исключим из перечня те раздачи, где не указана фамилия получателя вотчины (общая населенность – менее 10 тыс. душ), а также ранее конфискованные имения, возвращенные прежним собственникам или их родственникам (27 тыс. душ). В итоге, получим около 135 тыс. душ. Из этого числа, по моим расчетам, представителям I и II групп было пожаловано 85 тыс. крестьян (63%), III группы – 45 тыс. (33%), IV группы – 5 тыс. (4%). Таким образом, власть скорее была склонна поддерживать материальное благополучие «старых фамилий», нежели «новичков», что идет вразрез с выявленной динамикой в структуре собственности (таблица 3). Кроме того, раздачи были не настолько значительны, чтобы привести к существенному росту числа крестьян у III группы (45 тыс. от 665 тыс. душ составляют лишь 7%).

Сведения о конфискованных и выморочных имениях менее полны¹⁷. В первой половине XVIII в. у дворян, монастырей и прочих владельцев были конфискованы вотчины с населением около 75 тыс. душ [7, с. 65], в том числе у представителей думных фамилий – 23 тыс. душ (31%). В это число (75 тыс.) входят лишь крестьяне имений, включенных в состав дворцового ведомства. Численность крепостных в вотчинах, которые были отписаны в казну, но еще не стали дворцовыми и не были розданы новым помещикам, по данным I–III ревизий, была незначительна – 4–9 тыс. душ¹⁸. Таким образом, общие объемы конфискаций за первую половину века будут складываться из трех показателей: вотчин, вошедших в состав дворцового ведомства (75 тыс. душ), имений, уже розданных помещикам из конфискованного имущества (136 тыс. душ), и небольшого числа «отписных» вотчин, которые

¹⁷ Я.Е. Водарский, опираясь на работы В.И. Семевского, Ю.В. Готье и Е.И. Индовой, считал, что сведения о раздачах вотчин «известны». Напротив, существующие в литературе данные о конфискованных и выморочных имениях, он рассматривал как неполные [4, с. 228].

¹⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1163. Ч. 2. Л. 1016 об. Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизии населения России (1646–1858). Вып. III. М., 1972. С. 266. Согласно ведомости 1766 г., в выморочных, конфискованных и отписных за «начеты, недоимку и неплатеж пошлин» вотчинах, которые находились под управлением Канцелярии конфискации, проживало 4810 душ (подсчет по: РГАДА. Ф. 263. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 1043).

продолжали числиться за казной (менее 10 тыс. душ). В итоге получим 221 тыс. душ, а исключив имения, возвращенные родственникам (27 тыс. душ) – 194 тыс. душ. По аналогии с вотчинами, вошедшими в состав дворцового ведомства, рассчитаем общую численность крестьян, конфискованных у представителей думных фамилий (31%) – около 60 тыс. душ. Очевидно, что сокращение собственности I–II групп почти на 800 тыс. душ. произошло не из-за отписки имений. Часть вотчин могла быть пожалована и отписана по 2–3 раза (такие случаи упоминаются в литературе), но это никак не объясняет более чем 10-ти кратную разницу рассчитанных показателей.

В целом, даже при условии неполноты данных о пожалованиях и конфискациях, можно заключить – в первой половине XVIII в. вмешательство верховной власти не оказывало значительного воздействия на структуру вотчинного фонда. Масштабный переход собственности от «старых» к «новым» фамилиям в результате наследования был также невозможен. Сложившаяся система ограничивала выход вотчин за пределы рода, отдавая предпочтение ближайшим родственникам мужского пола. По моим данным, 77% собственности (крепостных крестьян) наследовалось мужчинами, 82% – от мужчин, 71% – сохранялось в рамках нуклеарной семьи (супружеской пары с детьми) [15, с. 151–154]. Таким образом, решающими факторами перераспределения вотчинного фонда следует признать куплю-продажу и заклад имений.

Подведем основные итоги. Анализ материалов подворных и подушных переписей подтверждает распространенную точку зрения об активной мобилизации дворянских вотчин. Однако, что касается проблемы стабильности родовой собственности, то картина оказывается более сложной, нежели это до сих пор описывалось в литературе. По моим расчетам, 60% дворянских фамилий были не в состоянии сохранить свои имения и крепостных даже на протяжении двух-трех поколений. С другой стороны, 40% родов, владевших основной массой крестьян (87–94%), демонстрировали относительно устойчивое развитие вотчинного фонда. Если дополнительно принять во внимание, что первая половина XVIII в. была временем масштабных перемен в жизни страны – петровских реформ, роста социальной мобильности (в том числе, в составе элиты), ликвидации поместных раздач, как средства «поддержки» дворянства со стороны власти, – то уровень стабильности родовой собственности в этот период можно расценивать как очень высокий.

Представленные в статье данные также важны для анализа взаимоотношений правящего слоя и монарха. Во многих работах, рассматривавших Россию как «деспотическое» или «патримониальное» государство, акцент делался на «репрессивных» механизмах контроля самодержавия над эли-

той. Довольно образно российскую власть XVIII в. описал Е.В. Анисимов: она обладала «правом править без права», а «специфика собственности», по его мнению, заключалась в том, что «все принадлежит государю, дается им и отнимается им же» [2, с. 53–61; 1, с. 661]. На мой взгляд, практическая деятельность самодержавной власти не дает оснований для таких выводов. Конфискация вотчин не являлась произвольной, а использовалась как санкция в делах по государственным преступлениям, казнокрадству, расколу и уклонению от службы (последнее, главным образом, при Петре I). Кроме того, как показал проведенный анализ, перераспределение вотчинного фонда от думных к новым фамилиям, в основном, осуществлялось частнопровыми методами (купля-продажа, заклад), а роль конфискации и пожалований была незначительной.

Таким образом, «мягкие» формы контроля элиты были весьма эффективны. Корона даже не нуждалась в «чрезвычайных» средствах перераспределения собственности – ее родовая структура «естественным образом» изменялась вслед за составом правящего слоя. Вероятно, причастность к власти позволяла «новичкам» аккумулировать значительные средства, которые затем шли на покупку вотчин. Столь же гибкий подход власть проявляла в вопросах регулирования дворянской службы. Бедность и зависимость дворян от денежного жалования позволили правительству с 1730-х гг. перейти к либерализации службы (сокращению ее сроков, длительным отпускам), а в 1762 г. – и вовсе отменить ее обязательность [18, р. 298].

Литература

1. *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.
2. *Анисимов Е.В.* Самодержавие XVIII века: право править без права // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Bd. 58. Wiesbaden, 2001. S. 53–61.
3. *Васильчиков А.И.* Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. 1. СПб., 1876.
4. *Водарский Я.Е.* Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в.: размеры и размещение. М., 1988.
5. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977.
6. *Дегтярёв А.Я.* Избранные труды по русской истории. Т. 1. М., 2006.
7. *Индова Е.И.* Дворцовое хозяйство в России: первая половина XVIII века. М., 1964.
8. *Индова Е.И.* К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // *Дворянство и крепостной строй России XVI – XVIII вв.* М., 1975. С. 272–292.

9. *Кабузан В.М.* Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1971.
10. *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963.
11. *Карнович Е.П.* Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1874.
12. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в). Т. 1. СПб., 2003.
13. *Фаизова И.В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999.
14. *Черненко Д.А.* Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII–XVIII вв.: опыт региональной типологии. Вологда, 2008.
15. *Черников С.В.* Власть и собственность: особенности мобилизации земельных владений в Московском уезде в первой половине XVIII века // *Cahiers du Monde russe*. 2012. 53 (1). P. 141–245.
16. *Шенукова Н.М.* Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII – первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г. Вильнюс, 1964. С. 388–419.
17. *Chernikov S.* Les carrières des généraux en Russie de 1730 à 1763: L'influence des réformes de Pierre le Grand sur la mobilité sociale dans la composition des élites // *Cahiers du Monde russe*. 2016. 57 (2–3) (в печати).
18. *Chernikov S.* Noble Landownership in 18th-Century Russia: Revisiting the Economic and Sociopolitical Consequences of Partible Inheritance // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2016. 17 (2). P. 277–304.

Демографическое развитие Оренбургской губернии в I половине XIX в. и его влияние на состояние земледелия в крае

В статье затронуты вопросы состояния народонаселения и экономического положения Оренбургской губернии в первой половине XIX в. Наблюдения автора по большей части основаны на отчетах оренбургских губернаторов, а также опубликованных источниках и литературе.

Ключевые слова: демография, население, земледелие, Оренбургская губерния, губернаторы, крестьяне, башкиры.

В 1800–1850 гг. население Оренбургской губернии выросло с 884787 до 2393628 человек (2,7 раза). В основе такого быстрого роста населения Оренбургской губернии лежали два фактора: естественный прирост и приток крестьянского населения из внутренних губерний России. Естественный прирост в губернии в 40-х – начале 50-х гг. составлял 1,4–1,7% в год. Остальной прирост приходил за счет переселенцев. В 1800–1816 гг. в губернию ежегодно переселялось более 14 тыс. человек, в 1816–1834 гг. – около 18 тыс. человек; в 1835–1850 гг. – около 9 тыс. человек [2, с. 336].

Наибольшее количество переселенцев дала Тамбовская губерния, за ней следовали Пензенская, Воронежская и Курская губернии. Главной причиной, вынуждавшей крестьян покидать родные места, распродавать последний скот и имущество и отправляться в далекий путь в поисках свободной земли, было малоземелье, а также возрастающие недоимки.

В рассматриваемое время в Оренбургскую губернию переселилось всего 694 тыс. человек [7, с. 126]. Ими осваивались юго-западная (Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский уезды) и юго-восточная (Оренбургский, Троицкий, Челябинский уезды) части губернии.

Резкое увеличение земледельческого населения в первой половине XIX в. способствовало развитию хлебопашества в крае. Так, если в 1800 г. в Оренбургской губернии было засеяно 1 млн 298 тыс. четвертей хлеба [2, с. 364], в 1834 г. – 1 млн 834, 6 тыс. четвертей², в 1836 г. – 2 млн 495 тыс. четвертей³, в 1849 г. – 3 млн 197 тыс. четвертей, а в 1850 г. посеы озимых и яровых хлебов составляли 3 млн 169,6 тыс. четвертей хлеба⁴. Снижение

¹ Акъюлов Азамат Сулейманович, кандидат исторических наук, Башкирский государственный университет, a.azamat19-77@mail.ru, Россия, г. Уфа.

² НА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 79. Л. 85.

³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11377. Л. 30–31.

⁴ НА РБ. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 63. Л. 363–366.

показателей в 1850 г. объясняется выходом из состава губернии Бугульминского, Бугурусланского и Бузулукского уездов.

Преобладающая часть посевов принадлежала крестьянскому населению. На долю государственных, помещичьих и удельных крестьян в 1856 г. приходилось 52% посевов хлебов; башкир, мишарей, тептярей – 32%; оренбургских казаков – 11%; горнозаводского населения – 2,6%; уральских казаков – 1,6% [4, с. 103–104].

Относительно обеспеченности земель, следует отметить, что в начале XIX в. в Оренбургской губернии на одну душу мужского пола приходилось в среднем по 82,4 дес. земли, а в 30-е годы XIX в. – по 45,9 дес. [2, с. 364]. Это были наиболее высокие показатели по стране. Земля в крае отличалась плодородием. В десяти из двенадцати уездов Оренбургской губернии преобладала черноземная почва.

Как отмечали в своих отчетах губернаторы, наличие благоприятных факторов для экстенсивного роста земледелия не создавало стимулов для интенсификации земледельческого производства. Прогресс в земледелии происходил не за счет использования улучшенных сельскохозяйственных орудий и применения более прогрессивных систем, а преимущественно за счет распашки новых земель и увеличения числа сельских производителей. Поэтому в тех уездах (Бузулукский, Оренбургский, Троицкий), где земли были в изобилии, господствующей системой был перелог, который встречался также и у многоземельных башкир в некоторых уездах.

Само собой разумеется, что такой способ пользования землей, при умножающемся народонаселении, делался с каждым годом все более и более затруднительным, потому что свободные участки земель постоянно сокращались или отодвигались на значительные расстояния от местожительства. Вследствие этого земледельцы были вынуждены вновь подвергать обработке оставленные в залежь земли, не дав им времени для восстановления плодородия (известно, что на это нередко требуется 15–20 лет).

Все же на севере и северо-западе края заметно расширилось трехполье. Переходу к этой системе способствовало также и то, что свободные казенные земли, отдаваемые в оброчное содержание, велено было по распоряжению губернской администрации разбивать на участки и подчинять их трехпольной системе [8, с. 287]. По отчету гражданского губернатора за 1856 г. видим, что к этому времени господствующей системой земледелия стала трехпольная⁵.

Наиболее распространенными культурами были рожь (озимая и ярица) и овес. Сеяли также пшеницу (простую и несколько ее видов, как-то: белотурку, кубанку и черноколоску), полбу, овес (простой и многоплодный),

⁵ НА РБ. И-6. Оп. 2. Д. 63. Л. 359.

просо и гречиху. Количество хлеба, производимого в губернии, по отчету оренбургского гражданского губернатора, не только «было достаточно для внутреннего потребления, но также был большой избыток для вывода в другие смежные губернии»⁶.

Однако сбыт его, за неимением хороших водных путей был затруднителен. Некоторые удобства для сбыта имели уезды: Бузулукский и Бугурус-ланский, из которых хлеб шел в г. Самару, где бывал значительный закуп пшеницы. Избыток из Мензелинского и Бирского уездов шел по Белой и Каме. Жители юго-восточных уездов сбывали хлеб киргизам (казахам) и войскам, которые располагались на линии. Внутри губернии хлеб шел на рудоплавильные и винокуренные заводы⁷. В первой половине XIX в. хлебный минимум, необходимый для пропитания одного человека, был определен в 2 четверти (16 пудов) в год [6, с. 21]. В Оренбургской губернии в урожайные 1844 и 1845 гг. на душу населения было собрано соответственно $7\frac{3}{4}$ и $9\frac{1}{2}$ четвертей хлеба. Даже в неурожайном 1850 г. на душу населения приходилось в среднем по 3 четверти собранного хлеба [2, с. 365].

Основная часть продаваемого хлеба доставалась купцам, которые скупали его у крестьян ниже себестоимости. Если в Нижнем Новгороде рожь продавалась по 33–43 копеек за пуд, то в Оренбурге и Уфе ее можно было купить по 13 копеек за пуд [2, с. 365]. Отсутствие удобных средств коммуникаций, низкие цены на хлеб сдерживали развитие зернового производства в крае.

Незначительным было овощеводство. В отчете гражданского губернатора за 1845 и 1846 гг. причиной незначительности овощеводства называется «суровость климата, который требует особенного ухода и издержек»⁸. Здесь же отмечается, что посев картофеля с года в год значительно распространяется⁹. Картофель сажали в малом количестве при своих домах в огородах для домашнего употребления¹⁰. В Оренбургской губернии высаживали картофеля в 4–9 раз меньше, чем в центральных и западных губерниях. Население еще не привыкло к этой новой, трудоемкой культуре. Мало возделывались и другие овощи.

С увеличением земледельческого населения, а также в результате целенаправленной политики властей в первой половине XIX в. произошли большие изменения в хозяйстве башкир. Они постепенно расширяли земледелие. По этому поводу оренбургский гражданский губернатор в своем отчете за 1845 г. отмечает, что «башкиры мало-помалу привыкают к труду и

⁶ Там же.

⁷ НА РБ. И-6. Оп. 2. Д. 63. Л. 360.

⁸ НА РБ. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 61. Л. 27.

⁹ Там же.

¹⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11538. Л. 3–4.

посевы между ними год от году усиливаются. Притом сделано предложение кочевые кантоны снабдить правилами о введении правильного 3-х полевого хлебопашества»¹¹. Ломка скотоводческого уклада и переход к земледелию и оседлости, часто без учета местных условий, форсировался царской администрацией и особенно усилился после издания закона 7 апреля 1832 г. По этому закону башкирскому населению земля отводилась из расчета 40 дес. на душу мужского пола, причем количество душ, подлежащих наделению землей, исчислялось по данным седьмой ревизии (1816 г.). Если учесть, что в период между седьмой и девятой ревизиями (1816–1851 гг.) мужское башкирское население увеличилось на 60% (с 146 до 246 тыс. чел.), то фактический душевой надел к середине XIX в. равнялся не 40, а 25 дес. Кроме того, в результате захватов башкирских земель русскими помещиками и заводовладельцами коренное население Верхнеуральского и Оренбургского уездов (где проживала основная масса башкир-скотоводов) было оттеснено в горные и лесистые районы. Все это вынуждало башкир переходить к земледелию или сдавать в аренду свои наделенные земли. Процесс сопровождался упадком скотоводческого хозяйства и массовым разорением коренного населения.

К 50-м гг. северные и северо-западные башкиры (Елабужский и Сарапульский уезды Вятской губернии, Мензелинский и Бирский уезды Оренбургской губернии, Осинский и Пермский уезды Пермской губернии) жили оседло и занимались хлебопашеством. Хотя земледелие являлось главным занятием, по размерам запашки башкиры уступали русским, тептярам. Так, в 1838 г. в Бирском уезде на 1 душу было посеяно озимых башкирами 0,46 четвертей, тогда как у государственных крестьян на 1 душу приходилось 0,83 четвертей, у помещичьих крестьян – 1,4 четвертей. В 1839 г. у башкир на 1 душу было посеяно яровых 0,34 четвертей, а у государственных крестьян – 0,44 четвертей, у помещичьих – 0,89 четвертей, тептярей – 0,7 четвертей и у мишарей – 0,4 четвертей [9, с. 90–91].

На западе, юго-западе, в центре и на северо-востоке края (Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский уезды Самарской губернии, Белебеевский, Уфимский и часть Троицкого уезда Оренбургской губернии, Красноуфимский и Екатеринбургский уезды Пермской губернии) основным занятием башкирского населения также стало земледелие. Однако во многих волостях сохранилось еще скотоводческое хозяйство и летние кочевки башкир. В Красноуфимском и Екатеринбургском уездах полукошачьим скотоводством занимались 46%, в остальных уездах района – 17–22% башкир [1, с. 34–35]. Этот район был объектом широкой колонизации. Число переселенцев в первой половине XIX в. намного превышало число ко-

¹¹ НА РБ. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 61. Л. 27.

ренных жителей. Резкий рост численности населения и развитие припуска вызвали перераспределение земельных площадей. Это, как известно, нашло впоследствии отражение в Указе 1832 г. По нему душевой надел башкира определялся в 40 десятин. На таком участке скотоводческое хозяйство с зимней тебеневкой вести невозможно. Таким образом, в течение XVIII и начале XIX в. в этом крае одновременно с усиленной колонизацией происходил процесс перехода башкир от полукочевого к оседлому образу жизни. Главным занятием южных и восточных башкир (Стерлитамакский, Оренбургский, Верхнеуральский, Челябинский, часть Троицкого уезда Оренбургской губернии, Шадринский уезд Пермской губернии) было полукочевое скотоводство. Удельный вес таких хозяйств в Шадринском уезде составлял 60%, в остальных уездах – 78–93% [1, с. 34–35]. В степных волостях наряду со скотоводством население также занималось хлебопашеством. Однако посевы были незначительны.

В полукочевом скотоводстве башкир царская администрация видела зло, мешающее отчуждению их земель и улучшению благосостояния коренного населения [2, с. 368]. В этих условиях власти принудительными методами стали ускорять переход башкир к оседлому земледелию. В 1845 г. оренбургский генерал-губернатор Обручев потребовал увеличения башкирами посевов. В 1850 г. командующий Башкиро-мещерякским войском приказал кантонным начальникам, чтобы они имели «самое бдительное наблюдение за этою, совершенно необходимою отраслью сельского хозяйства и всемерно старались об увеличении подведомственными им башкирами засевок собственного хлеба, и, чтобы развить в них более трудолюбие к земледелию и вместе с тем удержать от праздной и ленивой жизни, приказать кочевым башкирам, в таком только случае выходить в летнее время на кочевку, когда каждым из них будет вспахана и засеяна хлебом земля» [5, с. 55].

В этих условиях, выполняя приказания губернского начальства, начальники кантонов запрещали башкирам выезжать на кочевки, заставляли их заниматься хлебопашеством. Иногда дело доходило до потравы на кочевьях, порки башкир за плохую обработку полей и огородов. В то же время продолжались захваты башкирских земель помещиками, горнозаводчиками и казной. Все это привело к резкому сокращению поголовья скота.

Однако не все губернаторы были сторонниками принудительных методов перехода башкир к земледелию и оседлости. Так, оренбургский военный губернатор В.А. Перовский был противником обширных и радикальных преобразований всего края. Управление отдельными сословиями и народами он предлагал устроить согласно их традиционному быту и характеру. Он настаивал на постепенном переходе башкир к оседлости и земледелию, резко выступал против насильственных мер в этом вопросе [3, с. 50].

Таким образом, интенсивный рост населения за счет переселений в Оренбургской губернии на протяжении первой половины XIX в. и, как следствие этого, увеличение плотности населения способствовали развитию хлебопашества и утверждению в крае более передовых систем земледелия. Коренные изменения произошли и в хозяйстве башкир. Шел процесс перехода от полукочевого скотоводства к хлебопашеству. В середине XIX в. башкиры-хлебопашцы уже «сбывали свой хлеб на рынках, в окольных селениях, частных заводах и городах»¹². Свое развитие получило в это время среди башкир также и огородничество¹³. Но с другой стороны, из-за сокращения земельных угодий башкир, из-за насильственной политики перехода к оседлости наблюдался упадок башкирского скотоводческого хозяйства, которое веками было основой экономики башкирского народа.

Литература

1. *Асфандияров А.З.* Хозяйство башкир в первой половине XIX в. // Страницы истории Башкирии. Уфа, 1974. С. 33–48.
2. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. / Под ред. Х.Ф. Усманова. Уфа, 1996.
3. История башкирского народа: в 7 т. / Гл. ред. М.М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. Т. IV. СПб., 2011.
4. История Оренбуржья / Сост. Л.И. Футорянский. Оренбург, 1996.
5. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч.2. Уфа, 1959.
6. *Сивков К.В.* Некоторые итоги развития зернового хозяйства в Европейской России на рубеже XVIII–XIX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958 г. Таллин, 1959. С. 21–32.
7. *Тарасов Ю.М.* Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII – первая пол. XIX вв. М., 1984.
8. *Черемшанский В.М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859.
9. *Янгузин Р.З.* Из истории основных направлений хозяйства башкир в первой половине XIX в. // Очерки истории дореволюционной России. Сб. ст. Уфа, 1975. Вып. II. С. 87–100.

¹² НА РБ. Ф. И.-2 Оп. 1. Д. 7150. Л. 5.

¹³ Там же.

Башкирское землевладение и начальный этап развития золотодобывающей промышленности на Южном Урале (середина XIX в.)

В статье рассматривается специфика башкирского вотчинного землевладения середины XIX в. с точки зрения права пользования недрами на примере добычи золота.

Ключевые слова: башкиры, золотодобывающая промышленность, землевладение.

Значительная часть земли и природных ресурсов края в первой половине XIX в. принадлежала башкирам. В целях социально-экономического развития региона, создания благоприятных условий для привлечения капитала правительство должно было урегулировать вопросы землевладения и землепользования в Башкирии. Однако политика российского правительства в решении этих вопросов отличалась своей неоднозначностью. Подтверждением этого служит история золотодобычи на землях, принадлежащих башкирам.

Для развития частной золотопромышленности на башкирских землях важное значение имел закон от 10 апреля 1832 г. «О правах башкирцев на принадлежащие им земли в Оренбургском крае»². Закон признавал «башкирцев владельцами всех тех земель, кои ныне безспорно им принадлежат», а также прекращал действие указа от 11 октября 1818 г., «коим воспрещена была продажа башкирских земель». 2 сентября 1833 г. были опубликованы «Высочайше утвержденные правила, во исполнение Высочайшего указа 10 апреля 1832 г., составленные на продажу и отдачу в кортому башкирцами вотчинных земель их»³. По закону земельные сделки переходили под непосредственный контроль военного губернатора. Он оценивал, выгоден или нет башкирам заключаемый ими контракт об отдаче земли в аренду. Ему также принадлежало последнее слово при его утверждении.

Вопрос о том, разрешено ли было башкирам в изучаемое время лично владеть приисками и добывать золото на своих вотчинных землях, законодательно не был урегулирован. Об этом красноречиво свидетельствует дело башкира 8 кантона 18 юрты деревни Такиной Мухаметкарима Мухамаева. В октябре 1857 г. им было найдено золото на землях, принадлежащих башкирам этой юрты, около д. Тляшевой. Мухамаев изъявил желание начать

¹ Мударисов Рамиль Зуфарович, доктор исторических наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Уфимский филиал, mudarisov_ramil@mail.ru, Россия, г. Уфа.

² Полное собрание законов. II. Т. VII. № 5287.

³ Там же. Т. VIII. № 6334.

разработку найденного золота и доложил об этом своему начальству: юртовому старшине Мирасу Хисаметдинову, кантонному начальнику Белякову, попечителю 3 округа майору Бородовицину, а также в земскую полицию, но «все его объявления остались без последствий». Между тем открытый им золотой прииск стал «разрабатываться какими-то купцами». Тогда Мухамаев обратился с прошением на имя Александра II выдать ему разрешение на отыскание других месторождений. В прошении он писал: «Я имею непоколебимое желание приискывать и другие золотые пески, которые могут приносить государству пользу»⁴. Прощение попало на рассмотрение Главному начальнику горных заводов Уральского хребта генерал-майору Ф.И. Фелькнеру. Последний 3 октября 1859 г. препровождает его оренбургскому и самарскому генерал-губернатору А.А. Катенину, сославшись на то, что Мухамаев «по званию своему принадлежит не горному ведомству и предмет его просьбы относится до земель, находящихся в распоряжении начальства башкирского войска, и при том в просьбе этой заключена претензия на то же начальство»⁵.

По существу вопроса, имеют ли право башкиры владеть золотыми приисками и сами разрабатывать их, оренбургским и самарским генерал-губернатором А.П. Безаком в письме министру финансов от 6 февраля 1861 г. было высказано следующее мнение. В гражданском законодательстве было указано, что владеющие землей башкиры-вотчинники «распоряжаются не на одну поверхность, но и на самые ее недра». Горное законодательство также разрешало каждому собственнику «искать, копать, плавить, варить и чистить металлы: золото, серебро, медь, олово, свинец, железо, а также минералы, драгоценные камни и все то по собственному своему произволу обрабатывать»⁶. Вместе с тем круг людей, по закону имеющих право заниматься золотопромышленностью, был строго ограничен. Башкиры в их число не входили.

Следовательно, с одной стороны, башкирам, как собственникам земель, не запрещалось самим владеть приисками и добывать золото, но, с другой стороны, по горному уставу они не имели на это права. Поэтому генерал-губернатор просил у министра финансов «отзыва», т.е. разъяснения этого противоречия в законодательстве. Со своей стороны, он считал, что «на точном основании» Устава горного башкиры не должны быть лишены права «лично самим заниматься разработкой золота в своих землях, с соблюдением при этом общего правила, обязывающего всякое лицо, вступающее в сделку с

⁴ ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 10156. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Свод законов Российской империи... Устав горный. Т. VII. Ст. 560; ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 10156. Л. 10.

башкирами, заключать условие с двумя третями вотчинников»⁷. В ответе, полученном генерал-губернатором 10 августа 1861 г. от товарища министра финансов, говорилось: он согласен, что «для развития золотопромышленности полезно было бы предоставлять права» разработки золота башкирам. Это было бы по существу «не дарование нового права башкирам», а лишь «согласование» противоречия в законодательстве⁸. Также с целью развития золотопромышленности товарищ министра считал возможным разрешить золотодобычу не только башкирам, но и тептярям, не имеющим вотчинных прав на землю, и казакам Оренбургского казачьего войска, «имеющих земли в пользовании, а не во владении»⁹.

Таким образом, в исследуемое время башкиры собственными золотыми приисками не владели. Даже в том случае, когда находили золото на своих вотчинных землях, разрешения на его добычу им не давали, что говорит об ограниченном характере их собственности на землю. В пользу этого утверждения говорит и то обстоятельство, что закон вообще допускал конфискацию вотчинной земли у башкир для различных государственных целей. Таким образом, официально признавая вотчинное право башкир, правительство в то же время подчеркивало и условность его. Разрешение заниматься золотопромышленностью лицам всех сословий было дано только в 1870 г. с введением Устава о частной золотопромышленности¹⁰. Поэтому до этого времени башкиры-вотчинники вынуждены были отдавать золотоносные участки в аренду частным лицам, по закону имеющим право на золотодобычу.

К таковым относились только русские подданные: «1) дворяне потомственные и личные, служащие и неслужащие...; 2) почетные граждане потомственные; 3) купцы 1-й и 2-й гильдии и торгующие на правах которой-либо из сих гильдий. Но отставные от службы с тем, чтобы впредь не определять, и оглашенные по суду изобличенным в поступках предосудительных, не имеют права на получения дозволения заниматься золотопромышленностью..., хотя бы и принадлежали к сословиям лиц вышеозначенных»¹¹. Другими словами, лица, находящиеся или бывшие под судом, лишались права заниматься золотодобычей. Прииски их передавались другим лицам. Частный золотой промысел в Оренбургской губернии разрешался также «лицам на службе по выборам от дворянства состоящим»¹². Личные дворяне и почетные граждане для производства зо-

⁷ ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 10156. Л. 10.

⁸ Там же. Л. 12–13.

⁹ Там же.

¹⁰ Горный журнал. 1870. № 9. С. 58–107.

¹¹ Свод законов Российской империи... Устав горный. Т. VII. Ст. 2432.

¹² Там же. Ст. 2429.

лотого промысла обязаны были иметь «установленные для 2-й купеческой гильдии свидетельства»¹³.

Аренда башкирских земель происходила на следующих условиях:

1. Золотопромышленник, приступая к разведке золота, должен объявить о своем намерении начальнику кантона.

2. В случае нахождения золота он обязан заявить о своем открытии кантонному начальнику.

3. Получить согласие башкир на отдачу в оброчное содержание земли и заключить с ними договор. В условиях договора обязательно указывались «урочища, отдаваемые в оброк; сумма подлежащая к уплате вотчинникам; права владельцев и контрагентов в случае неустойки; право отыскания золота ограничивалось одним годом».

4. Договор свидетельствовался у юртового старшины и кантонного начальника¹⁴.

Вотчинниками считались «все башкиры, к одной волости или тюбе принадлежащие, хотя бы они разделялись на разные команды и даже состояли в разных уездах». На заключение договора должны были дать согласие две трети членов общины с 20-летнего возраста «без всякого преимущества в пользу чиновных из них».

Кантонные начальники и старшины участвовали в договоре наравне с рядовыми вотчинниками и только в том случае, «когда они принадлежат к той волости, которая продает землю; но чиновачалие в сем случае не имеет никакого перевеса или влияния». Кантонный начальник предоставлял предварительные условия контракта на рассмотрение командующего Башкирским войском. Затем они утверждались военным губернатором, если он считал их «безобидными для вотчинников», и после замечаний последнего «условия сии» доставлялись в гражданскую палату, которая совершала контракт. Губернатор уведомлял горное правление о разрешении на заключение контракта, после чего оно «отводило к прииску узаконенную площадь», выдавало промышленнику специальные пронумерованные строгой отчетности «шнуровые книги на записку золота».

В пользу башкир золотопромышленники платили, в зависимости от взаимной договоренности, 10% со всего добытого золота или 10% с чистой прибыли. Две трети из этой суммы раздавались вотчинникам, одна третья поступала в общественный башкирский капитал, который к началу 60-х годов XIX в. достиг значительной суммы – 420 тыс. руб. Эти деньги по закону по «собственному усмотрению и желания обществ... с утверждения Оренбургского военного губернатора» должны были использоваться: «а) на

¹³ Там же. Ст. 2433.

¹⁴ ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3055. Л. 3.

пособие башкирцам, потерпевшим разорение от пожара и других несчастных случаев; б) на образование юношества; в) на устройство общественных зданий; г) на пособие совершенно бедным в обмундировании и вооружении; д) на содержание кантонного и местного сельского управления»¹⁵.

За отходящие под прииски земли промышленники платили башкирам вознаграждение в следующих размерах: за каждую десятину луговой земли по 3 руб. серебром, пашенной, не распаханной под посев, от 1 руб. 30 к. до 3 руб. серебром и за приготовленную под посев – от 5 до 6 руб. серебром¹⁶.

Башкиры заботились о том, чтобы после окончания срока аренды возвращаемая им земля была пригодна для занятия земледелием, скотоводством, охотой, бортничеством, т.е. традиционными видами хозяйства, поэтому во всех договорах об отдаче в аренду земли золотопромышленникам обязательно включались условия, запрещавшие им вытаптывать и пахать луга, истреблять леса. Держать лошадей разрешалось только для нужд производства. За нарушение этих условий предусматривались штрафы. Так, «если разработка металла будет производиться на лугах и те будут изрыты, должен платить хозяину луга за каждый квадратные три сажени вырытой ямы по 15 коп. асс., а потом засыпать должны ямы, где мы ему скажем, оставляя их не более аршина в глубину. У кого рабочие потопчат луга или хлеб потравят, тому платить вдвое»¹⁷.

На арендованных землях без согласия вотчинников не разрешалось возводить железодельных заводов, других строений, кроме необходимых для добычи и промывки песков и для размещения рабочих. Лес для строительства и отопления временного жилья отпускался по ценам, установленным для башкирских лесов. За поврежденные леса с промышленников взыскивался штраф. Отработанные шурфы во избежание падения в них скота должны были засыпаться. В случае невыполнения этого условия и гибели скота должен был платиться штраф: за лошадь – 15 руб., жеребенка – 5 руб., корову – 10 руб., теленка, барана, козу – по 2 руб. серебром¹⁸. Срок аренды определялся в договорах от 8 до 12 лет. Вотчинники оговаривали право кочевать в своих землях по всем речкам, ключам, озерам, но если где-либо заводился прииск, «то мы, вотчинники, обязуемся немедленно откочевать на другие места на расстояние двух верст от места работ»¹⁹.

В договорах особо оговаривалось положение о том, что аренда земли не дает промышленникам право собственности на нее и с прекращением разработки прииска она возвращается вотчинникам.

¹⁵ ПСЗ. II. Т. VIII. № 6334.

¹⁶ ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3095. Л. 43.

¹⁷ ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 6237. Л. 11.

¹⁸ Там же. Д. 6597. Л. 41.

¹⁹ Там же. Д. 6221. Л. 20–25.

Таким образом, изучение истории добычи золота на башкирских землях в середине XIX в. показывает, что ограниченность права собственности башкирских волостей на землю и неурегулированность вопроса прав на недра приводили к тому, что башкиры не становились собственниками золотых приисков, сдавая расположенные на их вотчинных землях месторождения в аренду лицам, имеющим право заниматься добычей золота.

Демографический переход в российском аграрном обществе второй половины XIX – первой трети XX в. Современные методы исследования²

В статье демонстрируются возможности использования количественных методов и информационных технологий в исследовании демографических процессов в российском аграрном обществе. Представлены некоторые результаты применения теории самоорганизованной критичности, фрактального анализа, учета стандартных отклонений в вариационных рядах, кластерного анализа для изучения демографического перехода на территории Европейской России.

Ключевые слова: историческая демография, информационные технологии, Европейская Россия.

Российская историография демографических процессов в аграрном обществе обширна. Недавно она обогатилась академическим трудом «Население России в XX веке» [7], главным достижением которого стало преодоление многих искажений демографических источников и идеологических стереотипов в изучении населения советского общества. В монографии утверждается, что в 1930-е гг. демографический переход был заторможен и деформирован. Но эти утверждения подкреплены лишь отдельными примерами. Авторы признали, что состояние источников первых десятилетий XX в. не позволяет делать точные оценки.

Математическое моделирование и информационные технологии позволяют восполнить недостатки источниковой базы, выявить скрытые механизмы демографического перехода. Работа с массовыми источниками требует четкого обоснования выборок привлекаемых данных. Нашей выборкой стали губернии и области Европейской России второй половины XIX – первой трети XX в., которые находятся на современной территории РФ (за исключением Северного Кавказа). Такой характер выборки обосновывается тем, что западные регионы Российской империи и южные регионы Советского Союза существенно отличались от «великорусских» регионов по типу демографического поведения. Источники учета населения этих территорий имели специфический характер, связанный с большой долей не православного населения. В 1914–1922 гг. значительная часть этой документации погибла.

¹ Канищев Валерий Владимирович, доктор исторических наук, Тамбовский государственный университет им. Державина, valcan@mail.ru, Россия, г. Тамбов.

² Статья подготовлена в рамках государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки РФ (Задание № 33.956.2014/К).

Макроподходы на уровне больших регионов дополнялись наблюдениями на основе микроанализа первичных демографических материалов.

В последние годы тамбовские историки провели несколько экспериментов по применению к историческим процессам теории самоорганизованной критичности [2]. Не уходя в характеристику сложного математического аппарата таких экспериментов, обратим внимание на основные понятия этой теории, применимые к историко-демографическим исследованиям:

«Белый шум» – означает стихийные демографические процессы, свойственные традиционному аграрному обществу (далее на графике индикатор «шума» (α) = 0);

«Розовой шум» – означает самоорганизованные процессы, регулирование обществом рождаемости и смертности, свойственное эпохе демографического перехода (далее на графике индикатор «шума» (α) = 1);

«Коричневый шум» – отражает заорганизованные демографические процессы регулирования рождаемости государством, как в современном Китае (далее на графике индикатор «шума» (α) = 2).

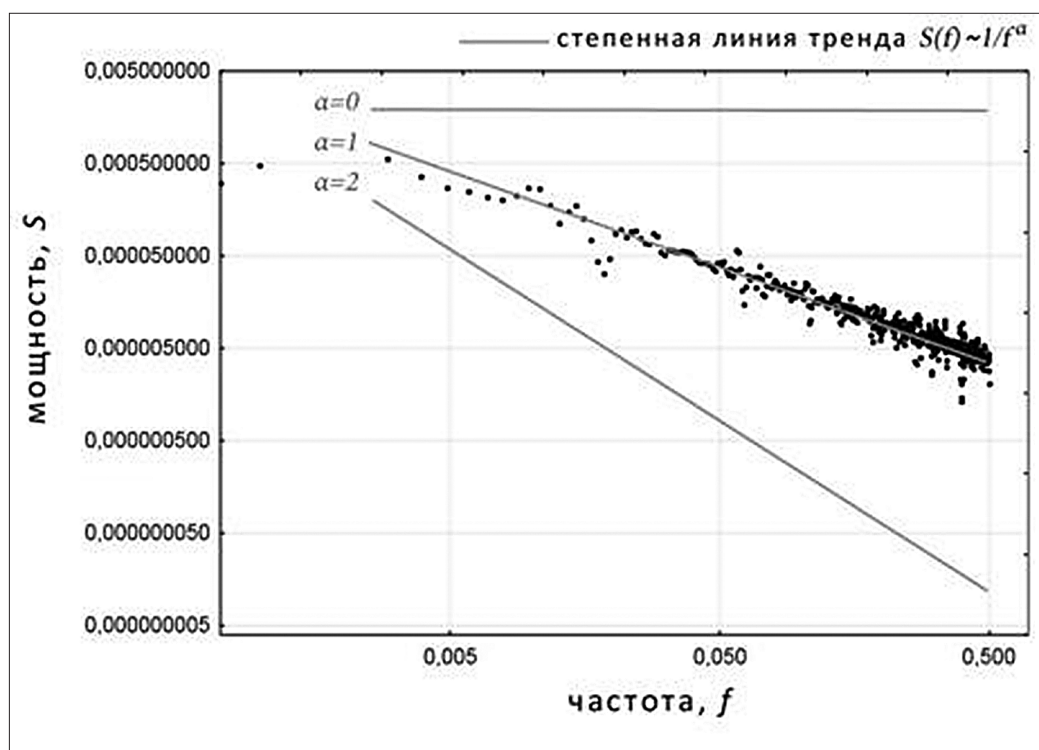

Рис. 1. Спектрограмма розового шума (большинство точек – исторических фактов располагается близко к оси, $\alpha = 1$)

Первые эксперименты с применением теории самоорганизованной критичности к годовым данным XIX в. по 28 губерниям показали, что в большинстве из них только начинали проявляться признаки самоорганизации, т.е. регулирования демографического поведения.

Таблица 1

Результаты спектрального анализа рождаемости в губерниях Европейской России в XIX в. (α – идентификатор «розового шума»)

Епархия	Период	α
Архангельская	1804-1900	0,54
Астраханская	1804-1900	0,94
Владимирская	1804-1900	0,05
Вологодская	1804-1900	0,63
Воронежская	1804-1900	0,51
Вятская	1804-1900	0,53
Донская область	1829-1900	0,89
Казанская	1804-1900	1,03
Калужская	1804-1900	0,39
Костромская	1804-1900	0,74
Курская	1804-1900	0,13
Московская	1804-1900	0,48
Нижегородская	1804-1900	0,45
Новгородская	1804-1900	0,29
Олонецкая	1828-1900	0,012
Орловская	1804-1900	0,36
Пензенская	1804-1900	0,70
Пермская	1804-1900	0,47
Псковская	1804-1900	0,58
Рязанская	1804-1900	0,37
С.-Петербургская	1804-1900	0,48
Саратовская	1828-1900	0,55
Симбирская	1832-1900	0,59
Смоленская	1804-1900	0,80
Тамбовская	1804-1900	0,57
Тверская	1804-1900	0,55
Тульская	1804-1900	0,52
Ярославская	1804-1900	0,49

Для большей части губерний величина α находится в пределах от 0,4 до 0,6, что соответствует ожиданиям, т.е. предположению о первых признаках регулирования демографического поведения. Но это, пожалуй, единственный намек на то, что метод позволяет что-то увидеть в агрегированных данных. Конечно, чтобы подтвердить принципиальную применимость метода требуются более точные исходные данные по XIX в., а также сравнение с данными XX в. Однако, как видно из таблицы, тонкий анализ агрегированных данных вряд ли имеет смысл. Во-первых, обращают на себя внимание слишком высокие (около 1) величины α для периферийных территорий – Донской области, Казанской и Астраханской губерний. Эти губернии можно было бы исключить из исследования из-за некачественной статистики первой половины XIX в. Во-вторых, странно низкими оказались показатели α для Владимирской и Курской губерний. Это явно не соответствует реальности, но может быть объяснено, например, погрешностями в работе местных статистиков. В-третьих, показатели α для Санкт-Петербургской и Московской губерний не превышают величины α для многих других губерний. Хотя в реальности, очевидно, должно быть иначе: столичный статус и значительная доля городского населения должны способствовать более раннему переходу к регулированию рождаемости и, соответственно, более высокой величине α .

Вполне вероятно, что исследуемый эффект (розовый шум как показатель регулирования демографического поведения) сильно стирается в агрегированных данных. Наши методы применительно к агрегированным данным могут быть использованы лишь для приближенного грубого анализа. Причины «грубости» можно назвать две. Первая причина – чисто инструментальная: при многоуровневой агрегации данных нарастает количество ошибок, что не позволяет обнаружить имеющиеся тонкие закономерности. Вторая причина – содержательная: возможно, что в рассматриваемый период демографические стратегии выстраиваются людьми исключительно под воздействием ситуации в отдельных группах населения, например, у крестьян некоторых помещиков; и при агрегации данных (даже если она выполнена корректно) никакие закономерности, свойственные большим регионам, не проявляются в принципе. Если верна вторая причина, то изучать α для сильно агрегированных данных не имеет смысла вообще. Но данное исследование не позволяет утверждать однозначно, что именно вторая причина имеет место. Думается, что изучение агрегированных данных можно было бы продолжить на более качественных длинных рядах.

В частности, интересны результаты применения теории самоорганизованной критичности к анализу длинных рядов первичной демографической информации.

**Исходные данные и результаты спектрального анализа
динамики историко-демографических процессов сел
Тамбовской губернии/области, XIX – начало XXI в.
(α – идентификатор «розового шума»)**

Название села, процесс	Комментарий к исходным данным	α	Комментарий к результатам
Малые Пупки, динамика рождаемости	Погодовые данные с 1810 по 1998 год включительно, лакуны крайне незначительны.	1,27	Розовый шум.
Крюково, динамика рождаемости	Погодовые данные с 1815 по 1916 год включительно, лакуны крайне незначительны.	0,64	Визуально розовый шум не очевиден, но формальный анализ показывает, что этот процесс можно считать розовым шумом.
Пахотный угол, динамика рождаемости	Погодовые данные с 1810 по 2007 год включительно; здесь имеются две большие лакуны с 1881 по 1908 год и с 1918 по 1923. Мы дополнили недостающие данные математическими методами.	1,36	Розовый шум.
Сосновка, динамика смертности	Погодовые данные с 1919 по 2003 год включительно, без лакун	1,15	Розовый шум.
Пахотный Угол, динамика смертности	Погодовые данные с 1810 по 2007 год включительно. Есть некоторые лакуны; мы дополнили недостающие данные математическими методами.	0,95	Розовый шум.
Раево, динамика смертности	Погодовые данные с 1811 по 1898 год включительно, практический без лакун (пропущен только один год).	0,47	Хотя формальный анализ позволяет считать этот процесс розовым шумом в некотором широком смысле ($\alpha=0,48$), визуальный анализ спектрограммы показывает, что мы имеем дело во многом со случайным процессом.
Большая Липовица, динамика смертности	Погодовые данные с 1813 по 1908 год включительно, лакуны крайне незначительны.	0,38	Розовый шум слабо выражен из-за хаотичного поведения процесса в нижней части спектрограммы.
Парский Угол, динамика смертности	Погодовые данные с 1935 по 2001 год включительно, лакуны крайне незначительны.	1,03	Розовый шум.

Анализ данных XIX–XX вв. по отдельным селам Тамбовской губернии (области) выявил признаки «розового шума» (самоорганизованности) показателей рождаемости и смертности с 1920-х гг. и полное отсутствие признаков демографического перехода в селах, по которым имелись данные только до начала XX в.

Демографические материалы микроуровня отличаются множеством случайных колебаний. Наиболее распространенным методом математической обработки и визуального представления длинных рядов первичных демографических данных является построение графиков годовых колебаний с использованием различных трендов. Для анализа таких рядов по почти 50-ти церковным приходам и сельсоветам Тамбовской и Орловской губерний (областей) мы выбрали линейный тренд с точностью 0,999. Его применение к данным «метрического периода» показало почти везде восходящую линию абсолютных значений демографических показателей. Индекс Покровского-Пирла на протяжении XIX – начала XX в. большую часть лет находился в интервале 1,5–2. Линии трендов 1920-х – 2000-х гг. оказались противоположными. В начале этого периода индекс составлял 1,5–2,5, с 1970-х гг. – менее 1. Наиболее простым объяснением было бы «списание» демографических проблем на внутренние социально-политические потрясения 1918–1940 гг. и на внешний удар Великой Отечественной войны. Однако детальный анализ длинных рядов говорит о том, что демографические проблемы «глубже» политических. При разделении вековых рядов цифр на короткие отрезки видно, что продолжительные нисходящие тренды были в «метрическом периоде», а в «ЗАГСовское время» наблюдались отрезки с восходящими линиями.

Наиболее полное, повсеместное снижение всех «плодовитых» демографических показателей впервые произошло в сельских приходах Тамбовской и Орловской губернии в 1915–1917 гг. Прежде тотального трехлетнего спада не было. Думается, в демографии нужно искать глубинные предпосылки Русской революции 1917 г. Напротив, поразительными оказались демографические подъемы в нескольких селах в 1917–1920 гг., повторившиеся в середине 1920-х гг., второй половине 1930-х гг.

Тренды существенно сглаживают ежегодные колебания демографических показателей. Колебания малых цифр, каковыми являются первичные демографические данные, могут быть случайными. Важно учитывать стандартные отклонения от средних значений. Все колебания внутри интервалов этих отклонений считаются математически случайными. Но в очень заметном числе случаев (40–60%) колебания выходили за пределы стандартных отклонений, что не может объясняться обычными статистическими методами и говорит о нелинейности демографических явлений.

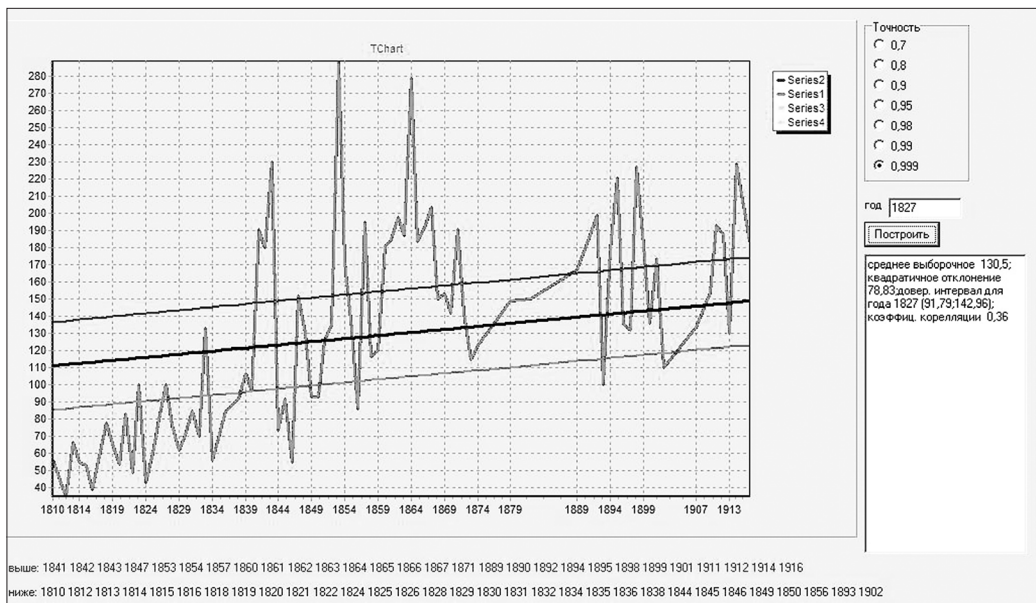

Рис. 2. Динамика числа смертей в приходе с. Малые Пупки в XIX – начале XX в. (средняя линия означает тренд показателя, верхняя и нижняя – границы коридора стандартных отклонений).

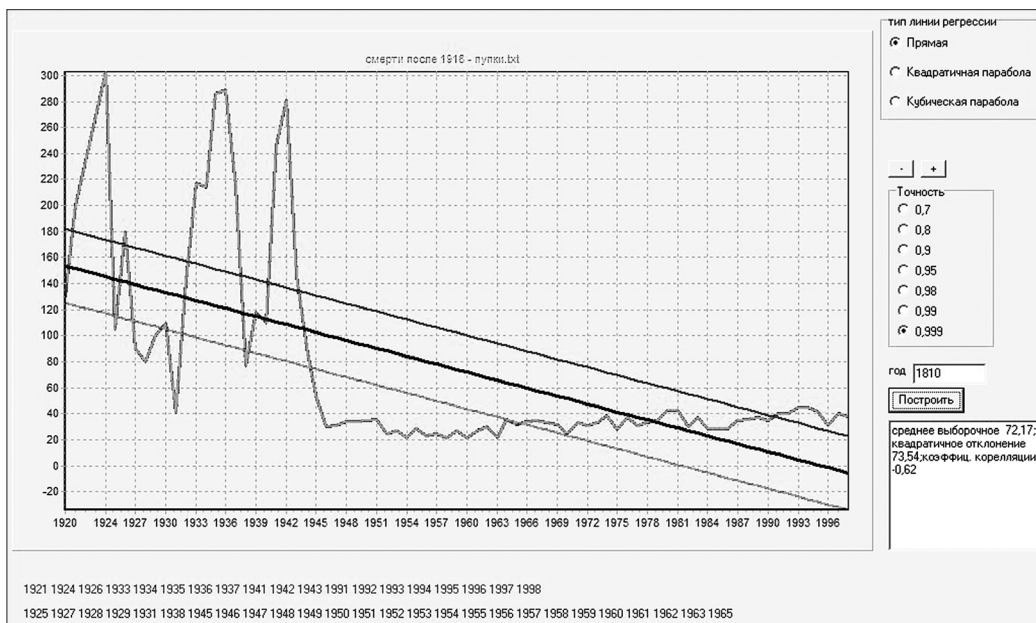

Рис. 3. Динамика числа смертей в с. Малые Пупки (Подлесное) в 1920–1990-е гг. (средняя линия означает тренд показателя, верхняя и нижняя – границы коридора стандартных отклонений).

Зависимость демографических показателей от особенностей конкретного года показывают и коэффициенты корреляции. Тесная погодная зависимость характерна для рождаемости, смертности и прироста, даже в советский период – более 0,5, нередко свыше 0,7.

Постоянные ежегодные колебания количества смертей в 1920–1940-е гг., говорят о неустойчивости тенденции к снижению смертности. Вместе с тем график 2 показывает резкое снижение числа смертей и затухание колебаний этого показателя в 1950–1960-е гг. Подобным образом выглядят графики изменений числа рождений в с. Малые Пупки (Подлесное), графики числа смертей и рождений в нескольких десятках сел Тамбовской области. Типичность области в принципе позволяет распространять полученные результаты на другие аграрные регионы. Но для широких выводов требуются более точные измерения.

Коэффициенты корреляции, отражающие зависимость числа рождений и смертей от обстоятельств конкретного года для послереволюционных лет принимают отрицательное значение, что говорит об утрате связи колебаний демографических показателей от природно-стихийных погодных факторов и переходе к регулируемому самими людьми демографическому поведению, т.е. о завершении демографического перехода.

Важным методом преодоления нехватки источников данных и «улавливания» стратегий демографического поведения населения является фрактальный анализ. В данной статье мы опускаем характеристику сложного математического аппарата, которая уже представлялась в материалах рязанского Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы и других публикациях [2,3,4].

В данной статье приводятся только конкретные результаты такого анализа демографических стратегий в позднем аграрном обществе. Для периода 1862–1917 гг. в Тамбовской губернии установлено сохранение традиционного типа воспроизводства и появление малозаметных подтипов, связанных с сокращением смертности при сохранении высокой рождаемости. Демофракталы 1917–1926 гг. показали, что в условиях кризисного роста смертности проявлялось стремление к максимально возможной рождаемости как средству выживания аграрного социума. В 1926–1939 гг. появился фактор массовой миграции из села. Сокращение сельской рождаемости было связано с началом ее регулирования и отъездом молодых людей. Уменьшение смертности явилось результатом успешной борьбы советского здравоохранения с эпидемиями.

Проведенный в последнее время фрактальный анализ демографических стратегий тамбовского сельского социума в 1912–1916 гг. показал неглубокую его реакцию на войну (небольшой откат в сторону традиционной

модели с высокой смертностью). Эта реакция общества на внешние обстоятельства была слабее, чем в 1917–1920 гг. Произошедшие во время Первой мировой войны изменения демографических стратегий, предположительно, можно считать обратимыми.

Кластерный анализ показывает механизмы постепенного формирования типологии демографических показателей. Как отмечают социологи, кластерный анализ во многом остается периферийной формой гуманитарного познания, хотя признается, что кластеры показывают удивительную устойчивость и высокий потенциал моделирования изучаемых объектов, позволяют находить группы схожих объектов в выборке данных [8, с. 8, 21]. Преимущество многомерного кластерного анализа состоит в том, что он, объединяя объекты всей совокупности изучаемых признаков, сглаживает случайности простых группировок. При компьютерном построении кластерных группировок объективность группировок объектов по схожим признакам повышается.

Построенные нами кластерные группировки 1865, 1902, 1912 и 1940 гг. дали возможность выделить территории Европейской России с признаками демографического перехода для разных отрезков большого периода второй половины XIX – первой трети XX в.

Опубликованные ранее результаты кластерного анализа данных 1860-х и 1900-х гг. показали полное отсутствие признаков демографического перехода в большинстве великорусских губерний Европейской России и его «робкие» проявления у крестьянства двух столичных и некоторых «подстоличных» губерний [5,6].

В последнее время был проведен кластерный анализ демографических показателей великорусских губерний и областей Европейской части РСФСР на 1912 и 1940 гг. (образец кластерного построения см. приложение 1).

Кластеризация губерний по показателям числа рождений и числа смертей на 1912 г. показала в принципе понятное распределение крайних групп. Наиболее устойчивым оказался кластер, в который по двум показателям вошли самые северные и малолюдные Архангельская и Олонецкая губернии (с расстоянием связывания – 0,01, при значении 0,06 кластеры считаются естественными).

Другую крайность по сумме показателей демонстрировал кластер Пермской, Самарской и Вятской губерний. В этом кластере определяющим было сравнительно большое число смертей (число рождений в этих регионах существенно не отличалось от большинства губерний Европейской России). Это дает основание предполагать, что здесь сохранялась традиционно высокая смертность и слабо проявлялись успехи земской медицины. Видимо, в наибольшей мере это проявилось в самой крайней слева Пермской

губернии. В целом три региона объединились с расстоянием связывания около 0,1, т.е. их кластер являлся в значительной степени естественным (к таковым относятся кластеры с расстоянием связывания от 0,06 до 0,18).

Достаточно объяснимо сравнительно быстрое естественное объединение в один кластер по сумме показателей Новгородской, Калужской, Ярославской, Костромской, Вологодской, Псковской, Астраханской губерний – с расстоянием связывания 0,06. Большинство этих регионов были «подстоличными» и с конца XIX в. заметно теряли молодое плодовитое население, которое уходило на работу в Москву и Петербург.

Вологодская и Костромская губернии при отдельном рассмотрении числа рождений и числа смертей попадали в «обычные» группировки. При суммарной кластеризации они оказались рядом с относительно малонаселенными губерниями. В этих двух губерниях, в отличие от Новгородской, Калужской, Ярославской и Псковской, вероятнее всего, определяющим был не фактор миграций, а малая населенность по причине относительно суровых природных условий. Видимо, по той же причине близкой к ним оказалась Астраханская губерния.

Другие кластерные группировки только абсолютных демографических показателей 1912 г. объяснить труднее. Нужно провести кластерный анализ относительных показателей – рождаемости и смертности. Но и на основе имеющихся абсолютных данных можно с большой долей уверенности говорить, что преобладающая часть великорусских губерний Европейской России в 1912 г. сохраняла традиционно высокую рождаемость и только начинающую снижаться до среднего уровня смертность.

«Отталкиваясь» от демографических показателей, свойственных традиционному обществу, совокупные данные о рождаемости, смертности и естественном приросте в областях и республиках РСФСР на 1940 г. можно экспертно разделить на 8 групп:

1. Средняя рождаемость (20–50 ‰), малая смертность (менее 20 ‰), большой естественный прирост (свыше 15 ‰);
2. Средняя рождаемость (20–50 ‰), малая смертность (менее 20 ‰), средний естественный прирост (10–15 ‰);
3. Средняя рождаемость (20–50 ‰), малая смертность (менее 20 ‰), малый естественный прирост (менее 10 ‰);
4. Средняя рождаемость (20–50 ‰), средняя смертность (20–35 ‰), большой естественный прирост;
5. Средние рождаемость, смертность, естественный прирост;
6. Средние рождаемость и смертность, малый естественный прирост;
7. Средняя рождаемость, большая смертность (свыше 35 ‰), малый естественный прирост;

8. Средняя рождаемость, большая смертность, отрицательный естественный прирост.

В первой экспертной группе оказались Брянская область и Калмыцкая АССР. Но кластерный анализ (см. приложение 1) продемонстрировал большую разницу между двумя регионами. Брянская область, хотя и сравнительно долго держалась самостоятельно, все-таки в пределах в значительной степени естественного расстояния связывания (около 0,15) объединилась в один кластер с развитыми регионами Центральной России и Среднего Поволжья. Калмыкия же оказалась самым нетипичным регионом Европейской России, который так и не вошел ни в один кластер (объединение с остальными кластерами на последнем шаге не учитывается). Так что сходство этого региона с Брянской областью при экспертной оценке оказалось чисто внешним и, вероятнее всего, было связано с большим занижением в Калмыкии данных о смертности.

Более однородной оказалась 2-я экспертная группа, в которую мы включили 10 регионов (Сталинградская, Воронежская, Ростовская, Курская, Московская, Пензенская, Свердловская, Саратовская, Ульяновская, Тамбовская области). Они попали в один кластер при расстоянии связывания около 0,12, т.е. в значительной степени естественным путем.

В 3-ю экспертную группу вошли Калужская, Новгородская, Орловская, Псковская, Рязанская, Смоленская, Калининская, Тульская области. Все эти области являлись «подстоличными» и уже в начале XX в. имели признаки демографического перехода, связанные с отъездом значительной части молодежи в столицы и соответствующим снижением рождаемости в связке с младенческой смертностью. Кластерный анализ оказался более тонким. Большая часть названных регионов, быстро попавших в один кластер, и в конце 1930-х гг. оставалась нетипичной, расположившись почти на крайней левой позиции. Только Калужская и Тульская области оказались в центре кластерного построения с рядом других областей Центральной России, а также Ленинградской областью (дистанция связывания – около 0,1). А вот Новгородская, Орловская, Псковская, Рязанская, Смоленская, Калининская области попали в центральный кластер на дистанции связывания около 0,3, т.е. далеко за пределами естественной кластеризации. Другими словами, регионы с показателями, близкими эпохе завершения демографического перехода, в конце 1930-х гг. еще не были преобладающими.

Небольшой оказалась 4-я экспертная группа, куда вошли Мурманская, Челябинская и Чкаловская области. В данном случае экспертная оценка почти полностью совпала с их кластерной позицией: объединение на в значительной степени естественной дистанции связывания.

В 5-й группе по экспертной оценке представлены Ивановская, Куйбышевская, Астраханская области, Мордовская, Татарская, Башкирская АССР. В кластерном отношении наиболее близкими из них являлись татарская и башкирская республики, что было естественно с точки зрения их близкого этнического состава и общей истории. Четыре остальных региона объединились в кластер также достаточно быстро и естественно. А вот объединение их с Татарской и Башкирской АССР произошло уже за пределами естественной кластеризации. Попадание в одну экспертную группу было во многом внешним.

В самую большую 6-ую экспертную группу попали 12 регионов (Архангельская, Вологодская, Владимирская, Костромская, Кировская, Горьковская, Пермская, Ленинградская, Ярославская области, Марийская, Чувашская и Удмуртская АССР). Явно объединяющим их внешним признаком было расположение в северной половине Восточной Европы (почти все севернее Москвы). Кластерный анализ уловил большие тонкости распределения регионов внутри этой группы. Сравнительно быстро объединились в один кластер (расстояние связывания – 0,1) среднеразвитые Архангельская, Кировская, Пермская области, Марийская, Чувашская и Удмуртская АССР. В кластерной модели эта подгруппа заняла крайне правое положение, что свидетельствует о нетипичности регионов, в нее попавших. Подгруппа, включавшая более развитые Вологодскую, Владимирскую, Костромскую, Горьковскую, Ленинградскую, Ярославскую области, оказалась в центре кластерного построения, т.е. была типичной для Европейской части РСФСР. Эти регионы объединились достаточно быстро и естественно (расстояние связывания – менее 0,06). Все 12 регионов 6-й экспертной группы объединились в один кластер на очень большом расстоянии связи (около 0,35), т.е. очень далеко от естественной кластеризации. Экспертное сходство демографических показателей двух рассмотренных подгрупп оказалось в наибольшей мере внешним.

По экспертным оценкам (7-я и 8-я группы) наиболее уникальными оказались Коми АССР и Карело-Финская ССР с высокой смертностью, а во втором случае и с отрицательным естественным приростом. Последний показатель, вероятнее всего, связан с обстоятельствами советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Эти внешне существенные особенности двух республик при кластерном анализе не оказались таковыми. Коми и Карелия в пределах в значительной мере естественной кластеризации (расстояние связывания – 0,15–0,18) попали в один кластер с целым рядом областей и республик северной части Восточной Европы, главным образом с регионами «угро-финского мира».

Оценивая результаты анализа регионов Европейской части РСФСР по данным 1940 г. можно говорить о переходе населения всех областей и ре-

спублик к средней рождаемости. Но разнообразие показателей смертности и естественного прироста не позволяет утверждать о равномерном протекании здесь демографического перехода. С учетом приводившихся ранее данных о сильных ежегодных колебаниях демографических процессов приходится констатировать неустойчивость этого процесса.

Литература

1. *Дьячков В.Л., Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К.* Изучение демографического поведения сельского населения Тамбовской губернии в 1917–1920 гг. методами фрактального моделирования // Демографические и экологические проблемы в истории XX века. М.; Тамбов, 2010. С. 131–149.

2. *Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К.* Возможности использования теории самоорганизованной критичности в изучении демографических процессов в российском позднем аграрном обществе // Историческая информатика. 2014. № 1. С. 70–91.

3. *Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К.* Моделирование микродемографических процессов в аграрных регионах России в XX в. средствами фрактальной геометрии // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв. Источники и методы исследования. XXXII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 2010. С. 170–172.

4. *Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К.* Фрактальное моделирование историко-демографических процессов. М., Тамбов, 2011.

5. *Канищев В.В.* Кластерный анализ демографического поведения сельского населения Европейской России в начале XX в. и в начале XXI в. К постановке вопроса // Ineternum. 2011. № 1. С. 43–55.

6. *Канищев В.В.* Сравнительный анализ естественного движения крестьянства Центральных и Северо-Западных губерний Европейской России во второй половине XIX – начале XX в. // Северо-Запад в аграрной истории России: межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В.Н. Никулина. Вып. 19. Калининград, 2012. С. 87–108.

7. *Население России в XX веке: Исторические очерки.* В 3-х т. М., 2000–2011.

8. *Федоров И.А., Краснова Л.В.* Феномен социальной кластеризации. Тамбов, 2010.

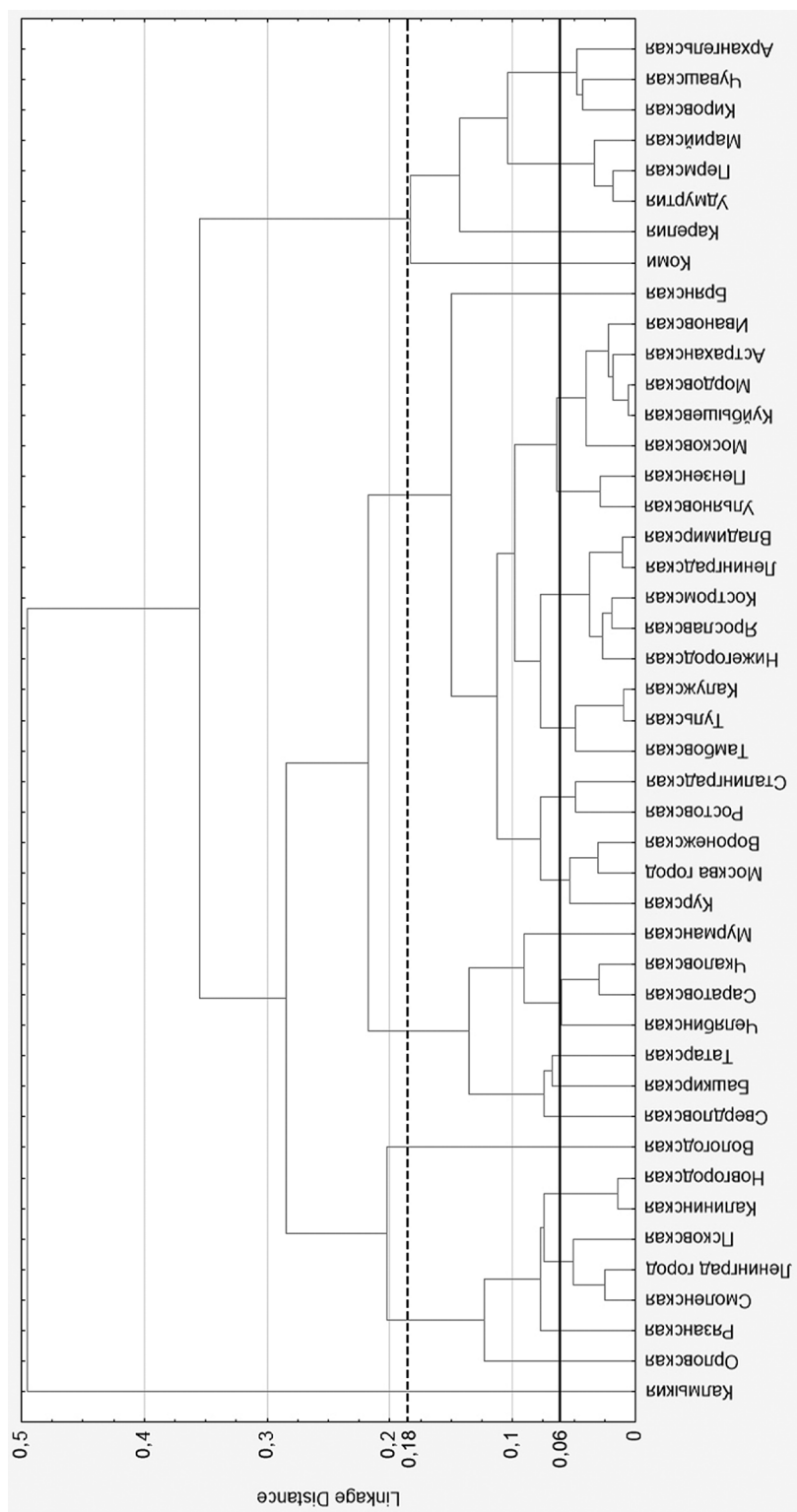

Рис. 4. Кластерная модель демографических показателей регионов Европейской части РСФСР в 1940 г.

Демографические факторы социально-экономического развития пореформенной деревни (на материалах Верхнего Поволжья)

В статье рассматриваются миграционные процессы, происходившие в России во второй половине XIX – начале XX в. На материалах губерний Верхнего Поволжья исследуется влияние трудовой миграции, проходившей в форме отхожих промыслов, на трудовые ресурсы села, помещичье и крестьянское хозяйство.

Ключевые слова: отхожие промыслы, крестьянское хозяйство, помещики, Верхнее Поволжье.

С 60-х гг. XIX в. резко возросли темпы прироста населения России. Во второй половине XIX в. ежегодный прирост крестьянского населения в Европейской России почти в 2 раза превышал прирост населения в дореформенный период [4, с. 10–11]. Основными причинами демографического роста на селе было освобождение от крепостной зависимости и повышение жизненного уровня крестьянства.

В Верхнем Поволжье, включавшем три смежные губернии: Владимирскую, Костромскую и Ярославскую, также, как и в ряде других регионов страны, наибольший прирост сельских жителей наблюдался в местностях с лучшей обеспеченностью крестьян надельной землей. Быстрее всего росло население северо-восточной части региона, где крестьяне получили самые большие по площади наделы. В связи с этим в пореформенный период происходит сглаживание различий в плотности населения отдельных уездов.

В конце XIX столетия в селах Европейской России, благодаря высоким темпам прироста населения, насчитывалось в 1,5 раза больше жителей, чем в начале 1860-х гг. В то же время высокий прирост населения в пореформенный период был присущ не всем регионам страны. Так, население Верхнего Поволжья за 1863–1897 гг. увеличилось только на 16,7%, т.е. прирост населения в регионе был в 3 раза меньше среднего по европейской части страны. Это объясняется двумя причинами: низким естественным приростом местного населения и большим оттоком жителей в другие районы России. По данным Б.В. Тихонова, составившего на основе данных переписи 1897 г. миграционные балансы для 89 губерний России, 40 губерний имели положительный миграционный баланс (в эти губернии больше приходило людей, чем уходило из них), а 49 – отрицательный. Губернии Верхнего Поволжья

¹ Александров Николай Михайлович, кандидат исторических наук, Ярославский государственный университет им. Демидова, dreem10@mail.ru, Россия, г. Ярославль.

относились ко второй группе и располагались в следующем порядке: Костромская губерния – 70 место с отрицательным балансом миграции населения в 91845 человек; Ярославская – 71 место, с отрицательным балансом в 96431 человека; Владимирская – 72 место, с отрицательным балансом в 105077 человек. Если расставить губернии Верхнего Поволжья по удельному весу, которое составляло недостающее население к общему числу жителей, то получается следующая картина: на первом месте шла Костромская губерния – дефицит баланса составлял 6,6% наличного населения, затем Владимирская и Ярославская – 6,9% и 9,0% соответственно. Много это или мало? Сравним данный показатель с другими регионами. В Санкт-Петербургской губернии, возглавлявшей список, прилив населения составлял 777436 человек, что соответствовало 36,8% от наличного населения, а в Курской губернии, замыкавшей список, дефицит миграционного баланса достигал 350268 человек, или 14,8% наличного населения [8, с. 176–179].

Отрицательный миграционный баланс во всех губерниях Верхнего Поволжья вовсе не означал, что движение населения имело одностороннюю направленность. Миграция имела более сложную структуру. Так, сравнение данных о неместных уроженцах, находившихся в губерниях региона в 1897 г., с данными об уроженцах Верхнего Поволжья, проживавшими за пределами своих губерний, показывает, что на 100 владимирцев, живущих на родине, приходилось 13 человек, находившихся за пределами губернии; вместо них прибыло 6 человек из других мест. В Костромской губернии это соотношение было 10:3; в Ярославской – 18:9.

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что хотя из Ярославской губернии больше всего уходило населения (в процентном отношении), она была в то же время самой притягательной в плане обеспечения работой. Нередким было такое явление, когда работников, ушедших из ярославских сел и деревень в Петербург, Москву или другие фабричные центры, на их родине заменяли крестьяне соседних губерний². Уровень отхода населения губерний Верхнего Поволжья иллюстрирует табл. 1:

Таблица 1

Отток населения в Верхнем Поволжье в конце XIX в.

Губерния	Наличное население		Численность уроженцев губерний Верхнего Поволжья, находившихся за пределами своих губерний в момент переписи							
			Муж.	%	Жен.	%	Всего	% к наличному населению		
	Муж.	Жен.						Всего		
Владимирская	690312	825379	118747	61,6	73874	38,4	192621	17,2	9,0	12,7

² Статистический ежегодник Костромской губернии. 1909 год. Сельское хозяйство и крестьянские промыслы. Вып. I. Кострома, 1912. С. 66, 70.

Костромская	623103	723912	86519	66,4	43800	33,6	130319	13,9	5,7	9,4
Ярославская	460597	610758	121072	66,7	60471	33,3	181543	26,3	9,9	16,9
Итого	1774012	2200049	326338	64,7	178145	35,3	504483	18,4	8,1	12,7

Источник: Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. 1. СПб., 1905. С. 4, 112–113.

Численность уроженцев губерний Верхнего Поволжья, находившихся за пределами своих родных губерний, впечатляет: более полумиллиона человек. Первое место по числу ушедших занимала Владимирская губерния, затем шли Ярославская и Костромская губернии. В связи с тем, что численность населения в губерниях отличалась, более корректно сравнивать относительные показатели. Получается такая картина: самый большой процент населения, оказавшегося в момент переписи за пределами родных мест, был среди ярославцев (1/6 часть наличного населения). За ярославцами шли владимирцы и костромичи. Интересно отметить, что доля мужского населения среди переселенцев была практически одинаковой во всех губерниях региона и составляла 2/3 всех лиц, покинувших родные места. Причем, если женщины-мигрантки составляли 1/10 часть и меньше от женского наличного населения во всех 3-х губерниях, то у мужчин этот показатель был значительно выше и доходил в Ярославской губернии до 1/4. Эти цифры еще раз подтверждают, что самый значительный отход рабочей силы был из Ярославской губернии.

Данные о месте пребывания уроженцев губерний Верхнего Поволжья во время проведения переписи 1897 г. по регионам показывают, что абсолютное большинство их находилось в Европейской России. В этой части страны проживало 95,5% всех ярославцев, 91,7% костромичей и 84,4% уроженцев Владимирской губернии³. В то же время данные показывают, что владимирцы интенсивнее, чем костромичи и ярославцы, осваивали другие регионы страны. Владимирские крестьяне принимали активное участие в сельскохозяйственной колонизации слабозаселенных окраин страны. Известны случаи массового переселения в конце 60-х гг. XIX в. крестьян Меленковского уезда (самого южного в регионе) в Самарскую губернию [9, с. 74–76].

Все же главными пунктами, притягивающими крестьян Владимирской, Костромской и Ярославской губерний, были Петербург, Москва и местные фабрики. В одной из своих работ П.Г. Рындзюнский, основываясь на данных земской статистики, рассматривал вопрос о распределении по промыслам отлучавшихся из деревень крестьян разных местностей. Сведения по двум губерниям Верхнего Поволжья приведены в табл. 2.

³ Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. 1. СПб., 1905. С. 112–113.

**Распределение по видам занятий крестьян-отходников
Владимирской и Ярославской губерний в конце XIX в.
(в % к общему числу отходников)**

Виды занятий	Владимирская губерния	Ярославская губерния
На фабриках и заводах	11,9	6,6
В других видах обрабатывающей (преимущественно мелкой) промышленности	25,5	26,8
Строительство	45,8	*
Торговля и транспорт	8,0	46,1
Личные услуги	6,2	12,5
Сельское хозяйство и добывающая промышленность	2,6	8,0
Итого	100	100

Источник: Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. (Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983. С. 109.

* П.Г. Рындзюнский, опираясь на данные конца XIX в., считал, что отход, связанный со строительством, не играл существенной роли в Ярославской губернии. По данным же паспортной статистики в 1901 г. в строительстве было занято 18,5 тыс. человек или 11,4% всех отходников-мужчин⁴.

«Приведенные цифры – отметил П.Г. Рындзюнский – во многом несовершенны. Их неточность обусловлена в наибольшей степени тем, что группировка занятий крестьян-отходников в разных изданиях земской статистики не совпадает...» [7, с. 109]. В то же время данные таблицы показывают общую картину распределения по видам деятельности крестьян-отходников Верхнего Поволжья. Для нее характерны относительно малый удельный вес работы крестьян в крупной промышленности, преобладание работ в мелком ремесленном и мелкотоварном производстве и внешних отделениях мануфактур и фабрик, слабое развитие отхода на сельскохозяйственные работы. Вместе с общими чертами виды деятельности крестьян-отходников из Владимирской и Ярославской губерний имели и существенные отличия. Если почти половина владимирских крестьян была занята в строительстве (плотники, каменщики, маляры, штукатуры), то среди ярославцев такую же часть среди отходников составляли крестьяне, занятые в торговле и на транспорте. Различные виды торговли и особенно работа в трактирах были излюбленными занятиями для ярославских крестьян. Причем трактирный промысел принес ярославцам наибольшую известность. Половые из ярос-

⁴ Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 19. Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии (По данным о паспортах за 1896–1892 гг.). Ярославль, 1907. С. 644.

лавских крестьян, прислуживавшие в трактирах, считались лучшими в России.

В направлении торгового отхода наиболее четко проявились типичные черты всех ярославских отхожих промыслов. Последние были по преимуществу городские, столичные, в частности питерские. В торговом отходе тяготение к Петербургу отразилось с особенной силой. 82,3% всех крестьян, занимавшихся торговлей, уходило в столицу. На втором месте по притягательности с большим отрывом шла Москва – 9,6%⁵.

В торговом отходе ярко высветилась зависимость «петербургского» или «московского» направлений от географического положения отдельных местностей губернии, наличия в них путей сообщений с той или иной столицей. Так, население южных волостей Мышкинского, Ростовского и Угличского уездов занималось, в основном, торговлей в Москве, поскольку эти местности находились в наибольшей близости к ней. С первопрестольной были тесно связаны и крестьяне ряда волостей Даниловского уезда, расположенных на древнем торговом пути Москва – Архангельск.

Наоборот, в местностях, лежащих на водных и железнодорожных путях, связывавших губернию с Петербургом, в большинстве случаев преобладал отход в столицу.

Необходимо отметить, что с проведением железных дорог водный путь в Петербург стал менее популярным среди ярославцев. Железные дороги в конце XIX в. стали главным способом передвижения крестьян-отходников. До железнодорожных станций крестьяне добирались по-разному: пароходом, на лошадях, а иногда и пешком.

Проводимая в пореформенный период правительственная политика препятствовала полному разрыву бывших крепостных с сельским обществом. В связи с этим крестьянин мог выступать на рынке трудовых ресурсов лишь как отходник. К концу XIX в. многочисленные отходники-мигранты, числясь жителями различных сел и деревень, были уже постоянными жителями городов и фабричных поселков, так как сохраняли лишь формальную связь с официальным местом регистрации. Таким образом, миграция населения, связанная с неземледельческим отходом, сопровождалась урбанизацией части сельского населения и выступала формой перехода из села в город.

Неземледельческий отход крестьян Верхнего Поволжья получил значительное развитие еще в дореформенный период. Основные причины этого явления – малая эффективность сельского хозяйства из-за сложных природных условий региона, а также близость столиц и фабричных центров.

Сравнение доходов от сельского хозяйства во второй половине XIX – начале XX в. с доходами крестьян от отхожих промыслов показывает, что

⁵ Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 19. С. 3.

селянину отход был экономически выгоден и это стало главной причиной быстрого развития отходничества в пореформенные годы. О роли отхожих промыслов в бюджете крестьян Ярославской губернии свидетельствует тот факт, что на рубеже XIX–XX вв. отход давал деревне в два раза больше денег, чем сельское хозяйство (16 и 8 млн руб.) [5, с. 23–24].

Перенесение центра тяжести в крестьянском хозяйстве с земледелия на промысловую деятельность в значительной степени деформировало сельское общество. Трудовая миграция, в которую вовлечены были, в основном, мужчины рабочего возраста, приводила к сильной половозрастной диспропорции [3, с. 103–104]. Данный факт отмечался еще современниками, в силу этого ряд мест региона получил название «Бабья сторона» [6].

Снижение качества трудовых ресурсов деревни оказывало сильное влияние на развитие сельского хозяйства. Владельцам имений часто сложно было найти рабочие руки для выполнения сельскохозяйственных работ. Трудности ведения помещичьего хозяйства привели к существенному сокращению дворянского землевладения. Темпы распродажи дворянских земель в регионе значительно превышали средние по стране. За 1877–1905 гг. дворянское землевладение в Верхнем Поволжье сократилось вдвое, в то время как в Европейской России оно уменьшилось на 40% [2, с. 65].

Прослеживается связь между уровнем развития отхода, его специализацией и темпами перехода помещичьего хозяйства от отработок к капиталистической системе. Так, в связи с тем, что в Ярославской губернии отход получил наиболее значительное распространение и многие из крестьян круглый год занимались торговлей в столицах, имея относительно высокие заработки, местные помещики вынуждены были более энергично, чем во Владимирской и, особенно, в Костромской губерниях переходить к капиталистической системе.

Развитие отхожих промыслов приводило к отрыву крестьянина от жизни своего двора. Причем степень отрыва отходника от крестьянского хозяйства во многом зависела от места, куда уходил крестьянин, и периода времени, на который он покидал деревню. Промысловый сезон, в свою очередь, зависел от вида занятий отходника. Изучение промысловой деятельности крестьян Костромской губернии показало, что в пореформенный период тут сложились три группы отходников.

Первая группа – это крестьяне, занимавшиеся торговлей и строительными работами, главным образом, в Петербурге. Особенно много таких отходников было на северо-западе губернии. Уходившие в города местные крестьяне в большинстве своем не участвовали в сельскохозяйственных работах на родине по причине «продолжительных отлучек» или совпадения рабочего сезона в городе и на селе.

Вторую группу отходников составляли крестьяне, трудившиеся на местных фабриках. Наиболее широко этот вид отхода был распространен среди крестьян юго-западных уездов. В 80-х гг. XIX в. среди фабричных рабочих было еще широко развито сочетание работы на предприятии и участие в ведении крестьянского хозяйства.

Третью группу отходников составляла многочисленная армия крестьян, занимавшихся заготовкой и сплавом леса, а также плотники, шерстобиты, портные, мелкие торговцы и др., которые работали в ближайшей округе и возвращались в деревню на время основных полевых работ. В период пика сельскохозяйственного сезона они активно участвовали в хозяйственной жизни семьи. Данная группа отходников была особенно широко представлена в северо-восточной части губернии.

Указанное положение дел в крестьянском хозяйстве хорошо иллюстрируют данные подворных переписей по 3-м уездам Костромской губернии, относившимся к районам с преобладанием разных видов промысловой деятельности крестьян (см. табл. 3).

Таблица 3

Участие крестьян, занимающихся промыслами, в сельскохозяйственных работах своего двора на рубеже XIX–XX вв.

Уезды	Численность крестьян, занятых в промыслах*	Численность промышленников, лично трудившихся в своих хозяйствах	%
Кологривский	30361	19927	65,6
Костромской	35300	16207	45,9
Солигаличский	17572	6249	35,6

Источник: *Владимирский Н.Н.* Отход крестьянства Костромской губернии на заработки. Кострома, 1927. С. 20.

* В число крестьян-промышленников вошли лица, занятые как отхожими, так и местными промыслами. Ввиду того, что в сельской кустарной промышленности было занято незначительное количество крестьян, можно считать, что эти данные отражают положение дел в хозяйствах крестьян-отходников.

Самый высокий процент промышленников, лично трудившихся в своем хозяйстве, наблюдался в Кологривском уезде, входившем в так называемый «лесной» район. Значительно реже принимали участие в полевых работах крестьяне «фабричных» уездов, к которым относился Костромской уезд. Еще реже участвовали в сельскохозяйственных работах крестьяне на северо-западе губернии в районе столичного, в основном, строительного отхода. Большое расстояние от Петербурга до дома и совпадение рабочего периода в городе и деревне делали невозможным или невыгодным сочетание земледельческого труда с промыслами.

Ситуация, когда крестьянину было невыгодно отрываться от выполнения работ на стороне в период основного полевого сезона, была довольно распространена среди столичных строителей и из других губерний Верхнего Поволжья. Так, владимирские каменщики обычно нанимались на работу в Москве на полгода: с 1–6 мая до 22 октября. Работа каменщиков была одной из наиболее высокооплачиваемых⁶. При высоких заработках отходнику не было никакого расчета прерывать занятия на стройке для выполнения полевых работ. Выгоднее было нанять вместо себя работника⁷. Отходники, у которых не оставалось в доме мужчин, как правило, нанимали на все полевые работы так называемого управщика – мужика с лошадей. В связи с этим необходимость содержать в хозяйстве с управщиком своих собственных лошадей лишалась смысла. При значительном упадке скотоводства в хозяйствах каменщиков из-за недостатка навоза земля сильно истощалась. Но крестьяне на это не обращали особого внимания. Происходило постепенное падение интереса к ведению сельского хозяйства. Работники владимирского земства, исследовавшие влияние различных промыслов на село, пришли к выводу, что промысел каменщиков, поднимая общее благосостояние крестьянского двора, разрушал земледелие в деревне⁸. Мнение о том, что дальний строительный отход препятствовал развитию сельского хозяйства, разделяли и сотрудники ярославского земства. Так, согласно исследованиям земских статистиков, в 1901 г. свыше 90% кровельщиков, землекопов и штукатуров не возвращалось в деревню на сельскохозяйственные работы⁹. Похожая ситуация складывалась и в районах с другими видами отхожих промыслов, в особенности в тех местах, где получил развитие отход для торговли в Петербурге и Москве. Спецификой такого отхода было то, что в нем крестьянин был занят, в основном, не сезонно, а круглый год, и занимающиеся им крестьяне покидали родные места на длительный срок. Так, подавляющее большинство (96,1%) крестьян-торговцев Ярославской губернии брало годовые паспорта¹⁰. При этом следует учитывать, что срок действия паспорта можно было продлить, не возвращаясь в деревню. В связи с этим многие торговцы приезжали на побывку в родную деревню не каждый год. Большинство торговцев, по замечанию земского корреспондента, от крестьянского труда «отвыкают и гнушаются, считая его за унижение своего достоинства»¹¹. К тому же торговцы, с юных лет проживавшие в городе, не

⁶ Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Т. VIII. Суздальский уезд. Вып. III. Промыслы крестьянского населения. Владимир на Клязьме, 1902. С. 21.

⁷ Там же. С. 23.

⁸ Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Т. VIII. Вып. III. С. 24.

⁹ Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 19. С. 55.

¹⁰ Там же. С. 591.

¹¹ Там же. С. 15–16.

обладали многими крестьянскими навыками: не умели пахать, выполнять другие сложные сельскохозяйственные работы. Поэтому они были плохими помощниками в семье, даже если приезжали домой в отпуск.

На рубеже XIX–XX столетий, по данным паспортной статистики, 80% ярославских крестьян, занятых в торговле, не принимали никакого участия в сельскохозяйственных работах своего двора. Промысловый заработок для крестьян этой группы стал основным источником дохода. Земледелие рассматривалось ими как второстепенное занятие, которое не бросается только потому, что дороговизна городской жизни не позволяла торговцу перебраться в город со всей семьей.

В пореформенный период вместе с развитием крупной промышленности увеличивался и отход крестьян на фабрики и заводы. Предприятия, ранее сокращавшие свою работу в летний период, в конце XIX – начале XX в. отказываются от такой практики. Отход на фабрики для многих крестьян становится круглогодичным занятием. Один из корреспондентов Владимирского земства писал по этому поводу: «Фабричный колокол не знает времени года и звонит с педантичной точностью, призывая крестьян, бросивших соху, к бездушной машине, а если кто уйдет с фабрики на летние работы, того на зиму уже не берут» [1, с. 14]. По данным земской статистики, продолжительность рабочего года у фабричных рабочих Нерехтского уезда Костромской губернии составляла 11,3 месяца у мужчин и 11,8 месяца – у женщин¹². В связи с тем, что к концу пореформенного периода многие крестьяне были заняты на предприятиях круглый год, численность фабричных рабочих, принимавших участие в полевых работах, резко сокращается.

Малая доходность сельского хозяйства по сравнению с отхожими промыслами приводила к тому, что в ряде мест трудно было за сданную в аренду землю получить хотя бы небольшой доход. Так, по сообщению уездного исправника, в Ериловской волости Пошехонского уезда Ярославской губернии «арендная плата за землю – самая ничтожная и выражается в большинстве в одних “огородах” и “поденщинах”, т.е. берущий на аренду землю обязуется огораживать ее наравне с другими и исправлять очереди, напр. ночной сторожки, хождения в понятия, исправления дорог и проч., все же денежные повинности остаются на ответственности хозяина»¹³. Подобная практика сдачи надельной земли в аренду была распространенным явлением в Костромской и Владимирской губерниях¹⁴. В одной из местностей Покровского уезда недалеко от Орехово-Зуева душевой надел сдавался

¹² Сборник статистических сведений по Костромской губернии. Т. 1. Нерехтский уезд. Вып. 1. Кострома, 1901. С. 47.

¹³ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 485. Оп. 5. Д. 557. Л. 4.

¹⁴ Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. VIII. Кострома, 1891. С. 21; [1, с. 24].

всякому желающему ни больше, ни меньше, как за крынку молока. Нередко в хозяйствах отходников часть или вся пашня запускалась из-за трудностей с поиском каких-либо арендаторов¹⁵.

Интересная ситуация вокруг наделной земли складывалась в одном из «фабричных» уездов Владимирской губернии – Ковровском. Отход на фабрики к концу XIX в. здесь увеличился настолько, что «пахарям» некоторых волостей стало не под силу обрабатывать всю наделную землю. Это вынудило «крестьян-пахарей нарезать отсутствующим безнадельным односельчанам землю и заставлять их наравне с собою нести денежные и натуральные повинности». Но так как охотников, желавших вернуться обратно в деревню, было очень мало, то вновь нарезанные пахотные полосы сельское общество обычно отводило в каждом поле в дальнем углу и особым участком, мало пригодным для эксплуатации. Таким образом, община нашла своеобразный «компромисс: денежные повинности платят отсутствующие, а натуральную отбывают в большинстве случаев “пахари”, причем они безвозмездно пользуются покосом и лесом отхожего промышленника»¹⁶.

В то же время, благодаря отходу, происходил процесс не только отрыва крестьянина от земли, но и укрепления этой связи. Покупка помещичьей земли шла, в основном, за счет денег, полученных крестьянами в отходе. Большинство крестьян рассматривало уход от земледелия как временный период. Заработав в молодые годы деньги на стороне, они хотели в дальнейшем вернуться к сельской жизни. Земля была своеобразным «страховым полисом» для крестьянина, который мог быть использован в случае различных неудач вне родного села.

Широкое распространение отхожих промыслов негативно отражалось на сельском хозяйстве Верхнего Поволжья. В регионе шло сокращение площади посевов. В 1909–1913 гг. посевная площадь составляла к площади посевов 1881 г. во Владимирской губернии 86,2%, в Костромской – 90,9%, в Ярославской – 86,1%¹⁷. В основном сокращение посевных площадей происходило за счет помещичьего хозяйства. В крестьянских хозяйствах площадь посевов уменьшалась более медленными темпами [1, с. 9]. Но этот процесс шел неуклонно, несмотря на общий рост сельского населения Верхнего Поволжья. К тому же относительно невысокий прирост населения деревни, снижение качества трудовых ресурсов тормозили переход к более

¹⁵ ГАЯО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 249. Л. 2–3; Оп. 4. Д. 672. Л. 1–2.

¹⁶ Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Т. VII. Вып. III. Владимир на Клязьме, 1901. С. 10.

¹⁷ Труды Госплана. Кн. V. Вып. 1. Сельское хозяйство Центрально-промышленной области. М., 1925. С. 51.

передовым системам земледелия, так как плотность населения является одним из основных факторов сельскохозяйственного развития.

Показатели нехватки рабочих рук в помещичьих и, отчасти, крестьянских хозяйствах, сокращения обрабатываемых земель заставляют по-новому взглянуть на проблему аграрного перенаселения в регионе.

Итак, демографические процессы, протекавшие в пореформенной деревне, затрагивали в той или иной степени все стороны жизни села и, в значительной мере, определяли его экономическое развитие.

Литература

1. *Александров Л.Я.* К вопросу о положении земледелия во Владимирской губернии (Краткий историко-статистический очерк). Владимир на Клязьме, 1903.

2. *Александров Н.М.* Мобилизация земли в России во второй половине XIX – XX вв. (по материалам Верхнего Поволжья) // *Марийский археографический вестник.* № 23. 2013. Йошкар-Ола, 2013.

3. *Александров Н.М.* Сельское население и аграрное развитие России в пореформенный период (по материалам Верхнего Поволжья). Ярославль, 2008.

4. *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М., 1980.

5. *Воробьев К.* Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии. Статистический очерк. Ярославль, 1903.

6. *Жбанков Д.Н.* Бабыя сторона // *Материалы для статистики Костромской губернии.* Вып. 8. Кострома, 1891.

7. *Рындзюнский П.Г.* Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. (Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983.

8. *Тихонов Б.В.* Переселения в России во второй половине XIX в.: По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М., 1978.

9. *Янсон Ю.Э.* Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1881.

Демографические процессы в годы Первой мировой войны: город и село (по материалам Калужской и Орловской губерний)

В статье, основанной на материалах Российского государственного исторического архива, впервые вводящихся в научный оборот, рассматривается воздействие Первой мировой войны на демографические процессы в городе и селе.

Ключевые слова: естественный прирост населения, численность населения, рождаемость, брачность, смертность, Первая мировая война.

К началу Первой мировой войны в России, как и в странах Западной Европы, наблюдалось снижение рождаемости и смертности. Причем Россию отличала неравномерность демографического перехода в региональном и социальном отношениях. Более отчетливо тенденции к снижению рождаемости наблюдались в центральных и западных индустриально развитых районах, касаясь преимущественно городского населения и отдельных социальных слоев: дворянской и разночинской интеллигенции, некоторых групп мещанства [1, с. 188–189]. Общее понижение смертности в результате успехов медицины не коснулось, к сожалению, остававшейся высокой детской смертности. Накануне Первой мировой войны умирала $\frac{1}{4}$ часть младенцев до года, а к 15-летнему возрасту – почти половина родившихся. Как ни парадоксально, но одновременно с понижением рождаемости и смертности темпы естественного прироста населения увеличивались в результате возрастания разницы между рождаемостью и смертностью [1, с. 189].

Первая мировая война оказала стрессовое воздействие на демографические процессы в Российской империи: сократилась численность, брачность, рождаемость и естественный прирост населения. Статистические обзоры Российской империи, отчеты губернских статистических комитетов, направляемые в статистический отдел МВД, отчеты о состоянии губерний, ежегодно составлявшиеся при канцеляриях губернаторов, обзоры епархий, сводные статистические ежегодники России позволяют охарактеризовать влияние военного фактора на демографическое поведение городских и сельских жителей, проследив воздействие на него социально-экономических

---

¹ Белова Ирина Борисовна, доктор исторических наук, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, igina-25.01@mail.ru, Россия, г. Калуга; Букалова Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, РАНХиГС при Президенте РФ, Орловский филиал, STL1612@yandex.ru, Россия, г. Орел.

факторов, связанных с войной. Для анализа были взяты две центральные губернии Европейской России – Калужская и Орловская, численность населения которых в 1913 г. составляла 1 млн 445,2 тыс. и 2 млн 719,1 тыс. человек соответственно².

К началу Первой мировой войны Российская империя занимала первое место среди стран-участниц по численности населения: на 1 января 1914 г. на ее территории проживало 178378,8 тыс. с учетом Финляндии (или 175137,8 тыс. чел. без Финляндии); в 1917 г. население России составляло 174,5 млн человек [1, с. 190]. Для России была характерна высокая брачность и рождаемость, присущая земледельческим странам. Война самым негативным образом сказалась на брачности и рождаемости. В российской армии не было практики регулярных отпусков для нижних чинов, и отрыв от дома в результате 19 мобилизаций военного времени мужчин репродуктивного возраста привел к значительному сокращению рождаемости. Доля мобилизованных в России к общему числу мужчин в возрасте от 15 до 49 лет (40,1 млн человек) составляла в годы войны 39%.

В Калужской губернии в 1914 г. был на 2% превышен показатель рождаемости 1913 г.: родилось 69703 против 68354 чел.; в 1915 г. рождаемость составила 90% от довоенного уровня, в 1916 г. – 65%³. В Орловской губернии составила 62% от довоенного уровня. Следует отметить и лавинообразное сокращение числа рождений (см. табл. 1).

Таблица 1

Рождаемость в Орловской губернии в 1913–1916 гг.

Годы	1913	1914	1915	1916
Динамика	100%	97%	87,4%	62%
Изменение по сравнению с предыдущим годом	100%	- 3%	- 9,3%	- 29,6%

Из таблицы видно, что если в 1914 г. число рождений составило 3% от уровня 1913 г., то в 1915 г. – 9,3% от уровня 1914 г., а в 1916 г. – 29,6%, т.е.

² Статистический ежегодник России. 1913 г. СПб., 1914. С. 37, 41.

³ Демографические показатели по Калужской губернии подсчитаны по: РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 704. Л. 1–101; Д. 712. Л. 1736–225; Д. 670. Л. 200, 204; Статистический обзор Калужской губернии за 1913 год. Калуга, 1914. С. 8. Приложение 3. Ведомость о движении населения между православными, раскольниками и иноверцами в Калужской губернии за 1913 год; Статистический обзор Калужской губернии за 1914 год. Калуга, 1915. Приложение 3. Ведомость о движении населения между православными, раскольниками и иноверцами в Калужской губернии за 1914 год; Статистический ежегодник России. 1913 г. СПб., 1914. С. 37, 41; Статистический ежегодник России. 1914 г. СПб., 1915. С. 37, 41; Статистический ежегодник России. 1915 г. СПб., 1916. С. 37, 41.

почти треть от уровня предыдущего года⁴. Для сравнения уровень рождаемости в центральной России в годы войны сократился наполовину, а общее понижение рождаемости в России в период войны составило 46%.

В сельской местности сокращение рождаемости было более глубоким. Изменение рождаемости в городах и сельской местности в военный период в Калужской губернии представлено в табл. 2.

Таблица 2

Рождаемость в Калужской и Орловской губерниях в 1913–1916 гг.

Год	Количество родившихся		Изменение по сравнению с 1913 г. (в %)	
	В городе	На селе	В городе	На селе
Калужская губерния				
1913	4082	64272	100	100
1914	4867	64893	+19,23	+0,96
1915	4938	56637	+20,97	- 11,87
1916	3816	43277	- 6,52	- 32,66
Орловская губерния				
1913	8210	110093	100	100
1914	10439	107790	+27	- 2
1916	7636	65717	- 6	- 40

Доля городского населения Калужской губернии в 1913 г. составляла 7,8%, а в Орловской – 11,4%. В то же время на города приходилось только 6% и 6,2% рождений соответственно. В 1914 г. при сохранившейся пропорции населения удельный вес рождений в городах вырос до 7% в Калужской и 9,2% (то есть 1,5 раза) в Орловской губернии, оставаясь практически на том же уровне до 1917 г.

Показателем «моральной статистики», на основании которого можно судить о социальной благополучности общества, является число внебрачных детей (см. табл. 3).

⁴ Демографические показатели Орловской губернии подсчитаны по: РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 719. Л. 123. Таблицы умерших за 1916 год по городам и уездам Орловской губернии (православного вероисповедания); Д. 712. Л. 44–46. Таблицы родившихся за 1916 год по городам и уездам Орловской губернии; Ф. 796. Оп. 442. Д. 2718. Л. 14. Отчет о состоянии Орловской епархии за 1915 год; Оп. 440. Д. 1248. Л. 8, 9. Приложение к отчету о состоянии Орловской епархии за 1914 год. Рождения, смерти, бракосочетания; Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 525. Оп. 1. Д. 1258; ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 1258. Л. 7. Сведения о жителях в губернии обою пола, кроме войск и беженцев. 25 декабря 1915; Обзор Орловской губернии за 1913 год. Орел, 1914. С. 10; Обзор Орловской губернии за 1914 год. Орел, 1915. Приложение 7, 8; Статистический ежегодник России. 1916 год. Выпуск 1. Пг., 1918. С. 33.

Количество внебрачных детей

Годы	% внебрачных детей от общего числа родившихся	
	по Калужской губернии	по Орловской губернии
1913	1,2	1,42
1914	1,4	0,9
1915	1,6	нет данных
1916	2,2	2,3

В 1913 г. таковые составляли 1,2% в Калужской и 1,4% новорожденных в Орловской губернии. При этом на долю городов Калужской губернии приходилось 29% таких случаев, на долю села – 71%. В Орловской губернии доля города в этом вопросе была выше: 58,4% внебрачных детей (в 1913 г.). В Калужской губернии число детей, рожденных вне брака, в военный период неуклонно росло: в 1914 г. их доля в общем числе рождений составила 1,4%, в 1915 г. – 1,6%, в 1916 г. – 2,2% (т.е. возросла почти в 2 раза). Однако в Орловской губернии начавшаяся война принесла резкое – почти на одну треть – сокращение числа внебрачных рождений. Причем доля города в них сократилась до 43%. Влияние оказал как массовый призыв молодых людей, так и отток из городов пришедшего на заработки населения. Впрочем, к 1916 г. число детей, рожденных вне брака, практически достигло довоенного уровня (97,3% от уровня 1913 г.), но теперь они составляли уже 2,3% от общего числа новорожденных. При этом 66% внебрачных детей родилось в городе. В 1916 г. стало заметно расти и число подкинутых детей, попадавших в городские приюты, особенно в Брянске, Ельце и Ливнах⁵. Несомненно, что определяющее влияние в этой ситуации оказала концентрация в городах большого числа беженцев и военнослужащих гарнизонов.

В России традиционно исключительно высокой рождаемости соответствовал столь же высокий показатель брачности. Согласно переписи населения 1897 г., среди лиц старше 15 лет женатые мужчины составляли в России – 64,3%, замужние женщины – 64%. Между тем эти показатели были: во Франции – 56,5 и 55,3%, в Англии – 54,9 и 50,9%, в Германии – 53,7 и 50,8% [1, с. 192]. С началом войны произошло значительное сокращение числа совершаемых браков, отмеченное современниками. Эта тенденция объяснялась в первую очередь мобилизацией значительного количества молодых холостых мужчин, приведшей к диспропорции полов⁶. Данные по сокращению числа браков в Калужской губернии представлены в табл. 4:

⁵ РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 712. Л. 44–46.

⁶ Типичная фраза в отчетах губернских статистических комитетов: «Причиной уменьшения браков послужила, несомненно, война с Германией и Австрией» (Отчет Рязанского губернского статистического комитета за 1914 г. Рязань, 1915. С. 6).

Изменение уровня брачности в военный период

Год		1913	1914	1915	1916
Численность браков	всего	13089	9842	4814	4699
	город	714 (5,5%)	666 (6,8%)	386 (8%)	391 (8,3%)
	село	12375 (94,5%)	9176 (93,2%)	4428 (92%)	4308 (91,7%)
Доля браков (в %)	всего	100	75,19	36,77	35,9
	город	-	93,27	54	54,76
	село	-	73,9	35,78	34,81

Из таблицы видно, что в 1914 г. общее количество браков, заключенных в Калужской губернии, составило 75,2% от довоенного 1913 г. В городе число браков сократилось на 7%, а на селе – на 26%. В 1915 г. в губернии было заключено 4814 браков, что составило 36,8% от довоенного уровня, а в 1916 г. – 35,9%. Уровень брачности в городах в 1915 г. снизился на 46%, в 1916 г. – на 45,2%, а в сельской местности значительно больше – на 64,2% и 65,2% соответственно.

В Орловской губернии в первый военный год в городах число заключаемых браков изменилось очень незначительно (сокращение составило 5,8%), а на селе количество заключенных браков сократилось на 46,4%. В 1915 г. число заключаемых браков уменьшилось по сравнению с 1913 г. наполовину, а к 1916 г. – на 2/3. К 1916 г. уровень брачности в городах Орловской губернии снизился на 31,3%, а в селах и деревнях – на 64,5%. При этом возросла доля городских браков. В 1913 г. при доле городского населения в губернии чуть более 1/10, в городах заключалось только 6,5% всех браков. К 1916 г. это число возросло почти вдвое, достигнув 11,8%. При этом количество браков уменьшалось приблизительно равномерно. Так, в 1914 г. оно сократилось на 34,4% от уровня 1913 г., в 1915 г. – на 24,9% от уровня 1914 г., а в 1916 г. – на 23,7% от уровня предыдущего года.

Таким образом, сокращение количества браков, как и сокращение рождаемости, было более заметным в сельской местности, более чем в два раза превосходя городской уровень. В целом по стране уменьшение брачности среди крестьян, которые составляли основную часть мобилизованных, было более значительным (превышало 50%), чем среди городского населения [1, с. 193].

Заметных изменений смертности гражданского населения центральной России в военный период не отмечалось, в отличие от рождаемости. Смертность сохранялась примерно на довоенном уровне до 1918–1920 гг. Однако это не исключает признания фактов и уменьшения, и увеличения смерт-

ности в городах и в сельской местности, в различных регионах огромной страны. Рост заболеваемости и недостаток медицинского обслуживания в связи с отправкой большей части медперсонала в прифронтовую полосу, увеличение числа инвалидов, военнопленных, беженцев способствовали повышению смертности. В свою очередь, ее уменьшение определялось, прежде всего, сокращением рождаемости, а, следовательно, и детской смертности. Так, в 1914 г. смертность среди населения Калужской губернии возросла на 4,7%, в Орловской губернии – на 1,2%, в следующем году – сократилась на 4% и 1% соответственно, а в 1916 г. сократилась на 16,9% и 13% (все в сравнении с 1913 г., принимая его за 100%).

Таблица 5

Смертность в Калужской и Орловской губерниях в 1913–1916 гг.

Калужская губерния				
Год	1913	1914	1915	1916
Численность населения	1445,2	1476,6	1497,2	нет данных
Общее число умерших	46090	48270	44323	38301
К уровню 1913 г. (в %)	100	104,7 (+4,7)	96,16 (-4)	83,1 (-16,9)
Орловская губерния				
Численность населения	2716049	2544388	2555088	2342251
Общее число умерших	73317	74 196	73487	63736
К уровню 1913 г. (в %)	100	101,2 (+1,2)	100,23 (+0,23)	87 (-13)

Часть эффекта снижения уровня смертности можно приписать сокращению на 8% доли мужской смертности, т.к. к 1916 г. мобилизации изъяли уже довольно заметное количество разновозрастного мужского населения, которое погибало за пределами губерний. Кроме того, в прямой зависимости от снижения рождаемости находилось снижение детской смертности.

В России в годы войны существенно снизились темпы естественного прироста населения, что было характерно и для других воевавших стран. Если с начала века до 1914 г. среднегодовой прирост населения России составлял примерно 16–17 ‰, то в 1915 г. он понизился до 9 ‰, а в 1916 г. – до 4,8 ‰. Тот факт, что естественный прирост населения в Российской империи в годы войны обнаружил неуклонное падение, признается всеми исследователями, занимавшимися этим вопросом, но цифры такого падения предлагаются разные. К примеру, исследователи С.И. Брук и В.М. Кабузан определили естественный прирост населения в 1914 г. в 2,8 млн, в 1915 – в 1,7 млн, в 1916 – около 1 млн человек [1, с. 194]. Отметим, что по материалам Калужской губернии, с 1915 г. (а в Орловской губернии – уже с 1914 г.) естественный прирост населения был положительной величиной за счет сельской местности, а в городах с 1914–1915 гг. наблюдалось превышение смертности над рождаемостью (см. табл. 6).

Естественный прирост населения

Год	1913 +прибыль -убыль	1914 +прибыль -убыль	1915 +прибыль -убыль	1916 +прибыль -убыль
Калужская губерния				
города	+901	+1020	-58	-322
уезды	+21363	+20416	+17310	+6378
всего	+22264	+21436	+17252	+6056
Орловская губерния				
города	+1656	-553	нет данных	-1436
уезды	+43330	+40537	нет данных	+11053
всего	+44986	+39984	+30744	+9617

В 1913 г. среднегодовой прирост населения Калужской губернии составлял примерно 18 ‰, в 1914 – 14,5 ‰, в 1915 г. он понизился до 11,5 ‰, а в 1916 г. – до 4 ‰. Эти цифры вполне соответствуют общероссийским (см. табл. 7).

Таблица 7

Среднегодовой прирост населения в 1913–1916 гг. (в ‰)

Год	Россия	Калужская губерния	Орловская губерния
1913	16–17	18	16,6
1914	16–17	14,5	15,7
1915	9	11,5	12
1916	4,8	4	3,2

Общепризнанным является то, что до 1917 г. сокращение естественного прироста не приводило к уменьшению общей численности населения. Это произошло лишь в 1917 г., когда естественный прирост стал отрицательной величиной (смертность превысила рождаемость), составив минус 0,6 млн человек, или минус 3,7%. Между тем, в других воюющих странах (кроме Англии) естественный прирост стал отрицательным уже в 1915 г., а в 1916–1918 гг. сокращение населения возросло. Следует также учитывать, что удельный вес мобилизованных на войну ко всему населению был в странах Запада существенно выше, чем в России. Так, в России он составлял 9,4% (если считать общую численность населения в 160 млн человек), во Франции – 20%, в Германии – 19,5%, Австрии – 18,6%, Сербии – 16,5%, Италии – 15,5%.

Таким образом, Первая мировая война оказала существенное влияние на численность и воспроизводство населения. Сельское население России по сравнению с городским в годы войны несло большие демографические

потери за счет сокращения числа браков и рождений. Смертность в период войны в целом сохранялась на довоенном уровне до 1918 г. За годы войны в России существенно снизились темпы естественного прироста населения. Именно село давало ежегодный естественный прирост населения, в отличие от города, где с 1915 г. наблюдалась естественная убыль населения. Однако до 1917 г. сокращение естественного прироста не привело к уменьшению общей численности населения.

Литература

1. *Иванова Н.А.* Воздействие войны на демографическое развитие // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 188–202.

Переселенческое движение крестьян Рязанской губернии (по материалам исследования В.Н. Григорьева)

В статье проанализированы основные результаты исследования российского статистика и экономиста В.Н. Григорьева о переселенческом движении крестьян из южных уездов Рязанской губернии в 1859–1882 гг.

Ключевые слова: В.Н. Григорьев, переселенческое движение, крестьянство, Рязанская губерния.

В дореволюционной историографии труд российского статистика и экономиста В.Н. Григорьева является заметным исследованием по истории крестьянского переселения из южных уездов Рязанской губернии.

Василий Николаевич Григорьев родился в 1852 г. После окончания Инженерного училища служил саперным офицером в Киевской губернии. В 1874 г. вышел в отставку и поступил учиться в высшее аграрное учебное заведение Российской империи – Петровскую земледельческую академию. В 1876 г., как один из главных зачинщиков беспорядков в студенческой среде, был выслан в город Пудож Олонецкой губернии под надзор полиции. Однокурсником и близким другом В.Н. Григорьева по Петровской академии стал известный писатель В.Г. Короленко. Впоследствии деятель революционного народнического движения О.В. Аптекман в личных воспоминаниях о В.Г. Короленко писал: «Вл[адимир] Гал[актионович] с глубоким уважением и симпатией говорил о Григорьеве. Чужалось, что Влад[имир] Гал[актионович] находится под влиянием своего друга. Две родственные души. Григорьев – более холодный, точно холодный мрамор. Влад[имир] Галакт[ионович] – мягкий, нежный, но не сентиментальный, – и не менее Григорьева твердый, не менее негибачаемый, чем и друг его. Две, друг друга дополняющие, крупные и красивые индивидуальности» [1, с. 66].

В 1880 г. В.Н. Григорьев исследовал кустарные промыслы Павловского региона Нижегородской губернии, затем два года заведовал статистическим отделом Рязанского губернского земства, а в 1886–1897 гг. руководил статистической службой города Москвы. С 1896 г. был членом Московской городской управы, принимал активное участие в делах городского хозяйства. В течение 13 лет он состоял членом статистического отделения Московского юридического общества, закрытого в 1899 г.

В.Н. Григорьев являлся автором многочисленных работ. Его первая печатная работа «Кустарное замочно-ножевое производство Павловского

¹ Будкина Юлия Борисовна, кандидат исторических наук, Рязанский государственный университет им. Есенина, yu.budkina@rsu.edu.ru, Россия, г. Рязань.

района» была опубликована в 1881 г. в приложении к книге «Волга» В. Рогозина. По городской статистике известна его работа «Хлебопекарный промысел и такса на хлеб в Москве» (1889 г.). Статьи В.Н. Григорьева печатались в таких известных периодических изданиях, как «Русская мысль», «Юридический вестник», «Русские ведомости». Стоит отметить, что лидер партии большевиков В.И. Ленин в своем фундаментальном труде «Развитие капитализма в России» широко использовал материалы из работ Григорьева [3, с. 675, 736].

С «рязанским периодом» деятельности В.Н. Григорьева связано появление его самой крупной работы «Переселения крестьян Рязанской губернии», изданной редакцией журнала «Русская мысль» в 1885 г.² Исследование было по достоинству оценено современниками. Об этом выразительно свидетельствует тот факт, что данный труд был удостоен Императорским Московским университетом половины премии имени Ю.Ф. Самарина, известного публициста, общественного деятеля, одного из главных идеологов и практических деятелей «Великой крестьянской реформы» (премия присуждалась за сочинения по крестьянскому и земскому делу).

Издание исследования предворяли отзывы членов комиссии по присуждению премии Ю.Ф. Самарина [2, с. I–XVI]. Благодаря глубокому отзыву видного ученого-экономиста А.И. Чупрова, опубликованному в 1884 г. в журнале «Юридический вестник»³, В.Н. Григорьеву присудили половину премии. Другой отзыв, написанный известным общественным деятелем, славянофилом А.И. Кошелевым, не был представлен в комиссию по причине его внезапной кончины 12 ноября 1883 г. Видимо поэтому, В.Н. Григорьев посвятил свой труд памяти А.И. Кошелева, о чем свидетельствует соответствующая надпись в начале книги.

В труде «Переселения крестьян Рязанской губернии», содержащем три главы, всесторонне рассмотрена история переселенческого движения из Данковского, Раненбургского и Скопинского уездов, охарактеризованы причины миграции, способы передвижения крестьян, последствия переселения, как для уехавших земледельцев, так и для оставшихся на местах. Ограничение работы только тремя уездами Рязанской губернии В.Н. Григорьев объяснял тем, что в 1882 г. статистические работы Рязанского земства были временно прекращены, материал мог устареть и поэтому автор принялся за его обработку, не дожидаясь окончания статистического обследования всей Рязанской губернии.

---

² Кроме названного исследования по Рязанской губернии Григорьевым были изданы 4 выпуска «Сборника статистических сведений».

³ Чупров А. В.Н. Григорьев. Крестьянские переселения с юга Рязанской губернии // Юридический вестник. 1884. Т. XVI. С. 251–261.

Обширный фактический материал был собран автором в ходе проведения статистических работ по поручению Рязанского губернского земства. В исследовании широко использованы материалы статистических обследований 1859–1882 гг. и документы более раннего времени. В качестве приложения опубликованы письма переселенцев и программа исследования переселенческого движения в местах выхода крестьян.

В.Н. Григорьев четко определил, что он вкладывает в понятие «переселенец». Автор считал «переселенцем всякого, кто окончательно порвал хозяйственную связь со своим родным селением и ушел с семьей устраиваться на новые места» [2, с. 2].

В работе представлены подробные статистические сведения о том, откуда, куда и в каком количестве производились переселения. Показаны особенности миграционного движения, определяемые участием в нем бывших частновладельческих и государственных крестьян. Автору удалось определить степень достатка переселенцев по сравнению с оставшимися на местах односельчанами, а также установить размер сумм, взятых с собою каждым переселившимся двором.

Приведенные В.Н. Григорьевым данные свидетельствуют о том, что в период с 1859 по 1882 г. из Данковского, Раненбургского и Скопинского уездов выселилась 3661 семья с 22438 душами обоюго пола, что составило 6% всего наличного крестьянского населения уездов [2, с. 18].

Основная масса крестьян направлялась преимущественно в Томскую и Тобольскую губернии (53% переселенцев). Степные и низовые губернии Европейской России и Кавказ приняли 34% переселенцев, в Уфимскую и Оренбургскую губернии перебралось 10% крестьян, остальные 3% переселились в промышленные губернии. При анализе крестьянских переселений из Рязанской губернии в 1877–1882 гг., автор акцентирует внимание на том, что так называемое «сибирское направление» приняло более 81% переселенческих семей [2, с. 36].

Главную цель своего исследования автор видел в изучении причин крестьянских переселений. На основе анализа собранного материала он выделил «постоянно действующие и временные причины».

Ключевой «побудительной причиной» переселенческого движения, по мнению автора, являлась «нужда во всех ее видах», а непосредственным поводом к выселению – бедность «или обстоятельства, расстраивающие хозяйство, или, по крайней мере, позволяющие предвидеть это расстройство» [2, с. 54–55]. Вместе с тем, нужда являлась как сильным стимулом к переселению, так и нередко причиной, задерживающей выселение. Последнее было связано, как убедительно доказал автор, с тем, что не все крестьяне могли «сбить» необходимую сумму денег на дорогу и первое

обзаведение на новом месте. При большом числе желающих выселиться крестьяне повсеместно сталкивались с трудностями продажи имущества, которое или невозможно было продать, или оно распродалось за бесценок. Такая ситуация являлась одной из причин, почему массовые выселения встречались крайне редко. По свидетельству автора, случалось и так, что крестьянин, распродав все имущество зимой, весной «шел на самару христовым именем» или вынужден был остаться на родине и «побираться», так как вырученных от продажи денег едва хватало, чтобы прокормиться с семьей до весны [2, с. 55–56].

Среди временных причин крестьянских миграций Григорьев выделил влияние неурожайных годов, пожаров, аукционных продаж крестьянского имущества за недоимку и другие. Были и так называемые «случайные» причины. Автор привел пример «кузовлевского богача», ушедшего в Томскую губернию «от стыда», поскольку полтора года пробыл в остроге за воровство [2, с. 44].

В.Н. Григорьев сосредоточил внимание на влиянии факторов, формировавших интерес крестьян к переселению. Среди них он выделил, прежде всего, «зазывания» уже переселившихся крестьян с помощью писем, которые оказывали огромное психологическое воздействие на коллективное сознание. В письмах переселенцы старались приукрасить условия своей жизни на новом месте. Так, например, переселенец Раненбургского уезда, ушедший с родины в 1878 г. писал из Томской губернии: «Удовольствие, какое сено! Я наставил на душу 400 копен, кроме вольных местов. Церковь 2 версты; лес-бор 3 версты; всякие ягоды и хмеля возле деревни. Земли пахать – сколько угодно; земля и леса никогда не делятся, и объездчиков нету. Потом наемка очень дорога: уборка хлеба – за десятину 20 пуд[ов] хлеба дают; нету косцов косить хлеб... Еще реки очень хороши; озера рыбные... Хлеба всякие рожь, пшеница, ярица, гречуха, просо, овес, ячмень и горох...» [2, с. 107]. Вот другой пример. Один из переселенцев написал в письме: «У вас – умереть, у нас – воскреснуть!» [2, с. 108].

В большинстве писем из Томской губернии содержались призывы к переселению родных и односельчан. Среди крестьянских рекомендаций обращают на себя внимание следующие: «...хоть на немудрой лошадке — поезжай к нам», «...возьми паспорт (и) иди со Христовым именем. Господь тебя донесет в добром здоровье, и то ты будешь семь крат счастлив» [2, с. 108].

В корреспонденции же крестьян-переселенцев, присланной из Самарской, Оренбургской и Уфимской губерний, нередкими были письма «прямо хулящие тамошние места».

Стоит отметить, что для крестьян письма переселенцев представляли особую ценность. В большинстве случаев их тщательно берегли и боялись

потерять. Поэтому при сборе материала, как отметил В.Н. Григорьев, письма «приходилось переписывать на местах, тотчас же возвращая оригинал их владельцу». Крестьяне сами приносили письма лишь в том случае, если не все понимали из написанного, поэтому и были «рады показать грамотею: авось, доберется!» [2, с. 4].

Крестьянский социум, в поисках лучшей доли, не ограничивался только письменной информацией об условиях жизни в местах поселения. Для получения непредвзятых сведений крестьяне организовывали так называемые «разведки» – поездки на новые места «ходовков», пользовавшихся авторитетом в крестьянской среде. В.Н. Григорьев отметил, что по мере того как вести о трудностях устройства на новых землях доходили до крестьян, все больше возрастало желание лично увидеть те места, куда они думали «перебраться на жительство». Известны случаи, когда отец не доверял сыну, звавшему его на новые места, «пока лично не убедится, что там можно хорошо устроиться» [2, с. 77].

Еще более привлекательным для крестьян, чем свидетельства писем, по наблюдениям Григорьева, был наглядный пример зажиточных земляков, которые после проведения «разведок» уходили на новые места со своей семьей. «Если уж богачи переселяются, – объясняли крестьяне подобные примеры – переселяются не зря, а побывав на новых местах, то, значит, там хорошо» [2, с. 77].

По мнению автора, несмотря на осмотрительность крестьян, встречались «неудачные попытки устроиться на новых местах», что заставляло земледельцев возвращаться обратно. Были зафиксированы факты «обратничества» рязанских крестьян из Самарской и ряда других губерний России.

Много внимания в работе уделено изучению стоимости и продолжительности пути до нового места жительства. Например, по приведенным данным автора, общая стоимость пути до Томска составляла 17–20 руб. на человека, вместе «с харчами» – 30–35 рублей [2, с. 120]. Григорьева интересовал вопрос и о взятой переселенцами в дорогу денежной сумме. Так, по его подсчетам, «главное зерно» переселенческого движения (60% всех выходцев) в Томскую губернию составили крестьяне, взявшие с собой от 50 до 300 руб. Переселялись туда и «тысячники», имевшие до 5 тыс. руб., а также крестьяне, весь наличный капитал которых составлял менее 50 рублей. Некоторые крестьяне отправлялись в путь, надеясь только на «христово имя» [2, с. 81].

Большинство рязанских переселенцев, как выяснил автор, отправлялось из дому весной на своих подводках, поскольку такой способ обходился дешевле. Шли крестьяне к новому месту примерно 3 месяца. В дорогу брали с собой одежду, инструменты, «что не особенно тяжело и громоздко», а самое главное съестные припасы (овес, пшено, сухари). Более зажиточные

крестьяне старались брать в дорогу самовар, чтобы пить кипяченую воду. В осеннее время переселенцы почти всегда пользовались водным путем [2, с. 121–122].

В.Н. Григорьев отметил трудности, с которыми сталкивались переселенцы во время пути: падеж лошадей, нехватка съестных припасов, болезни и смерть родных и односельчан, а также роды женщин в неблагоприятных условиях.

Рассматривая вопрос о последствиях переселенческого движения для Рязанской губернии, В.Н. Григорьев отмечал некоторое улучшение земельных условий для оставшихся крестьян, рост цен на рабочие руки, понижение арендной платы за землю «в местах усиленного выселения» [2, с. 154].

В результате проведенного исследования В.Н. Григорьев пришел к выводу, что главной причиной крестьянского переселения из южных уездов Рязанской губернии была «нужда во всех ее видах и в особенности несообразность количества надельной земли с рабочими силами семьи». В целом же переселенческое движение рязанских крестьян отличалось «значительной стройностью и обдуманностью», случаи же обратного возвращения переселенцев на родину были «немногочисленны» [2, с. 155].

Подводя итог, не будет преувеличением сказать, что В.Н. Григорьев внес значительный вклад в исследование различных аспектов переселенческого движения рязанских крестьян. Его наблюдения и выводы позволяют дополнить комплекс архивных материалов и глубже осмыслить значение этого сложного явления в жизни крестьянства дореволюционной России.

Литература

1. *Аптекман О.В.* В.Г. Короленко. Черты из личных воспоминаний // В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962.
2. *Григорьев В.Н.* Переселения крестьян Рязанской губернии: с отзывами проф. А.И. Чупрова и А.И. Кошелева. М., 1885.
3. *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 3. М., 1979.

Обратное переселение тамбовских крестьян в период столыпинских преобразований

Статья посвящена выявлению причин и масштабов обратного переселенческого движения тамбовских крестьян столыпинской эпохи, а также выяснению экономического положения обратных переселенцев на родине.

Ключевые слова: крестьянство, переселение, ремиграция, Сибирь, Тамбовская губерния.

Революционные потрясения в Российской империи привели к смене правительственного курса в отношении сельского социума. С изданием указа 9 ноября 1906 г. правительство П.А. Столыпина отказалось от сохранения общины и занялось созданием индивидуальных хозяйств на надельных, банковских и казенных землях. Программа столыпинской аграрной реформы предусматривала агрономическую помощь «новым собственникам», их финансовую поддержку и организацию крестьянского переселения из Европейской России в Сибирь и на Дальний Восток. Переселенческая кампания в ходе столыпинских преобразований преследовала, как минимум, две цели: смягчить остроту аграрных проблем в центре страны и ускорить освоение окраин российского государства. Началось массовое, невиданное доселе, превосходившее прогнозы, движение сельских жителей за Урал. Едва переселенцы достигли отдаленных районов Российской империи, как возник столь же заметный обратный миграционный поток.

Учитывая серьезное значение, которое коронные власти придавали освоению Сибири, тесную связь землеустройства и крестьянских миграций, естественно, актуальным становится изучение причин и динамики возвратного переселения, что логически ведет за собой выяснение экономического положения возвращенцев и их взаимоотношений с общинниками.

В начале XX в. обустройство новопоселенцев в сибирских губерниях зависело от ряда факторов, первым из которых следует назвать модель переселенческого поведения центрально-черноземного крестьянства. Успех адаптации новопоселенцев был связан с предварительной разведкой ходами местности, куда затем двинулись семейные переселенцы. По многолетним наблюдениям представителей Переселенческого управления, «ходачество обычно служит лучшим показателем интереса, проявляемого данной местностью к переселению, а, будучи удачным, является предвест-

¹ *Безгин Владимир Борисович*, доктор исторических наук, Тамбовский государственный технический университет, vladuka62@mail.ru, Россия, г. Тамбов; *Токарев Николай Васильевич*, АНО СПО «Колледж права и безопасности», n_tokarev@mail.ru, Россия, г. Тамбов.

ником усиленного движения» [2, с. 3]. Таким образом, ход и масштабы крестьянских миграций находились в прямой зависимости от разведки ходами новых мест.

Но модель поведения потенциального переселенца столыпинского времени была далека от идеальной. Значительная часть тамбовских переселенцев, в силу уже сложившихся миграционных связей, выбирала, прежде всего, Томскую губернию, хотя на Алтае адаптацию затрудняли спорадически повторяющиеся неблагоприятные факторы: засухи, наводнения, ураганы, малое количество осадков и их неравномерное распределение по временам года, малоснежные зимы, неожиданные смены температурных режимов и т.д. [5, с. 117]. «Даже сходные по природно-географическим условиям с метрополией районы не были застрахованы от частых природных катаклизмов», – отметил М.К. Чуркин [11, с. 34].

Выбирая места обустройства за Уралом, крестьянин менее всего оценивал риски сибирской жизни, столь же мало стремился к поиску благоприятной природно-географической среды обитания [11, с. 32]. Усманские крестьяне, поселившиеся в Барнаульском уезде Томской губернии, свидетельствовали: «Переселяясь в Сибирь, мы думали получить побольше земли и получили» [10, с. 61]. Однако новоселы были не рады этой земле, встретившись с непривычными природными условиями: «Здесь голодная степь, сколько глаз окинешь: ни реки, ни озера, ни деревца». Налицо, очевидно, длительный, но безуспешный процесс приспособления к экстремальным условиям земледельцев, готовых уже покинуть места вселения: «Не родились мы для этих диких мест, где вечные страшные ветры, суровые холодные зимы, до которых мы никак не можем привыкнуть» [10, с. 61].

Для переселенцев этого периода в их пребывании за Уралом определяющую роль сыграли социально-экономические условия. Естественно, укоренение на новых местах было в особенности связано с количеством средств, принесенных выходцами из Европейской России в Сибирь, не говоря уже о количестве в семьях лиц работоспособного возраста, об обеспеченности инвентарем и землей на родине.

Для дальнейшей судьбы крестьянского землевладения в России важнейшее значение имел указ 9 ноября, по которому каждый домохозяин, владевший надельной землей на общинном праве, мог требовать укрепления за ним в личную собственность своего надела. Отныне крестьяне получили право при переселении отчуждать не только подворно-наследственные участки и усадьбы, но также и полевые наделы из общинной земли.

У тамбовских переселенцев столыпинской эпохи было несколько способов распоряжения своим наделом. Первый вариант заключался в использовании преимуществ нового аграрного законодательства. В этом случае

после укрепления крестьянин либо передавал надел в аренду, либо продавал односельчанам. Достаточно редкой была ситуация, когда переселенец оставлял землю на родине в своем распоряжении на случай неудачного обустройства в Сибири. Наконец, мигрант мог передать земельную собственность в пользование родственникам, оставшимся в родном обществе.

По нашим подсчетам, в 1912 г. из 113 эпизодов, известных по рапортам волостных правлений, общество купило землю у переселенцев в 2 случаях. 75 показаний относятся к продаже земли частным лицам. В аренду земля сдавалась в 24 случаях. В 7 случаях переселенцы подстраховались, передав наделы родственникам. Для крестьян, пустившихся в путь из Козловского уезда, наиболее предпочтительной была продажа наделов. По данным земских начальников, переселенцами было продано 669 дес., а в аренду сдано только 90. Итак, выборочное исследование отчетных материалов земских начальников Тамбовской губернии, изучавших проблему ликвидации наделов переселенцами, показывает, что продажа земли была самым выгодным вариантом, ибо давала дополнительные средства для обустройства в Сибири².

Усиление движения в азиатскую Россию сопровождалось форсированной мобилизацией укрепленной земли. По подсчетам М.С. Симоновой, в 1914 г. из 1972 тамбовских крестьян, продавших земли чересполосного владения, 32,8% в качестве причины называли переселение. Среди продавцов хуторских и отрубных участков, занимавшихся земледельческим трудом, тамбовцы-переселенцы составили 37,9% [7, с. 442, 443, 448].

Землеустроительная процедура была длительной, требовала присутствия ходатая на разных этапах отвода отрубов, что для мигрантов, находившихся за тысячи верст от покинутой родины, было связано с внушительными затратами времени, денег и усилий. Действуя через доверителей, родственников и земляков, но не добиваясь выдела к одному месту, переселенцы решались на продажу своих наделных полос по заведомо более низкой цене. Например, своим односельчанам, уехавшим из Усманского уезда на Алтай, общество крестьян села Княжая Байгора сначала отказало в укреплении земли, через год общинники уклонились от добровольного выдела «в виде не имения свободной общественной земли». Только спустя 2 года томские новоселы оформили у нотариуса продажную сделку, уступив землю бывшим соседям³.

Опрос проходивших через регистрационные пункты мигрантов показал, что в 1896–1911 гг. в Сибирь направлялись 19847 тамбовских семей, которые оставили на родине 68541 дес. земли. По сведениям челябинско-сызранской регистрации, в начале XX в. переселенческие семьи из Тамбовской

² Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 26. Оп. 4. Д. 1233. Л. 47–62.

³ Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). Ф. 29. Оп. 1. Д. 8 «А». Л. 12, 28, 29.

губернии получали от продажи наделной земли в среднем 230 руб. и 76 руб. от аренды [8, с. 245, 261].

Помимо материальной состоятельности переселенцев на приспособление к новым условиям жизнедеятельности влиял и юридический статус мигрантов: легальных, прибывших с исполнением всех административных условий и ограничений, и нелегальных, отправившихся в рискованное путешествие за Урал без каких-либо гарантий со стороны властей. Однодневная перепись 1909 г. зафиксировала 8376 семейств тамбовцев, обосновавшихся в Томской губернии в статусе не приписанных переселенцев [3, с. 229]. В 1909 г. только в одном селе Кобылинском Барнаульского уезда Томской губернии временно проживали десятки липецких крестьян, в семьях которых насчитывалось 163 души мужского пола⁴.

Будучи «самоходами», без свидетельств, выданных земскими начальниками и землеустроительными комиссиями, выходцы из Центрального Черноземья, обойденные при земельном устройстве старожилов, имели мало шансов на поселение и на вновь образованных участках.

Даже большая группа нелегальных переселенцев не могла рассчитывать на смягчение позиции местных властей. В ноябре 1908 г. крестьяне села Иноковки Кирсановского уезда самовольно выехали (часть «с семействами, другие же без семейств») в Барнаульский уезд Томской губернии. Они нашли подходящий для переселения участок в Кузнецком уезде Томской губернии. Но сибирские власти отказали в зачислении земли тамбовцам, не имевшим «ходаческих» свидетельств. Не найдя поддержки и у тамбовских властей, иноковцы должны были покинуть Сибирь, не ставшую для них второй родиной⁵.

Контакты с другими поселенцами на казенных участках приобретали решающее значение в случае пестрого этнического состава соседей. Так, из Барнаульского уезда писали на родину: «Да и удалось нам еще поселиться среди чужих нам людей – малороссов и немцев, с которыми мы никогда не можем ужиться, потому что у нас другие порядки и не такие совсем обычаи» [10, с. 61].

Наконец, оказывали воздействие на процесс и сроки устройства новоселов их взаимоотношения со старожилами. Покинувшие родину адаптировались быстрее в старожильческих селах, чем на переселенческих участках [4, с. 34]. Массовое переселение тамбовских крестьян, уже на протяжении десятилетий участвовавших в колонизации Сибири, привело к созданию компактных земляческих общин, которые обладали значительным удельным весом в отдельных поселениях. По воспоминаниям В.П. Семено-

⁴ ГАЛО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 25. Л. 2–5.

⁵ ГАТО. Ф. 41. Оп. 3. Д. 12. Л. 5, 8, 9.

ва-Тян-Шанского (1895 г.), приход пореформенных переселенцев разделил западносибирскую деревню Верхние Чемы на две половины: коренную сибирскую и «тамбовскую» [6, с. 342]. В алтайском селе Старая Барда в начале XX в. образовалось даже 3 участка застройки: Сибирский, Тамбовский и Кержацкий концы [1, с. 240]. В стародавних поселениях столыпинские мигранты помимо поддержки родственников и земляков имели больше возможностей для работы, кредита и аренды у старожилов.

Наряду с этим все более растущий наплыв переселенцев, претендовавших на постоянное проживание, создал напряженность в их взаимоотношениях с коренными жителями и старожилами. Цена на приемные приговоры росла в прогрессии: в 80-х гг. XIX в. – 35–50 руб., в 90-х гг. XIX в. – 70 руб. [4, с. 34]. С началом столыпинского переустройства крестьянской жизни совпало новое повышение стоимости приемного приговора в сибирских крестьянских общинах. В 1899 г. приемный приговор Кирзинского общества Барнаульского уезда Томской губернии обходился переселенцу в 50 руб. с души, а в 1907 г. – уже более 100, что также осложняло проблему обустройства за Уралом⁶.

Среди лебедянских крестьян распространилась молва, что в Томском уезде с началом аграрных преобразований взлетели цены на «единовременные взносы в пользу общества»: «Взносы эти согласно уменьшения числа душевых долей в обществах прогрессивно растут и сейчас местами доходят до 75–100 р. за каждую душу»⁷. Чтобы приписаться к старожильческому обществу в Барнаульском уезде Томской губернии, в 1914 г. надо было заплатить за приемный приговор 110 руб. за каждую мужскую душу⁸.

По свидетельству современника, категория обратных переселенцев, называвших на Челябинском переселенческом пункте в качестве причины неудачного водворения за Уралом «дорогие приемные приговоры», увеличилась с 5% в конце XIX в. до 10–15% к началу аграрной реформы [9, с. 9].

Полная адаптация мигрантов в сибирских губерниях с началом столыпинских преобразований затягивалась [4, с. 35]. Длительные сроки устройства переселенческих хозяйств делали их положение нестабильным. Достаточно было, например, ухудшения природных условий, чтобы переселенец вновь собрался в дорогу. Так, неурожай в Сибири вынудил кирсановского крестьянина после двухлетнего пребывания в Енисейской губернии вернуться на родину, в надежде вернуть проданный душевой надел, и вновь отправиться за Урал – при отказе покупателя аннулировать сделку⁹.

⁶ ГАТО. Ф. 26. Оп. 4. Д. 220. Л. 321, 324.

⁷ Там же. Л. 796.

⁸ Там же. Д. 1763. Л. 35.

⁹ Там же. Д. 1761. Л. 1081.

Основным источником, позволяющим оценить масштабы и характер движения тамбовских ремигрантов, остается челябинско-сызранская регистрация переселенцев, к достоверности данных которой у дореволюционных и современных исследователей имеются серьезные и обоснованные претензии. Еще меньшей полнотой отличались собиравшиеся на периферии и отправленные в губернский центр донесения волостных правлений, чрезвычайно перегруженных целым ворохом всевозможных обязанностей и тяготившихся подробным и тщательным разбором положения обратных переселенцев. Отбиваясь от требований губернского присутствия, тщетно ожидавшего освещения переселенческого дела в установленное время, земские начальники, обобщавшие информацию из волостей, указывали самые причудливые причины срыва сроков. Земский начальник 8 участка Моршанского уезда 5 апреля 1912 г. объяснил задержку (срок до 1 апреля) с представлением сведений об итогах переселенческого движения в 1911 г. плохой работой земской почты из-за Пасхи и «разлива вод»¹⁰. На весеннюю распутицу сетовал земский начальник 2 участка Кирсановского уезда, утративший связь с волостными правлениями и предупреждавший о невозможности исполнить требование губернского присутствия¹¹.

Разница в местных данных и в итогах промежуточной регистрации «обратников» правительственными чиновниками существенна. Если сотрудники Переселенческого управления насчитали в 1911 г. 3243 обратных переселенца из 622 семейств, то на стол тамбовскому губернатору Н.П. Муратову попали сообщения о 53 семействах (338 человек). В следующем году соотношение сохранилось: на обратном пути в Челябинске и Сызрани были зафиксированы представители 286 тамбовских семейств, тогда как из уездов доложили губернской администрации лишь о 50 семьях возвращенцев¹².

Провинциальные власти в Европейской России не имели полной картины результатов и последствий реверсивного переселенческого потока. Это вынуждает нас снова обратиться к опубликованным отчетам Переселенческого управления за 1906–1916 гг. По количеству прямых переселенцев Тамбовская губерния среди центрально-черноземных губерний в это время обгоняла только Орловскую губернию, уступая Воронежской и Курской губерниям. С обратным переселением наблюдалась иная картина: возвращавшиеся в родные земли тамбовцы шли на втором месте, вслед за

¹⁰ Там же. Д. 1041. Л. 84.

¹¹ Там же. Л. 26.

¹² Подсчитано по: ГАТО. Ф. 26. Оп. 4. Д. 1041, 1233; *Турчанинов Н.В.* Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. (включительно). СПб., 1910. С. 2–5, 8, 9; *Турчанинов Н.В.* Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. (включительно) Пг., 1916. С. 2–5, 8, 9; Статистический ежегодник России. 1915 г. (Год двенадцатый). Пг., 1916. Отдел 2. С. 12; Статистический ежегодник России. 1916 г. (Год тринадцатый). М., Пг., 1918. Вып. 1. С. 94–99.

воронежцами. Из 107680 зарегистрированных мигрантов вернулось 24,8% (26705 человек). По соотношению обратного и прямого переселения мигранты из Тамбовского края опережали все остальные черноземные губернии: Воронежская (22,3%), Курская (13,87%), Орловская (13,89%).

Самыми «урожайными» годами, давшими более 60% ремиграционного движения из-за Урала в Тамбовскую губернию, стали 1909–1911 гг. Пик обратного переселения тамбовцев приходится на 1910 г. Столь же неудачным был и следующий год: почти 1/5 часть обратных тамбовских переселенцев периода столыпинской аграрной реформы относится к 1911 г. Первая мировая война также содействовала неудаче переселений. Поэтому, несмотря на снижение абсолютных масштабов движения крестьян из Тамбовской губернии, число обратных мигрантов в сравнении с переселенцами составило соответственно в 1915 г. – 46,6%, а в 1916 г. – 74,2%¹³.

Переселенческие чиновники отметили, что в 1906–1914 гг. примерно 1/4 тамбовских «обратников» успела за календарный год побывать в Сибири, убедиться в невозможности своего водворения в незнакомых местах и вернуться на родину. Даже на заключительном этапе официального оформления переселенца настроение новоявленного сибиряка могло совершить полный разворот. Так, 24 апреля 1909 г. М.Л. Бычков был перечислен казенной палатой в поселок Новопокровский Томского уезда, обретя статус переселенца. Но уже в начале 1910 г. крестьянин возвратился из Сибири в Темниковский уезд, обзавелся хозяйством в селе Жегалово и переселяться в Сибирь, по его словам, не имел желаний¹⁴.

Между тем возвращение на старые места и восстановление прежнего территориально-поселенческого статуса влекло за собой правовые последствия: по законам Российской империи желающий поступить в общество должен был испросить приемный приговор, получить от общества разрешение на водворение. Земляки, привычно ссылаясь на земельные утеснения, могли стать негостепримными. 29 марта 1910 г. крестьянина Ново-Григорьевского общества села Николаевка Николаевской волости Стерлитамакского уезда Уфимской губернии М.И. Галаева недоброжелательно, отказным приговором, встретил сельский сход Шиловского общества Митропольской волости Тамбовского уезда. Между возвратившимся крестьянином и общинниками началась тяжба. Галаев обратился с жалобой на неправильность приговора об отказе в обратном принятии его в Шиловское общество. 18

¹³ Подсчитано по: *Турчанинов Н.В.* Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. (включительно). СПб., 1910. С. 2–5, 8, 9; *Турчанинов Н.В.* Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. (включительно). Пг., 1916. С. 2–5, 8, 9; Статистический ежегодник России. 1915 г. (Год двенадцатый). Пг., 1916. Отдел 2. С. 12; Статистический ежегодник России. 1916 г. (Год тринадцатый). М., Пг., 1918. Вып. 1. С. 94–99.

¹⁴ ГАТО. Ф. 26. Оп. 4. Д. 727 «А». Л. 6.

июля 1911 г. Тамбовский уездный съезд при рассмотрении дела принял во внимание то, что приговор вошел в законную силу, как своевременно не обжалованный. «В законе нет указаний на то, чтобы общество обязательно приняло возвращенца, ибо это добрая воля общества», – заключил съезд, отказав просителю во вторичном предложении Шиловскому обществу принять его в свою среду¹⁵.

Сохранив положение крестьянина местного общества, домохозяин, распродавший имущество или сдавший в аренду надел, вставал перед другой, не менее серьезной, проблемой, пожиная последствия предпринятого переезда в Азиатскую Россию. «Обратничество» вело к понижению хозяйственной состоятельности крестьянского двора. Отложившиеся в местных архивах доклады об экономическом положении обратных переселенцев 1911–1912 гг., представляемые земскими начальниками в Тамбовское губернское присутствие, конечно, не полны. Так, волостные правления могли учитывать среди вернувшихся только переселенцев-мужчин. Не были выработаны четкие критерии для выяснения хозяйственной состоятельности возвращенцев. Респонденты пытались ограничиться сухой констатацией факта об удовлетворительном положении вернувшихся односельчан. За сообщением о «безбедном» состоянии хозяйства могли скрываться факты частичной продажи имущества, например, усадьбы, при оставлении наделной земли в руках несостоявшихся сибиряков.

Тем не менее, собранный по приказу тамбовского губернатора материал дает возможность оценить влияние переселенческого движения на хозяйственное обеспечение ремигрантов столыпинской эпохи. В нашем распоряжении имеются сведения о 53 семействах, через пять лет после начала аграрной реформы возвратившихся на родину. По оценке крестьянской администрации, в 26 случаях отмечалось неудовлетворительное состояние хозяйства, 15 показаний говорят о неизменившемся положении возвратившихся, в 11 отчетах показано удовлетворительное состояние крестьянских дворов¹⁶. Таким образом, даже по этим заниженным данным видно, что для определенной части тамбовских семейств возвращение из-за Уральских гор стало подлинным бедствием. Состояние хозяйства таких переселенцев тамбовские власти оценивали как «бедственное»¹⁷, «плохое»¹⁸, «неудовлетворительное»¹⁹. И как приговор – «ничего не имеет»²⁰.

¹⁵ Там же. Д. 1235 «Б». Л. 3.

¹⁶ Подсчитано по: ГАТО. Ф. 26. Оп. 4. Д. 1041.

¹⁷ ГАТО. Ф. 26. Оп. 4. Д. 1041. Л. 173.

¹⁸ Там же. Л. 79, 145.

¹⁹ Там же. Л. 106.

²⁰ Там же. Д. 1233. Л. 138.

Шацкий крестьянин в результате неудачного переселения потерял все имущество, жил с семьей из семи человек у родного отца²¹. Трагичным оказалось экономическое положение кирсановских возвращенцев: «растрата всех имеющихся средств»²². В 1912 г. волостное правление назвало «незавидной» хозяйственную состоятельность семейства борисоглебских ремигрантов из семи человек, годом ранее вернувшихся на родину: нет заработка, 1 изба, 1 лошадь, часть земельного надела на две души сдана в аренду за 50 руб. в год²³. В Темниковском уезде обеспеченность ремигрантов сочли неудовлетворительной, «ибо они не имеют ни земли, ни скота и кормятся поденной работой»²⁴. В схожей ситуации оказались усманские переселенцы: «имущества и земли у них нет, все это они продали, уходя в Сибирь»²⁵. Из Спасского уезда писали о неудавшемся опыте переезда в Томскую губернию семьи из 8 человек, вынужденных вернуться в том же году: положение «во много раз хуже нежели было до переселения; земля его сдана в аренду и занимается он сапожным и портняжным ремеслом»²⁶. Из Моршанского уезда сообщали о положении семьи «обратников»: «безбедное, производит постройки, построена изба с сениями, стоящая до 350 р.»²⁷. Не изменилось, по уверению волостного правления, состояние хозяйства липецких крестьян-возвращенцев, оставивших имущество родственникам²⁸. Через год из Липецкого уезда вновь сообщили о предусмотрительности вернувшихся из Томской губернии крестьян: «Экономическое положение их не изменилось в виду того, что отправившись в Сибирь, они все свое имущество передавали на время отлучки своим родственникам»²⁹.

Последствия попыток поселиться в сибирских губерниях у возвратившихся в Тамбовский уезд мигрантов были различными. Так, Лысогорское волостное правление посчитало крестьянина А. Бучнева «обеспеченным», так как в его пользовании остались 8 десятин надела. А у 3-х домохозяев земля перед переселением была сдана в аренду до 1918 г., что заставило их после возвращения отправиться на заработки на ближайшую Рязано-Уральскую железную дорогу³⁰. В 1913 г., определяя результаты обратного переселения в Кирсановский уезд по данным на 1912 г., земский начальник

²¹ Там же. Д. 1233. Л. 145.

²² Там же. Д. 1041. Л. 23–24.

²³ Там же. Л. 14.

²⁴ Там же. Л. 132.

²⁵ Там же. Л. 142.

²⁶ Там же. Л. 95.

²⁷ Там же. Л. 88.

²⁸ Там же. Л. 75–77.

²⁹ Там же. Д. 1233. Л. 82.

³⁰ Там же. Д. 1041. Л. 122.

8 участка показал: «из 18 возвратившихся семей 3 семьи обезземелились, а остальные 15 землю оставили за собой»³¹.

Правовая безграмотность крестьян повысила риски неудачной обратной миграции. Крестьяне общества села Головщина Бутырской волости Липецкого уезда В.Б. и С.Б. Истомины, намереваясь переселиться на новые места, свой земельный надел на 9 душ (10 дес. 8 саж.) сдали в арендное пользование Якову и Макару Бурлаковым сроком на 9 лет за 800 руб. Эта сделка была подтверждена общественным приговором от 12 июля 1909 г. Менее чем через год вернувшиеся Истомины доказывали, что был договор о возвращении надела обратно, если не осуществится переселение, что ответчики вместо 518 руб. им заплатили только 400 за посевы, но не за аренду. В июне 1910 г. Липецкий уездный съезд отменил решение волостного суда и отказал возвращенцам в иске, так как существование письменного договора исключало показания свидетелей, подтверждавших заключение словесного договора о праве истца требовать возвращение ему земли до срока³². Итак, неправильное оформление арендной сделки привело к фактической потере наделов, сданных на длительный срок.

Крестьянка села Первое Черкино Черкинской волости Моршанского уезда Е.А. Любимова заявила волостному суду, что она 3 июля 1907 г., уходя на жительство в Томскую губернию, продала свой дом и усадьбу односельчанину П.П. Сажникову, с условием, чтобы по возвращении на родину, в случае неудачи, уплатить Сажникову деньги, а дом и усадьбу взять обратно. Однако Сажников добровольно дом и усадьбу не уступает, почему Любимова просила постройки возвратить ей, а условие с Сажниковым признать «ничтожным». В ходе судебных споров выяснилось, что продажа Е.А. Любимовой ответчику Сажникову усадьбы с постройками на точном основании закона могла совершиться только по купчей крепости. Покупка же этой усадьбы Сажниковым по домашнему договору не могла считаться действительной, поэтому все проданное Любимовой имущество подлежит возвращению ей обратно. При переходе дела от инстанции к инстанции менялись основания, решения принимались то в пользу истицы, то ответчика³³. Разбирательство в разных учреждениях явно затягивалось. В прошении вдовы Е.А. Любимовой тамбовскому губернатору от 16 октября 1912 г. читаем: «Около 4-х лет я с малыми сиротами принуждена скитаться по чужим углам»³⁴. Дело не было рассмотрено и в 1913 г.³⁵ Судебные тяжбы, сопряженные со значительным расходом средств, и без того уже потра-

³¹ Там же. Д. 1233. Л. 45–46.

³² Там же. Д. 762. Л. 6.

³³ Там же. Д. 1265 «К». Л. 4.

³⁴ Там же. Л. 15.

³⁵ Там же. Л. 20.

ченных обратными переселенцами в Сибири и в дороге, длились годами. Обратные переселенцы медленно, но верно превращались в маргиналов.

Община не раз выступала единым фронтом перед возвращенцами, если те всерьез угрожали «увести» из общинного пользования наделные земли. В результате реализации столыпинского законодательства возникло новое социальное явление – «ложное обратное переселение», когда на родину потянулись крестьяне, давно потерявшие всякую связь с прежними местами обитания, стремясь к укреплению забытых и заброшенных наделов. В надежде получить, сдать в аренду, а потом и продать землю, они искали поддержки у сельских старост и писарей. Завершив сделки, возвращенцы-односельцы вновь покидали родные места.

Показательна история, случившаяся на подъеме столыпинского землеустройства в Тамбовской губернии. За двадцать лет до начала аграрных реформ П.А. Столыпина крестьяне села Княже-Байгоры Усманского уезда С.С. и М.С. Абрамовы, ликвидировав свое хозяйство, уехали в Сибирь. Узнав о введении закона 9 ноября 1906 г. и желая, по мнению общинников, пожить за счет бывших односельчан, Абрамовы в 1909 г. приехали из Сибири и потребовали наделения их землей. Убедившись в том, что Абрамовы явились не с целью обзаведения хозяйством, а для того, чтобы получить и продать землю, после чего уехать обратно в Сибирь, община отказала в наделении землей. Не добившись согласия общества, переселенцы обратились к земскому начальнику с ходатайством о признании за ними права на наделение землей. В результате Абрамовы получили общинную землю на 8 душ. После этого, выдав односельчанину Г.Т. Болдыреву общую нотариальную доверенность и сдав ему в аренду только что полученный надел, вновь вернулись в Сибирь³⁶.

Поверенные общества, презрительно называя Абрамовых «эмигрантами» («эмигрировали куда-то в недра Сибири»), считали, что те совершили фиктивный арендный договор, вступив в сговор со старостой, прежними уполномоченными и арендатором Болдыревым³⁷. Обществу не удалось оспорить действия земского начальника, были проиграны иски в волостном суде и уездном съезде. Земля перешла в собственность Абрамовых, которые уже в 1916 г. продали ее своему доверенному лицу и прежнему арендатору Г.Т. Болдыреву³⁸.

Корысти ради «псевдовозвращенцы» готовы были заключить заведомо невыгодные арендные сделки с «сильными людьми» тамбовской деревни, надеясь на их поддержку в борьбе с общинниками. Усилиями подобных

³⁶ Там же. Д. 2264. Л. 1–2.

³⁷ Там же. Л. 10–11.

³⁸ Там же. Л. 1, 2.

«пионеров землеустройства», вносящих рознь в крестьянскую среду, общины тем самым раскалывались, получая еще одно поле для внутриобщинной розни.

В 1906–1916 гг. выходцы из Тамбовской губернии встретились со значительными трудностями в сибирских губерниях. В этих условиях мобильный, но неудачливый переселенец решался на обратный путь, что обеспечивало рост ремиграции. Не закрепившись на новых местах, несостоявшиеся сибиряки уходили в Центральное Черноземье. Однако на родине экономическое положение крестьян, возвратившихся после сибирской одиссеи, резко ухудшалось из-за больших затрат, связанных с переселением. Переселенческая катастрофа переводила сельских жителей на положение маргиналов, потерявших надельную землю, усадьбы, денежные средства и перспективы построить эффективное крестьянское хозяйство на родине или за ее пределами.

Литература

1. *Липинская В.А.* Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае, XVIII – начало XX в. М., 1996.

2. *Минко Н.* Переселенческое движение в 1907 г. // Вопросы колонизации. СПб., 1908. № 3. С. 2–47.

3. *Нагнибеда В.Я.* Неприписанные переселенцы в Томской губернии в 1909 году // Вопросы колонизации. СПб., 1911. № 9. С. 225–250.

4. *Ноздрин Г.А.* Сроки и механизмы адаптации переселенцев в Сибири в конце XIX – начале XX века // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2007. Вып. 2. С. 20–38.

5. *Пожарская К.А.* Некоторые аспекты природно-климатической и хозяйственной адаптации столыпинских переселенцев на Алтае // Емельяновские чтения: матер. II межрегион. науч.-практ. конф. Курган, 19–20 апреля 2006 г. Курган, 2006. С. 116–118.

6. *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* То, что прошло: В 2 тт. М., 2009. Т. 1.

7. *Симонова М.С.* Мобилизация крестьянской надельной земли в период столыпинской аграрной реформы // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1962. Сб. 5. С. 398–458.

8. *Турчанинов Н.* Земельное обеспечение переселенцев и ликвидация ими надельной земли на родине // Вопросы колонизации. СПб., 1913. № 12. С. 244–265.

9. *Успенский А.* Действительность, а не мечты // Вопросы колонизации. СПб., 1907. № 2. С. 1–28.

10. *Черменский П.Н.* От крепостного права к Октябрю в Тамбовской губернии: Очерк экономики и культуры пореформенного периода (1861–1917 гг.). Тамбов, 1928.

11. *Чуркин М.К.* К вопросу о причинах и последствиях обратных переселений в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы социальной и экономической истории Сибири XIX – начала XX вв. Омск, 2001. С. 29–38.

Особенности миграционных процессов в деревне Вятской и Пермской губерний во второй половине XIX в.

Рассмотрены основные причины и направления переселений уральских крестьян. Основными характеристиками миграций являлись перманентность, «гнездовой» характер, вариативность, несанкционированность. Катализаторами внешних миграций выступили географический (близость Сибири) и экономический факторы.

Ключевые слова: крестьянство, миграции, Вятская губерния, Пермская губерния.

К основным причинам миграций вятских и пермских крестьян во второй половине XIX в. необходимо отнести снижение уровня благосостояния, отсутствие возможностей увеличения хозяйства по причине существования малых и средних дворов с преимущественным применением семейного труда, а также наличие «относительного малоземелья». Под последним мы понимаем, согласно определению, А.А. Кауфмана, «кризис выработавшегося при известной густоте населения и при известных средних размерах землевладения хозяйственного строя <...>, который устранится с переходом на следующую ступень хозяйственного и культурного развития». Н.П. Огановский, оставивший ту же точку зрения, писал, что «основной причиной переселений является несоответствие между плотностью сельского населения и господствующей в данном районе системой хозяйства, порождающее в низших малоземельных слоях деревни стремление к расширению этой площади»².

Посредством анализа демографической и хозяйственной ситуации проследим применимость концепции «относительного малоземелья» к уральским территориям. Со второй половины XIX в. в Вятской и Пермской губерниях, как и в целом по Европейской России, наблюдался демографический рост [2, с. 104].

Таблица 1

Население Вятской и Пермской губерний в 1863 и 1897 гг.

Губерния	1863 г., тыс.чел.	1897 г. тыс.чел.	Прирост населения за 1863–1897 гг.	
			тыс.чел.	%
Вятская	2220,6	3030,8	810,2	36,5
Пермская	2138,5	2994,3	855,8	40,0

¹ Семерикова Ольга Михайловна, кандидат исторических наук, «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Ельцина», olgasemerikova8@yandex.ru, Россия, г. Екатеринбург.

² Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 162; Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Т. 3. Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. 1. Население. Переселенческий вопрос. Саратов, 1914. С. 305.

Как видно, прирост населения по обеим губерниям составил около 40%. Он происходил, главным образом, за счет естественного прироста. В 1860-е гг. его темпы были незначительны из-за последствий Крымской войны, недовольства крестьян условиями «освобождения», частых неурожаев и эпидемий. В 1870–1880-е, а затем и в 1890-е гг. темпы прироста сельского населения постоянно повышались. Это было связано с успехами земской медицины, отменой рекрутской повинности (1874 г.), прекращением временно-обязанного состояния (1883 г.), отменой подушной подати. Тем не менее, рост был ниже общероссийского (1% в год против 2%), что было связано с высокой смертностью, особенно детской [4, с. 15, 16]. Что касается миграционных процессов, то в Пермской губернии, согласно выводу Г.Н. Плотниковой, количество переселившихся крестьян уравнивалось количеством выбывших. В Вятской губернии, по нашему мнению, отток населения сыграл роль в чуть меньшем приросте населения: количество крестьян, выбывших за пределы губернии, было существенно выше вновь прибывших. Например, в 1898 г., по данным Вятской казенной палаты, из губернии уехало 6121 душа обоего пола, а из других губерний переселилось всего 159 душ обоего пола³.

Увеличение крестьянского населения приводило к перераспределению земли внутри общины, что ухудшало условия ведения сельского хозяйства, приводя в ряде уездов к росту мелкоземелья, «чересполосицы», сокращению сенокосных и пастбищных угодий. По мнению вятского земского статистика Н. Романова, миграции во второй половине XIX в. были вызваны, прежде всего, тем, что «земли потеряли значительную часть своей ценности от вековой дурной обработки и недостаточного удобрения; постепенно введением улучшенной системы хозяйства или хотя бы только усиленным удобрением плодородие их может быть восстановлено. Но крестьяне для этого средств не имеют и потому выселяются»⁴.

В условиях «дальноземелья», недостатка плодородных почв, развития внеземледельческих заработков с использованием тягловой силы («навоз остается на дорогах»⁵) регулярное внесение органических удобрений было невозможно. Кроме того, в северных уездах навоз часто не повышал плодородия в силу низких температур почвы. Денежных средств и иных возможностей для широкого внедрения улучшенной травопольной системы земледелия, а также на приобретение и использование искусственных удобрений, машинного оборудования у большинства крестьян не было. Это

³ Краткий статистический очерк Вятской губернии за 1898 год // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1900 год. Вятка, 1899. С. 87.

⁴ Романов Н.Н. Переселение крестьян Вятской губернии. Вятка, 1881. С. 240–244, 250–251.

⁵ Соликамский уездный комитет // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXX. Пермская губерния. СПб., 1903. С. 466.

вынуждало уделять больше времени внеземледельческим заработкам либо работе по найму в аграрном секторе. Но в земледельческих уездах местные заработки были небольшими, а возможность отхожих внеземледельческих промыслов была ограничена конкуренцией со стороны промышленных зон. Очень часто отхожий заработок был невелик в силу «высоких цен на еду и фураж»⁶, а кустарные изделия не имели большого спроса, что особенно проявлялось в неурожайные годы. Для развития доходного кустарного промысла необходим был капитал и бесперебойный сбыт, прежде всего, обеспечивавшийся разветвленной транспортной сетью. Этими условиями сельское население было обеспечено недостаточно. Аренда венадельной земли в некоторых местностях была невыгодной, особенно в Вятской губернии: наличие небольшого количества помещичьих хозяйств и преимущественное расположение земель казенного ведомства в северных уездах, покрытых лесом и малоплодородных⁷, ограничивало потенциал их использования. Большинство собственников сдавали в аренду крупные участки земли, что порождало спекулятивные тенденции. Серьезной проблемой для части крестьян (особенно бывших помещичьих и удельных) являлась нехватка строевого леса.

В сложившихся обстоятельствах, для некоторых крестьян наиболее приемлемым вариантом выхода из ситуации стагнации и упадка хозяйства стало переселение. Отметим, что миграции носили «гнездовой» характер⁸, то есть осуществлялись преимущественно с одних и тех же территорий. Поводами к переселению являлись периодические недороды хлебов и трав, а также относительная близость сибирских просторов (особенно с введением в действие Сибирской железной дороги), где, по их мнению, и земля была плодороднее, и власти государства было поменьше. Уже в пореформенный период, согласно сведениям местных казенных палат и земских органов, Вятский и Пермский края входили в число территорий с наибольшими размерами переселения⁹. Полагаем, что на данную тенденцию повлияло преобладание в обеих губерниях категории бывших государ-

---

⁶ Краткий статистический очерк Вятской губернии за 1898 г. // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1900 год. Вятка, 1899. С. 74.

⁷ Гурвич И.А. Переселение крестьян в Сибирь. М., 1889. С. 32.

⁸ Концепция «гнездового» характера переселений была разработана на основе земской статистики Н.П. Огановским и И.Л. Ямзиным, см: [3, стб. 526].

⁹ Из Вятской губернии только в соседние Уфимскую (в 1865–1878 гг.) и Оренбургскую (в 1859–1878 гг.) переселилось 5925 и 671 ревизская душа соответственно (в это количество не включены женщины и дети). Пермская губерния в 1880–1890-е гг. входила в число территорий – лидеров по количеству мигрантов. В 1882–1883 гг. она была на 3 месте (13% от числа всех мигрантов) среди 18 губерний Европейской России, жители которых переселились на сибирские просторы (Гурвич И.А. Переселение крестьян в Сибирь. С. 7; Кауфман А.А. Переселение и колонизация. С. 171; Романов Н.Н. Переселение крестьян Вятской губернии. С. 106–107).

ственных крестьян. При фактическом отсутствии материальной поддержки со стороны государства в 1860–1890-е гг. переселенцы должны были иметь хотя бы небольшой капитал на первоначальное обустройство хозяйством на новом месте. Это подтверждается статистикой 1890-х гг., указывавшей, что «главным ядром переселенцев являлись средне-состоятельные элементы», у которых средняя обеспеченность скотом, в общем, была не ниже средней обеспеченности населения Европейской России [3, стб. 512].

Большинство переселений носило несанкционированный характер из-за сложной процедуры получения официальных документов на льготный проезд и предоставление земельного участка в местах вселения. Управляющий делами комитета Сибирской железной дороги статс-секретарь А.Н. Куломзин писал летом 1896 г. в отчете: «Есть местности, преимущественно в губерниях ближайших к Сибири, как например Пермская и Вятская, где ходатайства о разрешении совершенно не практиковались, причем все переселенческое движение отсюда происходило исключительно самовольно»¹⁰. Основной поток мигрантов в конце XIX в. (84%) пришелся на Томскую губернию (см. табл. 2), что было вызвано некоторой ландшафтной схожестью, дававшей возможность заниматься им не только сельским хозяйством, но и традиционной промысловой деятельностью. Енисейская губерния привлекала наличием лесостепных зон, Тобольская – максимальной близостью к Европейской России, Акмолинская область была притягательна наличием степных участков и соседством богатых казачьих станиц, где можно было наняться на заработки [5, с. 264].

Таблица 2

**Распределение переселенцев Вятской и Пермской губерний
в 1899–1900 гг. по местам предполагаемого вселения
(по данным Челябинского регистрационного пункта)**

Губерния	Количество переселенцев, чел.					Всего
	Томская губ.	Енисейская губ.	Тобольская губ.	Акмолинская обл.	Иркутская обл.	
Вятская	6251	485	415	208	128	7487
Пермская	5991	630	105	259	125	7110
Итого	12242	1115	520	467	253	14597

Источник: Кауфман А.А. Переселение и колонизация. С. 243 (Подсчеты по всем категориям земель Томской губернии и общему количеству переселенцев сделаны мной. – О.С.).

Статистические данные о миграциях крестьян в Азиатскую Россию были неполны вплоть до 1885 г., когда на переселенческих пунктах Челябинска и Сызрани был организован учет ходоков, переселенцев и лиц,

¹⁰ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. С. 76.

возвращавшихся обратно. С 1896 г. Челябинским переселенческим пунктом начался ежегодный выпуск «Сборников для изучения крестьянских переселений», что позднее предоставило возможность сотрудникам ПУ ГУЗиЗ Н. Турчанинову и А. Домрачеву обобщить материал и опубликовать его. Однако говорить о полном статистическом охвате переселенческого движения мы не можем, так как «переселенцы, проходившие через Тюмень и некоторые другие узловые железнодорожные станции», и после этого времени «учитывались недостаточно и в общий подсчет публикуемых царским правительством цифр не включались» [1, с. 388–389].

Начало организованного контроля миграций с 1885 г. дает нам возможность с уверенностью утверждать, что вятские крестьяне более активно покидали старые места проживания, чем пермские, что было обусловлено, помимо указанных выше причин, сформировавшейся привычкой к постоянным трудовым миграциям¹¹. Это отразилось в фольклоре: «Когда Колумб открыл Америку, в ней уже было семеро вятских плотников». Вятские крестьяне осуществляли и внутренние миграции «из одного уезда в другой, из одной волости в другую внутри уезда и из одного селения в другое внутри той же волости», что втрое превышало численность переселений в другие губернии¹². За 1854–1879 гг. из уезда в уезд переселилось 16 тыс. чел. [2, с. 93], в среднем по 642 чел. в год. В 1898 г., по сведениям Вятской казенной палаты, поменяли свое место жительства на другой уезд с «перечислением» налоговых и иных обязательств перед государством 1,5 тыс. чел. Крестьяне переселялись преимущественно из Котельничского (323 чел. об. пола), Нолинского (261) и Глазовского (216) уездов в сельские общества Сарапульского, Уржумского, Елабужского и Малмыжского уездов¹³, т.е. на территории с более благоприятными природно-климатическими условиями. Малая производительность пахотных и иных угодий приводила и к наиболее высокой трудовой миграции. В 1901–1902 гг. высокий процент отходничества был в Слободском (61,2%), Нолинском (58,4), Вятском (45,2), Орловском (43,3) и Котельничском (40,8) уездах¹⁴. Плохие природно-климатические условия лесной зоны способствовали также тому, что интерес к ним крестьян даже из густонаселенных районов был ничтожен. В 1880–1890-е гг. отказ в переселении на земли, расположенные в казенных

¹¹ За 1885–1900 гг. Вятский край покинуло около 50 тыс. чел., Пермский – 38 тыс. За 1896–1905 гг. только в Азиатскую Россию проследовало около 23 тыс. и 18 тыс. чел. соответственно. По данным Вятской казенной палаты, с 1903 г. переселялось в среднем ежегодно около 3 тыс. чел. (Кауфман А.А. Переселение и колонизация. С. 171; Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. (включительно) / Сост. Н. Турчанинов. СПб., 1910. С. 36; Вятская речь. 1908. № 218. 29 ноября. С. 3).

¹² Романов Н.Н. Переселение крестьян Вятской губернии. С. 119, 127.

¹³ Краткий статистический очерк Вятской губернии за 1898 год // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1900 год. С. 87.

¹⁴ Статистический ежегодник за 1901 – 1902 гг. Вятка, 1903. С. 19.

лесных дачах северной части Вятской губернии, был получен примерно от 5 тыс. лиц в силу «мало- или вовсе не пригодного характера участков», имевших «большой частью болотистые и сырые тощие малопригодные для сельскохозяйственной культуры почвы»¹⁵.

Таким образом, в пореформенный период миграции уральских крестьян носили перманентный, «гнездовой» характер и были вызваны как внутренними потребностями крестьян, так и внешними обстоятельствами. Лидерство уральских губерний по числу внешних мигрантов во многом было вызвано близостью сибирских просторов и преобладанием в составе населения категории бывших государственных крестьян.

Литература

1. *Дубровский С.М.* Столыпинская земельная реформа. М., 1963.
2. *История Урала в период капитализма.* М., 1990.
3. Переселение и переселенческий вопрос / А.А. Кауфман // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 11-е стереотип. изд. до 33-го тома. Т. 31. Павинский – Персия. М., 1926. Стб. 506–548.
4. *Плотникова Г.Н.* Демографические изменения крестьянского населения Пермской губернии во второй половине XIX века. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. Пермь, 2006.
5. *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001.

---

¹⁵ Краткий обзор деятельности Управления государственных имуществ Вятской губернии за 1898 г. // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1900 год. С. 23; Краткий статистический очерк Вятской губернии за 1898 год // Там же. С. 34.

Влияние миграционных процессов на развитие аграрного сектора и сельскохозяйственной кооперации Кубани в пореформенный период

В статье рассматривается влияние миграционных процессов второй половины XIX в. на экономическое развитие Кубанской области. Показано, что массовая колонизация привела к интенсивному развитию мелкотоварного производства и подъему аграрного сектора экономики области. Особое внимание уделено анализу развития кредитной сельскохозяйственной кооперации.

Ключевые слова: Кубанская область, миграционные процессы, аграрное производство, сельскохозяйственная кредитная кооперация.

Образованная указом императора Александра II от 8 февраля 1860 г. Кубанская область с центром в г. Екатеринодаре занимала территорию площадью свыше 81 тыс. кв. км. В ее состав вошли земли Правобережья Кубани, заселенные черноморскими и линейными казаками, и Закубанье с издавна проживающими здесь горскими народами. По площади область занимала первое место среди губерний и областей Кавказа и 12-е – в Европейской России. Территория Кубанского края представляла собой плодородные равнины и предгорья, удобные для сельского хозяйства, чему способствовали и климатические условия. Изначально область разделялась на пять уездов, в 1876 г. число уездов возросло до семи, а с 1888 г. территория области делилась на семь отделов: Ейский, Екатеринодарский, Майкопский, Темрюкский, Лабинский, Кавказский и Баталпашинский [4, с. 19]. В таком виде областное устройство в основном оставалось до 1917 г., хотя частичные переделы проводились.

Кубанская область в первые пореформенные годы была еще слабо заселена и освоена. Население в 1862 г. едва превышало 392 тыс. человек, из которых только 7,5 тыс. лиц невоевского сословия. Основными отраслями хозяйства у населения области было земледелие и скотоводство. Экономика Кубанского края до 1880-х гг. была весьма отсталой. Несмотря на обилие богатых черноземов, земледелие играло второстепенную роль и велось экстенсивным способом. Слабо были развиты промыслы, промышленность находилась в зачаточном состоянии, основным занятием являлось скотоводство.

Ситуация резко изменилась в последней четверти XIX в. в связи с массовым притоком на Кубань крестьян центральных и южных губерний

¹ Сидоренко Таисия Николаевна, кандидат исторических наук, Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Taisianik@yandex.ru, Россия, г. Краснодар.

России. Интенсивному росту пришлое население на Кубани способствовали отмена крепостного права и окончание Кавказской войны. Широкие возможности для заселения Кубани переселенцами были определены рядом законов, из которых особенную значимость имел закон от 29 апреля 1868 г., разрешавший лицам невоевского сословия селиться и приобретать недвижимую собственность на казачьих землях без согласия начальства и станичного общества. Тысячи мелких производителей, ремесленников из давно заселенных и в экономическом смысле более развитых регионов страны, ощущая избыток населения и рабочей силы, уходили на Кубань. Опытных земледельцев и мастеровых людей здесь еще не доставало, много было незанятой земли, заработки – относительно велики, а жизнь дешевая. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г. Кубанская область по числу переселенцев занимала третье место в стране.

Если в 1861 г. пришлое крестьян было на Кубани 5243 чел., что составляло 1,3% всего населения области, то через 20 лет их число возросло до 236,8 тыс. чел. или до 30% населения края. К 1890 г. численность иногородних поселенцев почти удвоилась, что существенным образом сказалось на сословном составе населения области. Казаки уже перестали составлять его большинство. Общая численность всего населения области по переписи 1897 г. составляла 1918881 жителей². Число иногородних на Кубани к 1900 г., по данным начальника области, достигло 800,9 тыс. чел.³ Большинство из переселенцев, которые приобретали усадебные участки, занимались земледелием на арендованной земле, торговлей и ремеслом. Те же, кто не имел оседлости, занимались промыслами, а чаще работали по найму. Таким образом, пришлое население превращалось в важную производительную силу края.

Приток иногородних резко ускорил развитие капиталистических отношений в крае, способствовал социально-экономической дифференциации населения области. Исходя из особенностей заселения Кубани, ее экономического и социального разнообразия дифференциация сельских производителей здесь отличалась от расслоения русской деревни Европейской России. В кубанских станицах среднезажиточный слой населения был довольно значительным и представлен главным образом казачеством. Основную часть бедноты составляло безземельное иногороднее крестьянство. Социальная дифференциация, хотя и менее интенсивно, происходила и в среде коренного казачьего населения Кубани. В 1897 г. казаки из 6637 семей вынуждены были в течение года работать в хозяйствах богатых односельчан. Среди горцев этот процесс шел очень медленно [5, с. 108].

² Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. 65. Кубанская область. СПб., 1905. С. 3.

³ Отчет начальника Кубанской области за 1890 г. Екатеринодар, 1901.

Немаловажными факторами быстрого капиталистического развития Кубани являлись слабость крепостнических пережитков и незначительный процент крупных помещичьих имений. В конце века из 8,6 млн дес. земельного фонда, значительную часть которого представляли наиболее плодородные в России черноземные степи, большая часть принадлежала казачеству – до 70%, частные владельцы имели в своем распоряжении около 12% земли, казна – 7,2%, горцы – 7% [5, с. 107]. Тот факт, что остатки крепостничества в Предкавказье были намного слабее, чем в центре страны, сказался на интенсивном развитии капитализма не только вширь, но и в глубь. Это проявлялось в массовой аграрной колонизации незанятых земель, интенсивной эксплуатации природных богатств, строительстве железных дорог, создании различных отраслей промышленности.

Экономический рост области в конце XIX в. шел довольно быстро. Интересы хозяйственной жизни населения края определялись сельскохозяйственным производством. Согласно данным переписи 1897 г. сельским хозяйством в области занималось 79% населения, торговлей – 3,4%, в промышленности было занято 8,3%⁴. Развитие земледелия оттеснило на второй план животноводство. Цены на землю начали стремительно расти. Развитие земледелия на Кубани вело не только к расширению посевной площади, но и к его специализации. Основной культурой в области стали зерновые, которые занимали в начале века до 97% посевной площади. К началу XX в. область стала крупнейшим поставщиком зерна как на внутренний, так и на внешний рынки.

Сельское хозяйство Кубани имело ту особенность, что оно развивалось, в основном, на базе мелкого казачьего и крестьянского землепользования. Главными производителями и поставщиками сельскохозяйственной продукции на рынок являлись хозяйства крестьянского типа. По своему имущественному положению они были значительно крепче таких же хозяйств наиболее развитых аграрных районов страны [1, с. 47]. Однако, несмотря на это, на рубеже веков основная масса трудовых крестьянских и казачьих хозяйств, в руках которых находилась подавляющая часть посевных площадей и сельскохозяйственного скота, страдала от малоземелья, примитивной технологии сельскохозяйственного производства, недостаточного уровня технического оснащения земледелия. Кроме того, нарастающая конкуренция со стороны сельской буржуазии создавала угрозу существованию мелкого трудового хозяйства.

Прогрессирующий рост цен на землю, связанный прежде всего с мощным притоком на Кубань пришлых крестьян, распашка новых земель, относительно высокий спрос на рабочую силу обострили потребность сель-

⁴ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. 65. Кубанская область. С. 11.

ских производителей в кредите. Успех ведения земледельческого хозяйства мелкими производителями обуславливался двумя важными факторами: наличием оборотного капитала и совершенной техники.

Следовательно, главной в деле улучшения сельского хозяйства являлась проблема организации дешевого и доступного кредита. Крупный банковский кредит был недоступен мелким землевладельцам, а ростовщичи-кредиторы брали по 30–80% годовых от выдаваемой заемщику ссуды, что только подрывало крестьянское хозяйство. С целью удовлетворения насущной потребности населения в кредите в области открывались учреждения мелкого кредита различных типов. Особенно высокими темпами в начале века в Кубанской области развивалась кредитная, по сути сельскохозяйственная, кооперация в форме кредитных и ссудо-сберегательных товариществ. Объединение сельскохозяйственных товаропроизводителей в кооперативные организации позволяло мелким и средним хозяевам пользоваться выгодами крупного предприятия и сохранить преимущества мелкого сельскохозяйственного производства, что способствовало повышению конкурентоспособности крестьянского хозяйства.

Быстрое развитие товарно-денежных отношений на Кубани в первое десятилетие XX в. еще более обострило потребность в кредите, в организации закупочно-сбытовых операций, во внедрении новых методов хозяйствования и тем самым способствовало росту не только кредитных кооперативов, но и открытию с 1908 г. сельскохозяйственных товариществ.

Особенностью развития сельскохозяйственной кооперации на Кубани было то, что, возникнув позднее, чем в Европейской части России, кубанская кредитная кооперация развивалась масштабнее и охватила значительную часть населения. Начиная с 1905 г. среднестатистическое кредитное товарищество в Кубанской области по числу кооперированных членов стояло неизменно выше среднего кооператива по России. В 1909 г. число товариществ на Кубани возросло на 62%, по России – только на 36%⁵. Другой особенностью являлась сама деятельность кредитной кооперации, направленная главным образом на развитие аграрного сектора. Кроме того, кредитные кооперативы области брали на себя функции по оказанию агрономической помощи населению края, что не свойственно было кооперативам других регионов страны.

К концу 1914 г. кубанская кредитная кооперация насчитывала 255 учреждений, объединивших более 200 тыс. членов (это более 46% от общего числа самостоятельных домохозяев края) [3, с. 26]. С ростом числа членов наблюдался прогресс и в росте средств кооперативов. Балансовые средства всех кредитных кооперативов за предвоенное десятилетие возросли с

⁵ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 344. Л. 2.

1 млн 428,5 тыс. (на 1 января 1905 г.) до 28 млн 106 тыс. руб. (на 1 января 1915 г.), т.е. более чем в 19,5 раз [6, с. 20]. В результате широкого размаха кооперативного движения в области в начале XX в. кубанская кредитная кооперация по темпам развития заняла одно из первых мест на юго-востоке страны, а по экономической мощи – первое.

Исходя из потребностей сельскохозяйственных товаропроизводителей – членов кооперативов, масштабы ссудных операций как ссудо-сберегательных, так и кредитных товариществ области в предвоенный период приобрели значительные размеры. За период с 1906 по 1914 г. в кредитных товариществах они увеличились с 57 тыс. руб. до 11975 тыс. руб., т.е. почти в 210 раз, что было связано с быстрым ростом числа товариществ. То же самое наблюдалось и в ссудо-сберегательных товариществах, здесь ссудные операции увеличились за тот же период с 1688 тыс. руб. до 9739 тыс. руб. (т.е. в 6 раз)⁶. К началу 1908 г. расходы на ведение ссудной операции всех кредитных кооперативов Кубани составляли почти 90% всех их балансовых средств. Позже удельный вес этих расходов при продолжающемся абсолютном увеличении несколько сократился (до 85%), что объяснялось ростом посреднических операций, отвлекавших все большую часть средств товариществ.

Осуществляя в крупных масштабах ссудные операции, кредитные кооперативы оказывали существенную конкретную помощь сельским производителям в развитии их хозяйств. Оценить значение ссуд в хозяйственной жизни крестьян и казаков можно, проанализировав их целевое назначение. На производственные нужды (аренду земли, покупку скота, земли, семян, сельскохозяйственных орудий, наем рабочей силы и т.п.), по данным только о кредитных товариществах области за 1910–1911 гг., бралось около 79% всех ссуд в 1910 г. и 76% – в 1911 г. На потребительские нужды (на уплату долгов, личные расходы и т.п.) шло лишь 13% и 22% соответственно [3, с. 26]. Причем среди ссуд производственного назначения преобладали ссуды на аренду земли и покупку скота, главным образом, рабочего. Первое объяснялось прогрессирующим ростом арендных цен, второе – расширением площади запашки. С каждым годом увеличивались и суммы кредитов, выдаваемых на покупку земледельческих машин и орудий и наем рабочей силы, т.е. на усиление материально-производственной базы крестьянских и казачьих хозяйств. Только в течение 1912 г. кредитными и ссудо-сберегательными товариществами было выдано ссуд на сумму около 20 млн рублей, из которых 14 млн руб. пошло на развитие сельского хозяйства⁷.

⁶ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств. СПб., 1912. С. 512–517; Указ. сборник. Пг., 1916. С. 562–563.

⁷ Вестник мелкого кредита. 1914. № 6. С. 219.

Примечательно, что многие кооперативы, чтобы решить проблему с употреблением членами взятых ссуд именно на развитие хозяйственных оборотов, замещали денежные ссуды предметными. То есть, если заемщик желал получить ссуду на покупку плуга, товарищество должно было выдать ему плуг, а не деньги, что гарантировало целевое использование кредита. Придя к таким решениям, правления многих товариществ начали вводить у себя торгово-посреднические операции, выписывая в первую очередь товары сельскохозяйственного назначения⁸.

По ведению кредитными кооперативами посреднической деятельности (в частности, по закупке товаров) Кубань значительно выделялась среди других областей и губерний России⁹. В 1909 г. посреднические операции велись в 80 товариществах, 1911 г. – в 93, и в дальнейшем число их увеличивалось. Основную часть (94%) из закупленных в 1911 г. товаров (на сумму более 2 млн руб.) составляли сельскохозяйственные орудия и лесной строительный материал (его относили к разряду материалов кустарно-ремесленного производства). Ассортимент приобретаемых товаров был разнообразен, но преобладали сноповязальные машины, сеялки, строительный материал, кровельное железо, мешки и др. Как видно, в посреднических операциях товариществ преобладали производительные расходы. Оценивая посредническую деятельность кредитных товариществ, надо признать, что хорошо поставленные совместные закупки дали возможность кооперативам добиться определенного снижения цен на приобретаемые товары и улучшения их качества путем выбора лучших производителей.

Следует отметить и другую важную форму посредничества, которая практиковалась кредитными кооперативами области, – это хлебозалоговая операция. С 1907 г. с санкции Управления по делам мелкого кредита местные отделения Госбанка стали выдавать кооперативным товариществам специальные кредиты для выдачи ссуд под залог хлеба. Уже в 1912 г. такие операции велись в 28 товариществах Кубанской области (для сравнения: в 9 – на Ставрополье и в 9 – в Терской области) [3, с. 27]. Для хранения зерна товарищества не только стали арендовать, но и строить собственные зернохранилища. Так, например, Петровское кредитное товарищество имело зернохранилище вместимостью 50 тыс. пудов, которое являлось самым крупным кооперативным зернохранилищем в России [2, с. 598]. Не имевшие таких возможностей кооперативы принимали хлеб в залог в помещениях залогодателей, амбары которых находились под контролем правлений кооперативов. По имеющимся данным о 23 товариществах, осуществлявших хлебозалоговые операции, в 1913 г. кооперативами было

⁸ Сельский сотрудник. 1909. № 2. С. 6.

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 25. Д. 4671. Л. 59.

принято в качестве залога пшеницы, ржи, ячменя, овса, подсолнечника, кукурузы, проса – всего 968 тыс. пуд. Ссуды под залог хлеба выдавались в размере до 700 руб. одному лицу¹⁰. Некоторые товарищества (Новомихайловское и др.), кроме выдачи ссуд под залог, предпринимали попытки покупки зерна за твердый счет, другие – принимая на комиссию разного рода зерно, продавали его своим же членам, нуждавшимся в нем весною для посева, и соседним товариществам¹¹.

Проходивший на Кубани в начале декабря 1913 г. съезд представителей учреждений мелкого кредита, анализируя ссудные и посреднические операции сельских кредитных кооперативов, сделал заключение «о чрезвычайно широком развитии кооперативного кредита и об огромном значении его для сельского хозяйства Кубанской области. В этом отношении Кубанская область стоит на первом месте среди других областей и губерний Европейской России»¹².

Таким образом, миграция в Кубанскую область широких масс крестьян из перенаселенных центральных и южных регионов страны способствовала резкому росту экономики области, особенно в аграрной сфере. Логика развития товарно-денежных отношений привела к бурному развитию кредитной кооперации, которая явилась основным механизмом развития хозяйств мелких и средних товаропроизводителей. Массовый приток иногородних способствовал бурному развитию сельскохозяйственного производства и превращению Кубанской области в один из динамично развивающихся аграрных регионов страны.

Литература

1. *Козлов А.И.* На историческом повороте. Ростов н/Д., 1977.
2. *Лященко П.И.* Хлебная торговля на внутренних рынках России. СПб., 1912.
3. *Ратушняк В.Н., Сидоренко Т.Н.* Роль кооперации в развитии аграрного сектора экономики на Северном Кавказе в начале XX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. Научный журнал. № 1 (17). Краснодар, 2013. С. 25–30.
4. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани. (1793 – 1985 гг.). Краснодар, 1986.
5. По страницам истории Кубани / Отв. ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар, 1993.

¹⁰ Союз. 1913. № 49–50. С. 8.

¹¹ Кооперативная жизнь. 1914. № 1. С. 54.

¹² Вестник мелкого кредита. 1914. № 6. С. 219.

6. *Сидоренко Т.Н.* Исторический опыт развития сельскохозяйственной кредитной кооперации на Кубани в условиях рыночной экономики // Репутациология. 2016. № 1 (39). С. 19–22.

Демографические аспекты отхода крестьян на заработки в Петербург (середина XIX – начало XX в.)

В статье на материалах Костромской губернии рассматриваются демографические аспекты отхода крестьян на заработки в столицу. Анализируется состав крестьян-отходников. Определяются социальные последствия трудовой мобильности крестьян.

Ключевые слова: демография, отход на заработки крестьян, г. Петербург, Костромская губерния.

В исторической литературе встречаются суждения о том, что отход крестьян и других слоев населения на заработки – явление петровского времени [2]. Однако это социальное явление возникло значительно раньше. К примеру, есть свидетельства о работе плотников-чухломичей в середине XVII в. в Москве. Так, в 1660 г. крестьяне деревни Некрасово «Ивашка Прохоров с товарищами строил хозяйственные постройки – конюшни, сараи, погреб на Посольском дворе в Москве на улице Покровке у иноземца Давыда Миколаева, а рядились за работу три рубля». Миколаев был польским послом в Москве [1, с. 474].

Е.В. Кудряшов, безвременно ушедший из жизни костромской искусствовед, специализировавшийся на каменной культовой архитектуре XVII в., в свое время начал даже составление «Словаря костромских и солигаличских каменного дела мастеров». География объектов, на которых они работали: Москва, Новгород Великий, Рязань, Переславль-Залесский².

Несомненно и то, что при Петре I в связи со строительством новой столицы, гавани, Санкт-Петербурга, возрос спрос на рабочие руки в сфере строительства и кораблестроения. 7 марта 1722 г. был издан Указ Петра I «О плотниках на Охту». По этому указу в Петербург должны были прибыть 350 семей в «новопостроенные дома». Места набора: «на Тосьме у Соли Вычегодской, в Чаранде, в Пошехонье, у Соли Галицкой, из Галича и с пригородов»³. Заметим, что в указе названы конкретные территории, что говорит о том, что их жители к тому времени, по-видимому, уже были известны своими умениями. Так, из Чухломского края (ныне Костромская область) в период строительства Санкт-Петербурга и морского флота было сделано 10 наборов плотников [2, с. 15]. Затем отход для заработков в север-

¹ Смурова Ольга Вениаминовна, доктор исторических наук, Костромской государственный университет, olga-smurova@mail.ru, Россия, г. Кострома.

² ГАКО (Государственный архив Костромской области). Ф-Р513. Оп. 1. Д. 398. Л. 68–74.

³ Указ Петра I «О плотниках на Охту» от 7 марта 1722 г. // Фонды Солигаличского краеведческого музея.

ную столицу стал традицией. В Костромской губернии тех, кто отправлялся на заработки в Петербург, именовали «питерщиками».

Позднее, в пореформенный период, когда стали проводиться переписи населения и было зафиксировано увеличение доли крестьянства в Санкт-Петербурге, костромичам принадлежало заметное место. Так, в 1869 г. в составе русского населения столицы крестьян считалось 35%, в 1900 – 66, в 1910 – 71% [3, с. 30–31, 45–46; 5, с. 84–85; 6, с. 100; 7, с. 15]. Губернии выхода крестьян: Архангельская, Витебская, Владимирская, Костромская, Новгородская, Псковская, Санкт-Петербургская, Смоленская, Тверская, Ярославская [4, с. 118; 5, с. 84–85; 8, с. 102–103]. Столичная среда, таким образом, формировалась в условиях увеличения доли крестьянства в составе населения Санкт-Петербурга.

Кроме российских городов, местом отхода костромичей на заработки было и зарубежье. Такие свидетельства встречаются в материалах периодической печати конца XIX – начала XX в. Костромичи принимали участие и в строительстве павильонов на всемирных выставках, входивших тогда в моду: «Через столицу проехала довольно значительная партия костромских плотников, направляющихся в Париж для производства плотничных работ на всемирной выставке, на несколько месяцев, с платою каждому 150 франков в месяц»⁴. Упоминания о фактах работы костромичей за рубежом периодически повторяются в прессе. Отход стал устойчивой традицией: «8 февраля в Санкт-Петербург прибыли 200 человек проездом на заработки в Париж и Лондон. Сообщается, что едут уже не в первый раз. Рабочие довольны «деликатным отношением», говорят «пьянства куда меньше чем у нас, заработок хороший и честно рассчитывают». О местном населении отзываются: «По науке там хоть отбавляй, а к ремеслу не приучены»⁵. Добирались они и до Америки: «Нам сообщили, что несколько артелей костромских плотников сейчас работают в Париже и в некоторых других городах Франции, а несколько человек, не особенно давно, уехали в Нью-Йорк с намерением поработать в ближайших к этому городу штатах. Незнание языка их не смущает»⁶.

И все же у костромичей преобладал отход в Санкт-Петербург. По переписи 10 декабря 1869 г. в Санкт-Петербурге крестьян-костромичей насчитывалось 12530 человек⁷. Заметим, что эта перепись зимняя, а костромские крестьяне занимались преимущественно летним отходом (строительство), поэтому можно предположить, что эта цифра значительно ниже летних показателей. По переписи 1890 г. среди пришлого населения столицы ко-

⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1899 г. 19 марта. № 32.

⁵ Костромская жизнь. 1913 г. 15 февраля. № 38.

⁶ Поволжский вестник. 1913 г. 8 ноября. № 2166.

⁷ Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г. Вып. I. СПб., 1872. С. 118.

стромичей было уже 23296 человек⁸. Наконец, по данным Первой всеобщей переписи населения России 1897 г. уроженцев Костромского губернии в Петербурге насчитывалось 37074 человек при общей численности населения губернии в 1429228 человек.

Однако следует учитывать тот факт, что данный феномен был характерен не для всех уездов Костромской губернии. Отличались этим четыре северо-западных уезда (Буйский, Галичский, Солигаличский, Чухломский с западными окраинами Макарьевского и Кологривского уездов). Этот факт зафиксировал Костромской губернский статистический комитет, который приступил к работе 20 апреля 1835 г. Специальным изданием его стали «Материалы для статистики Костромской губернии». В период с 1870 по 1891 гг. вышло в свет восемь выпусков. Одним из направлений деятельности комитета стал сбор и аналитическая обработка информации об отхожих промыслах крестьян. Регулярно публиковались сведения о количестве выданных паспортов и билетов. В Чухломском уезде уходила на заработки $\frac{1}{3}$, мужского населения, в Солигаличском – более $\frac{1}{4}$, и в Галичском – $\frac{1}{4}$. В этих уездах было значительно число бывших помещичьих крестьян, которым приходилось платить оброк помещикам⁹.

Соотнесение сведений о количестве костромских крестьян в столице с общей численностью населения в губернии мало что дает. А вот рассмотрение данного вопроса на примере конкретного уезда, где были развиты отхожие промыслы, приводит к вполне определенным выводам. Так, в Чухломском уезде в 1897 г. насчитывалось 55153 человека. Всех отхожих промышленников было зарегистрировано 10316 человек, что составляло более половины мужского населения уезда (51,76%). Процент же промышленников рабочего возраста к населению этой возрастной группы был еще выше – 68,71%¹⁰.

Стоит заметить, что селения данного уезда являлись незначительными по размерам. Преобладали селения в 1–10 дворов. Тем заметнее было отсутствие мужчин работоспособного возраста, особенно в страдную пору. Селения же более чем 25 дворов, составляли лишь 8,7%¹¹.

О спектре специальностей дают представления сведения, к примеру, по Алешковской волости¹²: «Отхожими промыслами занимается почти все

⁸ Санкт-Петербург по переписи 1890 г. СПб., 1891–1892. Ч. I. Вып. 1. С. 84–85.

⁹ *Жбанков Д.Н.* Влияние отхожих заработков на движение народонаселения Костромской губернии, по данным 1866–83 годов // Материалы для статистики Костромской губернии / под ред. действ. чл. и секр. комитета В. Пирогова. Вып. VII. Кострома, 1887. С. 1–123.

¹⁰ ГАКО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 882. Л. 23.

¹¹ Там же. Л. 6 об.

¹² Алешковская волость была примечательна тем, что не имела единой территории. Селения, входившие в ее состав, располагались на территории разных волостей, а числились за Алешковской волостью.

взрослое население до 1000 душ: 250 маляров, 110 плотников, 40 бондарей, 75 мясников, 50 печников, 50 краснорядцев, 25 кузнецов, 25 слесарей и 100 чернорабочих. Уходят они в Москву и С.-Петербург в феврале, марте, апреле и мае месяцах, а возвращаются большею частью в сентябре, октябре и ноябре». Заработки: маляр и кузнец по 150 руб., столяр, плотник и краснорядец по 180 руб., печник и чернорабочие по 100 руб., слесарь 240 руб., мясник 200 руб.»¹³.

О длительности отхода на заработки в течение жизни отдельного человека позволяют судить «Сведения о лицах, отлучившихся на посторонние заработки в гг. Москву и С.-Петербург в течение 1898, 1899, 1900 годов, по Плещеевской волости Солигаличского уезда»¹⁴ (Костромская губерния). Из 387 человек 42 населенных пунктов свыше 10 лет ходили в отход 122 человека; свыше 20 – 47; свыше 30 – 22; свыше 40 – 8, т.е. в совокупности свыше 10 лет ходили на заработки 199 человек из 387 (более 50%). Лиц от 12 до 20 лет (включительно) – 92 человека; от 20 до 30 – 140; от 30 до 40 – 92; от 40 до 50 – 45; от 50 до 60 – 16; свыше 60 лет – 2 человека. Таким образом, мы видим, что самая многочисленная группа – это крестьяне от 20 до 30 лет, далее следуют группы от 12 до 20 и от 30 до 40, в них – равное количество. В группе от 40 лет количество резко снижается, и эта тенденция сохраняется в последующих возрастных группах. Отход на заработки был длительным, практически в течение всего трудоспособного периода жизни крестьянин отсутствовал дома.

О длительности отхода говорят и другие виды источников. Скажем, в справочных книгах о лицах, выбиравших промысловые свидетельства в Санкт-Петербурге, принято было отмечать, с какого времени выбиралось промысловое свидетельство. В исповедных книгах Костромской губернии также указывалась причина неявки на исповеди и причастии. Сроки могли исчисляться до 20 и более лет. В этом случае в графе о причине отсутствия на исповеди священник писал: «в отлучке» или «по отлучке». Были случаи, когда в Петербурге крестьяне переходили в старообрядчество. Священник Николаевской церкви с. Каликина Чухломского уезда Николай Альбов в 1866 г. писал: «Никаких мер не можем представить по причине постоянной их отлучки на чужую сторону»¹⁵.

В связи с мужским отходом наблюдался дисбаланс мужского и женского населения. К примеру, в Чухломском уезде на 100 мужчин приходилось 119 женщин (по губернии – 105)¹⁶.

¹³ Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб., 1885. С. 177.

¹⁴ ГАКО. Ф. 210. Оп. 1. Д. 222. Л. 1 об.–9 об.

¹⁵ ГАКО. Ф. 130. Оп. 13. Д. 71. Л. 63 об.–64.

¹⁶ ГАКО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 882. Л. 8 об.

Исторически сложившаяся стратегия жизни большинства мужчин данной местности была такова. Первый костромской период: детство в деревне. Петербургский период: с отрочества – в учении, а затем, насколько позволяло здоровье – работа в столице. Второй костромской период: возвращение на родину.

Правда, по разного рода документам фиксируются и случаи проживания супругов в столице вместе, особенно это касается той части отходников, которым удалось найти устойчивый заработок в городе. Привести конкретную статистику сложно, однако изучение метрических книг губернии выхода и Санкт-Петербурга позволяет об этом говорить предметно. Так, в результате просмотра метрических книг церкви Ризположения с. Озерки Чухломского уезда Костромской губернии за 1861–1918 гг. было обнаружено 10 упоминаний о рождении детей в Санкт-Петербургской губернии¹⁷. В том числе, там содержатся выписки из метрических книг Исаакиевского собора, ц. Вознесения Господня, что при Адмиралтейских слободах, ц. Успения Божией матери, что на Сенной, Кронштадтского Андреевского собора, ц. Происхождения Честных древ Всемилоствига Спаса, что на Выборгской стороне, Благовещенской Василеостровской ц., Симеоновской, что на Моховой, Воскресенской Малоколоменской, Свято-Троицкой Шиловской ц. Шлиссельбургского уезда Санкт-Петербургской епархии¹⁸. В метрических книгах Николаевской церкви с. Дорок Чухломского уезда Костромской губернии (1867–1918 гг.) – 6 упоминаний о рождении детей в Санкт-Петербурге (ц. Смоленской Божией Матери, ц. Рождества Христова, что на Песках, Крестовоздвиженская, что в Ямской слободе, ц. Лейб-Гвардии Стрелкового Его Величества баталиона) и одно – в Москве¹⁹.

Информация об отходе семьей встречается в ведомостях о тех, кто не был на исповеди и причастии более 3 лет, которые составляли священнослужители. Так, в ведомости Николаевской церкви с. Жукова Солигаличского уезда за 1894 г. в списке указано 47 человек, которые не были на исповеди по отлучкам. Из них: семей с детьми – 16; вдов (некоторые с детьми) – 3; отец с сыном – 1. Одна семья даже трехпоколенная: солигаличский мещанин Косьма Ефимов Орлов во втором браке – 60 л., жена его Екатерина Алексеева – 54 г., дети от второго брака: Иоанн Космин – 34 г., жена его Екатерина Иванова – 35 л., их сын Николай – 14 л., Павел Косьмин – 23 г., жена его Любовь Феодорова – 24 л., Николай – холост 20 л., Анна – девица 16 л., Мария – 11 л. Другая семья, из д. Цылимова Солигаличского у. крестьяне

¹⁷ ГАКО. Ф. 56. Оп. 25. Д. 186–190.

¹⁸ Там же. Д. 109. Л. 82; Д. 111. Л. 214–215; Д. 186. Л. 10, 20, 97, 98, 142, 163; Д. 188. Л. 199; Д. 190. Л. 122 об.

¹⁹ Там же. Д. 109. Л. 196, 257–258, 304, 432; Д. 110. Л. 59; Д. 111. Л. 191–192.

Николай Иванов – 47 л., жена его Параскева Михайлова – 43 г., дети их: Михаил – холост 19 л., Николай – 17 л., Мария – 14 л., Епестемия – 12 л.²⁰

Отличительная особенность западных уездов Костромской губернии – смешанный состав населения в деревнях и селах. Семьи крестьян-отходников нередко переходили в другие сословия: купеческое и мещанское, хотя и продолжали жить в деревне. Даже крестьяне, получившие купеческое звание, приезжали умирать на малую родину. К примеру, в 1873 г. скончалась в возрасте 87 лет Санкт-Петербургская мещанка вдова Матрона Лаврентиева, проживавшая в усадьбе Венгине, в д. Потапова – царскосельский мещанин Дмитрий Павлов Шурунов, в 1906 г. в возрасте 80 лет – житель д. Венгина Санкт-Петербургский мещанин Алексей Терентьев Терентьев²¹.

В деревне проживали не только крестьяне, но и состарившиеся купцы и мещане, почетные граждане, отслужившие солдаты и офицеры, мастеровые ремесленных цехов Санкт-Петербурга. В частности, в метрических книгах Никольской церкви с. Дорок Чухломского уезда упоминаются: д. Фирюкова Введенской волости запасный старший мастеровой Иван Игнатьев Туранов, д. Ассорина Введенской волости сын цехового мастера свободный художник Павел Феодоров Порфиоров, д. Стана Введенской волости Санкт-Петербургская мещанка Екатерина Ефимова Иванова, д. Андреевской запасный мастеровой из крестьян Павел Владимиров Васильев, Санкт-Петербургской ремесленной управы столярный ремесленник Иван Лаврентиев, мастер малярного цеха Григорий Емельянов Смирнов, Санкт-Петербургского мещанина Михаила Андреева жена Пераскева Алексиева Андреева, д. Назарова Введенской волости Санкт-Петербургский ремесленник Никифор Владимиров Хожев, 35-й Артиллерийской бригады 3-й батареи рядового старшего мастерового деревянного дела Гаврила Иванова Флорова жена Авдотья Иванова Флорова, проживавший в Введенской волости д. Назарова Санкт-Петербургской управы столярного цеха ремесленник Иван Ананиев²². Круг общения, в котором значительная часть людей прошли «школу столичной жизни», способствовал расширению жизненных горизонтов деревенских жителей.

Очень современно и своевременно звучит прогноз Д.Н. Жбанкова: «По нашему мнению, отхожие заработки останутся еще надолго в России, они будут существовать до тех пор, пока каждая отдельная местность не обеспечит вполне жизнь всего своего населения»²³.

²⁰ ГАКО. Ф. 130. Оп. 14. Д. 253. Л. 60–61 об.

²¹ ГАКО. Ф. 56. Оп. 25. Д. 109. Л. 395 об.–396, 409; Д. 111.

²² Там же. Д. 109. Л. 92 об., Л. 126, 305 об., 306, 331 об., 395 об.–396, 409; Д. 110. Л. 81; Д. 111. Л. 179, Л. 195, 424 об.

²³ Жбанков Д.Н. Влияние отхожих заработков на движение народонаселения Костромской губернии, по данным 1866–83 годов. С. 123.

Литература

1. *Белоруков Д.Ф.* Деревни, села и города Костромского края: материалы для истории. Кострома, 2000.
2. *Казаринов Л.* Прошлое Чухломского края // Труды Чухломского отделения Костромского научного общества и Чухломского музея. Вып. 4. Солигалич, 1929.
3. *Карнович Е.П.* Санкт-Петербург в статистическом отношении. СПб., 1860.
4. Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г. Вып. I. СПб., 1872.
5. Санкт-Петербург по переписи 1890 г. Ч. I. Вып. 1. СПб., 1891–1892.
6. *Чериковер С.* Петербург. М., 1909.
7. *Юхнева Н.В.* Петербург – многонациональная столица // Старый Петербург. Л., 1982.
8. *Юхнева Н.В.* Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984.

Русская крестьянская община и государство: социальные истоки конфликта в начале XX в.

В статье анализируется отношение государства к крестьянской общине в условиях экономических и культурных перемен в жизни пореформенной России. Показано влияние демографического фактора на развитие кризиса общинного правопорядка. Исследуются причины отказа государства от курса на сохранение традиционных устоев жизни русской деревни в начале XX века.

Ключевые слова: русское крестьянство, община, аграрное перенаселение, реформы, кризис традиционных основ.

Дискуссии вокруг русской крестьянской общины всегда отличались исключительной остротой. Еще до отмены крепостного права Б.Н. Чичерин утверждал, что сельская община в России «не образовалась сама собою из естественного союза людей, а устроена правительством, под непосредственным влиянием государственных начал» [24, с. 57]. Напротив, поклонники отечественной самобытности усматривали в общине один из традиционных устоев российской жизни. Резко возражая Чичерину, И.Д. Беляев, в частности, утверждал, что устройство общин «составилось не по позднейшим постановлениям правительства, а вытекало из жизни народа, из его понятия об условиях общественной жизни, из народного характера, выработанного историей» [2, с. 145]. «Патриотический» подход Беляева впоследствии разделяли Д.Н. Шипов, В.А. Александров, П.Н. Зырянов и многие другие историки, литераторы и публицисты. Фиксируя устойчивость консервативной позиции, В.И. Гурко с сожалением отмечал: «Земельная община представляется каким-то фетишем, и притом настолько свойственной русскому народному духу формой землепользования, что о ее упразднении едва ли даже можно мечтать» [6, с. 396]. Властям, однако, пришлось взять курс на такое упразднение.

Острые споры в пореформенные годы велись по вопросу о хозяйственном своеобразии крестьянского мира [15, с. 14]. При этом голоса критиков общины звучали все громче. До революции В.И. Гурко и К.Ф. Головин, а в новейшее время Б.Н. Миронов отмечали архаику общинных порядков и подчеркивали их преходящий характер [13, с. 225–227]. В современной историографии особенно актуальной выглядит проблема соответствия общинного строя задачам политического и экономического развития государства.

¹ Карпачёв Михаил Дмитриевич, доктор исторических наук, Воронежский государственный университет, m-karpach@mail.ru, Россия, г. Воронеж.

В консервативных кругах России всегда держалось убеждение в том, что сохранение специфических форм крестьянского самоуправления, включая волостной суд, надежно служит общественному спокойствию и безопасности государства. Известные основания для такой уверенности были. Устройство крестьянского мира на протяжении столетий было одной из опор самодержавного строя. Всем своим укладом крестьянская семья, а вместе с ней и община, воспроизводили на уровне народной жизни модель авторитарного государства с неограниченным правителем во главе. Естественная забота о стабильности государственного порядка побуждала верховную власть к сохранению сословной и правовой обособленности многомиллионного российского крестьянства и после отмены крепостного права.

Объективно говоря, анализ общинного строя лишней раз убеждает, что у российского самодержавия имелись глубоко народные корни. Стихийный консерватизм крестьянства вполне соответствовал традиционализму самодержавного государственного устройства; ни тот, ни другой не были склонны к восприятию глубоких новаций. Отменив крепостничество, самодержавие продолжало искать залогов стабильности в народных обычаях и надеялось, что с утратой помещиками административного контроля над крестьянами именно общинные порядки и обычное право не дадут освобожденному народу войти в состояние социальной неуправляемости. Как известно, о такой опасности неизменно предупреждали открытые противники крестьянской эмансипации [7, с. 23–24].

Надо учесть, к тому же, что положиться на традиционные крестьянские обычаи верховная власть должна была по необходимости. Правительству просто нечем было заменить административную власть помещиков. Сохранение мирских сходов, выборного самоуправления, круговой поруки, уравнительного землепользования и обычного права диктовалось, среди прочего, практической невозможностью перейти к индивидуализации крестьянской собственности. Реформаторы из окружения монарха не располагали для этого ни финансовыми ресурсами, ни кадрами специалистов [22, с. 179]. При этом творцы крестьянского освобождения видели в общине крупные недостатки. По выражению одного из лидеров Редакционных комиссий Я.А. Соловьева, община «задерживает развитие безземельности, но в то же время способствует развитию общей народной бедности» [19, с. 213–214].

Административные и правовые функции общины были узаконены «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» 1861 г. При этом близкие к престолу бюрократы-реформаторы придали делу крестьянского освобождения безальтернативный характер. Выбора не было ни у помещиков, ни у крестьян. Первые должны были предоставить

бывшим крепостным свободу и земельное обеспечение, а вторые обязаны были принять освобождение и причитающиеся им наделы. Причем закон недвусмысленно указывал, что сначала от обязанностей по опеке над крестьянами и от ответственности за их исправное состояние освобождаются помещики, а затем уже ответственность за отбывание всевозможных повинностей возлагается на самих крестьян [16, с. 184]. Старательно регламентируя процесс эмансипации, высшие чиновники даже рассчитали для каждого уезда обязательные размеры крестьянских наделов, а также нормы оброков за их пользование и соответствующую стоимость выкупа этих наделов в общинную собственность. Либеральные бюрократы искренне полагали, что без тотального административного контроля освобождавшееся крестьянство управляться не могло. Вот почему закон весьма детально расписал функции общины, обязанной обеспечить управляемость крестьян, а также своевременное выполнение ими фискальных и иных повинностей [16, с. 48–51].

Примечательно, что обязательность основных условий крестьянского раскрепощения вызвала в среде дворянства острое недовольство. Не без определенного основания многие из них увидели в бюрократическом диктате противоречие самому духу эмансипации. Обязательное наделение по обязательным нормам, а затем обязательный выкуп никак не соответствовали представлениям о свободе хозяйственной деятельности. В этом, в частности, были убеждены воронежские депутаты, отправившиеся в августе 1859 г. в Петербург на дворянский съезд. Здесь губернский предводитель дворянства И.В. Гагарин открыто примкнул к так называемой фронде и с негодованием аттестовал стремление лидеров Редакционных комиссий как попытку «ввести административным путем начала коммунизма» [8, с. 191].

Надо признать, что причины для столь резкой оценки готовившейся реформы у воронежского предводителя были. Под прикрытием фигового листка «добровольного пожертвования» либералы-бюрократы, считал он, заносят в сознание народа зерна социализма. Ни для кого не стало к тому времени секретом, что фактически планировалось, а затем и осуществилось принудительное перераспределение земельной собственности, да еще в беспрецедентно больших масштабах. По сути дела, реформаторы стремились реализовать своеобразную административно-хозяйственную утопию: преобразования должны были вывести Россию на путь ускоренной промышленной, транспортной и культурной модернизации и при этом сохранить громадное преобладание в хозяйственной жизни самодостаточных крестьянских общин.

Одновременно в идейную борьбу за сохранение общины и других устоев традиционного крестьянского быта активно включилась радикальная

русская интеллигенция. Выступая под флагом народничества, демократы долгое время (от А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского до эсеров) конструировали собственную утопию и усматривали в общинных порядках особую предрасположенность русского крестьянства к социализму. Прежде всего, отмечались отсутствие у крестьян частной собственности на землю и их способность к мирскому самоуправлению. Взгляды на общину консерваторов-монархистов и радикалов-социалистов – при очевидной противоположности целевых установок – сходились на общем отрицании либерального реформирования и индивидуализации устоев крестьянской жизни.

К концу века обе разновидности крестьянской общинной утопии стали быстро разрушаться. Важнейшую роль в таком исходе сыграл демографический фактор. Всю вторую половину XIX и первые полтора десятилетия XX в. в губерниях российского Черноземья наблюдался исключительно быстрый рост численности крестьянского населения. Если в 1862 г. в Воронежской губернии проживало около 1,8 млн чел., то в 1897 уже около 2,5 млн, в 1905 – около 3,2 млн, а в 1914 – примерно 3,7 млн. Между тем свободного резерва не возделанных земельных площадей к тому времени уже не осталось. Одним из печальных следствий этого процесса стало явное ухудшение земельного баланса. Среди сельскохозяйственных угодий быстро возрастали площади под пашню. За XIX в. доля лугов и выгонов упала с 36,5% до 10,2%, доля леса уменьшилась с 11,9% до 7,9%, а вот доля пашни выросла с 42,9% до 69,3% [17, с. 31]. В Бирюченском уезде, например, за два последних десятилетия XIX в. размер пашни увеличился с 80 тыс. до 150 тыс. десятин. Прирост произошел за счет лугов и пастбищ, в итоге поголовье крупного рогатого скота сократилось в 1890–1902 гг. с 66032 до 45019 [12, с. 42]. Такая же картина наблюдалась и в прочих уездах. В результате в губернии ухудшилась экологическая ситуация, начало сокращаться животноводство. Недостаток органических удобрений приводил к тому, что природная сила черноземов стала быстро истощаться. Словом, на громадный и густонаселенный регион надвигался тяжелый аграрный вопрос. В среде оппозиционной интеллигенции все более настойчивый характер стали приобретать разговоры о крестьянском малоземелье как главной причине материальных затруднений народа.

Настойчивая поддержка общины с ее круговой порукой неожиданно для властей в начале XX в. обернулась стремительным ростом социальной нестабильности в деревне. Общинная солидарность все чаще стала проявляться в откровенно противоправных акциях: самовольных захватах частновладельческих земель, коллективных столкновениях с администрацией и помещиками, в грабежах дворянского имущества и т.п. Анализ происходивших перемен в социальном поведении общинников показывал, что

сохранение патриархальных институтов народной жизни способствовало обострению крайне болезненной проблемы относительной избыточности аграрного населения. Внешним выражением этой проблемы стал популярный в революционных кругах вопрос о крестьянском малоземелье, лучшим способом разрешения которого радикальная интеллигенция считала упразднение частной собственности на землю и ее уравнительный передел.

Становилось все более очевидным, что община вступила в острое противоречие с экономическим курсом государства. Большим достоинством общины в глазах консерваторов долгое время считалось ее противодействие развитию пролетариата в среде русского крестьянства. Действительно, общинные уравнительные переделы неизменно оставляли абсолютное большинство русских крестьян в положении собственников. Больше того, крестьянская наделная земля после реформ 1860-х гг. была фактически выведена из рыночного оборота. По этой причине общие размеры крестьянского общинного землевладения за пореформенные десятилетия заметно увеличились, но при этом душевое земельное обеспечение сильно сократилось из-за роста населения в среднем по стране почти в два раза (с 4,8 до 2,6 дес.).

Приходится констатировать, что, затрудняя крестьянскую мобильность, община способствовала усилению избыточности аграрного населения, что, в свою очередь, консервировало застой в экономике деревни. О бездоходности крестьянских посевов много раз с тревогой говорили специалисты. Так, статистики Богучарского уезда отмечали, что в начале XX столетия средние урожаи с крестьянских наделов не превышали 50 пуд. с десятины, а за вычетом посевного зерна, чистый урожай составлял всего около 40 пудов. Подсчеты показывали, что затраты составляли не менее 75 коп. на пуд, а продажная цена зерна (около 1 руб. за пуд.) едва их покрывала².

Земля продолжала удерживать основные массы трудоспособного населения, и именно это обстоятельство предопределило развитие депрессивных явлений в хозяйственной и социальной жизни богатого земельными ресурсами региона. Постепенно изнурительная чересполосица, длинно- и дальноземелье, принудительный трехпольный севооборот стали отталкивать все более значительные группы тружеников. На это обстоятельство обратил внимание известный соратник П.А. Столыпина датский специалист А.А. Кофод. Хозяйственная архаика общины, отмечал он, выталкивала из земледелия деятельную часть крестьянства. «Так, – писал Кофод, – на востоке, в астраханских, уральских и даже воронежских степях, в местностях арендного хозяйства, бывает, что крестьяне и казаки крупных сел и станиц, убедившись в невозможности успешного ведения хозяйства на разбросан-

² Вестник Богучарского общества сельского хозяйства. 1915. № 1. С. 8.

ных полосах, отдаленных от их местожительства иногда до десятка и более верст, отдают свои надельные земли в аренду участками или гуртом, сами иногда совершенно отказываясь от занятий сельским хозяйством» [10, с. 3]. Материальные выгоды промыслов, их возрастающее многообразие все более активно нарушали патриархальную неподвижность крестьянской жизни. Однако большинство крестьян по-прежнему дорожило землей и даже брало ее в аренду, невзирая на все рыночные невыгоды земледелия.

На рубеже XIX–XX вв. аграрная экономика земледельческого центра определенно заходила в тупик. Систематически повторявшиеся недороды обрекали массы крестьянства на полуголодное существование. Но и в случае обильных урожаев в губернаторских отчетах звучала тревога, правда, совсем иного рода: на выращивание и уборку хлебов крестьяне тратили огромные усилия, между тем избыток зерна вел к сильному падению цены на него. Продажа зерна в такие годы не могла окупить трудовых и материальных затрат на его производство. Так было, например, в 1897 г., когда воронежский губернатор В.З. Коленко с тревогой сообщал правительству о катастрофическом падении цен на зерно из-за высокого урожая и отсутствия спроса [5, с. 333].

С развитием рыночных отношений несовместимость общины с экономическими и политическими реалиями становилась все более очевидной. Это отчетливо обнаружил уже А.Н. Энгельгардт, указавший на противоположность хозяйственных интересов помещиков и крестьян. Первые были заинтересованы в высокой цене на хлеб, поскольку продукция их хозяйств предназначалась в основном на продажу, а крестьяне-общинники – в низкой, так как характер экономики их дворов был натурально-потребительским [27, с. 159]. Во избежание угрозы голода в общине нельзя было производить слишком мало, но ввиду крайней узости рынков не стоило получать и слишком много. Именно в последнее время, с грустью писал в 1894 г. Ф.А. Щербина, «все резче и резче начинает устанавливаться тот факт, что при урожаях мы не знаем, куда девать нам хлеб и жалуемся на его обесценение, а при неурожаях терпим невероятные убытки в своем хозяйстве» [25, с. 7].

На рубеже XIX–XX вв. в обществе и в правительственных сферах широко распространилось мнение об усиливавшемся обеднении русской деревни. Оскудение земледельческого центра страны считалось тем более тревожным, что оно отмечалось на фоне высоких темпов развития промышленности и транспортной сети всей России. При этом признавалось, что общее обеднение земледельческих хозяйств центральных губерний не могло быть вызвано только недостатками реформы 1861 г. Дело в том, что падение доходности земледелия и животноводства проявлялось не только у бывших помещичьих крестьян. Их доля в составе крестьянского населения

Воронежской губернии, например, не превышала 29%. Зато свыше 70% крестьянских хозяйств являлись бывшими государственными крестьянами с, казалось бы, достаточным земельным обеспечением. Если у бывших помещичьих крестьян в среднем на двор приходилось 5–6 дес. земли, то у бывших государственных – 12–13 [25, с. 8–9]. Тем не менее, явления хозяйственного упадка наблюдались у всех категорий крестьян.

Поскольку община с ее статичным характером натурально-потребительского хозяйства не соответствовала курсу на ускорение темпов развития промышленности и транспортной инфраструктуры, постольку в экономике страны возникла опасная диспропорция. Оскудение деревни неизбежно сокращало внутренний рынок для бурно развивавшейся промышленности; системный кризис становился вопросом времени. Социально-политическим следствием такого положения стало беспрецедентное повышение агрессивности общины по отношению к частному землевладению и к государственной власти. Не пресловутое засилье помещичьего землевладения и крепостнических остатков, а как раз общинная статичность и связанная с ней проблема аграрного перенаселения стали главными дестабилизирующими факторами жизни русской деревни, вслед за ней и всей страны.

К началу XX в. все более определенные очертания стали приобретать противоречия между государством и общиной в сфере правовой культуры. Общинный строй был неразрывно связан с господством патриархальных отношений в труде и в семейно-бытовой сфере. «Нигде, – отмечал очевидец, – вы не увидите такого царства насилия, как в крестьянской семье, и это некоторыми называется патриархальным бытом. Все это работает до изнеможения, пьет иногда до беспамятыства, ест впроголодь» [14, с. 10]. Внимательный анализ жизни общин убеждал в возраставшей неустойчивости ее порядков. Прямое наследие общины – крайне низкий уровень правовой культуры крестьянства. «Действительные законы, – писал еще один наблюдатель народной жизни, – совершенно неизвестны народу: он знает только один закон – это то, что говорит или приказывает начальство, какое бы оно ни было: урядник ли, писарь, мировой ли судья или судебный следователь... Закон стал атрибутом власти» (1, с. 192).

Защитники традиционных устоев старались не замечать, что уравнительные переделы и хозяйственная солидарность прекрасно уживались внутри общинного крестьянства с проявлениями крайнего индивидуализма. При переделах крестьяне чрезвычайно ревниво следили за тем, чтобы земельные участки разного качества и разной удаленности получала каждая «душа» поровну. Поэтому-то крестьянский надел состоял из многих (иногда до 30–40) полос. Сильная чересполосица создавала крайние неудобства в работе (одни переезды чего стоили!), однако душу общинника согревала мысль о

том, что страдает не он один, что так трудятся все его односельчане. «Тебе хорошо, а мне худо, так пускай же и тебе будет худо. Поровнять...» – так горестно оценивал рутину сельской жизни известный в свое время герой популярных в свое время очерков Г.И. Успенского хозяйственный мужик Иван Ермолаич [21, с. 62]. Добавим к этому, что при систематических переделах крестьяне не проявляли особого желания заботиться о качестве земли; хорошо удобренные и обработанные участки легко могли перейти к другим хозяевам. При страшной чересполосице вывоз навоза на поля нередко был просто убыточен, и крестьяне черноземных губерний порой просто вываливали его в овраги. Не случайно использование земельных угодий общинным крестьянством характеризовалось специалистами того времени как хищническое.

По мере роста демографических показателей, общинный строй неуклонно деградировал. Община деформировалась, а достоинства, которыми восхищались как патерналисты-консерваторы, так и демократическая интеллигенция (каждые, впрочем, по-своему), уходили в прошлое. Особенно остро власти почувствовали это во время кампании по преодолению последствий неурожая 1891–1892 гг. Даже тяжелое народное бедствие не остановило упадок общинной солидарности. В этом быстро убедился В.Г. Короленко, отправившийся в Нижегородскую губернию для организации помощи голодавшей деревне. Беседуя с состоятельным мужиком о порядке выдачи продовольственных ссуд, писатель неожиданно столкнулся с таким суждением: «Ежели б круговую поруку объявили, мы тогда как-никак отбились бы и от пособия!»

– То есть, как же это?

– Так, не дали бы приговору богатые-те мужики...

– А бедняки?

– А бедняки как знают. Нам разве охота за них платить» [9, с. 114].

Зато на распределение продовольственной помощи приходили все общинники. Получать пособие круговая порука никак не мешала: «Господа предводители и земские начальники наскоро выдавали пособия, и «мир» еще быстрее делил «пособие по душам»... Пособие «шло на распыл», доставалось по пяти фунтов на мирскую душу, богатым и бедным одинаково» [9, с. 184].

О стремительном росте собственнических настроений в деревне писал и авторитетный знаток сельской жизни А.Н. Энгельгардт. «Известной дозой кулачества, – замечал он, – обладает каждый крестьянин, за исключением недоумков да особенно добродушных людей и вообще “карасей”. Каждый мужик в известной степени кулак, шука, которая на то и в море, чтобы карась не дремал... Я не раз указывал, что у крестьян крайне развит инди-

видуализм, эгоизм, стремление к эксплуатации. Зависть, недоверие друг к другу, подкапывание одного под другого, унижение слабого перед сильным, высокомерие сильного, поклонение богатству – все это сильно развито в крестьянской среде. Кулаческие идеалы царят в ней, каждый гордится быть щучкой и стремится пожрать карася. Каждый крестьянин, если обстоятельства тому поблагоприятствуют, будет самым отличнейшим образом эксплуатировать другого, все равно, крестьянина или барина, будет выжимать из него сок, эксплуатировать его нужду» [27, с. 520]. Вполне достоверное свидетельство писателя-народника лишней раз убеждало: общинный консерватизм отнюдь не мешал духу индивидуальной наживы, что неизбежно вело к деформации крестьянской морали.

Как видно, община была вполне совместима с резкими контрастами в имущественном положении крестьянства. Она была несовместима лишь с таким хозяйственным успехом, который достигался на почве производства товарной продукции. Как подмечал тот же А.Н. Энгельгардт, предприимчивые крестьяне не только не могут быть хорошими хозяевами, но даже и работать хорошо не умеют. «Положительно можно сказать, что деревня и общинное владение землей спасают многих малоспособных к хозяйству от окончательного разорения» [27, с. 388]. Именно эта сторона общины была дорога большинству крестьян. Но она же становилась совершенно неприемлемой для предприимчивых людей пореформенной генерации. С негодованием отвергал косность крестьянского мира преуспевающий персонаж повести И.А. Бунина «Деревня»: «Ты подумай только: пашут землю целую тысячу лет, да что я! больше! – а пахать путем, то есть ни единая душа не умеет! Единственное свое дело не умеют делать! Не знают, когда в поле надо выезжать! Когда надо сеять, когда косить! «Как люди, так и мы», – только и всего» [4, с. 205]. Разумеется, деятельный герой повести в запальчивости мог сгустить краски, но в данном случае важны не его преувеличения. Приходится признать, что именно развитие предприимчивости в производственной сфере представляло для общины главную угрозу и побуждало ее к активному противодействию правительственным преобразованиям либерального характера.

С явлениями правового и морального упадка общины столкнулся и писатель-демократ Н.М. Астырев, опубликовавший известные в свое время очерки крестьянского самоуправления. Крестьяне, отмечал публицист, практически не имеют понятия о своих законных правах. Жители села Орлово, в котором он поселился в 1881 г., не были осведомлены даже о порядке проведения земельных переделов и писарю пришлось довольно долго им объяснять, что это их воля, а не воля начальства – проводить передел или не проводить. Как следовало из рассказов Астырева, у крестьян практиче-

ски отсутствовало понятие о праве земельной собственности. Только когда уездный исправник собрал сход и «в ясных, хороших словах разъяснил необходимость от времени до времени делить землю – во избежание крайней неравномерности – в распределении ее», крестьяне смогли приступить к переделу [1, с. 111].

Низкий уровень правосознания крестьян вел к тому, что во внутренней жизни общин царила не мужицкая солидарность, а вполне беззастенчивая власть кулаков, фактически прибравших к своим рукам ресурсы деревни, включая сдачу в аренду общей земли. «И против такого наглого хозяйничанья мирским имуществом мне никогда не приходилось слышать протеста, – с горечью замечал Астырев, – мужики находят такие сдачи в порядке вещей» [1, с. 122]. Мужик, конечно, хорошо отличал свое от мирского, но при этом особой заботы об общем достоянии проявлять не спешил. Зато кулаки-мироеды удачно этим пользовались. «И никакими паллиативами не остановить роста этих лишаев: деревня будет все далее и далее дифференцироваться, и по одну сторону будут стекаться представители умственности, которые все безграничнее будут господствовать над отлагающимися в другую сторону рабами физического труда, глубже и глубже уходящими в мелкие, развращающие заботы о куске насущного хлеба. Это, по-моему, логически неизбежный конец истории нашей крестьянской общины в существующей ее форме; избежать этого печального конца можно, только перейдя от общинного владения объектом труда – землей к общественной форме самого труда», – горестно размышлял писатель-народник [1, с. 126].

Неизбежный при господстве общины рост относительной избыточности крестьянского населения обусловил и быстрое ухудшение экологии в Центральной России. Сокращение душевого надела вело к чрезмерным распашкам и сокращению пастбищ, к падению животноводства, к усилению засух и обеднению почв. Община могла относительно устойчиво функционировать только при наличии земельного простора, позволявшего использовать трехпольную систему возделывания пашни, исчерпанность же земельных ресурсов делала общину все более агрессивной, причем главным образом по отношению к частной собственности и к личной инициативе. Революционные потрясения начала XX в. наглядно продемонстрировали, какой грозный потенциал социального взрыва таится в русской поземельной общине.

При господстве общин крестьяне вели замкнутое натурально-потребительское хозяйство. Бюджетные расходы крестьян-общинников были ничтожны. По подсчетам Щербины расходы крестьянина Воронежской губернии в конце XIX в. составляли всего 53 руб. в год, причем только половина этой суммы тратилась в денежной форме [26, с. 87]. В.И. Гурко,

один из отцов новой аграрной политики, имел все основания утверждать, что община «принуждает своих членов равняться не по уровню знаний и предприимчивости наиболее развитых и энергичных своих членов, а наоборот, поневоле остается в области земледелия на уровне наименее знающих и несмышленных» [6, с. 160].

Одним из важнейших признаков глубокого кризиса общины стал неуклонный и практически беспорядочный рост недоимок по налоговым платежам. Так, в Воронежской губернии налоговые недоимки фиксировались независимо от хозяйственных условий очередного года. Такое положение свидетельствовало как о низкой эффективности государственной власти, так и о дефиците гражданственности в народных массах. Община явно демонстрировала свою удаленность от гражданского общества. В политическом же смысле ее порядки никак не вписывались в объявленные Манифестом 17 октября 1905 г. гражданские условия правовой монархии. Жизнь скоро показала, что гражданственность легко провозгласить, но невозможно получить по царскому указу без коренных перемен в экономических, культурных и социальных условиях жизни народа, в первую очередь крестьянства. На это обстоятельство с большой энергией указывал П.А. Столыпин. Нельзя, утверждал он, «только на верхах развешивать флаги какой-то мнимой свободы». Вот почему премьер-министр призывал покончить с «кабалой общины» [20, с. 63]. Никак нельзя согласиться с бытующими утверждениями о том, что Столыпин не связывал разрушение общины с либерализацией политической жизни в стране [23, с. 94].

Крестьянские волнения начала XX в. и особенно революция 1905–1907 гг. наглядно свидетельствовали о том, что сельская община оказалась несовместимой ни с частной поземельной собственностью, ни с индивидуализацией гражданских прав, ни с рыночной экономикой. Государственный курс на ускоренное развитие промышленности и транспорта с неизбежностью вел к непримиримому противоречию с архаикой крестьянского мира. В XX в. русская крестьянская община устоять уже не могла. Можно сказать, что черту под историческим оправданием существования общины подвели грозные для государства потрясения первой русской революции. К началу XX в., справедливо отметил И.А. Христофоров, «патерналисты» утратили чувство реальности, полагая, что круговая порука – залог правильного развития взаимопомощи у крестьян [23, с. 92]. Открытый указом 9 ноября 1906 г. и другими мероприятиями столыпинского правительства курс на индивидуализацию крестьянской земельной собственности должен был положить конец господству общины, открыть простор хозяйственной самостоятельности в деревне, ускорить переход к интенсивным формам земледелия на основе достижений современной агрокультуры и использования совре-

менной техники. Отнюдь не случайно поклонники реформы именовали этот указ «вторым раскрепощением». Только такой курс позволял с максимальной эффективностью понижать долю сельского населения. Переход после указа 9 ноября 1906 г. к мероприятиям по разрушению общины стал прямым следствием курса на становление правового государства с разделением властей, многопартийностью и гарантиями гражданских свобод.

Поначалу большинство крестьян-общинников встретило правительственные мероприятия резким противодействием. Общинный строй, обычное право сельского мира вообще были несовместимы с формальной законностью, экономическими и иными правами личности. Агрессивная реакция большинства крестьян по отношению к «укрепленцам» (отрубникам или хуторянам) была поначалу естественной и даже неизбежной. Однако такое отношение совсем не означало, что крестьянам было вообще чуждо стремление к материальному успеху. Жить богаче и сытнее хотел, конечно, каждый. Но такое желание не должно было, по их убеждениям, размывать традиционных устоев. Вот почему община вполне мирно уживалась с кулаком, а кулак, в свою очередь охотно поддерживал общинные порядки. Кулачество не подрывало общинного строя, и поэтому не отвергалось крестьянским сознанием.

Защитные действия общинников в годы столыпинских нововведений были подчас чрезвычайно энергичными. Неизбежные в ходе размежевания сельскохозяйственных угодий конфликты порой выливались в полные разгромы хозяйства «выделенцев» и даже в физические расправы с «новыми помещиками». Погромы такого рода свидетельствовали не столько о росте революционных настроений в деревне, сколько об активизации консервативных устремлений бунтовавших крестьян, об их стремлении вернуть «новаторов» в прежнюю общинную колею³. Как убедительно показал В.П. Булдаков, именно этот агрессивный традиционализм общинного крестьянства сыграл решающую роль в разгуле грандиозного «черного передела», прокатившегося по просторам России во время революционных потрясений 1917–1918 гг. [3, с. 105–115]. Крушение традиционной российской государственности практически немедленно привело к уничтожению всех столыпинских новаций. Большевистский «Декрет о земле» и диктатура комбедов только легализовали стихию общинного бунта.

Своеобразным испытанием крестьянской способности воспринимать непривычные новшества стало введение правительством «сухого закона» в самом начале Первой мировой войны. Коллективные выпивки на общинных сходах, казалось, прочно вошли в крестьянский быт. Исследователи русской крестьянской жизни давно подметили, что сохранение общинных порядков способствовало сильному распространению пьянства. Н.М. Астырев в своих очерках с горечью отмечал все возрастающую склонность односельчан к

³ В.В. Крестьянское движение в 1905–6 гг. // Вестник Европы. 1909. Т. III. С. 138.

винным угощениям. Сельский сход легко мог принять любое, подчас даже явно невыгодное для себя решение, если за этим маячила перспектива хорошей выпивки. «Я решительно не могу себе представить..., до чего еще может пойти в дальнейшем склонность к водке сельских сходов. Кажется, дальше идти некуда, ибо и теперь уже делаются невероятные вещи» [1, с. 244]. Писатель неподдельно возмущался слабостью народа к вину, нарушением общинных традиций, развитием кляузничества и сутяжничества, и прочими темными сторонами народной жизни.

Как ни удивительно теперь отмечать, запрет на производство и продажу спиртных напитков совсем не вызвал массового недовольства крестьян. При этом в деревне запрет действовал гораздо эффективнее, чем в городе. Если городским властям пришлось практически сразу же столкнуться с проблемой распространения всевозможных суррогатов, то сельская администрация могла быть спокойна. По заключениям многих наблюдателей в 1914–1915 гг. произошло массовое отрезвление деревни. В данной ситуации надежды властей больше всего оправдывали сторонники проведения нового аграрного курса. Крестьяне, покинувшие общину, нередко и сами демонстрировали желание избавиться от пагубной привычки «обмывать» любое событие. Так, в апреле 1914 г. крестьяне-собственники села Чернава Елецкого уезда на своем сходе заявили, что бедность происходит «исключительно от злоупотребления спиртными напитками» и что дальнейшее существование этого зла грозит полнейшей гибелью «нашего имущественного благосостояния и нравственности». Вышедшие из общины крестьяне поэтому «единогласно решили прекратить указанное зло в самом его корне, а именно: совершенно прекратить как продажу, так и употребление спиртных напитков» [18, с. 25]. Об отрезвлении деревни в первые месяцы войны писали многие публицисты. В печати отмечалось даже, что сокращение пьянства привело к росту цен на сельскохозяйственные продукты, так как крестьяне стали расчетливее относиться к их продаже. Сильное влияние на повышение цен, сообщал воронежский полицмейстер, имело «закрытие винных лавок: крестьяне, вследствие прекращения пьянства, не стали, без особой нужды, вывозить на рынок хлеб по дешевым ценам»⁴. Кстати сказать, самогонварения деревня в первые годы войны еще не знала.

Таким образом, по ходу реформ в крестьянской среде столкнулись два принципиально разных подхода, которые, условно говоря, можно назвать консервативным и новаторским. Первый из них был характерен для общинников и кулаков, второй – для крестьян, решивших воспользоваться новым законодательством. Со вторым были связаны зримые перемены к лучшему. «Русская деревня последнего десятилетия, – писал современник, – усиленно менялась. На какую бы сторону ее жизни мы ни взглянули – везде шла

⁴ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 21. Оп. 1. Д. 2227. Л. 24.

стройка, стучали топоры, звучали новые речи, и всюду из-под обомшелых камней старины пробивалась молодая сильная поросль» [11, с. 64].

Однако экономические и социальные перемены давались буквально с боем. На всех новшествах, отмечал обозреватель С. Маслов, «лежат следы большой борьбы, долгих усилий, нередко большого взаимного озлобления. «Чтобы передохли все эти старые хрычи», – вырывается у одной стороны. «Подождем еще. Умнее отцов захотели быть... молокососы!» – гневно отвечали вторые, и они протестовали, боролись, мешали» [11, с. 64]. Потеря привычного образа жизни с неизбежностью повышала социально-политическую напряженность в русской деревне. Страна в очередной раз встала перед историческим выбором.

Литература

1. *Астырев Н.М.* В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1886.
2. *Беляев И.Д.* Обзор исторического развития сельской общины в России // Русская беседа. 1856. № 1.
3. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.
4. *Бунин И.А.* Деревня // Собр. соч. Т. 2. М., 1988.
5. Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. Историко-биографические очерки. Воронеж, 2015.
6. *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
7. *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. М., 1978.
8. *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. М., 1984.
9. *Короленко В.Г.* В голодный год. Наблюдения и заметки из дневника // Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. М., 1971.
10. *Кофод А.А.* Крестьянские хутора на надельной земле. СПб., 1905. Т. 1.
11. *Маслов С.* Внутреннее обозрение // Вестник кооперации. 1916. № 5.
12. *Менжулин В.П.* Географическое положение Бирюченского уезда, его топография и историческое развитие // Памятная книжка Воронежской губернии на 1893. Воронеж, 1893. Отд. 3.
13. *Мионов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. СПб., 2015.
14. *Новиков А.И.* Записки земского начальника. СПб., 1899.
15. *Прокофьева Л.С.* Крестьянская община в России во второй половине XVIII – первой половине XIX века. М., 1981.

16. Российское законодательство X–XX веков. Т. 7. М., 1989.
17. *Рындин Ф.К.* Наш край. Опыт характеристики Воронежской губернии в историческом, естественно-историческом и экономическом отношениях. Воронеж, 1921.
18. *Семенцов В.* Внешкольное образование в современной деревне Воронежской губернии // Наше хозяйство. 1914. № 9.
19. *Соловьев Я.А.* О поземельном владении в России // Отечественные записки. 1858. № 9. Разд. 1.
20. *Столыпин П.А.* Программа реформ. Документы и материалы: в 2 т. Т. 1. М., 2002.
21. *Успенский Г.И.* Крестьянин и крестьянский труд // Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1950.
22. *Христофоров И.А.* Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011.
23. *Христофоров И.А.* Момент истины? Первая российская революция и крестьянский вопрос // Российская история. 2016. № 4.
24. *Чичерин Б.Н.* Опыты по истории русского права. М., 1858.
25. *Щербина Ф.А.* Хозяйственные нужды и задачи Воронежского края // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 год. Отд. III. Воронеж. 1894.
26. *Щербина Ф.А.* Крестьянские бюджеты. Воронеж. 1900.
27. *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1987.

Специфика реализации столыпинской аграрной реформы на юго-востоке Европейской России

В статье анализируются особенности реализации столыпинской аграрной реформы в юго-восточной части Европейской России. Выделены полосы преобладания помещичье-буржуазного и «американского» типов аграрной эволюций. Доказано, что темпы проведения аграрной реформы были успешными в степных уездах Самарской и Саратовской губерний.

Ключевые слова: юго-восток Европейской России, Самарская губерния, аграрная реформа, сельская община, хуторяне и отрубники.

В настоящей статье ставится цель рассмотреть специфику реализации столыпинской аграрной реформы на юго-востоке Европейской России: в Самарской, Саратовской и уездах Оренбургской и Уфимской губерний. Здесь реально преобладала буржуазная аграрная эволюция. Основное внимание уделяется анализу хода и итогам реформы в Поволжье, где были представлены лесные, лесостепные и степные районы. В лесных районах региона преобладала помещичье-буржуазная аграрная эволюция, что было связано с сохранением поместного землевладения, а в степных уездах развивались хозяйства преимущественно фермерского типа. Вместе с тем в ряде уездов, находившихся в лесостепной полосе, складывалась зона крестьянского, семейно-трудового хозяйства.

Изучение столыпинской аграрной реформы имеет давнюю традицию. Спектр авторов этой проблемы был достаточно широк. Уже в дореволюционный период помимо историков, экономистов, статистиков в научную разработку истории столыпинской аграрной реформы включились представители политических партий. В советский период данная тема исследовалась в жестких границах марксистско-ленинской методологии.

Одна из задач, которая приобрела особую остроту в новейший период, состоит в том, чтобы преодолеть ленинские штампы в оценке столыпинской аграрной реформы, которые транслировались в научных трудах советских историков. Так, к числу рудиментов следует отнести отрицательное отношение к сельской поземельной общине, которая якобы находилась в кризисном состоянии и не была способна к восприятию и внедрению в социальную практику новых агроприемов. Педантировались и такие оценки как «консервативность реформы», ее ограниченность, дуализм. С завидным постоянством из работы в работу кочевал ленинский термин «аграрный

¹ Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, Самарский национально-исследовательский университет им. академика Королева, don.kabytov2012@yandex.ru, Россия, г. Самара.

бонапартизм Столыпина». Сохранились и такие оценки: реформа была жизненно необходима, но она потерпела крах. В новейший период развития российской историографии историками внесены существенные коррективы в оценку хода и итогов столыпинской аграрной реформы. Все же, следует признать, что и в этих исследованиях до сих пор сохраняются архаичные представления историков советской эпохи [2, с. 436–437].

Аграрная реформа по замыслу последнего реформатора Российской империи П.А. Столыпина должна была способствовать росту слоя земельных собственников в деревне. В этой связи на смену общинному землевладению должно было придти участковое землевладение, а землеустроенные крестьяне в таком случае, освобождаясь от опеки со стороны сельской общины, получали экономическую свободу и могли продавать земельные наделы, пользоваться правом залога земель в банках, вводить многопольные севообороты. Реализация столыпинской аграрной реформы зависела от многих факторов – уровня развития капитализма в деревне, многонационального состава населения, степени развития аграрной инфраструктуры, близости сел и деревень к рынкам, железнодорожным станциям и пристаням. Следует также учитывать эффективность управленческих решений коронной администрации, землеустроительных комиссий и земств.

Условно в реализации реформы можно выделить четыре этапа. Первый этап охватывает период с момента издания Указа 9 ноября 1906 г. до принятия закона 14 июня 1910 г. III-ей Государственной Думой. За это время из общины вышло наибольшее число домохозяев. Пик заявлений о выходе крестьян из сельской поземельной общины приходится на 1908–1909 гг. Во время второго периода (середина 1910 – 1 августа 1914 г.) произошло снижение числа выделенцев из общины, что было вызвано воздействием таких факторов как сопротивление сельской общины, подъем революционного движения в городах, гибель П.А. Столыпина, разочарование помещного дворянства в аграрной политике правительства. Вместе с тем, именно в эти годы в регионе проводились землеустроительные работы, в связи с реализацией «Положения о землеустройстве» 1911 г., по разверстанию земель в сложных однопланых общинах в многонациональных уездах Юго-Востока Европейской России и, прежде всего, в Казанской и Симбирской губерниях, где землепользование было крайне запутанным, а в сельскую общину входило несколько сел и деревень.

Третий период приходится на время Первой мировой войны, когда противодействие общины землеустройству резко возросло. Под давлением многочисленных жалоб и заявлений солдат действующей армии министр земледелия был вынужден подписать циркуляр, прекращающий производство землеустроительных работ до окончания войны. Четвертый период

приходится на эпоху Великой Российской революции, во время которой развернулось массовое аграрное движение, получившее в новейшей период развития российской историографии термин «общинная революция».

На темпы выхода крестьян из общины оказывали влияние многие факторы, в том числе уровень развития капитализма в земледелии, близость сел и деревень к рынкам, железнодорожным станциям, речным пристаням или городам. Идея перехода на хутора была более распространенной среди русского крестьянства, настороженно и негативно отнеслись к ней коренные народы Поволжья – татары, чувашаи, мордва и башкиры.

Выходили из сельской общины крестьяне двумя способами. Они должны были подать заявление на имя сельского схода и получить согласие общины на выход и укрепление в их личную собственность земельных наделов. «Выделенцы» имели право потребовать свести в один участок все земельные полоски. Причем, по Указу 9 ноября 1906 г., а затем и Закону 14 июня 1910 г., им отводились участки в лучших по качеству полях. Они могли окончательно порвать все связи с общиной, переселиться на отведенный участок и на нем построить дом, хозяйственные постройки, выкопать колодец и т.д. Такой тип хозяйства получил название хуторского. Но была и другая форма выхода из общины – на отруб. Крестьяне укрепляли землю в личную собственность, сводили все земли в один участок, но продолжали жить в деревне.

Если же сельский сход отказывался утверждать заявление о выходе из общины, то крестьяне могли обратиться к земским начальникам и укрепить за собой земли без согласия деревенского мира. Так, в Самарской губернии лишь 12,9% всех заявлений были утверждены на сельских сходах, а 87,1% – земскими начальниками. Таким образом, в абсолютном большинстве случаев выход из сельской общины шел вопреки ее воле.

Мотивы выхода из общины были различны. Укрепляли землю в личную собственность две полярные группы хозяев – беднота и зажиточные. Беднота выделяла наделы из общины с целью продать их и переселиться на земли Крестьянского поземельного банка или в Сибирь, Алтай, Казахстан, или окончательно уйти в промышленные центры. В конечном счете, готовность к выходу из общины определенной части бедноты, независимо от целей, которые преследовал Столыпин, создавая для этого правовую основу, свидетельствует об углублении процесса разрушения патриархальных связей индивида и социума (общины).

Когда мы говорим о ходе или итогах той или иной реформы, особенно проводившихся в России в дореволюционное время, то чаще всего упускаем из виду одно важное обстоятельство. Каждая реформа, а тем более земельная, должна проводиться в течение нескольких десятилетий, и только

тогда она даст желаемый результат. П.А. Столыпин рассчитывал, что его реформа может осуществиться в течение 6–7 трехлетий, то есть 20 лет. Однако советские историки многие десятилетия не уставали повторять, что столыпинская аграрная реформа потерпела крах. В качестве главных показателей, как правило, берутся данные о масштабах противодействия общины правительственной аграрной политике. Во многих книгах и статьях приводится численность вышедших из общины крестьян и количество укрепленной в собственность земли, анализируются данные о переселении, о хуторах, возникших на землях Крестьянского поземельного банка и казны. В меньшей степени говорится об экономических итогах реформы, о том, что она способствовала ускоренному переходу от трехпольной системы земледелия к многопольному севообороту, как в то время писали к плодосменной системе. Тем самым в ротацию севооборота вводились технические культуры. Земства инициировали создание показательных хозяйств и опытных полей, выделяя для этой цели субсидии, активизировалась агрономическая и ветеринарная помощь крестьянским хозяйствам. Особенно деятельное участие в создании аграрной инфраструктуры принимали земства Самарской губернии. Так, здесь впервые в Российской империи земства перешли к участковой агрономии. Была создана сеть прокатных станций и сельскохозяйственных складов. Но самое существенное, что произошло в деревне в период проведения столыпинской аграрной реформы, – это бурный рост кооперативов. Выдающийся исследователь крестьянского хозяйства А.В. Чаянов положительно оценивал мероприятия имперского правительства и земств по оказанию помощи землеустроенным крестьянам-хуторянам и отрубникам. «Крестьянское хозяйство 1917 года, – писал он, – не то, каким было крестьянское хозяйство 1905 года. Изменилось само крестьянское хозяйство: иначе обрабатываются поля, иначе содержится скот, крестьяне больше продают, больше покупают. Крестьянская кооперация покрыла собой нашу деревню и переродила ее; стал развитее и культурнее наш крестьянин» [3, с. 9]. Конечно, этот процесс затронул в большей степени хозяйства хуторян и отрубников.

Несмотря на всю поспешность проведения земельной реформы, мощное противодействие общины, тяга к новым формам хозяйства у крестьян была сильна. Крестьянин, становясь владельцем хутора или отруба, получал широкий простор для инициативы в хозяйственной деятельности. Только владея землей, он ощущал подлинную экономическую свободу.

Остановимся на итогах столыпинской земельной реформы в Самарской губернии. На первом этапе ее реализации из общины вышло более 110 тыс. домохозяев. Укрепление земли в личную собственность началось в 1907 г., но количество дворов, заявивших о выходе, было невелико – всего 1948. В

1908 г. заявления о выходе подали более 36 тыс. крестьян, в 1909 г. – свыше 46 тыс., правда, в 1910 г. число желающих стать собственниками сократилось до 25,8 тыс.

Успехи в реализации аграрной политики самодержавия в немалой степени были связаны с тем неустанным вниманием, которое уделял землеустройству ее инициатор П.А. Столыпин. В пропагандистских целях была предпринята поездка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина в Поволжье и Сибирь. Как сообщал журнал «Самарский земледелец», они «12 сентября 1910 г. посетили северную часть Самарского уезда, наблюдали работы по внутринадельному землеустройству, осмотрели выставку Самарского уездного земства около с. Грачевки, которая давала представление о типе агрономической помощи населению. Столыпин рекомендовал ее сделать постоянной и придать ей передвижной характер»².

На втором этапе произошло резкое снижение числа выделенцев. Всего за этот период из общины вышло более 42 тыс. крестьян. Однако, вновь акцентируем внимание на том, что в этот период шел процесс реализации «Положения о землеустройстве» 1911 г. и проводились землеустроительные работы по разверстанию сложных общин.

Анализируя итоги реализации столыпинского землеустройства, отметим успехи в проведении землеустроительных работ на надельных землях. Здесь вновь лидерами были юго-восточные Самарская и Саратовская губернии. С июля 1907 г. по 1 января 1916 г. в Самарской губернии вышли из общины 167199 домохозяев, что составило 48,2% от всего количества крестьянских дворов. Они укрепили в личную собственность 2075863 дес. земли, что составило 30,9% всего общинного землевладения. Наибольшей деформации подверглись общины Новоузенского уезда (из общины вышло 84,4% дворов), Николаевского – 32,1%, Бузулукского – 13,8%, Бугурусланского – 11,8%, Самарского – 10,2%, Ставропольского – 7,5%³.

Успехи в проведении землеустроительных работ в зоне торгового зернового земледелия были связаны с тем, что в этом районе сельская община находилась в кризисном состоянии. Особенностью также было и то, что в Новоузенском и Николаевском уездах имелось большое число немецких колоний, у жителей которых размер наделов был выше, чем у крестьян других уездов.

К 1 января 1917 г. в Саратовской губернии 81297 крестьянских хозяйств вышли из сельской общины и стали собственниками 608616 десятин земли [1, с. 577]. Интенсивно процесс разрушения общины шел в Камышинском уезде, в котором 49,7% хозяйств порвали связи с общиной и укрепили зе-

² Самарский земледелец. 1910. № 3. С 92–93.

³ Столыпинская аграрная реформа. Сборник документов и материалов. Самара, 2012. С. 8.

мельные наделы. Высокими темпами шли землеустроительные работы в Балашовском, Аткарском, Сердобском, Петровском и Саратовском уездах. Татарское население Хвалынского уезда отнеслось к проведению землеустроительных работ настороженно, что повлияло на темпы землеустройства.

В Казанской губернии из общины вышло 32872 крестьянских хозяйств, которые укрепили 160630 десятин земли [1, с. 577]. В Симбирской губернии укрепившие наделы в личную собственность 59451 крестьянских дворов стали собственниками 299847 дес. земли [1, с. 577]. Отметим, что в Казанской губернии с 1911 г. в марийской и чувашской деревне землеустроительные работы проводились в связи с разверстанием сложных общин, объединявших иногда как мы указывали выше несколько сел и деревень. Итак, в Симбирской губернии укрепили наделы в личную собственность 23,9% дворов, в Пензенской – 24,2%, в Казанской губернии – 8,8% дворов. Эти данные убедительно свидетельствуют о медленных темпах землеустроительных работ в лесных и лесостепных уездах Поволжья, где сохраняли свои позиции не только поместное землевладение, казна и удел (живые остатки крепостничества), но и патриархальная община. Сказывался также уровень развития аграрного капитализма.

Довольно высокими были темпы создания в Поволжье хуторских и отрубных хозяйств. Но процесс образования участковых хозяйств шел неравномерно. В Симбирской губернии на надельных землях с 1907 по 1914 г. было создано 21839 хуторов и отрубов, что составляло 45,1% от общего числа землеустроенных хозяйств [1, с. 582]. В Казанской губернии на 1 января 1914 г. насчитывалось 13400 хуторов и отрубов. Из них, лишь 984 или 7,23% переселились на свои участки, а 12416 владельцев продолжали жить в общинах, используя землю в отрубках⁴. Значительно выше был удельный вес хуторских хозяйств на Юго-Востоке Европейской России – в Самарской и Саратовской губерниях. Всего в Самарской губернии на 1 января 1916 г. было создано 91044 хуторских и отрубных хозяйств на площади 2011515 десятин земли, а в Саратовской губернии – 64937, в распоряжении которых находилось 739765 десятин бывшей общинной земли⁵.

Отметим также, что хутора и отруба возникали на землях Крестьянского поземельного банка и казны. Эти земли приобретали как переселенцы из других губерний Европейской России, так и местные крестьяне, что обусловило возникновение на этих землях поселков переселенцев, ведущих отрубное хозяйство. По данным С.М. Дубровского в распоряжении хуторян в Симбирской губернии находилось 24271 дес. земли, а у отрубников

⁴ Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1. Оп. 4. Д. 7401. Л. 6.

⁵ Приложение к Всеподданейшему отчету Самарского губернатора за 1916 год. Самара, 1916. С. 31.

162230 дес. земли, что составляло 86,9% земли, проданной Крестьянским поземельным банком переселенцам. В распоряжении отрубников Самарской губернии находилось 328326 десятин земли или 91,2%, а в Саратовской губернии удельный вес купленной отрубниками земельных владений составлял 94,1% (496727 дес.). К 1 января 1916 года хуторянам и отрубникам Самарской губернии принадлежало 2330152 дес. земли, а в Саратовской губернии в их распоряжении находилось 1267433 дес. земли [1, с. 585].

Итак, по числу хуторов и отрубков Самарская и Саратовская губернии находились в числе лидеров. Они опережали не только Казанскую, Симбирскую и Пензенскую губернии, но и губернии Центрально-Черноземного региона и других районов Европейской России. В ходе реализации столыпинской аграрной реформы на юго-востоке Европейской России частное крестьянское землевладение стало доминировать.

Реализация столыпинской аграрной реформы сопровождалась активизацией деятельности земств по созданию аграрной инфраструктуры, модернизации сети земской агрономии и ветеринарии. Земства создавали опытные поля и участки, началось строительство сети элеваторов. Эти и другие мероприятия земств, безусловно, ускоряли внедрение новых аграрных приемов в крестьянских хозяйствах, что привело к росту сельскохозяйственного производства. Проведение реформы стимулировало развитие кооперативного движения в губерниях юго-востока Европейской России. Так, если в 1907 г. в Самарской губернии насчитывалось 105 кредитных товариществ, то в 1913 г. их число возросло до 307; они объединяли 186895 крестьянских хозяйств⁶. В Самарской губернии предпринимались шаги по созданию межгубернских кооперативных союзов. Так возникло Волжско-Камское сельскохозяйственное товарищество, членами которого могли быть крестьянские общества и сельскохозяйственные кооперативы Казанской, Самарской, Саратовской, Пензенской и Уфимской губерний. Это объединение полагало заняться организацией экспорта хлеба за границу, поставкой сельскохозяйственной продукции в казну, земства и другие учреждения, а также хранением хлеба и выдачей ссуд под него. В годы Первой мировой войны кредитные товарищества занимались выдачей ссуд под залог хлеба и земельных владений. Ссуды шли на аренду земли, приобретение семян, скота, сельскохозяйственного инвентаря и сельскохозяйственных машин.

В ходе проведения столыпинской реформы губернские администрации и землеустроительные комиссии столкнулись с противодействием со стороны сельской общины. Настороженное, а чаще всего резко отрицательное отношение к реформе, в какой-то степени было запрограммировано в крестьянском сознании. По их мнению, указ 9 ноября 1906 г. принуждал

⁶ Вестник кооперации. Кн. 3. СПб., 1909. С. 142.

крестьян отказаться от старого привычного образа жизни, что явно противоречило патриархальной психологии. Фронтальное изучение документов и материалов, отражающих социальные конфликты в деревне, позволяет проследить изменения направленности протестного движения и представить количественную характеристику крестьянских выступлений. Реализация столыпинской аграрной реформы способствовала снижению социальных конфликтов, направленных против дворян. Но вместе с тем, центр борьбы был перенесен в сельскую общину, которая вынуждена была применять различные формы противодействия: от отказа сельских сходов утверждать заявления о выходе из общины до сопротивления при производстве землеустроительных работ. Противодействие крестьян новой имперской аграрной политике было основано на том, что они объективно стремились к ликвидации частной собственности на землю, а их чаяния сводились к уравнительному землепользованию.

Изучение документальных источников позволяет сделать вывод о снижении волны протестного движения в 1907–1916 гг. Так, в Самарской губернии в 1906 г. произошло 66 выступлений, в 1907 – 45, в 1908 – 18, в 1909 – 15, 1910 – 13, 1911 – 17, 1912 – 11, 1913 – 7, 1914 – 5, 1915 – 9, 1916 – 5⁷.

Анализ итогов реализации столыпинской земельной реформы в юго-восточных районах Европейской России позволяет преодолеть миф, транслируемый в научной литературе многие десятилетия, о крахе столыпинского землеустройства. На наш взгляд, стоит говорить не о крахе реформы, а об ее незавершенности, так как реализация аграрной реформы была прервана в период Первой мировой войны. В экономическом плане реформа, несомненно, имела успех, а ее прогрессивное значение состоит в том, что она придала мощный импульс развитию модернизационных процессов в аграрном секторе Российской империи.

Литература

1. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963.
2. Кабытов П.С. Сельская поземельная община в период реализации столыпинской аграрной реформы (обзор научной литературы) // Аграрная история XX века: историография и источники / Под ред. Н.Н. Кабытовой, П.С. Кабытова, В.В. Кондрашина. Самара, 2014.
3. Чаянов А.В. Что такое аграрный вопрос? М., 1917.

---

⁷ Столыпинская аграрная реформа в Самарской губернии. С. 9.

Общинное землепользование подмосковных крестьян в условиях модернизационных изменений пореформенной эпохи (конец XIX – начало XX в.)

В статье рассмотрен характер изменений в сфере крестьянского общинного землепользования пореформенной эпохи на материалах подмосковного региона. Выявлена взаимосвязь распределительных функций крестьянской поземельной общины с отраслевой специализацией производства, особенностями и динамикой промысловой миграции сельского населения.

Ключевые слова: Московская губерния, крестьянство, община, землевладение, землепользование.

Эволюция крестьянского землепользования в подмосковной деревне пореформенного периода характеризовалась усилением земельно-распределительных функций общины. Однако эта тенденция проявлялась хронологически не равномерно и имела существенные функциональные различия в зависимости от местных условий хозяйствования. На протяжении первых десятилетий после реформы 1861 г. ее динамику в большей степени определяли внешние факторы, нежели изменения внутри крестьянского «мира». Понижение выкупных платежей, отмена подушной подати, отсрочка по недоимкам в начале 1880-х гг. привели к усилению интереса к земле. Одновременно значительная часть крестьянства утратила промысловые заработки в результате вытеснения ручного труда машинной техникой в промышленности. Как следствие, быстро изменялось и отношение к земледельческому хозяйству. В этих условиях, по верной оценке О.Г. Вронского, «надел – “разоритель” вновь становится наделом – “кормильцем”, и в деревню стали возвращаться и те, кто все эти годы кормился с арендной земли, но в условиях мирового сельскохозяйственного кризиса оказался неспособен платить резко возросшую арендную плату» [6, с. 76].

Один из местных землевладельцев и знатоков крестьянского хозяйства губернии Ф.Д. Самарин признавал, что до снижения выкупных платежей в 1881 г. фискальное бремя, лежавшее на надельной земле, превышало ее доходность настолько, что само землепользование «носило характер повинности, от которой крестьяне всячески старались избавиться». «Землю, – делился он своими наблюдениями с членами губернского Комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности, – разверстывали, или

¹ Ковалёв Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, «Государственный социально-гуманитарный университет» (Московская область, г. Коломна), dmitrij-kovalev@yandex.ru, Россия, г. Коломна.

как выражались крестьяне, “наваливали” принудительно, и крестьянские учреждения были завалены жалобами отдельных домохозяев на чрезмерное обременение их землею. В настоящее время положение существенно изменилось. Земля в большей части селений Московской губ. вполне “оправдывает” платежи на ней лежащие; ее берут нарасхват и только жалуются, что слишком мало ее дают. Для того, чтобы быть принятым со стороны в сельское общество, теперь приходится иногда платить значительные суммы»².

Описанные обстоятельства почти повторяются и в крестьянских воспоминаниях. Как свидетельствовал С.Т. Семенов, в прежнее время «...от земли все отрещивались, как от лихой напасти, и ее приходилось навязывать “силой”», «осиротевшая земля нагоняла страх на крестьян, имевших подростков: всякий боялся, как бы ему не навязали ее; но теперь нашлось столько желающих получить землю, что между ними приходилось делать выбор: у кого подросток старше, кто обладает большею платежеспособностью. Мало того, с тех, кому досталась земля, было выговорено по полведра водки за каждую душу», и они охотно ее «поставили» [12, с. 2, 20].

Уже в 1870-е гг. крестьяне нечерноземных губерний стали переходить от раскладки по ревизским душам к распределению земли по наличным душам мужского пола [8, с. 44]. Сравнение обработанных К.Р. Кочаровским результатов земских обследований, проведенных в конце 70-х гг., и затем – на закате XIX столетия, свидетельствует о такого рода переменах вполне определенно. Сто общин Московской губернии, по которым были получены необходимые сведения, в зависимости от особенностей разверстки земли при переделах распределились следующим образом³:

	В конце 70-х гг.	В конце 90-х гг.
Общин с разверсткой земли по старым ревизским душам, не проводивших переделов или прибегавших к незначительным поравнениям	47	6
Общин с разверсткой земли по старым ревизским душам, но нередко совершающих частные переделы (главным образом, свалки-навалки)	26	17
Общин, производящие «правильные переделы» по «новым душам» и по наличным мужским	2	5
Общин, производящих общие и частные переделы по рабочим силам семей	23	53
Общин, производящих общие и частные переделы по едокам обоого пола с частичным учетом рабочих сил семьи	2	19
	100	100

² Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XXIII. Московская губерния. С. 62.

³ Личное крестьянское землевладение в Московской губернии в 1907–1912 гг. М., 1913. С. 36–37.

Не слишком распространенные в первое пореформенное двадцатилетие переделы начиная с 1870-х гг. заметно активизировались, чему, с одной стороны, способствовал естественный рост населения, а с другой – возвращение «отсутствующих» общинников. Возвращение к земле большой массы отходников, отмеченное в Московской губернии в 80–90-е гг. XIX в., насколько позволяют судить имеющиеся источники, оказало мощное преобразующее воздействие на систему традиционных хозяйственных представлений крестьян. Именно в эти годы на крестьянских полях губернии появляются посевы льна и клевера, первые плуги, а уже в начале 1890-х гг. начинают применяться многопольные системы севооборота, введение которых часто требовало проведения новых переделов полевых угодий, как будет показано ниже.

Возросшая интенсивность перераспределения земли в общине неизбежно приводила к дроблению наделов, среднедушевой размер которых в губернии за 1860–1880 гг. сократился на 6,5%, а за последующее десятилетие – на 14%. В результате с 3,1 дес. в 1860 г. к началу XX в. он уменьшился до 2,5 дес. Однако в сравнении с другими регионами измельчание наделов в Подмоскowie происходило гораздо медленнее, если не считать столичную губернию, где до 1880-х гг. этот процесс практически не получил развития [Подсчитано по: 8, с. 44].

Повышенная миграционная активность и массовый отток промысловой части крестьянства из деревни в столицу не просто тормозили рост крестьянского малоземелья. Благодаря постоянному отсутствию большого числа отходников, высвобождалась значительная часть наделного фонда, которая поступала в распоряжение наличных крестьянских семей, занимавшихся сельским хозяйством. В таких условиях размер надела в расчете на душу не отражал действительного положения в крестьянском землепользовании. Ведь он определялся без учета крестьян, расставшихся с землей и живших исключительно за счет неземледельческих заработков. Поэтому реальная обеспеченность землей была существенно выше среднедушевого показателя. Например, в Яропольской волости Волоколамского уезда, где на ревизскую душу приходилось 2,8 дес., а на наличную мужскую к началу XX в. – 2,01 дес., каждое пятое хозяйство отказалось от надела, в результате чего у остальных он вырос в среднем до 3,1 дес. В другой волости уезда – Муриковской – невостребованная доля «отсутствующих» семей, число которых достигло 23%, увеличила землепользование наделенных еще весомее – соответственно с 3,4 и 2,9 до 3,9 дес.⁴

Тем не менее, в земледельческом хозяйстве крестьян региона важное место занимали и вненадельные земли. Их приобретение в собственность было малодоступным вследствие дороговизны, особенно характерной для Подмоскowie. Относительно наделного фонда площадь купчих земель на

⁴ Труды местных комитетов. Т. XXIII. С. 28.

1900 г. составляла 5,8% при среднероссийском показателе (для 50 европейских губерний России) – 10,3%. Хотя, со временем она заметно возрастала, и к 1908 г. уже достигла 8,3%. Между тем, отношение вненадельной аренды подмосковного крестьянина к наделу на рубеже столетий выразалось достаточно внушительной величиной в 21,5%, которая также обнаруживала тенденцию к постепенному увеличению: за первые восемь лет XX в. она выросла до 23,1% [Подсчитано по: 3, с. 9]⁵. Причем, если покупали крестьяне, прежде всего, лесные площади (64% купчих земель), то арендовали, как правило, кормовые угодья⁶:

Арендуемые крестьянами угодья	Площадь (в десятинах)	%%
Пашня	16 778	4,5
Покос	195 540	51,4
Пастбище	80 801	21,4
Покос и пастбище	84 342	22,4
Усадьба	1 063	0,3
Разные угодья несельскохозяйственного пользования	92	0,0
	378 616	100,0

Таким образом, за счет аренды крестьянство стремилось восполнить недостаток лугов внутри надела. Но она заметно сокращалась по мере расширения масштабов травосеяния, насколько видно из опросов, проводившихся земскими статистиками в западных уездах. Арендные цены, сообщил корреспондент из Клинского уезда, понизились, «потому что стали больше сеять клевер на своих наделных землях. Арендовать покос скоро будет не для чего». В еще большей степени такие перемены были характерными в селениях Волоколамского, Можайского и Верейского уездов⁷.

Вместе с тем, съемка пашни была распространена крайне слабо, что в условиях относительно небольшой распаханности общинных земель (на пахотную площадь вместе с усадебной приходилось до трети надельного фонда) свидетельствовало об отсутствии остроты таких проблем, как аграрное перенаселение и крестьянское малоземелье⁸.

С другой стороны, рассматривая зависимость хозяйственного благополучия крестьянского двора от величины надела, следует учитывать и более высокую интенсивность сельскохозяйственного производства в ряде районов губернии. Так, в Московском уезде, несмотря на минимальные

⁵ Подсчитано по: Центральный исторический архив Москвы (далее ЦИАМ). Ф. 369. Оп. 4. Д. 35. Л. 38–38 об.

⁶ Там же. Л. 38 об.

⁷ Статистический ежегодник Московской губернии за 1905 год. Часть первая. М., 1906. С. 81–83; Труды местных комитетов. СПб., 1903. Т. XXIII. С. 694.

⁸ Подсчитано по: ЦИАМ. Ф. 369. Оп. 8. Д. 38. Л. 135.

размеры землепользования, колебавшиеся в пределах 2,4–4,9 десятин на двор, сельское хозяйство приносило крестьянству основную прибыль и при этом в наибольшей степени поглощало трудовые ресурсы крестьянской семьи [3, с. 10; 10, с. 81]⁹. Как отмечали земские статистики в ходе местного обследования 1898–1900 гг., «Московский уезд является наиболее земледельческой местностью губернии. Близость такого крупного рынка, как Москва, способствует развитию интенсивной огородной культуры, удерживает население на земле и делает самое малоземелье относительным»¹⁰.

Однако, на востоке губернии, в уездах с наибольшим развитием промысловых неземледельческих занятий среди крестьянства, земельный надел зачастую превращался в обузу. Высокая концентрация промышленности, создававшая огромный и быстро растущий спрос на наемный труд, обеспечивала более высокие в сравнении с земледелием доходы. Малоплодородные и к тому же раздробленные на великое множество мелких и неудобных в использовании полос земли в этих условиях становились в лучшем случае весьма скромным подспорьем, а нередко и откровенным бременем, поскольку совершенно не покрывали лежащих на них налоговых платежей. И здесь переделы уже в последней четверти XIX в. приобретают, в основном, фискальную роль.

Японский исследователь Судзуки Такео на основе земской статистики 1870-х гг. произвел сравнительный анализ земельных переделов по различным уездам губернии. В результате оказалось, что в западных и северных уездах, где доходность земель в среднем превосходила падающие на них налоги или уступала им лишь незначительно (то есть, уезд оставался аграрным), переделы проводились редко, а земля разверстывалась по количеству мужчин двора независимо от их трудоспособности. Напротив, в восточных уездах, которые характеризовались доходностью земли значительно меньшей, чем уровень ее налогообложения, и, следовательно, крестьянское население должно было зарабатывать на жизнь, главным образом, неземледельческими промыслами, она перераспределялась очень часто, а основанием разверстки являлось число трудоспособных мужчин. Причем, переделенные поля нередко оставались необработанными, поскольку их возделывание экономически себя не оправдывало [9, с. 195–196].

Не случайно и народнический исследователь В.П. Воронцов отмечал по волостям Московской губернии зависимость между ростом безлошадных и безземельных членов общины и учащением общих переделов. Последние, по его наблюдениям, были наиболее характерны для обществ с большим числом отказов от земли и случаев ее забрасывания. В подобных условиях

⁹ ЦИАМ. Ф. 369. Оп. 4. Д. 35. Л. 38.

¹⁰ Московская губерния по местному обследованию 1898–1900 гг. М., 1903. Т. II. Вып. 2. С. 198.

чересполосица развивалась особенно быстро, поскольку свободные наделы «уже не на кого было наваливать», а приходилось разверстывать между всеми домохозяевами. Таким образом, частые переделы, заключает он, становились здесь «необходимостью, вызванной финансовым бременем, лежащим на общине» [4, с. 151, 147].

Напротив, во многих районах к западу от Москвы к концу XIX в. производственное значение переделов быстро возрастало, а в селениях с наиболее передовой агрикультурой начинало доминировать над уравнительными целями.

Как показало обследование 1910 г., к посеву трав на полевых надельных землях ранее других приступили более жизнедеятельные общины, отмеченные интенсивной практикой земельных переделов. Более того, с ростом продолжительности применения таких посевов наблюдалось даже некоторое оживление земельно-передельных функций общины. Анкетирование обнаружило, что переделяли землю лишь 28% не прибегавших к травосеянию обществ и почти 43% – внедривших его, причем в большинстве своем еще до 1897 г. [5, с. 21, 18].

Более высокая интенсивность переделов в обществах с травополем была связана, прежде всего, с активной интенсификацией земледелия. Многие из них, отказавшись от трехпольной системы, впоследствии продолжали совершенствовать севооборот, усложняя его по мере расширения сельскохозяйственной площади. Один из наиболее показательных примеров – общество деревни Бурцево Серединской волости Волоколамского уезда, которое сначала установило шестиполье, а затем, распахивая и раскорчевывая целину, а также прикупая новые участки земли, последовательно переходило к семи-, восьми- и, наконец, девятиполью¹¹. В результате, земельных полос становилось больше, но сами они расширялись, а их число в каждом поле значительно сокращалось. Подобного рода изменения в полной мере отразили результаты земских обследований¹². Однако в диссертационном исследовании Л.С. Берлина предлагается иная, на наш взгляд, недостаточно убедительная версия. Она объясняет зависимость между подъемом сельского хозяйства и увеличением полос на крестьянской пашне тем, что в условиях товаризации ценность земли становилась намного выше, и потому усиливалось стремление крестьян добиться «качественного уравниния» в землепользовании [2, с. 11]. В действительности же коллективному совершенствованию агрикультуры в общине обычно сопутствовала борьба с многополосицей, что, напротив, принципиально ограничивало развитие

¹¹ Бюллетень Земельного отдела Московского совета рабочих крестьянских и красноармейских депутатов (далее – Бюллетень ЗО МСРК и КД). 1921. № 27–28. С. 18–19.

¹² См. подробнее: [5, с. 23–24].

уравнительных начал в интересах земельных улучшений, тем более, если при этом вводился новый, более сложный севооборот.

Изменение системы полеводства нередко приводило к новым переделам, особенно, в условиях повышенной миграционной активности сельского населения и необычайно широкого размаха долгосрочного отходничества, отличавших подмосковную деревню. Ведь в начале XX в. только по официальной статистике «отсутствующей» здесь числилась каждая пятая крестьянская семья. Общество же, как известно, стремилось исключить отсутствующих членов из передела, тем более, если оно нуждалось в дополнительной земле для увеличения числа севооборотных полей. Например, в Богородском уезде, где сельским хозяйством занимались лишь 13% сельских жителей¹³, по данным П.Н. Зырянова, из 56 переделов, отмеченных в 1907–1914 гг., четыре были связаны с переходом к многополью [8, с. 221], хотя уезд не относился к ведущим в смысле интенсификации крестьянского земледелия.

Разумеется, в районах с более развитым аграрным хозяйством роль общины в рационализации крестьянского землепользования была значительно выше. Обрабатывая данные вышеупомянутого обследования травопольной зоны Подмосковья в 1910 г., П.А. Вихляев пришел к заключению, что под влиянием интенсификации падало значение естественных качеств земли в обеспечении урожайности, а следовательно, теряло смысл и стремление учесть их при земельных переделах, все большее внимание уделялось производственным целям. Поэтому община, напротив, начинала использовать свои переделные функции, прежде всего, для сокращения чересполосицы и мелкополосицы [5, с. 23]:

Селения	Год передела	Число полос во всех полях	
		До передела	После передела
Игнатьево (Бухоловской вол.)	1896	34	25
Добрино (Кульпинская вол.)	1904	43	25
Ржищево (Муриковская вол.)	1910	41	19
Теплухино (Муриковская вол.)	1910	36	22
Муриково (Муриковская вол.)	1900	62	57
Петровское (Яропольская вол.)	1902	68	45
Б. Сырково (Яропольская вол.)	1902	100	49
М. Сырково (Яропольская вол.)	1908	50	38
Дехтири (Порецкая вол.)	1910	69	27
М. Грибово (Порецкая вол.)	1905	61	34

Ранее дробившие пашню и умножавшие число полос переделы в конце XIX – начале XX в. все чаще становятся средством достижения более

¹³ Российский государственный исторический архив. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 2. Л. 129 об.

рациональной в сельскохозяйственном отношении структуры землепользования.

Все указанные выше обстоятельства требуют, по крайней мере, внесения оговорок в широко распространенное мнение о том, что развитие торгового земледелия, внедрение в севооборот интенсивных культур и освоение новых систем полеводства неизменно было связано с угасанием переделов земли, а общинное землепользование всегда препятствовало этим процессам. В частности, утверждение А.М. Анфимова о противодействии общины устройству травосеяния применительно к аграрной истории Подмосковья не выдерживает критики, ибо факты говорят об обратном: сколько-нибудь значительное совершенствование агрокультуры в крестьянском хозяйстве губернии опиралось, прежде всего, на общинные традиции [5, с. 98]. Прочность последних являлась закономерным следствием малоземелья и высокой концентрации земледельческого населения.

По-видимому, позиция «мира» в данном случае зависела от сочетания множества самых различных условий: специфики и специализации сельхозпроизводства, особенностей почвенного покрова, размеров землепользования, развития и роли неземледельческих промыслов (как отхожих, так и местных) в крестьянском хозяйстве, производственной дифференциации внутри общества, уровня миграционной активности, информационной среды и др.¹⁴

Важнейшим фактором оставалась и степень имущественного расслоения. Многоземельные члены общины, даже соглашаясь с хозяйственной целесообразностью и справедливостью коренного передела, чаще всего не были готовы идти на какое бы то ни было ущемление своих интересов. С.Т. Семенов оставил яркое описание такого рода ситуации на крестьянском сходе. Предложение переделить землю для удобства введения нового севооборота, поначалу воспринятое одобрительно, в дальнейшем натолкнулось на обычные в таких случаях опасения наиболее зажиточных земледельцев: «А если мы переделывать будем, другие к нам не полезут, у кого сейчас нет земли?». Переубедить сомневающихся не удалось:

– Можно поровнять всех.

– Это что-ж тогда однодушникам земли прирезать?

– Отчего-ж не прирезать? Их у нас немного. Оставить их с одной душой будет грешно, а из мирской прибавить ничего не стоит.

– Как не стоит? – Нет стоит, – горячо запротестовал владелец самой большой доли в деревне ... – Ты тогда у меня отрежешь, а я на ней все

---

¹⁴ В Московской губернии, как и в других районах распространения травосеяния на наделной земле, оно первоначально возникало в тех селениях и уездах, где землеобеспеченность крестьянства была выше (Труды местных комитетов. Т. XXIII. С. 27).

время хребет гнул, выкупные платил, повинности отбывал, я ее потом и кровью окупал, а ты у меня ее отрежешь?...

Следует подчеркнуть, что в данном случае речь шла не о сокращении общего количества земли (душ) на хозяйство, а лишь – об обмене, передвижке отдельных полос. Тем не менее, поступиться хотя бы малой частью своего надела, компенсируемой за счет прочих, хозяин не желал категорически [12, с. 251]. Количество приложенного труда, не говоря уже об иных затратах, являлось главным и, как правило, решающим критерием прав на землю.

По этой причине можно согласиться с тем, что травосеяние и улучшение агротехники во многом стабилизировали землепользование в общине и, в целом, способствовали ограничению ее земельно-распределительной активности. Согласно опросу, проведенному в 1917 г. Волоколамским уездным земельным комитетом, из 21 общины уезда, прекративших переделы, неожиданно много, почти две трети (13), указали, что сделали это из-за нежелания «ломать межи». Как поясняли в ряде случаев крестьяне, «при введении травосеяния мы разбили всю землю на широкие полосы и нарушать правильный севооборот не желательно» [13, с. 14].

Тем не менее, связывать интенсификацию крестьянского земледелия в конце XIX – начале XX в. с отмиранием общинного землепользования представляется излишне категоричным.

В отличие от внутринадельной чересполосицы, которая в принципе была преодолима, внешняя – становилась подчас неразрешимой проблемой. «Наделы у некоторых селений, – жаловались крестьяне, – сделаны такими зигзагами, что прогонов во все 6 полей сделать невозможно», «надел глаголем и положительно нельзя сделать прогонов» и т.д. Все это нередко приводило к удручающе разорительным издержкам для общины. Ей, к примеру, приходилось арендовать совершенно непригодную в сельскохозяйственном отношении землю лишь для проезда из одной части надела в другую. В одном из селений Подольского уезда за маленький прогон крестьяне были вынуждены платить 120 руб. с 32 душ [11, с. 60, 64]¹⁵. Жители села Владычино Волоколамского уезда в своем прошении сообщали, что вся их земля «находится внутри помещичьей», вследствие чего они со всех сторон «стеснены как выгоном скота, так и прочими неудобствами». Вынужденная аренда крестьянами чересполосно размещенных владельческих неудобий стала постоянным источником дохода и для другого помещика уезда кн. Мещерского [7, с. 243–244]. Подобная ситуация не являлась исключением для губернии. Причем, во многих селениях крестьянские наделы вообще

¹⁵ Труды местных комитетов. Т. XXIII. С. 31.

не были отграничены от частных владений и почти везде отсутствовали межевые знаки¹⁶.

Однако еще более значительной по своим масштабам и последствиям для хозяйственного положения крестьян оставалась проблема неразмежеванности земель различных общин между собой. Подмосковный регион занимал одно из первых мест в Европейской России по численности и площади однопланых селений, во владении которых находилось не менее половины (а в подавляющем большинстве уездов и более) надельных земель¹⁷. Такие селения имели общие с соседями права на луга, пастбища, леса, выгоны, торфяники и проч., и лишь владение пахотной землей у них было обособленным. Не размежеванные угодья ежегодно подвергались разделу между совладельцами, отнимая много времени, средств (найм особых «делильщиков») и обычно порождая массу споров и конфликтов («перекосы» в лугах, потравы в полях, хищнические порубки в лесах и др.). Поэтому в большинстве своем общества однопланых селений десятилетиями находились в неприязненных, а зачастую и крайне враждебных отношениях, возбуждая бесчисленные разбирательства в волостных судах и у земских начальников¹⁸. «Большинство возникавших среди крестьян недоразумений, – констатировали предводители дворянства и председатели земских управ губернии, обсуждая намечавшиеся осенью 1906 г. землеустроительные мероприятия, – вызывалось всегда вследствие неопределенности границ». О том же свидетельствовали и обследования, проводимые землеустроительными комиссиями в уездах¹⁹.

В результате нормальная эксплуатация и рациональное использование общих угодий, не говоря уже о значительных мелиоративных улучшениях и других агрокультурных мероприятиях, оказывались нереализуемыми. И, в конечном счете, огромные площади крестьянской земли фактически гибли, не принося сколько-нибудь ощутимой долговременной пользы для хозяйства. Вместе с тем, крайне сложная процедура разграничения совместных владений через Специальное Межевание по правилам 1806 г. или судебные инстанции оказывалась весьма неэффективной. Несмотря на массовое стремление избавиться от земельной общности с соседями, за 46 лет, прошедших со времени крестьянской реформы 1861 г. до учреждения землеустроительных комиссий в 1907 г. удалось добиться этого лишь 18 из более 2260 однопланых селений губернии. При этом размежеванная

¹⁶ ЦИАМ. Ф. 369. Оп. 4. Д. 35. Л. 22 об.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 826. Оп. 1. Д. 107. Л. 39; ЦИАМ. Ф. 369. Оп. 4. Д. 35. Л. 40–41.

¹⁸ ЦИАМ. Ф. 369. Оп. 4. Д. 35. Л. 44.

¹⁹ Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 2 тт. Т. 1. М., 1997. С. 184; ЦИАМ. Ф. 369. Оп. 4. Д. 35. Л. 22 об.–23 об., 31 об., 45, 53.

площадь составила 11436 дес., то есть менее, чем по 250 дес. в год²⁰. Хотя, в условиях хронического дефицита кормовых угодий, большая часть которых была отрезана у крестьян в ходе «освобождения», деревня остро нуждалась в стабильном пользовании обширными лугами и сенокосами, превратившимися в яблоко раздора между неразмежеванными селениями. Но предусмотренный порядок разрешения проблем подобного рода себя явно не оправдывал. Тем самым подрывалось развитие животноводства и, как следствие, усугублялись кризисные явления в крестьянском хозяйстве.

В условиях нараставших противоречий между интересами повышения производительности и доходности аграрного производства, с одной стороны, и традиционными основами крестьянского землепользования и землевладения – с другой, последние постепенно приспосабливались к тем или иным особенностям хозяйствования. В земельно-распределительной деятельности общины усиливалась экономическая составляющая: социально-этическая мотивация, соображения уравнительности все более уступали место хозяйственной целесообразности и коммерческому расчету. Если в промышленных уездах это приводило к преобладанию фискальной роли земельных переделов, то в аграрных – возрастало их производственное значение. В обоих случаях промысловая миграция являлась одним из определяющих факторов. Малоземельные восточные уезды превращались в зону примитивного земледелия, которое, утрачивая рентабельность, постепенно приобретало подсобный характер по отношению к фабричным промыслам. Напротив, отход на заработки из районов прогрессирующего сельского хозяйства способствовал расширению земельного фонда, необходимого для ведения товарного земледельческого производства. В то же время, возвращавшиеся в деревню отходники становились силой, подтачивавшей патриархальность крестьянской жизни и, следовательно, подрывавшей традиционные хозяйственные привязанности, а нередко – питавшей новаторские настроения. Однако для полноценной, последовательной модернизации аграрного строя требовался кардинальный пересмотр аграрного курса властей и, прежде всего, нормативно-правовой базы крестьянского землевладения.

Литература

1. *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М., 1980.
2. *Берлин С.Л.* Крестьянское хозяйство Московской губернии в конце XIX – начале XX в. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. историч. наук. М., 1975.

²⁰ Подсчитано по: ЦИАМ. Ф. 369. Оп. 4. Д. 35. Л. 41, 44–45.

3. *Булгаков А.А.* Современные передвижения крестьянства. Направления, размеры и условия крестьянских движений Московской губернии по новым цифровым данным за десятилетие 1894–1903 гг. СПб., 1905.

4. *В.В. [Воронцов В.П.]*. Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб., 1892.

5. *Вихляев П.А.* Влияние травосеяния на отдельные стороны крестьянского хозяйства. Вып. 6. Крестьянское землевладение при полевом травосеянии. М., 1914.

6. *Вронский О.Г.* Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. М., 1999.

7. *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. М., 1968.

8. *Зырянов П.Н.* Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992.

9. *Мацузато Кимитака.* Индивидуалистические коллективисты или коллективные индивидуалисты? Новейшая историография по российским крестьянским общинам // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. М., 2001.

10. *Никитин Н.П.* Сельскохозяйственное районирование Московской губернии. М., 1921.

11. *Самарин Д.Ф.* Родословная полевого травосеяния на общинных землях 1819–1897 г. М., 1897.

12. *Семенов С.Т.* Двадцать пять лет в деревне. Пг., 1915.

13. *Степанов И.* Несколько данных о состоянии крестьянского хозяйства Московской губернии // Сельское хозяйство. 1922. № 1.

Аренда в землепользовании крестьянских и помещичьих хозяйств Псковской губернии во второй половине XIX в.

Охарактеризована роль арендных отношений в Псковской губернии в пореформенный период. Показаны особенности аренды для крестьянских хозяйств и помещичьих имений.

Ключевые слова: Псковская губерния, аренда, крестьянское хозяйство, помещичье имение, отработки.

В пореформенные годы в Северо-Западном регионе России, в который входила Псковская губерния, типичным и повсеместно распространенным явлением было крестьянское малоземелье и проистекающая от этого зависимость крестьян от помещиков [1, с. 117]. В помещичьих хозяйствах губернии были широко распространены полукрепостнические формы, где в разнообразных пропорциях сочетались как отработочная система, являвшаяся переходной от барщинной системы к найму, так и капиталистическая система, основанная на использовании наемного труда. Пореформенное развитие помещичьих хозяйств ярко демонстрировало две тенденции. Одна из них заключалась в сворачивании собственного производства землевладельцем и сдаче имения в аренду – полностью или частично. Завышенная арендная плата, отмеченная современниками, позволяла помещикам получать такие доходы от сдачи земельной собственности, которые не уступали доходам от хозяйственного использования своей земли. В 1887 г. псковские помещики сдавали в аренду свыше 316 тыс. дес. земли².

Другая тенденция была представлена организованным в имениях собственным производством на капиталистических основах. В первые годы после реформы помещики энергично занимались не только производством сельскохозяйственной продукции, но и ее промышленной переработкой на маслодельных, сыроваренных и винокуренных предприятиях, поддерживая прочные связи с рынком. В некоторых случаях такие помещики прибегали к аренде необходимых им угодий. Однако отсутствие опыта и обнаружившийся недостаток средств для первоначального вложения в хозяйство привели к тому, что с конца 1860-х гг. начался переход к смешанным и характерным для феодальной системы методам хозяйствования. Несомненно, что к концу первого двадцатилетия после реформы помещики, в основной своей

¹ Никулин Валерий Николаевич, доктор исторических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, nikuliny@mail.ru, Россия, г. Калининград.

² Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г. Статистика Российской империи. XXII. Вып. 34. Псковская губерния. СПб., 1893. С. 2.

массе, по-прежнему ориентировались на эксплуатацию труда крестьян, использовавших свои орудия производства. Наряду с устройством и развитием капиталистических хозяйств, практиковалась система издольщины и отработок. Интересные данные на этот счет представлены в материалах государственного Дворянского земельного банка, где содержатся описания заложенных имений Псковской губернии (табл.1)³.

Таблица 1

Способы ведения хозяйства в помещичьих имениях, заложенных в Дворянском земельном банке в 1886–1891 гг.

Число заложенных имений	Способы ведения хозяйства				
	владелец	аренда и ипольно	аренда	владелец и аренда	прочие
138	138	24	5	27	34

Практика собственного предпринимательства помещиков сопровождалась сокращением земельного фонда, предлагаемого ими крестьянам в пользование, и вела к повышению арендных цен. Характер земельной аренды и ее распространенность определялись принадлежностью сдаваемых земель к различным категориям земельных собственников, почвенно-климатическими условиями губернии и качеством земли, условиями ее обработки, связями с рынком сбыта сельскохозяйственной продукции, составом арендуемых земель, сроками арендных договоров, количеством арендаторов и площадью арендуемых земель.

Главным условием развития арендных отношений в пореформенной северо-западной деревне была растущая потребность крестьян в увеличении земельной площади. Уже в ходе реализации реформы 1861 г. крестьяне Псковской губернии получили душевые наделы меньших размеров, чем земледельцы Новгородской и Санкт-Петербургской губерний, и поэтому вопрос о земле для жителей пореформенной псковской деревни стоял наиболее остро. Обусловлено это было еще и тем, что надельная земля, которую получили крестьяне, была малопродуктивной. Одной из форм ликвидации крестьянского малоземелья, наряду с покупкой земли, становится аренда земли у казны и, главным образом, у частных землевладельцев – помещиков-дворян, купцов и зажиточных односельчан. Таким образом, псковские крестьяне стремились компенсировать низкую доходность хлебопашества, обусловленную плохим качеством почвы, путем увеличения земельной площади [5, с. 54].

³ Имения, принятые в залог государственным Дворянским земельным банком. 1886–1891 гг. (Особое приложение к отчетам государственного Дворянского земельного банка за 1886–1891 гг.). СПб., 1896. Ч. I. С. 2–42 (подсчет мой. – В.Н.).

Псковским крестьянам хронически не хватало леса, лугов и выгонов для выпаса скота (диаграммы 1 и 2)⁴.

Диаграмма 1

Количество земли арендованной крестьянами северо-западных губерний в 1881 г.:

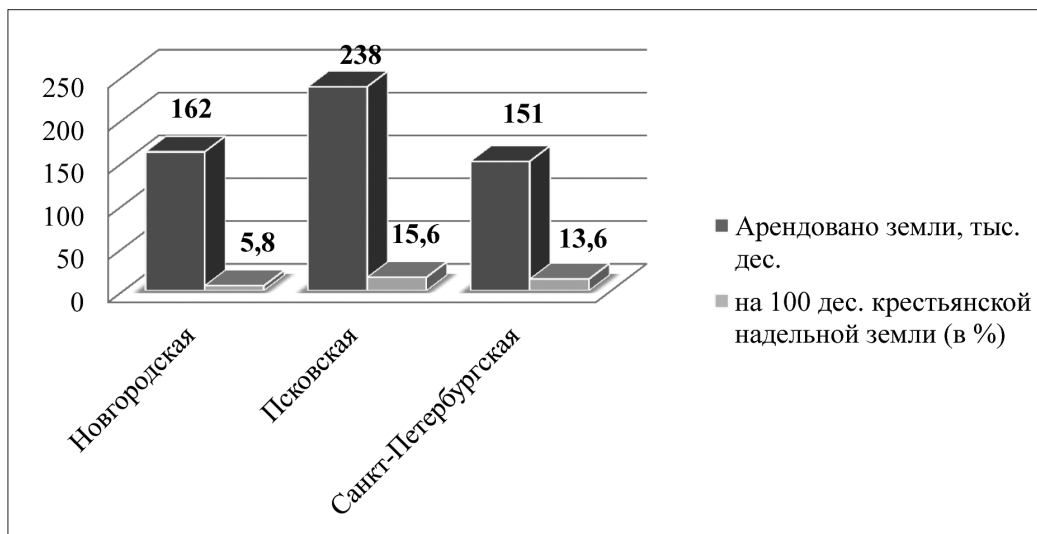
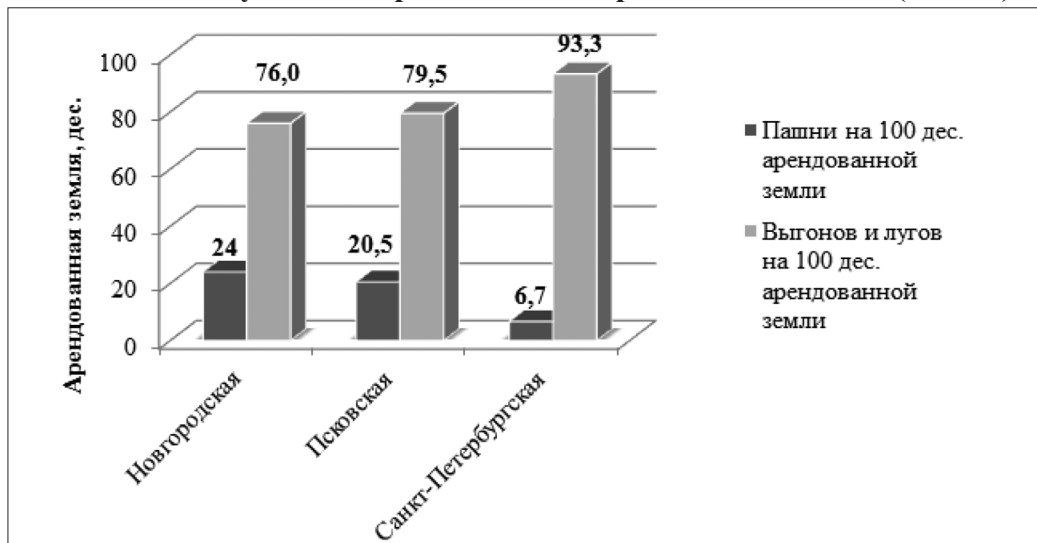

Диаграмма 2

Соотношение угодий в арендованной крестьянами земле (1881 г.):

⁴ Распределение земель по угодьям в Европейской России за 1881 год // Статистический временник Российской империи. Серия 3. Вып. 4. СПб., 1884. С. 345–353; 364–385.

Обилие покосов и выгонов, бравшихся крестьянами в аренду во всех северо-западных губерниях, было результатом преднамеренного выделения в ходе реформы наделов с несоразмерным соотношением угодий. Крестьянский надел отмежевывался помещиками в своекорыстных целях, с нарушением необходимой пропорциональности угодий, с отрезкой обязательных для ведения крестьянского хозяйства выгонов, прогонов для скота, лугов. Сделано это было так для того, чтобы понудить крестьян к найму необходимых угодий. Помещики, зная об острой нужде крестьян в этих угодьях, обставляли сдачу их в аренду особенно тяжелыми условиями. В результате крестьяне вынуждены были брать крайне необходимые, но малоодоходные луговые и выгонные земли за высокую арендную цену. Упоминания о том, что крестьяне, в большинстве случаев, арендуют те земли, которыми они пользовались в дореформенный период, и которые были ими потеряны при введении уставных грамот, постоянно встречаются в земских обследованиях. В связи с арендой значительный интерес представляют выводы, к которым пришли известные исследователи аграрного строя пореформенной России. Так, П.Г. Рындзюнский считал, что «искусственно созданное отрезками несоответствие в распределении наделной земли по угодьям, что исключало возможность ее полноценного использования без аренды у соседних помещиков лугов, леса, выгонов» необходимо оценивать как внеэкономическое принуждение со стороны землевладельцев [11, с. 126]. А.М. Анфимов в своей фундаментальной монографии пришел к выводу, что «с одной стороны, аренда имела целью извлечение капиталистической прибыли из земледелия путем эксплуатации наемных рабочих, с другой, — она служила средством полукрепостнической эксплуатации крестьянства» [1, с. 190].

В 1868 г. член от правительства при мировых съездах Меккер, объездивший Холмский уезд и ознакомившийся с хозяйственным положением крестьян, вынужден был констатировать, что в ходе реализации Положения 19 февраля 1861 г. «отрезывались в распоряжение владельцев лучшие крестьянские сенокосы и заменялись лесами и самыми неудобными землями, иногда вовсе не находившимися прежде в пользовании крестьян. Такие наделы утверждались без предварительного осмотра и поверки их на местах»⁵. Годом позже в сентябре 1869 г. псковский губернатор М.С. Каханов представил в МВД записку о тяжелом положении крестьян Торопецкого, Холмского и части Великолукского уездов. Одну из причин бедственного положения крестьянских хозяйств губернатор увидел в сосредоточении помещиками в своих руках значительной части лесных массивов. В результате у крестьян возникли серьезные затруднения в ведении традици-

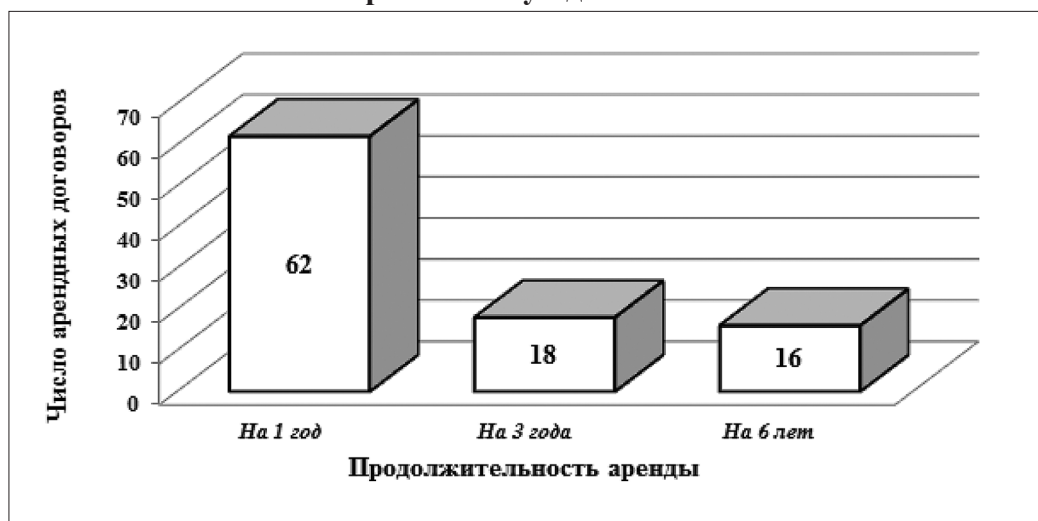
⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. Д. 251 (1868 г.). Л. 149.

онного лядинного⁶ хозяйства из-за высоких арендных цен, установленных помещиками⁷. Недостаток выгонов и покосов в составе надельной земли у псковских крестьян современники называли «основным бичом крестьянского хозяйства». Крестьяне, кровно заинтересованные в сенокосах и пастбищах, вынуждены были компенсировать их нехватку, арендуя угодья на тех условиях, которые определяли землевладельцы-помещики.

Характер земельного голода псковских крестьян иллюстрирует распределение арендованной крестьянами земли по угодьям. В 1888 г. в Порховском уезде было зафиксировано 96 арендных сделок, в результате которых в пользовании крестьян оказалось 54,7 тыс. дес. земли, из которых 15,5 тыс. дес. составляла пашня, 17,7 тыс. дес. – покос и 21,5 тыс. дес. – выгон. Видно, что землевладельцы предпочитали сдавать угодья в краткосрочную (погодную) аренду (диаграмма 3), долгосрочной же аренды (более чем на 6 лет) в уезде вовсе не было зафиксировано [12, с. 37].

Диаграмма 3

**Количество арендных сделок крестьян
Порховского уезда в 1888 г.**

В 1894 г. жители деревни Плицино Торопецкого уезда отправили прошение в МВД об увеличении площади земельных наделов в связи с ростом наличного населения. В прошении крестьяне жаловались, что в период реформы 1861 г. у них были отрезаны выгон и покосы и теперь они вы-

⁶ *Лядинное* – подсечно-огневое хозяйство, одна из примитивных форм обработки земли в лесных и редконаселенных местностях: лес выжигался, подготовленный участок засевался в течение 5–6 лет рожью, ячменем и др. зерновыми культурами.

⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. Д. 251 (1868 г.). Л. 102–103. См. также: Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 33. Псковская губерния. СПб., 1903. С. 176.

нуждены арендовать эти угодья у помещика. «За выгон, – писали крестьяне, – который находится в болоте, где растет только красный мох, должны работать барину в продолжение лета более, чем на себя; если же нам не работать, то и курицы некуда выпустить – надо платить»⁸.

На протяжении всего пореформенного периода крестьяне губернии, в отличие от земледельцев прочих районов страны, арендовали, преимущественно, луга и выгоны (на долю этих угодий приходилось до 80% арендованной земли). Помещики же, используя нужду крестьян в земле, извлекали значительные доходы путем сдачи своих угодий в аренду местным земледельцам. Предпочитая эксплуатировать землю путем сдачи ее в аренду, помещики свертывали производство в собственном хозяйстве.

В условиях перманентной нехватки оборотного капитала многие помещики вынуждены были использовать сдачу крестьянам в аренду своей земли, как средство обеспечения имения рабочими руками. Использовались различные приемы установления прочной зависимости крестьян от помещика. Нередко при денежной форме аренды крестьянин обязан был выполнять дополнительные натуральные повинности, которые для помещика бывали важнее, чем арендная плата.

Крестьяне деревни Тройлово Тишинской волости Порховского уезда вынужденные арендовать у помещицы Костюриной пустошь, платили ей в год 350 руб. и выставляли 15 подвод для доставки хлеба помещицы в Порхов⁹. Отдельные помещики, особенно после реформы 1861 г., предпочитали ведению собственного хозяйства сдачу имения в аренду – частично или полностью. Однако повсеместное стремление крестьян-арендаторов извлечь максимум дохода из снятой земли и как результат ее полное истощение в короткий срок, проблемы с платежеспособностью арендаторов привели к тому, что число сданных целиком в аренду имений постепенно уменьшалось¹⁰.

Аренда помещичьей земли крестьянами нередко приобретала полукрепостнические формы. Так крестьяне деревни Борок Березовской волости Порховского уезда из-за малоземелья вынуждены были арендовать землю у соседа-помещика на крайне невыгодных условиях. Только в случае согласия крестьян обработать за минимальную плату так называемую «круговую десятину», землевладелец соглашался предоставить жителям деревни в арендное пользование необходимые угодья. «Круговая десятина» включала в себя

⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 71 (1894 г.). Д. 684. Л. 1.

⁹ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 184. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

¹⁰ Доклад Высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России СПб.: 1873. Приложение I. Свод сведений о современном положении сельскохозяйственной промышленности вообще. С. 42.

следующие работы: 1) обработку пара, вывозку навоза и посев озимого хлеба (1 дес.); 2) посев, уборку и обмолот ярового хлеба (1 дес.); 3) уборку и обмолот озимого хлеба (1 дес.); 4) косьбу, сушку и транспортировку сена (1 дес.). Следовательно, каждое крестьянское хозяйство обрабатывало по 4 дес. помещичьей земли [4, с. 322].

Что касается сроков аренды, то в губернии практиковалась как долгосрочная, так и краткосрочная (на один посев ярового или озимого хлеба) аренда земли. В нечерноземной полосе, в которую входила Псковская губерния, погодная аренда, исключавшая возможность регулярного внесения крестьянами удобрений, очень быстро истощала естественное плодородие почвы. Тем не менее, псковские землевладельцы зачастую сдавали сельскохозяйственные угодья на самые короткие сроки. Это объяснялось как острой нуждой помещиков в деньгах, так и недостаточными финансовыми возможностями большинства крестьян, прибегавших к аренде как необходимому средству увеличения земельной площади.

В губернии из 100 дес. арендуемой земли на погодную аренду приходилось 44 дес. [1, с. 83]. Краткосрочная (погодная) аренда была «привилегией» маломощных крестьянских хозяйств, владельцы которых вынуждены были ежегодно заключать арендный договор, так как они не располагали средствами, необходимыми для долгосрочного съема земли. Фактически такая краткосрочная аренда перерастала в долгосрочную, поскольку крестьяне снимали из года в год один и тот же участок земли. Землевладельцы, сдававшие землю в краткосрочную аренду, оценивали ее дороже, чем при долгосрочной аренде, извлекая, таким образом, значительный доход. Зажиточные крестьяне предпочитали долгосрочную аренду. Они имели необходимые денежные средства, чтобы заключить с собственником земли арендный договор на длительный срок. Снятая на таких условиях земля обходилась арендаторам дешевле, чем при краткосрочной аренде.

Широко распространена была в северо-западной деревне субаренда земли, в результате которой происходил процесс пересдачи земли на более короткие сроки, чаще всего на один посев. Субаренда порождала массу мельчайших арендаторов, над которыми тяготел режим произвола и кабалы. Отношения между арендаторами и субарендаторами, если и отличались от взаимоотношений арендаторов и помещиков, то не в лучшую сторону. Набирал силу процесс вытеснения крупными арендаторами из деревенских богачей, снимавших большие участки земли у помещиков, мелких и средних арендаторов. Изменения, определявшие характер и размеры крестьянской аренды, были обусловлены как эволюцией помещичьих имений, так и глубинными процессами в среде самих крестьян, и, прежде всего, их имущественной дифференциацией.

В губернии были распространены различные условия аренды: денежная, аренда «исполу», из части урожая, за отработки, смешанный тип аренды. Крестьяне отдавали предпочтение денежной аренде. При этом они считали, что казенные земли арендовать выгоднее, чем помещичьи, поскольку на первые существовала определенная такса, в то время как помещики нередко использовали затруднительное положение крестьян для установления высокой платы «за совершенно пустые земли»¹¹. Аренда крестьянами казенной земли обставлялась разнообразными условиями. Это была повседневная практика казны в отношении арендаторов. Съемщиков земли обязывали удобрять землю навозом, содержать в исправности мосты, гати и перевозки. При таких условиях аренда казенных земель оказывалась под силу только богатым крестьянам, с которыми на торгах крестьяне-бедняки и даже середняки не могли соперничать.

Если же у землевладельцев было свое хозяйство, то при сдаче части своих угодий в аренду они стремились обеспечить себя рабочими руками и в арендный договор включались условия отработок. Наряду с денежной арендой в губернии сохранялись значительные размеры испольной аренды. Зачастую происходило тесное переплетение денежной и натурально-отрабочной аренды в аренду смешанную или на «прочих» условиях. Статистические материалы по губернии свидетельствуют, что около 2/5 частновладельческой пашни самими помещиками не обрабатывалось, а сдавалось в аренду крестьянам на условиях издольщины¹². Так, из-за того, что во время реформы 1861 г. у крестьян деревень Плосково и Сергеево Устьяволенской волости Крестецкого уезда были отрезаны в пользу помещика покосные земли, они вынуждены были арендовать покосы, расплачиваясь как деньгами, так и отработками¹³. В Торопецком уезде широко распространилась натуральная краткосрочная аренда, живо напоминающая старые дореформенные отношения помещиков и крепостных. Крестьяне брали пахотные угодья в аренду «со снопа», сенокос снимали «исполу», иногда обязывались обработать в хозяйстве помещика¹⁴.

Как известно, Псковская губерния являлась крупным центром льноводства в стране. В ней ежегодно под посевами льна находилось от 120 до 180 тыс. дес. земли. Посевы льна занимали около 72% надельных и примерно 28% частновладельческих земель [7, с. 16]. Только в Опочецком, Остров-

¹¹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. 33. Псковская губерния. С. 130.

¹² Статистический обзор Псковской губернии за 1906 год. Псков, 1907. С. 10.

¹³ Хозяйственно-экономический очерк д. Плосково и Сергеево Устьяволенской волости Крестецкого уезда. Крестец, 1883. С. 14–15.

¹⁴ Псковская губерния (свод данных оценочно-статистического исследования). Псков, 1907. Т. IV. Торопецкий уезд. Вып. I. Территория, население, землевладение. С. 90.

ском, Порховском и Псковском уездах, занимавших север-запад губернии, под посевами льна было занято более 83 тыс. дес. земли, или 14% всей посевной площади губернии [9, с. XVII]. Значительные площади земли засеивали льном крестьяне Новоржевского и Холмского уездов. Всего в Псковской губернии собирали около 2600 тыс. пуд. льна¹⁵. Многие крупные помещики, принимая в расчет значительные трудности, связанные с обработкой льна и получением готовой продукции, предпочитали землю, предназначенную под посевы льна, сдавать в аренду крестьянам или использовать при ее обработке издольщину [2, с. 15, 25–26].

Не только крестьяне, но и отдельные помещики стремились расширить посевы льна, поскольку торговля льяным волокном и семенами приносила значительный доход. Стабильное развитие торгового льноводства сопровождалось распространением долгосрочной денежной аренды и ростом арендных цен, которые в отдельных случаях превышали продажные цены земли. В такой ситуации некоторые крестьянские хозяйства льноводческой специализации оказывались не в состоянии арендовать землю под посевы льна, что способствовало углублению имущественной дифференциации в крестьянской среде.

Наряду с частновладельческой в губернии широко была распространена сдача в аренду надельной земли. Происходило это, как правило, в пределах общины, когда наделы сдавали либо «малосильные хозяева», либо крестьяне, уходившие на заработки¹⁶. Не имея возможности нормально эксплуатировать свой надел, отходники предпочитали сдавать землю в пользование зажиточным односельчанам, хотя понимали, как заметил член Опочецкого уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности В.П. Костюрин, что сданная земля будет «хищнически» эксплуатироваться арендаторами¹⁷.

В Новоржевском уезде из 14 тыс. наличных крестьянских дворов 3,2 тыс. дворов (т.е. 23%) не обрабатывали принадлежавшую им надельную землю, а сдавали ее в аренду полностью или по частям. Сдачей надельной земли занимались, преимущественно, многоземельные и малоземельные крестьяне. Многоземельные использовали свою надельную землю в качестве основы своего хозяйства. В аренду они сдавали, как правило, небольшие участки земли, хозяйственное использование которых признавалось

¹⁵ Военно-статистический сборник. Вып. IV. Россия / Под ред. Обручева. СПб., 1871. С. 259.

¹⁶ Сельскохозяйственный обзор Псковской губернии за 1902 год. Псков, 1904. С. 3; Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 33. Псковская губерния. С. 29; ГАПО. Ф. 202. Оп. 2. Д. 118. Л. 2–7; Оп. 3. Д. 12. Л. 1; Описание деревни Луковки Псковоградской волости Псковского уезда. Статистические очерки. Вып. 3. Псков, 1884. С. 47, 58.

¹⁷ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 33. Псковская губерния. С. 125.

мало доходным. Малоземельные же крестьяне, сдавая наделную землю в аренду, фактически вели дело к ликвидации своего хозяйства. В уезде около 77% арендованной пашни приходилось на наделные земли¹⁸.

Членом Новоржевского уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности бароном Г.В. Розеном была отмечена широко распространенная практика сдачи наделной земли уходящими на заработки домохозяевами без согласия сельского общества¹⁹. В случае передачи в аренду наделной земли крестьянам из других деревень община решительно выступала против. Так, крестьяне деревни Блудово Рельбицкой волости Порховского уезда обратились в уездное по крестьянским делам присутствие с просьбой «запретить аренду в чужие руки», поскольку с отдачею односельчанами «земли в арендное содержание посторонним лицам, мы отбываем за них все тяжести, какие только налагаются на крестьян»²⁰. Для большинства средних и малоимущих крестьян аренда земли была вынужденной мерой, необходимой для того, чтобы обеспечить продуктами питания членов семьи (т.н. продовольственная или голодная аренда). Иное дело зажиточные крестьяне, для которых аренда земли являлась условием расширения своего хозяйства с целью производства товарной продукции (так называемая предпринимательская аренда). «Специфика аренды наделных земель заключалась в том, – писал А.М. Анфимов, – что крестьянские земли арендовали больше кулацко-зажиточные группы деревни, чем середняки и бедняки. Доля последних во вненаделной аренде была выше, чем в наделной, особенно в аренде сенокосов, выгонов, пастбищ» [1, с. 75].

В Псковской губернии существовало несколько способов сдачи наделной земли отдельными домохозяевами. Широко была распространена сдача участка земли вместе с хозяйственными постройками в случае, если крестьянин жил на стороне, либо участок размещался далеко от постоянного места жительства. Подобного характера сделка заключалась и тогда, когда крестьянин совершенно прекращал заниматься сельским хозяйством, но окончательно связь с деревней терять не хотел. Такие крестьяне сдавали весь свой надел, перекладывая уплату повинностей, лежавших на земле, на арендатора. Крестьяне, не покидавшие деревню и трудившиеся на земле, сдавали в аренду только часть своего надела без построек, преимущественно участок пашни или покоса.

Наряду с добровольной широко была распространена принудительная сдача общиной наделной земли крестьян-отходников, «впредь до их возвращения в деревню» [6, с. 4]. В некоторых случаях община использовала сдачу в аренду земли отходников для пополнения лежащих на хозяйстве

¹⁸ Псковская губерния: Свод данных оценочно-статистического исследования. Т. 2: Новоржевский уезд. Вып. 2: Крестьянское хозяйство. Псков, 1903. С. 25–29.

¹⁹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 33. Псковская губерния. С. 150–151.

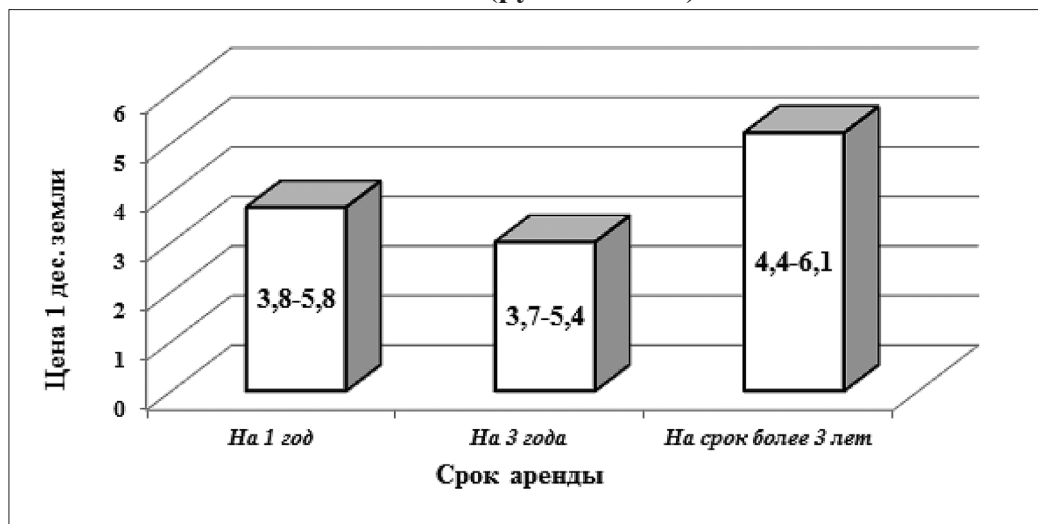
²⁰ ГАПО. Ф. 202. Оп. 2. Д. 182. Л. 1.

недоимок. В 1897 г. сельский сход крестьян деревни Боровицы Спасо-Никольской волости Великолукского уезда принял решение из-за числившейся за односельчанином Н. Ильиным недоимки в 23 руб. «отдать в арендное содержание на 3 года из состоящих в пользовании Ильина 3 наделов полтора надела крестьянину той же дер. И. Михайлову, который обязывается платить сверх ежегодного оклада в счет недоимки по 5 руб. 10 коп. в год»²¹. Аналогичного содержания приговоры, по которым крестьяне, получившие в аренду надельные земли недоимщиков, обязывались платить по окладу, были приняты на сельских сходах жителями деревень Андрейцево, Колуки, Велебицкой, Горняго-Макоедово, Мамоново Спасо-Никольской волости, Ескино Заборовской волости Псковского уезда и др.²²

Оплачивалась аренда земли псковскими крестьянами преимущественно за счет сторонних заработков. Недаром после реформы 1861 г. в Псковской губернии процесс отходничества крестьян имел положительную динамику [10, с. 144–154]. Цена 1 дес. арендованной земли зависела от того, кто выступал ее съемщиком (дворовладелец, товарищество или община), расположения и срока аренды (см. диаграмму 4) [8, с. 122–124].

Диаграмма 4

**Аренда земли крестьянами Псковской губернии
в 1901 г. (руб. за 1 дес.)**

Денежное выражение арендных цен свидетельствует о том, что в пореформенный период они имели тенденцию к постоянному росту. Особенно велика была арендная плата в льноводческих уездах губернии, где земля

²¹ ГАПО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 42. Л. 2.

²² Там же. Л. 4, 7, 10, 13, 17, 23.

под лен сдавалась помещиками крестьянам по договоренности или с аукциона. Цена на землю под лен колебалась от 25 до 90 руб. за 1 дес. поля в зависимости от его плодородия и имела устойчивую положительную динамику [3, с. 24–25]. В период сельскохозяйственного кризиса конца XIX в. арендные цены несколько снизились.

В аренде земли участвовали все слои псковской деревни, но наиболее активными арендаторами земли выступали зажиточные крестьяне. Об этом, в частности, свидетельствуют данные, полученные в ходе обследования крестьянских хозяйств Изборской волости Псковского уезда. Крестьянские дворы, в которых было 3 и более работника арендовали 54,4% пашни и 55,0% сенокоса, в то время как в хозяйствах без работника аренда пашни и сенокоса не превышала 12,8% и 16,1% соответственно²³.

В Псковской губернии была распространена как коллективная, так и единоличная аренда земли. Луга и выгоны арендовались «миром» или товариществом. Между членами товарищества арендованная земля делилась в зависимости от их состоятельности. Общинная или «мирская» земля делилась по числу душ в крестьянской семье. Представление о том, каковы были в этом случае параметры арендных цен за 1 дес. земли, дает таблица 2 [8, с. 122–124].

Таблица 2

Аренда псковскими крестьянами земли в 1901 г. (руб. за 1 дес.)

Арендатор	Срок аренды		
	1 год	3 года	Более 3 лет
Община	3,7 – 5,4	3,0 – 4,1	5,2 – 6,2
Товарищество	4,7 – 8,8	4,4 – 5,9	4,4 – 5,7
Отдельный двор	3,3 – 5,2	5,7 – 8,3	2,9 – 6,0

В целом аренда в губернии после реформы 1861 г. стала важным компонентом аграрных отношений, способствовала становлению новых взаимоотношений между крестьянами и помещиками, содействовала сосредоточению земли в руках зажиточной части крестьянства и ускоряла процесс дифференциации в псковской деревне.

Литература

1. *Анфимов А.М.* Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961.
2. *Бочков С.М.* Льняная промышленность в Псковском, Порховском и Новоржевском уездах // Памятная книжка Псковской губернии на 1863 год. Псков, 1863.

²³ К вопросу о недоимках в связи с экономическим положением населения. (Опыт разработки статистических материалов по Изборской волости Псковского уезда). Псков, 1901. С. 11.

3. *Вебер К.К.* Очерки сельского хозяйства в губернии Псковской. СПб., 1880.
4. *Зиновьев П.* Борокская община (Псковской губернии) // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Т. I. СПб., 1880.
5. *Кисляков Н.М.* Восточный болотный район Псковской губернии (физико-географический и статистический очерк). Псков, 1905.
6. *Кисляков Н.М.* Экономическое положение Псковской губернии к 1906 году. Псков, 1905.
7. *Кисляков Н.М.* Экономическое положение сельского населения Псковской губернии в зиму 1907–1908 гг. (Статистическая справка). Псков, 1908.
8. *Логанов Г.Н.* Статистика землевладения Европейской России по уездам. СПб., 1906.
9. *Морачевский В.В.* Промыслы и занятия населения // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 3. Озерная область. СПб., 1900.
10. *Никулин В.Н.* Деревня и город (из истории отхожих промыслов крестьян Псковской губернии во второй половине XIX – начале XX века) // Северо-Запад в аграрной истории России: межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В.Н. Никулина. Калининград, 2013. Вып. 20.
11. *Рындзюнский П.Г.* Утверждение капитализма в России. М., 1987.
12. *Сазонов Г.П.* Крестьянская земельная собственность в Порховском уезде. СПб., 1890.

Факторы сдерживания зернового хозяйства Сибири в первой четверти XX в.²

В работе показано, что основным фактором, сдерживающим производство зерна в Сибири в 1910–1920-х гг., была слабая хозяйственная инфраструктура. В Сибири катастрофически не хватало мест хранения и первичной переработки зерна, что не позволяло делать значительные заготовки без потери качества. Данная проблема в полной мере обнажилась в годы Первой мировой войны, но необходимых мер по ее решению на протяжении последующего десятилетия принято не было.

Ключевые слова: зерновая проблема, Сибирь, заготовки, хранение, транспортировка.

Сибирь в начале XX в. обеспечивала себя хлебом. Плодородная земля степной и лесостепной полосы позволяла производить зерновые культуры в избытке, но удаленность от потребляющих губерний центра России затрудняла сбыт. Поэтому зерновое хозяйство было преимущественно потребительским. К началу века существовали только небольшие по объему (5–8 млн пуд.) перевозки зерна по рекам Обь-Иртышского бассейна и Енисею в северном направлении для снабжения хлебом редкого населения таежных и арктических территорий азиатской части России. Вывоз из Сибири в 1897 г. ограничивался 820 тыс. пуд. пшеницы.

Благодаря постройке Транссибирской магистрали открылась возможность организовать массовый вывоз зерна. Переселения крестьян из Европейской России и расширение пашни старожильского населения позволили увеличить посевные площади в Сибири с 1897 по 1913 г. в 3,8 раза. Прирост посевных площадей обгонял прирост населения. Причем удельный вес пшеницы, культуры, выращиваемой преимущественно на продажу, увеличился с 36 до 45% от посевного клина. Несколько обстоятельств мешали расширению вывоза зерновой продукции. Ее отправка за рубеж не являлась рентабельной. К железным дорогам можно было свезти хлеб только из ближайших районов. Доставка его из глубинных мест производства до станций гужом увеличивала стоимость на 20–30 коп. за пуд. Транспортировка по железной дороге до балтийских портов увеличивала себестоимость пуда сибирского хлеба еще на 60–70 коп. [4, с. 48, 54.] В результате к погрузке на корабли он становился слишком дорогим и не мог конкурировать с американским и аргентинским, доставлявшимися в Европу морем. Серьезную конкуренцию он мог составить только производившейся

¹ Рынков Вадим Маркович, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, vadsvet@list.ru, Россия, г. Новосибирск.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-01-00067.

в центральной России ржи и пшенице, себестоимость которой была слишком высока. Но, опасаясь нарушения традиционных связей на зерновом рынке, а также патронируя крупных производителей, поставлявших на внутренний рынок основную часть хлеба, царское правительство в 1896 г. ввело знаменитый «челябинский тарифный перелом». Представляя собой дополнительный тарифный сбор, он искусственно увеличивал стоимость перевозки сибирского хлеба, который при пересечении Уральского хребта становился дороже поволжского. «Перелом» действовал до 1913 г., окончательно его отменили в последний мирный для России год.

Данное обстоятельство долго сдерживало межрайонную торговлю и стимулировало развитие внутрисибирских перевозок. Сибирские крестьяне не стремились продать хлеб на экспорт и поэтому не имели нужды экономить на потреблении. Перед Первой мировой войной в Сибири насчитывалось примерно 50–65 млн пудов излишков продовольственного хлеба и около 30 млн пудов фуражного. Причем их подсчет производился по более сытным сибирским нормам. Перевозки Обь-Иртышского бассейна и Енисея в предвоенные годы составляли около 23 млн пудов [8, с. 199]. Этот объем включал и снабжение хлебом населения Северного Приобья и сибирских городов, и вывоз реками на Урал, и подвоз из Степного Края и из Минусинской котловины к железнодорожным станциям. Вывозили по железным дорогам в европейскую часть империи всего 20–25 млн пудов. Около 10 млн пудов требовалось для снабжения городов. Еще около 10 млн пудов вывозилось в Восточную Сибирь [5, с. 6–7]. Правда, в неурожайные годы вывоз резко сокращался, зато усиливалось внутрисибирское перераспределение. Даже в такие годы некоторая часть хлеба, не считавшаяся товарным излишком, в действительности населением не потреблялась, а оставлялась в запас, как правило, в необмолоченном виде [7, с. 27].

Масштабные заготовки зерна в годы Первой мировой войны переориентировали потоки сибирского товарного хлеба на запад. Максимальный объем вывоза пришелся на 1915 г. и составил 81 млн пудов зерна. Потом он сократился до 53 млн пудов. Значительную часть хлеба закупала казна через своих уполномоченных, которые принимали его, руководствуясь условиями. Контрагенты казны принуждены были производить «сортовку» хлеба в зависимости от качества, маркируя его крупными партиями, а не по индивидуальным сдатчикам. Большие объемы заготовок удалось получить не только за счет высокого урожая и внутривладельческого перераспределения. Восточная Сибирь лишилась западносибирского хлеба, сократившегося до 2,3 млн пудов. При этом более дешевый хлеб из Манчжурии импортировался в размере 9 млн пудов. Снабжение сибирским хлебом населения горнозаводского Урала удалось нарастить. С Южного Урала хлеб вывозился

на фронт и в прифронтовые территории. Расширение вывоза из Сибири вписывалось в общее перераспределение зерна в западном направлении.

Инфраструктура Сибири оказалась не готова не только к дальнейшему росту вывоза хлеба, но даже к нормальному обеспечению достигнутых результатов. Узкими местами сибирской экономики стали транспортировка и хранение. Первое связано с тем, что в годы Первой мировой войны резко вырос транзит грузов по Транссибирской магистрали, активизировался вывоз несельскохозяйственного сырья, прежде всего, угля. Однако в 1915 г. 73% вывоза составили хлебные грузы, потом этот показатель упал до 50%. Но перегруженная железная дорога не справлялась с таким объемом грузов. Недостаточная пропускная способность, слабое оборудование станций и пунктов погрузки, несвоевременная подача вагонов приводили к тому, что хлеб, являясь ключевым предметом перевозок, тем не менее, вывозился несвоевременно и в недостаточном объеме. Часто для транспортировки подавали открытые платформы вместо закрытых вагонов. Станции становились местами заторов хлебного оборота.

Такие проблемы с транспортной инфраструктурой осознавались еще до войны. Поэтому в Сибири велось активное железнодорожное строительство. Оно нацеливалось главным образом на создание дополнительных транспортных возможностей именно для вывоза хлеба. Две специализированные «хлебные» магистрали уже были введены в действие – Алтайская и Минусинская железные дороги. Строилась Южно-Сибирская магистраль, призванная включить значительные плодородные степные районы в зону обслуживания железными дорогами.

Строительство нескольких «хлебных» железнодорожных магистралей не могло полностью компенсировать слабость внутрисибирских коммуникаций. Покрыть степь густой сетью железных дорог, равноценной по своей плотности сети магистралей в хлебных районах европейской части России, было невозможно. Доставка хлеба к станциям и пристаням в степных районах составляла часто сотни километров. Она осуществлялась гужевым транспортом, что резко увеличивало себестоимость хлеба, отнимая у крестьян время, силы, фураж. Поэтому планы заготовительных органов по вовлечению в хлебный рынок отдаленных районов наткнулись на объективные препятствия. Во время войны региональное руководство поставило вопрос об организации автоколонн. Ими собирались заменить гужевые перевозки после мобилизации летом 1916 г. на тыловые работы казахов, ранее осуществлявших подвоз зерна к станциям. Вопрос решался очень медленно. Автомашин были доставлены лишь к 1917 г., но не приступили к работе из-за отсутствия бензина³. Проследить судьбу полученных

³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6831 Оп. 1. Д. 46. Л. 59, 60, 69, 97, 137, 143.

автомобилей после гражданской войны не представляется возможным. Во всяком случае, в первой половине 1920-х гг. автопарк не использовался как альтернатива гужевым перевозкам.

Более существенным фактором, сдерживавшим вывоз хлеба, являлся ограниченный объем зернохранилищ. В начале XX в. для облегчения выдачи и возврата продовольственных ссуд крестьянскому населению в Западной Сибири казной было начато строительство 22 зернохранилищ общей емкостью более 1 млн пудов. В дальнейшем, по мере роста переселений и усиления операций с выдачей ссуд зерном, сеть зернохранилищ несколько расширилась. В годы Первой мировой войны, когда резко возрос масштаб государственных заготовок зерна, Переселенческому управлению пришлось принять экстренные меры. Они выразились в спешном найме частных амбаров, приспособлении к хранению зерна всех мало-мальски годных для этого казенных помещений. В результате к 24 действовавшим в то время специализированным казенным зернохранилищам добавилось еще 78 наемных помещений. Все вместе они позволяли разместить 5132 тыс. пудов зерна в помещениях и 1572 тыс. пудов в сараях и под навесами [3, с. 5, 26].

Это составляло небольшую долю того, что требовалось поставить на хранение. Кооперативы при осуществлении посреднических операций по закупке хлеба для казны вынуждены были использовать частные крестьянские амбары для складирования. Но даже это не решало проблему, так как рано или поздно заготовленный хлеб приходилось доставлять к местам погрузки. А все имевшиеся на пристанях и железнодорожных станциях склады и пакгаузы были забиты зерном уже в первые месяцы проведения заготовительной операции. Поздней осенью 1914 г. уполномоченный по заготовкам хлеба для армии в Сибири Н.Ф. фон Штейн получил около 900 заказанных им брезентов для организации навесов и крытых хранилищ зерна на станциях⁴. Этот метод временного решения проблемы имел серьезный изъян. Казна принимала хлеб на основании интендантских кондиций, следовательно, он просушивался перед приемкой или складированием. Но от малейшей зимней оттепели или весеннего потепления хлеб, находившийся вне закрытого помещения, отсыревал, и его перевозка становилась чревата порчей. Оставлять такой хлеб до наступления тепла было недопустимо. Из-за невозможности организовать своевременный вывоз под навесами остались зимовать миллионы пудов овса и пшеницы. Попытка их вывоза весной привела к тому, что зерно в дороге начинало гореть. Столкнувшись с несколькими такими прецедентами, уполномоченный по заготовкам хлеба для армии в Сибири принял решение подвергать зерно вторичной просушке. Данная операция увеличивала его стоимость на 12 коп., т.е. примерно на

⁴ Российский государственный исторический архив. Ф. 456. Оп. 1. Д. 291. Л. 176–177.

12–15%⁵. К тому же объем средств, которыми располагали уполномоченные для организации сушилок, оказался невелик. Их удалось построить несколько десятков, но маломощных, совокупная производительность которых при круглосуточной работе не превышала 3 млн пудов зерна в месяц. Данная операция стала новым узким местом, ограничивающим отправку. Более того, нередко требовалось переместить зерно с места хранения под навесами и брезентами к ближайшей функционирующей сушилке, а затем опять складировать его в ожидании свободных вагонов. Естественно, в первую очередь старались отправить зерно из открытых хранилищ. Поэтому заложенные в стационарные склады и пакгаузы в начале осени запасы хлеба так и остались в значительной части нетронутыми до поздней весны и все вновь заготовленное зерно опять складировали под навесы и брезенты. Часть заготовленного для армии хлеба спустя месяцы спасали от гниения, спеша раздать на корм скоту⁶.

В 1915 г. правительством совместно с общественностью была разработана программа строительства сети элеваторов вдоль железных дорог. Кооперация и частные предпринимательские организации готовы были строить, но только на казенные средства, так как не обладали необходимыми собственными капиталами. Не раз намечавшееся строительство приходилось откладывать из-за отсутствия инвестиций. За годы войны из десятка запланированных элеваторов удалось ввести в строй только два небольших в Кургане и на ст. Лебяжья общей емкостью 500 тыс. пудов зерна, что не могло существенно изменить ситуацию [1, с. 140–143].

Ситуация с хранением заготовленного зерна на протяжении Первой мировой войны не изменилась. Его принимали сырым и успевали просушить только небольшую часть, заранее зная, что при задержке с вывозом овес и пшеница, скорее всего, начнут портиться. Но в 1916 г. и особенно в 1917 г. ухудшение работы железных дорог только усугубило и без того тяжелое транспортное положение. Очереди на вывоз хлеба на станциях возрастали, к вывозу предъявлялся хлеб неудовлетворительного качества.

Мукомольные предприятия Западной Сибири в годы войны функционировали с полной отдачей. Но они были рассчитаны на обработку внутрисибирского товарного хлеба. Поэтому, переключившись частично на обслуживание вывоза, они не могли на него кардинально повлиять. Три четверти хлеба вывозилось в зерне. Часть зерновой продукции вывозилась для размола в города Южного Урала. Дальнейшему развитию сибирского мукомолья препятствовал недостаток зернохранилищ в местах размола. Имевшиеся при крупных мельницах склады не позволяли накапливать

⁵ Там же. Л. 229 об.

⁶ Там же. Д. 294. Л. 106.

большие запасы зерна. За годы войны не удалось построить ни одной крупной мельницы в Сибири. Правда, когда в 1917 г. заготовки хлеба пошли на спад, мукомольная промышленность стала работать с неполной загрузкой, а многие мельницы остановились из-за отсутствия сырья [2, с. 17].

В годы Первой мировой войны стала очевидна порочность шестнадцатилетнего сдерживания вывоза хлебных ресурсов из Сибири. За это время производственный цикл зернового хозяйства полностью деформировался. Сибирская мукомольная промышленность обладала мощностями, необходимыми лишь для помола зерна местного потребления. Попытка нарастить вывоз муки привела к перебоям в снабжении ею городского населения Сибири. Без кардинальной модернизации мукомольного производства, расширения его сети, увязки переработки с местами хранения зерна, организации элеваторной просушки нельзя было рассчитывать на рациональное использование потенциала зернового хозяйства Сибири. А между тем, правильная организация зернового хозяйства Сибири позволяла весьма существенно нарастить объем производимых излишков.

События гражданской войны и тяжелый затяжной кризис в аграрной сфере в начале 1920-х гг. надолго отдалили намеченные мероприятия по развитию инфраструктуры обслуживания зернового рынка. После окончания гражданской войны в Сибири был сформирован макрорегиональный орган управления – Сибревком. В его структуре до 1924 г. действовал Сибирский продовольственный комитет, подразделениями которого являлись хлебофуражный отдел и отдел зернохранилищ. В 1920/21 г. продовольственные органы Сибири заготовили 67,4 млн пудов хлеба. Вывоз составил 25 млн пудов. В следующий заготовительный год было заготовлено 35 млн пудов хлеба, вывезено 20 млн пудов, а в 1922/23 г. государственная заготовка составила 29 млн пудов. [6, с. 109, 112].

Такое сокращение при серьезнейшей нехватке хлеба в распоряжении советской власти и остроте продовольственного вопроса являлось закономерностью. Не располагая никакими средствами, хлебофуражный отдел не мог организовать государственное управление всеми местами хранения и переработки зерна. Мелкие мельницы и амбары не подлежали национализации. Но зато отдел продовольствия возложил на волостные органы обязательства по учету, хранению и своевременной транспортировке хлеба к местам вывоза⁷. У советского сибирского руководства была установка – не оставлять хлеб на хранение, а прямоком с места заготовки доставлять до потребителей. Причина очевидна: за годы войны зернохранилища не ремонтировались, и хранить хлеб стало негде. В крайнем случае, его приходилось складировать под теми брезентами, что закупали еще 6 лет назад при

⁷ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 75. Л. 5–5 об.

царском правительстве. Например, план разверстки по Семипалатинской области составил 6 млн пудов, а зернохранилища могли принять не более 500 тыс. пудов. Остальное можно было заготавливать только прямиком в вагоны⁸. На практике, конечно, реализовать такой способ оказалось невозможно. Продовольственные органы на местах конфисковали и приспособляли под хранение зерна все сколько-нибудь пригодные помещения и амбары, включая «кулацкие». Срочно сооружались дополнительные навесы и настилы⁹. Убыль хлеба от порчи и потерь при перевозке была колоссальная.

После Гражданской войны произошла архаизация системы заготовок и хранения хлебных продуктов. Едва наладившаяся практика соблюдения кондиций и сортования ушла в прошлое. Полноценное долговременное хранение хлеба без потери качества могло осуществляться в очень скудном объеме. Сибирь продолжала поставлять на общероссийский рынок необработанную хлебную продукцию. Вернуться к вопросу о создании современной инфраструктуры зернового комплекса удалось только во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. в рамках уже совершенно другой, не рыночной модели сельского хозяйства.

Литература

1. *Бочанова Г.А.* Обработывающая промышленность Западной Сибири. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 1978.
2. *Брунковский В.* Положение мелкой мукомольной промышленности // Сибирский агроном (Омск). 1919. № 2.
3. Казенные зернохранилища и продовольственное дело за Уралом. Пг., 1915.
4. *Огановский Н.П.* Народное хозяйство Сибири: эпизодический курс лекций. Омск, 1921.
5. Продовольственный вопрос в Сибири. Пг., 1916.
6. *Рынков В.М., Ильиных В.А.* Десятилетие потрясений. Новосибирск, 2013.
7. *Самсонов В.* Сибирь как источник продовольствия. Ново-Николаевск, 1921.
8. *Свешников Н.А.* Экономика Сибири в период империализма. М., 1975

⁸ Там же. Д. 102. Л. 11–12 об.

⁹ Там же. Л. 109–109 об.

Переселение крестьян северных губерний России на Дон в 1919 г. как элемент «рассказачивания»

Рассматриваются проблемы, связанные с процессом рассказачивания в годы Гражданской войны в России. Анализируются вопросы аграрного перенаселения северных губерний в контексте переселенческой политики Советской власти.

Ключевые слова: крестьянство, казачество, переселение, аграрное перенаселение, Гражданская война, Европейский Север России.

Как правило, начало политики рассказачивания историки связывают с циркулярным письмом (секретной директивой) Оргбюро ЦК РКП(б), адресованным партийным организациям Дона и Приуралья, – «Ко всем ответственным товарищам, работающим в казачьих районах» от 24 января 1919 г.

«Последние события на различных фронтах в казачьих районах – наши продвижения вглубь казачьих поселений и разложение среди казачьих войск – заставляют нас дать указания партийным работникам, о характере их работы при воссоздании и укреплении Советской власти в указанных районах. Необходимо, учитывая опыт гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути здесь недопустимы. Поэтому необходимо:

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

2. Конфисковать хлеб и заставлять ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам.

3. Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организуя переселение, где это возможно.

4. Уравнять пришлых «иногородних» к казакам в земельном и во всех других отношениях.

5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у которого будет обнаружено оружие после срока сдачи.

6. Выдавать оружие только надежным элементам из иногородних.

¹ Саблин Василий Анатольевич, доктор исторических наук, Вологодский государственный университет, Sablin@inbox.ru, Россия, г. Вологда.

7. Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка.

8. Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания.

ЦК постановляет провести через соответствующие учреждения обязательство Наркомзему разработать в спешном порядке фактические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли»².

Исследователи обращают внимание на крайне враждебную по отношению к казакам тональность циркулярного письма. Особо следует обратить внимание на последнее требование директивы, адресованное народному комиссариату земледелия и касающееся переселения бедноты на казачьи земли. «Колонизация» Дона рассматривалась как важнейший элемент политики расказачивания. Даже после того, как вспыхнуло восстание на Дону и власти приостановили реализацию указанного выше циркуляра, вопрос о переселении части рабочего населения голодающего Центра в южные губернии не был снят с повестки дня. Более того, он уже 3 апреля 1919 г. обсуждался на чрезвычайном заседании пленума Московского Совета. В резолюции, составленной В.И. Лениным, было написано: «двинуть возможно больше сил из голодных городов на сельскохозяйственные работы в деревни – на огороды, на Украину, на Дон и т.п., для усиления производства хлеба и других сельскохозяйственных продуктов» [3, с. 260].

24 апреля 1919 г. был принят декрет СНК РСФСР «Об организации переселения в производящие губернии и в Донскую область» [1, с. 97–99] основной целью которого объявлялось облегчение «тяжелого продовольственного положения крестьянского и рабочего населения северных губерний Республики и организация сельского хозяйства в местностях, пострадавших от восстания белогвардейцев»³.

30 апреля 1919 г. при Наркомземе была создана Межведомственная комиссия по организации переселения, включавшая в себя, согласно требованиям Декрета от 24 апреля 1919 г., представителей комиссариатов: военного, путей сообщения, ВСНХ, продовольствия, здравоохранения, внутренних дел, земледелия и Центральной коллегии о пленных и беженцах (Центропленбеж) [2, с. 98], которой было разработано «Положение о колонизации Донской области»⁴. Согласно тому же Декрету, на «расходы по перевозке и устройству переселенцев» был выделен сверхсметный кредит в сумме 10 млн руб. [1, с. 94]. Весь ход переселения должен был осуществ-

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 177–178.

³ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 267. Оп. 1. Д. 366. Л. 73.

⁴ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 108. Оп. 1. Д. 14/184. Л. 114.

вляться в соответствии с «Положением о колонизации Донской области», утвержденным 30 апреля 1919 г., и «Правилами перевозки по железным дорогам нуждающегося в продовольствии населения северных губерний в Донскую область»⁵.

Для колонизации Дона полагалось привлекать «стойкий, надежный и активный элемент» из городской и сельской бедноты. Для переселенцев были созданы 3 сборных пункта: в Петрограде (Варшавский вокзал), Вологде и Москве (Брянский вокзал)⁶. Планировалось создать в г. Козлов центральный распределительный пункт, с которого переселенцы должны быть перемещены на разгрузочные пункты, ближе к местам расселения.

20 мая 1919 г. последовало предписание Совета Обороне Гражданскому управлению Реввоенсовета Южного фронта принять «самые срочные меры к расселению на Дону направляемых в ближайшие дни до двадцати тысяч переселенцев. Ответственность за выполнение этого поручения возлагается на Гражданское управление Юж[ного] фронта и состоящую при нем Переселенческую организацию» [1, с. 501].

В этот же день губземам Москвы, Смоленска, Твери и Рязани было предписано приступить немедленно к формированию «в целях прочной колонизации [Донской. – В.С.] области партий стойкого контингента переселенцев, преимущественно деревенской бедноты, членов сельских коммун, товариществ, сочувствующих ведению хозяйств на коллективных началах» [1, с. 501].

В течение мая Ленин направил множество телеграмм Л.Д. Троцкому, Л.Б. Каменеву, А.Г. Белобородову, С.П. Серее, А.В. Луначарскому, Г.Я. Сокольникову, А.Л. Колегаеву, Т.С. Хвесину и др., в которых строжайшим образом требовал подавить восстание казаков и ускорить переселение в Донскую область граждан из других губерний. «Двиньте энергичнее массовое переселение на Дон», – телеграфирует он в Кострому Луначарскому. В Реввоенсовет Южного фронта Колегаеву: «Не понимаю, почему не выписываете больше рабочих и переселенцев на Дон». От Сокольникова требует подавить восстание и одновременно изо всех сил налечь «на переселение на Дон из неземледельческих мест для занятия хуторов, создания respective (соответственно) укрепления тыла и прочее» [4, с. 313, 314, 316].

Решения Москвы о переселении на Юг нашло поддержку среди крестьянства. Дело в том, что примитивная мобилизация земли, осуществляемая посредством «черного передела» 1917–1919 гг., не только не решила проблему подъема крестьянского производства, но и усугубила в потребляющей полосе России вопрос аграрного перенаселения. Возродившаяся

⁵ Там же.

⁶ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1735. Л. 33 об.

повсеместно крестьянская община понижала подвижность населения. Отрезая землю у одних и передавая другим, она создавала лишь иллюзию решения проблемы народонаселения и медленно, исподволь готовила кризис перенаселения, который подкрадывался к крестьянству, по выражению Б.Д. Бруцкуса, «яко тать в ноши».

Задыхаясь от малоземелья, деревня уже в 1918 г. стихийно вовлекалась в переселенческий водоворот. В.В. Кабанов писал о 175 тысячах переселенцев и ходоков, проследовавших в этот год за Урал [2, с. 94]. По инициативе Главного переселенческого управления, 104603 человека подверглись анкетному опросу с целью выяснения места их прежней оседлости и причин выселения. Доля жителей северных губерний среди них была сравнительно невелика – 0,6% из Олонецкой и 0,5% из Вологодской губернии⁷. По нашим подсчетам, это примерно 1151 человек (628 из Олонецкой, 523 из Вологодской губерний). Основу составляли переселенцы центральных губерний.

К концу 1918 – началу 1919 г. еще одним «стимулом» к переселению стал голод, охвативший северные губернии Европейской части России. Еще 25 января 1919 г. руководство Олонецкой губернии обратилось в губземотделы Тамбовской, Саратовской, Самарской, Вятской, Воронежской, Тульской, Астраханской, Уфимской, Казанской, Минской и Нижегородской губерний с телеграммой: «В губернии голод, можете ли принять часть трудоспособного населения для работ, обеспечивая продовольствием, и этим избавить часть населения от катастрофы. Если можете, то в каком количестве и на каких условиях. Просим ответить телеграммой»⁸. Петрозаводск получил ответ из Саратовской, Воронежской и Минской губерний, согласившихся принять 560 человек. Причем Минск согласен был трудоустроить только рабочих (30 плотников и 30 землекопов)⁹.

Обстановка «безхлебицы» и голода была чревата социальным взрывом. Причем не только в Карелии. Тяжелое положение с продовольствием сложилось в Вологодской и Северо-Двинской губерниях. Вологодская и Северо-Двинская губернии в придачу ко всему вынуждены были принять переселенцев из Архангельской губернии, бежавших от Белой власти, установившейся там 2 августа 1918 г. Не случайно, еще до опубликованного декрета о переселении на Дон, комиссия коллегии НКВД по эвакуации голодающего населения Архангельской губернии в заседании от 11 апреля 1919 г. приняла решение переселить архангельских крестьян в Астраханскую и Самарскую губернии. Для этих целей на имя уполномоченного Архангельского губисполкома в Сольвычегодск переводится 1,5 млн руб.

⁷ Там же. Д. 1727. Л. 9 об., 10.

⁸ НАРК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 84/87. Л. 31.

⁹ Там же. Д. 14/184. Л. 69.

По плану эвакуации беженцев предстояло отправить по маршруту Котлас–Вятка–Самара. Эвакуационная база создавалась в Сольвычегодске Северо-Двинской губернии¹⁰.

По плану колонизации Донской области в 1919 г. число переселенцев должно было составить 30 тыс. человек из 12 губерний потребляющей полосы, в том числе из Петроградской губернии – 4 тыс., Костромской – 4 тыс., Олонецкой – 2 тыс., Псковской – 2 тыс., Новгородской – 2 тыс., Смоленской – 2 тыс., Вятской – 2 тыс., Череповецкой – 3 тыс., Вологодской – 2 тыс., Тверской – 2 тыс., Московской – 3 тыс., Рязанской – 2 тыс. человек¹¹.

На самом деле желающих переселиться было значительно больше – в одной Олонецкой губернии около 5–6 тыс. чел.¹² В Северо-Двинской губернии число потенциальных переселенцев составило порядка 4,5 тысяч. Готовы были покинуть места оседлости крестьяне Архангельской и Вологодской губерний. Как правило, основу переселенцев составляли бедняцкие слои деревни [5, с. 83].

24 мая 1919 г. в Петрозаводске состоялось совещание с участием представителя Наркомзема по переселению на Дон. Было отмечено, что наряду с 5–6 тыс. голодающих крестьян готовы переселиться на Юг до 1,5 тыс. человек с Мурманской железной дороги, уволенных из-за отсутствия работы. Было решено сформировать несколько переселенческих партий для отправки их в Петроград по железной дороге. В Лодейном Поле создавался временный остановочно-перевалочный пункт. Переселенцы из Пудожского и Вытегорского уездов добирались до Лодейного Поля водой. Переселенцы из Каргопольского уезда должны были следовать по Архангельской железной дороге до сборного пункта в Вологде. Судя по источникам, Каргопольскому уездному земельному отделу весьма оперативно удалось наладить довольно эффективную систему оповещения, сбора переселенцев и их отправки отдельными партиями в Вологду¹³.

На совещании было решено, что «в колонизационных целях» в первую очередь на Дон следует отправлять сельское население, во вторую – рабочих, в третью – «едущих исключительно с продовольственной целью».

Одновременно с принятым решением, было отмечено, что «выселение из пределов губернии голодающего населения на юг нельзя рассматривать как положительное разрешение экономического вопроса в Олонии, экономическая отсталость которой имеет своей первопричиной безлюдье – ныне усугубляемое»¹⁴.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1766. Л. 5.

¹¹ Там же. Д. 1738. Л. 32.

¹² Там же. Д. 1787. Л. 65; НАРК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 14/184. Л. 121.

¹³ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1735. Л. 33.

¹⁴ НАРК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 14/184. Л. 121–122 об.

31 мая 1919 г. Олонецкий губземотдел на нужды переселения выделил Петрозаводскому уезду 15000 руб., Вытегорскому – 40000 руб., Пудоожскому 20000 руб., Лодейнопольскому – 15000 руб., Олонецкому – 20000 руб.¹⁵

2 июня 1919 г. при переселенческом отделении Вологодского губернского земельного отдела было созвано совещание представителей Управления службы движения Вологодского отделения Северной железной дороги, Архангельского и Вологодского губземотделов, Архангельского и Вологодского губернских продовольственных комитетов, председателя Вологодского Губпленбежа (губернской коллегии о пленных и беженцах) и сотрудников других заинтересованных организаций. Совещание приняло конкретный план переселения нуждающегося населения двух губерний¹⁶.

Начавшееся на юге наступление белых армий заставило Совнарком прекратить все работы по переселению. В начале июля 1919 г. последовало соответствующее распоряжение¹⁷. Вследствие этого число всех переселившихся было вполтину меньше планируемого. На Вологодском сборном пункте с мая по июль 1919 г. было зарегистрировано 1043 переселенца¹⁸. Через Москву на Дон и в южные губернии в мае–июле 1919 г. отбыло 8 маршрутных поездов с 9451 переселяющимся. Первый поезд с переселенцами проследовал через Москву 22 мая 1919 г. в 12 часов дня. Проезжавших на Дон приветствовал сам В.И. Ленин, призвавший их к дружной работе на Дону¹⁹.

Отправка маршрутных поездов с переселенцами согласно Декрету СНК от 24 апреля 1919 г.²⁰

№ поезда	Дата отправки из Москвы	Место выхода переселенцев	Численность (чел.)	Пункт назначения
I	23 мая	Петроград, Череповецкая губерния	1012	на Дон
II	25 мая	Вологодская, Олонецкая и др. губернии	442	ст. Серябряково Донская область. Тамбовская губерния
III	6 июня	Северные губернии	658	–
IV	27 июня	Тверская губерния	1663	–

¹⁵ Там же. Л. 136.

¹⁶ ГАВО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 386. Л. 40.

¹⁷ Там же. Л. 86.

¹⁸ Там же. Л. 99.

¹⁹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1735. Л. 35

²⁰ Там же. Д. 1735. Л. 34, 35; Д. 1759. Л. 16, 19, 30, 46, 48, 67, 68, 74, 78, 83, 85, 108, 120, 127, 131, 132, 168.

V	21 июня	Северные губернии	1806	Вольск Саратовской губернии
VI	5 июля	Петроград	1666	Пензенская губерния
VII	7 июля	Череповецкая губерния	1366	Козлов Тамбовской губернии
VIII	18 июля	Петроград	838	Елабуга Казанской губернии
Всего			9451	

Преращение переселения заставило местные власти озаботиться судьбой переселенцев, находившихся к этому времени на сборных пунктах. В Вологде по данным на 7 июля 1919 г. вынужденно находились 204 человека (100 мужчин и 104 женщины). Все они являлись крестьянами. Было принято решение «произвести временное распределение их по советским и коллективным хозяйствам» в Вологодской губернии²¹. Не менее драматичной оказалась судьба переселенцев, отправленных на Дон первым эшелоном. 20 октября маршрутный поезд возвратился в Петроград. Из 1012 переселенцев на Дону остались лишь 50 человек. В Петроград вернулись 77 человек²². Судьба остальных, видимо, никогда не будет известна.

Подводя итоги вышесказанному, подчеркнем, что переселенческая политика 1919 г. большевистского режима применительно к Дону не учитывала интересов принимающей стороны. Более того, она была идеологически окрашена и носила антиказацкий характер: колонизация края русскими планировалась, в первую очередь, за счет ущемления местного населения, так как землю колонисты должны были получить «из свободных избытков в станичных наделах», в угодьях Войска Донского и в бывших поместьях по местным земельным нормам и правилам. Основной формой колонизации должно было стать «приселение» преимущественно в большие станицы. На первых порах местные органы должны были снабжать переселенцев продовольствием²³. С другой стороны, в отношении крестьян северных губерний эта политика также имела политический контекст. Власть, организовав переселение, не могла не знать о его последствиях для колонистов. В условиях Гражданской войны переселение мирного населения в эпицентр казачьего восстания сродни авантюре. Прикрываясь заботой о голодающей и перенаселенной северной деревне, власть попросту жертвовала переселяемыми крестьянами в угоду своим политическим интересам.

²¹ ГАВО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 386. Л. 99.

²² РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1735. Л. 38–38 об.

²³ Там же. Л. 73.

Решить проблему с избыточным населением на Европейском Севере могла внутренняя колонизация региона, либо восстановление городской экономики, но на это требовались огромные государственные инвестиции, а главное, развитие транспортной и хозяйственной инфраструктуры. В то же время разработанные ранее масштабные проекты колонизации самого региона оказались не востребованы.

Литература

1. Декреты Советской власти. Т. V. М. 1971.
2. *Кабанов В.В.* Без альтернатив (пути и бездорожье аграрного развития России: век XX до коллективизации) // Крестьянское хозяйство: история и современность. Вологда, 1992. С. 85–103.
3. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 38. М., 1965.
4. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. М., 1965.
5. *Саблин В.А.* Демографические изменения в деревне Европейского Севера России за годы Гражданской войны // Сельское расселение на Европейском Севере России. Межвузовский сборник научных трудов. Вологда, 1993. С. 77–92.

Крестьянская семья в интерьере советской эпохи

В статье рассматриваются практики выживания крестьянской семьи в кризисных условиях эпохи войн и революций, коренной ломки социально-экономических отношений и нравственных идеологем первой половины XX столетия.

Ключевые слова: революции, коллективизация, голод, воспоминания ветеранов, практики выживания, крестьянская семья.

Определение концепций повседневности как мира жизни людей подразумевает не только материальные условия их существования, но и способы социализации в различных условиях окружающей среды. В связи с этим необходим комплексный подход, базирующийся на анализе, как социокультурного пространства, так и данных экономической истории, исторической географии и демографии. В то же время политический процесс определяет базовые основания поведения людей, средств и методов их приспособления к меняющейся действительности.

Исследование истории на микроуровне не исключает, а наоборот, увеличивает возможности всех современных наук о человеке. Ф. Бродель, классик междисциплинарного подхода к истории, теоретически обосновал именно на уровне микроанализа данные таких наук, как антропология, география, демография, культурология, политология, политэкономика, психология, социология, этнология [6, с. 40]. Добавим к этому, что для объяснения поведенческой линии человека, норм и аномалий в его повседневной жизни историку необходимы знания в области правоведения, религиоведения, этики и эстетики в разные исторические эпохи. Все это дает возможность понять письменный источник и выяснить, что он может сообщить, а на какие вопросы ответа не имеется. Материалы устной истории, при всей их субъективности, могут расширить информационное пространство минувших времен. В изучении реальной истории образа жизни людей они дают возможность понять мотивацию их действий. Кроме того, рассказы простых людей, рядовых обывателей, современников событий возвращают исследователей к самому предмету социальной истории – человеческой деятельности во времени и пространстве.

В настоящее время и отечественные, и зарубежные историки не отрицают вариативности и, как следствие, субъективности не только своих суждений и выводов, но и источников, на которые они опираются [1, с. 7, 8]. И действи-

---

¹ Кабытова Надежда Николаевна, доктор исторических наук, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, don.kabytov2012@yandex.ru, Россия, г. Самара.

тельно, информация источников не является прямой, она – продукт рефлексии и социальной практики людей с их идеологическими, нравственными, даже эстетическими установками. В связи с этим, первичный субъективизм различных мемуаров, эпистолярных источников, воспоминаний, как письменных, так и устных, материалов анкетирования позволяет, в определенной степени, критически оценивать не факты, а их интерпретацию властными и общественно-политическими структурами. Таким образом, субъективизм официоза и субъективизм индивидуального восприятия высветят разные грани одного и того же предмета, приближающего нас к действительному, а не мифологизированному объяснению сложных и многогранных исторических явлений.

Демографические процессы довольно объективно отражают особенности той или иной исторической эпохи. Исторические источники, характеризующие поведение различных социальных страт в экстремальных условиях, разнообразны – от бесчисленного множества письменных документов до материалов устной истории и предметов материальной культуры. В то же время на многие документы советской эпохи распространялся гриф секретности. Революции и войны, индустриализация и коллективизация – все эти глобальные события во многом мифологизированы и требуют дополнительного и тщательного исследования.

Первая половина XX столетия в истории нашей страны изобилует трагическими изломами судеб людей, втянутых в водоворот переломных событий. На протяжении полувекового периода (короткого по историческим меркам) наша страна пережила процесс перехода от традиционного общества к модернизированному «по-советски». Знаковыми явлениями этого процесса были: Российская революция и гражданская война 1917–1920 гг.; «Великий перелом» рубежа 1920-х – 1930-х гг.; две мировых войны – Отечественная 1914–1917 гг. и Великая Отечественная 1941–1945 гг.; страшные голодные годы (1921, 1933, 1947). Люди, пережившие эти события, испытывали колоссальные перегрузки, а их поведенческие реакции свидетельствуют об особой жизнестойкости и самоотверженности народа.

На примере из жизни большой крестьянской семьи моего деда Панарина Дмитрия Филипповича (1884–1956) и Панариной (Коростиной) Анастасии Степановны (1883–1976), родивших и воспитавших десять детей, будут представлены штрихи народных судеб. Они проживали в селе Заплавное Борской волости Бузулукского уезда Самарской губернии и в полной мере испытали все трагические перипетии российской истории.

В начале XX в. в России сформировались глубокие противоречия в социально-экономической, идейно-политической и духовно-нравственной сфере. Крестьянский мир их рассматривал через призму поземельных отношений,

стремясь в любой кризисной ситуации заявить о необходимости «черного передела». Попытки модернизации сельского хозяйства в ходе проведения столыпинской аграрной реформы не вызвали особого энтузиазма среди крестьян. Они занимали выжидательную позицию, оставаясь в общине и надеясь, в перспективе, на уравнительный передел частновладельческих земель. Семья моего деда в экономических экспериментах данного времени не участвовала. Во время Первой мировой войны в ней было 5 детей. В связи с этим глава семьи не был мобилизован на фронт, но трудовые повинности в тылу по земским разнарядкам исполнял добросовестно. Подобные мероприятия были достаточно обременительны для крестьян. В то же время они способствовали расширению кругозора, распространению оппозиционных настроений в деревне.

Несмотря на трудности военного времени, крестьяне вели размеренный, обусловленный циклами сельскохозяйственных работ, образ жизни. Мужских рук в большинстве хозяйств не хватало, но протестное движение сдерживалось надеждами на скорый мир и «справедливое» разрешение всех проблем [4, с. 90]. Все изменилось в 1917 году. Известие о падении самодержавия пробудило деревню к новой жизни.

Община как мирская организация крестьянства переживала возрождение в ходе революционного процесса. Она приобрела новое качество – выступила организатором общественно-политической жизни деревни. Организационно-хозяйственные функции схода домохозяев перестали быть ведущими на собраниях сельских обществ. С расширением состава сельских сходов, они превратились в стихийные или организованные митинги всего населения, где обсуждались актуальные общественно-политические вопросы. Крестьяне по собственной инициативе начали организовывать новые органы самоуправления, которые возрождали преданные забвению под давлением царской администрации общинные нормы и традиции. Они восстановили все звенья сельского самоуправления. На сельские сходы собирались все домохозяева, а не только десятинодворники (по 1 делегату от 10 крестьянских дворов), как это сложилось с введением института земских начальников. Сначала крестьянки-солдатки, а затем все женщины получили право участия в сельских собраниях [3, с. 65–66].

Для осуществления своих требований в революции крестьяне создавали общественные организации, избравшиеся на крестьянских сходах и съездах. Солдат-отпускников тыловых гарнизонов, как более грамотных и информированных, они выбирали в сельские исполнительные, земельные, продовольственные комитеты [3, с. 79]. Крестьяне собирались на сходы, рассуждали, за какую партию им голосовать на выборах в Учредительное собрание [3, с. 65]. Они обсуждали аграрные программы эсеров и большевиков

и не могли понять «хитрой механики» расхождений между ними. Откуда им было знать, что решая стратегические задачи в борьбе за власть, большевики изменили тактические установки, пропагандируя эсеровскую программу социализации земли. Поддержав на крестьянских съездах и собраниях советскую власть, сельские жители надеялись свободно трудиться на своей земле. Большевики, декларируя передачу земли в руки крестьян, обеспечили себе таким образом их поддержку в начале советского строительства.

Примечательно, как традиционалистские ценности встраивались в новые формы государственного механизма. Так, собрание села Коноваловка Борской волости Бузулукского уезда Самарской губернии 7 января 1918 г. обсудило вопрос об организации власти «в связи с государственным переворотом» и постановило: «признать власть Советов в лице всего трудового народа как в центре, так и на местах»². При этом сельский совет выбирали по нормам общинного представительства: «из каждой сотни как от мужиков, так и от женщин, которые имеют право голоса, должны выбрать по 2 представителя и таким порядком село Коноваловка разбивалось на 18 сот, т.е. участков, и оказалось 36 представителей, и влить из инвалидов-солдат 3 человек, 2 представителя от учительниц, 1 представительницу для организации культпросвет акции, 1 представителя от беженцев и всего получилось 43 человека делегатов <...> таким порядком назначен Совет сельских крестьянских депутатов <...> и вся власть крестьянским депутатам»³. Характерно, что крестьяне, выступая против продразверстки, тем не менее, поддерживали «советскую власть, но без коммунистов» [5, с. 260–262]. Иногда сельский сход принимал решение «всем обществом вступить в партию коммунистов-большевиков»⁴. Такая мимикрия из многочисленных «затей сельской простоты» свидетельствовала о попытках приспособиться к новой власти и получить от нее некоторое снисхождение.

В условиях Гражданской войны даже выжить было чрезвычайно сложно, а сохранить нейтралитет и вовсе невозможно. Даже не участвуя в воинских формированиях, повстанческих отрядах, крестьяне терпели притеснения и от красных, и от белых, и от зеленых с многочисленными оттенками [7, с. 264, 270]. Старший сын в семье Панариных, Яков, пропал без вести в 1919 г. Сведения о его судьбе отцу удалось раздобыть в г. Уральске, куда он ездил с обозом за рыбой в голодном 1921 г. Во время колчаковского наступления двенадцатилетний мальчик пас отцовских лошадей, которые были реквизированы. Опасаясь гнева отца, подросток присоединился к красноармейцам, был усыновлен командиром отряда, но умер от тифа в 1920 г.

² Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 5. Оп. 9, Д. 1110. Л. 1.

³ Там же. Л. 1 об.

⁴ Там же. Ф. 81. Оп. 1. Д. 329. Л. 11.

Окончание Гражданской войны не означало наступления социального мира в деревне. Начался процесс раскрестьянивания страны. Едва оправившись от страшного голода 1921 г., потихоньку восстанавливая хозяйство, зажиточные семьи и даже середняки, по разным причинам нанимавшие работников, были объявлены кулаками. Сменивший продрозверстку продналог рос опережающими возможности крестьянских хозяйств темпами. Это усиливало нагрузку на имущие категории хозяйств и способствовало только усилению критики в адрес властей.

Крестьяне в частушках горько-ядовито отразили нелепость ситуации, возникшей во взаимоотношениях народа и власти [2, с. 149]. Кратко и емко они определили дисбаланс в аграрном секторе экономики накануне коллективизации: «Хлеб мы сдали за границу, Яйца в коперацию, Налог хреном заплатили, На фиг – облигацию»⁵.

Великий перелом рубежа 1920–1930-х гг., как известно, стал широкомасштабной акцией, положившей начало раскрестьяниванию страны. Семья Дмитрия Филипповича Панарина избежала раскулачивания, так как во время большого пожара 1930 г. сгорело все их имущество. Его старший брат, Анисим Филиппович был раскулачен и выслан с семьей за Урал. Характерна его реакция на само это действие. Когда деда Анисима вели в сельсовет на сборный пункт, к нему подбежал местный активист – безлошадник с торжествующим криком: «Ага! Попался кулак!» На что тот ответил: «Я кулак, а ты – дурак! Я и в Сибири хозяйство справлю, а ты здесь пьяный под забором помрешь»⁶. Погорелец Дмитрий Филиппович вступил в колхоз только в 1934 г. и работал сторожем на колхозной пасеке.

Голодные годы (1921 и 1933) семья Д.Ф. Панарина пережила без потерь, благодаря изворотливости деда, ловкости подросших детей, питавшихся подножным кормом. Во второй половине 1930-х гг. старшие дети стали покидать родительский дом: вышла замуж и родила двоих детей Варвара; уехала за мужем в Марийский край старшая Мария; одна за другой отправились в Узбекистан младшая Мария (там вышла замуж за офицера Красной армии) и Анастасия (моя мама). Акилина (инвалид детства) и трое сыновей, которые учились в школе, оставались в семье. В 1939 г. Анисим Филиппович Панарин с супругой вернулись из ссылки в родное село, прожили недолго и скончались один за другим перед войной. Их повзрослевшие дети не стали возвращаться в разоренное родительское гнездо и связи с односельчанами не поддерживали.

⁵ Воспоминания Панариной Ольги Афанасьевны, 1902 г.р. / Н.Н. Кабытова – Архив автора.

⁶ Воспоминания Давыдовой (Панариной) Марии Дмитриевны, 1914 г.р. / Н.Н. Кабытова – Архив автора.

Величайшая боль и скорбь, равно как и героический подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. отразились в исторической памяти феноменом жизнестойкости и самопожертвования. Люди, пережившие войну, как и погибшие на ней, испытывали колоссальные перегрузки на фронте и в тылу. Боевые и трудовые подвиги во время войны обусловили великую победу, которая далась ценой невероятных усилий. Чрезвычайные условия военного времени, репрессивные нормы регулирования трудовых отношений порождали не только позитивные отклики, но и отдельные девиантные явления, жестко пресекаемые властью. Изучение форм и методов преодоления опасностей и угроз в экстремальных условиях позволяет выявить конкретный механизм формирования человеческого фактора в военно-оборонном потенциале страны. Крестьянские семьи стали основной базой для рекрутирования военных и трудовых ресурсов в годы войны.

Наши герои, подросшие дети семьи Панариных, были мобилизованы: кто на военный, кто на трудовой фронт. Сестры Мария и Анастасия вернулись из Коканда Узбекской ССР в с. Заплавное Борского района Куйбышевской области, где были мобилизованы на рытье окопов в Брянской области. Не доехав до места назначения, они вернулись назад, так как эта территория уже была занята немецкими войсками. После этого Мария трудилась в швейной мастерской, изготавливающей военное обмундирование. Анастасия, закончив краткосрочные курсы в школе механизации, всю войну работала на тракторе и комбайне в Борской МТС. Методы государственного принуждения и способы организации трудовой повинности она пережила в полной мере: ненормированный рабочий день, полуголодное существование, судебное преследование за 15-ти минутное опоздание на работу [8, с. 82].

Тыловая повседневность военного времени была исключительно тяжелой: большинство людей выживали в экстремальных условиях полуголодного существования, изматывающего интенсивного труда, не имея возможностей для отдыха и восстановления сил. Для иллюстрации приведу безыскусные рассказы – воспоминания моих родных, в которых повествования о том, как они работали в тылу, постоянно сопровождаются описанием бытовой стороны жизни, а также выявляют жесткие приемы принуждения к беспрекословному подчинению и трудовой дисциплине.

Пример моей мамы, Коростиной (Панариной) Анастасии Дмитриевны, 1920 г.р., в детстве и юности пережившей все катаклизмы суровой эпохи, яркое тому подтверждение. Самое яркое казуальное впечатление молодой девушки об этом периоде свидетельствует о методах государственного принуждения и способах организации всеобщей трудовой повинности в тылу. Вот ее рассказ: «Время было очень тяжелое. Есть было нечего. Мы

перебивались кое-как, работали с утра до вечера, а ночевать уходили домой, пешком за 8 км и возвращались к семи часам утра. Ели мы дома. Однажды мы с подружкой Маней опоздали на утреннее построение. Произошло это от того, что моя мама рано сварила затируху⁷, а мама Маняки не успела вовремя сварить затируху, проспала, наверное. Чтобы как-то выпутаться из этой ситуации и оправдаться перед начальством, я предложила подружке спрятаться в кабине комбайна и сказать, что мы здесь ночевали и не услышали побудку. Мы пробрались с заднего двора через дыру в штакетнике забора, ободрав руки-ноги в колючих кустах, и, только забравшись в кабину комбайна, тут же из нее выскочили на глазах обходившего технику начальства. На строгие вопросы: «Кто такие? Откуда? Почему не были на построении?» – мы попытались изложить свою легенду. Однако грозный окрик парторга, заявившего, что он видел, как мы уходили накануне вечером домой, сразу же прервал наш сбивчивый рассказ. Пришлось выкладывать истинные причины опоздания (не более 15 мин., единственный раз, но запомнилось на всю жизнь). Директор МТС (комиссованный по ранению фронтовик) склонен был пожурить и простить нас, но секретарь парткома (освобожденный от призыва в действующую армию по болезни) был непреклонен. На все резоны директора о том, что девушки молодые, проспали, с кем не бывает, парторг твердил одно: «Пусть идут работают; но все равно отдам под суд». А потом нас судили. В Борский райсуд нас вызвали прямо с работы. Судья была женщина – евреечка из эвакуированных. Она стала спрашивать нас об обстоятельствах дела – что, да как. Мы опять, чтобы ее разжалобить, завели свою песню о том, что ее «мамака вовремя сварила затируху, а Манякина – не успела, потому мы и опоздали, но совсем чуть-чуть, только на утреннее построение». Проникнувшись к нам сочувствием, судья сказала: «Ладно, девочки! Я вам назначу самое мягкое, из возможных, наказание – вычет 25% из заработной платы в течение полугода». Я была смелее моей подружки, а потому не удержалась и сказала: «Да хоть все 100% забирайте, нам все равно никакую зарплату не дают». Судья удивилась: «Как это так?». «Да вот так!» – ответила я».

До конца войны мама ударным трудом искупала свою провинность, затем вышла замуж за вернувшегося в родное село фронтовика, воспитала двоих детей и на работу в Борскую райбольницу вернулась, когда они подросли до отроческого возраста. Ветеран войны и труда – она постоянно повторяет: «Мы выжили потому, что работали от зари до зари не для себя, а для страны»⁸.

⁷ Затируха – затертая мелкими кусочками ржаная мука, сваренная в воде с добавлением лука, поджаренного на постном (подсолнечном или конопляном) масле, а чаще вовсе без масла.

⁸ Воспоминания Анастасии Дмитриевны Коростиной, 1920 г.р. / Н.Н. Кабытова – Архив автора.

А вот еще одна история из жизни моего дяди по материнской линии о том, как он попал на фронт. Панарин Василий Дмитриевич родился 27 декабря 1927 г. и летом 1943 г., после окончания школы-семилетки, был направлен в одну из школ ФЗО г. Куйбышева для овладения рабочей профессией. Здесь уже трудился на одном из военных заводов его средний брат, Панарин Петр Дмитриевич, 1925 г.р.; старший брат – Григорий Дмитриевич, 1923 г.р. воевал на фронте. Если их старшая сестра, моя мама, могла, пусть и совершая ежедневные шестнадцатикилометровые марш-броски, подпитываться хотя бы затирухой, то у младшего брата вообще не было никакого подспорья. Средний брат уже работал на номерном заводе Безымянкн, имел рабочую карточку, а младший на скудном ученическом пайке совсем оголодал. На некоторых предприятиях учеников вообще переводили на одноразовое питание. И вот однажды в ноябре 1943 г. Василий с товарищем украли буханку хлеба и, не имея опыта в воровстве, а может быть, по доносу были избиты в данном деянии, не успев отщипнуть и кусочка. В комнате общежития, где они жили, в тумбочке между кроватями друзей, во время обыска, произведенного администрацией, была обнаружена злополучная буханка. При повествовании об этом случае у дяди в глазах стояли слезы, но ни обиды, ни страха, а сожаления, что не удалось полакомиться хлебушком, который он намеревался разделить на всех обитателей комнаты (человек 30). Расправа над «малолетними преступниками» была быстрой; их заперли на ночь в холодном сарае, то есть осуществили предварительное заключение, а на другой день устроили выездное показательное заседание суда на предприятии. Всю ночь друзья отбивали атаки голодных крыс, явственно представляя ужасы грядущего наказания. Им предстояло заключение в исправительно-трудовые лагеря ГУЛАГа, но была альтернатива, которой не преминул воспользоваться мой дядя. От природы крепко сбитый, здоровый паренек прибавил к своему возрасту 2 года, заявив, что через месяц ему будет 18 лет, и попросил вместо лагерей отправить его на фронт. Паспортов в сельской местности не было, на справку из сельсовета, где был указан возраст, внимания не обратили, тем более что сам осужденный просился на фронт. Определен был молодой боец, как имевший судимость, в штрафной батальон одной из воинских частей, освобождавшей юго-западные районы Украины и территорию Венгрии. После тяжелого ранения в ногу весной 1945 г. и лечения в госпитале он возвратился на тот самый оборонный завод, где трудился в горячем цеху.

После смерти своего отца в 1956 г. Василий Дмитриевич вернулся в с. Заплавное (жить в городе с семьей фронтовику было негде), отремонтировал родительский дом, но надолго в нем не задержался. Хрущевские эксперименты в аграрном секторе экономики его не прельстили, и они

всей семьей уехали в г. Фрунзе Киргизской ССР, где оба с женой работали на заводе по переработке стратегического сырья. Выйдя на пенсию, дядя с женой вновь вернулись в Самарскую область, а их дочери, выйдя замуж, живут в ближнем (Кыргызстан) и дальнем (США) зарубежье.

Самая сложная и трагически героическая судьба постигла старшего сына семьи Панариных – Григория Дмитриевича, 1923 г.р., воевавшего на фронтах Великой Отечественной войны с 1942 по 1945 г. Он дважды был ранен: 24 июля 1943 г. – легко и 25 июня 1944 г. – тяжело. Скучные данные наградного листа свидетельствуют о том, что двое суток он вообще находился раненым в расположении войск противника и только после этого отправлен на лечение. Родные же получили похоронку и были уверены, что он убит 25 июня 1944 г. Благодаря рассекречиванию данных Министерством обороны РФ в соответствии с приказом № 181 от 08.05.2007 г. и созданию сотрудниками Центрального архива Министерства обороны электронной базы данных «Память народа» удалось проследить дальнейший боевой путь героя.

Возвратившись на фронт, Г.Д. Панарин воевал командиром отделения минометной роты 624 стрелкового полка 137 стрелковой Бобруйской дивизии 48 армии. 26 января 1945 г. в бою на территории Восточной Пруссии «т. Панарин героически отражал перешедшего в яростную контратаку противника. Находясь непосредственно в боевых порядках пехоты, он под ожесточенным огнем немцев мужественно и умело командовал своим расчетом, метким огнем поражая наседающих гитлеровцев <...>. В разгаре боя, разорвавшийся вражеский снаряд оборвал жизнь Советского героя»⁹. Эти строки Наградного листа ярко характеризуют жертвенность и неустрашимость простого русского парня, отдавшего жизнь за независимость Родины. Личный боевой подвиг Григория Дмитриевича Панарина был отмечен орденом «Красная звезда» на основании Приказа частям 137 стрелковой дивизии от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР. Он подавил три огневые точки противника и уничтожил 20 немецких солдат. Кстати, командир 624 стрелкового полка подполковник Громов считал, что «т. Панарин достоин ордена Отечественной войны 1-й степени»¹⁰.

Похоронен Г.Д. Панарин в Восточной Пруссии в деревне Эберсбах Морунгеского района Кенисбергского округа. После войны эта территория отошла к Польше, деревня была переименована в Старе Седлиска. Павшие

⁹ Наградной лист 31 января 1945 // Центральный архив Министерства обороны. Проект «Память народа» [электронный ресурс] – URL: http://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie22966237 (дата обращения: 1.10.2016).

¹⁰ Приказ о награждении частям 137 стрелковой Бобруйской дивизии 3 февраля 1945 г. № 194/н // Центральный архив Министерства обороны. Проект «Память народа» [электронный ресурс] – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-helovek_donesenie56126122 (дата обращения: 1.10.2016).

воины после войны были перезахоронены на сборном военном кладбище-мемориале в г. Бранево, в 18 км в северном направлении от первоначального места захоронения на территории Польши. Кладбище считается самым большим захоронением РККА в Европе. Там похоронили в 42 братских могилах 31365 советских воинов. Их фамилии на самом кладбище не увековечены, кроме некоторых памятных табличек, установленных семьями погибших. В настоящее время известны фамилии 4020 героев войны¹¹.

Анализируя судьбы крестьянских семей, втянутых в водоворот трагической российской истории XX века, отметим, что процесс раскрестьянивания был обусловлен как объективными, так и субъективными причинами. Не все из них оцениваются достаточно корректно. Исследователям и раньше было известно, что исторические источники, отложившиеся в архивохранилищах, сообщают далеко не все. Конечно, в ходе очередного этапа кризисного ритма российской истории источниковая база предыдущей «смуты» пополняется за счет рассекреченных документов. Однако источники личного происхождения, прежде всего, материалы устной истории, не могут быть заменены официозом делопроизводства. Воспоминания ветеранов войны и труда высвечивают новые грани известных событий. Они вполне репрезентативны, прежде всего, из-за личностных восприятий и интерпретаций глобальных исторических событий. Дух эпохи без свидетельств ее участников восстановить затруднительно. На их основе возможно изучение не только повседневной жизни людей. Они позволяют оценить морально-нравственные устои народа, рассмотреть социальные и этнопсихологические особенности поведения людей, объяснить их поступки. Наконец, возможно проследить, как власть использовала традиционные ценности народа для мобилизации ресурсов в ходе глобального переустройства общества и как люди приспосабливались к новым жизненным реалиям. Данные электронных ресурсов о Великой Отечественной войне качественно дополняют историческую память народа.

Литература

1. Аграрная история XX века: историография и источники. Самара, 2014.
2. Данилов В.П. О русской частушке // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2015. Вып. 10. М., 2015. С. 148–170.
3. Кабытова Н.Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года: Учебное пособие. Самара, 2002.
4. Кабытова Н.Н. Трансформация крестьянского социума в условиях войны и Великой российской революции // Российская деревня в XVIII–

---

¹¹ Информация о захоронении // ОБД Мемориал [электронный ресурс] – URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=86047827> (дата обращения: 1.10.2016)

XXI веках: социокультурное измерение : Сб. статей IX Международной научно-практической конференции. Оренбург, 2014.

5. *Кондрашин В.В.* Крестьянство России в гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009.

6. *Могильницкий Б.Г.* «Тотальная история» Фернара Броделя как опыт слияния макро- и микроподходов в историческом исследовании // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002. М., 2004.

7. *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

8. Российская повседневность: вторая половина XIX – начало XX века. М., 2009.

Эволюция взаимодействия крестьянского двора и коллективных хозяйств в 1920 – начале 1930-х гг.

В 1920-е гг. в деревне стали возникать разнообразные крестьянские коллективы и объединения в сугубо прагматических целях в рамках приспособления к политике государства. Партийное руководство было склонно усмотреть в этом тенденцию, что стало одним из факторов перехода к коллективизации.

Ключевые слова: крестьянство, коллективизация, колхозы, «лжекооперативы», адаптация.

В 1927 г. в колхозы было объединено 0,8% крестьянских хозяйств страны. В 1928 г. этот показатель возрос до 1,7%, чему, очевидно, способствовали и политическая риторика, и меры государственной помощи колхозам. В 1929 г. процент коллективизации крестьянских хозяйств достиг 3,9 [3, с. 310–311]. В этом уже можно было усмотреть тенденцию. Конечно, многое здесь объясняется простыми приспособительными реакциями крестьян на правительственную политику. Колхозы имели существенные льготы по налогообложению [4, с. 187], государство снабжало их качественными семенами, в первую очередь обеспечивало техникой, организовывало помощь со стороны участковых агрономов. В 1928 г. на нужды колхозов было ассигновано 60–65 млн руб., вдвое больше, чем в предыдущем году. И хотя колхозы не становились при этом крупными сельскохозяйственными предприятиями (в этом случае, по словам американского историка М. Левина, 60 млн рублей потребовалось бы на формирование основного капитала только одного колхоза), они начинали все больше привлекать бедноту, давая лучик надежды на крестьянское счастье [8, с. 283].

Однако у И.В. Сталина обнаружилось к 1928 г. большое желание рассматривать это как тенденцию. Об этом М. Левин писал еще в 1966 г. в своей знаменитой книге «Русские крестьяне и Советская власть» [8, с. 284]. Уже в феврале 1928 г. во время своей сибирской поездки Сталин, выступая перед местными партийными функционерами, чувствовал необходимость какой-то конструктивной программы и говорил о колхозах и совхозах. Сельскохозяйственная артель или колхоз еще со времен военного коммунизма ассоциировались в теории с развитием социалистических форм производства в сельском хозяйстве. В годы нэповского рынка было не до

¹ *Бабашкин Владимир Валентинович*, доктор исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, vbabashkin@ganepa.ru, Россия, г. Москва; *Гончарова Ирина Валентиновна*, доктор исторических наук, Орловский государственный университет, ira-irin-2013@yandex.ru, Россия, г. Орел.

теории. Теперь времена решительных действий власти по отношению к деревне возвращались, и потребность в теоретическом обосновании этих действий возрастала, – равно как и потребность теоретического разгрома «бухаринской» оппозиции. Приводимые ниже материалы ЦЧО позволяют лучше представить себе, какая деревенская реальность за всем этим стояла.

В 1920-е гг. были проведены первые советские эксперименты с формой организации крестьянского труда. В черноземной деревне, опустошенной войной, крестьянскими мятежами, нивелированной аграрной революцией, находящейся на пределе возможностей экстенсивного земледелия, создание колхозов являлось скорее импровизацией, нежели продуманной политикой.

Упоминания о первых коллективных объединениях встречаются в 1918 г. Мелкие организации с неопределенной специализацией решали не экономические, а социальные задачи, должны были поглотить маргинальные элементы деревни, появившиеся после Первой мировой войны. Количество коммун было незначительным. Например, в Орловской губернии в 1918 г. насчитывалось 56 коммун, в 1919 г. – 99, в 1920 г. – 44, в 1921 и 1922 гг. – 18, с 1923 по 1926 г. – 14, 17, 22 и 29 соответственно². Энтузиазм создания коммун падал по мере угасания революционных идеалов. С допущением рыночных отношений в период нэпа «в некоторых коллективах занялись торгашеством разного рода»³.

Малочисленность первых коммун (в среднем 3–8 чел.) позволила В.В. Кабанову сравнить их с традиционной формой временного крестьянского объединения внутри общины – супрягой [5, с. 76]. Под организацию колхозов отводилась бывшая помещичья земля. Она стала разменной монетой во взаимоотношениях большевиков с крестьянством. После национализации большевики объявляли передел помещичьих земель незаконным. Судьбой усадеб и их владельцев стали распоряжаться губернские и уездные земельные отделы. Поэтому среди создателей первых коммун, помимо бедняков, в начале нэпа были бывшие владельцы имений, мечтавшие сохранить родовые гнезда.

После общинной революции наделы крестьянских дворов резко сократились. Если двор участвовал в создании колхоза, он мог сохранить ту землю, которую использовал до революции, либо даже получить лучшие участки дворянской земли. Некогда малоземельные крестьяне Воробьёвы из Козловского района Тамбовской губернии, разбогатевшие на отхожих промыслах, в 1904 г. купили 40 дес. Чтобы уберечь свой участок от передела, они организовали в 1920 г. колхоз «Новый путь»⁴.

² Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1557. Л. 12.

³ Там же. Д. 1127. Л. 64.

⁴ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 2. Д. 109. М/ф.

Условия создания колхозов, предоставления земли, инвентаря и ссуд привлекали в колхозы предприимчивых крестьян гораздо эффективнее, чем чуждое российской глубинке представление о новом совместном быте. Земельное товарищество «Свободная жизнь», пользуясь льготами, как артель, купило все земельные постройки, находящиеся в усадьбе бывшего помещика Шеншина (усадьба поэта А.А. Фета), построило дома для каждой из 13 семей (118 чел.) и использовало по своему усмотрению 251 дес. земли, забыв про необходимость обобществления инвентаря, выборного совета и коллективной системы ведения хозяйства. Состав этого товарищества, отмечалось в губкоме, «был и раньше из крепких зажиточных мужичков, теперь кулацкий уклон»⁵.

Под «коллективизацией» в 1920-е гг. подразумевалось умение устроиться при новой власти. Косвенным доказательством этого является динамика колхозов черноземных губерний в 1920-е гг., которая повторяет колебания экономической ситуации в деревне. Допущение арендных отношений, развитие рынка вызвали устойчивый рост коллективов всех видов в 1925/26 г. по сравнению с 1924 г.: в Воронежской губернии – 117,9%, в Курской – 167%, а оголенная недородом орловская деревня сократила численность колхозов до 54,2%. По всем губерниям рост колхозов, несмотря на обрывочные статистические сведения, был зарегистрирован к 1928 г. По данным на 1 июля, в среднем по ЦЧО рост составил 174,6% по отношению к 1927/28 г.⁶ Это было связано с увеличением кредитования коллективных хозяйств. Примечательно, что к 1928 г. в социальном составе «колхозников» увеличилось количество зажиточных крестьян – с 5,5 до 12%⁷. В спецсводку ОГПУ за 1928 г. попало высказывание крестьянина Курской губернии о том, что колхоз организован «из кулаков и зажиточных» [7, с. 245].

С изменением аграрной политики колхозы оказались под пристальным вниманием власти. Первоначально колхозы находились в ведении сельхозкооперации и земельных органов, но, по сути, ими никто не занимался. С 1927 г. стали создаваться колхозобъединения: из форм крестьянской кооперативной самоорганизации колхозы превращались в контролируемые партийными и государственными органами объединения.

Партийные и кооперативные органы Орловской губернии должны были проделать огромную работу, чтобы «отсталые в своем развитии»⁸, часто карликовые организации из 5–6 дворов⁹, стали прологом коллективизации и демонстрировали ее выгоды крестьянству. Губернские органы власти не

⁵ ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1305. Л. 97.

⁶ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 2. Д. 34.

⁷ ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2044. Л. 65.

⁸ Там же. Л. 43.

⁹ По данным П.Н. Шаровой, в составе колхозов часто объединялись 10–15 дворов [11, с. 65].

располагали даже четкой статистикой по этому поводу – в конце 1927 г. по данным Селькредсоюза насчитывался 331 колхоз¹⁰, в отчетности губернского земельного управления говорилось о 259 колхозах¹¹. Скромными были показатели и по другим губерниям, вошедшим в ЦЧО: на 1 июня 1927 г. насчитывалось 889 колхозов, объединявших 12,5 тыс. (0,6%) крестьянских хозяйств и 57,3 тыс. га (0,6%) посевных площадей [11, с. 62].

Классовая политика в деревне и стремление властей превратить колхозы в образцовые хозяйства привели к увеличению кредитования (в 1926/27 г. в Орловской губернии колхозам было выдано 367 тыс. руб.), налоговыми льготам, снабжению техникой и инвентарем, ускоренному землеустройству, мелиоративным мероприятиям. Кредиты на фоне часто списываемой задолженности привлекали в колхозы «крепких мужичков». В социальном составе колхозников было 12% зажиточных, 40% середняков, остальные были представлены беднейшим крестьянством, использовавшим производственные кредиты для внутреннего потребления. Частым явлением были растраты. Так, Успенская коммуна распалась по вине ее председателя, бывшего помещика Казакова, который не смог погасить кредит на сумму 23 тыс. рублей¹².

Объединения ради использования государственных субсидий, в составе которых, как правило, были родственники, сохраняющие наделы параллельно колхозному участию, получили название «лжекооперативы». Местная власть объявила им войну, так же как и «диким» колхозам, «объединениям, живущим своей внутренней жизнью». Власти пытались их насильно вовлечь в кооперативную систему и закредитовать. Отношение же к кредитам далеко не у всех колхозников было одинаковое: многие видели в ней закабаление, а не помощь.

Но, несмотря на то, что «лжекооперативы» и «дикие» колхозы дискредитировали коллективный опыт, не они больше всего волновали власть. Все источники пестрят сообщениями: «степень обобщенности в коллективах слаба» и постоянно падает¹³.

Колхозы стремились самостоятельно участвовать в рыночных отношениях, продавать свою продукцию частнику. Вопреки планам власти, их влияние на окружающую деревню было минимальным и чаще негативным. В их адрес со стороны крестьян обрушивалась критика за неумелое хозяйство, пьянство, склоки. В целом, колхозы не отличались от округи, разве что более низким уровнем производства. Обследование Орловской

¹⁰ ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2037. Л. 32.

¹¹ Там же. Д. 1948. Л. 12.

¹² Там же.

¹³ Там же. Д. 2037. Л. 72

ГубРКИ констатировало падение товарности колхозов с 1926 по 1927 г. с 34 до 17%¹⁴. Инспекция констатировала и большую текучесть кадров, особенно в коммунах, состав обновился за 2 года 3 раза. Первые колхозы губернии оставляли много вопросов открытыми: что делать с детьми и стариками, содержать которых коллективу было очень тяжело; как установить ответственность и учет при подавляющей неграмотности; как уравнивать в правах мужчин и женщин – новое для традиционной ментальности явление. Но, пожалуй, самым болезненным вопросом касались распределения продукции. В последнем случае было множество вариантов – распределение по семьям, по едокам, по паям, по трудовому вкладу, по затраченному времени, по потребности и т.д.

В 1928 г. колхозы стали подвергаться чистке от «бывших». В отдельных уголках области эта процедура получила огромный размах. В докладе об обследовании колхозов и работы Губсельхозсекции бывшей Воронежской губернии от 6 ноября 1928 г. отмечалось, что в Россошанском уезде было вычищено 43,5% всех объединений¹⁵.

На восприятие колхозов различными социальными группами деревни огромное влияние оказывали не только крестьянские ожидания, но и внутридеревенские противоречия. При самостоятельном крестьянском объединении решающую роль играла имущественная идентификация. При насильственном объединении противоречия внутридеревенских отношений только усугублялись.

Председатель Колхозсоюза Орловского округа Егоров отмечал в «Кратком обзоре работ Колхозсоюза на 10 сентября 1928 г.» стремление крестьян с помощью колхозов подкрепить индивидуальное хозяйство. Поэтому при создании колхоза получалась «старая деревня на новом месте»: «Строят два дома на одном месте с двумя сенями, двумя амбарами <...> и заявляют, что дома выстроены коллективно, между прочим, при первой возможности они могут быть разделены»¹⁶.

Данные о масштабах колхозного движения в ЦЧО по разным источникам различаются. Во многом это было обусловлено тем, что сама область как административная единица образовалась в 1928 г., поэтому для ретроспективного анализа требовалось обобщить сведения отдельных губерний. В журнале «Хозяйство ЦЧО» в 1928 г. приводились следующие показатели колхозной динамики. В 1925 г. на территории будущей ЦЧО насчитывалось 1008 колхозов (83 коммуны, 405 артелей, 520 ТОЗов), объединивших 71217 чел., или 0,63% населения. К 30 сентября 1928 г. количество колхозов уве-

¹⁴ Там же. Л. 15.

¹⁵ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 34. Д. 2. М/ф.

¹⁶ ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2037. Л. 40–43, 89.

личилось до 2803 (92 коммун, 721 артель, 1990 ТОЗов), в них состояло 38000 хозяйств общей численностью 213000 чел., или 1,9% всего населения области [1, с. 43].

Колхозное движение в 1927 – начале 1929 г. в организационном плане характеризуется крайне незначительным охватом населения, текучестью кадров, неустойчивостью и колебаниями динамики. В хозяйственном плане колхозы были «карликовыми» объединениями, созданными в основном на государственной земле и оснащенными государственным капиталом. Большая часть колхозников была представлена нетрудоспособным населением в детском или преклонном возрасте. Среди трудоспособных преобладали незамужние женщины, что свидетельствует об успехах проводимой большевиками эмансипации и массовой работы среди женщин. Трудовой потенциал использовался не полностью. В организации труда не было системы и дисциплины.

Среди основных недостатков колхозов местная власть называла медленный темп обобществления производства, незначительные накопления неделимого капитала, отсутствие организационных планов и уравнительную оплату по едокам. Все это демонстрировало нежизнеспособность данных социалистических новообразований. Колхозники этого периода практически не выделялись из основной массы крестьян, были неграмотны и использовали примитивные агрокультурные методы. Среди них были распространены иждивенческие настроения, они постоянно апеллировали к государственной поддержке. Это при отсутствии ответственности за используемые государственные средства приводило к растратам и задолженности. Отсутствие прав собственности усугубляло кредитную несостоятельность.

Но большевики на первом этапе колхозного эксперимента стремились не столько к экономической самостоятельности хозяйств, сколько к их политической ангажированности. До 1928 г. колхозы могли (конечно, неофициально) реализовывать свой хлеб на рынке. В период «борьбы за хлеб» государство стало пресекать эту практику, колхозы должны были идти в авангарде хлебосдачи. Поддержка колхозного сектора стала напоминать государственные инвестиции в собственное производство. При этом абсолютно не учитывалось, что часть земли и капитала находилась в крестьянском пользовании. От этой правовой путаницы выигрывало только государство. Крестьяне, даже не разбираясь в тонкостях имущественных прав, понимали, что их псевдокооперирование оборачивается отторжением от средств производства.

После проведенной коллективизации в начале 1930-х гг. в организации производственного процесса двор как важнейший институт деревни продолжал играть существенную роль. На двор давался приусадебный участок,

на нем была возможность держать корову, и именно со двора собирались местные налоги и выполнялись обязательства по зернопоставкам. В начале 1930-х гг. приусадебные участки в ЦЧО были размером от 0,25 до 1 га, в отдельных случаях достигали 3 га. Часто приусадебную территорию засеивали зерновыми культурами, тогда они напоминали не подсобный огород, а индивидуальное зерновое хозяйство, обработке которого колхозники уделяли гораздо больше внимания, чем колхозным полям. Повсеместно приусадебные участки являлись основным источником снабжения колхозников овощами и продуктами животноводства. Это понимало руководство региона. И.М. Варейкис на II областной партконференции в июне 1930 г. подчеркивал: «Очень важен учет крестьянского двора как хозяйственной ячейки. Кто не учитывает этого – тот на данной стадии не наладит правильного отношения в колхозах и в распределении урожая. Нужно решительно выступать против теории установления полного и немедленного равенства в колхозах»¹⁷.

Поэтому вторым важным аспектом землепользования было стремление колхозников закрепить свои приусадебные участки. Статус клочков земли, которые большинству колхозников удалось оставить за собой, вплоть до принятия Примерного устава сельскохозяйственной артели в 1935 г. был не определен. Государство постепенно стало признавать значение личных наделов для сферы потребления в деревне. Приусадебные участки стали одним из инструментов выживания в колхозе, обеспечивая крестьянские семьи продуктами питания. Стремление крестьян во что-то бы то ни стало расширить размеры приусадебного участка Ш. Фицпатрик называет «фактической деколлективизацией» [10, с. 155]. В.А. Бондарев видит в этом признаки отступления советской власти на пути создания социалистического сектора в деревне [2, с. 299]. Для С.С. Маслова это было признанием несостоятельности колхозного движения: «Это свидетельство бедности колхозной системы коммунистов, которая должна кормить страну и не в состоянии прокормить производителя хлеба, тут знак тяжкого краха веры в универсальное и прогрессивное значение государственно-централизованного сельского хозяйства» [6, с. 235].

Новоиспеченные колхозы не сразу резко порвали с общинным прошлым. «Во-первых, колхоз часто территориально совпадал с прежней общиной и являлся ее непосредственным преемником как административная и организационная единица. Во-вторых, колхоз и община выполняли сходную функцию посредника в отношениях между крестьянами и государством. Особенно явно их сходство выражалось в том, что как община в течение полувека после крестьянской реформы несла коллективную ответственность

¹⁷ Там же. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 695. Л. 32.

по выкупным платежам, так и колхоз нес коллективную ответственность по выполнению обязательных заготовок» [10, с. 19]. При этом изгнание кулаков и присутствие в деревне пришлых организаторов из города разрывало преемственность ненадолго.

Адаптируясь к новым колхозным условиям, бывшие крестьяне выбирали своеобразный комбинированный способ жизнеустройства вне коллективных хозяйств: глава или некоторые члены семьи уходили на работу в город или совхоз, а оставшиеся в деревне занимались индивидуальным хозяйством. Созданные в начале 1930-х гг. колхозы были мало похожи на коллективные объединения периода нэпа.

Однако и к этим новым колхозам крестьяне имели все шансы приспособиться не менее успешно, нежели в нэповские 20-е гг. – несмотря на то, что колхозы теперь охватывали не малый процент населения деревни, а большинство его. Даже именно благодаря этому обстоятельству. Это очень остроумно обосновывает в одной из своих публикаций сибирский историк С.И. Толстов [9].

Литература

1. *Авилов А.* Коллективизация и кооперирование в связи с восстановительными кредитами // *Хозяйство ЦЧО.* 1928. № 2.
2. *Бондарев В.А.* Крестьянство и коллективизация: Многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополя в конце 20-х – 30-х годах XX века. Ростов-на-Дону, 2006.
3. *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.
4. *Данилов В.П.* Советская налоговая политика в доколхозной деревне // *Октябрь и советское крестьянство.* М., 1977.
5. *Кабанов В.В.* Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997.
6. *Маслов С.С.* Колхозная Россия. История и жизнь колхозов. М., 2007.
7. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2002. Т. 6.
7. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. М., 2015.
8. *Толстов С.И.* Крестьянская идентичность в колхозно-совхозной деревне Сибири // *Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация.* М., 2012.
9. *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы. Деревня. М., 2008.
10. *Шарова П.Н.* Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-черноземной области (1928–1932 гг.). М., 1963.

Демографические процессы в сельской России в 1917–1940 гг. в оценках ученых русской эмиграции

В статье показаны результаты исследований численности, динамики и структуры сельского населения Советской России, проведенных русскими экономистами в эмиграции.

Ключевые слова: демография, население, коллективизация, индустриализация, ученые-эмигранты.

Русские ученые, экономисты и аграрии, покинувшие Россию в 1920-х гг. в связи с революционными потрясениями и трансформацией общественного строя, внесли значительную лепту в развитие мировой научной мысли. Оказавшись в эмиграции, они продолжили научные изыскания, сумели обобщить разрозненные знания и исследования, а также данные статистики, касающиеся вопросов социально-экономического развития Советской России. Органично влившись в европейскую научную среду, русские экономисты создали своеобразный экспертный центр, деятельность которого в советский период не находила должного освещения по идеологическим причинам. Русский экономист Б.Д. Бруцкус так сформулировал миссию отечественных ученых в эмиграции: «Создать верную общую концепцию русского народного хозяйства и дать правильную оценку действующей системе есть обязанность, возложенная судьбой на нас, зарубежных экономистов. Только мы, свободные от тисков коммунистической цензуры, могли бы выполнить эту важную задачу, которой наши коллеги в России по внешним условиям своей работы надлежащим образом выполнить не в состоянии» [2, с. 408].

Центральным вопросом в исследованиях ученых русской эмиграции являлась динамика численности крестьянского населения и ее зависимость от состояния сельского хозяйства СССР. Жестко критикуя аграрную политику советской власти, ученые эмиграции предложили ряд альтернативных подходов к обсуждению экономических и демографических процессов в деревне.

Основной вклад в исследование демографических проблем сельского населения Советской России, безусловно, внес С.Н. Прокопович. Выдающийся экономист и статистик, он проделал обширную работу по сбору и анализу больших массивов информации о сельском хозяйстве и численности крестьянского населения в Советской России. Обладая бесспорным

---

¹ Берлов Артур Валерьевич, кандидат исторических наук, Военный Университет Министерства обороны Российской Федерации, Arberlov@mail.ru, Россия, г. Москва.

талантом анализа числовых данных, Прокопович обобщал разрозненные и подчас противоречивые показатели, публикуемые в советских экономических журналах и статистических сборниках. Экономический кабинет, созданный С.Н. Прокоповичем в Берлине в ноябре 1922 г. был настоящим аналитическим центром, объединившим усилия ученых-эмигрантов по исследованию Советской России.

Демографические процессы в России первой половины XX в. были неразрывно связаны с сельским населением, которое являлось доминирующей группой. По данным всеобщей переписи, проведенной в 1897 г., доля сельских жителей в Российской Империи составляла 86,6%². Первая половина XX в. в России стала эпохой невиданных по масштабам социально-экономических преобразований, революции, коллективизации, индустриализации, Гражданской и двух мировых войн. Глобальные исторические события оказали свое влияние на динамику населения, главным образом, сельского. Демографические процессы в стране являлись процессами трансформации крестьянской России в городскую цивилизацию, проходившими на фоне великих преобразований и катастроф. Этот процесс пришел к своему логическому завершению в 1950-е гг., когда в результате урбанизации доля сельских жителей стала составлять менее половины населения – 48%³.

Как указывал в своих работах С.Н. Прокопович, в России имела место проблема с площадью пахотных земель, характерная для большинства северных стран, таких как Канада, Финляндия или Швеция. При наличии огромной территории, площадь земель, предназначенных для сельскохозяйственного использования, была незначительной. Так, по данным на 1926 г. пригодными для сельскохозяйственной деятельности были только 5,3% территории СССР [3, с. 35–37]. Низкая доля пригодных для пахоты земель была обусловлена высоким процентом северных территорий с холодным климатом и низкой плодородностью почв. Рост населения, в основном сельского, приводил к парадоксальной ситуации, когда территории много, но площадь пригодных сельхозугодий в расчете на душу крестьянского населения резко сокращается. Недосток плодородных земель в перспективе вел к возникновению проблемы перенаселения и угрозе голода. Согласно статистике, за период 1914–1922 гг. посевная площадь в расчете на одного крестьянина сократилась на 32%, с 1,08 до 0,74 га [3, с. 35–37].

---

² Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т. 1. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905.

³ Численность населения СССР по переписи на 15 января 1959 г. по республикам, краям, областям, национальным округам, районам, городам, поселкам городского типа, районным центрам и крупным сельским населенным местам (по административно-территориальному делению на 1 января 1960 г.). М., 1960.

Проблема малоземелья приводила к снижению реальной занятости сельских жителей. Средний крестьянин работал в своем хозяйстве не более 50–100 дней в году, и только зажиточные хозяева больших наделов имели возможность трудиться эффективно, используя 200 и более рабочих дней [3, с. 35–37]. Большую часть года основная масса крестьян не имела возможности работать, что отрицательно сказывалось на уровне жизни и развитии сельского хозяйства. Русские экономисты отмечали, что проблема малоземелья способствовала не только разорению крестьян, но и крупным демографическим сдвигам – переселению крестьян в города, уходу от земли в поисках заработков и лучшей доли. Согласно официальной статистике, доля городского населения за период 1914–1939 гг. увеличилась с 17,7% до 32,8% [3, с. 35–37].

Процесс урбанизации и оттока сельского населения в России начался гораздо раньше коллективизации и индустриализации. Как отмечает С.Н. Прокопович, старт урбанизации был дан задолго до революции 1917 г. Например, за период 1900–1914 гг. доля городского населения выросла с 12,8% до 17,7%⁴. Рост сельского населения уже в дореволюционный период стал значительно отставать от динамики численности городских жителей. Разница в темпах прироста внушительная: если за период 1900–1914 гг. сельское население прибавило только 20%, то численность городских жителей увеличилась на 75%⁵.

Реализация советских планов глобального промышленного строительства, а так же коллективизация, безусловно, стали значительными факторами демографических сдвигов в сельской местности. Статистика, собранная Экономическим кабинетом С.Н. Прокоповича, свидетельствовала о нарастающем процессе оттока крестьянского населения в города в годы первой пятилетки. Если в 1927 г. из деревень ушло 472 тыс. жителей, то в 1928 г. эта цифра удвоилась, отток составил более миллиона человек⁶. Процесс миграции в города достиг своего пика в 1931 г. когда сельскую местность покинули 4,1 млн человек⁷. Эта цифра превышает весь годовой прирост населения СССР и свидетельствует о мощных процессах переселения. В 1933 г. официальная власть в лице ЦИК так характеризовала процесс урбанизации: «Города растут чрезмерно. Снабжение городов, снабжение новостроек и обеспечение больших промышленных центров всеми необходимыми продуктами становится делом сложным и трудным <...>. Передвижение огромных масс населения сильно затрудняет снабжение

⁴ Статистический справочник СССР за 1928 год. М., 1929.

⁵ СССР за 15 лет. М., 1932. С 211–212.

⁶ Численность населения СССР...

⁷ Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. М., 1936. С. 545.

населения, загружает невероятно города, создает невыносимые жилищные условия <...>. В это самое время из деревни бегут в города многочисленные противники колхозов»⁸. Ученые-эмигранты констатировали, что главным источником пополнения состава промышленных рабочих были крестьяне-единоличники, изгоняемые из деревни политикой коллективизации.

Русские экономисты, рассматривая демографические процессы в СССР, отмечали значительный упадок рождаемости в сельской местности, причем минимальное значение показателя приходилось на 1932 г. – конец первой советской пятилетки. Именно в 1932 г. естественный прирост сельского населения сократился наиболее значительно: если в 1931 г. население приросло на 3,068 млн чел., то в 1932 г. этот прирост составил всего 2,505 млн чел., что ниже показателей 1927 г. (2,9 млн чел.)⁹. Из анализа собранных данных исследователи сделали критические выводы о состоянии и перспективах сельского хозяйства в СССР. С.Н. Прокопович указывал, что миграция сельского населения в города имеет характер массовый, лавинообразный и ничем не контролируемый. Русская научная эмиграция жестко критиковала советскую власть за индустриализацию, проводимую за счет изъятия ресурсов из деревни.

Однако критика Советской власти сопровождалась признанием ее отдельных успехов. Ученые отмечали положительные демографические сдвиги, произошедшие в результате мер и действий, предпринятых большевиками. С.Н. Прокопович писал о снижении смертности и росте продолжительности жизни, которая наблюдалась как в городах, так и в сельской местности. Если в 1910 г. средняя продолжительность жизни в России составляла 32 года, то в 1927 г. уже 42 года, а в 1940 г. этот показатель достиг 47 лет [3, с. 76–79].

По мнению ученых-эмигрантов, рост продолжительности жизни крестьян был вызван несколькими причинами. С одной стороны, важную роль в этом процессе сыграло улучшение жилищных условий. Среди многих инициатив Советской власти было разрешение свободной вырубке лесов, бывшее под запретом в дореволюционной России. В итоге, массы крестьян, используя эту возможность, сумели улучшить свои жилищные условия путем строительства деревянных домов из практически бесплатного материала. Расселение больших семей, ютившихся ранее в тесных избах зачастую в антисанитарных условиях, улучшало качество жизни. С другой стороны, ученые русской эмиграции положительно характеризовали усилия Советской власти по организации системы здравоохранения, признавали ее роль в организации врачебной помощи и санитарном просвещении широ-

⁸ Известия. 1933. 2 февр.

⁹ СССР за 15 лет. С 211–212.

ких масс сельского населения. В вопросе роста продолжительности жизни населения эмигранты-аграрии, и прежде всего С.Н. Прокопович, в целом подтверждали официальные оценки советской власти, но подчеркивали, что Союзу ССР еще далеко в этом вопросе до показателей развитых стран Запада. По данным статистики, в конце 1920-х – начале 1930-х гг. средняя продолжительность жизни в Германии составляла 57,4 года, а в США – 55,3 года.

Совершенно обособленно в работах русских ученых-эмигрантов стояла тема голода 1933 г. Большинство их выводов основывалось на отрывочной статистике о численности населения, публикуемой в советской печати. При всем разнообразии оценок реальных потерь именно С.Н. Прокопович выступил с окончательной версией расчетной цифры, выражая, по-видимому, общее мнение ученых-исследователей русской эмиграции. В основу расчета потерь от голода Прокопович заложил статистику фактической убыли населения, а также прогноз прироста, который должен был состояться в указанные годы, если бы ситуация с продовольствием была нормальной. Данный подход к расчету потерь может считаться приблизительным, поскольку прогнозы демографического прироста далеко не всегда оправдываются. Более того, учет не состоявшихся рождений в качестве прямых потерь не может считаться статистически-верным. На деле, располагая отрывочными данными, С.Н. Прокопович сложил реальную убыль населения по всему СССР в 1933–1934 гг. (6,4 млн чел.) с собственным линейным прогнозом прироста в нормальных условиях (2,6 млн чел.) [3, с. 83–86]. Необходимо отметить, что учет несостоявшегося прироста в 2,6 млн чел. является весьма приблизительным и спорным. Тем не менее, цифра в 9 млн чел. потерь от голода в СССР была опубликована С.Н. Прокоповичем в его знаменитой работе «Народное хозяйство СССР», вышедшей в Нью-Йорке в 1952 г.

С точки зрения современного исследователя, данная цифра, безусловно, подлежит ревизии, поскольку потери населения были оценены С.Н. Прокоповичем для всего СССР в целом и включали в себя общую смертность от всех причин на всей территории страны. Более того, в такой схеме расчета отсутствовал учет потерь в зависимости от региона, хотя известно, что голод охватил совершенно конкретные области и республики. Оценки других исследователей, в том числе зарубежных, работавших по демографической тематике, существенно ниже. Известный американский демограф и социолог Ф. Лоример приводит цифру потерь от голода в СССР равную 4,8 млн чел. [4].

Ученые русской эмиграции, безусловно, связывали голод 1933 г. с пагубными последствиями насильственной коллективизации, а также с практикой принудительных хлебозаготовок. Подобные действия советской власти, по

их мнению, вызвали коллапс и разорение сельского хозяйства, потерю его производительности и, как следствие, острую нехватку продуктов питания. Впоследствии, в своих трудах, посвященных будущему России, А.Д. Билимович напишет: «Большевики за 40 лет достаточно усеяли территорию России гекатомбами жертв голода» [1, с. 44].

Ученые-эмигранты следили за ситуацией в СССР в основном по советской печатной периодике, статистическим сборникам, журналам и газетам. С.Н. Прокопович, исследуя демографические процессы, происходящие в СССР во время второй пятилетки (1933–1937 гг.), сетовал на скудность статистических данных, их низкое качество и отрывочность. Однако работа Экономического кабинета продолжалась. В работе Кабинета принимали участие известные по деятельности в «Русском Институте Сельско-Хозяйственной Кооперации» В.Э. Брунст, К.И. Храневич, А.Н. Анцыферов и др.¹⁰ Рассматривая динамику сельского населения в СССР в годы второй пятилетки, ученые отмечали значительное сокращение его прироста. Если за период 1927–1932 гг. естественный прирост сельского население составил 18 млн чел., то за следующий период (1933–1938 гг.) – всего 200 тыс. чел. [3, с. 76–79]. По мнению ученых-эмигрантов, такие результаты не были запланированы советской властью, а являлись следствием ее ошибочных действий и ложных стратегий в реализации плановой народнохозяйственной политики.

Исследуя демографические процессы в сельской местности Советской России, С.Н. Прокопович и его коллеги по Экономическому кабинету фиксировали неожиданные структурные изменения, происходящие в крестьянском социуме. Первым значительным выводом в этом ряду стала констатация факта сокращения сельского населения с 127,4 млн чел. в 1932 г. до 114,6 млн чел. в 1939 г. [3, с. 83–86].

Ученые отмечали, что в сельской местности, за годы коллективизации и индустриализации активно формируется и растет новый социальный слой, состоящий из квалифицированных сельскохозяйственных рабочих и служащих. В основном, это были работники совхозов и машинно-тракторных станций. Динамика их численности была более чем позитивной на фоне явного сокращения крестьянского населения. Так, за период 1927–1939 гг. численность крестьян сократилась с 114,9 до 78,6 млн чел., в то время как количество рабочих и служащих на селе увеличилось с 8,6 до 36 млн чел. [3, с. 83–86].

По мнению С.Н. Прокоповича, сокращение крестьянского населения было вызвано уменьшением количества крестьянских хозяйств, а также неожиданным для России сокращением состава крестьянской семьи. В пользу

¹⁰ Бюллетень Экономического кабинета проф. С.Н. Прокоповича. Прага. 1930. № 75.

своей гипотезы Прокопович приводил статистику о средних показателях количества членов в крестьянских семьях. По его данным, до коллективизации размер средней крестьянской семьи равнялся 4,8 чел., а в 1939 г. тот же показатель уже составлял 4,0 для семей колхозников и 2,3 для семей крестьян-единоличников [3, с. 83–86].

Несмотря на общие негативные оценки политики большевиков на селе, ученые-эмигранты признавали положительную роль Советской власти в организации системы здравоохранения и улучшении жилищных условий крестьян, что, согласно статистическим наблюдениям, явилось главной причиной роста продолжительности жизни. Исследуя сельскую демографию в годы второй пятилетки, ученые-эмигранты отмечали практически нулевые темпы прироста населения и делали неутешительный прогноз о его дальнейшем сокращении в будущем. Негативные демографические процессы они связывали с сокращением численности крестьянских хозяйств, изменением структуры крестьянской семьи, падением рождаемости. Как показала история, прогнозы ученых русской эмиграции практически в полном объеме сбылись. Сельская Россия, существовавшая до масштабных социально-экономических преобразований большевиков, уступила место новой советской урбанистической цивилизации.

Литература

1. *Билимович А.Д.* Экономический строй освобожденной России. Мюнхен. 1960.
2. *Бруцкус Б.Д.* Народное хозяйство сов. России, его природа и его судьбы // *Современные записки.* 1929. № 38.
3. *Прокопович С.Н.* Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк, 1952. Т. 1.
4. *Lorimer F.* The Population of the Soviet Union: History and Prospects. League of Nation, Geneva, 1946.

Влияние миграции на трудовые ресурсы северной деревни в 1940-е гг. (по материалам Вологодской и Кировской областей)

Рассматривается миграция крестьян в годы Великой Отечественной войны, состояние трудовых ресурсов деревни и их влияние на сельскохозяйственное производство.

Ключевые слова: аграрная политика, миграция, крестьянство, трудовые ресурсы, население.

Перед Великой Отечественной войной в северных регионах преобладало сельское население. В 1939 г. в Кировской области проживало около 2255 тыс. человек, в том числе в городах около 325 тыс. человек, в сельской местности 1929 тыс. человек. Сельское население превышало городское почти в 6 раз². Преимущественно сельским было и население Вологодской области: на 287 тыс. городского населения приходилось 1374 тыс. сельского³.

В 1930-е гг. складываются основные миграционные потоки из деревни, определяемые социально-экономической политикой государства, приоритетным развитием промышленности и закономерным процессом урбанизации.

К 1941 г. и началу войны негативную роль в демографических процессах в деревне сыграли снижение рождаемости, рост числа аборт, советско-финская война и призыв на нее мужского населения. К положительным факторам можно отнести развитие медицинской помощи, некоторое улучшение питания и быта крестьян⁴.

В миграционных потоках в период Великой Отечественной войны выделялось одно из основных направлений движения людей – на фронт. За 1941–1945 гг. в СССР было мобилизовано 29574,9 тыс. чел.⁵ Мобилизация коснулась прежде всего мужчин трудоспособного возраста от 18 до 50 лет, до 80% из них были сельские жители, что резко ухудшило положение с рабочей силой в деревне. По Кировской области в армию было мобилизовано почти 600 тыс. чел. [5, с. 393], что составляло около 25% населения

¹ Ильина Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, Вологодский государственный университет, kema-godina@yandex.ru, Россия, г. Вологда; Коньшев Денис Николаевич, кандидат исторических наук, Кировский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Denis-Konyshhev@mail.ru, Россия, г. Киров.

² Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. Р-2344. Оп. 5. Д. 1. Л. 29.

³ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992. С. 23–25.

⁴ ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 2975. Л. 2 об., 3.

⁵ Всероссийская книга Памяти 1941–1945 гг. Обзорный том. М., 1995. С. 410.

региона. В Вологодской области мобилизация охватила 332 тыс. жителей, из них 80% были жителями села⁶. По данным О.М. Вербицкой выходцы из деревни составили до 70% всего состава армии в годы войны [2, с. 43].

Неизбежным было повышение трудовой нагрузки на колхозников: Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» норма была увеличена до 150 трудодней в хлопковых районах, до 100 трудодней в Центральном Нечерноземье и северных и отдаленных районах, в остальных – до 120. Большая их часть должна была быть выработана с мая по сентябрь⁷. Подростки в возрасте от 12 до 16 лет должны были выработать не менее 50 трудодней в году. Проверка трудовой дисциплины в колхозе «Трудовик» Кубено-Озерского района Вологодской области в 1942 г. выявила следующий распорядок времени в период сенокоса. Работа начиналась в 2 часа ночи и заканчивалась в 21 час, перерывы в работе составляли 1 час утром и 2 вечером при общей продолжительности работы 16 часов в сутки⁸.

Невыработка минимума трудодней без уважительных причин каралась исправительно-трудовыми работами в колхозах на срок до 6 месяцев с удержанием из оплаты до 25% в пользу колхозов. Кроме того, такие колхозники могли быть лишены своих прав как членов колхоза и приусадебного участка. Приговоры рассматривались в 10-дневный срок и приводились в исполнение немедленно. В итоге, если в 1941 г. 8264 колхозников Кировской области не выработали минимума трудодней по неуважительным причинам, то в 1942 г. – 3324⁹. В 1945 г. 10% трудоспособных колхозников не выработали необходимый минимум трудодней¹⁰, в то время как в 1939 г., по данным статистических обследований, цифра не выработавших минимума была около 5%¹¹. Здесь следует учитывать ухудшение состояния трудовых ресурсов и сокращение количества трудоспособных колхозников.

В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 13 апреля 1942 г. «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС», для оказания помощи в деревню направлялось трудоспособное население городов и сельских местностей (мужчины от 14 до 55 лет и женщины от 14 до 50 лет), не работающие на предприятиях промышленности и транспорта, учащиеся 6–10 классов школ, студенты

6 Книга Памяти Вологодской области. Заключительный том. Вологда, 1995. С. 5.

7 Постановление СНК СССР, ЦК ВКП (б) от 13.04.1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» // [электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=17780#0> (дата обращения: 01.02.2015).

8 Вологодский областной архив новейшей истории. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 426. Л. 3.

9 ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 257. Л. 231.

10 ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 20. Д. 451. Л. 10–11.

11 ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 276. Л. 35.

техникумов и вузов (кроме студентов выпускного курса). Освобождались от мобилизации только женщины с грудными детьми, детьми до 8 лет при отсутствии других членов семьи¹². Однако, если миграция из города в село носила сезонный характер, была временной, то при переезде из села в город было больше факторов, чтобы не возвращаться в деревню: гарантированный продуктовый паек, больше возможностей для трудоустройства, особенно при обеспечении потребностей войны и нехватки рабочей силы на предприятиях. К сельскохозяйственным работам привлекались дети – создавались бригады школьников по сбору колосков, по уборке урожая.

Кроме необходимых в условиях чрезвычайного времени репрессивных мер, государство пыталось материально (в основном, натуральной оплатой) стимулировать сельский труд. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 20 июня 1942 г. вводилась дополнительная оплата труда комбайнеров МТС. Колхозам предлагалось сверх получаемой оплаты за хорошую уборку урожая зерновых культур и подсолнечника производить дополнительную оплату зерном: от 200 до 400 г. при определенной выработке центнеров сверх нормы¹³. При этом подобные премии рекомендовались к выплате из фондов колхозов, которых у них после всех обязательных выплат и поставок не было. При одновременном увеличении трудового бремени происходило снижение качества потребления. В 1941–1945 гг. уровень потребления продуктов в крестьянских семьях был ниже физиологического минимума. Прочно утвердился картофельно-хлебный тип питания.

Одновременно ухудшилось техническое оснащение МТС и колхозов, поставки техники и запчастей были свернуты в самом начале войны. По мнению Н.Л. Рогалиной, накануне войны машинами МТС удалось не столько увеличить мощности, сколько возместить огромную потерю лошадей и волов. Механизация отдельных производственных операций сочеталась с разнокалиберностью и разномарочностью техники [6, с. 183]. В военное время наблюдается обратный процесс: переход с машин на животную и людскую тягу. К 1945 г. на 101 МТС Кировской области было только 29 автомашин, что с учетом некачественных путей сообщения создавало дополнительные проблемы при вывозке продукции из отдаленных районов. Объем выполняемых техникой работ составлял в среднем 65% от плана. Проведение работ на единицу сельскохозяйственной техники упало, в среднем, в 2 раза. В докладной записке обкома партии в ЦК в 1944 г. от-

¹² Постановление СНК СССР, ЦК ВКП (б) от 13.04.1942 г. «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» // [электронный ресурс]. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4352.htm (дата обращения: 01.02.2015).

¹³ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 20.06.1942 г. // [электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=34837#0> (дата обращения 01.02.2015).

мечалось, что по Кировской области ни в одной МТС нет шлифовальных, фрезерных, строгальных станков, из 121 токарного станка исправен 21, из 119 сверлильных – 33. Увеличился объем гужевой тяги (нагрузка на лошадь выросла в среднем в 3 раза) при снижении количества лошадей на 30%. Вырос объем ручного труда.

Кроме перемещения эвакуированного населения и мобилизации на фронт проходили миграции крестьян в другие сферы народного хозяйства. Характер мобилизационных работ регламентировался и определялся государством с учетом нужд фронта. Они включали восстановление разрушенного войной, участие крестьян в лесозаготовках.

В числе каналов миграции, определявших демографическую ситуацию и численность населения в сельской местности, следует назвать и организованное государством добровольное переселение колхозных семей в районы, где существовал дефицит рабочей силы. С 1941 по 1945 г. сельскохозяйственное переселение осуществлялось по специальным постановлениям.

Произошло существенное и быстрое ухудшение качества трудовых ресурсов села. В армию ушла наиболее трудоспособная часть населения. Во время войны количество колхозного крестьянства снизилось на 11,4 млн чел. [3, с. 80]. По данным Л.Н. Денисовой, численность колхозниц трудоспособного возраста в СССР поднялась на максимальную высоту – 76%. На начало 1946 г. количество работоспособного сельского населения (мужчин с 14 до 59 лет и женщин с 14 до 54 лет) составляло не более 74 млн человек. Это уровень 1931 г., а с учетом инвалидов войны и труда фактически принимали участие в работах примерно 37 млн чел. [4, с. 21].

Продолжался рост городского населения за счет выходцев из деревни. Основным каналом данного вида миграции оставался организованный набор. Жители городов имели больше возможностей не быть мобилизованными на фронт. Существовали различные категории «брони» при работе на оборонных предприятиях, обладании квалификацией и т.д., деревня же направляла в армию фронт всех без ограничений: председателей колхозов, бригадиров, механизаторов, специалистов [1, с. 10].

В 1943 г. по Кировской области было привлечено в промышленность и транспорт на постоянную работу 16 тыс. человек сельского населения; на временные – на лесозаготовки – 84 тыс. чел., в промышленность, на строительство, торфоразработки – 47,9 тыс. чел. Всего на временные работы из села в другие сферы только за 1943 г. было привлечено 274,2 тыс.¹⁴

В определенной мере восполнить трудовые ресурсы села могла эвакуация населения из районов военных действий. Однако, здесь сказывалась специфика экономики региона и обеспечение интересов фронта. Так, в

14 ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 257. Л. 225.

Кировской области при размещении эвакуированного населения преимущество отдавалось промышленности и городам. За 1941–1943 гг. общее население Кировской области сократилось на 222 тыс. чел., при увеличении в городах и рабочих поселках на 127,5 тыс. и уменьшения на селе на 349 тыс. человек¹⁵. Более 80% эвакуированных в регион размещались в городах. Среди эвакуированных преобладали женщины. Из 77 тыс. находящихся в эвакуации в Кировской области на 1 января 1944 г. мужчин было 24,7 тыс. чел., женщин – 52,3 тыс. чел.¹⁶ В Вологодской области большинство эвакуированных граждан (91% общего числа эвакуированных) размещались в деревне¹⁷. Такое положение определялось структурой экономики регионов, размещением в Кировской области, бывшей глубоким тылом, большого числа эвакуированных предприятий, а также меньшей ролью промышленности в экономике Вологодской области, относящейся к первой очереди эвакуации.

Сокращение населения Кировской области с 1939 по 1945 г. составило 510 тыс. чел.: с 2 млн 334 тыс. чел. до 1 млн 824 тыс. чел. В наибольшей степени пострадала деревня. Сельское население уменьшилось на 640 тыс. чел.¹⁸, в то время как городское – увеличилось за годы войны на 130 тыс. чел.

В конце и после войны миграционные потоки формировались под влиянием ее последствий. Начавшаяся летом 1945 г. демобилизация из рядов Красной армии пополнила численность сельского населения, но не могла восполнить потерь. Необходимость восстановления разрушенного хозяйства требовала первоочередного обеспечения фабрик и заводов рабочей силой, которая формировалась за счет сельских жителей, в том числе, через оргнабор. Это продолжало негативно сказываться на демографическом развитии села и создавать положительное сальдо миграции в города. Благоприятная демографическая ситуация в городах в значительной степени создавалась за счет сельской молодежи. Выезд молодых мужчин из деревни ухудшал ее половозрастной состав, усугублял ситуацию на брачном рынке. Выезд женщин смягчал ситуацию на брачном рынке, но также не способствовал улучшению возрастного состава, вел к постарению населения (рост доли престарелых в составе колхозной семьи), сокращению числа молодых семей и, как следствие, к сокращению числа рождений на селе.

Главным фактором, определявшим миграционные потоки военного времени, стали потребности фронта, обеспечение стратегических интересов государства, приоритеты промышленного развития. Деревня балансирова-

¹⁵ Там же. Д. 36. Л. 1–131.

¹⁶ Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1229. Л. 17.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 375. Л. 18

¹⁸ ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1683. Л. 44.

ла на грани выживания, интересы сельского хозяйства были вторичны по сравнению с промышленностью, что не могло не наложить свой отпечаток на демографическую ситуацию в деревне.

Литература

1. *Анисков В.Т.* О бедной деревне замолвите слово. 1941–1945–19???: социальная жертвенность и судьба крестьянства. Вологда, Ярославль, 1996.
2. *Вербицкая О.М.* Население российской деревни в 1939–1959 гг. Проблемы демографического развития. М., 2002.
3. *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву: середина 40-х – начало 60-х гг. М., 1992.
4. *Денисова Л.Н.* Женщины русских селений. Трудные будни. М., 2003.
5. *Загвоздкин Г.Г.* В битве за Отечество. 1941–1945 гг. // Энциклопедия земли Вятской. История. Т. 4. Киров, 1995.
6. *Роголина Н.Л.* Крестьянство и сталинская модернизация // История сталинизма: крестьянство и власть. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г. М., 2011. С. 179–187.

Учет сельского населения Калининградской области в послевоенный период: цели и организация²

В статье на архивных материалах разбираются различия подходов разных управленческих учреждений к учету сельского населения в послевоенный период.

Ключевые слова: сельское население, сельское хозяйство, колхозы, совхозы, статистический мониторинг, Калининградская область.

Учет сельского населения в советскую эпоху никогда не был завязан только на задачи, предъявляемые к демографической статистике. Для советского государства понятия «сельские жители» было практически тождественно «сельским труженикам», а потому присутствовало отношение к ним как к производственному ресурсу, который нужно как можно эффективнее использовать. Сложившаяся в стране колхозно-совхозная система вполне позволяла реализовать возможности подобного учета: участие в общественном труде, выражавшееся в количестве выработанных трудодней (для колхозника); фискальная нагрузка, представленная системой заготовителей; планирование расширения производства исходя из потенциального количества рабочей силы; наконец, собственно статистический учет с позиций положительного или отрицательного сальдо миграции. «Государственный» интерес, безусловно, дополнялся нуждами собственно сельского населения – жилищной обустроенностью, начислением денег и продуктов на трудодни, наличием и доступностью школ и здравпунктов.

Принципиальная возможность организации учета даже в такие сложные времена, как послевоенная эпоха, не оспаривается. Однако ведомственная постановка такой работы неизбежно создавала проблемы с адекватностью самого учета, поскольку его данные – это не только отражение объективной картины положения дел, но и оценка качества работы самого ведомства, которое эти данные собирало. Кроме того, запрос от органов власти на специфическую информацию постоянно побуждал расширять объем получаемых данных, которые, в дальнейшем, могли и не использоваться.

В условиях образованной на землях бывшей Восточной Пруссии и заселенной советскими переселенцами Калининградской области, ситуация с учетом населения еще более осложнялась. Прибывавших людей необходимо было размещать, оставляя при этом возможности для приема новых

¹ Полх Павел Петрович, кандидат исторических наук, Балтийский Федеральный университет им. И. Канта, p.polkh@mail.ru, Россия, г. Калининград.

² Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 15-01-00257).

переселенцев. До 1949 г. продолжал вестись учет немецкого населения. Составление плановых заданий на производство и заготовку сельхозпродуктов требовало учета прибывающего населения, которое, в свою очередь, поголовно имея на руках паспорта, искало и находило возможности перебраться в города или покинуть вновь образованную область. Все это требует обратить внимание как на типичный характер, так и на специфику целей и организации учета калининградского сельского населения.

Отметим, что новое население самой западной российской области было прекрасно осведомлено об управленческих традициях, сформировавшихся в советскую эпоху. Таким образом, в организации сельсоветского учета переселенцы не видели для себя ничего нового. Правда, сельсоветы (да и райсоветы) образовывались зачастую после формирования колхозов, которые создавались в первую очередь. Единственной местной невоенной властью были на первых порах районные управления по гражданским делам, которым приходилось заниматься проблемами и прежнего населения, и прибывавших соотечественников. Замечательный документ, сохранившийся в партийных фондах, содержит информацию о работниках подсобных хозяйств воинских частей (военхозов), реорганизованных в 1947 г. Указывается, что в совхозе № 46 из 753 рабочих и служащих было 694 немца, в № 73 – из 738 – 627, в № 135 – из 948 – 680, и т.д.; в среднем 70–80%³.

В каких целях велся учет, и почему количество работников-немцев было столь же значимым показателем, как обеспеченность скотом и техникой? Очевидно, рассматривались варианты предстоящего обновления рабочей силы (хотя официально эта информация не доводилась), или делался акцент на специфическом контингенте, требовавшем переводчиков и особой бдительности.

Возвращаясь к учету уже советского населения, подчеркнем, что данные о нем хорошо отразились в ежегодных колхозных отчетах. Первые страницы соответствующих форм традиционно посвящались составу населения – количеству дворов, наличному населению, трудоспособным членам колхоза, количеству нетрудоспособных, подростков 12–16 лет, а также престарелым, участвовавшим в общественном труде. Далее речь шла о важнейших показателях – выработке трудодней по месяцам, в расчете на одного работника, по отраслям хозяйства (с учетом расходов на административный персонал), и по числу невыработавших обязательного минимума, который отдельно устанавливался и для подростков – 60 дней при общей норме 150 [1, с. 143]. Нельзя не отметить продуманность подобных таблиц их составителями, поскольку начисленные трудодни нельзя признать в полном смысле экономическим ресурсом – если их начислять существенно больше или меньше, ни государственный интерес

³ Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 90. Л. 151.

(количество заготовленных продуктов), ни колхозные денежные, производственные и продовольственные фонды не изменятся – пострадает только принцип справедливости при распределении оплаты труда: больше получит тот, кому эти трудодни приписали. Получалось, что главной задачей становилось обеспечение соблюдения Устава сельскохозяйственной артели, предполагавшего обязательное трудовое участие как условие пользования личным подсобным хозяйством. Остальные многочисленные таблицы описывали как производственные показатели, так и состояние расчетов с колхозниками, причем состав этих таблиц часто менялся в зависимости от конъюнктуры. Так, появлялись таблицы о лесонасаждениях, о характере оплаты труда председателей (был период, когда в их числе оказалось немало отправленных на эту работу городских специалистов с сохранением прежней оплаты вместо начисления трудодней), о состоянии электрификации, переходе на оплату по человеко-дням в начале 1960-х гг. Само количество таблиц колебалось в диапазоне от 24 до 33⁴. Заметим также, что еще до принятия нового устава сельхозартели в 1969 г. таблицы о детальном распределении трудодней из отчета убрали.

Информация о составе населения на основе поколхозного учета населения присутствует и в материалах районных плановых комиссий. На близость источников информации указывает все тот же учет подростков 12–16 лет (пусть и без прямого напоминания о выработке ими минимума трудодней). Однако именно эти данные позволяют, в определенной мере, оценить качество учета. Таблица 1 позволяет сравнить данные о составе населения колхозных дворов Озерского района в 1953–1955 гг.

Таблица 1

Сведения о количестве колхозных дворов и составе населения по отдельным колхозам Озерского района в 1953–1955 гг.

Название колхоза	Год	Колхозных дворов	В них населения	Трудоспособное население	Подростки 12–16 лет
8 марта	1953	101	391	203	66
	1954	106	408	216	50
	1955	114	394	266	39
Им. Черняховского	1953	127	486	242	59
	1954	132	480	229	34
	1955	141	569	249	8
Им. Горького	1953	82	291	136	34
	1954	82	296	133	31
	1955	66	307	145	19

⁴ Там же. Ф. Р-139. Оп. 9. Д. 502. Л. 2; Д. 1071. Л. 117.

Им. Сталина	1953	137	534	218	64
	1954	137	527	211	64
	1955	129	308	226	50
Им. А. Матросова	1953	102	397	192	35
	1954	99	391	195	2
	1955	95	185	150	21
Пограничный	1953	162	730	322	116
	1954	159	673	345	79
	1955	163	448	362	65

Источник: ГАКО. Ф. Р-596. Оп. 1. Д. 22. Л. 8, 44.

Примечание: В источнике имеется информация по всем 16 колхозам района.

Представленная в табл. картина далека от определенности. Даже если допустить, что значительная часть населения выбыла из колхоза, устроившись на работу в лесхозы, дорожно-строительные организации или МТС, оставшись при этом жителями колхозных поселков, или сохранив за собой усадьбы, сокращение населения при увеличении числа дворов, резкое изменение числа подростков (массовое выбытие, связанное с поступлением в ремесленные училища или на курсы механизаторов, по какой-то причине не компенсированное следующим возрастом), числа нетрудоспособных, опять же с учетом того обстоятельства, что переселенческие билеты в область выдавались при условии наличия не менее двух трудоспособных на семью [2, с. 77–78], – все это ставит вопрос о достоверности источника. В особенности об этом следует сказать, когда сумма трудоспособных и подростков «опасно» приближается к общему составу населения, включающему детей и стариков. Однако логичен и другой вопрос – о цели сознательных искажений информации, если они имели место. Ведь плановикам вменялось в задачи оценить трудовые ресурсы деревни на предмет определения производственных заданий, и здесь куда резоннее было указать точные сведения, чтобы потом не искать объективных причин для корректировки плановых заданий. Если же такие данные принимаются и остаются без внимания, то под сомнение следует поставить саму целесообразность подобных подсчетов.

В то же время, реальные нужды переселенцев заставляли изыскивать информацию и другого плана, – например, о жилищных условиях селян. Приведем выдержки из справки, представленной Гусевским райисполкомом в 1948 г., о состоянии жилищного вопроса в колхозах района: колхоз «Новая жизнь» – 70 дворов, 132 трудоспособных, 1053 га земли, 29 семей проживает на хуторах, имеется 7 свободных домов, включая фундаменты; колхоз «Кромы» – 40 хозяйств, 83 трудоспособных, 727 га, 16 семей проживают на хуторах, имеются 19 квартир в 16 домах, включая фундаменты; колхоз «Комсомолец» – 25 дворов, 65 трудоспособных, 1000 га, 21 семья проживает на хуторах, имеется 9 свободных домов, требующих

капитального ремонта; колхоз «Новое строительство» – 34 двора, 74 трудоспособных, 874,8 га, доярок не имеется, их штат переменялся три раза, имеется 14 свободных домов на 27 квартир, требующие восстановления и т.д.⁵ Отметим, что справка представлялась не только ради констатации факта (в целях выделения дополнительных фондов), но в связи с запросом о потенциальных возможностях приема новых колхозников, и в ряде колхозов такие возможности указывались. Специфика хуторского расселения, создававшая естественные трудности для работников (да и школьников) в связи с доставкой к месту работы, никак не учитывалась в общесоюзных отчетных формах и, как правило, служила дополнением к представляемым официальным документам.

Еще одной структурой, отразившей в своей документации состав сельского населения, были уполномоченные министерства заготовок. Безусловно, они учитывали потенциальные источники обложения – коров и другой скот, птицу, посеы зерновых, картофеля и овощей. При этом велся и собственно учет населения, поскольку целый ряд категорий (переселенцы первых трех лет, инвалиды и сельские учителя) облагались поставками по льготной норме. Образец подобного учета представлен в таблице 2.

Таблица 2

**Данные об обложении хозяйств Калининградской области
заготовками молока согласно отчету областного уполномоченного
в Министерство заготовок СССР за 1949 г.**

Учтенные хозяйства	Колхозные двory	Хозяйства рабочих и служащих совхозов	Итого по сельской местности	Рабочие и служащие городов и рабочие поселков, не освобожденные от поставок
Всего хозяйств	19689	14880	34569	8755
У них коров	15715	10452	262167	7482
У них первотелок 1 полугодия	1800	879	2679	419
Освобожденные хозяйства без коров и первотелок	1988	3409	5397	707
Освобожденные хозяйства с первотелками 2 полугодия	325	222	547	127

⁵ Там же. Ф. Р-854. Оп. 1. Д. 7. Л. 13, 34, 42, 46.

Освобожденные хозяйства инвалидов 1-2 групп, не имеющих трудоспособных членов семьи	56	19	75	96
Освобожденные хозяйства инвалидов, необлагаемые налогом	12	8	20	41
Освобожденные хозяйства учителей школ сельской местности	32	92	124	-
Освобожденные хозяйства по особым постановлениям Правительства	171	386	557	3
Итого освобожденных	2584	4136	6720	971

Источник: ГАКО. Ф. Р-384. Оп. 5. Д. 60. Л. 2–2 об.

Вместе с тем, в документах райуполнмизагов часто звучит термин «выявление» в отношении хозяйев и их хозяйств – дополнительное выявление неучтенных коров, пчелосемей, а также оставшихся от немцев восстановленных мельниц, молотивших зерно без сдачи государству гарнцевого сбора, подсобных хозяйств вновь образованных предприятий мелкой промышленности и даже учреждений здравоохранения и курортного хозяйства⁶. Сама постановка вопроса о выявлении уже указывает на то, что между советскими органами местной власти и структурами центрального подчинения не было если не взаимного доверия, то, по крайней мере, обмена оперативной информацией. Несмотря на это, представленные в материалах плановых комиссий таблицы указывают, что сведения не только о выполнении объема заготовок, но и о принятых мерах к злостным уклонистам, туда поступали.

Наконец, о материалах статистических органов, входивших в ту пору в систему МВД. Сведения о колхозном населении здесь не просто представлены, но обработаны в соответствии с требованиями к группировке колхозов по числу дворов, трудоспособных, средней выработке трудодней в год на одного трудоспособного, нормам начисления денег и зерна на трудодень в соответствии с размерами колхозов и площадью земель⁷. Статистический учет представлял собой сведение воедино информации о наличном населении, чего не могли дать ни сводные колхозные отчеты, ни плановики. Пример подобного сводного учета дан в таблице 3.

⁶ Там же. Оп. 5. Д. 21. Л. 45, 69.

⁷ Там же. Ф. Р-181. Оп. 4. Д. 22. Л. 6–15.

**Сводная ведомость Калининградского Областного статуправления
о составе сельского населения за 1950 г.**

Всего хозяйств	Наличных хозяйств	Всего населения	Отсутствующее население	Наличное население	Из них работает
<i>Хозяйства колхозников, учитываемые по форме 2</i>					
20209	19989	98581	4424	94157	2590
<i>Хозяйства рабочих и служащих кооперативов и кустарей, учитываемые по формам 2 и 2а</i>					
19701	19612	83022	1353	81669	28930
<i>Временно проживающие, учитываемые по форме 4а</i>					
2496	2496	5273		5273	1676
<i>Всего</i>					
42406	42097	186876	5777	181099	34096

Источник: ГАКО. Ф. Р-181. Оп. 5. Д. 6. Л. 2–2 об.

Примечание: В последней графе столбца с информацией о хозяйствах колхозников приводятся данные о работающих только в государственных и кооперативных учреждениях и предприятиях.

Таблица нуждается в некоторых пояснениях. Во-первых, количество работающих жителей колхозных поселков вне колхозов относительно невелико – таким образом, резкие колебания в составе колхозного трудоспособного населения (подобные приведенным в табл. 1) объяснить работой на стороне нелегко. Во-вторых, если обратить внимание на численность работающего населения в совхозных поселках, то и здесь, с учетом самозанятости, далеко не вырисовывается картина привлечения прежде всего трудоспособных к переселению в Калининградскую область. И, в-третьих, загадочные временно проживающие, в которых угадывается все еще не переселенное немецкое население. Таблицы дополнялись текстовым анализом, однако, там, как правило, были лишь указания на изменения границ городов и сельских поселков, приводивших к отрицательной статистике сельского населения.

Приведем еще одну таблицу, степень достоверности которой трудно поставить под сомнение, поскольку она является результатом паспортной статистики МВД.

**Механический прирост населения Калининградской области
в 1955 г. по данным статистики МВД**

Месяц	Городского населения	Населения Калининграда	Населения в сельской местности	Всего населения области
Январь	+267	-188	-641	-374
Февраль	-1040	-635	-659	-1699

Март	-2554	-1256	-1104	-3658
Апрель	-2280	-1047	-423	-2703
Май	-1060	-718	-87	-1147
Июнь	-1553	-741	+111	-1442
Июль	-970	-316	+68	-902
Август	-245	+194	+172	-73
Сентябрь	+2370	+1407	+90	+2460
Октябрь	+2370	+1407	+90	+2460
Ноябрь	+1463	+816	+72	+1535
Декабрь	+2392	+1832	+70	+2462

Источник: ГАКО. Ф. Р-181. Оп. 15. Д. 56. Л. 26, 79, 102.

Ни притяжение города, ни даже областного центра не может объяснить подобных колебаний приливов и отливов в населении области. Попытки объяснить отток в первой половине политической конъюнктурой также тщетны: в феврале 1956 г. показан прирост по области в 690 человек, а в марте отток – 186; в июле отток составил 947 (5291 прибыл и 6217 уехало)⁸, в октябре и ноябре сальдо было положительным, в декабре – отрицательным, причем разница измерялась сотнями людей, а количество прибывших и выбывших – 6–7 тысячами.

Таким образом, различные формы ведомственного учета давали одновременно и избыточную, и недостаточную информацию: обилие сведений о составе населения не позволяло сделать выводы о возможных путях изменения ситуации в плане качества использования трудовых ресурсов села, да и конкретных социальных мероприятий. Потенциал накопленной информации, в том числе для исторических исследований, огромен, обвинять составителей учетных форм в предвзятости также нет больших оснований. Однако нельзя не отметить и неадекватность усилий по сбору информации о населении с ее практическим применением – что, в принципе, можно поставить в упрек всей системе плановой экономики.

Литература

1. *Безнин М.А., Димони Т.М.* Аграрный строй России 1930–1980-х гг. М., 2014.
2. *Костяшов Ю.В.* Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. Калининград, 2009.

⁸ Там же. Оп. 15. Д. 57. Л. 25, 78.

Социальная политика государства и особенности материально-бытового положения сельских учителей Южного Урала во второй половине 1940-х – 1970-е гг.

Исследуется социальная политика государства в послевоенные десятилетия и возможности централизованной системы управления в решении материально-бытовых вопросов сельских учителей.

Ключевые слова: социальная политика, сельский учитель, льготы, целинные районы, материально-бытовое положение, Южный Урал.

В современных условиях сельские школы Российской Федерации переживают процесс повсеместного сокращения социальных льгот и гарантий для сельских учителей. Деструктивная тенденция недостаточной социальной защищенности сельских педагогов в наше время повышает актуальность рассматриваемой темы.

В 1950 – 1970-е гг. в СССР расширяются масштабы и темпы индустриального развития страны. На новый уровень промышленного развития выходит и Южный Урал. Однако по-прежнему в данном регионе большое внимание уделяется сельскому хозяйству. Достаточно напомнить о достижениях дважды орденоносной Оренбургской области в освоении целинных и залежных земель (1956 г.), производстве и сдаче государству рекордного количества зерна (1968 г.)².

Несмотря на постоянное снижение доли сельского населения, данные переписей населения 1959 и 1970 гг., показывают, что значительная его часть – 55 и 47%, соответственно, проживали на селе. Преобладание сельских учителей над городскими в Курганской, Оренбургской областях и Башкирской АССР, отражало общую ситуацию в регионе. На начало 1957/58 учебного года от 84% до 96% всех типов общеобразовательных школ Южного Урала располагались в сельской местности³. Незначительным преобладанием городских учителей (57%) над сельскими выделялась Челябинская область⁴, где более быстрыми темпами проходил процесс урбанизации.

Учитель в советское время занимал центральное место в культурной жизни села. Недаром руководство страны в послевоенные десятилетия

¹ Алмаев Рустам Закирович, кандидат исторических наук, Башкирский государственный педагогический университет, almaev_history@mail.ru, Россия, г. Уфа.

² Оренбургская область за 50 лет. 1934–1983: Стат. сб. Челябинск, 1984. С. 5.

³ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 72. Д. 6115. Л. 42.

⁴ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 35. Л. 84, 87, 91.

уделяло наибольшее внимания социальной защищенности именно сельских учителей. Однако в первые годы после завершения Великой Отечественной войны по вполне понятным объективным причинам сохранялось тяжелое материальное положение и бытовая неустроенность сельских учителей. Впрочем, в таком же положении оказались и представители других сельских социальных групп – колхозники, рабочие совхозов, врачи, агрономы, инженеры. Административно-командная система управления испытывала определенные сложности по оперативному реагированию на возрастающие потребности послевоенного общества. Имела место несогласованность между различными ведомствами, отсутствовал эффективный контроль над выполнением законов, приказов, директив. Многие нормативно-правовые акты, направленные на улучшение материально-бытового положения сельских учителей, не выполнялись финансовыми отделами ряда исполкомов и торгующими организациями на местах. Встречались случаи, когда искусственно не решались вопросы преодоления дефицита продуктов и товаров первой необходимости.

Например, в Сокмарском, Гавриловском и Екатериновском районах Чкаловской области учителям вместо хлеба или муки выдавали помятый овес по заниженной цене. Учителя Покровского района в течение трех месяцев получали немолотое зерно с примесью 10% зерновых отходов. Проверка Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) вскрыла многочисленные факты разбазаривания и хищения товаров. Так, в Зиянчуринском районе Чкаловской области из 23 пар валенок, предназначенных для продажи учителям, 10 приобрели работники райОНО, 1 платье и 9 платков – работники райпотребсоюза. Учителя Чкаловской области не получали в течение шести месяцев керосина и мыла⁵.

Недопустимая ситуация со снабжением учителей хлебом сложилась в Вознесенской семилетней школе Сосновского района Челябинской области. По вине облторготдела 16 учителей и технических работников Вознесенской школы в течение 30 дней января 1947 г. не получали карточек и не снабжались хлебом. Задержка с обеспечением хлебом вынудила некоторых из них «собирать хлебные куски у учеников школы» [1, с. 108]. Доведенные до отчаяния формально-бюрократическим отношением чиновников учителя пошли на недопустимую для советского времени форму протеста – в течение трех дней не выходили на работу.

Многочисленные факты правовой и материальной незащищенности сельских учителей после войны имелись и в других регионах страны в голодные 1946–1947 гг. Торговые организации на местах не всегда выполняли распоряжение министерства торговли «О мерах по улучшению снабжения

⁵ Там же. Д. 13. Л. 28.

учителей», ссылаясь на отсутствие фондов. В ответ на подобные нарушения областные и республиканские отделы народного образования добивались устранения несвоевременной выдачи хлебных карточек. По отдельным случаям злоупотреблений в торгово-распределительной сфере дела передавались в прокуратуру.

Реальные меры, направленные на улучшение материально-бытового и правового положения учительства, начинают предприниматься начиная с 1948 г. и, достигают своих предельных возможностей в 1950–1970-е гг. Государство закрепляет за сельскими учителями льготы по оплате коммунальных услуг, предоставлению бесплатного жилья, обеспечению топливом, приусадебными земельными участками. На исполкомы райсовета, сельских и поселковых Советов, руководителей хозяйств возлагается ответственность по заключению договоров на аренду квартир для учителей, выделению приусадебных земельных участков до 0,25 га на семью учителя, топлива, древесины из расчета 8–10 кубометров на один дом, сенокосных угодий [4, с. 464].

По утверждению исследователя И.Е. Зеленина на первом этапе хрущевских аграрных реформ, завершившихся впечатляющими результатами, происходит «прорыв нескольких звеньев сталинской закоряченной административно-бюрократической системы», включая и обеспечение социальной сферы [2, с. 611].

В качестве положительного примера выделим положение учителей целинных районов Чкаловской области. Освоение целинных земель в период хрущевской «оттепели» положительно сказалось на развитии социальной инфраструктуры. На начало 1965 г. из 458 учителей Адамовского района всего лишь 15 проживало на частных квартирах. Многие учителя за счет долгосрочных ссуд построили для себя капитальные дома⁶. В домах, расположенных в райцентре, были установлены ванны, душ, газовые кухонные плиты. Большое значение строительству квартир для учителей уделяли в Бугурусланском районе Чкаловской области. В течение 1963–1964 гг. было построено 30 индивидуальных квартир. За первую половину 1965 г. учителям выделили 11 тыс. руб. на строительство жилых домов и 600 руб. на покупку скота⁷.

Освоение целинных земель в период хрущевской «оттепели» положительно сказалось на развитии социальной инфраструктуры. Совхозные квартиры, где проживали учителя, закреплялись за школой. Совхозные рабочие не имели права занимать эти квартиры в случае отъезда педагога до

---

⁶ Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННАО). Ф. 8032. Оп. 2. Д. 329. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 22.

приезда нового школьного работника. Учителя приравнивались в вопросе обеспечения жильем к главным специалистам совхозов – агрономам, главным инженерам⁸.

Положительная практика наделения молодых сельских специалистов колхозными квартирами существовала и в других регионах Южного Урала. Учительница начальных классов Е.Е. Бондаренко, начавшая свою трудовую биографию в 1961 г. в средней школе с. Рассвет Давлекановского района БАССР вспоминает: «Учителям обязательно давали квартиры. При устройстве на работу мы с мужем получили хотя и маленькую, но 3-х комнатную квартиру без очереди. И вообще не только мы. С жильем трудностей у молодых специалистов не возникало». При этом отмечают скромные жилищные условия сельской квартиры: «Все комнаты были маленькие, напоминающие спальни. Очень небольшая кухня. То, что касается удобств, то для работы все, что нужно было: стол, стул. Предметов роскоши не было, но мы были рады, что у нас есть крыша над головой»⁹.

При строительстве для учителей на селе использовались не только государственные средства, но и нецентрализованные источники финансирования, такие как, средства местных Советов, самообложения, колхозов. Имелись трудности в строительстве жилых домов для учителей на средства самообложения. Например, в Курганской области за 1954–1956 гг. за счет средств самообложения при плане строительства 256 домов для учителей было построено 49 домов¹⁰. Из-за отсутствия нормальных жилищных условий в течение 1959–1961 гг. из Курганской области выбыло 970 учителей общеобразовательных школ. Большинство из них сменили не только место жительства, но и профессию¹¹.

Учителям и всем работникам школ выделялись сенокосные угодья. Например, в большинстве сельских советов Оренбургской области сенокосные угодья составляли до 1 га лугов. Однако не все директора совхозов и председатели колхозов имели возможность выделять сенокосную технику, трактора, лошадей. В отдельных хозяйствах учителя сами принимали трудовое участие в заготовке сена и получали корм для скота. В засушливые годы первой половины 1960-х гг. учителя сенокосные участки не получали и зарабатывали корм для своего скота на скирдовке сена, соломы. 10% от заскирдованного выделялось учителям. Приусадебные участки учителей составляли 0,25 га. Этого количества земли оказывалось достаточно, что-

⁸ Там же. Л. 58.

⁹ Бондаренко Евдокия Ефимовна, 1934 г.р., д. Никольск Миякинский район Башкирская АССР // Архив автора. Запись 15.10.2015. с. Рассвет, Давлекановский район, Республика Башкортостан.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 72. Д. 7074. Л. 9.

¹¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 1. Д. 564. Л. 26.

бы заниматься огородничеством. Малосемейные учителя отказывались от такой площади и обрабатывали по 0,10–0,15 га¹².

Льготы на бесплатное обеспечение топливом и освещением, на предоставление земельных участков и бесплатных квартир стали важным подспорьем в материальном обеспечении учителей. Однако, встречались многочисленные факты, когда данные виды социальных преимуществ сельских учителей выполнялось не повсеместно и несвоевременно. Наблюдалась случаи, когда договоры на аренду квартир у частных лиц заключались не исполкомами сельских, поселковых Советов и директорами школ, как это устанавливалось постановлениями правительства, а самими учителями.

Проверки жилищно-бытовых условий учителей в сельских районах Южного Урала в конце 1950 – начале 1960-х гг. выявили многочисленные грубейшие нарушения постановлений правительства. Часто сельские советы выдавали учителям количество денег меньше фактической стоимости коммунальных услуг, и они были вынуждены доплачивать из собственных средств от 2 до 6 руб. ежемесячно¹³. Учителя отдельных школ Илишевского и Миякинского районов Башкирской АССР ко дню проверки не были обеспечены топливом, почти во всех районах преподавателям не выделялись сенокосные угодья¹⁴.

Имелись случаи грубого администрирования со стороны исполкомов и отделов народного образования, руководителей районов и колхозов. Учителя назначались на дежурства, вызывались на различные совещания в учебное время. Например, председатель Бурзянского райполкома Башкирской АССР Ишбердин дал указание о привлечении учителей к круглосуточному дежурству в сельских советах. В Кююргазинском районе учителям давали задание по выращиванию кукурузы, свеклы¹⁵.

Заметим, что областные и республиканские органы исполнительной власти Южного Урала обязывали райисполкомы, сельские и поселковые советы поддерживать на должном уровне повседневную жизнь сельского учителя. Выносились многочисленные постановления о поощрении индивидуального жилищного строительства за счет ссуд, выдаваемых Госбанком, и на основе личных сбережений педагогов, о помощи строительными материалами, строгом соблюдении трудового законодательства и недопустимости отвлечения учителей на несвойственные для них работы. Особое внимание обращалось на бесперебойное обеспечение учителей печеным

---

¹² Там же. Л. 23.

¹³ Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 798. Оп. 9. Д. 3730. Л. 56.

¹⁴ Там же. Л. 8.

¹⁵ Там же. Л. 42.

хлебом, мукой и другими продовольственными товарами. Руководителям колхозов и совхозов рекомендовалась продажа педагогам корма для скота.

Учителя сельских школ обеспечивались продуктами питания через магазины сельпо. Часть продуктов (молоко, мясо) выписываются для учителей колхозами и совхозами по розничной цене: молоко – 0,28 коп. литр, мясо – 1,80 коп. за кг. Учителя снабжались комбикормами и зерном для личного хозяйства. Во многих школах учителя обеспечивались крупяными и мучными изделиями торгующими организациями через школьные буфеты и столовые. Учителя Челябинской области в сентябре 1975 г. были обеспечены привозным картофелем по цене 18–25 копеек за кг и капустой по цене 10–12 коп. за кг¹⁶.

В 1970 гг. расширяются льготы для учителей сельских общеобразовательных школ. Деятельность педагогов стимулируется обеспечением бесплатными жилищно-коммунальными услугами, освобождением от дополнительной оплаты за излишки жилой площади. В ряде постановлений, инструктивных и циркулярных писем Министерства просвещения СССР 1969–1973 гг. разъясняется порядок предоставления кредитов сельским учителям для строительства жилых домов и хозяйственное обзаведение, коммунальных льгот учителям, перешедшим на пенсию, сохранения права на бесплатные квартиры за членами семей учителей на момент призыва в ряды Вооруженных Сил [3, с. 384].

В 1960–1970-е гг. складываются традиции приема молодых сельских учителей. Организуются торжественные встречи, предварительная подготовка для учителей, включая семейных, жилой площади. Весной по материалам предварительного комплектования школ готовятся письма на имя директоров совхозов, сельских советов, школ за подписью председателей райсполкомов о предстоящем прибытии молодых специалистов.

Вместе с тем возникали трудности. Имело место проживание значительного числа молодых специалистов на частных квартирах. По данным из Оренбургской области в 1978 г. таких было в Сорочинском районе – 22 человека, в Беляевском – 15, в Перволюцком – 10, Матвеевском – 4¹⁷. Имели место и случаи невнимательного отношения со стороны хозяйственных руководителей и профсоюзных организаций к нуждам учителей.

Таким образом, льготы, предоставляемые со стороны государства сельским учителям, позволили улучшить их материально-бытовое положение. Руководство страны после завершения Великой Отечественной войны проводило конструктивную социальную политику по отношению к сельской школе. Во многом это было связано с масштабами и темпами

¹⁶ ГАРФ. Ф. 5462. Оп. 32. Д. 1146. Л. 111.

¹⁷ ЦДНПО. Ф. 371. Оп. 67. Д. 109. Л. 94.

распространения школьного образования, проводимыми реформами. Это позволило закрепить значительную часть мужчин-учителей в сельской местности.

В тоже время со стороны высшего руководства страны сохранялось недопонимание специфики учительского труда, его роли в воспитании «нового человека», недооценка социальной значимости учителя в эпоху научно-технической революции. Подобное отношение к учительской профессии в условиях остаточного финансирования социальной сферы не могло не сказаться на его невысоком месте в советской «иерархии потребления». Учителя не имели достаточных гарантий против произвольных действий местных властей, затрагивающих их профессиональное и бытовое положение. Объективные трудности часто сопровождались бюрократизмом, нерасторопностью, а иногда и злоупотреблениями организаций, отвечающих за снабжение учителей.

Литература

1. *Алмаев Р.З.* «Равный труд – равная оплата...»: материальное положение школьных учителей в 1940–1960-х гг. (на материалах Южного Урала) // Вестник РУДН. 2012. № 2.
2. *Зеленин И.Е.* Советская аграрная политика в 1950 – начале 1980-х годов // Россия в XX веке: Реформы и революции: в 2 т. Т. 1. М., 2002.
3. Молодому учителю. Сборник документов и нормативных актов. Книга для учителя. М., 1986.
4. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973. М., 1974.

Сельское хозяйство Нечерноземной зоны РСФСР в 1950 – 1960-е гг.

На основе архивных документов ЦК КПСС, преимущественно не введенных в научный оборот, в статье анализируется процесс восстановления и дальнейшего развития сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР в первые два послевоенных десятилетия.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрная политика, колхозы, совхозы, Нечерноземная зона РСФСР, сельскохозяйственное производство.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об организационно-хозяйственном укреплении колхозов и подъеме сельского хозяйства в областях, краях и республика нечерноземной полосы» от 19 декабря 1935 г. обязывало партийные и советские организации в течение 3–4 лет повысить урожайность: по зерновым культурам – до 14,4–16 ц/га, по льну – до 4–5 ц/га льноволокна, по картофелю – до 144–176 ц/га [1, с. 280–281].

Столь высокие, нереальные показатели, отвечали духу 1920–1930-х гг., когда форсированными темпами решилась планы индустриализации и коллективизации. Как не была выполнена ни одна довоенная пятилетка, так не было выполнено и вышеназванное партийно-правительственное решение по подъему урожайности зерновых, льна и ряда других сельскохозяйственных культур в нечерноземной полосе страны. В частности, в предвоенном 1940 г. общественные хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР смогли увеличить урожайность зерновых только до 8,3 ц/га или только на 0,5 ц/га выше уровня 1913 г. Урожайность льна не превышала 2–3 ц/га².

В годы Великой Отечественной войны сельскому хозяйству Нечерноземной зоны РСФСР, более трети областей которой были оккупированы фашистами, был нанесен огромный материальный урон, а посевные площади сократились вдвое. В войну и в послевоенные годы значительные земельные площади региона выпали из сельхозоборота: заросли кустарником, мелколесьем, переувлажнились. По сведениям Госплана СССР, сельхозугодья уменьшились на 7,9 млн га (14%), в том числе пашни – на 4,6 млн га (13%)³.

Однако уже в начале 1950-х гг. посевные площади российского Нечерноземья составили 95,2% от уровня 1940 г., а по картофелю и сахарной свекле даже превысили этот уровень на 17,3 и 42,6% соответственно. В 1950 г.

¹ Шевельков Анатолий Иванович, кандидат исторических наук, Государственный социально-гуманитарный университет, Shevelkov51@mail.ru, Россия, г. Коломна.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 495. Л. 3.

³ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7095. Л. 9.

здесь производилось более 90% льноволокна, около 27% молока, более 22% мяса, 20% яиц от их производства в стране. Хотя поголовье крупного рогатого скота (КРС) против 1940 г. возросло на 13,8%, по увеличению поголовья овец и коз (87,7%) сельхозпредприятия отставали от среднего показателя в стране. Урожайность зерновых культур составляла 5–6 ц/га, против 7,9 ц/га в среднем по стране⁴.

Среди причин медленного развития сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР в первое послевоенное пятилетие – слабая материально-техническая база, нехватка квалифицированных кадров, недостаточное финансирование, низкие закупочные цены, которые не покрывали затраты на производство большинства видов сельскохозяйственной продукции. Всего несколько сот миллионов рублей, выделенных сельскому хозяйству региона в 1951–1953 гг. и затраченные преимущественно на закупку техники, не могли решить проблему восстановления довоенного уровня сельхозпроизводства.

Решения сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС по вопросам развития сельского хозяйства оказали положительное, но не решающее влияние на развитие аграрного производства в Нечерноземной зоне РСФСР. Несмотря на то, что в 1954–1955 гг. была укреплена материально-техническая база колхозов и совхозов, на которую государство выделило более 400 млн руб., существенных сдвигов в аграрном секторе региона в первой половине 1950-х гг. не произошло. Но наметились определенные сдвиги в росте объемов животноводческой продукции. По данным Госплана СССР, во второй половине 1950-х гг. ежегодный прирост производства мяса составил 90 тыс. т или 8%, молока – 980 тыс. т (10%), яиц – 280 млн штук (8%), шерсти – 1,2 тыс. т (6%). Хуже обстояло дело с восстановлением производства зерновых: довоенный уровень производства зерна, был достигнут только в 1967 г.⁵ Одна из главных причин – отношение руководителя партии к развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР.

Как известно, в период нахождения у власти Н.С. Хрущева (1953–1964 гг.), начиная с 1954 г., основное внимание было уделено освоению целинных и залежных земель. На решение этой задачи направлялась четверть финансов, выделенных для сельского хозяйства страны, а также практически вся новая сельхозтехника. Более того, из колхозов и совхозов центральных районов страны в целинные хозяйства шли техника, семена, людские ресурсы, что привело не только к ослаблению материально-технической базы сельхозпредприятий, но и к обострению кадровой проблемы, нарастанию миграции.

⁴ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 654. Л. 23, 24.

⁵ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7095. Л. 9.

Серьезное влияние оказала также политика укрупнения мелких, экономически слабых хозяйств, которые преобладали в Нечерноземье, что в немалой степени предопределило и так называемую политику реорганизации МТС в 1958 г. В свою очередь, это еще более усугубило финансово-экономическое положение колхозов, т.к. они должны были выкупить у МТС и РТС технику и оборудование, на что требовалось брать ссуду в Госбанке СССР, возратить которую большинство хозяйств не могли. Из более чем 4 млрд руб. задолженности колхозов на начало 1965 г. «львиная доля» приходилась на хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР. Как известно, по решению мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС с убыточных колхозов была списана только часть финансовой задолженности, включая оставшуюся задолженность за технику, хотя первоначально новое руководство страны, пришедшее на смену Н.С. Хрущева, намеревалось списать весь объем задолженности по долгосрочным и краткосрочным ссудам. В итоге, в последующие годы финансовая задолженность колхозов по ссудам Госбанка СССР только росла. Следующее, опять-таки неполное, списание долгов перед государством произошло в засушливый 1972 г., а также в 1974 г., когда было принято первое масштабное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР⁶.

Н.С. Хрущев не считал целесообразным вкладывать финансовые и материально-технические ресурсы в развитие сельского хозяйства нечерноземной полосы страны, ограничившись преимущественно развитием совхозов овощного и мясомолочного направления в пригородных зонах крупных промышленных центров. Он был категорически против широко-масштабных мелиоративных работ за счет государства, включая осушение болот, которые занимали огромные территории региона.

Н.С. Хрущев был убежден, что хозяйства нечерноземной полосы имеют достаточно ресурсов для производства овощей, молока и мяса, а производство отдельных видов зерновых культур, в частности, пшеницы, необходимо переместить в другие регионы. Был период, когда хозяйствам Нечерноземной зоны вообще не планировали продажу государству пшеницы.

Несмотря на то, что за десятилетний период целинной «эпопеи» хозяйствами целинных регионов только дважды был выполнен план продажи зерна государству, Н.С. Хрущев продолжать свою политику. В результате, в 1960–1964 гг. развитие сельского хозяйства в Нечерноземной зоне РСФСР замедлилось, а производство отдельных видов животноводческой продукции уменьшилось. В 1964 г. по сравнению с 1960 г. производство мяса

⁶ Постановление ЦК КПСС и СМ СССР, 20 марта 1974 г. «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» [3, с. 903].

сократилось на 12%, молока – на 1%, шерсти – на 28%. Хотя среднегодовое производство сельхозпродукции в 1961–1965 гг. против 1958–1960 гг. увеличилось на 1,9%⁷, это все равно было гораздо меньше тех показателей, которые были определены партийными решениями.

Практически два послевоенных десятилетия урожайность основных сельскохозяйственных культур в Нечерноземной зоне РСФСР оставалась низкой. Более того, по отдельным видам сельхозпродукции, многие области региона не достигли не только довоенного уровня, но и 1913 г. Не был восстановлен и довоенный уровень урожайности зерновых (табл. 1)⁸.

Таблица 1

Урожайность зерновых (ц/га)

	1913 г.	1940 г.	В среднем за 1959 – 1963 гг.
Нечерноземная зона	7,8	8,3	7,2
Псковская область	7,2	6,8	5,9
Новгородская область	7,6	6,5	5,9
Калужская область	7,8	6,7	6,3
Костромская область	7,3	8,6	6,9
Кировская область	7,1	10,0	5,7

Приведенные данные показывают, что в 1959–1963 гг. среднегодовая урожайность зерновых в ряде областей, представлявших все три района Нечерноземной зоны РСФСР, оказалась ниже, чем в 1913 и 1940 гг. За период 1950–1958 гг. урожайность возросла на 1–2 ц/га. Это лишь отчасти можно отнести к последствиям реализации мероприятий, намеченных сентябрьским (1953 г.) пленумом ЦК КПСС. Ведь по сравнению с 1940 г. урожайность зерновых была меньше более чем на 2 ц/га. Такое же положение сложилось с производством льна, многих других культур. Так, средний урожай льна-волокна в России в 1913 г. составлял 3,2 ц/га, а в 1950–1960-е гг. в основных льносеющих областях Нечерноземной зоны РСФСР он не превышал 2,0–2,4 ц/га. Урожайность картофеля в колхозах и совхозах в большинстве областей составляла 60–80 ц/га, овощей 100–150 ц/га. Валовое производство продукции растениеводства в расчете на 1 га пашни в Нечерноземной зоне было значительно ниже, чем в целом по РСФСР, что видно из данных табл. 2⁹.

⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 249. Л. 28.

⁸ Там же. Оп. 45. Д. 495. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 3,4.

Валовое производство продукции растениеводства (ц/га)

	1953 г.	1958 г.	1962 г.	1963 г.
РСФСР	6,2	11,4	12,4	9,7
Северо-Западный район, в том числе:	5,0	7,9	7,9	8,2
Псковская область	5,1	7,2	7,1	6,1
Центральный район в том числе:	4,3	9,1	9,9	8,1
Рязанская область	3,0	8,8	9,3	5,6
Смоленская область	3,4	7,0	6,2	7,4
Волго-Вятский район в том числе:	6,0	7,9	8,9	7,5
Кировская область	5,4	5,8	6,7	5,2

Посевные площади Нечерноземной зоны РСФСР за период 1953–1962 гг. уменьшились сравнительно незначительно – с 31563 до 30753 тыс. га. При этом посевы зерновых культур уменьшились с 18196,5 до 14834,2 тыс. га, или более чем на 3,6 млн га. Существенно сократились посевные площади технических культур, главным образом, льна-долгунца. В то же время площади, занятые кормовыми культурами, увеличились с 4732,9 до 10458 тыс. га, или более чем в два раза. В 1963–1964 гг. процесс сокращения посевных площадей под зерновыми культурами ускорился.

В итоге, за все время «хрущевского правления» (1953–1964 гг.), по причине экономической слабости колхозов, недостатка техники, незначительного выделения капитальных вложений совхозам, площадь сельскохозяйственных угодий в Нечерноземной зоне сократилась на 6,2 млн га, или на 11%. В том числе: в Северо-Западном районе – на 28,1%, в Центральном районе – на 10, в Волго-Вятском районе – на 3,3, в Новгородской области – на 33,2, а Вологодской области – на 38,7%. Кроме того, обширные площади пахотных земель, сенокосов и пастбищ заболотились, заросли кустарником и молодым лесом. По данным обследования мелиоративного состояния земель в этой зоне, пашня на площади 1,9 млн га была избыточно увлажнена, а на площади 1,2 млн га – засорена камнями. В общей сложности, из 16 млн га сенокосов и пастбищ – 3,9 млн га оставались заболоченными, а 6,5 млн га заросли кустарником и мелкоколесем.

Серьезной проблемой для сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР являлось наличие огромного количества мелко контурных полей, что не позволяло эффективно использовать мощную технику. В тоже время, техники, приспособленной для работы в таких условиях, не было. Хотя вопрос об ее производстве ставился неоднократно. В отдельных областях

Нечерноземной зоны преобладали поля, средняя площадь которых не достигала 1 га. К примеру, в Архангельской области их насчитывалось 49,2%, в Калининской области – 53,8, в Ленинградской области – 73,2% от общей площади сельхозугодий¹⁰.

В Нечерноземной зоне РСФСР преобладают подзолистые, с малым содержанием гумуса, почвы. Поэтому важным резервом в повышении урожайности являются удобрения. Несмотря на то, что в регионе находились огромные запасы торфа, они эффективно не разрабатывались и использовались в недостаточных объемах. В среднем на 1 га пашни в 1964 г. в колхозах и совхозах Центрального района Нечерноземной зоны РСФСР, было внесено только по 4 т органических удобрений, в Волго-Вятского районе – по 3 т, а в Мордовской АССР и Орловской области – по 1 т.

В совершенно недостаточных объемах применялись минеральные удобрения. В 1964 г. в среднем на 1 га пашни здесь вносилось по 123 кг минеральных удобрений. В середине 1960-х гг. в известковании нуждалось около 16 млн га сельскохозяйственных угодий, в том числе около 12 млн га пашни. Однако работы по внесению в почву извести проводились очень медленно. За 1962–1964 гг. известкование было проведено лишь на площади 2,2 млн га (вместо 6,1 млн га по плану). В итоге подобного отношения к внесению органических и неорганических удобрений, известкованию, валовой сбор зерна сократился с 14,8 млн т в 1940 г. до 10,5 млн т в среднем за 1959–1964 гг.¹¹

Запущенность пастбищ и сенокосов привела к тому, что хозяйства были вынуждены в ущерб производству других, преимущественно зерновых, увеличивать посевы кормовых культур. В результате, за десятилетие (1953–1963 гг.) посевы кормовых культур возросли почти на 5 млн га. Но продуктивность скота продолжала оставаться низкой. Так, удой молока на одну фуражную корову в 1964 г. составил по зоне 1853 кг против 2147 кг в 1960 г. В колхозах и совхозах Волго-Вятского района за пять лет (1960–1964 гг.) удой молока снизился на 527 кг, в Калужской области – на 597 кг, в Удмуртской АССР – на 868 кг, а в Рязанской области – на 1000 кг. Настриг шерсти с одной овцы не превышал 2,5 кг, а в таких областях, как Владимирская, Архангельская, Костромская, Ярославская с овцы получали менее 1–1,2 кг шерсти¹². Низкая продуктивность, помимо недостатков в содержании и уходе за скотом, объяснялась систематическим недокормом скота.

В большинстве областей и автономных республик Нечерноземья медленно решались вопросы специализации и концентрации животноводства.

¹⁰ Там же. Л. 5.

¹¹ Там же. Л. 6.

¹² Там же. Л. 7.

Большинство ферм оставались мелкими, разбросанными по многочисленным населенным пунктам, необорудованными. поголовье КРС, овец и коз во всех категориях хозяйств в Северо-Западном районе и в ряде областей Центрального и Волго-Вятского районов в 1964 г. не достигло уровня 1913 и 1940 гг. Как следствие – валовое производство продуктов животноводства в целом по Нечерноземной зоне росло крайне медленно. Но были и исключения. Так, за период 1953–1964 гг. производство мяса в Северо-Западном районе увеличилось на 45%, в Волго-Вятском районе – на 43, а в Центральном районе – на 11%. Производство молока за этот период увеличилось в Центральном районе на 51%, в Волго-Вятском районе – на 52, в Северо-Западном районе – на 65%¹³.

В начале 1960-х гг. все категории хозяйств Нечерноземной зоны в среднем за год производили сельскохозяйственной продукции на сумму 10504,7 млн руб. Из трех районов Нечерноземья (Центральный, Северо-Западный, Волго-Вятский) наименьший вклад вносили сельхозпредприятия Северо-Западного района. Объем валовой продукции его хозяйств оценивался в сумму 1529,5 млн руб. В 1961–1965 гг. среднегодовое производство валовой продукции сельского хозяйства в Нечерноземной зоне составляло 10700,3 млн руб., а в Северо-Западном районе – 1589,5 млн руб. То есть за период 1958–1965 гг. практически не было роста производства продукции в денежном выражении. С одной стороны, это свидетельствовало о низкой эффективности сельхозпроизводства, а с другой стороны, подтверждало, что государство не стимулировало производство продукции повышением закупочных цен на нее и, кроме того, недостаточно финансировало наиболее отсталую отрасль экономики. К этому следует добавить, что в 1963 г. в 30–50% колхозов Северо-Запада оплата труда колхозников деньгами и натурой составляла в среднем на отработанный чел./день менее одного рубля¹⁴.

Как уже отмечалось, одной из важнейших причин низкой эффективности сельхозпроизводства в Нечерноземной зоне РСФСР на протяжении послевоенных десятилетий, равно как и в стране в целом, являлась слабая материально-техническая база. В частности, в 1950-е гг., и в первой половине 1960-х гг. колхозы и совхозы зоны были плохо оснащены основными средствами производства, прежде всего, пахотными тракторами. В ряде областей нагрузка на трактор значительно превышала среднюю нагрузку по РСФСР. На один 15-тицильный трактор в среднем по РСФСР в 1964 г. приходилось 88 га пашни, а в Волго-Вятском районе – 101 га, в Мордовской АССР – 107 га, в Пермской области – 110 га. Нагрузка на зерновой комбайн в среднем по РСФСР составила 259 га, а в Горьковской области – 262 га,

¹³ Там же. Л. 8.

¹⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 769. Л. 71.

в Рязанской области – 265 га, в Марийской АССР – 281 га, в Пермской области – 289 га.

Уровень механизации многих сельхозработ и, особенно, в животноводстве оставался крайне низким. В совхозах Северо-Западного района в 1964 г. сенокосение было механизировано только на 40%, стогование сена на 80, уборка силосных культур – на 47, а погрузка удобрений – на 56%. Дояние коров было механизировано лишь на 59%. Механизированной подачей воды было обеспечено 78% поголовья КРС, раздачей кормов – 2%. Уборка навоза механизирована всего лишь на 10%¹⁵. Необходимо также отметить, что техника, которая поступала в эту зону, по-прежнему была недостаточно приспособлена к местным почвенно-климатическим условиям. В то же время мощная техника использовалась неэффективно.

В первой половине 1960-х гг. много колхозов и совхозов Нечерноземной зоны РСФСР не было электрифицировано, а достигнутый уровень значительно отставал от уровня электрификации сельского хозяйства в целом по Российской Федерации. Так, если в 1964 г. расход электроэнергии на одного сельского жителя в РСФСР составил 177 кВт/ч, то в Нечерноземной зоне – 143,2 кВт/ч. Расход электроэнергии на производственные нужды в 1964 г. составил соответственно 80,9 и 59,4 кВт/ч¹⁶.

За 1956–1964 гг. осушение земель было проведено всего лишь на площади 3,7 млн га, или в среднем 0,4 млн га в год. В совершенно незначительных размерах осуществлялись такие работы, как раскорчевка кустарника и мелколесья, известкование кислых почв, использование торфа на удобрения и другие мероприятия, связанные с повышением плодородия земель. Одна из причин – отсутствие должного финансирования этих работ, как со стороны государств, так и сельхозпредприятий. Государство несло финансовые расходы лишь 50% отдельных видов работ в экономически слабых колхозах. Но у большинства убыточных хозяйств не было денег для оплаты остальных 50% стоимости мелиоративных работ.

В результате низкой урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности скота, недостаточного уровня механизации сельскохозяйственного производства, себестоимость основных видов продукции в этой зоне на протяжении 1953–1964 гг. была значительно выше, чем в других районах РСФСР.

Высокая себестоимость продуктов животноводства и растениеводства не покрывалась существовавшими закупочными ценами, в результате чего колхозы и совхозы несли от сдачи этой продукции государству большие убытки. Так, в 1964 г. от реализации сельхозпродукции совхозы Нечерно-

¹⁵ Там же. Ф. 5. Оп. 64. Д. 365. Л. 14.

¹⁶ Там же. Оп. 45. Д. 495. Л. 9.

земной зоны РСФСР получили 163,4 млн руб. убытка, что составляло 26% общей суммы убытков, полученных совхозами республики. При этом, от сдачи зерна государству совхозы получили убыток 2,4 млн руб., от сдачи продуктов животноводства – 213,8 млн руб. В том числе, от сдачи молока – 132,6 млн руб., мяса КРС – 67,9 млн руб., мяса свиней – 23,8 млн руб. Из 1580 совхозов Нечерноземной зоны Министерства сельского хозяйства РСФСР в 1964 г. оказались убыточными 1213 или 77% всех хозяйств зоны¹⁷.

Из-за недостаточного уровня производства продукции земледелия и животноводства и ее высокой себестоимости, колхозы Нечерноземной зоны имели крайне низкую рентабельность. Если рентабельность колхозов Северного Кавказа составляла в 1964 г. примерно 50%, то есть была близка к нормам, обеспечивающим ведение расширенного воспроизводства, то в колхозах Северо-Западного и Центрального районов, она находилась на уровне 5–8%¹⁸.

Из-за недостатка рабочей силы, особенно в период сенокоса и уборки урожая, большой объем сельскохозяйственных работ во многих колхозах и совхозах Нечерноземной зоны выполняли рабочие и служащие, привлекаемые из городов и рабочих поселков. Так, в августе 1964 г. в колхозах Северо-Западного района работало 45,6 тыс. чел. наемных и привлеченных лиц, или 9%, а в сентябре – 60,4 тыс. чел., или 13% к числу работавших колхозников, в Московской области – 27%, в Ивановской области – 28%, в Костромской области – 20%¹⁹.

С приходом к власти Л.И. Брежнева аграрная политика государства была существенно изменена, в том числе по отношению к сельскому хозяйству Нечерноземной зоны РСФСР. Это касалось установления твердого, неизменного плана продажи государству зерновых культур на период 1965–1970 гг., а также повышения закупочных цен на эти культуры для сельхозпредприятий нечерноземной полосы. Новое руководство страны на первых порах достаточно основательно подошло к вопросам подъема сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР.

Во-первых, в начале 1965 г. в преддверии мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС, проблемы в аграрном секторе российского Нечерноземья были обсуждены на заседаниях Президиума ЦК КПСС, а также на ряде совещаний в ЦК КПСС с участием Л.И. Брежнева, руководителей профильных министерств и ведомств, секретарей областных партийных комитетов партии, председателей колхозов и директоров совхозов²⁰.

¹⁷ Там же. Оп. 66. Д. 234. Л. 204, 205.

¹⁸ Там же. Д. 236. Л. 24.

¹⁹ Там же. Оп. 46. Д. 321. Л. 87.

²⁰ Там же. Ф. 3. Оп. 16. Д. 653. Л. 142–145; Ф. 2. Оп. 1. Д. 231. Л. 16.

Во-вторых, это нашло отражение в докладе Президиума ЦК КПСС на мартовском (1965 г.), где отмечалось, что наиболее пострадавшим регионом от непродуманной аграрной политики Н.С. Хрущева оказалась нечерноземная полоса страны, что было показано на примере тяжелейшего состояния сельского хозяйства Смоленской области²¹. Правда, в изданной стенограмме мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС значительная часть негативного материала о социально-экономическом положении в этой области зоны не нашла отражение [2, с. 8–9].

В соответствии с решениями мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС было увеличено финансирование хозяйств, приняты меры к укреплению материально-технической базы колхозов и совхозов региона. Кроме того, государство брало на себя финансирование всего объема мелиоративных работ в Нечерноземье.

В 1966–1970 гг. хозяйствам Нечерноземной зоны РСФСР через Министерство сельского хозяйства РСФСР было направлено 4993 млн руб. государственных капиталовложений, или 33% от всех капитальных вложений, выделенных этому ведомству. Вместе с финансами других ведомств, а также колхозов это составило 11,7 млрд руб. В 1970 г. по сравнению с 1966 г. поставки тракторов увеличились на 31%²².

Несомненно, решения мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС, увеличение финансирования сельского хозяйства, проведение мелиоративных работ, определенное укрепление материально-технической базы хозяйств положительно сказались на росте объемов производства. Среднегодовое производство сельскохозяйственной продукции в стране увеличилось в 1966–1970 гг. по сравнению с предыдущим пятилетием на 20% против 7% в 7-й пятилетке (1959–1965 гг.). Это позволило продать государству за пять лет в сравнении с 1961–1965 гг. зерна больше на 43%, мяса – на 42, молока – на 73, яиц – на 128%²³.

Итогом увеличения финансирования, материально-технического укрепления сельского хозяйства Нечерноземья, стал и рост объемов его производства в денежном выражении. Среднегодовое производство продукции сельского хозяйства по всем категориям предприятий в 1966–1970 гг. составило 12,9 млрд руб. против 10,7 млрд руб. в 1961–1965 гг. (+20%)²⁴. Однако, установленные государственные задания на 8-ю пятилетку по производству и продаже государству сельхозпродукции, как в стране, так и в Нечерноземье, не были выполнены. В том числе и по причине отказа от некоторых

²¹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 767. Л. 60.

²² Там же. Ф. 5. Оп. 63. Д. 249. Л. 28.

²³ Там же. Оп. 64. Д. 260. Л. 125.

²⁴ Там же. Ф. 3. Оп. 67. Д. 352 Л. 4, 45.

важнейших решений мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС. Во-первых, более чем на 23% против плана было сокращено финансирование сельского хозяйства страны, включая Нечерноземную зону РСФСР. Во-вторых, колхозы и совхозы, в том числе Нечерноземной зоны РСФСР, недополучили более 1 млн единиц сельскохозяйственной техники. В-третьих, мероприятия Совета Министров РСФСР по дальнейшему развитию сельского хозяйства региона, подготовленные по предложению ЦК и по поручению Бюро ЦК КПСС по РСФСР (1965 г.), не получили поддержки Президиума ЦК КПСС. Равно как и проект постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР по развитию мелиоративных работ в Нечерноземной зоне РСФСР в 1966–1970 гг. Предложения Совета Министров РСФСР были «размыты» в решениях майского (1966 г.), октябрьского (1968 г.) пленумов ЦК²⁵.

Литература

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 6.
2. Мартовский пленум ЦК КПСС. 24–26 марта 1965 г. Стенографический отчет. М., 1965.
3. Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965 – 1974 гг.). М., 1975. С. 903

---

²⁵ Там же. Оп. 68. Д. 34. Л. 123.

Зерновые совхозы на целинных и залежных землях востока СССР в середине 1950-х гг.²

Проанализированы особенности функционирования зерновых совхозов, созданных на целинных и залежных землях востока СССР в середине 1950-х гг. Рассмотрены проблемы обеспечения этих хозяйств кадрами, техникой, зданиями социального и производственного назначения, а также результаты их финансово-экономической деятельности.

Ключевые слова: аграрная политика, сельское хозяйство, зерновое хозяйство, освоение целинных и залежных земель, совхозы, Н.С. Хрущев.

Одним из символов эпохи правления Н.С. Хрущева была кампания по освоению целинных и залежных земель Казахстана, Урала, Сибири и Дальнего Востока, проводившаяся в 1954–1960 гг. в целях немедленного получения большого объема дешевого зерна и имевшая существенные экономические, социальные, демографические и экологические последствия. Благодаря реализации целинной программы существенно изменилась организационно-производственная структура сельского хозяйства. На новых землях развернулось масштабное совхозное строительство. Государственные хозяйства в массовом порядке стали создавать и в старопашотных районах страны на базе колхозов. Советская деревня из колхозно-совхозной превращалась в совхозно-колхозную. В настоящей статье осуществляется попытка проанализировать проблемы первого «целинного» этапа хрущевской «совхозизации».

Целинная программа была директивно оформлена в постановлении февральско-мартовского пленума ЦК КПСС 1954 г. [4, с. 160–191]. В районах Казахстана, Урала, Сибири предстояло в течение двух лет освоить 13 млн га целины и залежи и получить на них 18–19 млн т зерна. Хлебозаготовки должны были увеличиться на 30–40% относительно уровня 1953 г. В документе говорится о необходимости превращения государственных сельхозпредприятий в образцовые высокотоварные хозяйства, которые призваны сыграть большую роль в увеличении производства зерна путем освоения новых земель на востоке страны. Из 13 млн га целины и залежей, отведенных под посевы зерновых культур в 1954–1955 гг., совхозам предстояло распахать под посевы пшеницы и проса 4,3 млн га, в том числе 2,3 млн – путем освоения пустыющих земельных массивов в существующих совхозах и 2 млн га – за счет распашки участков Государственного земельного фонда.

¹ Андреенков Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, e-mail: andreenkov_sn@mail.ru, Россия, г. Новосибирск.

² Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 16-01-00067).

В Казахской ССР, на Урале и в Сибири планировалось организовать десятки новых совхозов, специализирующихся на производстве пшеницы, проса, овса, кукурузы и других зерновых культур, частично – подсолнечника и льна-кудряша с полной механизацией работ.

Реализация «целинного проекта» превратилась в мощную кампанию общенационального масштаба. На неосвоенные земли были брошены значительные материальные и людские ресурсы. Двухлетний план распашки целины и залежей перевыполнили уже в первый год кампании. Погода в 1954 г. была благоприятной, средняя урожайность оказалась высокой, поэтому собрали рекордный урожай. «Натиск» на целину продолжился. В 1954–1955 гг. в СССР было распахано 33 млн га целинных и залежных земель, в том числе в Казахстане – 17,9 млн га, в РСФСР – 11,7 млн, из них в Сибири – 6,8 млн га, а в 1954–1960 гг. – 41,8 млн, 25,4 млн, 16,3 млн и 10,3 млн га соответственно [1, с. 199–200].

В 1954 г. на целинных и залежных землях было организовано 124 совхоза: 87 – в Казахстане и 37 – в РСФСР. На январском пленуме ЦК КПСС 1955 г. Н.С. Хрущев заявил о необходимости создания на новых землях еще 280–300 государственных сельхозпредприятий. В итоге в 1955 г. появился 301 целинный совхоз: 250 – в Казахстане и 51 – в РСФСР. Их общее число достигло 425 (337 – в Казахстане и 88 – в РСФСР; в Сибири – 50) [2, с. 185; 5, с. 467]. Новые совхозы создавались не только на пустовавших участках, но и на не используемых для производства зерна целинных и залежных землях колхозов и старых госхозов.

Трудовые коллективы целинных совхозов формировались главным образом из числа молодых людей, прежде всего комсомольцев, которые прибывали на целину из городов в порядке оргнабора. Первоцелинниками становились многие увольняемые в запас военнослужащие. В число тружеников государственных сельхозпредприятий, организуемых на целинных и залежных землях, вошло и немало работников старых совхозов, МТС и колхозов, которые, как и горожане, «откликнулись на призыв партии» отправиться на целину. Среди них было много опытных руководителей, взявших на себя управленческую работу в новых хозяйствах. Целинные госхозы пополнялись кадрами из выпускников училищ механизации сельского хозяйства и школ ФЗО. Дополнительным источником кадров для совхозов было организованное государством сельскохозяйственное переселение. Государству в целом удалось обеспечить целинные хозяйства специалистами и рабочими массовых профессий.

Для всех трудящихся вновь образованных совхозов в первые два года работы была установлена 15%-ная надбавка к заработной плате. Руководителям сельхозпредприятий разрешалось оставлять часть произведенных

продуктов для общественного питания. Работникам совхозов предоставлялось личное подсобное хозяйство, размеры которого соответствовали нормативам индивидуального хозяйства колхозников. На постройку жилых домов, покупку скота и птицы выдавались государственные кредиты. Формировалась социально-бытовая инфраструктура совхозных поселков.

Целинные сельхозпредприятия получили от государства необходимый объем сельскохозяйственной техники. Ее поставляли промышленные предприятия. Заказы для целины находились под особым контролем государства и выполнялись в первую очередь. Новые зерновые совхозы уже в первые годы целинной кампании превратились в технически оснащенные хозяйства. В 1956 г. на каждый из них приходилось по 210 тракторов (в 15-ти-сильном исчислении) и 80 зерновых комбайнов, тогда как в стране в целом один совхоз располагал в среднем 61 трактором и 17 комбайнами. Пахотная нагрузка на трактор здесь составляла 116 га, а во всех зерносовхозах страны – более 121 га [2, с. 185]. В совхозах началось возведение необходимых хозяйственных объектов: ремонтных мастерских, гаражей, складов и т.п.

В целом новыми зерносовхозами в 1954–1956 гг. в стране было распахано 8 млн га целинных и залежных земель, или более половины земельной площади, освоенной всем совхозным сектором (14,3 млн га). К 1958 г. посевная площадь зерновых культур в целинных совхозах была доведена до 10,7 млн га. В 1954 г. созданные на новых землях государственные хозяйства сдали в зерновые фонды страны 32 тыс. т хлеба, в 1955 г. – 901 тыс., в 1956 г. – 8,4 млн, в 1957 г. – 2,5 млн т. Причем 1955 и 1957 гг. были засушливыми, а в 1954 г. новые зерносовхозы имели относительно небольшие посевные площади (231,6 тыс. га), предназначенные для выращивания семян [2, с. 189]³.

В урожайные годы целинные совхозы давали прибыль, а в неурожайные – убыток. Так, в 1954 г. доходы данных хозяйств от реализации зерна государству превысили расходы на его производство на 11%, а в недородном 1955 г. доходы оказались ниже расходов на 24%. В совхозном секторе в целом колебание показателей финансово-экономической деятельности было менее заметным (табл. 1).

Таблица 1

**Производственно-экономические показатели зернового хозяйства
целинных зерносовхозов и совхозов СССР в 1954–1957 гг.
(в среднем за год)**

	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.
Урожайность, ц/га				
Все совхозы	8,2	5,6	10,9	–

³ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 21. Д. 378. Л. 45.

Целинные совхозы	9,0	3,1	11,3	4,0
Затраты, чел.-ч./ц				
Все совхозы	3,6	3,5	2,0	–
Целинные совхозы	2,1	4,5	1,6	2,9
Себестоимость, руб./ц				
Все совхозы	39,88	46,57	32,17	–
Целинные совхозы	32,37	70,2	28,98	58,64
Прибыль (+) / убыток (-),%				
Все совхозы	+6,04	-0,62	+8,84	–
Целинные совхозы	+11,08	-24,34	+11,66	-11,29

Источник: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 21. Д. 378. Л. 50.

В целом в 1954–1957 гг. среднегодовые финансово-экономические показатели работы целинных зерносовхозов оказались не такими высокими, как прогнозировалось. Наименьшими они были в Казахстане. Затраты на выращивание зерна были компенсированы в республике за данный период только на 17%. В РСФСР – на 52%, в том числе в Омской области – на 59, в Новосибирской – на 85, в Алтайском крае – на 105% (табл. 2). Правда, сибирские совхозы сдавали зерно государству по более высоким ценам, чем казахстанские. В начале целинной кампании руководство страны при определении расценок на совхозный хлеб исходило из того, что в Сибири урожайность целинной пашни будет ниже, чем в Казахстане, поэтому сдачную цену для сибирских хозяйств целесообразно повысить.

Таблица 2

Производственно-экономические показатели зернового хозяйства в целинных совхозах в 1954–1957 гг. (в среднем за год)

Регион	Урожайность, ц/га	Себестоимость, руб./ц	Доход, руб./ц	Окупаемость затрат, %
Казахская ССР	6,4	40,4	6,95	17
РСФСР	8,6	31,5	16,4	52
Алтайский край	8,8	25,25	26,5	105
Омская область	6,1	32,58	19,2	59
Новосибирская область	8,6	27,98	23,8	85
Красноярский край	8,3	29,79	16,8	56

Источник: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 21. Д. 378. Л. 46.

И в Казахстане, и в Сибири, и на Урале урожайность зерновых культур в государственных хозяйствах оказалась ниже планируемого уровня, чем и объясняется нерентабельность их выращивания. Рентабельными целинные совхозы могли стать при сборе с 1 га 14 и более центнеров зерна, но в

1954–1957 гг. в Казахстане рассматриваемые хозяйства получали в среднем 6,4 ц, в РСФСР – по 8,6 ц/га (см. табл. 2).

Недостаточная производительность полей целинных совхозов противоречила выдвинутой верховной властью концепции, согласно которой для того чтобы капиталовложения в зерновое производство на новых землях себя оправдали, достаточно нескольких высокоурожайных лет. Этот подход Н.С. Хрущев озвучил в отчетном докладе ЦК КПСС на XX съезде партии: «Некоторые товарищи могут спросить, правильно ли мы делаем, осваивая целинные земли в районах, подверженных засухе. Изучение имеющихся данных показывает, что даже при периодических засухах ведение зернового хозяйства в Казахстане, Сибири и на Урале выгодно и экономически оправдано. Если из пяти лет мы будем иметь только два хороших по урожайности года, один средний и два неурожайных, то при тех сравнительно небольших затратах, которые требуются для выращивания зерновых культур, в данных условиях можно вести зерновое хозяйство с большой выгодой и получать дешевый хлеб» [6, с. 195]. Но урожайные годы не давали достаточного количества зерна. При объемах его производства, достигнутых в 1956 г., вложенные в новые совхозы средства можно было окупить только в течение 11–12 лет⁴.

Невысокий уровень производительности целинных совхозов не мешал Н.С. Хрущеву делать оптимистичные прогнозы их дальнейшего развития. Глава партии был уверен, что государственные сельхозпредприятия способны быстро наращивать производство. Главными факторами его роста считались неисчерпаемое естественное плодородие целинных и залежных земель, мощный трудовой энтузиазм целинников и индустриальная основа хозяйствования.

Однако объективно надеяться на щедрость природы было уже нельзя. Необходимый рост урожайности могло обеспечить только повышение культуры земледелия: улучшение землепользования, развитие семеноводства, совершенствование агротехники, уменьшение потерь зерна при уборке, транспортировке и хранении, повышение качества труда руководителей и рабочих. Но ситуация в этих сферах оставалась сложной.

Земли использовались неудовлетворительно, правильные севообороты отсутствовали. Пары применялись менее чем на 10% площади пашни. При вспашке целины и залежей хозяйства должны были руководствоваться советами академика Т.Д. Лысенко, который скептически относился к парам и посевам трав и вместо щадящей поверхностной обработки почвы, на проведении которой настаивал новатор сельскохозяйственного производства Т.С. Мальцев, предлагал пахать целину глубоко, переворачивая пласт. Лек-

⁴ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 21. Д. 378. Л. 47.

цию Т.Д. Лысенко о способах получения высоких урожаев яровой пшеницы на целинных и залежных землях перед отправкой в районы их освоения обязательно прослушивали уполномоченные ЦК КПСС по организации новых зерновых совхозов [3, с. 114–115].

Игнорирование почвозащитных технологий и пшеничная монокультура создавали условия для деградации почв, распространения вредоносной флоры и фауны. При этом минеральные удобрения, гербициды и другие средства агрохимии в достаточном объеме не применялись. Мало вносилось в почву органических удобрений, что обуславливалось медленным развитием животноводства.

Трудовой энтузиазм работников целинных совхозов, их готовность к жизни в аскетических условиях быстро сменились желанием проживать в более комфортной социально-бытовой обстановке, которую верховная власть вопреки обещаниям так и не создала. Из-за недостатка финансирования и неудовлетворительной работы строительных организаций хозяйства смогли создать лишь минимальный жилой фонд. В 1957 г. во всех образованных на целине совхозах на 1 чел. приходилось в среднем 3 м² жилой площади. Магазины, столовые, радиоузлы, пекарни, школы появлялись далеко не во всех совхозных поселках⁵.

Трудовые ресурсы использовались нерационально. В зимний сезон значительная часть постоянных совхозных работников оказывалась без дела. Руководство сельхозпредприятий отправляло их в длительные отпуска без оплаты труда, тогда как могло направить на временную работу в заготовительные, строительные и транспортные хозяйства. Зато на уборке урожая рабочих рук не хватало, поэтому приходилось привлекать студентов и других временных работников. Отсутствие заработков в зимнее время и плохие жилищно-бытовые условия способствовали большой текучести кадров. В значительном количестве совхозов кадровый состав полностью обновился: из первоцелинников, прибывших в хозяйства в 1954–1955 гг., к 1957 г. мало кто остался. Кадровый контингент хозяйств в конце 1950-х – начале 1960-х гг. отличался невысокой трудовой дисциплиной.

Низкими были темпы возведения объектов хозяйственной инфраструктуры. В РСФСР ремонтными мастерскими располагали 32 совхоза из 87, в Казахстане – 34 из 337⁶. Нехватка ремонтных мастерских, а также перебои в снабжении запчастями приводили к частым поломкам и простоям тракторов и комбайнов, затягиванию сроков проведения полевых работ. В совхозах не было достаточного количества сараев, зернохранилищ, животноводческих помещений.

---

⁵ Там же. Л. 53.

⁶ Там же. Л. 52.

Писатель А.В. Никульков, побывав в 1959 г. в совхозе «Кочковский» Новосибирской области, так описал сложившуюся в нем ситуацию: «Осыпавшийся котлован посреди центральной усадьбы <...> приобретает символическое значение. Он словно свидетельствует: совхоз построен, но не достроен. С 1955 г. строительство фактически прекращено. Все население совхоза насчитывает около пятисот человек вместе с детьми, стариками и домохозяйками. А ведь одних механизаторов необходимо более четырехсот. На сто комбайнов имеется пока лишь 12 комбайнеров, не хватает 200 квалифицированных трактористов. <...> Недавно из Рязанской области приехали 19 семей. Но селить негде. До сих пор 80 семей живут в бараках, многие – на частных квартирах. <...> Необходимо срочное строительство еще 1500–2000 квадратных метров жилья. За пять лет совхоз стал многоотраслевым хозяйством. <...> Необходимо строить три коровника, три телятника, свиарник, птичник. Нужны сушилка, водонапорная башня, клуб»⁷.

Улучшение ситуации в анализируемом сегменте совхозной системы связывалось с увеличением финансирования. В целом общая потребность в дополнительных капиталовложениях на строительство в целинных совхозах в 1958–1960 гг. измерялась суммой в 12 млн руб. на каждое сельхозпредприятие. В 1954–1957 гг. на эти цели было израсходовано 3,4 млрд руб., или только по 8 млн руб. в среднем на хозяйство⁸. Средства в первую очередь следовало направлять на строительство жилья и культурно-бытовых объектов. Правительству предлагалось установить для тружеников целинных совхозов надбавки к зарплате: 5%-ную – за первый год работы, 10%-ную – за второй и 15%-ную – за третий. Трактористам, шоферам, ремонтным рабочим, грузчикам, работникам животноводства совхозы должны были бесплатно выдавать спецодежду⁹.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. на развитие целинных зерносовхозов государство расходовало немалые средства, однако быстро решить весь комплекс проблем, связанных с их функционированием, было невозможно. Условия для сохранения высокого уровня производительности зернового хозяйства на новых землях в целом созданы не были. Сформировать здесь соразмерную достигнутым масштабам производства хозяйственную и социальную инфраструктуру в сжатые сроки не удалось. В начале 1960-х гг. снижение плодородия почв, ставшее следствием нарушения основ агротехники при освоении целинных и залежных земель, привело к падению урожайности зерновых культур и, соответственно, к сокращению уровня доходности и рентабельности совхозного сектора. Негативные явления в

⁷ Никульков А.В. В целинном совхозе // Советская Сибирь. 1959. 9 июня.

⁸ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 21. Д. 378. Л. 52, 54.

⁹ Там же. Л. 55–57.

целинном земледелии пришлось преодолевать в рамках реализации долгосрочной и дорогостоящей программы интенсификации сельского хозяйства, разработанной в последние годы правления Н.С. Хрущева.

Литература

1. *Андреенков С.Н.* Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946–1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск, 2016.
2. *Богденко М.Л., Зеленин И.Е.* Совхозы СССР: краткий исторический очерк. М., 1976.
3. Великий подвиг партии и народа – массовое освоение целинных и залежных земель: сб. документов. М., 1979.
4. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957). М., 1958. Т. 4.
5. *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1962. Т. 1: Сентябрь 1953 года – январь 1955 года.
6. *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1962. Т. 2: Февраль 1955 года – январь 1958 года.

Социальные последствия аграрных реформ Н.С. Хрущева

В статье анализируются бюджеты и структура потребления основных категорий городского и сельского населения СССР начала 1960-х гг. Показана динамика уровня жизни населения в завершающий период хрущевского реформаторства.

Ключевые слова: аграрная политика советского государства, бюджеты семей города и деревни, уровень жизни населения.

Социально-экономическая политика Н.С. Хрущева – это череда экспериментов и экспериментов. В 1958 г. начинается реформа по реорганизации МТС, она без преувеличения затронула каждого жителя деревни. Путем продажи сельскохозяйственной техники МТС колхозам государство стремилось пополнить казну. Постановление февральского пленума ЦК КПСС «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» предполагало поэтапное проведение реформы на протяжении ряда лет. В действительности произошла ликвидация структуры МТС, являвшейся опорной конструкцией аграрной экономики [4]. Уже к зиме 1958 г. 80% МТС было реорганизовано и 75% колхозов купили сельскохозяйственную технику на сумму в 20 млрд руб. [3, с. 157].

На рубеже 1950-х – 1960-х гг. правящая партия объявила курс на построение коммунизма в СССР. В 1961 г. XXII съезд КПСС принял новую программу – программу построения коммунистического общества. В течение ближайших 20 лет предполагалось создать такой экономический базис, который обеспечит «изобилие материальных и культурных благ для всего населения», «общество вплотную подойдет к осуществлению принципа распределения по потребностям» [2, с. 140].

Между тем страна переживал острейший кризис потребления, население испытывало недостаток в продуктах питания, товарах повседневного и длительного спроса, в жилье и т.п. Аграрная политика Н.С. Хрущева провалилась. Руководство страны было вынуждено признать необходимость привлечения дополнительных финансовых средств на развитие деревни. 17 мая 1962 г. Совет Министров СССР принимает постановление «О повышении закупочных (сдаточных) цен на крупный рогатый скот, свиней,

---

¹ Томилин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, Липецкий государственный педагогический университет, tomilin58@mail.ru, Россия, г. Липецк.

овец, птицу, масло животное и сливки и розничных цен на мясо, мясные продукты и масло животное»².

31 мая 1962 г. населению было объявлено о повышении цен на мясо и мясные продукты в среднем на 30%, на колбасные изделия – на 31%, а также на масло животное на 25%. Это было первое с военных времен и отмены карточной системы повышение цен. Среди жителей городов эта мера вызвала сильное недовольство. Новочеркасская трагедия 2 июня 1962 г. свидетельствовала о том, что трудящиеся доведены до опасной черты.

Для получения объективной информации о реальном положении различных социальных групп правительство поручило органам статистики провести их бюджетное обследование. За подписью начальника ЦСУ СССР В. Старовского в ЦК КПСС была направлена аналитическая записка «Об итогах обследования бюджетов населения за девять месяцев 1962 года и о влиянии на бюджет семьи повышения розничных цен на мясо, мясные продукты и масло животное»³. Источник весьма информативный по содержанию и обширный по объему. Он содержит почти полсотни страниц машинописного текста и большой цифровой материал, размещенный по таблицам.

В выборочное обследование населения 1962 г. вошли 51 тыс. семейных бюджетов, в том числе 16,4 тыс. бюджетов семей рабочих промышленности, 0,5 тыс. – рабочих строительства, 0,5 тыс. – работников железнодорожного транспорта, 1 тыс. – рабочих совхозов, 4,8 тыс. – служащих и инженерно-технических работников и 26,9 тыс. – семей колхозников. Состав обследуемых семей неодинаков. В среднем на 100 семей рабочих приходилось 324 человека, рабочих строительства – 291, работников железнодорожного транспорта – 311, рабочих совхозов – 410, колхозников – 394, служащих и инженерно-технических работников – 323. В общей сложности обследованием было охвачено около 200 тыс. чел.⁴

Данные статистического обследования показывают рост денежных доходов населения. За девять месяцев 1962 г. денежные доходы семей рабочих промышленности, строительства и железнодорожного транспорта составили 1,6–1,7 тыс. руб. и выросли в сравнении с прошедшим годом на 2–6%. Денежные доходы рабочих совхозов увеличились на 10% и составили порядка 1,3 тыс. руб. Самый большой денежный доход имели семьи служащих и инженерно-технические работники – более 2 тыс. руб. со средней динамикой его роста – 8% (табл. 1).

² Постановление Совета Министров СССР от 17.05.1962 № 456 «О повышении закупочных (сдаточных) цен на крупный рогатый скот, свиней, овец, птицу, масло животное и сливки и розничных цен на мясо, мясные продукты и масло животное» // [электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=35733> (дата обращения: 15.10.2016).

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 116–164.

⁴ Там же. Л. 135.

**Денежные доходы и расходы населения СССР
в среднем на семью за девять месяцев 1962 г.**

	Доходы (руб.)	% к доходам за девять месяцев 1961 г.	Расходы (руб.)	% к расходам за девять месяцев 1961 г.
Рабочие промышленности	1724,8	104	1695,1	104
Рабочие строительства	1626,5	106	1614,7	107
Работники железной дороги	1705,1	102	1685,3	102
Рабочие совхозов	1273,2	110	1245,2	110
Колхозники	733,6	113	700,2	113
Служащие и ИТР	2002,2	108	1964,6	102

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 117.

При этом необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство: ежемесячные доходы населения и расходы практически совпадают, т.е. многие семьи жили «от зарплаты до зарплаты». Как видно из таблицы, семьи промышленных рабочих за девять месяцев 1962 г. заработали 1724,8 руб., а израсходовали 1695,1 руб., или 98%. В итоге рабочая семья в среднем за девять месяцев смогла отложить «на черный день» всего лишь 29,7 руб. Семьи строительных рабочих израсходовали в это время почти все заработанные средства.

Наибольшую положительную динамику за 1962 г. показали денежные доходы семей колхозников: они выросли на 13%, но составили всего лишь 733,6 руб. В колхозах существовала двухканальная оплата труда – денежная и натуральная. В сравнении с денежными доходами рабочих промышленности колхозники значительно проигрывали, их доходы составляли 42,5% от показателей рабочих. Колхозники были беднее и рабочих совхозов, они имели только 57,6% в сравнении с денежными доходами последних.

Правительственное постановление о повышении розничных цен на продовольственные товары животного происхождения с 1 июня 1962 г. существенным образом повлияло на семейный бюджет населения. Так, расходы на покупку продуктов питания в семьях рабочих промышленности в июне – сентябре 1962 г. по сравнению с тем же периодом предыдущего года увеличились на 7%, в том числе на покупку мяса и мясопродуктов – на 16%⁵.

При этом потребление продуктов животного происхождения (в пересчете на калории) снизилось на 5%. Рабочие семьи сократили потребление

⁵ Там же. Л. 124–125.

молока и молочных продуктов на 11%, сливочного масла – на 15, мяса и мясопродуктов – на 3%. Дефицит поступления калорий продуктов животного происхождения компенсировался за счет рыбы, масла растительного и яиц⁶.

Почему рабочие семьи стали меньше покупать мяса и мясопродуктов? В июне – сентябре 1962 г. в торговую сеть стали больше поставлять мяса – на 14%, колбас – на 2, мясных консервов – на 26%. Городские торгующие организации сообщали об увеличении запасов мяса и птицы на 56%, колбас – на 67, мясных консервов – на 43, жиров животного происхождения – на 81%⁷. Сокращение потребления мяса и мясопродуктов было связано с понижением покупательной способности населения, явилось прямым следствием повышения цен. В первую очередь пострадали семьи с низкими доходами – до 25 руб. на одного члена. Они сократили потребление мяса и мясных изделий на 18% (с 1,7 до 1,4 кг), масла сливочного – на 33% (с 0,3 до 0,2 кг)⁸.

Структура семейных расходов в значительной мере характеризует уровень и качество жизни. При стабильной экономической ситуации доля расходов, направляемая на приобретение непродовольственных товаров и потребление услуг, свидетельствует о социальном благополучии населения. Первая и главная потребность человека – это питание, обуславливающее его биологическое существование. Для поддержания работоспособности человеку требуется энергия и различные микроэлементы. Ему необходимо нормальное и сбалансированное питание. От этого зависит не только работоспособность человека, но и его долголетие.

В структуре потребления населения страны в начале 1960-х гг. отражается противоречивая ситуация (табл. 2).

Таблица 2

Денежные расходы населения СССР в среднем на члена семьи за девять месяцев 1962 г. на покупку продуктов питания и промышленных товаров

	На продукты питания		На промышленные товары		Всего
	На сумму (руб.)	% от общих расходов	На сумму (руб.)	% от общих расходов	
Рабочие промышленности	216,4	58	158,3	42	374,7
Рабочие строительства	220,8	56	171,9	44	392,7

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 126.

⁸ Там же. Л. 127.

Работники ж/д	228,3	57	170,4	43	398,7
Рабочие совхозов	96,5	44	124,6	46	221,1
Колхозники	50,7	40	76,7	60	127,4
Служащие и ИТР	240,9	56	190,6	44	431,5

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 118.

Семьи различных категорий рабочих, служащих и ИТР на приобретение продуктов питания тратили 56–58% своего бюджета, семьи рабочих совхозов – 44, а колхозников – 40%. Исходя из данных бюджетного обследования, жизнь в советской деревне можно характеризовать как наиболее комфортную. Но в действительности все было иначе. И семьи рабочих совхозов, и, особенно, семьи колхозников имели меньшие доходы, нежели горожане. Большим подспорьем для жителей села было личное подсобное хозяйство (ЛПХ).

В обследуемых группах городского населения денежные расходы на покупку продуктов питания за девять месяцев 1962 г. находились в пределах 216–241 руб. На этом фоне следует обратить внимание на большой разрыв, образовавшийся между жителями города и деревни. Сравнительно низкие расходы на покупку продуктов питания в семьях рабочих совхозов (96,5 руб.) и колхозников (50,7 руб.) отчасти можно объяснить тем, что ряд продуктов – мясо, молоко, яйца, картофель и овощи они получали из ЛПХ и колхоза.

При этом мясо, различные овощи колхозники не могли получать регулярно от своих хозяйств по вполне понятным причинам: эти продукты надо еще произвести. Но условно допустить регулярное самоснабжение можно, как и то, что часть продуктов колхозники могли продавать на рынке и получать доход. В таком случае сельское население тратило бы больше денег на приобретение непродовольственных промышленных товаров. Но в действительности у колхозников не было достаточного количества денег ни на одно, ни на другое.

Повышение закупочных и розничных цен на мясную и молочную продукцию привело к росту доходов семей колхозников. За июнь – сентябрь 1962 г. они выросли в сравнении с тем же периодом прошлого года на 11%, составив 347,3 руб. Поступление денег в бюджет семей колхозников от продажи скота, птицы и других продуктов, полученных из колхоза и ЛПХ, увеличилось на 17%⁹. По справедливому замечанию И.Е. Зеленина, это была единственная в советской истории правительственная акция, которая проводилась в интересах крестьянства, деревни, но с очевидными потерями для горожан [1, с. 217].

⁹ Там же. Л. 127.

В структуре денежных доходов семей колхозников за 1953–1962 гг. произошли существенные изменения. Доля поступлений за работу в колхозе увеличилась с 22 до 42%, от продажи скота и продуктов сельского хозяйства государственным и кооперативным организациям – с 3 до 9% при одновременном снижении доли поступления денег от продажи скота и продуктов сельского хозяйства на колхозном рынке с 35 до 22% (табл. 3).

Таблица 3

**Структура денежных доходов семей колхозников СССР
в 1953 и 1962 гг.**

	Денежные доходы семьи колхозника за девять месяцев 1962 г. (руб.)	Структура денежных доходов семьи колхозника (%)	
		1953 г.	1962 г.
Весь денежный доход в том числе:	733,6	100	100
за работу в колхозе	308,0	22,0	42,0
за работу в государственных и кооперативных организациях	105,7	19,5	14,4
за проданный скот, птицу и продукты:			
- государственным и кооперативным организациям;	66,6	3,5	9,1
- на колхозном рынке	158,3	34,6	21,6
Пенсии, пособия и другие поступления от государственных и кооперативных организаций и колхоза	48,4	11,7	6,6

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 154.

За девять месяцев 1962 г. среднестатистическая колхозная семья продала на рынке, организациям государственной и кооперативной торговли 12 кг мяса и сала, 95 л молока, 156 яиц, 116 кг картофеля¹⁰. В 1953–1962 гг. денежные доходы семей колхозников увеличились во всех союзных республиках. Но при этом они различались и по размеру, и по источникам поступлений. Так, в семьях колхозников Латвии, Эстонии, Казахстана и Туркмении поступления от колхозов составили в 1962 г. 44–49% всего денежного дохода. В этих союзных республиках денежные доходы были наиболее высокими и составили 939–1125 руб. на семью колхозников. В Грузии и Литве сложилась другая ситуация. Там самым важным источником поступления денежных средств в бюджет семей колхозников стала продажа скота, птицы и продуктов сельского (50–53%), тогда как денежные поступления из колхоза составили 21–28%¹¹.

¹⁰ Там же. Л. 155.

¹¹ Там же. Л. 154.

Каким же образом колхозники потратили увеличившиеся доходы? Динамика расходов позволяет сделать вывод о приоритетных направлениях. Это были продовольственные товары. Расходы семей колхозников на покупку продуктов питания в июне – сентябре 1962 г. выросли на 14%, промтоваров – на 8%. Следовательно, по мере появления дополнительных денежных средств колхозники первым делом стали их тратить на приобретение качественных продуктов и улучшение структуры питания. Потребление ими мяса выросло на 7%, рыбы – на 17, масла растительного – на 7, сахара – на 19%¹².

ЛПХ было большим подспорьем для семей колхозников. Но даже при таком раскладе они едва «сводили концы с концами». Колхозники тратили больше денег на покупку промтоваров, нежели на продукты питания: 50,7 и 76,7 руб. соответственно. В сравнении с обследуемыми группами городского населения жители деревни намного отстают. В среднем на члена семьи колхозника расходы на промтовары составили только 48% соответствующей статьи расхода промышленного рабочего, или 40% – служащих и ИТР.

Данные табл. 4 отражают структуру расходов семей колхозников в абсолютных и относительных значениях, а также их динамику в 1953–1962 гг. Денежные расходы семей колхозников за девять месяцев 1962 г. увеличились в сравнении с тем же периодом 1961 г. на 13%. Основные расходы пришлись на покупку промышленных товаров и продуктов сельского хозяйства. Они составили в 1962 г. 73% от общей суммы трат.

Таблица 4

**Структура денежных расходов семей колхозников СССР
в 1953–1962 гг.**

	Денежные расходы семьи колхозника за девять месяцев 1962 г. (руб.)	В% к девяти месяцам 1961 г.	Структура денежных расходов семьи колхозника (%)		
			1953 г.	1958 г.	1962 г.
Весь денежный расход в том числе:	700,2	113	100	100	100
на покупку промышленных товаров:					
- продовольственных	162,9	115	15,8	19,9	23,3
- непродовольственных	273,8	112	34,6	41,2	39,1

¹² Там же. Л. 131.

на покупку скота, птицы, пчел	42,8	112	7,3	5,9	6,1
на покупку продуктов сельского хозяйства (зерно, картофель, овощи, мясо и др.)	76,8	114	18,1	10,9	11,0
на культурно-бытовые нужды	27,6	103	0,6	3,8	0,9
налоги и сборы	23,7	97	7,5	4,7	3,4

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 156.

В структуре расходов колхозников в рассматриваемый период кардинальных перемен не произошло. В то же время следует обратить внимание на некоторые позиции. Прежде всего, это – доля расходов на покупку промышленных товаров, как продовольственных, так и непродовольственных. Доля продтоваров выросла с 15,8% в 1953 г. до 23,3% в 1962 г., непродовольственных товаров – соответственно с 34,6% до 39,1%. По другим позициям необходимо выделить сокращение удельного веса трат, связанных с уплатой налогов и сборов – с 7,5% до 3,4%.

Представляет большой интерес структура питания горожан и жителей деревни в рассматриваемый период. Она показывает насколько и каким образом население покрывало свои потребности в питании за счет общественной торговли, ЛПХ и колхозов.

В 2010 г. Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации утвердило рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни населения¹³. Рациональные нормы соответствуют потребностям в продуктах питания, обеспечивающих оптимальную реализацию физиолого-биологических процессов в организме человека. Рациональные нормы потребления продуктов питания населения при их сопоставлении с реальным положением в СССР начала 1960-х гг. позволяют сделать выводы об эффективности социально-экономической политики партии и правительства. В итоговом документе по бюджетному обследованию населения 1962 г. представлены данные, характеризующие количественные и качественные параметры потребления продуктов питания в семьях рабочих промышленности и колхозников (табл. 5).

¹³ Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 2.08.2010 г. «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания» // [электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/12179471/#ixzz43blih5b2> (дата обращения: 15.10.2016).

**Структура потребления продуктов питания в семьях рабочих промышленности и колхозников СССР в 1962 г.
(в среднем за месяц, кг.)**

	Рабочие промышленности		Колхозники		Рациональная норма потребления
	Фактическое потребление	Потребление от нормы	Фактическое потребление	Потребление от нормы	
Потреблено продуктов в среднем за сутки в пересчете на калории	2793	–	2952	–	2900–3700
Мясо и мясопродукты в пересчете на мясо	4,4	76–70%	2,9	50–46%	5,8–6,3
Молоко и молочные продукты в пересчете на молоко (включая масло животное)	25,7	96–91%	21,6	81–76%	26,7–28,3
Рыба и рыбопродукты (включая рыбные консервы в пересчете на рыбу)	1,2	80–66%	0,4	26–22%	1,5–1,8
Масло растительное и другие жиры	0,5	63–50%	0,3	38–30%	0,8–1,0
Яйца (штук)	16	74%	16	74%	21,7
Сахар (включая сахар, израсходованный на кондитерские изделия)	2,5	125–109%	1,5	75–65%	2,0–2,3
Мука и хлеб в пересчете на муку, крупа, бобовые и макаронные изделия	11,6	147–149%	14,6	185–187%	7,9–7,8
Картофель	8,7	110–105%	12,2	154–150%	7,9–8,3
Овощи и бахчевые	10,3	103–88%	8,1	81–69%	10–11,7

Источники: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 118, 125, 131; Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 2.08.2010 г. (см. выше).

Данные табл. 5 показывают существенные различия в структуре питания семей рабочих промышленности и колхозников. В рабочих семьях больше потребляли таких ценных продуктов, как молоко, мясо, рыба и сахар. Особенно велики различия в потреблении мяса и мясопродуктов: колхозники потребляли 2,9 кг в месяц, а рабочие – 4,4 кг. Таким образом, потребление колхозниками мяса составило 65,9% от соответствующего показателя рабочих. Но и структура питания рабочих была далека от оптимальной. Потребление мяса и мясопродуктов находилось на уровне 70–76% от рациональной нормы, рыбы – 66–80, масла растительного – 50–63, яиц – 74%.

Горожане были лучше обеспечены молоком и молочными продуктами. Но и они не «дотягивали» до рациональных норм потребления (91–96%). К тому же научно обоснованные нормы потребления учитывают обязательный набор молочных и кисломолочных продуктов. Это – молоко, кефир, йогурт с жирностью 1,5–3,2%, молоко, кефир, йогурт с жирностью 0,5–1,5%, творог жирный, творог с жирностью менее 9%, сметана, сыр. В бюджетном обследовании населения 1962 г. структура молочных продуктов не раскрывается. Отсутствует в нем и учет потребления фруктов и ягод. Можно предположить, что это было сделано по причине низких показателей, мало влияющих на наполнение продовольственной корзины тех лет. Хотя по рациональным нормам месячное потребление фруктов должно быть на уровне 7,7–8,3 кг.

Рабочие промышленности и колхозники – это люди, занятые преимущественно тяжелым физическим трудом. Обследование 1962 г. показало: суточная калорийность питания членов семей промышленных рабочих составляла 2793 единиц. Она достаточна, ведь в состав семьи входили и дети, иждивенцы, которым не требовалось так много калорийной пищи. Но по структуре продуктов питание в рабочих семьях не было сбалансировано. В частности, семьи промышленных рабочих потребляли сахара почти на четверть больше нормы, муки и хлеба – в полтора раза, картофеля – в 1,1 раза.

Обследование показывает большую калорийность продуктов, потребляемых колхозниками, нежели рабочими. Но при этом рабочие больше, чем колхозники, потребляли молока, мяса, рыбы и сахара. За счет чего же колхозники получали большее количество калорий? Только за счет большего потребления хлеба и картофеля. Колхозники ежемесячно в сравнении с рабочими больше потребляли муки и хлеба в пересчете на муку на 3,3 кг, картофеля – на 3,5 кг.

Изучение бюджетов населения СССР 1962 г. позволяет сделать вывод о несбалансированности структуры потребления, низкой платежеспособности населения и неудовлетворенности покупательского спроса. Но при этом необходимо учитывать и сдвиги, произошедшие в жизни советских людей в период политического лидерства Н.С. Хрущева. Они существенны, с ярко выраженной положительной динамикой (табл. 6).

За 1953–1962 гг. заметно улучшилось питание населения страны. Из данных табл. 6 видно: потребление продуктов питания различными категориями населения в пересчете на калории за десятилетие фактически осталось на прежнем уровне. Но при этом произошли существенные изменения в структуре питания. В семьях рабочих и служащих потребление молока и молочных продуктов увеличилось на 39–54%, мяса и мясных продуктов – на 43–54, рыбы и рыбопродуктов – на 36–39, яиц – на 46–48%, сахара – на 19–22%. В структуре питания колхозников сократилась доля мучных и

хлебобулочных изделий на 13–18%, круп, бобов и макаронных изделий – на 11–15, картофеля – на 2–4%.

Таблица 6

Изменения в питании населения СССР в 1953 и 1962 гг.

	Рабочие промышленности		Колхозники		Служащие и ИТР	
	1953 г.	1962 г.	1953 г.	1962 г.	1953 г.	1962 г.
Потреблено продуктов за сутки в пересчете на калории за девять месяцев в 1962 г. в % к девяти месяцам	103	99,7	109	99,9	104	99,5
в том числе продуктов животного происхождения	146	99,5	156	103	136	99,3
Потреблено продуктов питания за девять месяцев в 1962 г. в % к девяти месяцам:						
мясо и мясопродукты в пересчете на мясо	154	102	183	105	143	101
молоко и молокопродукты в пересчете на молоко	154	95	139	100,8	139	95
в том числе:						
молоко	142	95	125	99,6	133	96
масло животное	135	93	145	101	121	93
рыба и рыбопродукты (включая рыбные консервы)	139	107	210	114	136	107
масло растительное и другие жиры	106	105	209	104	120	106
яйца	180	107	208	100,8	146	107
сахар (включая сахар в кондитерских изделиях)	122	101	316	115	119	100,7
мука и хлеб в пересчете на муку	82	99,4	90	98	87	99
крупы, бобовые и макаронные изделия	85	96	110	99	89	96
картофель	93	98	74	95	96	99
овощи и бахчевые	115	98	107	90	112	99

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 137–138.

В рассматриваемый период значительно улучшилось питание в семьях колхозников. Они стали больше потреблять молока и молочных продуктов – на 39%, мяса – в 1,8 раза, рыбы и яиц – в более чем 2 раза, сахара – в 3,2 раза. Следует обратить внимание на качественный сдвиг в структуре

питания населения, произошедший в годы реформ Н.С. Хрущева. В связи с ростом потребления продуктов животноводства всеми категориями населения потребление хлеба и хлебных продуктов в 1962 г. в сравнении с 1953 г. снизилось на 9–18%¹⁴.

Одним из важнейших критериев эффективности социально-экономической политики государства является обеспеченность населения сбалансированным питанием, доступность продовольственных товаров. В 1962 г. на покупку продуктов питания горожане расходовали до 60% бюджета, а деревенские жители – более 40%¹⁵. Это очень много. В странах с развитой экономикой доля расходов на продукты питания находится в пределах 10% от общей суммы потребительских расходов.

На первый взгляд, сельское население находилось в более выигрышном положении, имея возможность направлять большую долю бюджета на приобретение промышленных товаров и потребление услуг. В реальной жизни немалую роль играла не только возможность трат на покупку того или иного товара, но и его доступность. Ассортимент потребительских товаров в сельской местности значительно уступал городской торговле. Да к тому же и денег на селе было меньше, чем в городе. Особенно, когда это касается семей колхозников.

Изучение бюджетов населения СССР 1962 г. позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего, они отразили низкий уровень жизни населения страны в целом. Среди социальных групп населения наблюдаются значительные различия, как по доходам, так и по структуре расходов. Причем по всем позициям колхозники как социальная группа населения СССР оказываются аутсайдерами.

Литература

1. *Зеленин И.Е.* Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001.
2. Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961.
3. *Роголина Н.Л.* Власть и аграрные реформы в России XX века. М., 2010.
4. *Томилин В.Н.* Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М., 2009.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 139.

¹⁵ Там же. Л. 118.

Сельское население Татарской АССР в районах поздней урбанизации. 1950–1980-е гг.

Рассматриваются демографические процессы в районах нефтяного юго-востока Татарстана в 1940–1960-е гг. и Камского территориально-промышленного комплекса в 1960–1970 гг. Определены особенности данных процессов в Татарской АССР в целом за 1950–1980-е гг.

Ключевые слова: аграрная политика, нефтяной регион, Камский территориально-промышленный комплекс, демографические процессы, Татарская АССР.

В советский период Татарская республика прошла путь стремительного развития, трансформировавшись из преимущественно аграрного в мощный индустриальный регион. Во второй половине XX в. здесь на пути перехода от традиционного общества к современному наблюдались более динамичные по сравнению со многими другими российскими регионами изменения, связанные с крупными инвестиционными проектами, что, безусловно, отражалось на общей структуре населения республики.

Решающее значение в тенденциях развития демографических процессов среди сельского населения республики в послевоенные десятилетия имело образование обширных индустриальных агломераций в типично аграрных регионах с мононациональным населением.

Непосредственно в послевоенный период резко менялась социально-профессиональная структура населения на юго-востоке республики. Как только обнаружилось его «нефтяное призвание», местное население охотно потянулось в новую промышленность. Если в 1946 г. на каждые 100 га нефтяных районов приходилось 34,6 колхозника, то в 1962 г. – 20,8. За этот период трудовое население колхозов края уменьшилось на 28,4%, в то время как по республике – на 23,7%. В 1950–1951 гг. основной контингент рабочих в объединении «Татнефть» составляли нефтяники, переведенные из других районов страны. К середине 1960-х гг. в трех основных нефтепромысловых управлениях «Бавлынефть», «Альметьевнефть», «Лениногорскнефть» местное население составляло 62,1% от общей численности их работников [8, с. 23].

Следует отметить, что в силу специфики нефтедобывающей отрасли, заключающейся в ее территориальной рассредоточенности, уход местных крестьян в нефтяники чаще всего не означал их ухода из родного дома. Многие из них, в том числе, в силу нехватки жилья в городе, продолжали жить в родных домах, не меняя стиля сельской жизни. Иными словами, «пе-

¹ Галлямова Альфия Габдульнуровна, доктор исторических наук, Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, alfiya1955@gmail.com, Россия, г. Казань.

рекачка» сельского населения в индустриальные отрасли не вызвала его прямой перекачки в городское. В отличие от рабочих, поднимавших заводы Казани в 1930-е гг., а также тех, кто позже в 1960–1970-е гг. создавали Камскую промышленную зону, у нефтяников переход в промышленную сферу деятельности, как правило, не был связан с переездом в город. Это обуславливало своеобразный характер социальной модернизации нефтяного края, выразившийся в большей приверженности и даже некоей консервации традиций среди населения юго-востока республики. В отличие от рабочих заводов и фабрик, нефтяники, как и крестьяне, трудились на земле, под открытым небом. Таким образом, условия труда для нефтяников, вчерашних крестьян, существенно не менялись. В то же время, если учитывать, что крестьянский труд имел сезонный характер, а нефтяники работали круглый год, то условия труда для них даже утяжелялись. Невзирая на дождь, пургу, лютые морозы, местные жители на работу добирались пешком в отличие от приезжих нефтяников, живущих в городе компактно и развозившихся на автобусах. Преодолевать все трудности вчерашним крестьянам помогали генетическая закалка, выносливость, обеспеченные вековыми традициями раннего трудового воспитания.

Что касается стиля их повседневной жизни, то забота о родителях, многочисленные хлопоты на личном подворье, знакомое с рождения социальное окружение – все это оставалось у большинства из них в неизменном виде.

Однако реактивный поворот в экономической жизни нефтяного региона не мог ни принести изменения в его жизнесферу. Освоение нефтеносной земли начинали приезжие буровики. Всем им нужна была крыша над головой. Общежитий даже барачного типа катастрофически не хватало. И нередко кровом с приезжими приходилось делиться местным жителям.

Поначалу, во время массового приезда рабочих из других регионов, в социальную атмосферу типично аграрной татарской глубинки было привнесено много нездоровых элементов. В старых нефтепромысловых районах старались в первую очередь избавиться от неуживчивых, неудобных по тем или иным причинам, работников. Поэтому среди прибывших было немало людей с сомнительным прошлым, бывших заключенных. Это не лучшим образом сказывалось на микроклимате сел. Руководители колхозов и совхозов в выступлениях на районных партийных конференциях отмечали, что приезжие нефтяники «нередко пьянствуют, допускают драки и тем самым мешают укреплять дисциплину в колхозе»².

Но постепенно, как уже отмечалось выше, основная масса трудовых коллективов складывалась из местного крестьянства, привносившего в

² Знамя труда. 1958. 21 сент.

производственную этику и эстетику свойственные ему бытовые традиции, обычаи, привычки, мировосприятие. Татарские аулы всегда отличались ухоженностью домов, татарский народ – чистоплотностью, старательностью. Поэтому представителями различных высоких инстанций, приезжающими по долгу службы в республику и знакомыми с нефтяными объектами других регионов, нередко отмечалось, что в Татарстане они отличались обустроенностью, аккуратностью.

Становление нефтяной промышленности пришлось на тяжелые послевоенные годы: техники, машин, оборудования не всегда хватало для выполнения крупномасштабных задач. Недостающие механизмы восполнялись дешевой рабочей силой ближних колхозов. В период становления нефтяной промышленности местное население использовалось чаще всего на неквалифицированных работах, требующих больших физических усилий. Понятно, что в основном на этих работах были заняты женщины, представлявшие в первое десятилетие главную рабочую силу в сельском хозяйстве. Чаще всего их привлекали на рытье траншей для трубопроводов в свободное от колхозных дел время, приходившееся на глубокую осень, зиму. В память женщин-землекопов на долгие годы врезалось, как приходилось целый день проводить на холоде, как трудно мерзлая земля поддавалась лопате в их руках.

Немало проблем создавала нефтяная отрасль колхозам края, усложняя проведение агротехнических работ. Изрезанность полей промышленными коммуникациями ухудшала качество обработки почвы. В начальный период освоения месторождений зачастую игнорировалась необходимость промышленной канализации и очистных сооружений. Исходя из приоритетов в экономической стратегии страны, республиканское, а вслед за ним и местное руководство, также как и руководство нефтяной индустрии, главную задачу видело в выполнении растущих планов нефтедобычи, понимая, что за нефть жестко спросят, а за испорченную землю лишь слегка пожурят. Отсюда в регионе разворачивавшейся нефтяной отрасли массовый характер приобрели случаи порчи колхозных посевов, загрязнения полей, водоемов.

С приходом нефтяников особенно пострадали водные источники; жители окрестных деревень чаще стали страдать желудочно-кишечными заболеваниями, резко ухудшились условия для содержания водоплавающей птицы. По воспоминаниям огромного количества свидетелей, гуси и утки выходили из замазученной речки серо-черными со слипшимися перьями, нередко погибали. А мальчишки, не обращавшие внимания на растекавшиеся по реке масляные пятна, купались в ней, после чего за свой внешний вид получали взбучку от матерей.

Экологические проблемы в нефтяном регионе не решались вплоть до окончания советской эпохи, но довольно быстро руководители хозяйств нау-

чилились из этого извлекать пользу. Решение конфликтов между добытчиками «черного золота» для страны и хлеборобами обрело характер компромисса: нефтедобыча росла, окружающая среда загрязнялась, колхозы предъявляли иски нефтяным предприятиям, те же в подавляющем большинстве случаев, не считаясь с высокими суммами штрафов, исправно их выплачивали. Постепенно такое положение вещей породило в аграрной отрасли иждивенческие настроения, которые вели к цинизму, расточительности, разгильдяйству. Руководители-аграрники поняли, что при помощи нефтяных денег можно решать многие внутриколхозные проблемы. Но, как известно, то, что легко достается, не ценится. Поэтому построенные шефами-нефтяниками производственные и социальные объекты часто использовались не по-хозяйски, быстро выходили из строя, ломались, сгорали по неосторожности и т.п.

Бурные процессы индустриализации оказывали разрушительное воздействие не только на свойственную крестьянам психологию рачительного хозяйствования, но и усиливали тенденции угасания этнического фактора в жизни региона. Это порождало в среде местной сельской интеллигенции определенную тревогу. На мой взгляд, именно этим было продиктовано письмо учителя из Альметьевского района Музафарова в редакцию газеты «Правда». Он предложил создать Татаро-тептярскую автономную республику в нефтяных районах юго-восточного Татарстана и западного Башкортостана³. Подобным предложением он вольно или невольно обращал внимание общественности на процесс стремительного превращения нефтяного края в новый русскоязычный анклав, разъедающий культурогенную общность татар, что до промышленного освоения нефтяных богатств наблюдалось только близ Казани.

Наряду с интенсивными процессами промышленного освоения новых обширных территорий существенное влияние на демографическую ситуацию на селе Татарской АССР в целом оказывал уровень развития его социальной инфраструктуры. В масштабе всей страны, как известно, первое пятилетие после сентябрьского пленума 1953 г. – наиболее успешный и результативный период в аграрном реформировании, нацеленном на решение назревших экономических и социальных проблем деревни [2, с. 397]. При этом основной поток инвестиций, выделенных на развитие аграрной сферы, шел на расширение и освоение посевных площадей целинных и залежных земель Казахстана, Оренбуржья, Башкортостана. Татарская республика, относясь к числу старопахотных регионов, не располагала достаточными средствами для модернизации отрасли. В середине 1950-х гг. сельское хозяйство республики продолжало пребывать в отсталом состоянии. В

---

³ Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). Ф. 15. Оп. 38. Д. 195. Л. 58.

1956 г. уровень дохода в расчете на 1 га сельхозугодий составил в среднем по колхозам республики только 140 руб. Это был один из самых низких уровней доходности колхозов в России⁴. В 1957 г. из-за неблагоприятных погодных условий, вызванных засухой, в ряде районов нефтяного юго-востока – Бугульминском, Альметьевском и Шугуровском – был собран совсем мизерный урожай (2,5 ц/га)⁵. При таком показателе многие колхозы не могли выдать колхозникам на трудодни продовольственное зерно, фактически обрекая их на голодное существование.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. после ликвидации МТС обострилась проблема обеспеченности сельского хозяйства механизаторскими кадрами. В 1950-е гг. перед МТС, часто базировавшимися в городах и городках, проблема кадров не стояла. Среди трактористов и шоферов МТС было немало горожан, поскольку, работая в МТС, они имели статус рабочих государственных предприятий, а значит, автоматически обретали гарантированные натуральную и денежную оплату труда, право на отпуск, пенсию и другие виды социального страхования. В 1953–1958 гг. в МТС из других несельскохозяйственных отраслей перешло на работу более 1 тыс. чел.⁶

После ликвидации МТС горожане, как правило, предпочитали сменить работу, нежели место жительства. По данным министерства сельского хозяйства ТАССР, в 1962 г. с условием использования тракторов в 2 смены в напряженные периоды полевых работ не хватало 4650 трактористов, хотя в 1953–1959 гг. в республике было подготовлено 24 тыс. трактористов, 6 тыс. комбайнеров, 2700 шоферов и 730 бригадиров тракторных бригад⁷.

В первой половине 1960-х гг. система подготовки кадров для сельского хозяйства значительно расширилась. Если в 1960 г. в республике было 12 училищ механизации сельского хозяйства, то только в 1964 г. было открыто еще 10 училищ, которые теперь стали называться сельские профессионально-технические училища (СПТУ). Расширилась их материальная база. В 1965 г. выпуск механизаторов увеличился по сравнению с 1959 г. в 2 с лишним раза. За годы семилетки (1959–1965 гг.) в республике было подготовлено 40 тыс. механизаторов [4, с. 73]. Кроме того, в республике широкий размах приняла подготовка механизаторов на зимних курсах непосредственно в хозяйствах. Так, в 1965 г. действовало 8500 школ по обучению механизаторским специальностям с охватом 14305 чел. Однако к середине 1960-х гг. механизаторов в колхозах и совхозах не доставало, так как их отток из села составлял 80%⁸.

⁴ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 83. Л. 81.

⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 38. Д. 196. Л. 82.

⁶ Национальный архив Республики Татарстан Ф. Р-5874. Оп. 1. Д. 3073. Л. 3.

⁷ Там же. Д. 3926. Л. 1; Д. 3865. Л. 16.

⁸ Там же. Д. 4046. Л. 11.

Отмеченные выше процессы отразились на устойчивой тенденции сокращения сельского населения республики. В 1939 г. его численность составляла 2299,9 тыс. чел. (78,9%), а в 1959 г. – 1660,1 тыс. чел (58,2%)⁹. К середине 1960-х гг. насчитывало 1636,3 тыс. сельских жителей (53,4%). По численности сельское население республики все еще превосходило горожан, в то время как в целом в СССР удельный вес селян составлял к тому времени 48%. В нефтяном же регионе Татарстана, удельный вес сельского населения был ниже, чем в среднем по стране, 46,3% [3, с. 93].

В 1960–1970-е гг. в многонациональный урбанизированный регион стал стремительно превращаться северо-восток республики, что было связано с созданием здесь Камского территориально-промышленного комплекса. В этот период снижение доли сельского населения в нем осуществлялось самыми высокими в республике темпами. Так, по переписи 1959 г. сельское население Челнинского района составляло 45329 чел., по переписи 1970 г. – 45365. За семь лет строительства КамАЗа (1969–1976 гг.) численность сельских жителей района уменьшилась вдвое, составив 25473 чел. Характерным показателем является высокий удельный вес среди новоиспеченных рабочих механизаторов (9,3%), в то время как в целом по стране этот показатель составлял 3,3%. Причем из деревни уезжали в основном молодые. Средний возраст строителей на КамАЗе составлял 23 года. Поглощал КамАЗ в больших количествах и сельскохозяйственных работников высшей квалификации. В 1981 г. здесь работало около 500 агрономов, зоотехников, ветврачей. Таким образом, на КамАЗ прибывали кадры, востребованные в сельском хозяйстве. Схожая ситуация была и в нефтяном регионе. В нефтяники в массовом порядке уходили молодые мужчины, часто бывшие фронтовики, которые знали русский язык. Поэтому, несмотря на отсутствие у них квалификации, они обучались у приезжих специалистов на ходу и довольно органично включались в производственные операции. При этом, как уже говорилось выше, жизнь их вне производства существенно не менялась.

В Камской промышленной зоне главным мотивом была возможность кардинально переменить свою жизнь, начав ее с нуля в городе. В отличие от ранее сложившихся промышленных центров республики при строительстве КамАЗа, Нижнекамских промышленных гигантов, большое внимание изначально уделялось решению жилищной проблемы. Домостроение в Набережных Челнах достигло высокого уровня развития, здесь широко использовалось возведение зданий по оригинальным проектам с применением прогрессивных организационных идей. Одновременно с КамАЗом возводился и город, который нес на себе печать гигантомании в виде интенсивно возводившихся крупных монолитных сооружений. В 1972 г. в Набережных

⁹ 70 лет Татарской АССР: Юбилейный стат. сб. Казань, 1990. С. 5.

Челнах начал работать третий в стране, один из самых современных в технологическом отношении, домостроительный комбинат на выпуск 120 тыс. кв. м жилья в год¹⁰.

Благодаря огромным масштабам домостроения, за короткий срок на глазах одного поколения на месте маленьких поселков возникла массивная городская агломерация, куда устремились жители не только близлежащих сел. В 1970 г. 31% всех прибывших на стройку составляли жители со всего Татарстана [6, с. 14]. Только в 1971 г. из деревни республики на различные строительные и промышленные предприятия КамАЗа ушло 30 тыс. чел.¹¹ В 1970-е гг. в целом по ТАССР процессы сокращения численности селян ускорились в 3,4 раза, по сравнению с 1960-ми гг. [5, с. 45].

Положение аграрной отрасли республики осложнялось во многом и тем, что Татарская АССР даже частично не была включена в план мероприятий, предусматривавшихся постановлением ЦК КПСС «О дальнейшем развитии Нечерноземной зоны России», принятым в 1974 г. В регионах, попавших в эту щедро субсидированную зону, активно строились современные животноводческие комплексы, дороги, больницы, школы, клубы.

В 1970-е гг. по темпам развития жилищного строительства на селе Татарстан отставал от РСФСР примерно в 3 раза. В проигрышном положении находилась Татарская республика и по сравнению с другими поволжскими республиками и областями. Так, в Поволжье за 1976–1979 гг. ежегодно в расчете на 1 колхоз или совхоз строилось от 20 до 36 государственных квартир, а в Татарской АССР – только 9¹². Татарстан отставал от средних показателей по Российской Федерации по темпам газификации сельских населенных пунктов, уровню развития системы здравоохранения, темпам развития дорожной сети.

В 1970-е гг., также как и в 1950-е гг., оплата труда в сельскохозяйственной отрасли оставалась более низкой, чем в среднем по РСФСР. Более того, в 1970-е гг. разрыв увеличился. В 1970 г. дневной заработок колхозника в Татарстане составлял 3,02 руб., в России – 3,95 руб. Российский уровень зарплаты 1970 г. был достигнут в ТАССР только к 1980 г., но к этому времени труд колхозника в России уже оценивался в 5,56 руб.¹³ Аналогичная ситуация наблюдалась и в совхозах. Труд рабочего совхоза в 1970–1980-е гг. оценивался в ТАССР ниже, чем в РСФСР примерно в 1,3 раза [1, с. 165].

Отмеченные факторы обуславливали быстро прогрессирующую текучесть аграрных кадров. Так, если в 1976 г. в хозяйства Татарстана прибыло

¹⁰ Советская Татария. 1972. 16 авг.

¹¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 8. Д. 1110. Л. 90.

¹² Там же. Д. 875. Л. 27.

¹³ 70 лет Татарской АССР. С. 114, 116; Народное хозяйство РСФСР в 1980 г.: стат. ежегодник. М., 1981. С. 157, 163.

6016 механизаторов, а выбыло 5582, то в 1980 г. прибыло также 6016, выбыло же 6574¹⁴. В условиях технического перевооружения аграрной отрасли данный процесс закономерен. Однако в республике он выходил за рамки естественной целесообразности. К 1980 г. средняя обеспеченность механизаторами по Татарстану составляла по колхозам – 91%, по совхозам – 80%¹⁵. При этом нехватка кадров стала ощущаться не только в пригородных районах. Так, глубинные Агрызский, Куйбышевский (ныне Спасский) районы были обеспечены трактористами-машинистами на 88%, шоферами – на 94, телятницами – на 90,3, свиноводками – на 89,6, строительными рабочими на – 65,9%. За период с 1965 по 1970 г. численность сельского населения сократилась в этих районах на 7,3%, а численность молодежи старше 25–29 лет – на 35,6%, в том числе в возрасте 25–29 лет на 48%. В районах, близких к промышленным центрам республики численность молодежи сократилась еще больше: в Верхнеуслонском – в 2,3 раза, Бугульминском – в 2 раза [7, с. 115, 116].

Процесс сокращения численности сельского населения в Татарской республике отличался большей интенсивностью от аналогичного процесса по России в целом. Так, в ТАССР с 1970 по 1981 г. она уменьшилась на 26%, в то время как по РСФСР – на 17%. В результате Татарстан по социальному составу сблизился с Россией в 1970-е гг., но доля сельского населения в республике к началу 1980-х гг. оставалась более высокой, чем в целом по России. Так, если в Татарстане в 1970 г. удельный вес сельских жителей составлял 48,5% от общей численности населения, в России – 38%, то к 1981 г. он составлял соответственно в Татарстане – 35%, в России – 29%¹⁶.

Аналогичная динамика отмечалась и по доле населения, занятого в аграрном производстве. В Татарстане этот показатель снизился в 1970-е гг. с 26% до 18%, в России – с 19% до 15%. В 1980-е гг. численность сельских жителей республики продолжала снижаться, в этот период она уменьшилась на 22%. Из села ежегодно выбывало 17–20 тыс. человек, причем наиболее подвижной частью населения являлись люди трудоспособного возраста: 73% от числа выбывавших. Три четверти сельских мигрантов выбывали в городскую местность, при этом большая их часть – в города Татарстана¹⁷.

Устойчивая отрицательная тенденция отмечалась и в динамике естественного прироста, который сократился с 5,9 чел. на 1 тыс. жителей в 1970 г. до 0,7 чел. в 1980 г.¹⁸ В 1980-е гг. он был в 3 раза меньше, чем в

¹⁴ Комсомолец Татарии. 1981. 1 июля.

¹⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 8. Д. 113. Л. 73.

¹⁶ Народное хозяйство Татарской АССР в десятой пятилетке: стат. сб. Казань, 1982. С. 4; Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. С. 5.

¹⁷ Демографические процессы на селе // Татарстан. 1991. № 4. С. 36.

¹⁸ Естественное и механическое движение населения Татарской АССР: стат. сб. Казань, 1990. С. 14.

городе. В среднем по сельской местности России сокращение рождаемости с 1960 по 1968 г. составило примерно 45%, в ТАССР – более чем вдвое [6, с. 62]. Уровень рождаемости на селе был на 7% ниже, а смертность в 1,6 раза выше, чем в городе. Достаточно высокий уровень смертности обуславливался значительной долей лиц пожилого возраста. А это в свою очередь было связано с сохранявшимися высокими темпами миграции. К концу 1980-х гг. уменьшение числа сельских жителей в 13 раз превышало их естественный прирост.

В результате сложилась неблагоприятная половозрастная структура сельского населения республики. Продолжался процесс его старения: доля лиц старше трудоспособного возраста росла и составляла 25,5%, молодежь трудоспособного и трудоспособного снижалась (50%). Причем наибольшее снижение числа сельских семей происходило уже не в пригородных районах, как на предыдущих этапах, а отдаленных, имевших наиболее слабую сеть дорог и других факторов комфортности. В 1980-е гг. в Татарстане наблюдалось также снижение количества семей в сельской местности, причем более выраженное, чем в целом по России. Так, с 1979 по 1989 г. этот показатель снизился на 12,5% против 5,0% по сельской местности России. Отрицательное сальдо миграции составило 297,2 тыс. чел.¹⁹

За 1980–1985 гг. сельское население республики сократилось на 159 тыс. чел. Уходила из села, прежде всего, активная часть населения – механизаторы, работники животноводства, специалисты, выпускники средней школы. Например, в Аксубаевском глубинном районе за 6 лет сельское население сократилось более чем на 6,5 тыс. чел. Половину должностей специалистов занимали практики. Каждый пятый из 200 молодых специалистов, направленных сюда за последние 5 лет, уволился, не проработав и положенного срока. 15% окончивших СПТУ ушли в города. Лишь 18% выпускников средних школ остались в своих хозяйствах²⁰.

Уменьшение численности сельского населения в первые 20 послевоенных лет происходило в значительной степени за счет русских. Одним из сдерживающих факторов миграции татар из села в город был этнический. В процессе стремительной индустриализации и связанной с ней урбанизации культурная составляющая татарского народа была слабо задействована во всех сферах городской жизни Татарстана. Переезжая в город, татарские крестьяне попадали из однопациональной в многонациональную среду, где общение на производстве, официальных учреждениях и т.п. строилось на русском языке. Их этнические навыки (язык, трудовая культура), складывавшиеся и развивавшиеся веками, в том числе и в процессе производства, ока-

¹⁹ Демографические процессы на селе. С. 36.

²⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 1. Л. 28.

зались, как бы, не принятыми жизнью. В результате несколько поменялась расселенческая картина в республике. К 1970 г. доля крупных селений на северо-западе республики, где в основном преобладало русское крестьянство, снизилась на 5%, в то время как преимущественно в татарском Предкамье выросла на 40% [5, с. 39]. К концу 1970-х гг. национальный фактор динамики численности населения утрачивает свою значимость. В 1980-е гг. определяющим в динамике численности населения стало экономико-географическое положение административного района [5, с. 72]. По уровню и темпам урбанизации в 1959–1979 гг. татары опережали среднероссийские показатели и показатели русских, но при этом уступали, и порой значительно, чувашам, башкирам, чеченцам, марийцам. Так, если среднероссийские показатели уровня урбанизации составляли в 1959–1970 гг. – 31,4, в 1970–1979 гг. – 17,2, показатели по русским, соответственно, составляли 31,5 и 16,5, то по татарам – 37,6 и 23,5. Выше были у татар по сравнению со средними показателями и показателями по русским и темпы прироста городского населения. В 1959–1979 гг. они соответственно составляли 54,1, 53,2 и 69,9% [6, с. 90–96].

Таким образом, с середины 1940-х и до середины 1980-х гг. Татарстан неуклонно урбанизировался, но с неодинаковой интенсивностью. В республике общая численность населения росла медленнее, чем в целом по СССР. С 1959 по 1989 г. она увеличилась в 1,34 раза. А число горожан в ТАССР за это же время выросло в 2,23 раза, что почти в 2,5 раза превысило аналогичный показатель для СССР и в 1,3 раза – РСФСР [5, с. 72, 73]. Темпы оттока из села в исследуемый период в Татарстане почти в 4 раза опережали общесоюзные и в 1,3 раза – российские. Причем, если темпы роста городского населения уменьшались, то скорость оттока из села возрастала [5, с. 75]. Доля сельского населения в общей численности населения сократилась с 78,9% в 1939 г. до 30,5% в 1985 г. В абсолютном исчислении за этот период оно сократилось в 2,1 раза, составив в 1985 г. чуть более 1 млн²¹.

Таким образом, превращение в Татарской АССР чисто сельскохозяйственных агломераций в промышленные районы резко изменило не только экономический имидж республики, но и трудовую судьбу проживавшего там населения.

Литература

1. *Галлямова А.Г.* Сельское хозяйство Татарской АССР в 1970-е – начале 1980-х гг. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1990.
2. *Зеленин И.Е.* Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство // Труды Института российской истории РАН. Вып. 2. М., 2000. С. 392–413.

²¹ Народное хозяйство Татарской АССР в одиннадцатой пятилетке: стат. сб. Казань, 1986. С. 4, 5.

3. *Кагункин С.И.* Трудовые ресурсы колхозов нефтяной зоны Татарии и пути их рационального использования: дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.
4. *Матвеева Е.Г.* Крестьянство Татарии в период развитого социализма (1959–1975 гг.). Казань, 1980.
5. *Мустафин М.Р.* Новые тенденции в расселении населения Татарии. Казань, 1990.
6. Население России в XX в.: Исторические очерки. Т. 3. Кн. 1 (1960–1979 гг.). М., 2005.
7. *Нугаев Р.А.* Социально-экономические проблемы занятости и использования рабочей силы (на примере Татарской АССР). Казань, 1972.
8. *Уразманова Р.К.* Быт нефтяников-татар юго-востока Татарстана (1950–1960-е гг.): Этносоциологическое исследование (Серия «Альметьевская энциклопедия»). Альметьевск, 2000.

Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг.: тенденции и итоги развития

Реконструируется динамика и тенденции развития сельского хозяйства Западной Сибири во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. Анализ проводится в контексте изменений хозяйственного механизма в аграрном секторе экономики.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрная политика, колхозы, совхозы, Западная Сибирь.

В соответствии с решениями мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС был реализован ряд мероприятий по экономическому стимулированию и финансовой поддержке сельхозпредприятий. От выплаты подоходного налога освобождались колхозы с рентабельностью менее 15%. Работы по коренному улучшению земель в колхозах страны стали оплачиваться за счет государственного бюджета. Предусматривалось ассигнование 41 млрд руб. государственных капитальных вложений на строительство объектов производственного назначения и приобретение техники. Плановые показатели стали доводиться до хозяйств по ограниченному числу важнейших показателей (объем закупок, капитальные вложения, фонд заработной платы и прибыль). Планы продажи продукции государству объявлялись твердыми, неизменными на всю пятилетку, их показатели были ниже фактических закупок предыдущих лет.

Результатами реализации решений мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС в регионах Западной Сибири стал значительный прирост продукции сельского хозяйства. В 8-й пятилетке в целом продукция аграрного сектора экономического района выросла на 19,9%.

Несмотря на заявления о приверженности курсу мартовского пленума, административные методы управления стали восстанавливать свои позиции и в тех сферах, из которых их попытались частично вытеснить, в том числе в сфере планирования. Принцип планирования «снизу» был фактически дезавуирован. Вместо одного твердого плана появилось несколько. Возродилась практика их частых и необоснованных изменений. Хозяйствам вновь стали навязывать структуру посевных площадей, диктовать технологические решения. Была фактически свернута система хозрасчета. Усилился контроль за финансово-хозяйственной деятельностью колхозов и совхозов. Кредит

---

¹ Орлов Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, Алтайская государственная академия образования им. В.М. Шукшина, orlovd2010@mail.ru, Россия, г. Бийск.

потерял свои стимулирующие функции и превратился в практически безвозмездную форму бюджетного ассигнования. Целевое распределение средств государственного бюджета осуществлялось в строго централизованном порядке и ограничивало хозяйства в выборе решений [5, с. 175–176].

Установление твердого плана производства сельхозпродукции для предприятий, введение доплат за сдачу сверхплановой продукции, повышение закупочных цен, расширение производственной самостоятельности сельхозпредприятий стали результативными мерами, особенно в годы 8-й пятилетки. Среднегодовые темпы роста производства сельхозпродукции во второй половине 1960-х гг. были одними из самых значительных за всю историю советского государства и составляли 4,2% по стране и 3,9% по Сибири [1, с. 150–151].

Отказ от установления твердых планов и переход к системе корректирования закупок произошел на рубеже 1960-х – 1970-х гг. Планы на девятую пятилетку (1971–1975 гг.) были сверстаны со значительным увеличением объемов государственных закупок растениеводческой и животноводческой продукции по всем западносибирским регионам. В Омской области план государственных закупок на 9-ю пятилетку по сравнению с восьмой был увеличен по зерновым культурам – на 40%, по мясу – 36, молоку – 21,5, яйцу – 81, шерсти – 20,8%. Также значительно увеличились планы сверхнормативных закупок зерновых и овощных культур². Повышение планов уменьшало возможность хозяйств продавать государству свою продукцию по повышенным ценам и осложняло их финансовое положение.

Вместо ставки на экономические реформы правящая партия вновь сделала выбор в пользу преимущественно технологической интенсификации. Уже в материалах состоявшегося весной 1966 г. XXIII съезда КПСС было заявлено, что главным путем увеличения производства сельхозпродукции является «интенсификация сельского хозяйства на прочной основе механизации, электрификации и химизации производства, а также широкое развитие мелиорации» [2, с. 19]. Обеспечить интенсификацию должно было перманентное наращивание капитальных вложений в сельское хозяйство, повышение квалификации работников, их материальное стимулирование, решение социальных проблем села. В рамках реализации курса на интенсификацию сельского хозяйства увеличились масштабы механизации и индустриализации сельскохозяйственного труда, расширилось применение минеральных удобрений, химических средств защиты растений и ядохимикатов, в целом улучшилась культура земледелия и животноводства.

В качестве базового экономического стимула развития сельхозпроизводства стало рассматриваться не предоставление сельхозпредприятиям хо-

² Государственный исторический архив Омской области. Ф. 17. Оп. 1А. Д. 1170. Л. 22.

зяйственной самостоятельности, а увеличение заработной платы их работникам. Рост оплаты труда опережал темпы роста его производительности.

Продолжалась «совхозизация» сельского хозяйства. Во второй половине 1970-х гг. в СССР совхозы по производству валовой продукции сельского хозяйства опередили колхозы. Параллельно происходило укрупнение оставшихся колхозов. Увеличивались размеры традиционных внутрихозяйственных форм организации труда – бригад, ферм, отделений. Многие хозяйства перешли от территориальной к отраслевой структуре управления. Вместо комплексных подразделений в них создавались специализированные цеха.

В итоге в 1970-е гг. в СССР окончательно сформировалась постсталинская модель аграрного строя, которую можно определить как совхозную. Характерными чертами ее становления и функционирования являлось укрупнение производственных структур, индустриализация сельскохозяйственного производства и труда. Организационно-производственной основой новой модели стали крупные государственные сельскохозяйственные предприятия, в которые были превращены и колхозы. В Западной Сибири преобладающим стал государственный сектор, структурно представленный 1512 совхозами. Колхозный сектор региона, уменьшившийся за 20 лет на 38%, включал в себя 739 сельхозартелей.

Несмотря на перманентное наращивание капитальных вложений в сельское хозяйство и рост заработной платы сельских тружеников, развитие аграрного сектора экономики страны уже в 1970-е гг. начало замедляться. Если в годы 8-й пятилетки прирост валовой продукции сельского хозяйства в СССР составил 21,3%, то в 9-й он снизился до 13,1%. В Западной Сибири среднегодовой валовой прирост сельхозпродукции также снизился с 19,9% в 1966–1970 гг. до 11,4% в 1971–1975 гг. Замедление темпов развития имело место во всех западносибирских регионах.

Усиление административного нажима на хозяйства в начале 1970-х гг. осложнило экономическое положение колхозов и совхозов региона, обусловило последующее снижение темпов развития отрасли. Нереальность установленных планов, их оторванность от возможностей сельхозпредприятий, множественность плановых показателей приводили к их невыполнению и, соответственно, к ухудшению экономического положения колхозов и совхозов Западной Сибири. Быстрыми темпами росла себестоимость сельхозпродукции, государство через систему дотаций и списание долгов не покрывало производственных затрат предприятий аграрного сектора. Уменьшался объем произведенной сельхозпродукции. В Новосибирской области рентабельность производства, составлявшая в начале 1970-х гг. +24,6% в совхозах и +29,6% в колхозах, к середине десятилетия значительно снизилась. Так, сельхозпроизводство в государственных хозяйствах

стало убыточным, а в сельхозартелях рентабельность снизилась до +4,2% [4, с. 71]. По стране в 1975 г. удельный вес убыточных колхозов и совхозов составлял 23 и 51%, в 1978 г. он вырос до 53 и 56% соответственно³. Неустойчивое финансовое положение колхозов и совхозов становилось причиной того, что они в покрытие собственных финансовых прорывов стали чаще привлекать кредиты Государственного банка.

В 10-й пятилетке среднегодовой темп прироста валовой продукции в стране снизился до 8,6%, по РСФСР до 4,8%. В Западной Сибири среднегодовой валовой прирост сельхозпродукции в 1976–1980 гг. уменьшился более чем в 4 раза по сравнению с 9-й пятилеткой и составил 2,7%⁴.

Негативное влияние на ситуацию в аграрном секторе экономики оказывала усилившаяся сельско-городская миграция, которая приводила к сокращению сельского населения. Острый характер приобрел дефицит трудовых ресурсов.

В 10-й пятилетке значительно расширились масштабы использования шефства промышленных предприятий над колхозами и совхозами. Увеличение объемов шефской помощи свидетельствовало о нарастании кризисных явлений в аграрном секторе, было своего рода косвенным подтверждением слабости сельхозпредприятий, не справлявшихся со своими прямыми производственными задачами в условиях административного управления сельской экономикой.

Другим организационно-хозяйственным механизмом, носившим ярко выраженный компенсационный характер, стало создание подсобных предприятий на заводах и фабриках. Более чем двукратный рост численности подсобных хозяйств в Западной Сибири, ускорившийся на рубеже 1970–1980-х гг., привел к экстенсивному расширению количества источников получения сельхозпродукции.

Проводившаяся в середине 1960-х – первой половине 1980-х гг. политика расширения масштабов специализации и межхозяйственной кооперации, которая рассматривалась центральной властью как основной механизм преодоления застойных явлений в аграрном секторе в годы 10-й пятилетки, имела противоречивые последствия. Птицеводческие хозяйства наращивали производство, в то время как мясомолочные предприятия в основной своей массе оставались малорентабельными.

Несмотря на принимавшиеся усилия, в начале 1980-х гг. ситуация в сельском хозяйстве стала принимать кризисные формы. Требовались меры по ускорению темпов роста аграрного производства. На это была направлена принятая майским (1982 г.) пленумом ЦК КПСС Продовольственная

³ Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1988. С. 448, 459.

⁴ Там же. С. 6.

программа, рассчитанная до 1990 г. [3, с. 227–314]. В качестве методов достижения поставленных в ней задач рассматривались вполне традиционные: наращивание капиталовложений, техническое перевооружение, увеличение масштабов химизации и мелиорации, внедрение достижений сельскохозяйственной науки и передового опыта. К новациям, предлагаемым Продовольственной программой, можно отнести реорганизацию системы управления агропромышленным комплексом.

Внедрение в сельское хозяйство новых форм организации труда (коллективного и арендного подряда) наряду с другими мерами позволило в годы 11-й пятилетки несколько улучшить ситуацию в сельском хозяйстве. Среднегодовой темп прироста валовой продукции в стране в 11-й пятилетке (+5,3%) был ниже, чем в десятой (+8,6%). В РСФСР валовое производство сельхозпродукции в 1976–1980 гг. увеличилось на 4,8%, в 1981–1985 гг. – на 4,9%. В Западной Сибири среднегодовой валовой прирост сельхозпродукции вырос с 2,7% в десятой до 4,4% в 11-й пятилетке⁵. Однако качественных сдвигов в аграрном секторе экономики не произошло. Продовольственное снабжение населения продолжало ухудшаться.

Обновленная модель модернизированной аграрной экономики с административным планированием, включавшая в себя элементы экономической децентрализации, позволила сельскому хозяйству развиваться ускоренными темпами в 8-й и 9-й пятилетках. Но по мере достижения хозяйственных успехов в руководстве отраслью усилилась доктринальная составляющая, и главным фактором роста аграрного производства стало считаться повышение социалистической сознательности колхозников и рабочих совхозов. В практической плоскости реализация данных принципов стала причиной усиления командно-бюрократического диктата, что в совокупности с рядом других негативных факторов, в свою очередь, обусловило снижение производственных показателей в 10-й пятилетке и привело к кризисной ситуации в начале 1980-х гг. Выход из нее был осуществлен с помощью механизмов, определенных в очередном программном документе – Продовольственной программе 1982 г. Большинство предложенных мер повторяли решения мартовского пленума ЦК КПСС 1965 г. В 11-й пятилетке темпы прироста валовой продукции аграрного сектора повысились, однако были ниже показателей второй половины 1960-х – первой половины 1970-х гг.

Литература

1. *Ильиных В.А.* Сельское хозяйство Сибири в XX веке: поиск модели устойчивого развития // А.А. Долголюк, В.А. Ильиных, В.А. Ламин,

---

⁵ Там же.

В.Ю. Плёткин, А.И. Тимошенко. Сибирь: проекты XX в. (начинания и реальность). Новосибирск, 2002.

2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1986. Т. 11.

3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1987. Т. 14.

4. *Орлов Д.С., Андреевков С.Н.* Аграрный сектор Новосибирской области в середине 1950-х – первой половине 1970-х гг. Бийск, 2010.

5. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск, 2012.

Основные тенденции развития сельского хозяйства СССР в 1980-е гг.

В статье анализируются основные тенденции в развитии сельского хозяйства СССР в 1980-е гг. Сделан вывод, что меры направленные на повышение эффективности сельхозпроизводства не были достигнуты.

Ключевые слова: сельское хозяйство, материально-техническая база аграрного производства, колхозы, совхозы, продовольственная программа, агрофирмы.

В начале 1980-х гг. в СССР значительно снизились темпы роста сельхозпродукции, что было во многом связано с усилением неэквивалентности обмена между сельским хозяйством и промышленностью. Так, за предыдущие 15 лет цена 1 т комбикормов повысилась более чем на 63%. Цена единицы мощности трактора с набором сельскохозяйственных машин возросла на 83%, единицы внесенных минеральных удобрений – в 1,6 раза, стоимость строительства одного скотоместа для крупного рогатого скота – в 2,3 раза, а для свиней – в 4,5 раза [3, с. 120]. Монополизм и диктат производителя средств производства не только разорял сельхозпредприятия, но и консервировал отсталость в самом этом производстве. Около 70% сельхозмашин, выпускаемых в стране, не соответствовали мировому техническому уровню². В принудительном порядке колхозы и совхозы обязывали покупать низкокачественную технику и ремонтировать ее в государственных мастерских, тратя на это значительные средства. Это повышало себестоимость сельхозпродукции и ухудшало финансовое состояние многих колхозов и совхозов. Поэтому ведущей тенденцией в сельском хозяйстве в этот период было увеличение количества низкорентабельных и убыточных хозяйств. Так, в 1980 г. среди колхозов уровень рентабельности производства составил 0,4%, совхозов – 1,2%; число убыточных колхозов составляло 53%, совхозов – 56%³.

Значительный ущерб экономике сельхозпредприятий наносила сложившаяся практика планирования производства сельхозпродукции от достигнутого уровня. В условиях зависимости урожая от природных условий, такое планирование создавало серьезные проблемы для села, так как предполагало постоянное увеличение плановых заданий, от выполнения которых, в значительной степени, зависело материальное благополучие сельских тружеников, да и самих хозяйств.

¹ Серогодский Николай Александрович, доктор исторических наук, филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, serogodskyna@mail.ru, Россия, г. Славянск-на-Кубани.

² РГАЭ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 17. Л. 43.

³ Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988. С. 448, 459.

Негативно сказывалась на уровне сельхозпроизводства и частая смена специализации хозяйств, что требовало изменения структуры посевных площадей и приводило к перенасыщению зерновых и технических культур в структуре севооборотов. Например, в течение 1970-х гг. в Выселковском районе Краснодарского края не выполнялись планы по производству и продаже сельхозпродукции. В районе было образовано несколько специализированных хозяйств, что влекло за собой корректировки посевных площадей. В результате их выделения в остальных сельхозпредприятиях района произошло перенасыщение зерновых и технических культур в полевых севооборотах, что привело к нарушению их чередования в структуре севооборота, резко снизив урожайность. В животноводстве с 8-й по 10-ю пятилетку поголовье животных в районе увеличилось на 80%, а площади под кормовыми культурами уменьшились, что создавало серьезные проблемы для развития этой отрасли сельхозпроизводства⁴. Аналогичная ситуация возникала и в других районах края, да и страны в целом.

Осложняла положение сельхозпроизводителей и сложившаяся к началу 1980-х гг. система управления сельским хозяйством. За предшествующий период в стране были созданы специализированные организации по обслуживанию сельскохозяйственного производства, имевшие свои производственные планы, от выполнения которых зависела оплата труда их работников. Ведомственные интересы этих предприятий на практике часто не совпадали с интересами колхозов и совхозов. В итоге, сервисные организации выполняли и перевыполняли свои планы, а уровень обслуживания сельхозпредприятий оставался низким. Монополизм обслуживающих предприятий приводил к тому, что хозяйства несли значительные производственные издержки из-за необходимости оплачивать услуги, которые часто осуществлялись по завышенным ценам, а это ухудшало финансовое положение сельхозпредприятий.

Существование различного рода трестов и объединений, в состав которых входили колхозы и совхозы, порождало несогласованность и противоречивость в планировании, вело к снижению темпов производства и эффективности использования земли. С созданием новых организационных форм хозяйствования возник ряд сложностей в управлении сельским хозяйством. Оно оказалось рассредоточенным по многочисленным ведомствам и организациям, громоздким и многоступенчатым. В их деятельности начали преобладать узковедомственные интересы, отсутствовала необходимая материальная заинтересованность и ответственность за конечные результаты сельхозпроизводства. Создание различных управленческих

---

⁴ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1774-А. Оп. 24. Д. 449. Л. 35–37.

организаций, расположенных в краевых, областных и районных центрах вызвало большой отток высококвалифицированных кадров из хозяйств, тем самым значительно ослабляя основное производственное звено в сельском хозяйстве – колхозы и совхозы. Вместе с тем, производственная деятельность этой системы, оцененная с точки зрения ее внутриотраслевых целей и задач, была достаточно эффективна: темпы роста прибыли опережали темпы роста объемов производства за период с 1965 по 1980 гг. более чем в 1,5 раза.

Для комплексного решения проблем агропромышленного производства в 1982 г. была принята Продовольственная программа СССР, в которой намечались меры по укреплению материально-технической базы сельскохозяйственного производства и перерабатывающей промышленности, была поставлена задача поднять социально-культурный уровень жизни сельского населения, обеспечить население страны продовольствием по научно-обоснованным нормам. В программе ставилась задача изменить систему управления АПК с целью интеграции сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий в единый агропромышленный комплекс и подчинить их деятельность общей конечной цели – производству высококачественных продуктов питания и доведению их до потребителя.

Были приняты меры по оздоровлению финансового состояния колхозов и совхозов с помощью повышения закупочных цен на сельхозпродукцию и введения надбавок к закупочным ценам для убыточных и низкорентабельных хозяйств. Для улучшения финансового положения с низкорентабельных и убыточных колхозов и совхозов списывалась задолженность по ранее отсроченным ссудам Госбанка СССР, на общую сумму 9700 млн рублей, а также пролонгировалась на 10 лет задолженность на сумму 11080 млн рублей. Они освобождались от уплаты процентов по ссудам Госбанка СССР, погашение которых было отсрочено⁵.

Однако действие этих мер не дало ожидаемого эффекта в связи с тем, что низкорентабельные и убыточные хозяйства находились в более выгодном положении, чем высокорентабельные, так как могли рассчитывать на значительную господдержку. А уровень заработной платы их работников был не меньше, чем в передовых хозяйствах. Поэтому руководителям сельхозпредприятий было выгоднее находиться в числе низкорентабельных хозяйств, что подрывало смысл решений, принятых на майском 1982 г. пленуме ЦК КПСС. Следовательно, ставка на стимулирование производства в нерентабельных сельхозпредприятиях привела к тому, что работать прибыльно и эффективно становилось невыгодно.

---

⁵ Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры по ее реализации. Материалы майского Пленума ЦК КПСС 1982 года. М., 1984. С. 86.

Вскоре после принятия программы начались изменения в системе управления агропромышленным комплексом. На районном уровне были созданы агропромышленные объединения (РАПО), в состав которых вошли предприятия, связанные с производством и переработкой сельхозпродукции. Колхозы, совхозы и другие предприятия и организации, входящие в состав производственного объединения в сельском хозяйстве, сохраняли хозяйственную самостоятельность и права юридического лица. Это должно было обеспечить большую согласованность между предприятиями, входящими в объединение, и тем самым повысить эффективность производства. Уже в начале 1983 г. в стране действовало 3154 РАПО, главная задача которых заключалась в координации деятельности входящих в них предприятий и организаций, обеспечении эффективности функционирования всех звеньев районного АПК. Одновременно упразднялись промежуточные звенья управления. В результате было реорганизовано более 3,2 тыс. трестов, объединений и иных управленческих органов в системе министерств и ведомств АПК. Более 5 тыс. совхозов, находившихся ранее в их подчинении, передавались в непосредственное подчинение районным агропромышленным объединениям⁶.

Создание РАПО имело ряд положительных сторон. Больше стало уделяться внимания организации производства, внедрению передового опыта, снизилось число заседаний, уменьшился поток бумаг, появились такие формы координации деятельности предприятий АПК, как межотраслевые комиссии, которые готовили вопросы, выносимые на обсуждение советов РАПО, и контролировали их выполнение. С созданием РАПО улучшилось взаимодействие партнеров по объединению, больше внимания стало уделяться отстающим и низкорентабельным хозяйствам.

Вместе с тем, уже с начала деятельности РАПО выявились и серьезные недостатки. В частности, значительную часть в их деятельности составляли вопросы, решение которых полностью входило в функции аппарата райсельхозуправления, в то же время очень медленно осуществлялись меры по ликвидации параллелизма в работе инженерных, строительных, агрохимических служб РАПО. Это было связано с различной ведомственной подчиненностью предприятий и хозяйств, входивших в объединения. В силу этого скоординировать и гармонизировать интересы партнеров в РАПО было сложно. В результате ликвидации специализированных объединений произошло сокращение штатов в структурах управления АПК. Вместе с тем, значительная часть сокращаемых специалистов ушла из сельхозпроизводства в другие отрасли экономики, что еще больше обострило кадровую проблему. Таким образом, изменения в системе управления АПК не решили

⁶ Экономика сельского хозяйства. 1987. № 10. С. 81.

главной проблемы – ликвидации ведомственности, подчинения интересов партнеров по АПК решению главной задачи – увеличению производства сельхозпродукции, в то же время они усилили административный контроль над деятельностью входивших в них предприятий.

Как показывают результаты исследования, повышение закупочных цен на сельхозпродукцию только временно уменьшило диспаритет цен на продукцию промышленности и сельского хозяйства. С 1983 г. и до конца 11-й пятилетки уровень закупочных цен на сельхозпродукцию оставался неизменным. Однако цены на приобретаемую технику продолжали увеличиваться, и это не всегда компенсировалось соответствующим ростом ее производительности. Так, кормоуборочный комбайн КПКУ-75, одинаковый по производительности с силосоуборочным комбайном КСС-2, стал в 1,8 раза дороже. Пневматическая сеялка СПР-6, по сравнению с моделью СЗ-3,6, давала увеличение производительности в 2,5 раза, а цена ее выросла в 7 раз. Дорожала и серийная техника. Цена трактора МТЗ-80 увеличилась за это время на 89 руб., МТЗ-82 – на 537 руб., Т-150 – на 349 руб., разбрасывателя органических удобрений ПРТ-10 – на 280 руб., щетки СП-11(А) и СП-Т6(А), соответственно, на 140 и 415 руб. Только за счет этого расходы хозяйств на приобретение новой техники резко возрастали. Себестоимость сельхозпродукции повышалась, что негативно сказывалось на финансовом состоянии сельхозпредприятий⁷.

С целью повышения мотивации труда в сельском хозяйстве в первой половине 1980-х гг. стал повсеместно внедряться коллективный подряд (КП). Его сущность заключалась в том, что бригада или звено механизаторов брали обязательство вырастить продукцию на закрепленной за ними земле, а администрация хозяйства предоставляла коллективу необходимые материальные и финансовые ресурсы и осуществляла оплату труда механизаторов по заранее разработанным условиям и расценкам. Размеры заработка каждого члена коллектива определял его совет. При этом учитывался реальный вклад работника в общие результаты труда.

Отдельные коллективы, перешедшие на новую организацию оплаты труда, добивались хороших результатов, поэтому было решено ввести КП повсеместно. Так, если в 1982 г. число работающих на коллективном подряде составляло немногим более миллиона, то в 1986 г. – более 11 млн чел.⁸ Однако, как показало исследование, внедрение КП требовало решения целого ряда сложных проблем. Прежде всего, из-за недостатка механизаторских кадров было трудно организовать повсеместно стабильные коллективы, а нехватка материально-технических ресурсов не позволяла администрации

⁷ Центр документации новейшей истории Ставропольского края. Ф. 1. Оп. 72. Д. 284. Л. 31.

⁸ Сельская жизнь. 1987. 25 янв.

хозяйств обеспечить подрядные коллективы необходимой сельхозтехникой, горюче-смазочными материалами, удобрениями. Сложно было наладить систему оплаты труда, так как ошибки при определении и применении норм оплаты труда часто вели или к неоправданным перерасходам заработной платы, или, из-за низкой оплаты труда, к снижению заинтересованности сельских тружеников в достижении высоких производственных показателей. В результате, внедрение подряда не оказало серьезного влияния на рост производства в сельском хозяйстве. Например, в Ростовской области на конец 11-й пятилетки на основе КП обслуживалось 77% пашни, 55% поголовья КРС и свиней, 98% овец и 77% птицы. Всего в области было 8 тыс. подразделений, работающих на КП⁹. Однако среднегодовое производство валовой продукции по сравнению с 10-й пятилеткой практически не выросло, а фондоотдача снизилась почти на 1/3¹⁰. Аналогичная ситуация складывалась и в других регионах страны.

Отставание производства сельхозпродукции в общественном секторе заставило партийные и государственные органы усилить внимание к личным подсобным хозяйствам (ЛПХ) населения, которые производили значительную часть мяса, молока, картофеля и овощей, как для собственного потребления, так и для продажи на рынке и через систему потребкооперации. Сдерживала развитие ЛПХ низкая механизация производства, недостаток кормов для выращивания скота и птицы. Кроме того, значительная часть руководителей хозяйств считала, что решить проблему обеспечения населения продовольствием может лишь общественное производство.

Вместе с тем, исследование показало, что при налаживании взаимовыгодных отношений между общественным производством и ЛПХ появлялись возможности значительно увеличить производство животноводческой продукции, снизить ее себестоимость. Для большинства хозяйств общественного сектора производство продукции животноводства было убыточным. Эту проблему можно было решить, организовав тесное взаимодействие между колхозами, совхозами и ЛПХ. Так, в колхозе им. Ленина Белоглинского района Краснодарского края с 1983 г. было организовано выращивание свиней в личных подворьях по договорам. До организации откорма свиней у населения колхоз ежегодно производил около 400 т свинины с себестоимостью одного центнера в 180–200 руб. Планы производства не выполнялись. В 1983 г. колхоз передал населению для выращивания около 4 тыс. голов поросят, а к 1985 г. – уже весь откорм свиней населению, около 7 тыс. голов. Условиями договора предусматривалось, что колхоз выделяет поросят 2-х месячного возраста, весом 15–18 кг и на каждую голову продает по 5 ц ком-

⁹ Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 9. Оп. 92. Д. 397. Л. 10.

¹⁰ Там же. Оп. 89. Д. 14. Л. 7.

бикормов, стоимостью по 4 руб. за ц, а с 1985 г. – по 8 руб. за ц. Семья была обязана вырастить поросят и сдать их колхозу весом не менее 120 кг. Колхоз выплачивал семье по 1 руб. 35 коп. за 1 кг привеса. За 1983–1985 гг. производство свинины возросло с 400 до 930 т, себестоимость снизилась с 198 руб. 55 коп. до 99 руб. 50 коп. Вместе с тем, этот важный почин не получил поддержки в крае. В справке, подготовленной работниками крайагропрома, отмечалось, что свертывание откорма свиней на общественной ферме может привести к следующим нежелательным последствиям: придут в негодность помещения свинофермы; потеряют квалификацию специалисты; может ухудшиться племенная работа. Из этого следовал вывод, что необходимо ввести строгое ограничение выдачи поросят на откорм в личные подворья, а продажу комбикормов производить не ниже колхозной себестоимости¹¹.

Несмотря на указанные проблемы, вклад ЛПХ в производство сельхозпродукции был достаточно весомым. В конце 11-й пятилетки ЛПХ в Краснодарском крае производили 26,8% мяса, 13,9% молока, 53% яиц, 87% картофеля, 24,2% овощей и 27,8% плодов и ягод от общего их производства¹². Не менее значительным был вклад в производство сельхозпродукции личных подворий в Ставропольском крае, где в течение 11-й пятилетки ЛПХ производили 78% картофеля, 23% овощей, 34% плодов и ягод, 28% винограда¹³. Вместе с тем, резервы в развитии ЛПХ были еще очень значительными и при более продуманной политике в отношении этого сектора аграрной экономики, можно было бы решить многие проблемы обеспечения населения продуктами питания.

Анализ состояния сельхозпроизводства показал, что решение экономических проблем невозможно без создания работникам сельского хозяйства достойных условий жизни. Однако развитие социальной сферы села финансировалось по остаточному принципу, а жилищное строительство серьезно отставало от производственного, что обостряло кадровую проблему. В связи с этим, вложенные средства в капитальное строительство не давали ожидаемого эффекта. В Продовольственной программе были намечены меры по социальному переустройству села, однако положение дел в социальной сфере существенно не улучшилось, что привело к усилению миграции сельских жителей в города. Сокращение трудовых ресурсов на селе вызывало необходимость, в период уборки урожая, привлекать рабочих и служащих из городов, осложняя финансовое положение предприятий и организаций, которые были вынуждены выплачивать среднюю заработную плату направляемым в село работникам.

¹¹ Государственный архив Краснодарского края. Ф. 1857. Оп. 1. Д. 146. Л. 95–96.

¹² ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 31. Д. 812. Л. 34.

¹³ Ставропольский край в цифрах. Краткий статистический сборник. Ставрополь, 1993. С. 171.

Таким образом, несмотря на значительные капиталовложения в сельское хозяйство, серьезных сдвигов на селе в первой половине 1980-х гг. не произошло. Не дала ожидаемых результатов перестройка управления сельским хозяйством, не устранившая противоречий во взаимоотношениях между партнерами в агропромышленном комплексе страны. Не способствовали повышению эффективности роста сельхозпроизводства меры по внедрению КП. Разовое повышение цен на сельхозпродукцию не уменьшило диспаритета цен, так как в результате постоянного роста цен на сельхозтехнику, удобрения и стройматериалы значительная часть полученной сельским хозяйством прибыли была изъята в пользу промышленности. В связи с этим, не были выполнены планы по производству зерна, мяса, овощей и другой сельхозпродукции, а количество низкорентабельных и убыточных хозяйств снова стало увеличиваться.

Для изменения ситуации в сельском хозяйстве необходимы были новые подходы к управлению АПК, широкое использование экономических стимулов для повышения эффективности сельскохозяйственного производства. В 1985 г. руководство страны предприняло новые шаги по преодолению ведомственности в АПК. Был создан единый орган управления агропромышленным производством – Госагропром СССР, который должен был сосредоточить свое внимание на решении основных проблем производства и переработки сельхозпродукции. На уровне краев и областей также создавались единые структуры управления агропромышленным комплексом. Однако, как показал анализ их работы, качественных изменений в методах управления сельхозпроизводством не произошло. По-прежнему продолжалась мелочная опека сельхозпредприятий, в то же время очень мало делалось для эффективного использования материально-технических ресурсов, совершенствования территориальной структуры агропромышленного производства, повышению эффективности работы колхозов и совхозов.

Не улучшила положения в сельском хозяйстве и реорганизация районных органов управления АПК. Районные агропромышленные объединения с одной стороны старались уйти от решения объективно назревших вопросов сельхозпроизводства, а с другой – продолжали мелочную опеку сельхозпредприятий. Руководители предприятий, обслуживающих колхозы и совхозы, будучи заместителями председателя РАПО, решали вопросы, прежде всего, в интересах своих коллективов, нередко в ущерб своим партнерам. Вместе с тем, в середине 1980-х гг. в АПК появляются новые формы агропромышленных формирований, в которых интегрировалось производство сельхозпродукции, ее переработка и реализация. Первым и самым крупным объединением такого типа стал агропромышленный комбинат «Кубань» в Краснодарском крае. От обычного РАПО комбинат отли-

чался тем, что ведомственное соединение предприятий разных отраслей было дополнено их организационным объединением. Подобные комбинаты стали создаваться и в других регионах страны. В 1988 г. агропромышленные комбинаты давали 4% валовой сельскохозяйственной продукции РСФСР и не могли серьезно повлиять на улучшение снабжения населения продовольственными товарами. В начале 1989 г. в РСФСР было уже 264 агропромышленных формирований, в том числе 130 агропромышленных комбинатов [1, с. 26].

Однако объединения подобного типа не имели достаточных собственных средств для создания современной технической и технологической базы производства и переработки сельхозпродукции. Поэтому для их развития требовались значительные финансовые ресурсы из государственного бюджета. Еще одной формой агропромышленного предприятия стали агрофирмы, которые создавались на базе одного сельскохозяйственного и нескольких перерабатывающих предприятий. Интеграция сельскохозяйственного и промышленного производства давала хорошие результаты, однако недостаток финансовых и материально-технических ресурсов не способствовал созданию значительного количества подобных предприятий.

Во второй половине 1980-х гг. получили развитие научно-производственные системы (НПС), в состав которых на добровольной основе входили научные учреждения, предприятия и организации, осуществлявшие совместную скоординированную деятельность по производству определенных видов продукции, что позволяло быстро внедрять в производство новые научные разработки. Создание НПС давало значительный эффект там, где имелись серьезные научные разработки и подготовленные кадры. Так, например, Северокавказский НИИ садоводства и виноградарства с 1988 г. сотрудничал с 53 хозяйствами. С каждым из них заключался договор, в котором устанавливалась ответственность сторон по внедрению разработок, определялась ежемесячная дополнительная заработная плата сотрудников, расширялись их должностные обязанности, что повышало их ответственность за порученный участок работы. Из полученной хозяйствами прибыли от внедрения разработок 40% поступало в институт, часть из них шла на материальное вознаграждение участников НПС и тех, кто осуществлял помощь в этой работе со стороны института и хозяйств-участников.

Подобные взаимоотношения науки и производства практически исключали срывы в сроках и качестве работ. Затраты на НПС составляли в 1991–1992 гг. 0,6–0,8 млн рублей, окупаемость 1 руб. на науку – 12–15 руб. Тесная связь науки с производством в хозяйствах-участниках НПС улучшила качество плодов, ягод и винограда, выход стандартной продукции достиг 93%. Урожайность винограда возросла на 10–15 ц/га, плодов –

на 27–30 ц/га [2, с. 27]. Вместе с тем, использование интенсивных технологий требовало больших затрат материально-технических и финансовых ресурсов. В условиях постоянного роста цен в конце 1980-х гг. производство сельхозпродукции с использованием новых технологий стало невыгодным для сельхозпроизводителей, что негативно сказалось на процессе интеграции науки и производства.

В 1988 г. сельское хозяйство переводилось на хозрасчет, самофинансирование и самоокупаемость, что знаменовало начало нового этапа модернизации аграрного сектора, который продолжался до 1991 г. В это время была предпринята попытка совместить экономические методы хозяйствования с сохранением командно-административной системы управления аграрным сектором, что и определило противоречивый характер осуществляемых преобразований. Значительная часть колхозов и совхозов не была готова к новым условиям хозяйствования, так как не могла осуществлять свою хозяйственную деятельность без финансовой помощи со стороны государства.

Попытка решить проблему с помощью внедрения на селе арендных отношений также давала положительный эффект далеко не во всех хозяйствах. Наибольшее развитие арендный подряд получил в Краснодарском крае, где в 1988 г. численность арендаторов в процентах к среднегодовой численности работников колхозов и совхозов составила 15%, а в 1990 г. уже 38,4%. Это было значительно выше, чем в целом по РСФСР [4, с. 155]. Однако часто новые формы организации и оплаты труда пытались совместить со старыми командно-административными методами управления. Не была заинтересована во внедрении арендных отношений значительная часть руководителей и специалистов, так как это подрывало их руководящую роль в хозяйствах. Не желали работать в новых условиях колхозники и рабочие совхозов, которые привыкли получать заработную плату независимо от результатов. Сдерживала развитие арендных отношений на селе и нехватка материальных ресурсов, что не позволяло администрации хозяйств в полной мере выполнять договорные обязательства по обеспечению арендаторов техникой, горючим, удобрениями и ядохимикатами. Поэтому внедрение арендного подряда в конечном итоге вылилось в очередную кампанию, которая не привела к увеличению производства сельхозпродукции в стране.

Оказались нерешенными и многие социальные проблемы села. Несмотря на повышение заработной платы рабочим совхозов и колхозникам, а также специалистам сельского хозяйства, продолжалась миграция сельского населения в города. Это было вызвано, прежде всего, тем, что в деревне мало строилось жилья, не хватало больниц, школ, дошкольных учреждений. Жители села плохо снабжались промышленными товарами, а к концу 1980-х гг. торговое обслуживание сельских тружеников еще более ухудшилось.

Обеспеченность сельских жителей по основным товарам культурно-бытового назначения была значительно ниже рациональных норм потребления: по телевизорам – в 2,3 раза, магнитофонам – 1,7 раза, холодильникам и морозильникам – в 1,2 раза, радиоприемным устройствам – в 1,1 раза¹⁴. В силу этого сельское хозяйство испытывало дефицит подготовленных кадров, что негативно сказывалось на его развитии.

Положение в аграрном секторе усугублялось общим кризисом в обществе и в экономике страны в конце 1980-х гг. Быстрый рост цен на промышленную продукцию усиливал ценовой диспаритет. В этих условиях государство было вынуждено увеличивать объемы субсидий и дотаций сельхозпроизводителям. В результате сокращения бюджетных поступлений, это становилось непосильным бременем для госбюджета.

Таким образом, усилия руководства страны, направленные на повышение эффективности сельхозпроизводства, без кардинального изменения экономической политики, не дали существенного результата. Объективной необходимостью стала радикальная реформа системы ценообразования, финансирования и реализации сельхозпродукции и перевод сельского хозяйства на рыночный путь развития.

Литература

1. *Агурбаиш Н.* Развитие агропромышленных комбинатов и объединений в РСФСР // АПК: экономика, управление. 1990. № 3.
2. *Переверзев И.* Прикладная наука и практика // АПК: экономика, управление. 1992. № 5.
3. Развитие аграрных отношений на современном этапе. М., 1983.
4. *Серогодский Н.А.* Продовольственная программа и социально-экономическое развитие села (1980–1990 годы). Ростов н/Д., 2003.

---

¹⁴ АПК: экономика, управление. 1990. № 3. С. 23.

Государственная аграрная политика, модернизация сельского хозяйства и сельское население России во второй половине XX – начале XXI в.

Анализируется влияние аграрной политики государства и модернизации сельского хозяйства на динамику демографических процессов в деревне во второй половине XX – начале XXI в.

Ключевые слова: аграрная политика, модернизация сельского хозяйства, сельское население, Россия.

Экономические, социальные, демографические процессы в российском селе во второй половине XX – начале XXI в. характеризовались противоречивостью тенденций, неоднозначностью динамики, разнонаправленностью последствий. Специфика отмеченных процессов в различные исторические периоды была обусловлена характером модернизации сельского хозяйства, изменением парадигмы государственной аграрной политики, эволюцией демографического поведения и миграционных практик. Существенное влияние на социально-демографическое развитие оказали кардинальная трансформация экономической и социальной структуры постсоветского общества, возрастание роли рыночных и инновационных факторов в развитии АПК, глобализация агропродовольственных рынков.

Неизменными при этом в общероссийском и региональном масштабах оставались сокращение численности сельского населения, нарастание противоречий и проблем в сфере трудовых отношений и в демографии села, многие из которых приобрели хронический характер.

Статистические данные, прежде всего материалы переписей населения с 1959 по 2010 г., свидетельствуют, что на протяжении всего исследуемого периода наблюдалось сокращение численности и удельного веса сельского населения по России в целом и по регионам. Разумеется, протекание указанных процессов отличалось и региональной спецификой, и характером динамики в различные периоды. Приведем итоговые статистические сведения об изменении численности городского и сельского населения за 1959–2010 гг. по России и (для сравнения) по некоторым регионам Юга России (табл. 1).

---

¹ Наухацкий Виталий Васильевич, доктор исторических наук, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), naukhatskiy@rambler.ru, Россия, г. Ростов-на-Дону.

**Численность и удельный вес сельского населения
по итогам всеобщих переписей в 1959–2010 гг.**

	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Российская Федерация (млн чел.)	55,9	49,1	42,2	39,0	38,7	37,6
(тыс. чел.)						
Краснодарский край	2075,0	2154,0	2115,0	2121,0	2346,0	2461,2
Ставропольский край	1083,0	1098,0	1073,0	1111,0	1186,0	1193,5
Ростовская область	1412,9	1410,9	1275,2	1237,4	1427,6	1403,0
%%						
Российская Федерация	47,6	37,7	30,7	26,5	26,7	26,3
Краснодарский край	61,0	53,0	48,1	45,7	46,5	47,1
Ставропольский край	69,0	57,5	50,2	46,4	44,0	42,8
Ростовская область	42,7	36,8	31,3	29,0	32,4	32,8

Источник: Демографический ежегодник России. 2002: Стат. сб. М., 2002. [электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 25.10.2016).

Очевидно, что на изменение численности оказывали влияние разнообразные факторы (миграция, естественный прирост населения и др.), но каждый из этих факторов определялся характером и особенностями социально-экономической и аграрной политики государства и отличался региональной спецификой. Следует также подчеркнуть, что в 1990-е гг. рост численности сельского населения на Юге России происходил главным образом за счет роста числа мигрантов. В последующие годы сокращение численности сельского населения происходило в основном за счет естественной убыли населения. В XXI в. наблюдается неуклонное снижение численности сельского населения по России в целом и по большинству ее регионов. По сравнению с переписью населения 2002 г. численность населения России уменьшилась на 2,3 млн человек, в том числе в сельской местности – на 1,2 млн.

Отметим еще одно немаловажное обстоятельство – изменение темпов роста населения России в период 1992–2013 гг. (табл. 2).

Таблица 2

**Темпы роста населения России в 1992–2013 гг.
(на 1 января, % к 1992 г.)**

Показатели	1992 г.	2002 г.	2010 г.	2013 г.
Темп роста численности населения	100,0	98,1	96,2	96,5

Темп роста численности городского населения	100,0	97,6	96,1	97,0
Темп роста численности сельского населения	100,0	99,4	96,5	95,1

Источник: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2012 гг. (приложение к стат. сборнику «Российский статистический ежегодник. 2013»). [электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1270707126016 (дата обращения: 25.10.2016)

Приведенные данные свидетельствуют о том, что при общем снижении темпов роста численности населения в стране в 1992–2013 гг. снижение темпов роста численности сельского населения приобрело более устойчивую негативную динамику в сравнении с аналогичными показателями городского населения.

Таким образом, на протяжении длительного периода наблюдается сокращение численности и удельного веса сельского населения. Вместе с тем при общей тенденции в динамике протекания этих процессов, соотношение различных факторов социально-экономического развития отличается определенной спецификой в периоды 1950–1991 гг. и 1992–2015 гг.

На первом этапе сокращение численности сельского населения происходило на фоне укрепления материально-технической базы сельского хозяйства, особенно в 1960–1980-е гг. Рост капиталовложений, развитие предприятий сельскохозяйственного машиностроения, расширение производства минеральных удобрений и строительство мелиоративных систем способствовали укреплению материально-технической базы сельского хозяйства.

Хотя состояние технической базы сельского хозяйства не соответствовало уровню, необходимому для эффективного ведения производства, укрепление материальной базы сельского хозяйства в указанные годы обеспечивало повышение производительности труда, рост объемов производства продукции, частично компенсировало сокращение числа работников сельского хозяйства. С другой стороны, рост масштабов производственной деятельности в АПК исключали безработицу и гарантировали занятость сельского населения.

Вторым фактором, непосредственно воздействовавшим на миграцию сельского населения и обеспечение села кадрами в 1950–1980-е гг., было решение социальных проблем села. К началу 1960-х гг. сохранялся глубокий разрыв в уровне и темпах социального развития города и села, что проявлялось в огромной доле ручного труда в сельском хозяйстве, низком уровне благосостояния, дискомфорта быта, примитивности повседневной культуры, ограниченных возможностях получения образования, недоступности квалифицированных медицинских услуг, значительно худшем состоянии здоровья и меньшей продолжительности жизни селян.

Тем не менее, со второй половины 1950-х гг. обозначился поворот государства к социальным проблемам села. В этот период происходили прогрессивные перемены в профессиональной и образовательной структуре кадров, расширялась сфера несельскохозяйственных видов деятельности, совершенствовалась социальная инфраструктура села, возрастали доходы сельских семей, сокращался разрыв в доходах городского и сельского населения. В 1960–1980-е гг. в сельской местности расширялось строительство жилья, школ, детских садов, учреждений здравоохранения, клубов, домов быта, магазинов, проводились работы по газификации, телефонизации, радиофикации, строительству дорог.

Подчеркнем, что на селе был обеспечен гарантированный минимум социальных благ, создана скромная, но достаточно надежная система социального обеспечения и социальной защиты населения, в основе которой лежали гарантированная заработная плата, свободное трудоустройство, общедоступная система пенсионного обеспечения и медицинской помощи, бесплатное на всех этапах образование молодежи. При наличии социальных различий (между городом и селом, между регионами, по уровню жизни и оплате труда) в обществе в значительной мере осуществлялся на практике принцип социального равенства. Хотя уровень жизни на селе едва ли можно назвать высоким, в деревне не было нищеты и не прослеживалась тенденция к пауперизации населения. Противоречия социального развития порождали миграцию и кадровые проблемы, однако дефицит кадров компенсировался в определенной мере за счет индустриализации сельского хозяйства.

Таким образом, в 1960–1980-е гг. миграция сельского населения происходила на фоне обеспечения социальной стабильности, укрепления социальной сферы, роста уровня жизни в сельской местности. Тем самым сельское население не выталкивалось из деревни в силу деградации социально-экономических структур, но уезжало по причине отставания деревни от города, ограниченности форм трудовой деятельности и т.п. Сохранялись устойчивые причины миграции и оттока кадров из села, однако значительная часть населения оставалась жить на селе или переезжала в более крупные села и районные центры. В деревне продолжали действовать социальные лифты для колхозной и совхозной молодежи (возможность получения высшего и среднего специального образования, комсомольская, партийная, хозяйственная карьера, перспективы карьерного роста в колхозно-совхозном производстве, в социально-культурной сфере, в системе образования в сельской местности и в районных центрах и др.).

Государственная аграрная политика на протяжении десятилетий, таким образом, обеспечивала позитивный тренд в социальном развитии россий-

ского села, исключала пауперизацию и люмпенизацию крестьянства, хотя и не обеспечивала эффективного использования трудового потенциала колхозно-совхозной системы. Сохранялись и весьма существенные региональные различия в уровне и характере социального развития села, в масштабах и последствиях сельской миграции.

С начала 1990-х гг. в условиях радикальных либерально-рыночных реформ в Российской Федерации характер социально-экономической и аграрной политики государства существенно изменился. Как справедливо отмечает А. Боговиз, «современная аграрная политика формируется под воздействием сложного комплекса факторов, связанных с кардинальной трансформацией экономической и социальной структуры общества, возрастанием роли инновационной и экологической составляющих, ростом требований к качеству продуктов питания и охране окружающей среды, динамичным изменением агропродовольственных рынков и усилением их глобализации» [1, с. 21].

Государство ослабило свою роль в регулировании аграрной экономики с начала 1990-х гг., что негативно отразилось на производстве сельхозпродукции и привело к обострению хронических и возникновению новых острых социальных проблем. Во многом именно из-за обострения социально-демографических проблем потенциал современного российского АПК используется недостаточно. Имея 2% мирового населения, 8,9% мировых пахотных земель, 2,6% пастбищ, 20% мировых запасов пресной воды, 8,2% мирового производства минеральных удобрений [1, с. 23], аграрная экономика России длительное время на рубеже XX–XXI вв. находится в кризисном состоянии

После 1991 г. сокращение численности сельского населения происходило в принципиально иной социально-экономической среде. Определяющим фактором в нарастании проблем в социально-демографической сфере на селе стал фактор экономический – обрушение производства и деградация сельской экономики, разрушение социальной сферы и падение уровня жизни.

Во-первых, социальная политика на селе с начала 1990-х гг. принципиально изменилась. Государство отказалось от прежней патерналистской линии в отношении села и сельского населения. Конечно, и прежде патернализм был не всегда эффективен, однако советское государство считало своей обязанностью развитие социальной сферы села, хотя, впрочем, не всегда ответственно исполняло эти обязанности.

Современная социальная политика на селе приобрела принципиально иной вид. От решения многих социальных вопросов и проблем государство отказалось, возложив эти функции на местную власть и самих граждан. Правда, в последние годы принят ряд масштабных программ, концепций

в области сельского хозяйства и социальной сферы села, но в принципиальном плане эти решения не выходят за рамки принятой либеральной стратегии.

Во-вторых, утверждение рыночных механизмов в АПК принципиально изменило кадровую ситуацию на селе. В 1990-е гг. – начале XXI в. происходили резкое падение аграрного и промышленного производства, распад производственных (трудовых) коллективов, социальная деградация многих сельских населенных пунктов и сельской местности России в целом. В последние годы рост производства продукции происходит в условиях стагнации и/или деградации социальной сферы и усиления негативных тенденций в развитии трудового потенциала села. Если в прежней (советской, плановой) системе считалось аксиомой, что для роста производства в колхозах и совхозах необходимо решение социальных проблем на селе, то в настоящее время рост производства имеет место в условиях стагнации социальной сферы села.

Обеспечить рост производства зерна и еще некоторых видов продукции оказалось возможным в ситуации социальной стагнации на селе. Как показывает опыт, рост производства зерна в приоритетном порядке можно обеспечить на базе современной высокопроизводительной техники при использовании ограниченного числа работников. Рынок не нуждается в сохранении численности сельского населения. В результате на селе растет безработица, усиливается миграция молодежи, село стареет и вымирает.

Социальное развитие села не рассматривается в настоящее время, как условие роста производства. Во всяком случае, государство не обеспечивает приоритетного решения социальных вопросов, а бизнес не считает нужным инвестировать средства в социальную сферу села. К сожалению, в официальной статистической отчетности не предусмотрены сведения о том, каково участие различных хозяйствующих субъектов в социальном строительстве на селе.

Такой стратегический курс в аграрной сфере, как ни покажется странным на первый взгляд, способствует решению отдельных аграрно-производственных проблем. Так, если цель аграрной политики в обеспечении продовольственной безопасности, то добиться ее достижения в большей или меньшей степени можно за счет поддержки агрохолдингов, строительства мегаферм и т.п. Однако места для эффективной социальной политики в таком аграрном курсе не остается. Подобная аграрная политика исключает реальное развитие социальной сферы села и сельских регионов. Иными словами, социальная эффективность приносится в жертву экономической целесообразности и интересам бизнеса. В случае продолжения такой политики ставятся под угрозу демографическая безопасность страны, экологиче-

ская безопасность, геополитическая безопасность – поскольку ослабляется контроль над пространством.

Таким образом, за последние четверть века существенно изменился характер социальной политики государства и ухудшилось состояние социальной сферы села. В литературе приводятся многочисленные данные, свидетельствующие о глубоком кризисе социальной сферы села, о падении уровня жизни сельского населения. Вот некоторые из них.

Наблюдается социальное опустынивание многих сельских территорий. Большинство районов (69%) являются регрессивными с точки зрения демографического развития, в том числе в 53% районов наблюдаются депопуляционные процессы. Депопуляция характерна для большей части Европейской России, а также отмечается на юге Западной Сибири. И если в первой половине 1990-х гг. естественная убыль сельского населения компенсировалась миграционным притоком беженцев, то сейчас этот источник иссяк. Основной фактор сокращения численности сельского населения – превышение смертности над рождаемостью. Естественная убыль сельских жителей за 12 лет (с 2001 по 2012 г.) составила 2,1 млн, миграционный отток – 1,2 млн.

Наиболее острый характер социально-демографические процессы приобрели в начале XXI в. В этот период продолжалась убыль сельского населения, старение работников (рождаемость на селе самая низкая, а смертность, наоборот, высокая), сокращение численности молодежи.

Одна из острых проблем современного села – занятость сельского населения. Механизация, автоматизация объективно снижают потребность в рабочей силе в отраслях сельскохозяйственного производства. Чтобы обеспечить трудовую занятость сельского населения, необходимо организовывать семейные фермы, помогать в развитии традиционных промыслов, направлять развитие малых сельских территорий, стимулировать развитие различных форм кооперативов [4, с. 6].

Происходит десоциализация села. Хотя в стране реализуется Программа социального развития села, качественных изменений к лучшему не наблюдается. Около 60% сельских жителей нуждаются в улучшении жилищных условий. Уровень обеспеченности сельского населения питьевой водой – всего 55%, газификация крестьянских домов составляет 55%. Треть сельских поселений не имеют подъезда по дорогам с твердым покрытием. За первые 15 лет XXI в. на 20 тыс. сократилось число сельских поселений в России. За 2000–2013 гг. доля занятых в сельском хозяйстве к общему числу занятых на селе снизилась с 49 до 23%. До 200 тыс. человек ежегодно уезжает из села [2, с. 10–11]. Социально-трудовая сфера села деградирует. Сложная социальная ситуация на селе порождает деинтеллектуализацию

аграрного сектора, шире – сельского социума. Среднее профессиональное образование в настоящее время имеют около 20% занятых в сельском хозяйстве, а высшее профессиональное – менее 10%. Около 80% выпускников сельскохозяйственных вузов не идут работать в сельское хозяйство. Численность научных работников в сельскохозяйственных НИИ сократилась более чем вдвое.

«Средняя заработная плата в аграрной сфере – одна из самых низких в экономике: 51% средней зарплаты по России. И рождаемость на селе – пока самая низкая, а смертность, наоборот, высокая. Продолжается отток трудоспособного населения из села, обостряющий кадровый дефицит. С таким качеством жизни никакой экономической прорыв невозможен. Поэтому, хочется кому-то или нет, перераспределительные механизмы должны системно заработать, чтобы вырвать людей из бедности» [6, с. 11–12]. Остро нуждается село в газификации, строительстве жилья, дорог, объектов соцкультбыта. Как отмечается в современной социологической, экономической и исторической литературе, социально-психологический климат в сельском социуме ухудшается, высоки миграционные настроения. По данным Центра социальной политики и мониторинга сельского развития ВНИИЭСХ, в 2013 г. миграционные настроения имелись у 25,2% сельчан, а среди молодежи 16–30 лет – у 41,3%. В 2009 г. из сельских поселений выбыло 635,2 тыс. человек, в т.ч. 304,3 тыс. в возрасте 14–29 лет.

В Ростовской области, как и в России в целом, идет процесс постепенного старения, он сопровождается ростом среднего возраста населения и изменениями возрастной структуры населения – снижением доли детей и ростом доли лиц старших возрастов, что ярче всего проявляется в динамике коэффициентов демографической нагрузки (табл. 3).

Таблица 3

Коэффициенты демографической нагрузки на трудоспособный возраст в 1990–2102 гг. (на 1000 человек трудоспособного возраста приходится лиц нетрудоспособных возрастов)

	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2012 г.
<i>Всего (коэффициент общей демографической нагрузки)</i>				
Российская Федерация	764	662	626	664
Южный федеральный округ	799	706	658	691
Краснодарский край	832	726	675	703
Ростовская область	774	699	646	678
Ставропольский край	818	715	635	662
<i>Моложе трудоспособного возраста (коэффициент замещения)</i>				
Российская Федерация	429	323	264	280
Южный федеральный округ	426	329	267	279

Краснодарский край	431	335	275	287
Ростовская область	406	314	249	260
Ставропольский край	462	355	283	292
<i>Старшие трудоспособного возраста (коэффициент нагрузки пожилыми)</i>				
Российская Федерация	335	339	362	384
Южный федеральный округ	373	377	391	412
Краснодарский край	401	391	400	416
Ростовская область	368	385	397	418
Ставропольский край	356	360	352	370

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. М., 2013. С. 61.

Данные таблицы 3 показывают, что демографическая нагрузка пожилыми постоянно растет как по России в целом, так и по отдельным регионам, демографическая нагрузка детьми интенсивно снижается до 2010 г., вызывая снижение и общей демографической нагрузки. В 2012 г. впервые с 1990 г. наблюдается рост коэффициента замещения и, соответственно рост общей нагрузки. В Ростовской области ситуация наиболее сложная. Здесь самый низкий коэффициент замещения, его рост в 2012 г. также невелик по сравнению с Российской Федерацией, Южным федеральным округом и другими регионами, а нагрузка пожилыми увеличивается наиболее активно, достигая в 2012 г. наибольшего значения среди объектов сравнения. При этом возрастная структура Ростовской области более регрессивна, чем в целом по России: доля детей и лиц трудоспособного возраста меньше (15,1% против 16,2% и 60,8% против 61,6%), лиц пенсионного возраста – больше (24,1% против 22,2%) [5, с. 206]. В этих условиях нельзя недооценивать необходимость создания цивилизованных условий жизни на селе.

В сельских регионах России имеют место и рост объемов производства сельхозпродукции, и запустение полей и ферм; и динамичное развитие, и стагнация в аграрной экономике. Причины фундаментального характера не позволяют обеспечить устойчивого и стабильного развития аграрной сферы, следовательно, гарантируют рост социального расслоения на селе. В настоящее время в сельской местности можно наблюдать и деградацию целых поселений, и благополучие, и процветание новых собственников. Подобная социальная пестрота отражает экономическую пестроту российского села [4, с. 120], где компьютеризированные импортные комбайны соседствуют с архаичным домашним производством ради простого выживания.

Несомненно, что ни одну из названных проблем не решить, не увеличив уровень протекционизма в аграрной политике современной России. По мнению одного из ведущих экономистов-аграрников современной России И. Буздалова, «наиболее слабое звено в политике – ущемление ее протекционистской составляющей, обусловленной особыми условиями ведения

сельского хозяйства, его зависимостью от природных факторов, низкой привлекательностью для частных инвесторов и т.д. Вследствие замены после нэпа протекционистской политики пресловутой политикой «перекачки» сельское хозяйство России оказалось в состоянии глубокого аграрного кризиса. <...> И сколько бы сейчас не говорили об успехах в сельском хозяйстве, ссылаясь на экспорт зерна, отрасль не преодолела возникшего в начале нынешних реформ сопоставимого с последствиями коллективизации провала» [3, с. 10].

Бюджетная политика по отношению к сельскому хозяйству, даже после принятия приоритетного национального проекта «Развитие АПК» на 2006–2007 гг., мало изменилась. Ресурсная база сельского хозяйства, особенно социальной сферы, сельская демография (за исключением небольшого числа современных маяков) крайне деградированы. «При оплате сельскохозяйственного труда, почти вдвое заниженной по сравнению со средним по экономике уровнем, подрываются стимулы к высокопроизводительному труду, что в условиях сохраняющегося ценового диспаритета привело к фактической убыточности отрасли. Это, как и кредиторская задолженность сельхозорганизаций, перешедшая все мыслимые границы и достигшая беспрецедентного уровня (в 2012 г. свыше 1,7 трлн руб., что почти на 40% превышает всю их выручку от реализации продукции, товаров и услуг), – наглядные признаки финансового банкротства российского сельского хозяйства и общего его системного кризиса» [3, с. 11].

«Власти ссылаются на ограниченность ресурсов, «утвержденные» параметры государственного бюджета страны, в том числе его аграрного сегмента. Но ограниченные финансовые возможности государства характерны для любой страны, и те из них, которые достигли огромного прогресса в сельском развитии и на этой основе общих успехов в экономике, формируют структуру бюджета в соответствии с задачами пропорционального, сбалансированного социально-экономического развития, на деле создающего возможность всесторонней модернизации сельского хозяйства. Даже в вошедшей в Таможенный союз с Россией Республике Беларусь доля аграрного бюджета составляет 12%, а в бюджете ЕС превышает 40% против 1,4% в России (в дореформенный период в СССР эта доля составляла свыше 15%, в годы нэпа – 7,5%). Нынешняя бюджетная политика с ее спортивными, военными, космическими щедротами в корне противоречит последовательной интенсификации, следовательно, системной модернизации и инновационному преобразованию всего процесса сельского развития» [3, с. 12].

Таким образом, в 1950–1980-е гг. сокращение численности населения происходило в условиях плановой системы при постепенном наращивании социального потенциала села. Решить проблему кадров на селе государство

не смогло, тем самым доказав недостаточную эффективность административных регуляторов данного процесса. В последние 25 лет сокращение численности сельского населения происходило в принципиально иной социально-экономической среде. Наблюдается деградация и вымирание ряда регионов. Многие процессы в социальном, демографическом развитии приобрели крайне деструктивный характер. Тенденция, отчетливо проявившаяся с начала 1990-х гг., приобрела устойчивость. В XX в. прежде не было ни одного столь длительного периода со столь негативной демографической тенденцией.

Кроме того, нынешняя аграрная политика не учитывает геополитического аспекта развития сельских территорий. При всех неоднозначных социально-демографических процессах в прошлые десятилетия обеспечивался контроль над пространством. Результатом социальной деградации села, сокращения сельского населения и обострения демографической ситуации в настоящее время становится не просто запустение территорий, но и угроза утраты контроля над пространством.

Разумеется, прежняя советская колхозно-совхозная социально-экономическая система была далеко не оптимальной и нуждалась в глубоком реформировании. Но несомненно и другое: решающее влияние на социальное и демографическое развитие села оказало изменение характера государственной социально-экономической и аграрной политики, а также демодернизационные процессы, деиндустриализация аграрного сектора. Произошла смена парадигмы развития села. В результате официально провозглашенный приоритет развития АПК на практике не обеспечивается.

Для выхода из сложившейся ситуации необходима смена парадигмы социально-экономического развития села. Разумеется, многолетний опыт функционирования советской модели показал невозможность оптимального решения проблем села и сельского хозяйства в ее рамках. Вместе с тем, четверть века формирования российской либерально-рыночной модели развития села продемонстрировали неэффективность и этой модели. Преодоление демографического кризиса, сохранение и увеличение численности сельского населения, освоение всей доступной для развития сельского хозяйства территории и тем самым обеспечение контроля над пространством требуют проведение иной государственной аграрной политики.

Литература

1. *Боговиз А.* Особенности формирования и направления аграрной политики России // АПК: экономика, управление. 2014. № 5.
2. *Буздалов И.* Сельское хозяйство России: взгляд сквозь призму концепции устойчивого развития // АПК: экономика, управление. 2015. № 8.

3. *Буздалов И.* Теоретические основы формирования эффективной системы аграрных отношений // АПК: экономика, управление. 2014. № 2.
4. *Голубев А.* Парадоксы развития аграрной экономики России // Вопросы экономики. 2012. № 1.
5. Особенности развития экономики и социальной сферы Ростовской области в 2009–2011 годах: анализ, тенденции, перспективы. Ростов-на-Дону. 2012.
6. *Хицков И.* Без системной экономики агросектор не обновить // АПК: экономика, управление. 2014. № 6.

Демографические процессы в сельской местности современной Мордовии

Анализируется демографическая ситуация, сложившаяся в сельской местности современной Мордовии. Освещаются усилия власти, направленные на реализацию долгосрочной государственной социально-экономической и демографической политики.

Ключевые слова: демографическая ситуация, поселенческая структура, социальное развитие деревни, региональная аграрная политика.

Демографические процессы, протекающие в сельской местности современной Мордовии, находятся под пристальным вниманием власти, ученых, политиков и самих сельчан. Историки, социологи, экономисты, демографы сходятся во мнении, что демографическая безопасность является одной из важнейших проблем развития современного села.

Особенности современного регионального демографического развития обусловлены низкой рождаемостью, высокой смертностью населения и отрицательным сальдо сельской миграции. В 2015–2016 гг. демографическая ситуация в сельской местности республики несколько улучшилась, но не претерпела коренных позитивных изменений, а с начала 2015 г. (в сравнении с 2014 г.) темпы рождаемости незначительно снизились. По мнению исследователей, занимающихся проблемами демографии (Н.Н. Логинова, Л.И. Савинов, С.Г. Рябов и др.) и опирающихся на данные государственной статистики (Мордовстат), современное репродуктивное поведение населения Республики Мордовия способствует уменьшению численности сельского населения. Темпы его сокращения значительно выше, чем городского [2]. На январь 2016 г. все население Республики Мордовия насчитывало 807 тыс. чел. Из них 62% составляли горожане и 38% сельские жители.

Правомерно связывать тенденции демографического характера с меняющейся поселенческой структурой территории. В Мордовии проекты районных и республиканских планировок, по которым в каждом районе выделялись перспективные населенные пункты, были составлены на основании Постановления Совета министров Мордовской АССР от 26 августа 1967 г. «Об утверждении перспективных сельских населенных пунктов, колхозов и совхозов Мордовской АССР, подлежащих дальнейшей застройке». Количество сельских населенных пунктов предполагалось со временем сократить почти в три раза. Вместо 1640 сел и деревень в качестве перспективных должно было остаться и развиваться 581. В числе переселяемых

¹Реброва Татьяна Павловна, кандидат исторических наук, Мордовский гуманитарный институт, rebrova_tr@mail.ru, Россия, г. Саранск.

в первую очередь определено 98 пунктов с населением 2,6 тыс. чел., во вторую – 392 пункта с населением 30,3 тыс. чел., в третью очередь – 415 пунктов с населением 106 тыс. чел. В первую очередь переселению подлежали самые мелкие населенные пункты (до 50 чел.), расположенные на значительном расстоянии от больших дорог и перспективных пунктов; во вторую очередь – мелкие населенные пункты с населением до 100 чел., в которых имелись производственные постройки, используемые до 1980 г.; в третью очередь – остальные «неперспективные» селения, в том числе расположенные в зоне пешеходной доступности от перспективных поселков. Только в населенных пунктах третьей очереди переселения планировалось проводить элементарное благоустройство.

В 1971 г. список перспективных сел и деревень был уточнен и дополнен, в результате чего перспективными признаны лишь 539 сельских населенных пунктов из 1578 существовавших к тому времени. Министерство сельского хозяйства республики, Госплан, тресты совхозов и райисполкомы должны были обеспечивать размещение капитального строительства только в них. В дальнейшем список перспективных населенных пунктов постепенно сокращался. По данным районной планировки, проведенной в 1978 г., таких населенных пунктов оставалось 512, из них центральных усадеб колхозов – 272, поселков – производственных бригад – 81, центральных усадеб совхозов – 75, усадеб отделений совхозов – 56. Этим же проектом предусматривалось сокращение сельского населения с 548,9 тыс. чел. в 1976 г. до 410 тыс. чел. в 1990 г. Последствием политики переселения явилось то, что десятки сел, деревень, поселков Мордовии были исключены из учетных данных как фактически не существующие. Их жители покинули родные места [4, с. 214].

Сельские жители чувствовали бесперспективность жизни на селе и по-своему интерпретировали демографическую ситуацию, сложившуюся к началу 2000-х гг. «Оценивая усилия и результаты тех лет, – размышлял Николай Шлукин, реформатор, пытавшийся в 1990-е гг. возродить «умирающее» село Камаево Ичалковского района Мордовии, – получаешь больше вопросов, чем ответов. <...> Село сутки напролет работало, а зарабатывало чуть-чуть на жизнь. <...> Молодежь уезжала. Селяне деградировали. Государство, школа, родители <...> как ни говорили о почетности и важности высокого звания доярки, скотника, пастуха, комбайнера, не обращали внимания на факт обнищания и деградации, всеобщего пьянства в деревне» [6, с. 73].

К 2016 г. в Мордовии, по данным Мордовстат, насчитывалось 1240 сельских населенных пунктов, тогда как в 1967 г. их было 1640. Численность населения в них составила 308 тыс. чел. Самыми крупными в Мордовии в настоящее время являются Лямбирский и Зубово-Полянский районы, где

проживает более 30 тыс. чел. в каждом. Самыми малочисленными – Инсарский и Кадошкинский районы, где численность населения составляет соответственно 4 и 2 тыс. чел.

К категории мелких (до 50 чел.) в настоящее время отнесены 37,8% населенных пунктов. В них проживает всего 2,5% населения. Наибольший удельный вес мелких населенных пунктов в Темниковском и Старошайговском районах. Более 50% поселений в этих районах находится в стадии вымирания. К категории средних (от 51 до 500 чел.) отнесено 44,8% населенных пунктов. Наибольший удельный вес таких населенных пунктов в Дубенском районе. В сельских населенных пунктах от 500 до 1000 человек проживает 20% населения. Таких населенных пунктов в республике насчитывается 7% от общего количества населенных пунктов.

В Мордовии также насчитывается 48 сельских населенных пунктов с числом жителей более 1000 чел., в том числе, в четырех населенных пунктах проживает более 5 тыс. чел. в каждом. Эта группа населенных пунктов составляет 3,9% от общего числа поселений, но сосредоточено в них более 40% сельского населения. Кроме того, в республике более 60 сельских населенных пунктов (6,5%) без проживающего населения.

В результате анализа типологии сельской местности можно констатировать, что демографическая ситуация, сложившаяся в сельской местности Мордовии в настоящее время неоднородна. Выделяются три группы районов, отражающие различающиеся типы демографической ситуации.

Первая группа районов с относительно благополучной демографической ситуацией, которые отличаются значительной долей лиц трудоспособного населения и женщин детородного возраста, повышенным коэффициентом рождаемости и пониженным коэффициентом смертности, а, следовательно, невысокой естественной убылью населения и относительно низким коэффициентом депопуляции. В эту группу вошли такие районы, как Лямбирский, Рузаевский, Ромодановский, Чамзинский, являющиеся наиболее развитыми в экономическом отношении муниципальными образованиями.

Общими демографическими характеристиками районов второй группы являются повышенные коэффициенты смертности, высокие показатели естественной убыли населения, пониженные доли лиц трудоспособного и женщин детородного возраста. Такие показатели характерны для Инсарского, Кадошкинского, Торбеевского районов.

В группу районов третьего типа с критической демографической ситуацией вошло наибольшее число районов республики: Ардатовский, Атюрьевский, Атяшевский, Большеберезниковский, Ичалковский, Ковылкинский, Кочуровский, Краснослободский, Старошайговский, Темниковский, Теньгушевский.

Ученые-экономисты, изучавшие проблемы аграрной экономики региона, прогнозировали негативные демографические последствия для республики. Реорганизация государственных управленческих органов АПК привела к нарушению согласованности во взаимодействии управления на федеральном, региональном и местном уровнях. Была разрушена вертикальная система управления АПК. Особенно пострадал производственный аграрный сектор, так как сформировались функциональные структуры в сфере материально-технического снабжения и переработки, агросервисного обслуживания и торговли. Их деятельность не отслеживалась и не координировалась на государственном уровне. В силу этого, коммерческие структуры с первых дней образования свою энергию направили на получение прибыли без учета интересов сельскохозяйственных производителей [1, с. 9]. Все это способствовало «затуханию» экономической активности населения в значительной части муниципальных образований и требовало незамедлительной реакции местной власти на происходящее.

В «Послании Главы Республики Мордовия Государственному собранию» в 1998 г. подчеркивалось: «Если в ближайшие 3–4 года не произойдет существенных изменений, то селу не выжить» [3, с. 9]. В связи с этим перед правительством Республики Мордовия была поставлена задача: разработать конкретную стратегию и рубежи развития АПК на ближайшие пять лет. Указы Главы Мордовии «О мерах по стабилизации положения в агропромышленном комплексе», «Об упорядочении финансовой помощи сельскохозяйственным организациям» были направлены на то, чтобы не покрывать бесхозяйственность и иждивенчество за счет бюджета, а на основании заключения Министерства сельского хозяйства и продовольствия, после анализа представленных бизнес-планов сельхозпредприятий, эффективно использовать выделяемые средства и своевременно рассчитываться за авансы и кредиты.

Параллельно с решением экономических задач была определена стратегия работы с кадрами руководителей, выстраивались отношения районных муниципальных образований с республиканскими органами власти. Сельские советы были наделены соответствующими правами, в результате чего управление на местах стало осуществляться через заключение договоров с исполнительными органами власти районов.

Совместными усилиями власти и населения в течение последующих лет началось социальное обустройство сел. Завершена газификация, модернизируется система связи, построены водопроводные сети, увеличились объемы дорожного строительства. Все это направлено на обеспечение благоприятных условий для экономической активности сельского населения, а, следовательно, на стабилизацию демографической ситуации в регионе

[5, с. 365]. Демографическая ситуация в сельской Мордовии сегодня – это результат реализации государственной, долгосрочной, социально-экономической и демографической политики.

Литература

1. *Крутов Н.С.* Стратегия пропорционального развития всех сфер АПК (на примере Республики Мордовия) // Современные тенденции социально-экономических и правовых отношений региона: Материалы III Макаркинских научных чтений. Саранск, 2003.

2. *Логинова Н.Н.* Население Республики Мордовия: геодемографическая ситуация, динамика и структура. Саранск, 2011.

3. Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию. Саранск, 1998.

4. *Реброва Т.П.* Взгляд крестьяноведа на проблему формирования и развития АПК Мордовии в связи с вхождением России в ВТО // Крестьянин в мире и на войне. Сборник материалов III Меркушкинских научных чтений. Саранск, 2005.

5. *Реброва Т.П.* Мордовия: собственная модель выживания и развития села // Агропродовольственная политика и вступление России в ВТО. Нионовские чтения 2003. М., 2003.

6. *Реброва Т.П.* Портрет в интерьере реформ // Муниципальная власть: Российский журнал местного самоуправления. 2002. № 5.

Изменения кадрового состава сельхозпредприятий Центрального Черноземья в 1990-х – середине 2000-х гг.

В статье на материалах России в целом и Центрального Черноземья проведен анализ кадрового состава сельскохозяйственных предприятий в 1990-х – середине 2000-х гг. по ряду параметров: численность, возрастной состав, уровень образования, доля практиков, текучесть кадров.

Ключевые слова: аграрная реформа, сельскохозяйственное предприятие, кадровый состав, социальная группа, Центральное Черноземье.

В период аграрных преобразований 1990-х – середины 2000-х гг., несмотря на распространение фермерства, основную часть занятого в аграрном производстве населения продолжали составлять лица, работавшие в сельхозпредприятиях. Кадровый состав сельскохозяйственных предприятий включает в себя пять групп: руководители высшего и среднего звена, специалисты, квалифицированные и неквалифицированные работники. Социально-демографический анализ каждой из указанных групп позволил выявить негативные тенденции, сложившиеся в профессионально-квалификационном составе работников сельхозпредприятий в рассматриваемый период.

Руководители сельскохозяйственных предприятий. Численность данной группы имела незначительный рост, объясняемый увеличением количества предприятий, появившихся в ходе реорганизации колхозов и совхозов. С 1995 до 2000 г. число руководителей возросло на 3,3% в целом по стране и на 2% – по Центральному Черноземью (табл. 1).

Таблица 1

Численность руководителей сельхозпредприятий в 1996–2000 гг. (чел., на начало года)

	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.
<i>Российская Федерация</i>					
штатная	26989	27412	27649	27647	27900
фактическая	26869	27281	27483	27479	27788
%	99,6	99,5	99,4	99,4	99,6
Центрально-Черноземный район					
штатная	2420	2444	2463	2478	2468
фактическая	2420	2437	2456	2475	2463
%	100,0	99,7	99,7	99,9	99,8

Источник: [5]

¹ Логунова Инна Викторовна, кандидат исторических наук, Финансовый университет при Правительстве РФ Липецкий филиал, inna.logunova12@gmail.com, Россия, г. Липецк.

Из-за неприспособленности условий жизни горожан не привлекали на селе даже руководящие должности. 81% руководителей составляли коренные сельские жители [1].

Результаты социологических опросов и сельскохозяйственной переписи 2006 г. свидетельствуют о ряде негативных тенденций в профессионально-квалификационной структуре руководителей сельхозпредприятий. Большинство руководителей (более 50%) составляли мужчины в возрасте от 30 до 50 лет. При этом руководителей старше 50 лет больше, чем младше 30 лет. В Липецкой области в 2006 г. их доля составила 41,3% (в крупных и средних предприятиях) и 30,8% (в малых предприятиях), тогда как число молодых руководителей ограничилось, соответственно – 1,4% и 7,7%².

В период с 1991 по 2003 гг. в России доля руководителей, имевших высшее образование, сократилась с 86% до 69% (среди них лишь 7% не имели специального сельскохозяйственного образования) (табл. 2). При этом общий образовательный уровень руководителей оставался довольно высоким. Аналогичная ситуация сложилась в Центрально-Черноземном регионе. В 2003 г. в Тамбовской области удельный вес руководителей сельхозпредприятий, имевших высшее образование, равнялся 70% [2]. В Липецкой области в 2006 г. доля руководителей с высшим образованием составила 81% – в крупных и средних сельхозпредприятиях и 74% – в малых. Однако лишь половина из них имела профессиональное сельскохозяйственное образование (в малых предприятиях – третья часть)³.

Таблица 2

Состав руководителей и специалистов сельхозпредприятий по уровню образования в Российской Федерации в 1995–2003 гг. (на начало года, тыс. чел.)

Должность	Год	Всего работающих	Из них имеют образование	
			высшее	среднее проф.
Руководители сельхозпредприятий	1995	27,0	21,5	4,6
	2000	27,6	19,6	6,4
	2003	27,6	19,0	6,7
Специалисты (включая главных)	1995	559,2	185,7	310,1
	2000	429,2	140,0	236,9
	2003	373,3	124,8	207,2

² Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Липецкой области (ТА Липецкстат). Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. Т. 2. С. 111, 117.

³ Там же. С. 113, 119.

Руководители среднего звена	1995	154,6	26,8	71,3
	2000	124,9	22,3	57,5
	2003	113,1	20,7	55,7

Источник: Численность, состав и движение кадров агропромышленного комплекса. Сборник аналитических материалов. Т. 1. М., 2003. С. 4–9.

В 1990-е гг. среди руководителей, если учитывать их средний возраст, была велика доля тех, кто получил образование еще в советский период, когда делался упор на изучение технологии аграрного производства. По этой причине после начала реформы им не доставало знаний по вопросам управления предприятием в рыночных условиях и требовалось повышение квалификации. Однако многие, ничего не меняя, продолжали использовать прежние методы управления. Ситуация усугублялась тем, что в первой половине 1990-х гг. фактически была свернута система повышения квалификации и переподготовки работников сельского хозяйства. Восстановить ее удалось лишь к концу 1990-х гг., но и тогда своевременно через повышение квалификации смогли пройти лишь 30% руководителей сельхозпредприятий, еще 30% квалификацию не повышали совсем [5; 1]. В рамках Центрального Черноземья лишь в Белгородской области удалось наладить эффективную работу по повышению квалификации и подготовке кадрового резерва руководителей сельхозпредприятий. В 2000-е гг. в результате естественной смены руководящих кадров в отрасль стали приходить люди, получившие образование в пореформенное десятилетие, когда при обучении акцент уже ставился на менеджмент. Эти руководители оказывались более восприимчивыми к рыночной экономике.

Таким образом, наличие специального сельскохозяйственного образования перестало быть обязательным (или желательным) условием занимания руководящей должности. Основная масса руководителей предприятий, если судить по выполняемым ими функциям, постепенно стала превращаться в менеджеров (управленцев).

Имела место частая сменяемость руководящих кадров. Масштабы ускоренной сменяемости руководителей сельхозпредприятий за 10 лет реформы возросли в целом по России с 10 до 17%, а в ряде субъектов федерации, включая Липецкую область, они составили 25–35% [3].

В годы реформы среди руководителей сельскохозяйственных предприятий стало возрастать количество практиков, то есть лиц, не имевших даже среднего профессионального образования. В 1994 г. в целом по России их доля составляла 4%, а в 2002 г. – уже 7% (табл. 3). В Липецкой области в 2006 г. среди руководителей крупных и средних предприятий их насчи-

тывалось 4%, среди руководителей малых предприятий – 13%⁴. Подобная ситуация сложилась и в Тамбовской области, где к 2004 г. около 8% руководителей сельхозпредприятий всех категорий не имели образования [2].

Таблица 3

Численность практиков среди руководителей и специалистов сельхозпредприятий в Российской Федерации в 1995–2003 гг. (на начало года, тыс. чел.)

	Год	Всего работающих	Практики	
			всего	из них обучается заочно
Руководители сельхозпредприятий	1995	27,0	0,947	0,180
	2000	27,6	1,562	0,274
	2003	27,6	1,896	0,336
Специалисты (включая главных)	1995	559,2	63,394	6,284
	2000	429,2	52,300	4,697
	2003	373,3	41,354	6,069
Руководители среднего звена	1995	154,6	56,511	2,279
	2000	124,9	45,100	1,400
	2003	113,1	36,704	1,314

Источник: Численность, состав и движение кадров ... С. 4–9.

Руководители среднего звена – управляющие отделениями, фермами, сельскохозяйственными участками (бригадиры). С 1994 по 2002 г. произошло существенное сокращение численности руководителей среднего звена – на 27% (табл. 2). Причинами этого стали разукрупнение сельхозпредприятий, произошедшее в ходе реорганизации колхозов и совхозов, и отток руководителей среднего звена из сельхозпредприятий, вызванный тяжелым материальным положением и социально-бытовой необустроенностью. В поисках лучшей жизни бывшие бригадиры и управляющие либо организовали фермерские хозяйства, либо уезжали в город (прежде всего, это касалось лиц с высшим образованием), либо, оставшись в сельской местности, начинали заниматься предпринимательством.

Уровень образования руководителей среднего звена был невысоким. Около половины из них (46–49%) составляли лица, имевшие среднее профессиональное образование. Доля руководителей среднего звена с высшим образованием была невелика и колебалась в пределах 17–18%. Объяснялось это тем, что наиболее образованная и профессионально подготовленная часть руководителей среднего звена, осознавая свою конкурентоспособность, уходила из сельского хозяйства в другие сферы деятельности. На

⁴ Там же. С. 113, 119.

освобожденные должности нередко приходили практики, несмотря на то, что по квалификационным требованиям руководителям среднего звена положено было иметь специальное сельскохозяйственное образование. Доля практиков среди руководителей среднего звена составила 36–37% и оказалась самой высокой среди остальных групп сельскохозяйственного населения (табл. 3).

Специалисты сельхозпредприятий. Эта неоднородная по своему составу группа включала в себя представителей разных профессий: агрономов, ветврачей, зоотехников, инженеров, экономистов, бухгалтеров, юристов, специалистов по кадрам. В период с 1994 по 2002 гг. в России произошло резкое (на 40%) сокращение численности данной группы (табл. 2). Наряду с нежеланием наиболее квалифицированных специалистов мириться с возникшими в пореформенный период материальными и социально-бытовыми проблемами еще одной причиной сокращения их численности стала реорганизация колхозов и совхозов. Появление большого числа средних и малых сельхозпредприятий привело к сокращению должностей специалистов различного профиля. В результате в таких предприятиях специалистам зачастую приходилось совмещать разные должности (например, агроном-бригадир, зоотехник с обязанностями бухгалтера).

Насыщенность сельского хозяйства специалистами была низкой. В 1990-е гг. сельхозпроизводство отставало от промышленности по уровню насыщенности специалистами высшей квалификации на 24%, специалистами средней квалификации – на 10% [4, с. 36]. Сокращение численности специалистов происходило при одновременном росте спроса на них на рынке труда. Однако молодежь не стремилась занимать освобожденные вакансии. Это подтверждается негативными изменениями возрастной структуры данной группы. В 1990-е гг. произошло сокращение удельного веса молодежи при одновременном росте числа специалистов пенсионного возраста. В период с 1994 по 1998 г. в России доля молодых специалистов в общей численности сельскохозяйственной интеллигенции снизилась с 14,6% до 12,6%, в то время как доля специалистов в возрасте старше 50 лет увеличилась с 3,2% до 4,6% [6, с.298].

В то же время уровень образования группы специалистов оставался довольно высоким и стабильным и составлял 88%. Самый высокий среди специалистов показатель образованности (97%) отмечался у юристов и главных бухгалтеров⁵. Доля практиков в общей численности специалистов по сравнению с руководителями среднего звена была невелика и составляла 11–12%. В Тамбовской области к 2004 г. около 8% специалистов не имели

⁵ Численность, состав и движение кадров агропромышленного комплекса: Сб. аналитических материалов. Т. 1. М., 2001.

высшего или среднего профессионального образования [2]. Однако с точки зрения глубокой специфичности каждой из относящихся к данной социальной группе профессий и невозможности надлежащего выполнения их на дилетантском уровне, эти цифры воспринимаются как достаточно высокие.

Квалифицированные работники. Данная социальная группа отличается неоднородностью и объединяет в себе представителей разных профессий: механизаторов, трактористов, комбайнеров, водителей, операторов машинного доения, операторов животноводческих комплексов.

В период с 1990 по 2002 г. в России произошло обвальное сокращение численности квалифицированных рабочих кадров всех профессий (табл. 4). Численность трактористов-машинистов уменьшилась в 2,3 раза, работников животноводства – в 3,4 раза.

Таблица 4

**Численность работников сельскохозяйственных предприятий Российской Федерации в 1990–2002 гг.
(тыс. чел., в среднегодовом исчислении)**

Профессионально-должностная группа	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2002 г.
Численность постоянных работников, занятых в сельхозпроизводстве	6483,4	4690,9	3144,1	2650,6
Из них:				
трактористы-машинисты	1420,1	982,1	720,1	608,5
работники животноводства	2663,7	1876,9	892,1	793,4

Источник: [4, с. 31]

Имела место высокая текучесть квалифицированных рабочих кадров. Пути их оттока из сельхозпредприятий были те же, что и у руководителей и специалистов (уход в фермеры, переезд в город, переход в сферу бизнеса). Все это обусловило недостаток квалифицированной рабочей силы. К 2002 г. 27% сельхозпредприятий испытывали нехватку в механизаторах, 22,5% – в животноводах высокой квалификации [7].

Тем не менее, удельный вес молодежи на протяжении пореформенного периода оставался довольно стабильным: в среде механизаторов он колебался в пределах 22,5–23,9%. Самой многочисленной в структуре механизаторских кадров оказалась возрастная группа от 31 до 55 лет. В 1996 г. ее численность составляла 63,6%, а к 2001 г. она возросла до 69,7%⁶.

Стандартным условием принадлежности к социальной группе квалифицированных работников являлось наличие начального профессионального

⁶ Там же.

или среднего профессионального образования. Однако это условие не всегда выполнялось. За годы реформы численность квалифицированных работников, имевших начальное профессиональное образование, сократилась более чем в два раза. Среди трактористов начальное профессиональное образование имели в 1995 г. лишь 48%, в 2002 г. – 45% [4, с. 38]. Все остальные трактористы (то есть более половины) профессиональную подготовку получали на курсах. Причины этого крылись в ежегодном сокращении числа выпускников профтехучилищ, а также в отсутствии практики закрепления выпускников училищ за сельхозпредприятиями.

Неквалифицированные работники. В пореформенный период в сельхозпредприятиях произошло заметное уменьшение численности рабочих кадров массовых профессий. С 1990 по 2002 г. количество неквалифицированных работников сократилось в 1,9 раза. Причинами сокращения стали, во-первых, уход части работников в фермеры, во-вторых, – демографический фактор: на рубеже 1990-х – 2000-х гг. значительная часть работников массовых профессий вступила в предпенсионный возраст, вследствие чего ежегодно стали высвобождаться рабочие места. Об этом свидетельствует соотношение работающих и пенсионеров в сельхозпредприятиях Тамбовской области: если в начале 1990-х гг. оно составляло 1:1, то к 2000 г. это соотношение уже доходило до 1:3 или 1:4 [8, с. 42]. Однако восполнения данной социальной группы за счет притока молодых кадров не происходило, поскольку молодежь предъявляла более высокие требования к зарплате, условиям и уровню технической оснащенности труда, наличию возможных перспектив. Еще одна причина сокращения численности неквалифицированных работников заключалась в их низкой трудовой дисциплине. Результаты социологического обследования сельхозпредприятий и фермерских хозяйств ряда областей, включая Тамбовскую, показали, что в 2001 г. более 80% всех увольнений постоянных работников и 20% всех увольнений временных работников сельхозпредприятий составляли увольнения по причине низкой трудовой дисциплины (прогулы, пьянство, опоздания). Низкая трудовая дисциплина стала также причиной частой сменяемости кадров и постоянной потребности сельхозпредприятий в неквалифицированной рабочей силе. В 2001 г. почти 60% опрошенных руководителей сельхозпредприятий Тамбовской области нуждались в найме неквалифицированных работников и лишь 10% – в найме квалифицированных кадров [7].

Литература

1. *Бедный А.Б.* Социологический портрет руководителя сельскохозяйственного предприятия [Электронный ресурс]. URL: <http://tempus-ib.unn.ru/pub/art3.doc> (дата обращения: 25.08.2015).

2. *Виноградов С.В.* Воспроизводство трудовых ресурсов сельского хозяйства: на примере Тамбовской области: автореф. дисс. ... канд. эконом. наук. Тамбов, 2004.
3. *Долгушкин Н.К.* Селу кадры высокой квалификации // *Сельская жизнь: Аграрное образование*. 2001. № 64.
4. *Долгушкин Н.К.* Трудовой потенциал российского села: состояние и перспективы. М., 2004.
5. *Коврижкин В.О.* Формирование кадрового потенциала руководителей сельскохозяйственных предприятий и его использование: автореф. дисс. ... канд. эконом. наук. М., 2002.
6. *Малахова В.Я.* Кадры сельского хозяйства: состояние и перспективы // *Рыночная трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы*. М., 2000.
7. *Сельская бедность и сельское развитие в России / Е.В. Серова, Т.В. Тихонова, И.Г. Храмова, С.В. Храмова, О.В. Шук* [Электронный ресурс]. URL: http://www.iep.ru/files/text/working_papers/79.pdf (дата обращения: 15.09.2015).
8. *Шалыпина И.П.* Современные особенности развития земельных отношений в сельском хозяйстве // *Рыночная трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы*. М., 2000.

Отраслевая структура земледелия в Западной Сибири в XX в.²

Осуществляется поэтапный анализ факторов и динамики развития отраслевой структуры земледельческого хозяйства в Западной Сибири в XX в. В качестве базового параметра для реконструкции исследуемого процесса избрано соотношение посевов отдельных культур в общей посевной площади.

Ключевые слова: сельское хозяйство, земледелие, посевные площади, зерновое производство, аграрная политика, Сибирь.

На рубеже XIX–XX вв. базовой отраслью аграрной экономики Западной Сибири было земледельческое хозяйство, специализирующееся на выращивании зерновых культур (хлебов). Помимо имевших продовольственное значение пшеницы, озимой и яровой ржи в набор основных сельскохозяйственных растений входил овес, используемый преимущественно как фураж для рабочего скота. Существенно меньшее место на сибирской пашне занимали ячмень, гречиха, просо, горох, а также другие продовольственные и технические культуры (картофель, овощи, конопля, лен).

В конце XIX в. изменялось соотношение сельскохозяйственных культур. В Западной Сибири увеличивался удельный вес яровых, в первую очередь преимущественно товарных пшеницы и овса, вытеснявших рожь, имевшую в большей степени внутрикрестьянское потребительское назначение. По нашим подсчетам, удельный вес зерновых культур в общей площади посева в Западной Сибири составлял 94,6%, пшеницы – 34,9, овса – 32,2, ржи – 22,9, прочих хлебов – 4,6, незерновых культур – 5,4% (рассчитано по: [9, с. 303; 2, с. 373; 5, с. 67]).

Рост производства сдерживался отсутствием емких рынков сбыта. В начале XX в. в сельском хозяйстве региона произошли существенные сдвиги. Сооружение Транссибирской магистрали позволило значительно увеличить масштабы аграрного переселения. За счет труда новоселов и старожилов посевные площади в Западной Сибири в 1914 г. увеличились по сравнению с 1897 г. в 2,5 раза [9, с. 303]. Более высокими темпами наращивалось производство пшеницы, удельный вес которой в общей площади посева постоянно увеличивался. Посевы ржи, напротив, сокращались. В 1913 г. доля зерновых культур в общей посевной площади в Западной Сибири составляла 94,9%, пшеницы – 50,9, овса – 29,1, озимой ржи – 7,1, крупяных

¹ Ильиных Владимир Андреевич, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения РАН, agro_iwa@mail.ru, Россия г. Новосибирск.

² Работа подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 16-01-0067а).

– 1,7, незерновых культур – 5,1% (в том числе технических – 2,4, картофеля – 1,5, кормовых – 0,4%). Пшеница занимала 53,6% посева зерновых³. Фактором торможения зернового производства являлись первоначально низкая пропускная способность Транссиба и тарифная политика государства. С целью защиты помещичьего хлеба европейской части империи от дешевого сибирского крестьянского хлеба тарифы на перевозку зерна после Челябинска существенно повышались.

Наращивание посевов зерновых культур продолжилось во время Первой мировой войны. Был отменен «Челябинский тарифный перелом». Увеличилась мощность Транссиба. В хлебе и зернофураже в огромных и все более возрастающих объемах нуждалась армия. В связи с изменением структуры питания постоянно увеличивалась потребность горожан в хлебопродуктах. Пользуясь относительно благоприятной конъюнктурой, сибирские крестьяне стали наращивать производство наиболее востребованных зерновых культур – пшеницы и овса, которые продолжали вытеснять рожь. Зерновое хозяйство региона развивалось в целом поступательно вплоть до 1919 г. Посевная кампания 1920 г., прошедшая после реставрации советской власти в Сибири, также к сколько-нибудь значимому сокращению посевных площадей не привела. Продразверстка в регионе была введена после окончания посевной кампании (см.: [7, с. 63–73]). Структура посевных площадей в Юго-Западной Сибири в 1916 и в 1920 гг. приведена в табл. 1⁴.

Таблица 1

**Структура посевных площадей в Юго-Западной Сибири
в 1916–1929 гг. (%)**

Культуры	1916 г.	1920 г.	1923 г.	1927 г.	1929 г.
Зерновые	95,5	96,8	92,7	94,2	90,7
в том числе пшеница	60,8/63,5	57,3/59,2	41,3/44,6	60,5/64,2	61,3/67,5
овес	25,9	32,1	18,7	24,5	20,1
рожь	3,0	2,8	9,4	5,4	4,5
ячмень	4,1	3,8	3,5	2,3	1,9
крупяные	1,7	0,8	19,1	1,1	–
Незерновые	4,5	3,2	7,3	5,8	9,3
в том числе лен	1,2	1,0	1,9	1,4	2,6

³ Посевные площади СССР (Динамика за 1928, 1932–1938 гг. в сопоставлении с 1913 г.): стат. справочник. М.; Л., 1939. С. 6–8, 10, 15–17, 19, 90–92, 94, 106–109, 140–142, 144, 224–226, 228. Приведены данные в территориальных рамках Алтайского края, Омской и Новосибирской областей в границах 1938 г.

⁴ В соответствии с принятым в середине 1920-х гг. экономико-географическим делением мы включаем в Юго-Западную Сибирь территорию западных округов Сибирского края. Сопоставимые статистические данные по всей Западной Сибири, включая территорию Тобольской губернии, вошедшую в состав Уральской области, для периода 1916–1929 гг. отсутствуют.

конопля	0,6	0,6	1,3	0,9	0,9
картофель	1,0	0,7	1,7	1,6	1,9

Источники: Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР 1916, 1923–1927 гг. М., 1930. С. 56–57; Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 298–299.

Примечания: 1) Приведены данные в территориальных рамках западных округов Сибирского края. 2) Здесь и в других таблицах в строках «Пшеница» в числителе указан удельный вес данной культуры в общей посевной площади, в знаменателе – в посевах зерновых.

В 1916 г. удельный вес зерновых культур в общей посевной площади в регионе составлял 95,5%, пшеницы – 60,8, овса – 25,9%. Рожь занимала лишь 3% посевных площадей, незерновые культуры – 4,5%. В 1920 г. доля овса увеличилась (до 32,1%), а пшеницы и незерновых несколько сократилась (до 57,3 и 3,2%).

В начале 1920-х гг. сельское хозяйство региона вошло в стадию полномасштабного кризиса. Посевные площади в Юго-Западной Сибири в 1922 г., по нашим подсчетам, сократились по сравнению с 1920 г. в 2,1 раза. При этом больше всего пострадали посевы основных товарных культур – пшеницы и овса, сократившиеся в 2 и 2,8 раза соответственно. Площади, занятые рожью, увеличились на 7%, а просом, использовавшимся для собственного потребления, – выросли в 11 раз. Удельный вес пшеницы и овса в общей площади посева уменьшился до 48,9 и 20,3%, а ржи и крупяных культур – вырос до 7,7 и 14,3% (рассчитано по: [4, с. 94, 146–147]). Основными причинами кризиса стали два сильных неурожая подряд – в 1920 и 1921 гг. – и сверхнормативное изъятие произведенной крестьянами продукции (в том числе семенных фондов) по продразверстке и продналогу. Негативно на уровень зернового производства также влияла изношенность не пополняемого во время военных лет сельхозинвентаря (см.: [7, с. 79–85]).

Первые позитивные изменения в динамике сельского хозяйства Сибири произошли в 1923 г. Упорядочение налогообложения, расширение семенной и другой помощи крестьянству позволили начать восстановление производства. По нашим подсчетам, площадь посева в Юго-Западной Сибири в 1923 г. увеличилась на 20% (рассчитано по: [4, с. 94, 147]). Но прирост произошел в основном за счет ржи и крупяных культур. Площади, занятые пшеницей и овсом, выросли незначительно. Их доля в общей посевной площади еще больше сократилась, составив 41,3 и 18,7% соответственно. В то же время удельный вес ржи и крупяных культур вырос до 9,4 и 19,1% (см. табл. 1). Таким образом, в 1923 г. наряду с позитивными количественными изменениями произошло ухудшение качественных показателей зернового хозяйства.

С 1924 г. ситуация изменилась в лучшую сторону. Темпы наращивания посевов товарных культур увеличились, а посевы потребительских культур стали сокращаться. Поступательному развитию сельского хозяйства способствовали возобновление регулярного снабжения деревни сельхозинвентарем, расширение кредитования, агрономического и зооветеринарного обслуживания, кооперирование крестьянства. В 1927 г. посевы пшеницы в Юго-Западной Сибири выросли по сравнению с 1922 г. на 116%, с 1920 г. – на 9%. Площади, занятые овсом, также увеличились, но уровня 1920 г. они так и не достигли. Посевы ржи сократились. А крупяных в 1927 г. посадили в 6,6 раз меньше, чем в 1922 г.

Соответствующие изменения произошли в структуре посева. Удельный вес пшеницы в общей площади посева (60,5%) практически достиг уровня 1916 г., а в площади посева зерновых культур (64,2%) – его превысил. Доля овса по сравнению с 1920 г. снизилась с 32,1 до 24,5%, а ржи – увеличилась с 2,8 до 5,4% (см. табл. 1).

В конце 1920-х гг. наращивание посевов пшеницы в регионе продолжалось. Прирост в 1928–1929 гг. составил 23%. Но одновременно стали увеличиваться посевы технических и кормовых культур. Масличных культур в 1929 г. посеяли в 1,9 раза больше, чем в 1927 г., сеяных трав – в 5,4 раза больше. В то же время площади, занятые рожью, не изменились, а овсом – незначительно (на 2%) сократились⁵. В итоге удельный вес зерновых культур в целом снизился, а доля пшеницы как в общей площади посева, так и в посевах зерновых достигла максимальных значений с начала XX в. – 61,3 и 67,5% соответственно.

В СССР в целом темпы развития зернового хозяйства не соответствовали потребностям страны. При достигнутом к 1927 г. восстановлении посевных площадей и некотором превышении среднегодового валового сбора над дореволюционным уровнем товарный выход хлеба составлял, по официальным данным, чуть более 50% от довоенного уровня [6, с. 348]. Экспорт хлеба из СССР даже в самые урожайные годы едва достигал четвертой части от его дореволюционных размеров [3, с. 219], а в недородные годы хлеба не хватало даже для внутреннего потребления. Базовым фактором кризисных явлений в зерновом производстве являлась его низкая товарность. После революции на смену высокотоварным помещичьим и предпринимательским крестьянским (кулацким) хозяйствам пришли преимущественно мелкотоварные середняцкие хозяйства, пределы роста которых искусственно сдерживались.

Начавшаяся в 1930 г. массовая коллективизация должна была решить задачу замены мелкотоварного крестьянского уклада крупным социали-

⁵ Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 296–297.

стическим. Уже в течение 1931 г. аграрная экономика Сибири и России перестала быть крестьянской, а крестьянское хозяйство – ее базовой производственной ячейкой.

Следствием скоротечного реформирования аграрного строя стало падение производительных сил сельского хозяйства. Общая посевная площадь в Западно-Сибирском крае в 1932 г. сократилась по сравнению с 1929 г. на 18,4%. Больше всего вновь пострадало производство овса и пшеницы, посевы которых сократились на 37,7 и 24,2% соответственно. Снижение площади посевов зерновых культур в целом составило 24,1%. В то же время посевы кормовых культур выросли в 2,8 раза, крупяных – в 2,6, технических культур – в 1,4 раза⁶. Разница в динамике изменения площади посева различных культур объясняется тем, что колхозы и совхозы стали увеличивать площади под посадку более выгодных технических и обеспечивающих развитие животноводства кормовых культур, а единоличники стремились выращивать преимущественно потребительские культуры. Структура посевных площадей в 1932 г. в Западной Сибири приведена в табл. 2.

Таблица 2

**Структура посевных площадей
в Западной Сибири в 1928–1938 гг. (%)**

Культуры	1928 г.	1932 г.	1934 г.	1938 г.
Зерновые	92,6	84,7	89,5	86,1
в том числе пшеница	56,1/60,6	50,7/59,9	53,9/60,2	49,7/57,8
овес	24,6	15,2	19,9	21,7
«второстепенные» хлеба	11,9	18,8	15,7	14,7
в том числе озимая рожь	7,1	7,5	7,9	8,2
яровая рожь	–	–	–	2,5
ячмень	2,0	1,8	1,6	2,3
крупяные	0,8	4,4	3,9	1,4
Незерновые	7,4	15,3	10,5	13,9
в том числе технические	3,6	7,5	3,8	4,1
картофель и овоще-бахчевые	2,6	2,9	4,2	4,0
кормовые	0,7	4,9	2,5	5,9

Источники: Посевные площади СССР (Динамика за 1928, 1932–1938 гг. в сопоставлении с 1913 г.): стат. справочник. М.; Л., 1939. С. 6, 8, 10, 15, 17, 19, 42, 44, 72, 74, 81, 83, 90, 92, 106, 109, 140, 142, 215, 217, 224, 226, 249, 251; Посевные площади СССР. 1938 г.: стат. сб. М.; Л., 1938. С. 73.

Примечание: Приведены данные в территориальных рамках Алтайского края, Омской и Новосибирской областей в границах 1938 г.

⁶ Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935 г. М., 1936. С. 246, 287, 302, 307, 312.

С 1928 по 1932 г. удельный вес зерновых, пшеницы и овса снизился (с 92,6 до 84,7%, с 56,1 до 50,7% и с 24,6 до 15,2%), а крупяных, технических и кормовых культур – увеличился (с 0,8 до 4,4%, с 3,6 до 7,5% и с 0,7 до 4,9%).

Базовыми факторами кризисных явлений в сельском хозяйстве в начале 1930-х гг. являлись сверхнормативное отчуждение сельхозпродукции, крайне неудовлетворительная организация производства в колхозах и отсутствие у колхозников стимулов к труду. В 1933 г. перед центральными и местными властями вновь встала задача восстановления сельского хозяйства. Его подъему должно было способствовать реформирование системы государственных заготовок сельхозпродукции, организационно-хозяйственное укрепление колхозов и совхозов, наращивание материально-технической базы аграрного производства.

В конце 1932 г. перед партийными и советскими органами хлебопроизводящих регионов СССР в качестве первоочередной была поставлена задача наращивания посевов основных зерновых культур, в том числе и за счет вытеснения технических и пропашных культур, а также «менее важных» хлебов⁷. За 1933–1934 гг. в Западной Сибири общая посевная площадь выросла на 20,2%, посевы зерновых – на 26,9%, пшеницы – на 27,6, овса – на 57,6, озимой ржи – на 26,8%, а посевы крупяных, технических и кормовых культур сократились на 22,3%, 38,2% и 52,8%. Прирост посадок картофеля, который превратился в основную продовольственную культуру, составил 98%⁸. Удельный вес зерновых, пшеницы, овса и овоще-бахчевых культур увеличился (с 84,7 до 89,5%, с 50,7 до 53,9%, с 15,2 до 19,9% и с 2,9 до 4,2%), а крупяных, технических и кормовых культур – снизился (с 4,4 до 3,9%, с 7,5 до 3,8% и с 4,9 до 2,5%).

Темпы увеличения посевов зерновых культур в регионе после 1934 г. замедлились. В 1938 г. зерновых посеяли на 9,9% больше, чем в 1934 г. В то же время посадки технических культур за указанный период увеличились на 22,3%, а кормовых – в 3,5 раза. В рамках зернового клина посевы пшеницы выросли на 5,5%, озимой ржи – на 16,8, овса – на 24%, а крупяных культур – сократились на 47,1%⁹. Сокращение производства технических культур в 1933–1934 гг. привело к перебоям в снабжении предприятий легкой и пищевой промышленности сырьем. В связи с этим с 1935 г. началось увеличение площади пашни, отводимой под технические культуры. Необходимость развития кормовой базы животноводства предопределила наращивание посевов кормовых культур и овса. Падение

⁷ Социалистическое земледелие. 1932. № 9–10. С. 1–2.

⁸ Посевные площади СССР. С. 6, 8, 10, 15, 17, 19, 42, 44, 72, 74, 81, 83, 90, 92, 106, 109, 140, 142, 215, 217, 224, 226, 249, 251.

⁹ Там же.

ние производства крупяных культур связано с завершением коллективизации. Просо являлось основной продовольственной культурой единоличников.

Состояние источниковой базы не позволяет осуществить реконструкцию динамики соотношения всех видов сельскохозяйственных культур в Сибири в конце 1930-х гг. Имеющиеся данные свидетельствуют о высоких темпах прироста посевов кормовых культур, умеренном увеличении зерновых и сокращении площадей, занятых картофелем, овощами и техническими культурами. Нарастание посевов кормовых культур стало следствием начавшегося в конце 1930-х гг. внедрения травопольной системы земледелия, в которой восстановление плодородия достигается за счет введения в севообороты значительного клина сеяных трав. Рост посадок картофеля и овощей в пригородных совхозах и колхозах не компенсировал их снижения в личных хозяйствах населения (ЛПХ), налогово-податное обложение которых значительно возросло. Структура посевов в Западной Сибири в 1940 г. в послевоенных границах приведена в табл. 3.

Таблица 3

**Структура посевных площадей в Западной Сибири
в 1940–1960 гг. (%)**

Культуры	1940 г.	1950 г.	1953 г.	1960 г.
Зерновые	83,7	79,0	75,6	70,0
в том числе пшеница	46,8/55,9	44,0/55,7	46,3/61,2	53,6/76,6
овес	–	17,5	16,5	9,5
«второстепенные» хлеба	–	17,5	12,8	6,9
в том числе рожь	8,9	13,1	7,8	1,9
крупяные	2,3	1,3	1,9	0,5
Незерновые	16,4	21,0	24,4	30,0
в том числе технические	4,3	4,8	4,7	1,3
картофель	3,0	4,4	3,7	2,7
овощи	0,4	0,5	0,4	0,3
кормовые	8,7	11,3	15,4	25,8

Источники: Народное хозяйство РСФСР в 1965 г.: стат. ежегодник. М., 1966. С. 201, 203, 205, 207, 210, 212, 219, 221, 223; Посевные площади СССР: стат. сб. М., 1957. Т. I. С. 182–183, 208–211, 260–261, 282–283, 333, 346–347, 396–397, 415–416, 425–426; Т. II. С. 14–17, 197, 210, 318–321; Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1971. С. 121.

Примечание: Приведены данные в территориальных рамках Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областей в послевоенных границах.

В 1940 г. 83,7% пашни на территории Западной Сибири занимали зерновые культуры. Удельный вес пшеницы в общей площади посева составлял

46,8% (55,9% – в зерновом клине), озимой ржи – 8,9, крупяных – 2,3, технических культур – 4,3, картофеля и овощей – 3,4, кормовых культур – 8,7%.

Великая Отечественная война негативно сказалась на производительных силах сельского хозяйства. Существенно сократились трудовые ресурсы. Ухудшилась материально-техническая база. Сопоставимые данные о динамике посевных площадей в регионе в целом в годы войны отсутствуют. В Алтайском крае в 1945 г. общая площадь посевов сократилась на 25%, посевов зерновых – на 27, пшеницы – на 43, кормовых – на 28, технических культур – на 35%. При этом площади, занятые озимой рожью, увеличились на 64%, картофеля – на 60, овощей – на 64%¹⁰. Посадки картофеля и овощей выросли за счет личных хозяйств сельских и городских жителей и подсобных хозяйств промышленных предприятий и учреждений.

В 1946 г. началось восстановление сельского хозяйства. В деревню вернулись демобилизованные фронтовики и часть селян, привлеченных в военные годы в промышленность. Увеличились капиталовложения в аграрный сектор экономики. Развернулось строительство объектов производственной инфраструктуры. Возобновилось широкомасштабное машиноснабжение сельского хозяйства. Общая посевная площадь в Сибири за 1945–1950 гг. увеличилась на 32%, посевов зерновых – на 29% [1, с. 26]. В Алтайском крае посевные площади всех культур расширились на 44%, зерновых – на 40, технических – на 98, кормовых – на 89, картофеля – на 7%¹¹. Рост посевной площади технических культур обеспечивался более высокими заготовительными ценами. Увеличение посевов кормовых связано с возобновлением прерванного во время войны внедрения травополья. В 1950 г. в Сибири сельскохозяйственные культуры занимали площадь, примерно равную довоенному уровню. При этом зерновых в 1950 г. посеяли меньше, чем в 1941 г. (на 5,6%), а картофеля, кормовых и технических культур – больше (на 47,7%, 29,5% и 11,7% соответственно)¹².

В начале 1950-х гг. продолжалось наращивание посевных площадей. В рамках зернового хозяйства приоритетной задачей региональных властей являлось увеличение производства пшеницы. Общая площадь посева в Западной Сибири в 1953 г. увеличилась по сравнению с 1950 г. на 15,8%, посева зерновых – на 10,8, пшеницы – на 21,2, овса – на 9,1, технических культур – на 13,2, кормовых культур – на 56,9%. В то же время площади, занятые рожью, сократились на 25,2%, картофелем – на 2,3%. Внедрение травопольной системы земледелия стало более масштабным. Сокращение

¹⁰ Народное хозяйство Алтая за 60 лет советской власти: стат. сб. Барнаул, 1977. С. 27.

¹¹ Там же.

¹² Народное хозяйство РСФСР в 1958 г.: стат. ежегодник. М., 1969. С. 230, 232, 234, 238, 240, 241, 243, 247.

посадок картофеля и овощей связано с кампанией по ограничению ЛПХ. Наиболее значимым структурным сдвигом в полеводстве в указанный период являлось существенное увеличение удельного веса кормовых культур (с 11,3 до 15,4%) и сокращение доли зерновых (с 79 до 75,6%). За счет «второстепенных» хлебов и овса увеличилась доля пшеницы в посевах зерновых (с 55,7 до 61,2%) (см. табл. 3).

Несмотря на расширение посевов зерновых культур, производство хлеба в СССР в начале 1950-х гг. отставало от потребностей [8, с. 137–138]. В 1954 г. был дан старт целинной кампании, которая должна была привести к решению обострившейся зерновой проблемы. Всего за 1954–1960 гг. в Западной Сибири распахали 6954 тыс. га целинных и залежных земель [1, с. 199]. В качестве основной задачи целинной кампании рассматривалось существенное наращивание производства пшеницы. Помимо вовлечения в сельхозоборот новых угодий, в качестве значимого резерва для увеличения ее производства рассматривались посевы сеяных трав, «второстепенных» зерновых и технических культур. В 1955 г. началась кукурузная кампания. Кукуруза была призвана помочь решению сразу двух проблем советского сельского хозяйства – зерновой и кормовой.

В итоге общая площадь посева в регионе в 1954–1960 гг. выросла на 56,6%, посевы зерновых – на 45%, пшеницы – на 82,3, кормовых культур (главным образом за счет кукурузы) – в 2,6 раза. В то же время площади, занятые техническими культурами, сократились на 43,3%, рожью – на 62,9%. Прирост посадок картофеля за счет их наращивания в ЛПХ составил 14,9%¹³. Соответствующие изменения произошли в структуре посева (см. табл. 3). Удельный вес кормовых культур существенно увеличился (с 15,4 до 25,8%), а технических культур – снизился (с 4,7 до 1,3%). За счет прироста кормовых культур уменьшилась доля зерновых (с 75,6 до 70%). При этом произошли радикальные сдвиги в структуре посевов зерновых культур. За счет вытеснения так называемых «второстепенных» хлебов (главным образом ржи) удельный вес посевов пшеницы в посевной площади зерновых достиг исторического максимума, составив 76,6%. В ряде районов пшеница фактически превратилась в монокультуру. В Алтайском крае в 1960 г. доля ее посева в общей посевной площади достигала 64,7%, в посевах зерновых – 86,8%¹⁴.

В первой половине 1960-х гг. тотальные нарушения агротехники целинного земледелия в сочетании с серией катастрофических недородов привели к резкому спаду производства зерновых [8, с. 155–156]. Посевные площади сократились в Западной Сибири в 1961–1965 гг. на 2,6%. Из оборота начали выводиться освоенные во время целинной кампании, но не пригодные для

¹³ Там же; Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. С. 201, 203, 205, 207, 210, 212, 219, 221, 223.

¹⁴ Там же. С. 201, 203, 205.

земледелия земли. В 1965 г. пшеницы засеяли на 5,2%, кормовых культур – на 5% меньше, чем в 1960 г. В то же время на 8,7% выросли площади, занятые «второстепенными» хлебами. В ходе целинной кампании их посевы сократились, возник дефицит круп, который пришлось преодолевать. Причинами существенного сокращения посадок картофеля (–17,3%) стали очередная кампания по ограничению размеров ЛПХ и ликвидация мелких подсобных хозяйств предприятий и учреждений¹⁵. Соответствующие изменения произошли в структуре посева (см. табл. 3, 4).

Таблица 4

**Структура посевных площадей
в Западной Сибири в 1965–2000 гг. (%)**

Культуры	1965 г.	1975 г.	1985 г.	1990 г.	2000 г.
Зерновые	70,5	64,6	62,1	57,2	61,3
в том числе пшеница	52,2/74,0	42,9/66,4	34,0/54,8	32,6/57,0	41,9/68,3
«второстепенные» хлеба	18,3	21,7	28,1	24,6	19,4
в том числе рожь	2,6	–	2,6	3,3	–
крупяные	–	–	1,5	1,4	–
Незерновые	29,5	35,4	37,9	42,8	38,7
в том числе технические	1,9	1,5	1,5	1,8	3,5
картофель	2,3	2,2	1,9	1,8	2,4
овощи	0,2	0,3	0,2	0,2	0,5
кормовые	25,0	31,4	34,3	39,0	32,4

Источники: Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. С. 201, 203, 205, 207, 210, 212, 219, 221, 223; Народное хозяйство РСФСР в 1975 году: стат. ежегодник. М., 1976. С. 173, 175, 176; Сельское хозяйство России: стат. сб. М., 1995. С. 169, 172, 178, 180, 183, 185, 186, 196, 202; Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России: стат. сб. М., 2013. С. 229, 246, 250, 254, 257, 263, 266, 273.

Примечание: За 1965–1985 гг. приведены данные по Алтайскому краю, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областям в границах до 1990 г., за 1990 и 2000 гг. – по Алтайскому краю, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской областям и Республике Алтай в современных границах.

Противоречивые результаты «целинной эпопеи» наглядно показали, что экстенсивные методы ведения аграрного производства себя исчерпали. В связи с этим мартовский (1965 г.) пленум ЦК КПСС принял курс на интенсификацию сельского хозяйства. В рамках реализации данного курса увеличились масштабы механизации и индустриализации сельскохозяйственного труда, расширилось применение минеральных удобрений, химических средств защиты растений и ядохимикатов, в целом улучшилась культура земледелия и животноводства. Вблизи крупных городов вводились

¹⁵ Там же. С. 201, 203, 205, 207, 210, 212, 219, 221, 223.

массивы мелиорированных земель (отводились) для создания орошаемого овощеводства и интенсификации кормопроизводства.

Посевные площади в Западной Сибири за 1966–1990 гг. сократились на 8%. Причиной этого стало продолжающееся выведение из земельного оборота непригодных земель, а также расширение площади паров. Необходимость налаживания стабильного кормообеспечения животноводческих комплексов и птицефабрик привела к расширению посевов кормовых и зерновых фуражных культур. Посевы кормовых за указанный период увеличились на 43,2%, «второстепенных» хлебов – на 23,6%. Площади, занятые пшеницей, напротив, резко сократились (на 42,5%). Столь радикальное вытеснение пшеницы было вызвано в том числе внедрением научно обоснованных севооборотов, в рамках которых преобладание одной из культур было невозможно. В итоге площадь посева зерновых за указанный период сократилась на 25,4%. Посадки картофеля в регионе уменьшились на 29,8%¹⁶. Это объясняется среди прочего и уменьшением числа и размеров ЛПХ. Сельское население сокращалось и старело, а на социальную авансцену в деревне выходили поколения с иными, чем традиционные крестьянские, ценностями и навыками. Следует также отметить улучшение структуры питания. Картофель, как, впрочем, и хлеб, вытеснялись продуктами животного происхождения.

Соответствующие изменения произошли в структуре посевных площадей (см. табл. 4). Удельный вес кормовых культур существенно увеличился (с 25 до 39%), а зерновых и картофеля – снизился (с 70,5 до 57,2% и с 2,3 до 1,8% соответственно). Наиболее значимыми были сдвиги в структуре зерновых. Доля пшеницы в посевах зерновых сократилась с 74 до 57%, в общей площади посева – с 52,2 до 32,6%, достигнув по последнему параметру исторического минимума за XX в.

Существенное увеличение производства кормовых культур свидетельствует о повышении роли животноводства в отраслевой структуре сельского хозяйства в целом. Несмотря на позитивные структурные сдвиги, общий уровень развития производительных сил в сельском хозяйстве региона и страны в целом в 1980-е гг. не в полной мере удовлетворял потребности общества. Качество производимой продукции оставалось низким, уровень потерь – высоким, переработка – недостаточной и несовершенной, механизм распределения – неэффективным. Продовольственное снабжение населения ухудшалось. Это способствовало радикализации общественного сознания и привело к смене политической и экономической системы, включая аграрный строй.

¹⁶ Там же; Сельское хозяйство в России: стат. сб. М., 1998. С. 186, 203, 206, 209, 216, 223.

Следствием радикальной экономической и аграрной реформ начала 1990-х гг. стал самый глубокий и продолжительный кризис сельского хозяйства за всю историю России. Общая посевная площадь в Западной Сибири сократилась за последнее десятилетие XX в. на 20,4%. Наиболее значительным было снижение посевов кормовых (–33,5%) и «второстепенных» зерновых культур (–36,7%), что определялось сокращением поголовья скота в спешно преобразованных колхозах и совхозах. В то же время посевы пшеницы за 10 лет выросли на 2,9%. За десятилетие посадки картофеля сократились на 3,2%, а овощей – выросли на 41,2%. Их производство практически полностью переместилось в хозяйства населения. За счет подсолнечника увеличились на 41,6% посевы технических культур¹⁷. Ухудшение материального положения заставило потребителя переходить от дорогих животных жиров к дешевым растительным. Приоритетное внимание сельхозпроизводителей (крупхозов и фермеров) к возделыванию пшеницы и подсолнечника было обусловлено более высокими закупочными ценами, которые определяли большую рентабельность их выращивания. Соответствующие изменения произошли в структуре посевных площадей. Снизился удельный вес кормовых с 39 до 32,4%, «второстепенных» зерновых – с 24,6 до 19,4%, увеличился – зерновых – с 57,2 до 61,3%, пшеницы – с 32,6 до 41,9%, технических – с 1,8 до 3,5%, картофеля – с 1,8 до 2,4% (см. табл. 4).

Таким образом, в отраслевой структуре земледелия Западной Сибири за 1990-е гг. произошли радикальные изменения. Абсолютное доминирующее положение вновь заняли зерновые культуры, пшеница стала вновь превращаться в монокультуру. В целом структура аграрного сектора экономики в 1990-е гг. стала менее диверсифицированной и сбалансированной, чем в предыдущее десятилетие. Ставшие следствием кризиса сельского хозяйства негативные структурные сдвиги в сельском хозяйстве Сибири не были преодолены и в начале XXI в.

Литература

1. *Андреенков С.Н.* Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946–1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск, 2016.
2. *Горюшкин Л.М.* Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1967.
3. *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921–1927 гг.). Новосибирск, 1992.

¹⁷ Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России: стат. сб. М., 2013. С. 229, 246, 250, 254, 257, 263, 266, 273.

4. *Ильиных В.А., Ноздрин Г.А.* Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг. Новосибирск, 2007.
5. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 4.
7. *Рынков В.М., Ильиных В.А.* Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013.
8. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск, 2012.
9. *Тюкавкин В.Г.* Сибирь накануне Октября. Иркутск, 1966.

Демографические катастрофы в XX веке на Урале

Рассчитаны общие коэффициенты рождаемости и смертности населения региона за столетний период. Выявлены основные факторы, масштабы и хронология демографических катастроф, которые пережило население Урала.

Ключевые слова: демография, воспроизводство население, возрастно-половая структура населения, демографические катастрофы, Урал.

Население Урала за XX столетие увеличилось с 7,3 млн человек (1897 г.) до 19,8 млн человек (2002 г.), т.е. в 2,7 раза². Основой такого роста населения был приезд в регион переселенцев в связи с мощным экономическим развитием края. К 2010 г. население региона сократилось до 18,9 млн (на 4,6% к 2002 г.)³.

Политические и социальные эксперименты, войны, которые выпали на долю населения страны в XX в., часто сопровождалась демографическими кризисами и кончались гибелью людей. Демографический кризис определяется как глубокое нарушение воспроизводства населения [3, с. 399; 4, с. 212; 5, с. 9]. В ходе демографической катастрофы, в отличие от кризиса, происходило внезапное увеличение смертности, величина общего коэффициента смертности превышала величину общего коэффициента рождаемости, нарушались брачная структура и состав семьи. Смертность концентрировалась в основном в младших и старших возрастных группах, а также среди мужской части населения. Негативные изменения претерпевала половозрастная структура населения, в ней появлялись глубокие провалы, которые оказывали отрицательное воздействие на последующее демографическое развитие.

В возрастно-половой пирамиде, построенной по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. (рис. 1), четко прослеживаются три наиболее значительные демографические катастрофы в регионе:

1) Первая мировая и гражданская войны, голод 1921–1922 гг., которые вызвали кроме значительных людских потерь среди мужчин, родившихся в конце прошлого века, существенный провал численностей поколений 1914–1924 годов рождений;

¹ Корнилов Геннадий Егорович, доктор исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, genakorn@mail.ru, Россия, г. Екатеринбург.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006 : Стат. сб. М., 2007. С. 22, 37.

³ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 1. Численность и размещение населения // [электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 1.1.2016).

Половозрастная пирамида населения Свердловской области 1989 г.

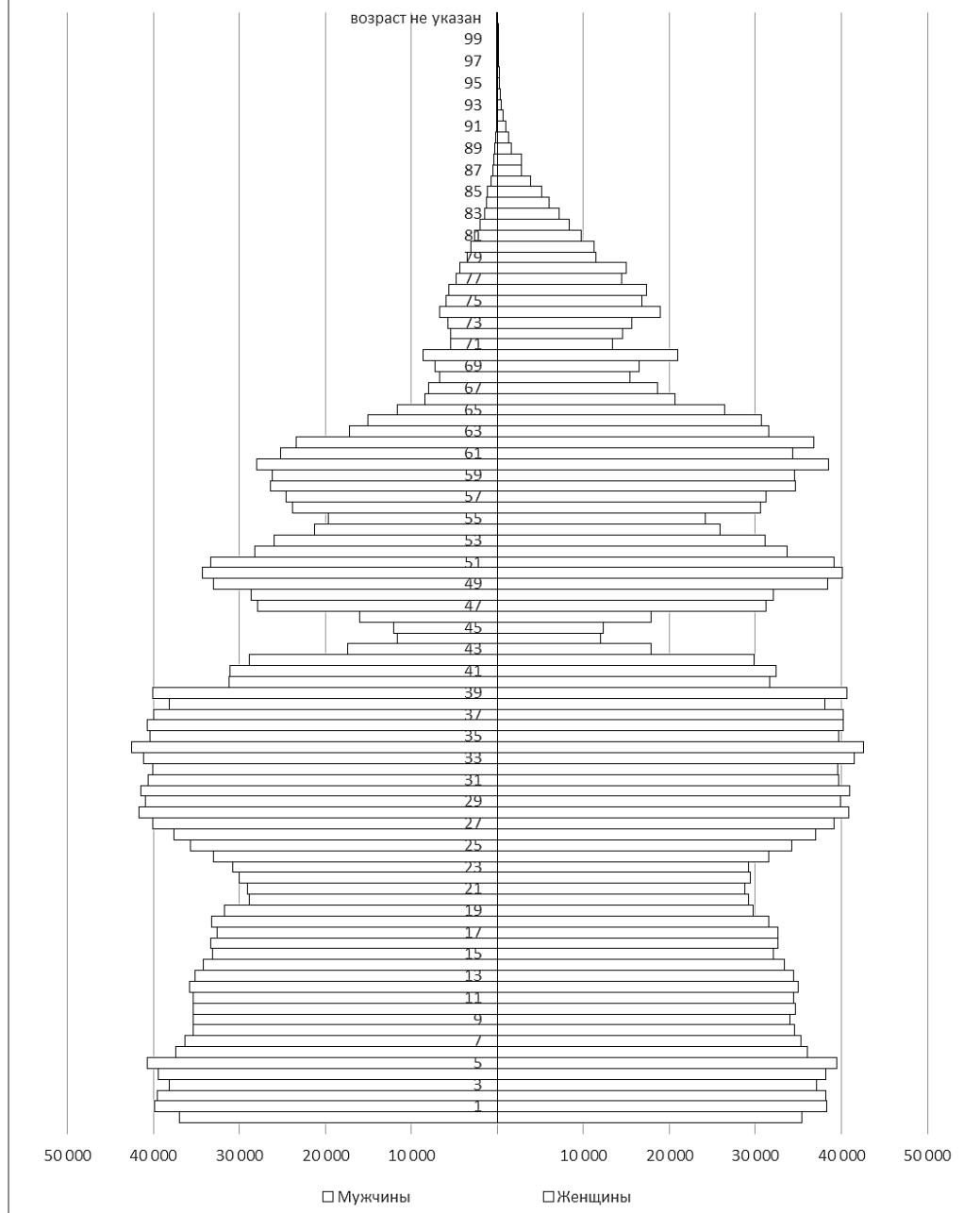

Рис. 1. Возрастно-половая пирамида населения Свердловской области 1989 г.⁴

⁴ Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения регионов РСФСР по полу и возрасту (однолетние возрастные группы). Свердловская область /// [электронный ресурс]. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age1_89.php?reg=59 (дата обращения 10.10.2016).

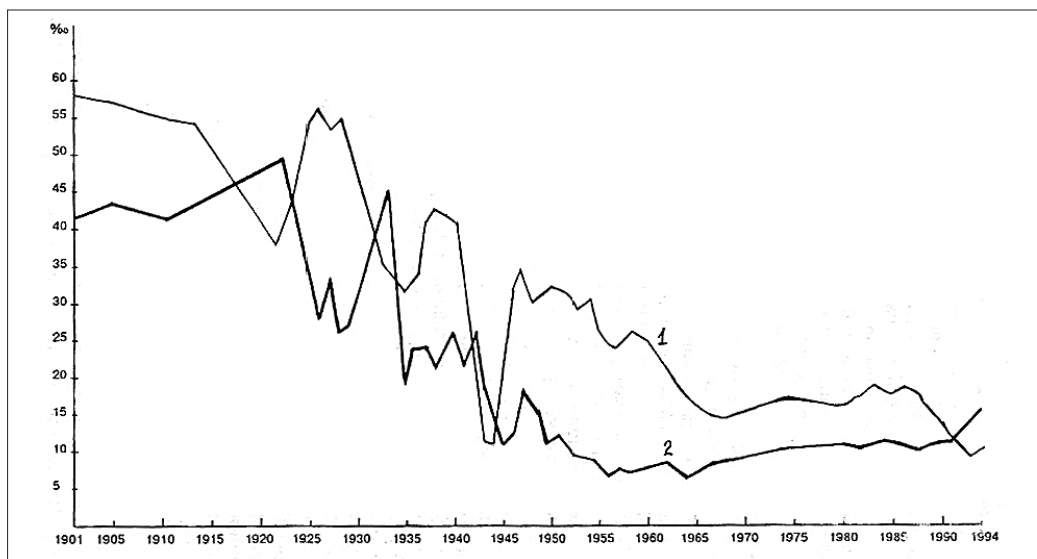

Рис. 2. Общие коэффициенты рождаемости (1) и смертности (2) на Урале за 1901–1994 гг. [11, с. 11].

2) голод первой половины 1930-х гг., пик смертей от которого приходился на весну 1933 г., и последовавшее за ним значительное снижение числа родившихся;

3) Великая Отечественная война 1941–1945 гг., вызвавшая огромные людские потери и более чем двукратное снижение уровня рождаемости. Значительно увеличилась диспропорция численности мужчин и женщин 1890–1925 годов рождения.

Подобная картина в длительной исторической ретроспективе видна при реконструкции величин общих коэффициентов рождаемости и смертности на Урале в XX веке. На рис. 2 видно, что с 1917 по 1924 гг., с 1932 по 1934 гг., с 1942 по 1944 гг. на Урале фиксировались более высокие показатели смертности, чем рождаемости, то есть отрицательный естественный прирост. Это были годы крайне неблагоприятные для существования человека. На протяжении столетия четыре из пяти поколений пережили демографическую катастрофу. Относительно нормальной демографическая ситуация была только в 1950-е – 1980-е гг. С 1992 г. по 2012 г. в регионе вновь фиксировались депопуляционные процессы.

Первая демографическая катастрофа в стране произошла в 1914–1922 гг., когда миллионы людей были призваны в армию, из них миллионы попали в плен и не вернулись, или возвратились к родным очагам спустя долгое время. Миллионы беженцев. Многие сотни тысяч иностранных военнопленных. Огромные массы людей покинули города и переселились в деревни. Сотни тысяч, «спасавшихся от революции», бежали на юг и восток, отсту-

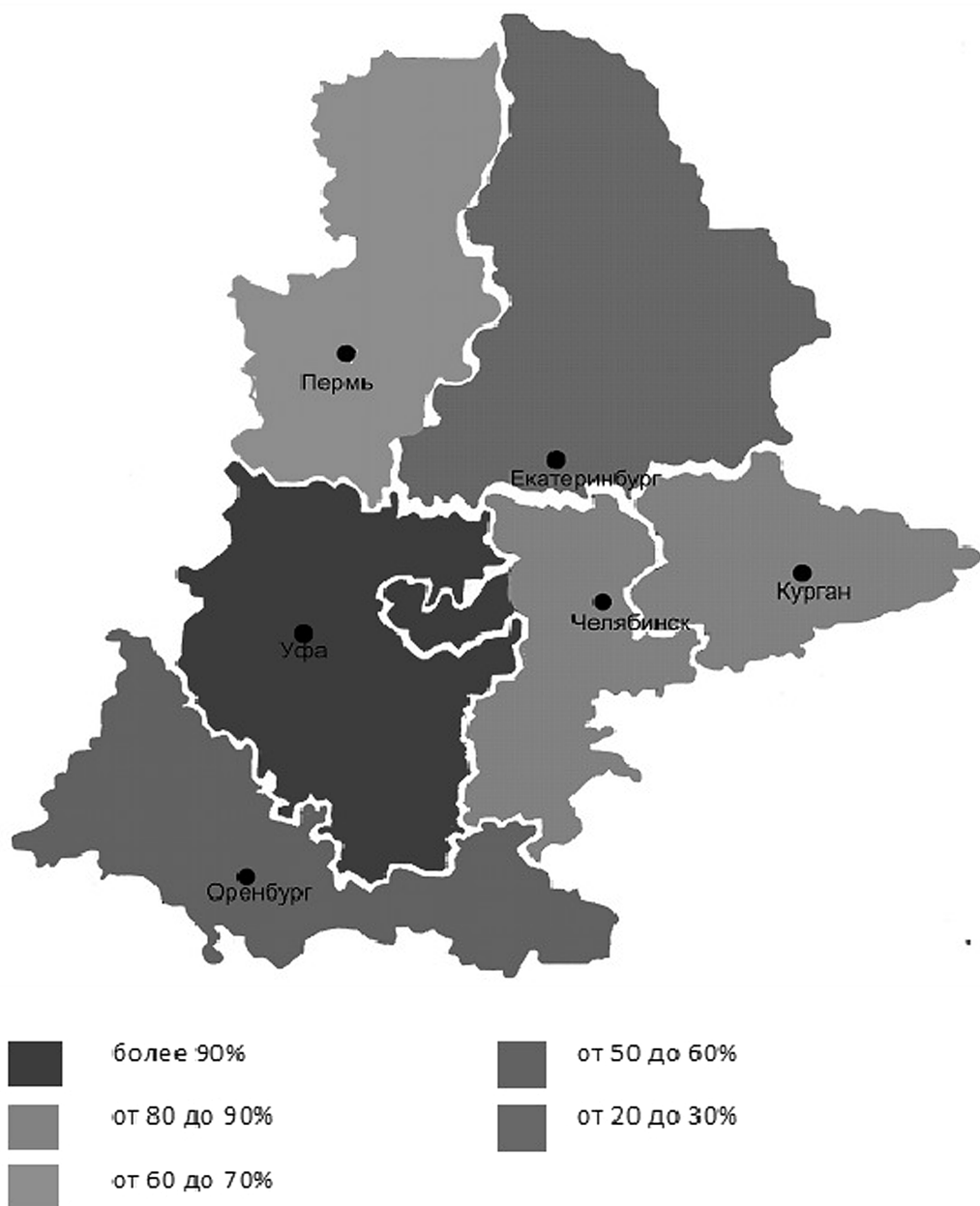

Рис. 3. Доля голодающих в общей численности населения Урала в мае – июне 1922 г. Составлено Д.В. Каракуловым и Г.Е. Корниловым по: ГАРФ. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 634. Л. 21; Д. 578. Л. 21; Государственный архив Свердловской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 114. Л. 8; Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 657. Л. 11; Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 101. Оп. 1. Д. 657. Л. 11; [17, с. 627].

пали вместе с белогвардейцами и, наконец, оказались в эмиграции. Сотни тысяч погибли от эпидемий.

Значительные потери понес Урал в результате военных действий и голода, разразившегося в 1921–1922 гг., причем большую часть погибших составляло сельское население. На рис. 3 обозначены губернии Урала с обозначением голодающего населения. Наихудшее положение было зафиксировано на Южном Урале. В Башкирии, по данным местных властей, голодало более 90% населения, в Оренбуржье – от 80 до 90%, в Челябинской губернии – от 60 до 70%. На Среднем Урале (Пермская и Екатеринбургская губернии) ситуация с продовольствием была «лучше», голодали от 20 до 60% населения. В 1922 г. рождаемость на Урале составила 38 ‰, смертность – 50 ‰, естественная убыль достигла 12 ‰. По нашим расчетам, на Урале людские потери составили более 1 млн человек (только за 1920–1922 гг. убыль населения составила 15%)⁵.

Восстановление численности населения региона происходило в основном за счет переселенцев. Каждый третий житель Уральской области, как показала Всесоюзная перепись населения 1926 г., был переселенцем на эту территорию, две трети из них прибыли сюда после 1917 г. [10, с. 210–217].

Демографическая сфера Урала в связи с ускоренной индустриализацией и коллективизацией была втянута в полосу глубокого кризиса. С конца 1920-х гг. в регионе повышается смертность, снижается рождаемость. Демографический кризис на Урале охватил в первую очередь сельское население и быстро перерос в демографическую катастрофу 1932–1934 гг. Неурожаи 1931 и 1932 гг. и изъятие у колхозников хлеба по государственными поставкам обострили продовольственную проблему до предела. Голодовки охватили все хлебопроизводящие районы Уральской области, особенно южные и юго-восточные. В горнозаводских промышленных районах голод затронул прежде всего места спецсылки, а в городах он носил латентный (скрытый) характер – в структуре питания преобладали низкокачественный хлеб и картофель при острой нехватке белков и витаминов. Спутниками голода были эпидемии инфекционных и желудочно-кишечных заболеваний.

В 1933 г. уровень смертности в Уральской области достиг огромных величин (см. рис. 4), особенно среди детей, и составил 49,3 ‰. Только с декабря 1932 по август 1933 г. количество смертей выросло в 2,5 раза. Вымирание населения, а не снижение рождаемости обусловило отрицательное значение естественного прироста. Депопуляция в сельской местности имела

---

⁵ Статистический сборник на 1923 г. Оханск, 1923. С. 9; Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 г. Екатеринбург, 1922. С. 20; Статистический сборник Челябинской губернии за 1920–1923 гг. Челябинск, 1923. С. 11.

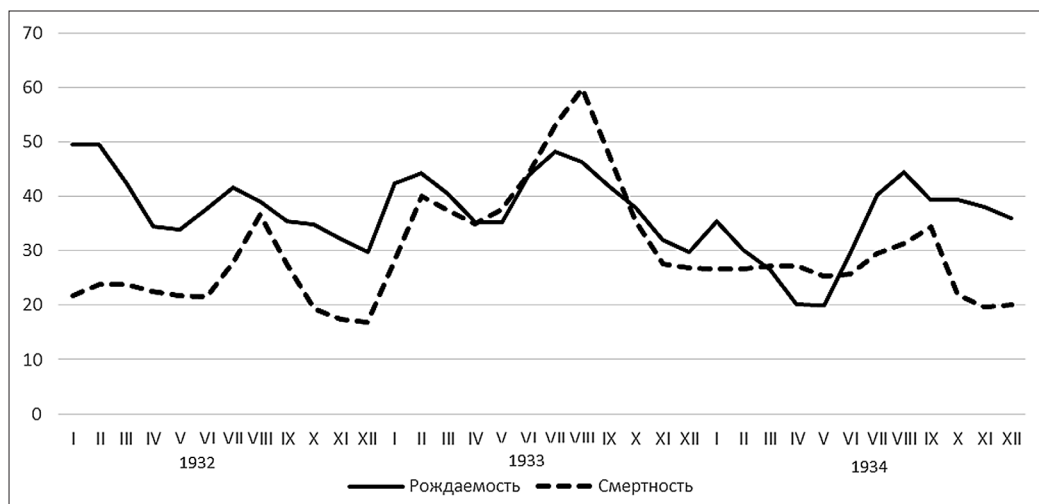

Рис. 4. Рождаемость и смертность в уральской деревне в 1932–1934 гг. [1, с. 427].

место с мая по сентябрь 1933 г. Естественный прирост городского населения имел отрицательное значение непрерывно с января 1933 по июль 1934 г.

Показатели смертности превысили показатели рождаемости, что вызвало процесс депопуляции. Основными причинами смертей были сыпной и брюшной тиф, дизентерия, скарлатина, коклюш, корь, дифтерия, септическая ангина, заболевания органов пищеварения и органов дыхания. Такая структура причин смерти отражала неполноценное питание, проживание в холодных и сырых бараках, слабое развитие здравоохранения. В ходе демографической катастрофы в масштабах всей страны было потеряно до 7–8 млн человек [2. Т. 1, с. 47; Т. 3. с. 47; 19, с. 880–885], в Уральской области – более 100 тыс. человек.

Между переписями 1926 и 1937 гг. население Свердловской области (по сопоставимой территории) увеличилось 30,9%, при этом городское население выросло на 145,8%, а сельское, наоборот, уменьшилось на 15,7% [7, с. 73]. Три четверти прироста населения дали мигранты.

Политика сверхиндустриализации, а также насильственная коллективизация изменили демографическую ситуацию в регионе и вызвали вторую демографическую катастрофу. Как известно, недовольство крестьян политикой коллективизации выразилось в снижении качества обработки земли и в массовом забое скота. В 1930–1932 гг. резко были увеличены государственные заготовки сельхозпродуктов. К началу 1932 г. у крестьян уже не было запасов хлеба. В это же время Урал принял 570 тыс. раскулаченных [15, с. 11, 36]. Коллективизация привела к аграрному кризису, параллельно разразился и продовольственный кризис. Если городское население обеспечивалось основными продуктами централизованно, по карточкам, то

крестьянство было оставлено на самоснабжении. Разразился голод, который захватил основные сельскохозяйственные районы Уральской области, особенно Центральное и Южное Зауралье, и продолжался до конца 1933 г.

Необходимо отделять голод как непосредственную причину смерти от понятия «голодание» или «недоедание», которые косвенно влияют на повышение смертности населения. Медики утверждают, что голодание и недоедание имеют исключительное значение в повышении смертности даже в обычные годы. Хотя умершие от голода в узкомедицинском смысле во время второй демографической катастрофы в СССР официально не признавались, на недоедание указывают данные о сокращении потребления продуктов питания, рост цен на них. Основная масса населения умирала от желудочно-кишечных заболеваний, туберкулеза, болезней органов дыхания и инфекций. Эти факторы смерти носили отчетливо социальную окраску. Ослабленный хронический недоеданием человеческий организм не в состоянии был сопротивляться ухудшению существования, терял иммунную защиту.

В отечественной и зарубежной литературе встречаются самые различные цифры о демографических потерях во времена коллективизации и голода первой половины 1930-х гг. – от 5 млн до 8 млн человек [6, с. 189–192; 19, с. 866–887]. Один из расчетов состоит в следующем. Если бы в 1931–1935 гг. смертность оставалась бы на уровне 1930 г., и в 1936 г. была бы на уровне 1937 г., то предполагаемая численность населения СССР составила бы к началу 1937 г. более 173 млн человек. Однако по переписи 6 января 1937 г. количество населения оказалось 162,5 млн, т.е. меньше на 10,5 млн. Эта разница населения может быть объяснена только тем, что в первой половине 1930-х гг. уровень фактической смертности значительно превышал уровень смертности 1930 г. В 1934–1936 гг. в жизни страны не было существенных потрясений, которые могли бы привести к резкому увеличению смертности. Следовательно, аномальное увеличение смертности могло иметь место в 1931–1933 гг. Коэффициент естественного прироста только за 1933 г. на Уральской области составил минус 16,3 % (рождаемость – 32,3 %, смертность – 48,6 %) (см. рис. 3). По этому показателю вторая демографическая катастрофа оказалась выше на треть, чем первая. По нашим расчетам, жертвами голода на Урале стали 100 тыс. человек (сверхсмертность). Убыль населения в Уральской области в 1933 г. составила 7,2% убыли населения РСФСР [1, с. 427, 587].

Полученная величина жертв коллективизации и последовавшего голода столь велика, что может возникнуть сомнение в ее достоверности. Ведь не напрасно же результаты переписи 1937 г. были официально объявлены «дефектными». В первой половине 1930-х гг. произошла крупнейшая де-

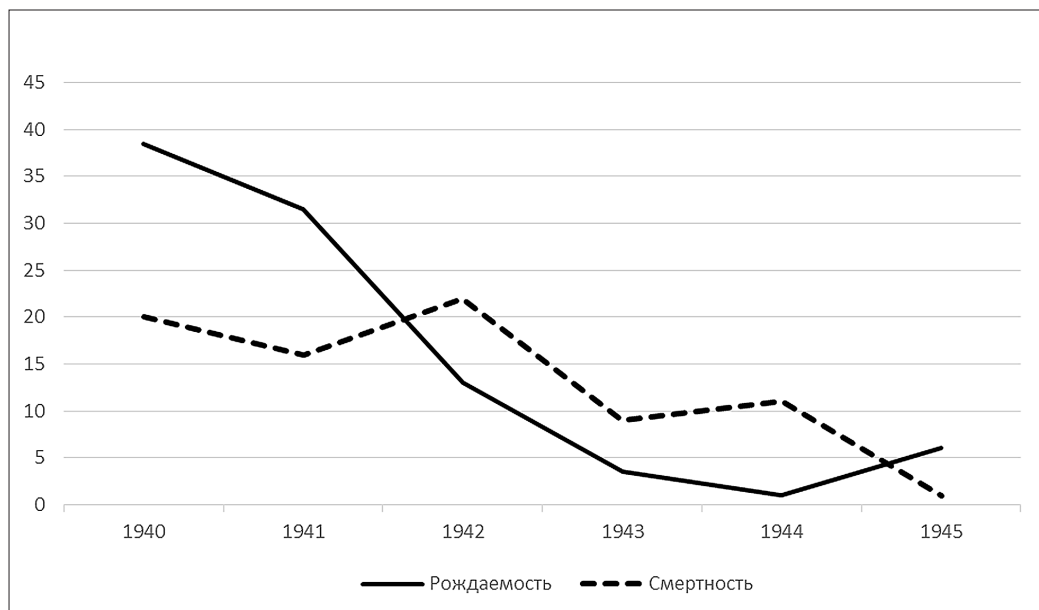

Рис. 5. Рождаемость и смертность на Урале в 1941–1945 гг. [8, с. 46, 65].

мографическая катастрофа за всю предыдущую историю России, которая не была вызвана военными условиями. Ответственность за нее ложится на тех людей, которые находились в эти годы у власти. Потрясения 1930-х гг. оказали на население страны большее отрицательное влияние, чем Первая мировая и гражданская войны, голод начала 1920-х гг. вместе взятые.

Исследования историков показывают, какие огромные потери понес Советский Союз в Великой Отечественной войне [12; 14; 16; 18]. Нами выявлены документы, подготовленные Госпланом СССР в апреле 1945 г., где сообщается, что население страны за 1941–1945 гг. сократилось на 27,9 млн человек (примерно такую же цифру называли отечественные и зарубежные историки)⁶ [8, с. 42]. Следовательно, заявления И.В. Сталина о потерях в 7 млн человек, а затем и Н.С. Хрущева о 20 млн имели целью дезинформировать общество о результатах войны и ее последствиях для страны.

Демографическая катастрофа 1941–1945 гг. охватила и глубоко тыловой регион (см. рис. 4). Уровень смертности на Урале в 1942 г. достиг высоких показателей – 26,0 ‰, рождаемость составила 20,9 ‰. Более высокие показатели были зафиксированы среди городского населения региона – соответственно 29,8 ‰ и 19,2 ‰. Отрицательный естественный прирост наблюдался на Урале в течение трех лет – с 1942 по 1944 г. Рождаемость вследствие массовой мобилизации мужчин в армию сократилась на Урале в 3,7 раза. Если бы не было войны, то появиться на свет могло более 2,5 млн человек,

⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2219. Л. 119–121.

фактически родилось 1,3 млн [9, с. 46, 66, 89]. Изменение соотношений рождаемости и смертности выразилось в значительном сокращении жизненности. Показатель жизненности в условиях войны на Урале сокращался (1940 г. = 100): в 1941 г. на 2,0%, в 1942 г. – на 74,4%, в 1943 г. – на 56,6%, в 1944 г. – на 61,8% и в 1945 г. – на 8,6%. Низшая точка падения индекса жизненности пришлось на 1944 г., когда он уменьшился в 2,6 раза [9, с. 92].

Демографические процессы военного времени характеризовались резкой деформацией половозрастного состава населения. В регионе изменилось соотношение городского и сельского населения, в 1945 г. доля горожан составила 49,4%, а селян – 50,6%. Это произошло впервые в истории региона. Население Урала за годы войны сократилось на 1 млн человек [9, с. 22].

Напряженность демографической ситуации в регионе проявилась, с одной стороны, в концентрации неблагоприятных условий внешней среды, в усилении их воздействия на организм человека, а с другой – в ослаблении способности общества противодействовать этому. В природно-климатическом отношении Урал – район, наименее благоприятный для сохранения здоровья населения, и требовались максимальная мобилизация и высокий уровень всей социальной сферы, включая здравоохранение, соответствующего распространения самосохранительного поведения, здорового и качественного питания. Таких условий не было, да и не могло быть. Поэтому повышенный расход жизненной энергии проживавшего здесь населения явно не восстанавливался. Другим фактором, подрывавшим здоровье населения, являлась всеобъемлющая стрессовая ситуация. Миллионы людей переживали социально-экономическую неустойчивость, постоянный страх наказаний и репрессий, гибель близких и родных.

В «Аргументах и фактах» была перепечатана статья И. Курганова «Три цифры»⁷, в которой утверждалось, что общие потери населения СССР с 1917 по 1959 г. составили 110,7 млн человек, в т.ч. людские потери, связанные с войнами, – 44 млн, потери «невоенно-революционного времени» – 66,7 млн. В основу расчетов было положено, что население страны в 1917 г. (в границах 1939 г.) составляло 143,5 млн человек. Коэффициент естественного прироста перед революцией был равен примерно 0,017 в год. Если бы этот коэффициент сохранялся на протяжении 42 лет, то с учетом изменения границ СССР в 1940 г., когда население выросло на 20,1 млн человек, его численность должна была достичь к 1959 г. 319,5 млн. Не все демографы согласны с такой оценкой потерь и методом расчета. Но что касается первой цифры, то полученный итог, по-видимому, близок к истине. Такова страшная цена, которую заплатили народы СССР за политику революционных изменений.

Через демографических катастроф хронологически сконцентрировались на достаточно коротком историческом отрезке времени. Они прохо-

⁷ Аргументы и факты. 1990. № 13.

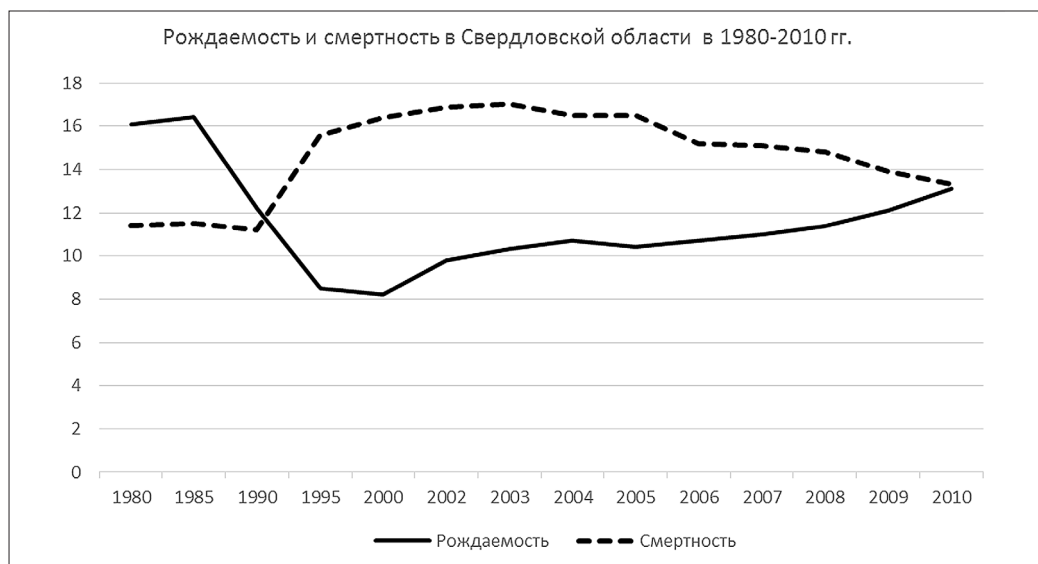

Рис. 6. Рождаемость и смертность в Свердловской области в 1980–2010 гг.⁸

дили на фоне первого демографического перехода. Восстановление и рост численности населения региона происходили за счет мигрантов из других районов страны. По материалам переписи населения 1979 г. в Уральском экономическом районе неместные уроженцы составляли 55% (проживали в месте постоянного жительства не с рождения)⁹.

В 1992 г. Россия вступила в полосу нового демографического катаклизма. Основными факторами его являлись: 1) крах и развал государства, значительные размеры беженства; 2) безработица, сокращение армии; 3) резкое падение материального благосостояния, нищета, пауперизация; 4) кризис морали, нравственности, отсутствия идеологии, веры в будущее, духовная опустошенность, развенчание собственной истории; 5) воровство, обвальный рост преступности; 6) надвигающаяся экологическая катастрофа; 7) отсутствие у государства осмысленной демографической политики.

Неблагоприятная ситуация проявилась в области рождаемости, она проходила на фоне второго демографического перехода. Снижение рож-

⁸ Свердловская область: демографическая ситуация в последнем десятилетии XX века: сборник Свердловского областного комитета государственной статистики. Екатеринбург, 1999; Свердловская область в 1990–1994 годах. Сборник / Свердловский областной комитет государственной статистики. Екатеринбург, 1995; Свердловская область в 1993–1997 годах. Сборник / Свердловский областной комитет государственной статистики. Екатеринбург, 1998; Свердловская область в 2006–2010 гг.; Свердловская область в 2010–2014 гг. // [электронный ресурс]. – URL: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/publications/official_publications/electronic_versions/archive/ (дата обращения 10.10.2016).

⁹ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 10. Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства по СССР, союзным и автономным республикам, краям и областям: стат. сб. М.: Госкомстат СССР, 1990.

даемости шло на протяжении всего XX века. В 1960-е гг. она объяснялась «эхом войны» – сокращением женских когорт фертильного возраста вследствие низкой рождаемости периода Великой Отечественной войны, а также массовым вовлечением женщин на работу в народное хозяйство. С 1960-х гг. Свердловская, Пермская, Челябинская области перешли к двухдетной модели семьи и суженному воспроизводству населения (когда поколение детей меньше поколений родителей).

С конца 1980-х гг. наблюдалось резкое снижение рождаемости. С этого времени массовая двухдетная модель семьи заменяется однодетной семьей при росте числа бездетных семей. За 1990-е гг. в Свердловской области количество родившихся сократилось почти на 40%, общий коэффициент рождаемости сократился с 13,6 ‰ в 1989 г. до 8,5 ‰ в 1999 г. На рис. 6 видно, что в первое десятилетие XXI в. рождаемость в области оставалась на уровне 10–11 ‰ и достигла в 2010 г. 13,1 ‰.

Негативной особенностью демографической ситуации в Свердловской области стал многолетний рост смертности населения: с 11,2 ‰ в 1991 г. до 17,0 ‰ в 2003 г. Затем шло медленное ее сокращение, в 2010 г. смертность населения остановилась на уровне 13,3 ‰. Смертность населения в регионе по основным причинам смерти в трудоспособном возрасте только за 1990-е гг. выросла на 30%. Причем смертность среди мужчин в этом возрасте оказалась в 4 раза выше, чем у женщин. На первое место причин смерти среди мужчин вышли случаи смерти от неестественных причин: несчастных случаев, отравлений, травм, убийств, самоубийств (они составляли 41% от всех смертей в трудоспособном возрасте). Высокой оставалась младенческая смертность (18–23 ‰)¹⁰.

Рост смертности в трудоспособных возрастах и повышенная смертность мужчин вели к увеличению в населении количества вдов и несовершеннолетних сирот, преобладанию в старших возрастных группах населения одиноких женщин.

Особенностью самой длительной демографической катастрофы 1992–2012 гг. в регионе стали более ранний, по сравнению с российским, переход к депопуляции, слабый демографический потенциал и еще более слабая мотивация к повышению рождаемости при высоком уровне смертности, свойственной для старопромышленных областей Урала.

Исследование новой демографической катастрофы только начато [3; 13], однако можно утверждать, что она не имеет аналогов в российской истории по своей длительности и масштабам. Исторический опыт показывает,

---

¹⁰ Свердловская область в 2006–2010 гг.; Свердловская область в 2010–2014 гг. // [электронный ресурс]. – URL: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/publications/official_publications/electronic_versions/archive/ (дата обращения 10.10.2016)

что выход из демографической катастрофы может состояться только при изменении социально-экономической обстановки и ликвидации вызвавших ее факторов.

Литература

1. Баранов Е.Ю., Корнилов Г.Е., Лабузов В.А. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг. М., 2009.
2. Голод в СССР. 1929–1934: В 3 т. Т. 1. 1929 – июль 1932. В 2 кн. Кн. 1 М., 2011; Т. 3. Лето 1933 – 1934. М., 2013.
3. Демографическая модернизация России, 1900 – 2000. М., 2006.
4. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.
5. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.
6. Кондрашин В.В. Голод 1932 – 1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008.
7. Корнилов Г.Е. Население Свердловской области в первые годы ее образования // Исторические аспекты воспроизводства населения Урала (XVIII – XX вв.): сб. науч. ст. Екатеринбург, 2011. С. 72–75.
8. Корнилов Г.Е. О численности населения СССР в годы Великой Отечественной войны // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. М., 1992. С. 40–43.
9. Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993.
10. Корнилов Г.Е., Павлова О.В. Миграционные связи Уральской области (по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 года) // Уральский исторический вестник. 2003. № 9. С. 210–217.
11. Кузьмин А.Е., Оруджиева А.Г., Корнилов Г.Е. Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург, 1996.
12. Людские потери СССР в период Второй мировой войны: Сб. статей. СПб., 1995.
13. Максудов С. Четвертая демографическая катастрофа // Свободная мысль. 2012. № 1–2. С. 24–39.
14. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. 1900 – 1939. М., 2000.
15. Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.): Сборник документов. Екатеринбург, 1994.
16. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001.
17. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 1. М., 1998.

18. *Соколов Б.В.* Потери Советского Союза и Германии во Второй мировой войне: методы подсчетов и наиболее вероятные результаты. М., 2011.
19. *Уиткрофт С.* О демографических свидетельствах трагедии советской деревни в 1931–1933 гг. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939. Т. 3. М., 2001. С. 866–887.

SUMMARY

Degtyarev A.Ya. Problems of rural resettlement and agrarian history at the works of academician M. K. Lubavsky (the historiography of topic)

The article discusses the fate of the creative heritage of academician M. K. Lubavsky, rector of Moscow University (1911-1917), his contribution to the study of the history of Russian settlement and agricultural development from the ancient times to the early twentieth century.

Keywords: M.K. Lubavsky, settlement, agrarian development, colonisation.

Gryaznov A.L. The Slobody of Belozersk in the XIVth and XVth centuries

The article examines the location and the time of emergence of slobody in Beloozero region.

Keywords: Landowning; agricultural development; colonization; Beloozero region.

Stepanova L.G. The quality of land as a factor of agricultural development (sixteenth to eighteenth centuries)

The article presents a comparative analysis of information on the quality of the land contained in the census cadastres of Derevskaya pyatina (part of Novgorod land) in the middle of the XVI century as well as in the Economic notes of General land Survey in the Valdai and Krestetsky districts of Novgorod province in the second half of the XVIII century.

Keywords: The quality of the land, agricultural development, soil fertility, cadastres, General land survey, cadastre, Novgorod.

Sokolova N.V. Church / monastery as a polymorphic marker of rural settlement (On materials of Nizhniy Novgorod region XVI – first quarter of the XVII century)

The article presents some results of a study of such rural settlement markers as “church” and “monastery”, the degree of their universality and reasons for their polymorphic character.

Keywords: rural settlement, church, monastery, village, churchyard, Nizhny Novgorod region.

Dmitrieva Z.V. State and estate policy in agricultural and demographical development of a large monastery estate (16– 17th cc.)

The article is devoted to the most significant issues of agricultural and demographical development of Russian regions in 16– 17th cc.: the influence of economical policy of monasteries on the rate of exploration land in Russian North and Beloozero region in 1540–1550s and then secondary re-exploration after the devastation during the Time of Troubles; the state support of demographical and economical sustainability in monastery estates in 16–17th cc.; evolution of countryside population structure after the Time of Troubles; the influence of climatic factor on the countryside settling and land usage. The study is based on the economical data from one of the biggest landowner of Russia — Kirrillo-Belozersky monastery in comparison with data from other monasteries and also from Novgorod region.

Keywords: monastery estate, Beloozero region, Kirrillo-Belozersky monastery, interior colonization, countryside population, migration, productivity.

***Chechenkov P.V.* Between the war and the crisis: trends of agricultural development of the Nizhny Novgorod region in the 1560s-1570s**

The article, based on analysis of piszovye knigi and acts, discusses the economic state the Nizhny Novgorod region during the initial stage of the economic crisis of the late XVI century.

Keywords: agriculture, land tenure, Nizhny Novgorod, piszovye knigi.

***Belyakov A.V.* East Meshchera at the turn of the XVII century: specifics of settlement system and economic activities of Tatars and Mordovians**

Following the analysis of cadastres of the early XVII century as well as other sources, the given article presents the characteristic aspects of migration and economic activities of Tatars and Mordva in Temnikov and Kadom uездs at the turn of XVI – XVII centuries.

Keywords: East Meshchera; service class Tatars; Mordovians.

***Gnevashev D.E.* Large grantings of estates in the Vologda district in the early years of the reign of Mikhail Romanov**

This article considers the theme of mass grantings of estates in the Vologda district to the hundreds of new landowners in the early years of the reign of Mikhail Romanov, as well as the migratory processes of the Vologda peasantry caused by this distribution.

Keywords: Time of Troubles; The Vologda district (Vologodsky uезд); feudal land tenure; estate system; colonization and migration processes.

***Kamarauli E.V.* The agricultural development of the Central Chernozem region in the 1620s**

On the basis of the piszovye knigi of Voronezh uезд (1627–1629), the article discusses the initial stage of colonization of Central Chernozem region. The area of the uезд, the settlement structure of the Voronezh district, the extent of tilled land are considered. The various factors influencing the level and dynamics of agricultural development of the southern Russian region are discussed.

Keywords: Southern Russia; manorial landowning, agricultural development, cadastres, service class.

***Timoshenkova Z.A.* Karelians in the patrimony of Iver Monastery: social status and dynamics of resettlement**

On the basis of the censuses of the middle and second half of the XVII century, patrimonial descriptions and acts, the dynamics of the recovery of the population of the patrimony of Iver monastery, its ethnic composition, the specifics of the settlement system, the role of the state regulations, legal status of the patrimony and manorial administration are discussed.

Keywords: XVII century, karelian immigrants, novovyhodtsy, sovereign's salary, settlement dynamics, internal migration, the reserved goods.

***Cherkasova M.S.* Demography and settlement in northern Russia in the light of the newsources of the XVIIth century**

On the basis of the unpublished books of records of payments of the elected 'elder priests' and other sources of the 17th c., the parishes and the zakazy of Vologda and Ustyug uездs are

considered as the structures of rural settlement. The specific of recording the fertility, nuptiality and mortality in those sources is discussed. The unique information on population, missing in the land and census books, is revealed. It is shown that on this type of books can be considered a predecessor of metric books of the 18th c.

Keywords: diocese, order, parish, owner's structure and agricultural settlement, nuptiality, fertility, mortality.

Mizis Yu.A. Socio-psychological processes on the territory of the South-Russian frontier during its settlement in the XVII century

In the article dwells upon the attempt to apply the frontier theory to the Russian history. There investigated the main stages of the southern border area formation of the Russian state, as well as the formation of a special psychology of the immigrants.

Keywords: frontier, the southern boundary, civilization, colonization, voivodes, service class.

Dubman E.L. The transfer of service people to Azov and other cities of the European Southeast at the end of the XVII century. The changes in the structure of landholding and the social composition of the population of the border uyezds of the Middle Volga Region

The article describes the changes in the structure of landholding and the composition of the population of Southern part of Middle Volga region at the end of the XVII century. The features of the resettlement and land submitting of Cossacks and other groups of serving people on the eve of their transfer to Azov and other cities were revealed. The distribution of newly free lands between the secular and ecclesiastical feudal lords was shown.

Keywords: Middle Volga region; Cossack settlements; allotments; transfer to Azov; privileged landowners; settlement of peasants.

Akmanov A.I., Zaytunov R.B. The history of the Bashkir land tenure in the second half of XVI - early XX centuries - unique experience of interaction between the Russian state and the Bashkir society

The study designates the main aspects of the development of the Bashkir land tenure in the second half of the XVI - early XX centuries. The specifics of this tenure was to provide regulatory powers for the entire Bashkir population. This principle was tested during the incorporation of the region to the Mongol Empire. Then when Bashkiria's voluntary entry into the Russian state government of Tsar Ivan IV granted patrimonial right to their lands. In turn, the Bashkirs pledged to the payment of land tax and the implementation of military service. Land ownership privilege of the Bashkir population maintained with some adjustments until the October Revolution of 1917.

Keywords: King; Bashkirs; patrimonial estates; community; agricultural development; decrees; General Land Survey.

Akmanov I.G., Fatkullin I., Dusmuhametov F.A. The development of the Bashkir economy in the second half of XVI - first half of XVIII century

This article discusses the key aspects of economic activity of the Bashkirs in the second half of the XVIth - first half of the XVIIIth century. The basis of economic development was a

semi-nomadic pastoralism, which was complemented by fishing and hunting, apiculture. Also, the steady expansion of agricultural activities of the Bashkirs and migrants is discussed.

Keywords: King, Bashkirs, agriculture, animal husbandry, beekeeping, agriculture, mayor, governor, resettlement.

Komissarenko A.I. Migrations in the Vyatka region in the first half of the XVIIIth century

The article, based on the materials of population censuses of the period, discusses the peasant migrations in Vyatka in 1700s-1760s.

Keywords: migrations, chernososhnye peasants, household descriptions, revizia.

Artamonova L.M. Peasant orders in the Catherine the Great's Commission as sources for researching the settlement and agricultural development of Transvolga and Cisural area in the XVIII century

The article shows a value of orders given by state peasants to the deputies of the Legislative Commission in 1767-1768 as sources for the history of the colonization of the Transvolga lands.

Keywords: Russia in the 18th century; social history; colonization; agrarian relations.

Smirnov Yu.N. Religious and foreign factors of the peasant colonization of the South-East of European Russia: villages and "palestines" on Irgiz river in the XVIII century

Religious and foreign policy issues influenced the settlement and the development of the Volga region. This was especially true for lands on Irgiz river. However, the main factors of colonization were social and economic causes that pushed peasants to flight on suburbs of the country.

Keywords: Russia in 18th century; history of Volga region; colonization; religious policy; reemigration.

Kozlova N.V. The retired military men and the government program of the economic development of the South-East of European Russia and Siberia in the XVIII century

Since the 1730s, the settling of the poor retired military men and their families at vacant lands of the Southern Russia, Volga region, Orenburg territory and Siberia becomes a form of the social care in Russia. The growth of number of the settled retired military men after the secularization of the lands owned by church and cloisters was practiced in the course of the government program of widening the economically developed lands.

Keywords: retired military men; settling; economical land developing; government program; self-livelihood.

Chernikov S.V. Property of noble families in 1700-1762: renewal of composition of the Russian ruling elite and the changes in the real estate structure

The author comes to conclusion about the stability of land property belonged to 40% of noble families in 1700-1762 (first of all, the «old elite»). Estate grants and confiscations made

little impact on the land-ownership structure. The decisive factor in the estate mobilization were private-law transactions (buying and selling, mortgage of estates).

Keywords: nobility; ruling elite; property; patrimonial estates.

Akhyulov A.S. Demographic development of the Orenburg province in the first half of the XIX century and its impact on the condition of agriculture in the region

The article discusses the state of the population and economy of the Orenburg province in the first half of the XIX century. Observations of the author are mostly based on the reports of the Orenburg governors, and also the published sources and literature.

Keywords: demography; population; agriculture; Orenburg province; governors; peasants; Bashkirs.

Mudarisov R.Z. Bashkir landowning and early gold production in the Southern Urals (mid-XIXth century)

The article considers the impact of the legal status of the Bashkir lands on the development of gold mining in the mid-XIXth century.

Keywords: Bashkirs; gold mining; land ownership.

Kanischev V.V. Demographic transition in the Russian agrarian society in second half XIX – first third XX century. Modern research methods

The article demonstrates the possibility of using quantitative methods and information technologies in the study of demographic processes in the Russian late agrarian society. The article presents some results of application of the theory of self-organized criticality, fractal analysis, given the standard deviations in the variation series, cluster analysis to study demographic transition in the European Russia.

Keywords: historical demography; information technology; European Russia.

Aleksandrov N.M. Demographic factors of the socio-economic development of the rural areas after the abolition of serfdom (based on the materials of Upper Volga region)

Migration processes that took place in Russia in the second half of the XIX – early XXth century are discussed. On the materials of the provinces of the Upper Volga region the influence of labor migrations (in the form of seasonal works) on the labor resources of the village, landowner and peasant economy is investigated.

Keywords: seasonal works; peasant economy; landowners; the Upper Volga region.

Belova I.B, Bukalova S.W. Demographic processes during the First World War: the city and the village. (on materials of the Kaluga and Oryol provinces)

The article considers the impact of the First World War on the demographic processes in the city and the village on the basis of materials the Russian State History Archive which are introduced in the scientific use for the first time.

Keywords: natality; population; fertility; marriages; mortality; the First World War.

Budkina Yu.B. Resettlement Movement of Ryazan Province Peasants (based on V.N. Grigoryev's studies)

The author of the paper analyses the main results of the research performed by the Russian demographer and economist V.N. Grigoryev, who studied the resettlement movement of the peasants from the Southern districts of Ryazan province in 1859-1882.

Keywords: V.N. Grigoryev, resettlement movement, peasantry, Ryazan province.

Bezgin N.V., Tokarev N.V. Reverse migration of the Tambov peasants in the period of Stolypin's reforms

The article discusses the causes and extent of reverse migration of Tambov peasants in the Stolypin era and to clarify the economic situation of reverse migrants at home.

Keywords: peasantry; resettlement; remigrant; Siberia; Tambov province.

Semerikova O.M. Specifics of migration processes in the Urals village (Vyatka and Perm provinces) in the second half of the XIXth century

The article considers the main causes and the direction of migration of the Urals peasants. The main characteristics of migration was continuity, pattern type, variability (internal and external), migration without permission. The geographical (proximity of Siberia) and economic (a significant proportion of the former state peasants) factors are considered the catalysts for the external migration was.

Keywords: migration of Russian peasants, Vyatka province, Perm Province.

Sidorenko T.N. The impact of migration processes on the development of agrarian sector and agricultural cooperation in Kuban during the post-reform period

The article examines the influence of migration processes of the second half of the XIXth century on the economic development of Kuban region. It is shown that the mass colonization led to intensive development of small-scale production and sharp raise of agrarian sector of economy of the region. Special attention is paid to the analysis of development of credit agricultural cooperation.

Keywords: Kuban region, migration processes, agrarian production, agricultural credit cooperation.

Smurova O.V. Seasonal work of peasants in Peterburg (mid-19th – early 20th century). Demographic aspects

The article is devoted to the demographic aspects of seasonal work occupations of Kostroma peasants in the Russian capital city. The author analyses the social status of those peasants who worked and lived in Petersburg. The social consequences of peasants' labor activities had been taken under special consideration.

Keywords: demography, peasants' seasonal work, Petersburg, Kostroma guberniya (province).

Karpachev M.D. The Russian peasant commune and the state: the social roots of conflict at the beginning of the XXth century

The article analyses the attitudes of the official administration to the peasant commune in Russia under the conditions of cultural and economic changes after the liberal reforms of the

1860s. The influence of the demographic factor on the crisis of the communal principals in the Russian village is taken under special consideration. The author shows the reasons of the official refusal to protect the traditional foundations of the Russian rural life.

Keywords: the Russian peasantry, the commune, the agrarian overpopulation, reforms, the crisis of the traditional principals.

Kabytov P.S. The realization of the Stolypin agrarian reform in the South-East regions of European Russia

The article analyses the specific features of realization of Stolypin agrarian reforms in the South-Eastern regions of European Russia. The author characterized the places of noble and bourgeois domination in agrarian evolutions. The material shows that the reforms were successful in steppe parts of Samara and Saratov gubernias.

Keywords: South-East part of European Russia, Samara region, agrarian reforms, peasant commune, farmers, definite households.

Kovalyov D.V. Peasants' Communal Land of Moscow Region Under the Conditions of Modernization of the Post-Reform Period (late XIXth – early XXth centuries)

The article discusses the problem of the changes in the land use of peasant communities on the materials of Moscow region. They highlight the interrelation of land distribution functions of the peasant community with industry specialization of agricultural production, specifics and dynamics of working migration of the rural population.

Keywords: Moscow region, peasantry; commune; land use, landowning.

Nikulin V.N. Land tenure in Pskov Province in the second half of the XIX century

This paper explores the role of the land tenure system in Pskov Province in the post-reform period. It also examines the particular aspects of the land tenure for peasant households and landlord properties.

Keywords: Pskov Province, land tenure, peasant economy, landed estate, rent service.

Rynkov V.M. Limiting factors of grain production in Siberia in the first quarter of the XXth century

Weak infrastructure became the main limiting factor of grain production in Siberia in the 1910s-1920s. The lack of storage place and primary grain handling in Siberia made it impossible to make considerable procurements without loss of quality. This problem became evident during the World War I, but there were no sufficient measures were taken to solve it in the following decade.

Keywords: grain problem, Siberia, procurements, storage, transportation.

Sablin V.A. The resettlement of peasants of the northern provinces of Russia to the Don in 1919 as an element of «Decossackization» policy

The problems associated with large-scale Decossackization during the Civil War in Russia are discussed, as well as the issues of agrarian overpopulation of the northern provinces in the context of migration policy of the Soviet power.

Keywords: peasantry; Cossacks; resettlement; agrarian overpopulation; Civil War; European North of Russia.

Kabytova N.N. Peasant family in the everyday life of the Soviet period

The article considers the practice of survival of a peasant family in the crisis conditions of the era of wars and revolutions, radical changes in the social and economic relations and moral ideologems of the first half of the XXth century.

Keywords: revolutions, collectivization, famine, memoirs of veterans, practics of survival, peasant family.

Babashkin V.V., Goncharova I.V. Evolution of the interaction of peasant households and collective farms in the 1920s and early 1930s.

Various country collectives and associations started emerging in the village in the 20-es with mere pragmatcal purposes of getting some benefits from the state powers. The party leaders were inclined to consider this as a kind of trend, and that turned out one of the factors of taking up the policy of collectivization.

Keywords: peasantry; collectivization; kolkhoz; "false cooperatives"; adaptation.

Berlov A.V. Demographic processes in rural Russia in 1917-1940 in the estimates of scientists of the Russian emigration

The article discusses the results of the investigations of the size, dynamics and structure of the rural population of Soviet Russia, held by Russian economists in exile.

Keywords: demographic processes; rural population; collectivization; industrialization; emigrant scientists.

Ilyina O.V., Konyshev D.N. The impact of migration on the labour resources of northern village in the 1940s (Vologda and Kirov regions)

The article discusses the peasant migration during the Great Patriotic War, the state labour resources of the agrarian sector and its influence on the level of agricultural production.

Keywords: agrarian policy; migration; peasantry; labour resources; population.

Polkh P.P. Population accounting in the Kaliningrad region in the post-war period: goals and organization

The article, based on the archival sources, discusses the different approaches of administrative institutions to the accounting of rural population in the post-war period.

Keywords: rural population, agriculture, collective farms, state farms, statistics, Kaliningrad region.

Almaev R.Z. Social Policy of the State and specifics social status and welfare of Rural Teachers in the South Urals in 1945 - 1970

The article studies social policy of the state during the post-war decades and discusses the effectiveness of the centralized administrative system in solving everyday problems of rural teachers.

Keywords: social policy, rural teacher, benefits, tselina areas, welfare, Southern Urals.

Shevelkov A.I. The agriculture of Non-Chernozem zone of Russia in the 1950s and 1960s

Based mainly on the new archival documents, the article analyses the process of the restoration and further development of agriculture in the Non-Chernozem zone during the two post-war decades.

Keywords: agriculture, agrarian policy; collective farms; state farms; Non-Chernozem zone, agricultural production.

Andreenkov S.N. Grain sovkhoses in the virgin and fallow lands East of the USSR in the mid-1950s

The article analyzes the features of grain sovkhoses created in the virgin and fallow lands of the Eastern regions of the USSR in the mid-1950s, and discusses the problems of suuporting them with personnel, equipment, capital construction of social and production purpose, and the results of their financial and economic activities.

Keywords: agricultural policy; agriculture; grain farming; development of virgin and fallow lands; sovkhoses; N.S. Khrushchev.

Tomilin V.N. The social consequences of agrarian reforms of N.S. Khrushchev

The article analyzes the budgets and structure of consumption of the main categories of urban and rural population of the USSR in beginning of the 1960s. It touches upon the dynamics of living standards in the final period of Khrushchev's reformism.

Keywords: agrarian policy of the Soviet State; the budgets of urban and rural families; living standards.

Galliamova A.G. The rural population of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in the areas of late urbanization. 1950 - 1980-s

The article examines the demographic processes in the oil-producing region of the South-eastern part of Tatarstan in the 1940s-1960s and Kama territorial-industrial complex in 1960-1970s. Additionally, the articles describes these processes in the Tatar republic in general over 1950s-1980s.

Keywords: Soviet agricultural policy, oil production region, Kama territorial-industrial complex, demographic processes, Tatar ASSR.

Orlov D.S. The development of agriculture of West Siberrie in 1965-1985: Trends and results

This article reconstructs the dynamics and tendencies in the development of agriculture in Western Siberia in the mid-1960s - early 1980s in the context of changes of the government policy.

Keywords: agriculture; agricultural policy; collective and state farms; West Siberia.

Serogodsky N.A. The main trends in the development of agriculture in the USSR in the 1980s

The article analyzes the main trends in the development of agriculture in the USSR in the 1980s. The authir shows that the administrative efforts to improve the efficiency of agricultural production did not make effect.

Keywords: agriculture; food program; logistical base; farms; agrofirm.

***Naukhatskiy V.V.* State agricultural policy, modernization of agriculture and the rural population of Russia in the second half of XX - beginning of XXI centuries**

The article considers the influence of the agrarian policy of the state and the modernization of agriculture on the dynamics of demographic processes in the country during the second half of the XXth - beginning of the XXIth centuries.

Keywords: agricultural policy, modernization of agriculture, the rural population, Russia.

***Rebrova T.P.* Demographic processes in the rural areas of present-day Mordovia**

The article analyzes the current demographic situation in the rural areas of Mordovia, as well as the efforts of administration in the field of long-term socio-economic and demographic policy of the state.

Keywords: demographic situation; settlement structure; social changes in the rural areas; regional government policy in the agricultural sector.

***Logunova I.V.* The changes of personnel structure of agricultural enterprises of the Central Chernozem region in the 1990s –mid-2000s**

The article, based on the materials of the Central Chernozem region, discusses the personnel structure of agricultural enterprises during the agrarian reform of the 1990s – mid- 2000s analyzing certain parameters: quantity, age structure, level of education, percentage of practitioners, turnover of labour.

Keywords: Agrarian reform, farm, personnel, social group, Central Chernozem region.

***Ilyin V.A.* Sectoral structure of agriculture in western Siberia in the XXth century**

Staged analysis of factors and dynamics of the development of sectoral structure of agriculture in Western Siberia in the XX century is carried out. Ratio of several crops planting in the total cultivated area has been chosen as a basic parameter for the reconstruction of the process.

Keywords: rural economy, agriculture, total cultivated area, grain production, agricultural policy; Siberia.

***Kornilov G.E.* The demographic catastrophes of the XXth century in the Urals region**

The article considers the fertility and mortality rates for the population of Urals for the century. It allowed to identify four demographic catastrophes (negative natural increase, depopulation). The main factors, the scope and chronology of the demographic catastrophes that the Urals population went through were revealed.

Keywords: population reproduction, fertility, mortality, natural growth, depopulation, demographic crisis, the demographic catastrophe.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
<i>А.Я. Дегтерёв</i> Проблемы сельского расселения и аграрной истории в трудах академика М.К. Любавского (к историографии вопроса).	7
<i>А.Л. Грязнов</i> Белозерские слободы XIV–XV вв.	10
<i>Л.Г. Степанова</i> Качество земли как фактор аграрного освоения территории в XVI и XVIII вв.	19
<i>Н.В. Соколова</i> Церковь/монастырь как полиморфный маркер сельского расселения (на материалах Нижегородского Поволжья XVI – первой четверти XVII в.)	30
<i>З.В. Дмитриева</i> Государственная и вотчинная политика в аграрном и демографическом развитии крупной монастырской вотчины (XVI–XVII вв.)	43
<i>П.В. Чеченков</i> Между войной и кризисом: тенденции аграрного развития Нижегородского края в 60–70-х годах XVI в.	57
<i>А.В. Беляков</i> Восточная Мещера рубежа XVI–XVII вв.: специфика расселения и хозяйственной деятельности татар и мордвы	65
<i>Д.Е. Гневашев</i> Массовые поместные раздачи в Вологодском уезде в первые годы правления Михаила Романова	73
<i>Е.В. Камараули</i> Итоги аграрного освоения Центрального Черноземья в первой трети XVII в.	80
<i>З.А. Тимошенкова</i> Карелы в вотчине Иверского монастыря: социальный статус, динамика расселения	90

<i>М.С. Черкасова</i> Вопросы демографии и расселения на севере России по источникам церковного учета XVII в.	98
<i>Ю.А. Мизис</i> Социально-психологические процессы на территории южно-русского фронта в период его заселения в XVII в.	106
<i>Э.Л. Дубман</i> Перевод служилых людей в Азов и другие города европейского Юго-Востока в конце XVII в. и изменения в структуре землевладения и социальном составе населения пограничных уездов Среднего Поволжья	114
<i>А.И. Акманов, Р.Б. Зайтунов</i> История развития башкирского землевладения во второй половине XVI – начале XX вв. – уникальный опыт взаимодействия Российского государства и башкирского общества	128
<i>И.Г. Акманов, Ф.А. Дусмухаметов, И.З. Фаткуллин</i> Развитие хозяйства башкир во второй половине XVI – первой половине XVIII в.	140
<i>А.И. Комиссаренко</i> Миграционные процессы на Вятке в первой половине XVIII в.	150
<i>Л.М. Артамонова</i> Крестьянские наказания в Уложенную комиссию Екатерины II как источник по заселению и аграрному освоению Заволжья и Приуралья в XVIII в.	157
<i>Ю.Н. Смирнов</i> Религиозные и внешнеполитические факторы крестьянской колонизации юго-востока Европейской России: селения и «палестины» Иргиза в XVIII в.	165
<i>Н.В. Козлова</i> Отставные воины и правительственная программа хозяйственного освоения земель юго-востока Европейской России и Сибири в XVIII в.	177
<i>С.В. Черников</i> Дворянская родовая собственность в 1700–1762 гг.: к вопросу о влиянии изменений в составе правящего слоя на структуру вотчинного фонда	186

<i>А.С. Акьюлов</i> Демографическое развитие Оренбургской губернии в I половине XIX в. и его влияние на состояние земледелия в крае	198
<i>Р.З. Мударисов</i> Башкирское землевладение и начальный этап развития золотодобывающей промышленности на Южном Урале (середина XIX в.)	204
<i>В.В. Канищев</i> Демографический переход в российском аграрном обществе второй половины XIX – первой трети XX в. Современные методы исследования	210
<i>Н.М. Александров</i> Демографические факторы социально-экономического развития пореформенной деревни (на материалах Верхнего Поволжья)	224
<i>И.Б. Белова, С.В. Букалова</i> Демографические процессы в годы Первой мировой войны: город и село (по материалам Калужской и Орловской губерний)	235
<i>Ю.Б. Будкина</i> Переселенческое движение крестьян Рязанской губернии (по материалам исследования В.Н. Григорьева)	243
<i>В.Б. Безгин, Н.В. Токарев</i> Обратное переселение тамбовских крестьян в период столыпинских преобразований	249
<i>О.М. Семерикова</i> Особенности миграционных процессов в деревне Вятской и Пермской губерний во второй половине XIX в.	262
<i>Т.Н. Сидоренко</i> Влияние миграционных процессов на развитие аграрного сектора и сельскохозяйственной кооперации Кубани в пореформенный период	268
<i>О.В. Смурова</i> Демографические аспекты отхода крестьян на заработки в Петербург (середина XIX – начало XX в.)	276
<i>М.Д. Карпачёв</i> Русская крестьянская община и государство: социальные истоки конфликта в начале XX в.	283

<i>П.С. Кабытов</i>	
Специфика реализации столыпинской аграрной реформы на юго-востоке Европейской России	298
<i>Д.В. Ковалёв</i>	
Общинное землепользование подмосковных крестьян в условиях модернизационных изменений пореформенной эпохи (конец XIX – начало XX в.)	306
<i>В.Н. Никулин</i>	
Аренда в землепользовании крестьянских и помещичьих хозяйств Псковской губернии во второй половине XIX в.	318
<i>В.М. Рынков</i>	
Факторы сдерживания зернового хозяйства Сибири в первой четверти XX в.	331
<i>В.А. Саблин</i>	
Переселение крестьян северных губерний России на Дон в 1919 г. как элемент «расказначивания»	338
<i>Н.Н. Кабытова</i>	
Крестьянская семья в интерьере советской эпохи	346
<i>В.В. Бабашкин, И.В. Гончарова</i>	
Эволюция взаимодействия крестьянского двора и коллективных хозяйств в 1920 – начале 1930-х гг.	357
<i>А.В. Берлов</i>	
Демографические процессы в сельской России в 1917–1940 гг. в оценках ученых русской эмиграции	365
<i>О.В. Ильина, Д.Н. Конышев</i>	
Влияние миграции на трудовые ресурсы северной деревни в 1940-е гг. (по материалам Вологодской и Кировской областей)	372
<i>П.П. Полх</i>	
Учет сельского населения Калининградской области в послевоенный период: цели и организация	378
<i>Р.З. Алмаев</i>	
Социальная политика государства и особенности материально-бытового положения сельских учителей Южного Урала во второй половине 1940-х – 1970-е гг.	386
<i>А.И. Шевельков</i>	
Сельское хозяйство Нечерноземной зоны РСФСР в 1950 – 1960-е гг.	393

<i>С.Н. Андреенков</i> Зерновые совхозы на целинных и залежных землях востока СССР в середине 1950-х гг.	404
<i>В.Н. Томилин</i> Социальные последствия аграрных реформ Н.С. Хрущева	412
<i>А.Г. Галлямова</i> Сельское население Татарской АССР в районах поздней урбанизации. 1950–1980-е гг.	424
<i>Д.С. Орлов</i> Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг.: тенденции и итоги развития . . .	435
<i>Н.А. Серогодский</i> Основные тенденции развития сельского хозяйства СССР в 1980-е гг.	441
<i>В.В. Наухацкий</i> Государственная аграрная политика, модернизация сельского хозяйства и сельское население России во второй половине XX – начале XXI в.	452
<i>Т.П. Реброва</i> Демографические процессы в сельской местности современной Мордовии	464
<i>И.В. Логунова</i> Изменения кадрового состава сельхозпредприятий Центрального Черноземья в 1990-х – середине 2000-х гг.	469
<i>В.А. Ильиных</i> Отраслевая структура земледелия в Западной Сибири в XX в.	477
<i>Г.Е. Корнилов</i> Демографические катастрофы в XX веке на Урале	490
SUMMARY	503

CONTENTS

Introduction	5
<i>A.Ya. Degtyarev</i> Problems of rural resettlement and agrarian history at the works of academician M.K. Lubavsky (the historiography of topic)	7
<i>Gryaznov A. L.</i> The Slobody of Belozersk in the XIVth and XVth centuries	10
<i>Stepanova L.G.</i> The quality of land as a factor of agricultural development (sixteenth to eighteenth centuries)	19
<i>Sokolova N.V.</i> Church / monastery as a polymorphic marker of rural settlement (On materials of Nizhniy Novgorod region XVI – first quarter of the XVII century.)	30
<i>Dmitrieva Z.V.</i> State and estate policy in agricultural and demographical development of a large monastery estate (16–17th cc.)	43
<i>Chechenkov P.V.</i> Between the war and the crisis: trends of agricultural development of the Nizhny Novgorod region in the 1560s–1570s	57
<i>Belyakov A.V.</i> East Meshchera at the turn of the XVII century: specifics of settlement system and economic activities of Tatars and Mordovians	65
<i>Gnevashev D. E.</i> Large grantings of estates in the Vologda district in the early years of the reign of Mikhail Romanov	73
<i>Kamarauli E.V.</i> The agricultural development of the Central Chernozem region in the 1620s	80
<i>Timoshenkova Z.A.</i> Karelians in the patrimony of Iver Monastery: social status and dynamics of resettlement	90
<i>Cherkasova M.S.</i> Demography and settlement in northern Russia in the light of the new sources of the XVIIth century	98

<i>Mizis Yu.A.</i> Socio-psychological processes on the territory of the South-Russian frontier during its settlement in the XVII century	106
<i>Dubman E.L.</i> The transfer of service people to Azov and other cities of the European Southeast at the end of the XVII century. The changes in the structure of landholding and the social composition of the population of the border uezds of the Middle Volga Region	114
<i>Akmanov A.I., Zaytunov R.B.</i> The history of the Bashkir land tenure in the second half of XVI – early XX centuries – unique experience of interaction between the Russian state and the Bashkir society	128
<i>Akmanov I.G., Fatkullin I., Dusmuhametov F.A.</i> The development of the Bashkir economy in the second half of XVI – first half of XVIII century	140
<i>Komissarenko A.I.</i> Migrations in the Vyatka region in the first half of the XVIIIth century	150
<i>Artamonova L.M.</i> Peasant orders in the Catherine the Great’s Commission as sources for researching the settlement and agricultural development of Transvolga and Cisural area in the XVIII century	157
<i>Smirnov Yu.N.</i> Religious and foreign factors of the peasant colonization of the South-East of European Russia: villages and «palestines» on Irgiz river in the XVIII century	165
<i>Kozlova N.V.</i> The retired military men and the government program of the economic development of the South-East of European Russia and Siberia in the XVIII century	177
<i>Chernikov S.V.</i> Property of noble families in 1700–1762: renewal of composition of the Russian ruling elite and the changes in the real estate structure	186
<i>Akhyulov A.S.</i> Demographic development of the Orenburg province in the first half of the XIX century and its impact on the condition of agriculture in the region	198

<i>Mudarisov R.Z.</i> Bashkir landowning and early gold production in the Southern Urals (mid-XIXth century)	204
<i>Kanischev V.V.</i> Demographic transition in the Russian agrarian society in second half XIX – first third XX century. Modern research methods . . .	210
<i>Aleksandrov N.M.</i> Demographic factors of the socio-economic development of the rural arealsafter the abolition of serfdom (based on the materials of Upper Volga region)	224
<i>Belova I.B, Bukalova S.W.</i> Demographic processes during the First World War: the city and the village (on materials of the Kaluga and Oryol provinces)	235
<i>Budkina Yu.B.</i> Resettlement Movement of Ryazan Province Peasants (based on V.N. Grigoryev’s studies)	243
<i>Bezgin N.V., Tokarev N.V.</i> Reverse migrationsof the Tambov peasants in the period of Stolypin’s reforms	249
<i>Semerikova O.M.</i> Specifics of migration processes in the Urals village (Vyatka and Perm provinces) in the second half of the XIXth century . . .	262
<i>Sidorenko T.N.</i> The impactof migration processes on the development of agrarian sector and agricultural cooperation in Kuban during the post-reform period . . .	268
<i>Smurova O.V.</i> Seasonal work of peasants in Peterburg (mid-19th – early 20th century). Demographic aspects	276
<i>Karpachev M.D.</i> The Russian peasant commune and the state: the social roots of conflict at the beginning of the XXth century	283
<i>Kabytov P.S.</i> The realization of the Stolypin agrarian reform in the South-East regions of European Russia	298

<i>Kovalyov D.V.</i> Peasants' Communal Land of Moscow Region Under the Conditions of Modernization of the Post-Reform Period (late XIXth – early XXth centuries)	306
<i>Nikulin V.N.</i> Land tenure in Pskov Province in the second half of the XIX century . . .	318
<i>Rynkov V.M.</i> Limiting factors of grain production in Siberia in the first quarter of the XXth century	331
<i>Sablin V.A.</i> The resettlement of peasants of the northern provinces of Russia to the Don in 1919 as an element of «Decossackization» policy	338
<i>Kabytova N. N.</i> Peasant family in the everyday life of the Soviet period	346
<i>Babashkin V.V., Goncharova I.V.</i> Evolution of the interaction of peasant households and collective farms in the 1920s and early 1930s.	357
<i>Berlov A.V.</i> Demographic processes in rural Russia in 1917–1940 in the estimates of scientists of the Russian emigration	365
<i>Ilyina O.V., Konyshev D.N.</i> The impact of migration on the labour resources of northern village in the 1940s (Vologda and Kirov regions)	372
<i>Polkh P.P.</i> Population accounting in the Kaliningrad region in the post-war period: goals and organization	378
<i>Almaev R.Z.</i> Social Policy of the State and specifics social status and welfare of Rural Teachers in the South Urals in 1945 – 1970	386
<i>Shevelkov A.I.</i> The agriculture of Non-Chernozem zone of Russia in the 1950s and 1960s.	393
<i>Andreenkov S.N.</i> Grain sovkhozes in the virgin and fallow lands East of the USSR in the mid-1950s	404

<i>Tomilin V.N.</i>	
The social consequences of agrarian reforms of N.S. Khrushchev	412
<i>Galliamova A.G.</i>	
The rural population of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in the areas of late urbanization. 1950 – 1980-s.	424
<i>Orlov D.S.</i>	
The development of agriculture of West Siberie in 1965–1985: Trends and results	435
<i>Serogodsky N.A.</i>	
The main trends in the development of agriculture in the USSR in the 1980s	441
<i>Naukhatskiy V.V.</i>	
State agricultural policy, modernization of agriculture and the rural population of Russia in the second half of XX – beginning of XXI centuries	452
<i>Rebrova T.P.</i>	
Demographic processes in the rural areas of present-day Mordovia	464
<i>Logunova I.V.</i>	
The changes of personnel structure of agricultural enterprises of the Central Chernozem region in the 1990s – mid-2000s.	469
<i>Il'inykh V.A.</i>	
Sectoral structure of agriculture in western Siberia in the XXth century	477
<i>Kornilov G. E.</i>	
The demographic catastrophes of the XXth century in the Urals region	490
SUMMARY	503

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Ежегодник
по аграрной истории
Восточной Европы
2016 год**

**АГРАРНОЕ ОСВОЕНИЕ
И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В РОССИИ X–XXI вв.**

Ответственный редактор
Елена Николаевна Швейковская

Ответственный за выпуск
Айтуган Ирекович Акманов

Компьютерная верстка А.Г. Лапука

Подписано в печать 21.12.2016. Формат 70х100 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 42,5. Тираж 300 экз. Заказ № 1961.
ООО НМЦ «Педкнига».
Тел. 8(347) 274-31-42.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала АО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс». 420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
